

Е. М. ЛИТВИНОВА

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ В КРЫМУ

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ В КРЫМУ

– уг-
гляд
или
лько
рошо
обой
осле
х го-
иль-
кам
ных
ости,

роль
ории
Кры-
или
блик
дой.
и без
ской
крыв
елей
оби-
зна-
адка

и так
нием
эван-
бла-
югих

г. Симферополь
2011

ББК 63.3-8

Ц 19

Ц 19 **Царская семья в Крыму.** – Симферополь: ООО «Рубин-Плюс», «Амазонка-Крым», 2011. – 480 с., илл.

В 1783 году Екатерина II подписала «Манифест о присоединении полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под державу Российскую». С тех пор государи династии Романовых неустанно заботились об экономическом развитии и благоустройстве «полуденного края». Под их началом строились города, прокладывались дороги, создавался Черноморский флот, развивалось виноделие. С приобретения Царской семьёй в 1861 году Ливадии Южный берег Крыма стал развиваться как первоклассный всероссийский курорт. Великолепные дворцы и особняки, возведённые для членов Императорской фамилии, окружённые роскошными садами, являются уникальными памятниками дворцово-парковой архитектуры. Императоры и Великие князья любили отдыхать в Крыму, в окружении чарующей природы от столичной суеты и государственных дел. Для многих Романовых Крым оказался берегом прощания с Родиной и остался в их памяти «ярко сияющим символом счастья».

О Царях и Великих князьях, оставивших неизгладимый след не только в истории России, но и в жизни Крыма, рассказывает эта книга.

ISBN 966-96744-6-8

ББК 63.3-8

У 1783 році Катерина II підписала «Маніфест про приєднання півострова Кримського, острова Тамані і всієї Кубанської сторони під державу Російську». З тих пір государи династії Романових невпинно піклувалися про економічний розвиток і благоустрій «полуденного краю». Під їх керівництвом будувалися міста, прокладалися дороги, створювався Чорноморський флот, розвивалося виноробство. З придбання Царською сім'єю в 1861 році Лівадії Південний берег Криму став розвиватися як першокласний всеросійський курорт. Прекрасні палаци і особняки, зведені для членів Імператорського прізвища, оточені розкішними садами, є унікальними пам'ятниками палацово-паркової архітектури. Імператори і Великі князі любили відпочивати в Криму, в оточенні чарівливої природи від столичної метушні і державних справ. Для багатьох Романових Крим виявився берегом прощання з Батьківщиною і залишився в їх пам'яті «яскраво сяючим символом щастя». Про Царів і Великих князів, що залишили незгладимий слід не лише в історії Росії, але і в житті Криму, розповідає ця книга.

ISBN 966-96744-6-8

© Е.М.Литвинова – составление, 2011

© В.В. Руденко – оформление, 2011

ЦАРИ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В КРЫМУ

Безостановочный бег времени, смена правителей и – вместе с этим – углов освещения одних и тех же событий прошлого приводят к мысли: взгляд на историю не может быть новым и устаревшим, а лишь – объективным или нет. Не будем разбираться, чем вызывается заангажированность не только исследовательских публикаций, но и целых учебников. Это и так хорошо известно. Да и книга, предлагаемая читателю, не ставит перед собой целью представить различные взгляды на всем знакомые факты. После революционных бурь и крайностей «переходного периода» девяностых годов многострадальные останки Династии, наконец, упокоились в семейной усыпальнице. Теперь пришла пора воздать должное военачальникам и законодателям, героям, основателям бесчисленных благотворительных обществ, которые в то время несли на себе тяжкое бремя ответственности, налагаемые принадлежностью к Царской семье.

На протяжении трёх веков Романовым принадлежала решающая роль в судьбе одной из величайших и могущественнейших империй в истории человечества. Но далеко не все заслуги правителей Династии перед Крымом, Тавридой известны так же хорошо, как возведение Петербурга или победоносная война на Балканском полуострове. А ведь нынешний облик благодатного края с его удивительной по красоте и разнообразию природой, знаменитыми дворцами и парковыми ансамблями не существовал бы без благословения и колоссального материального вклада со стороны Царской семьи. В эпоху правления Романовых захолустный край расцвёл, открыв все свои богатства для бесчисленных почитателей красоты, исследователей и тех, кому просто необходимо поправить здоровье. Никому, кроме их обитателей, не ведомые селения превратились в густонаселённые города и знаменитые курорты. Этому в значительной степени способствовала прокладка удобных дорог и железнодорожных путей.

Крым, который так любила Царская семья, с которым её связывали так много радостных и драматических событий, навсегда останется собранием рукотворных памятников её представителей. В этой книге заинтересованный читатель найдёт факты, позволяющие судить о роли Романовых в благоустройстве нашего прекрасного полуострова, а также рассказы о многих малоизвестных событиях из жизни Династии, связанных с Крымом.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В КРЫМ

В субботу 2 января 1787* года в придворной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, называемой в народе Казанским собором**, Екатерина Великая горячо молилась перед заветнейшей и любимейшей святыней Санкт-Петербурга – чудотворной иконой Казанской Божией Матери.

Императрица просила у Хранительницы и Заступницы благословения и помощи в предстоящем грандиозном предприятии: путешествии в Тавриду, в полуденный край, лишь недавно присоединённый к Российской империи. Светлый, кроткий лик Богородицы смотрел с любовью, словно обещающая помощь и поддержку. Торжественная служба, проникновенные слова молитвы, запах ладана и тёплый огонь свечей успокаивали, наполняя душу благодатью и уверенностью. После молебна Императрица в сопровождении свиты вышла из храма. На Невском проспекте и прилегающих к Казанскому собору улицах было необычайно оживлённо, народ приветствовал Царицу-Матушку. Екатерина, не медля, отправилась в Царское Село, где собирались все приглашённые в путешествие. А удостоившихся великой чести было немало: 32 высших сановника Российской империи и иностранные посланники – австрийский Кобенцель, французский Луи Филипп Сегюр, английский Фриц Герберт. А также многочисленные слуги: лакеи, кучера, фореиторы, повара, парикмахеры, камердинеры, музыканты, скороходы и даже два арапа. Всего набралось почти 3000 человек!

Мысль о путешествии на юг России возникла ещё в 1780 году, во время свидания Екатерины с австрийским императором Иосифом II. Планировали отправиться в Херсон весной 1784 года, однако решили отложить поездку на три года: присоединение Крыма к России изменило цели путешествия. Екатерина мечтала завершить дело, начатое Петром Великим, – расширить границы Российской империи путём приобретения новых земель на юге и укрепиться на берегах Чёрного моря. Более того, Императрица желала полностью сокрушить Османскую Порту, освободить от турецкого ига балканские народы и создать новую Греческую империю, главой которой должен был стать её внук Константин. Устремления Екатерины неожиданно одобрил и поддержал французский философ и писатель Вольтер. Узнав о том, что Турция объявила России войну, он писал Царице: «С одной стороны, Вы содействуете тому, что Польша станет терпимой и счастливой... с другой сто-

*Даты даны по старому стилю.

** Тот Казанский собор, которым мы любуемся сегодня, построен в 1801-1811 гг. на месте каменной придворной церкви Рождества Пресвятой Богородицы, возведённой в 1733 г. Но ещё во время правления Елизаветы Петровны храм официально стал называться Казанским собором.

роны, Вы займётесь мусульманами... Если они объявили Вам войну, то может случиться то, что в своё время предлагал Пётр Великий, а именно, сделать Константинополь столицей Русской империи». Русско-турецкая война 1768-1774 годов потребовала от государства Российского напряжения всех сил, но принесла свои плоды. Согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, Крымское ханство освободилось от турецкой вассальной зависимости, а Россия получила крепости Керчь, Еникале и Кинбурн, укрепив свои позиции в Северном Причерноморье. Выход в Чёрное море для русских торговых кораблей был открыт. Однако Турция сохранила мощную крепость Очаков и ждала своего часа, чтобы вернуть контроль над Чёрным морем и утраченный Крымский полуостров.

Путешествия Екатерина ждала с нетерпением, знала: князь Потёмкин талантлив и горазд на выдумку, а потому сумеет устроить настоящий праздник. И пора положить конец слухам недругов князя. Родовитое дворцовое окружение – Щербатов, Куракины, Голицыны, Дашковы, видевшие в Потёмкине выскочку, баловня судьбы, фаворита, нашёптывали Императрице: огромные суммы, отпускаемые из государственной казны на обустройство

Портрет Екатерины II. 1783 г.

и заселение новых южных земель, князь транжирит, живёт, утопая в роскоши. Как бы им хотелось увидеть опалу этого «Полифема», злого гения, оказывающего столь сильное влияние на Императрицу. Но такой радости Екатерина им не доставит, для неё Потёмкин – талантливый организатор, деятельный и энергичный, выдающийся государственный ум, её соправитель и тайный супруг. А главное, надёжный друг, которому она полностью доверяла.

1773 год выдался нелёгким для Екатерины, слишком уж шатким было её положение на троне. С одной стороны, она стремилась освободиться от влияния своего фаворита Григория Орлова, которому была обязана короной.

Много лет братья Орловы являлись опорой Императрицы, но в последнее время Григорий всё больше требовал новых прав и отличий, постоянно стараясь усилить своё влияние при дворе, что раздражало Екатерину и поселяло страх в её душе. Да и постоянные измены убивали в Екатерине сильное прежде чувство любви. Однако она хорошо знала непредсказуемый нрав Григория и понимала, что играет с огнём. К тому же усилились позиции партии наследника. Для многих подданных Екатерина оставалась узурпаторшей, не желавшей передать корону и скипетр законному наследнику Павлу Петровичу. Наставник Цесаревича Никита Иванович Панин спит и видит, как бы свергнуть Императрицу. Да и государственные дела были нехороши: никак не удавалось замирииться с Турцией, а на Дону вспыхнула страшная для Царицы мужицкая война, во главе войска встал беглый казак Емельян Пугачёв, объявивший себя бывшим государем Петром Третьим. В столь трудное время Екатерина нуждалась в опоре, чтобы удержать власть. Молодой генерал Потёмкин вызвал в её сердце симпатию тем, что, находясь в армии, не примыкал ни к одной из враждующих придворных группировок, к тому же он был умён, наделён недюжинными талантами. А главное, наперсница императрицы графиня Прасковья Брюс уже не раз намекала: Потёмкин давно и страстно влюблён в свою Государыню Екатерину.

По зову Императрицы Потёмкин в феврале 1774 года приехал в Петербург. Его чувство к Екатерине было искренним и давним. В 1757 году он, студент Московского университета, был представлен Императрице Елизавете, тогда же увидел молодую Великую княгиню Екатерину Алексеевну, обаятельную, грациозную, остроумную. В 1762 году Потёмкин в числе гвардейцев участвовал в перевороте, который вознёс на трон Императрицу Екатерину II. Несомненно, он помнил её в ту пору, потрясающе отважную женщину на белом коне, смело скачущую навстречу своей судьбе. Он любил её дерзость, которая была сродни его собственной, её прямоту, широкий ум, мечты об улучшении и переменах. Однако Потёмкин не хотел довольствоваться лишь ролью любовника: он честолюбив, горд и знает, что в нём заложены огромные силы, которые он желал бы употребить на благо Отчизны и Императрицы. Между ним и Екатериной последовало не одно серьёзное объяснение, прежде чем Потёмкин воцарился в сердце Государыни и в её дворце. Екатерина нашла в Григории Александровиче родственную душу, которую искала всю свою жизнь. В возрасте сорока пяти лет она чувствовала себя так, словно влюбилась впервые в жизни и страстно признавалась в своем чувстве: «Миленький, какие счастливые часы я с тобою провожу... я отроду так счастлива не была, как с тобою». Влюблённая Екатерина каждый день посылала записочки Потёмкину: «Гришенька не милой, потому что милой. ... Не всякий вить над собой столько власти имеет, как Вы, да и не всякий так умён, так хорош, так приятен... Мне кажется, во всём ты не рядовой, но весьма отличаешься от прочих». И он, действительно, отличался. Он знал, как тронуть сердце Екатерины, как дать ей почувствовать, что она любима, восхищался в ней следами былой красоты, мимолетными искорками юного

задора, мелькавшими в её светящихся глазах, цветом её нарумяненного лица. Он пробудил в ней страсть, называл «огненной женщиной», заставил поверить, что для него она – единственная в мире. Потёмкин быстро вник в государственные дела, стал незаменимым советчиком в политических вопросах. В мае 1774 года Императрица ввела его в Совет при Высочайшем дворе, немного позже назначила вице-президентом Военной академии, произвела в генерал-аншефы. А подписание Кючук-Кайнарджийского мирного договора принесло Потёмкину титул графа.

Особое чувство, связавшее Екатерину и Григория Александровича, замечали современники: «Она просто без ума от него, – писал сенатор Елагин. – Они, должно быть, по-настоящему любят друг друга, потому что очень похожи». Казалось, счастье будет бесконечно долгим. Есть предположение, что 8 июня 1774 года в большой православный праздник Троицу, в храме Святого Сампсония Странноприимца, основанном Петром I в честь Полтавской битвы, состоялось тайное венчание Екатерины и Потёмкина. А летом следующего года родилась их дочь – Елизавета Григорьевна Тёмкина, отданная на воспитание в семью Самойлова, племянника Потёмкина.

В руках Потёмкина постепенно сосредотачивается всё больше власти. 31 мая 1774 года он получает в управление Новороссийскую губернию, в конце июля возглавляет лёгкую конницу и иррегулярные войска (казаков), после отставки графа Чернышёва назначается главою военного ведомства. Круг его обязанностей очень широк, но неуёмная энергия помогает справляться со всеми делами. Екатерина довольна успехами Григория Александровича, в письмах называет его «милой юлой» и полушутя-полусерьёзно жалуется, что он позабыл её и не уделяет уж столько внимания, как прежде. Однако всё чаще их отношения омрачены ссорами, взаимными упрёками. Екатерина была настоящей правительницей, хорошо понимала, что власть даёт огромные возможности, но и накладывает огромные обязательства. Вся её жизнь была наполнена трудной работой. Императрица убеждена, что управлять такой необъятной страной, как Россия, не работая, живя в праздности, невозможно. Она сама привлекла Потёмкина к управлению государством, понимая, что его ум, энергия и талант принесут много пользы Отечеству, и этим потеряла любимого для себя. Пытаясь разобраться в причинах их размолвок, Екатерина, наконец, поняла: «Мы ссоримся о власти, а не о любви». В начале 1776 года у неё появляется новый фаворит – её секретарь Петр Васильевич Завадовский. Недруги Потёмкина возликовали, предвидя его скорое падение. Но ошиблись! Их отношения не прервались, а перешли в иное качество. Перестав быть любовником Екатерины, Потёмкин остался

Великая княгиня
Екатерина Алексеевна.
Художница Л. Ревон,
1750-е гг.

верным другом и соправителем. Сосредоточив в руках огромную власть, он трудился во славу своей Императрицы и России. А Екатерина, несмотря на то, что рядом с ней постоянно появлялись новые фавориты, продолжала любить своего Гришеньку, скучала, если разлучались надолго.

На посту губернатора Новороссии Потёмкин неустанно заботился о развитии края, заложил новые города – Екатеринослав (ныне Днепропетровск), Николаев, Херсон, где на корабельной верфи был спущен первый корабль Черноморского флота. Он первым понял значение присоединения Крыма к России и высказал свои мысли Екатерине: «Крым положением своим разрывает наши границы... Положите же теперь, что Крым Ваш и что нет уже сей бородавки на носу – вот вдруг положение границ прекрасное... Нет держав в Европе, чтобы не поделили между собой Азии, Африки, Америки. Приобретение Крыма ни усилить, ни обогатить Вас не может, а только покой доставит... С Крымом достанете и господство в Чёрном море. От Вас зависеть будет запираť ход туркам и кормить их или морить с голоду... Сколько славно приобретение, столько Вам будет стыда и укоризны от потомства, которое при каждых хлопотах так скажет: вот она могла, да не хотела или упустила». И Императрица согласилась с его мнением, ибо знала: Потёмкин имеет важную способность – видеть дальше других. В секретном рескрипте в декабре 1782 года она предписывает принять все меры для окончательного покорения Крыма. Весной 1783 года Потёмкин едет на юг, чтобы лично следить за сложной политической обстановкой, сложившейся на полуострове, а 8 апреля Императрица подписала Манифест о присоединении Крыма к России.

Князь Г. А. Потёмкин. Гравюра
А. Сассо по рис.г. Бозио. 1784 г.

С присущей ему кипучей энергией князь взялся за освоение Крыма и создание Черноморского флота. По его указу на полуострове строились новые города Симферополь и Севастополь. Потёмкин трудился – враги его злобно клеветали. Но вот пришло время посрамить недругов: Екатерина и приглашённые в путешествие царедворцы и иностранные дипломаты увидят своими глазами плоды трудов великолепного князя Потёмкина!

Приготовления к путешествию начались в октябре 1784 года. Потёмкин вместе с гофмейстером А.А. Безбородко разработали подробный маршрут, вплоть до дней и часов в местах остановок, а также церемониала встреч. Составили и утвердили указы Императрицы, которые князь разослал на места в виде ордеров с расписанием пути, мест остановок для

обедов и ночлега, заготовке съестных припасов и необходимого количества лошадей на станциях, строительстве путевых дворцов. Продумано было всё до мелочей. Так, при въезде в Тулу Императрицу должны были встретить, кроме наместника и губернатора «с хорошо прибранными конскими уборами», ещё двенадцать «наряженных почётных молодых дворян, имеющих на кафтанах эксельбанты и одинаковые конские уборы». Поскольку проезд может случиться вечером или ночью, повелевалось «приготовить для освещения плошки, а по числу людей конного конвоя иметь факелы, а на берегу Оки приготовить довольно число лодок, дабы, во время шествия через мост могли они оное по сторонам освещать».

Главной бедой в России всегда оставались дороги. Потёмкин поручил строительство дороги в Крым через Кизикерман* и Перекоп инженеру-полковнику Н.И. Корсакову, потребовав «сделать богатой рукой, чтобы не уступала римским. Я назову её Екатерининский путь». Правитель Таврической области Василий Васильевич Каховский придумал устроить оригинальные дорожные знаки, поделившись своей идеей с В.С. Поповым, правителем канцелярии Г.А. Потёмкина: «Не угодно ли будет по дороге, где шествие, поставить по два или по три каменных столба пяти или десяти верстовых. Буде на оное последует повеление, прикажите оным сделать план и мне доставьте». Предложение было принято с одобрением, 8 сентября 1784 года последовало распоряжение Потёмкина: «Расстояние пути означить милями и вёрстами... каменными, ставя первые по десятки (через каждые десять вёрст), другие же на каждой версте. Я пришлю тех и других рисунок». Мили и вёрсты были окончены в 1786 году. Их изготовили из хорошо обработанного известняка. Каждую версту обозначили треугольным обелиском, а через каждые десять вёрст устанавливали каменную «милю» — «круглую пропорционально вытесанную колонну с украшением вроде осьмиугольной капители и с тупым верхом». Потёмкин назвал мили «Екатерининскими», простой народ — «Катькиными камнями» или «столбами»**.

Екатерининская верста.
С гравюры XVIII в.

* Кизикерман (Кизикермен) — название города Берислава до 1784 года

**В советское время большая часть Екатерининских миль, как «символов царизма», была уничтожена. До настоящего времени в Крыму полностью или частично сохранилось пять Екатерининских миль: одна из них стоит в Севастополе на Северной стороне, на улице Челюскинцев, в парке Учкучевка, другая — в Бахчисарае рядом с Ханским дворцом, третья — на трассе Симферополь-Севастополь, на повороте, не доезжая 1 км до села Севастьяновка, четвёртая миля, располагавшаяся между сёлами Насыпное и Первомайское, при повороте на село Отважное, была разрушена в 1998 году. Осенью 2002 года куски мили перевезли во двор краеведческого музея в Старом Крыму. Сотрудники музея заново «собрали» милю, и теперь она украшает музейный двор. Пятая — на 29 км. шоссе Симферополь-Феодосия (около села Цветочное). На территории Днепропетровской области сохранились лишь «мили» в Днепропетровске и в селе Волосское (частично разрушена).

Для путешествия лучшие мастера каретного дела из Риги, Москвы и Петербурга изготовили более 200 удобных экипажей, некоторые из них имели съёмный верх и могли использоваться и как летние кареты, и как сани. На Днепре строилась целая флотилия из 80 судов, на которой Екатерина и её спутники должны были спуститься из Киева до Херсона. Самая большая и роскошная галера «Днепр» предназначалась для Государыни, другая – «Буг» – для Потёмкина.

Выдающемуся учёному Карлу Ивановичу Габлицу поручили составить путеводитель «Путешествие Её Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году». В предисловии автор указал цель книги: «Всех городов, знаменитых рек, местечек, и достойных замечания урочищ, через путешествие сие последовать имеет, предполагается здесь географическое и историческое краткое описание». Оригинальный путевой дневник в 149 страниц вручили всем участникам путешествия, чтобы, проезжая то или иное место, они могли почерпнуть нужную информацию. На каждом развороте имелась специальная чистая страница, где путешественник мог записать свои наблюдения, впечатления, замечания и дополнения.

По всему пути сооружались дворцы для отдыха или ночлега. Уже в 1784 году Потёмкин направил ордера бригадирю И.И. Синельникову, строившему Екатеринослав, и В.В. Каховскому, в которых содержались «подробные планы путешествия и о приготовлении на различных станциях известного числа лошадей, о местах, где во время путешествия будут обеденные столы, о дворцах, которые должны строиться по присланному рисунку, о квартирах в городах для свиты». На строительство путевых дворцов было

Путешествие Екатерины II в Крым в 1787 г. Дорожный возок.
С гравюры Гоппе, XVIII в.

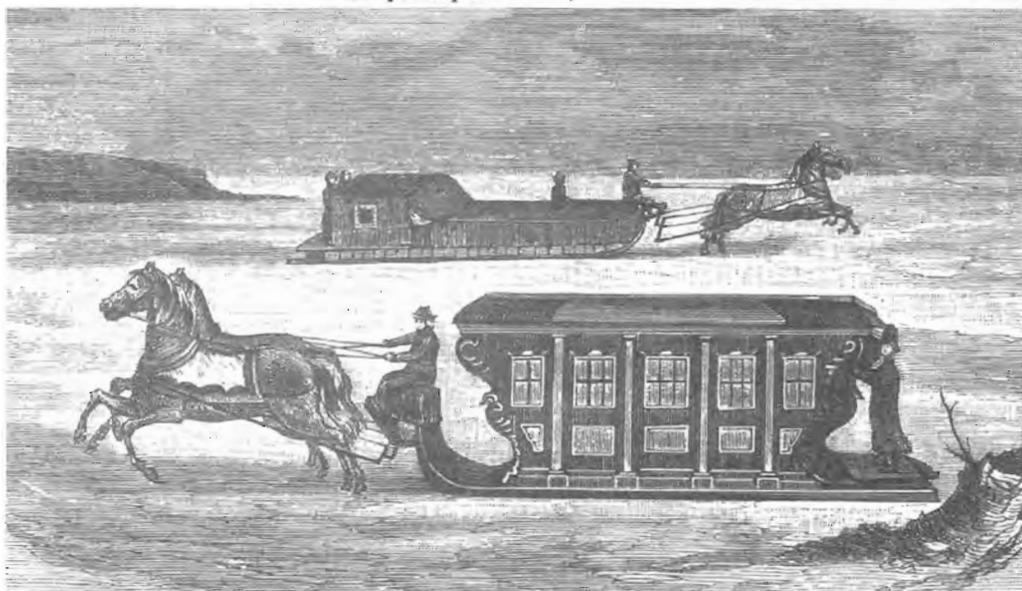

выделено 130 тысяч рублей, затем еще 100 тысяч. Князь заботился о том, чтобы отдых, пусть даже краткий, был приятным и комфортным. По его распоряжению стены в комнатах оббивались шёлковыми материями под цвет мебели, расписывались живописцами и украшались. Вокруг дворцов разбивали сады в английском стиле с лужайками, фонтанами и беседками.

В 1786 году окончательно утвердили дату начала путешествия и объявили маршрут: «...через Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов в Киев, оттуда по вскрытии вод на судах по Днепру до Нового Кайдака, где назначено быть губернскому городу Екатеринославию, от сего же места сухим путём в Херсон, область Таврическую, и возвратно через Черкасск, Бахмут, Изюм, Харьков, Курск, Орёл, Тулу и Москву». Всего 5657 вёрст.

Императрица официально пригласила присоединиться к путешествию императора Священной Римской империи Иосифа II и иностранных дипломатов. В письме принцу де Линю от 15 сентября 1786 года она писала: *«Я, наконец, назначила время моего путешествия в Тавриду. Я выеду отсюда в первых числах января; восемнадцать дней буду в дороге до Киева, там терпеливо дождусь вскрытия Днепра и тех, кто пожелает сопровождать меня в плавании, в начале апреля. Я употреблю на это, как видите, целых два месяца. Потом я повезу моих спутников в страну, которую говорят, обитала некогда Ифигения. Одно название этой страны оживляет воображение; самые разнообразные измышления распускаются по поводу моего пребывания там. Верно то, что я буду рада вас снова увидеть; я надеюсь повезти туда множество ваших знакомых и многих министров мира, в присутствии которых не может произойти никакой битьвы...»* Конечно

**Придворные дорожные экипажи екатерининского времени.
С гравюры Гоппе, XVIII в.**

же, приглашение было принято всеми участниками, им любопытно было взглянуть на новые земли и результаты деятельности князя Потёмкина, о которых ходило столько разных слухов.

О том, насколько прохладными и натянутыми были отношения Екатерины с «молодым двором», говорит тот факт, что ни Великий князь Павел Петрович, ни Великая княгиня Мария Фёдоровна приглашения в путешествие не получили. С волнением и скорбью они узнали, что Императрица желает взять с собой их старших детей, Великих князей Александра и Константина. Павел Петрович и его супруга выразили в письме переполнявшие их чувства: разочарование, огорчение от предстоящей разлуки с детьми, беспокойство об их здоровье. Императрица ответила увещанием мудрой матери и Государыни: *«Любезныя дети. Мать, видящая, что дети её огорчены, может только советовать им умерить свою печаль, не питать тяжёлых и огорчающих мыслей, не предаваться печали, происходящей от раздражённого воображения, и обратиться к доводам, которые могут смягчить подобные огорчения и успокоить тревоги. Дети ваши принадлежат вам, принадлежат мне, принадлежат и государству. С самого раннего детства их я поставила себе в обязанность и удовольствие окружать их важнейшими заботами. Вы говорили мне часто и устно, и письменно, что мои заботы о них вы считаете настоящим счастьем для своих детей и что не могло случиться для них ничего более счастливого. Я нежно люблю их.*

Великий князь Петр Петрович

Вот как я рассуждала: вдали от вас для меня будет утешением иметь их при себе. Из пяти трое остаются с вами; неужели одна я, на старости лет, в продолжение шести месяцев, буду лишена удовольствия иметь вокруг себя кого-нибудь из своего семейства. Что касается здоровья ваших сыновей, то я твёрдо убеждена, что путешествие это укрепит их – и телом, и духом. Климат здешний и киевский с января до апреля отличается тем, что там несколькими неделями раньше начинается весна. Успехи воспитания также не пострадают, так как с ними поедут учителя их. Впрочем, я весьма благодарна за нежные чувства, высказываемые мне вами...»

Видимо, Екатерина считала вопрос решённым, однако Павел Петрович и Мария Фёдоровна об-

ратились к Государыне с новой настоятельной просьбой: *«Дражайшая ма-тушка. С живейшей благодарностью и чувствительностью мы прочли ответ вашего величества. Если мысль о разлуке огорчает нас, то в вашей власти рассеять огорчение и заменить его иными утешительными и приятнейшими чувствами. Мы ближе к вам, нежели дети наши, и в этом состоит неоценённое наше счастье. Возьмите нас вместе с ними, государыня, и мы, таким образом, будем близь вас и сыновей наших. Что касается до наших дочерей, им нужны покуда одни лишь физические попечения, присутствие же отца и матери для них ещё не составляет необходимости. Мы можем обойтись без всего и путешествовать налегке, лишь бы только не быть вдали от вас и от сыновей наших. Нас к вам влекут всецело сердца наши; это чувства тех, кого пребывают, любезная мать, вашими детьми – Павел и Мария».*

Императрице не по душе пришлась настойчивость сына и невестки, в раздражении она отвечала запиской, написанной по-русски (все письма до этого были написаны на французском языке): *«Чистосердечно я вам должна сказать, что новое ваше предложение есть такого рода, что оно причинило бы во всём величайшее расстройство, не упоминая и о том, что меньшие дети ваши оставались бы без всякого призрения, одни они брошены».*

В отчаянии Великие князь и княгиня обращаются к князю Потёмкину, надеясь, что ему удастся уговорить Императрицу изменить решение и взять их в путешествие. Однако они не знали о времени отъезда: Потёмкин, находясь в Симферополе, не успел бы похлопотать об их просьбе. Впрочем, юные князья заболели корью и остались в Петербурге. Только весной 1787 года Александр и Константин выехали в Москву, чтобы встретить возвращающуюся из Крыма Императрицу.

Итак, 6 января все путешественники собрались в Царском Селе, а 7 января гром пушек возвестил о начале невиданного дотоле по числу участников и роскоши путешествия Екатерины Великой в Тавриду. Крепкий мороз заставляет людей кутаться в шубы. В 9 часов утра вышла Императрица в суконном кафтане на меху, с застёжками-шнурками спереди, в высокой собольей шапке. Екатерина села в огромную и роскошно

Великая княгиня Мария Фёдоровна

убранную карету, запряжённую 40 лошадьми. Она напоминала, скорее, небольшой дом, нежели транспортное средство. Вместе с Императрицей ехали фаворитграф Александр Матвеевич Дмитриев-Мамонов и фрейлина Анна Степановна Протасова. Наконец, все расселись по местам и санный поезд, состоящий из 14 карет, 124 саней с кибитками и 40 запасных саней, отправился в путь.

И в дороге трудолюбивая Императрица не стала менять привычный распорядок дня. Уже в 6 часов утра Екатерина покидала тёплую постель и после чашечки ароматного кофе два часа занималась делами с Безбородко и Храповицким, беседовала с посланниками и свитой. В 9 часов отправлялись в дорогу. В плавно покачивающейся карете время проходило в разговорах и чтении книг – в поезде везли часть библиотеки Екатерины. В 12 часов останавливались на обед и отдых, с 15 до 19 часов снова ехали. В свой шестиместный возок Императрица приглашала по очереди спутников, проводя время в любезной и приятной беседе о России, её природных богатствах, нравах и обычаях русских людей, о знаменитостях французской литературы: об истории, словесности и философии или загадывая друг другу шарады. Вечерами Екатерина и её гости играли в лото и карты, в 9 часов она уходила к себе, читала или писала письма, день заканчивался в 11 часов отходом ко сну.

На границе каждой губернии поезд Императрицы встречал губернатор с чиновниками и сопровождал до следующей губернии. На отдых останавливались в лучших помещичьих

Императрица Екатерина II в дорожном платье. Художник М. Шибанов. 1787 г.

усадебных или в казённых зданиях. Вся столовая посуда всякий раз была новой и дарилась на память хозяевам. В каждом селении Екатерина и её спутники видели чистые улицы, опрятные, свежескрашенные дома, украшенные гирляндами из сосновых веток, пышные стада, пасущиеся на полях. В города кортеж въезжал под звон колоколов и гром артиллерийских салютов. Восторженные жители приветствовали Императрицу, подносили по русскому обычаю хлеб-соль, девушки бросали цветы, звучали верноподданнические речи, устраивались военные парады и пышные процессии духовенства. Едва наступали сумерки, путь освещали огромные костры из заранее приготовленных еловых, сосновых и берёзовых брёвен. Это зрелище особенно впечатлило де

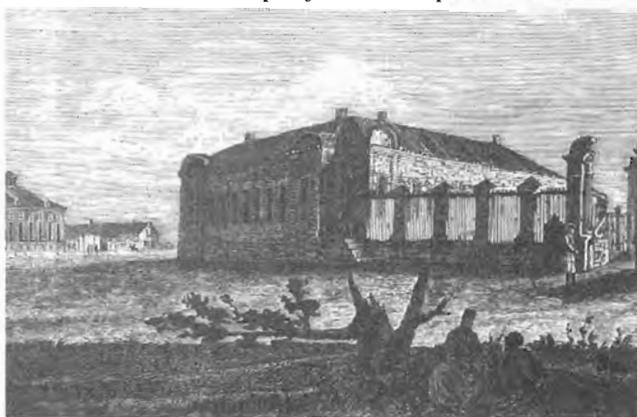
Сегюра: «Мы ехали между огней, которые светили ярче дневных лучей». Спутники Екатерины восхищались богатством России, её мощью и в самых лестных выражениях говорили о своих впечатлениях Её Величеству. Однако цель поездки Екатерина видела не только в том, чтобы продемонстрировать Европе силу и величие Российской империи: она желала увидеть, как живет её народ. Сегюр отмечал: «Императрица не ограничивалась одними лишь обычными приветствиями, везде подробно расспрашивала чиновников, духовенство, помещиков и купцов об их положении, средствах, требованиях, нуждах. Вот чем она снискивала себе любовь своих подданных и допытывалась правды, чтобы обнаружить огромные злоупотребления, которые многие старались скрыть от нея».

В Чернигове Екатерина повелела изготовить медаль в память своего путешествия, которое ей очень нравилось. Безбородко 15 марта сообщил генерал-прокурору, князю А.А. Вяземскому поручение Императрицы «сделать рисунок медали на нынешнее ея путешествие: на одной стороне портрет императрицы, на другой карта путешествия, представляющая знатнейшия в оном места, с надписью внизу: “В память путешествия в двадцать пятое лето царствования, 1787 года”; а для верхней надписи приличный настоящему случаю сделать проект». Екатерина выразила желание, чтобы медали были готовы к её возвращению в столицу.

Так, не спеша, благополучно добрались до Киева – древнего города, «матери городов русских». Своему постоянному корреспонденту барону Гримму Екатерина написала 8 февраля 1787 года: *«Я приехала сюда 29-го января, в добром здоровье, в двадцатиградусный мороз; не взирая на то, ни носов, ни ушей отмороженных не оказалось. Все эти дни мы провели в балах, праздниках, маскарадах, а сегодня наступил пост и положил конец всей этой суматохе».*

Для Императрицы специально выстроили деревянный дворец на высоком берегу Днепра, вокруг разбили сад. Вид открывался великолепный: величавый Днепр неспешно нёс свои воды в Чёрное море, ярко горели позолоченные купола киевских церквей. В Киеве свита Екатерины пополнилась новыми замечательными лицами: сюда приехали принц Шарль-Жозеф де Линь, принц Карл Генрих Нассау-Зиген, Светлейший князь Г.А. Потёмкин, А.В. Суворов, русский посланник в Польше граф О.М. Штакельберг. Императрица не хотела, чтобы

Путешествие Екатерины II в Крым. Дворец в Киеве в конце XVIII в. С рисунка И. Сергеева XVIII в.

Медаль, вибитая в память о путешествии Екатерины II в Крым в 1787 г.

посланники иностранных держав жили на свой счёт, каждому приготовили целый дом с множеством слуг, экипажами, серебряными и фарфоровыми столовыми приборами и запасами редких вин. Самую большую резиденцию получил австрийский посол граф Кобенцель, и это не было случайностью: в предстоящей войне с Турцией Австрия должна была выступить надёжным союзником России.

В Киеве Императрица и ее гости провели почти три месяца, дожидаясь, пока Днепр освободится ото льда. Балы и маскарады чередовались с поездками по историческим местам: в Печерский монастырь, на Старокиевскую гору, к Десятинной церкви, на Подол. Екатерина с удовольствием принимала гостей у себя и посещала дипломатические резиденции. Строгий придворный этикет на время был устранён, тем легче путешественники могли наслаждаться прелестью беседы, по возможности не касаясь политических тем. Самым весёлым спутником был принц де Линь, отважный воин, остроумный человек. Екатерина удивлялась

соединению в нём весёлого нрава со способностью к меткому наблюдению и правильному суждению обо всех делах. Де Линь был со всеми в самых добрых отношениях, постоянно шутил и всех добродушно передразнивал, талантливо вёл беседы о чём угодно и очень скоро сделался любимцем общества, оживив немного заскучавших путешественников.

Совсем избежать разговоров о политике всё же не удавалось, ведь каждый из собеседников представлял интересы своей страны. Да и обстановка в мире не позволяла не затрагивать вопросы об Оттоманской Порте, о печальном положении Франции, стоявшей на пороге революции, о желании прусского короля Фридриха-Вильгельма II вмешаться в дела других государств. Этих тем касались шутя, не выходя за рамки лёгкой, салонной беседы. За течением разговоров следила Екатерина, с необыкновенным тактом и настоящим дипломатическим искусством она давала им любое направление и сдерживала того или иного собеседника, желавшего блеснуть слишком смелой шуткой или анекдотом сомнительного свойства. Такие беседы были полезны, они позволяли Государыне следить за образом мыслей иностранных дипломатов. Она и сама любила шутить о своих отношениях с Турцией. Как-то рассказывая историю о вступлении в брак русского капитана с негритяжкой, Екатерина заметила: «Вы видите, до чего доходят мои

честолюбивые замыслы; я уже устроила свадьбу между русским флотом и Чёрным морем».

В разговорах с Сегюром Екатерина порицала турок, стараясь склонить Францию на свою сторону. По её мнению турецкие государи были деспотами, изнурёнными сладострастием гаремов, неспособными мыслить, управлять и сражаться и остающимися до старости несовершеннолетними. Однажды она сказала Сегюру шутливым тоном:

– Её не хотите, чтоб я прогнала ваших пигомцев – турок. Хороши они; они вам делают честь. Будь у вас в Пьемонте или в Савойе такие соседи, которые ежегодно беспокоили бы вас голодом и чумой, убивали и уводили бы в плен по целым тысячам ваших соотечественников. – что сказали бы вы, если бы мне вдруг вздумалось защищать их? Разумеется, вы назвали бы это коварством с моей стороны.

Сегюр отвечал также шуткой, поняв тем не менее всю серьёзность сказанного Императрицей.

Обычными увеселениями были шарады, буриме и «живые картины» – небольшие драматические представления, в которых отличался граф Кобенцель. На фоне этого весёлого общества выделялся князь Потёмкин: на него то и дело нападала «жестокая хандра», говоря сегодняшним языком, депрессия. Возможно, сказывалась усталость, немало сил Светлейший потратил, чтобы устроить великолепный спектакль и руководить им. Григорий Александрович поселился в Киево-Печерской лавре, и те, кто хотел нанести ему визит, непременно должны были совершить паломничество в монастырь.

Французский посланник Сегюр, бывший с Потёмкиным в хороших отношениях, писал: «После того как один или два раза появился при полном параде в форме маршала со знаками отличия и бриллиантами, тесьмами и шитьём, завитый и напудренный, как один из самых старых придворных, этот могущественный, капризный фаворит Екатерины по свойственной от природы инертности или на основании умно назначенной надменности, обычно носил утренний халат; шея оставалась свободной, его ноги были полуголые, ступни в больших шлёпанцах, в то время как волосы были плохо причёсаны. Он валялся на широкой кушетке, окружённый офицерами

Портрет князя Г. А. Потемкина.
Неизвестный художник

и высшими сановниками государства. Редко он предлагал им сесть и всегда утверждал, что занят игрой в шахматы, чтобы привлечь внимание русских и иностранцев, которые появлялись в салоне.

...В те дни, когда у князя не было общественных встреч, я наносил ему частный визит, так как он был окружён его красивыми племянницами и многими друзьями. В те мгновения он был совсем другим человеком; всегда оригинальный, остроумный и всегда готов любому разговору придать неповторимую окраску».

Такое эпатажное поведение служило, в определённой мере, средством защиты от льстецов и бездельников, добывающихся его милости. Однако все эти странности не мешали Потёмкину заниматься серьёзными делами: переписываться с русским послом в Константинополе Булгаковым по восточному вопросу, беседовать с Сегюром об отношении Франции к Турции, ездить на встречу с польским королем Станиславом-Августом и продолжать приготовления к дальнейшему путешествию Императрицы. По распоряжению Потёмкина порохом взорвали часть скал Днепровских порогов, чтобы суда могли плыть беспрепятственно. Князь ни на миг не забывал о главной цели затеянной им поездки: продемонстрировать величие России и подготовить поход на Константинополь.

21 апреля Екатерина пышно отпраздновала свое 58-летие. А на следующий день огромная флотилия отправилась вниз по реке. Вот как описывает это Сегюр: «Впереди шли семь нарядных галер огромной величины... Комнаты, устроенные на палубе, блистали золотом и шелками. Каждый из нас имел комнату и ещё нарядный, роскошный кабинет с покойными диванами, с чудесною кроватью под штофною занавесью и с письменным столом красного дерева. На каждой из галер была своя музыка. Множество лодок и шлюпок носились впереди и вокруг этой эскадры, которая, казалось, создавалась была волшебством.

Мы продвигались медленно, часто останавливались и, пользуясь остановками, садились на лёгкие суда и катались вдоль берега вокруг зеленющих островков, где собравшееся население кликами приветствовало императрицу. По берегам появились толпы любопытных, которые беспрестанно менялись и стекались со всех сторон, чтобы видеть торжественный поезд и поднести в дар императрице произведения различных местностей. Порою на береговых равнинах маневрировали лёгкие отряды казаков. Города, деревни, усадьбы, а иногда простые хижинки так были изукрашены цветами, расписаны декорациями и триумфальными воротами, что вид их обманывал взор, и они представлялись какими-то дивными городами, волшебными созданными замками, великолепными садами. Снег стаял, земля покрылась яркой зеленью, луга запестрели цветами, солнечные лучи оживляли и украшали все предметы. Гармонические звуки музыки с наших галер, различные наряды побережных жителей разнообразили эту роскошную и живую картину. Когда мы подъезжали к большим городам, то перед нами на определённых местах выравнились строем превосходные полки, бли-

ставшие красивым оружием и богатым нарядом. Противоположность их щегольского вида с наружностью румянцевских солдат доказывала нам, что мы оставляем области этого знаменитого мужа и вступаем в места, которые судьба подчинила власти Потёмкина. Стихии, весна, природа и искусство, казалось, соединились для торжества этого могучего любимца.

В Каневе Екатерина встретила с королём Польши Станиславом-Августом Понятовским, своим бывшим возлюбленным, с которым не виделась тридцать лет и который именно ей был обязан своей короной. Императрица с достоинством встретила на палубе короля и повела в свою каюту, где они беседовали около получаса. О чем говорили двое некогда близких, любивших друг друга людей? Очевидцы вспоминали: Екатерина выглядела несколько смущённой, а Станислав-Август печальным, но спокойным. В честь короля был дан великолепный ужин и бал, завершившийся прекрасным фейерверком, изображавшим извержение Везувия.

Плавание по Днепру не всегда было спокойным и вместо 9 дней заняло две недели. Из-за вдруг налетевшей бури несколько галер сели на мель, сильный ветер мешал скорому продвижению судов.

Но вот, наконец, 19 апреля добрались до Кременчуга, где Императрицу и её спутников ожидал пышный приём. Это была уже вотчина Потёмкина, и Екатерина могла убедиться в том, что разговоры о недостатках его администрации – всего лишь ничем не обоснованные слухи. Богатство степного края, быстрое развитие городов, отличное устройство войска, военные порты, прелесть южной природы должны были поразить Екатерину и её спутников, удивить Европу и заставить умолкнуть недоброжелателей князя. Императрица оценила старания Потёмкина, она писала из Кременчуга Еропкину: *«Здесь нашла я треть конницы той, про которую некоторые не знающие люди твердили донныне, будто она лишь числится на бумаге, а в самом деле её нет, однако ж, она действительно налицо и такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало, в чём прошу, рассказав любопытным, сослаться на моё письмо, дабы перестали говорить неправду, а отдавали бы справедливость усердию мне и империи в сём деле служащих».*

Узнав, что австрийский Император Иосиф II, путешествующий под именем графа Фалькенштейна, спешит присоединиться к ней, Императрица покинула галеру и отправилась навстречу высокому гостю. Позже она с юмором описала барону Гримму то странное положение, в каком оказались два монарха – встретились в чистом поле, почти без свидетелей – у каждого была лишь небольшая свита: *«...Их величества, поместившись в одном экипаже, одним духом, без остановки, проскакали 30 вёрст до Кайдаков; но, проскакав таким образом одни-одinéшеньки по полю (причём он рассчитывал обедать у меня, я же рассчитывала найти обед у фельдмаршала князя Потёмкина, а сей последний вздумал поститься, чтобы выиграть время и приготовить закладку нового города), мы нашли князя Потёмкина, только что возвратившегося из своей поездки, и обеда не оказалось. Но так как нужда делает людей изобретательными, то князь Потёмкин*

затеял сам пойти в повара, Нассауский в поварёнки, генерал Браницкий в пирожники, – и вот их величествам никогда ещё, с самого дня их коронации, не случалось иметь такой блистательной прислуги и такого плохого обеда. Невзирая на то, кушали исправно, много смеялись и удовольствовались обедом, приготовленным с грехом пополам».

На следующий день путешественники присутствовали при торжественной закладке собора в городе Екатеринославле, а 1 мая приплыли в Херсон, который удивил даже иностранцев. Шесть лет назад здесь ничего не было, а теперь их взорам предстали совершенно оконченная крепость, большие казармы, в которых могло разместиться 24 тысячи солдат, арсенал с 600 пушками, два линейных корабля и фрегат на верфях, готовые к спуску, адмиралтейство; казённые здания, несколько церквей, около двух тысяч частных домов, лавки с богатыми товарами, привезёнными купеческими кораблями, стоящими в порту. Впечатлённые гости называли город вторым Амстердамом. Правда, скептически настроенный Иосиф отметил, что город расположен весьма неудачно, поэтому торговля никогда не будет процветать в Херсоне. А вот Екатерина предвидела, что и город, и край ожидает славное будущее. В письме Гримму она писала: «Словом, благодаря попечениям князя Потёмкина, этот город и этот край, где при заключении мира не было ни одной хижины, сделались цветущим городом и краем, и их процветание будет возрастать из года в год».

Наконец, кортеж Императрицы достиг границ Таврической области, здесь Государыню встречали правитель области В.В. Каховский, экономии директор К.И. Габлиц и Мамут-бей с «конными трухменцами, киргизцами и ногайцами, обитающими в Днепровском и Мелитопольском уездах». Они сопровождали Екатерину все время её путешествия по Крыму. Остановились в урочище у Каменного моста, где к путешественникам присоединились Потёмкин и охрана из 3,5 тысяч казаков во главе с атаманом И.И. Иловайским.

Хотя окружающий пейзаж мало изменился – вокруг расстилалась бескрайняя степь, путешественников постепенно охватывало впечатление, что они въезжают в необыкновенную, сказочную страну. Поддавшись восточному очарованию, Сегюр называл Екатерину Гарун-аль-Рашидом, а себя Джияфаром*.

*Гарун (763-809) – знаменитый калиф, по прозвищу Аль-Рашид, т. е. справедливый; имя это он, впрочем, получил не от потомства, а от отца своего, когда был назначен наследником. Вступил на престол в 786 г. Правление его было сначала счастливо. Он имел в своем распоряжении хороших государственных деятелей и полководцев, из состоявшей у него на службе персидской фамилии Бармекидов, которые и приняли на себя почти все отрасли управления. Он разукрасил роскошными зданиями свою столицу Багдад и вообще отличался любовью к роскоши, науке, поэзии и музыке. В конце своего правления начал относиться с подозрением к фамилии Бармекидов и в 803 г. одних членов её заключил в темницу, других – казнил. Не пощаждён был даже и любимец Джафар, постоянный спутник его знаменитых ночных прогулок по Багдаду с целью разузнавать, что делается в государстве. С этого времени одно восстание следовало за другим и империя калифа сделалась театром междоусобиц, подорвавших благосостояние населения. Умер в 809 г., прославлен в песнях и в рассказах «Тысяча и одна ночь».

Утром 8 мая царский поезд прибыл в Перекоп – «каменное четырёх-угольное укрепление и поселение, состоящее из нескольких домишек». На старинных Перекопских воротах, богато декорированных, по приказанию Потёмкина сделали надпись-девиз: «Предпослала страх и принесла мир». Во время остановки на обед у Пяти Колодезей Императрица ознакомилась с соляными промыслами, ей поднесли 13 образцов самосадочной соли – драгоценного товара империи. Император Иосиф отличался неутомимой любознательностью. Он тщательно осмотрел следы древнего Перекопского вала, защищавшего Крымский полуостров. Вместе с графом Кинским совершил поездку верхом на казацких лошадях к берегам Сиваша, вспоминая военные события, случившиеся в этих местах.

Другие путешественники предпочитали из окон своих экипажей любоваться бескрайними степями, ещё зелёными, не выжженными солнцем. В высокой траве они видели стаи непуганых дроф, журавлей и стрепетов, верблюды паслись близ татарских шатров, лениво и гордо поднимая головы и глядя вслед невиданным экипажам; блестели под южным солнцем неподвижные соляные озёра, стройные минареты возносились над небольшими татарскими деревушками, молча возвышались древние скифские курганы. В окна залетал лёгкий ветерок, приносил степные ароматы: дикий, терпкий запах полыни, приятный чабреца и отцветающих садов, молодой травы и разогретых солнцем камней.

Ночевали в Айдаре, где все поместились в красивых палатках. Императрицу очень забавляло то, что Фицгерберта и Сегюра, послов Англии и Франции, разместили в одной палатке, где они, усердно скрипя перьями, писали донесения к своим правительствам, как полагала Екатерина в противоположном духе. Две великие державы действительно почти всегда расходились в своих политических интересах, но в то время они собирались поддержать Турцию.

У Алма-Кермена вдруг появилась тысяча татарских всадников – родовитых мурз, великолепно вооружённых, в горящих на солнце золотом одеждах. Граф Сегюр отметил: «...они выехали навстречу государыне, чтобы сопроводить её на пути. Монархиня, с мыслями всегда возвышенными и смелыми, пожелала, чтобы во время её пребывания в Крыму её охраняли татары, презиравшие женский пол, враги христиан и недавно лишь покоренные её власти. Этот неожиданный опыт доверчивости удался, как всякий отважный подвиг». Однако поначалу столь внезапно появившийся отряд вызвал немалые опасения.

– Согласитесь, – сказал обеспокоенный принц де Линь Сегюру, – что было бы весьма странным приключением, которое наделало бы очень много шума в Европе, если бы вдруг эти татары, нас окружающие, повели бы всех нас к любому порту, посадили бы на корабль и повезли бы всех в Константинополь, чтобы доставить некоторое удовольствие султану Абдуль-Гамету.

Впрочем, всё обошлось, да и не могло случиться никакой беды, ибо князь Потёмкин нарочно устроил эту сцену, чтобы убедить Екатерину и её спутни-

ков в расположении татар к России. Татары были набраны по вольному найму, начальником же у них был русский полковник Иван Большой Горич. Эта почётная стража сопровождала Екатерину к бывшей столице ханов, приводя путешественников в восторг джигитовкой. Возле Бахчисарая на крутом склоне горы лошади не смогли удержать тяжёлый экипаж Екатерины. Но татары, окружавшие карету, не растерялись, бросившись под копыта и колеса, они остановили коней и предотвратили несчастье. Иосиф II и принц де Линь, находившиеся в ту минуту с Императрицей, удивились её хладнокровию и спокойствию. Это неожиданное приключение не омрачило настроения Екатерины: сбывалась её мечта – Бахчисарай, бывшая столица враждебного государства, лежал у её ног. «Императрица наслаждалась удовольствием воссесть на мусульманский престол, завоеванный ею оружием», – отмечал граф Сегюр в своих записках.

9 мая Екатерина торжественно въехала в Бахчисарай, лежащий в узкой долине речки Чурук-Су меж двух высоких скалистых гор, на склонах которых расположились лучшие полки Потёмкина: Екатеринославский гренадерский, Троицкий и Старосельский мушкетёрские, они встретили путешественников барабанным боем и преклонением знамён.

Потёмкин немало приложил сил, чтобы подготовить Бахчисарай, изрядно обезлюдивший после присоединения Крыма к России, к приезду Императрицы. Правитель Таврической области В.В. Каховский получил следующее предписание Светлейшего князя: «Всячески стараться прибрать Бахчисарай наилучшим образом, подправить в оном крыши на домах, а трубы подбелить», изготовить сколько можно больше плашек для освещения города ночью, большую улицу застроить хорошими домами и лавками». И Каховский постарался: ветхие дома сломали, берега реки одели в камень, старинные каменные ворота в виде триумфальной арки, стоявшие на въезде в город, украсили надписью «мая 1787 года». Для реставрации Ханского дворца наняли более 60 мастеров и 50 рабочих. Уезжая, последний хан Шагин-Гирей забрал с собой всю обстановку, все ценности. Мебель и убранство привезли из Москвы, Петербурга, Константинополя и частично изготовили в Бахчисарае. На екатерининской миле, расположенной у дворца, начертали на русском и арабском языках: «Благородной памяти Императрица Екатерина II изволила быть в Бахчисарае в 1787 году мая 14».

Всем знатным гостям нашлось место в Ханском дворце. Посланники жили в комнатах бывшего гарема. Для Екатерины предназначались большой зал и другие комнаты второго этажа, которые отделали в европейском стиле. В бывшей ханской опочивальне поставили походное ложе Императрицы. В большом зале, где проходили торжественные аудиенции, арабской вязью был написан девиз, в переводе означавший: «Что ни говори клеветники и завистники, ни в Испании, ни в Дамаске, ни в Стамбуле не найдёшь подобной». Потёмкин обратил внимание Екатерины:

– В этих чертогах несколько лет тому назад злейшие враги вашего императорского величества, на подданных своих налагали цепи, а ты, премило-

сердная, в тех самых чертогах осыпашь их милостями и наградами; кто из смертных может сравниться с тобой, единственная в мире царица.

Что могла чувствовать Императрица, войдя хозяйкой в Ханский дворец? Конечно, гордость! Вот кофейная комната с низкими диванчиками вдоль стен и огромным персидским ковром на полу; на небольших столиках, инкрустированных перламутром, тончайшей работы кофейный набор. Здесь дипломаты и торговые гости ожидали приглашения в Посольский зал и угощались, по законам татарского гостеприимства, кофе. Больше всех этого бодрящего напитка выпили русские послы. Екатерина хорошо знала историю: в XV-XVII веках в Крыму побывало около ста крупных русских посольств, и средств на тесные связи с Крымским ханством было израсходовано немало, только за первую половину XVII века – миллион рублей. После долгого ожидания послы приглашали в торжественный, роскошно убранный Посольский зал. Перед ложем хана они должны были становиться на колени, лишь тогда могли говорить. Но русские послы старались отстоять не только интересы своего государства, но и собственное достоинство, а потому строго выполняли наказ: «...провести ...посольство стоя, а на колени по их обычаю не падать. О том стоять крепко». А вот и великолепный Золотой кабинет, украшенный богатыми росписями и изящной лепкой. В нём последний крымский хан Шагин-Гирей в феврале 1783 года подписал акт отречения от престола, о чём Потёмкин немедленно доложил Государыне Екатерине. 8 апреля 1783 года она подписала манифест о присоединении Крыма к России.

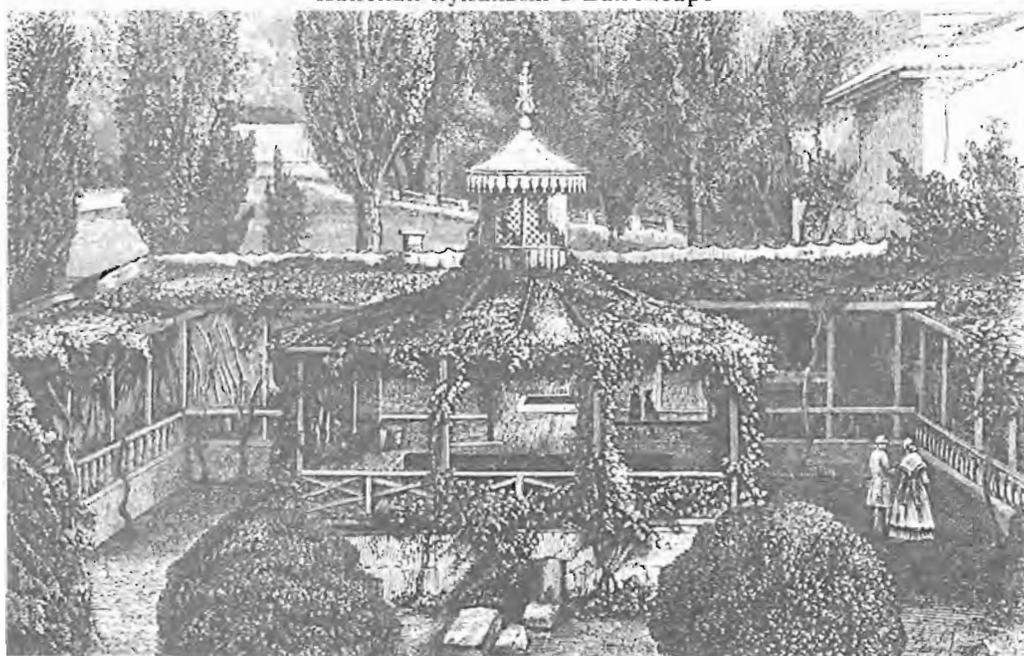
Бахчисарай. К. Боссоли

Екатерина была очень довольна. Она принимала татарских мурз, ласково беседовала, внимательно вникая в их нужды и проблемы, приглашала к обеду, раздавала деньги на постройку мечетей. С гордостью рассказывала Императрица своим приближённым, что татары в Бахчисарае молились целую ночь о благополучном совершении её путешествия. Екатерина с уважением относилась к местным нравам и обычаям. Узнав, что принц де Линь и граф Сегюр, прельщённые манящими взглядами чёрных глаз, блестящих из-под покрывал, попытались подкупить татар, чтобы насладиться красотой восточных женщин, Государыня разгневалась. Возмущённая владычица Тавриды призвала незадачливых донжуанов и строго отчитала: «Вы – посреди народа, покорённого моим оружием, и я хочу, чтобы уважали его законы, его обычаи и нравы». Правда, вскоре Екатерина II сменила гнев на милость и пожаловала принцу де Линю владения в живописной Партенитской долине.

Бахчисарай покорила сердца всех высоких гостей своим восточным очарованием. Лёгкие ажурные постройки дворца, небольшие дворики и садики, увитые розами, нежное журчание воды в фонтанах, живописный вид мечетей и минаретов, узкие улицы, дома без окон, с плоскими крышами, сбегаящие со склонов гор вниз, к реке, – всё это казалось очень необычным, почти переальным. Императору Иосифу II Бахчисарай напомнил Геную. Главная улица с двух сторон застроена кофейнями и лавками, торгующими сафьяном, войлоком, оружейными и медными изделиями, украшениями. Здесь всегдалюдно и шумно. торговцы зазывают покупателей, расхваливая

Ханская купальня в Бахчисарае

свой товар. Непривычными для европейского глаза казались пёстрые восточные костюмы. Татары носили куртки, расшитые галунами, шаровары, опоясанные кушаками с металлическими бляхами, сафьяновые сапоги и мерлушковые шапочки на головах, редко встречались женщины, закутанные в покрывала.

Лишь только солнце скрылось за горами и ночь завладела Бахчисараем, все горные склоны, все дома, раскинувшиеся амфитеатром, вспыхнули многочисленными огнями. Особенно удивил путешественников роскошный фейерверк.

На следующий день Екатерина присутствовала на праздничной службе в честь св. Елены и Константина, небесного покровителя ее второго внука. Походную церковь Старооскольского пехотного полка развернули во дворе дворца. Затем в сопровождении императора Иосифа она отправилась осматривать окрестности Бахчисарая. Посетили высеченный в скале Успенский монастырь. До исхода христиан из Крыма в нём располагалась резиденция митрополита, теперь же обитель пустовала.

Неширокая тропа повела путников вверх, к Чуфут-Кале, древнему городу караимов. Как необычен и живописен этот городок, расположившийся между небом и землёй! Двухэтажные дома с балкончиками, каменная дорога с глубокими колеями, мощная оборонительная стена, веками защищавшая от врагов, усыпальница правительницы Джанике-ханым... В тюрьме Чуфут-Кале некогда ханы держали своих пленников, здесь томились русский воевода Василий Борисович Шереметев – за его свободу татары требовали ни много ни мало два города: Казань и Астрахань, – польский гетман Николай Потоцкий, русский посол Василий Айтемиров, князь Ромодановский, Иван Болотников. Но всё изменилось, нет больше Крымского ханства, многовековая борьба окончена победой России. Знатные гости осмотрели молельный дом – кенасу, типографию, в которой печатались книги на древнееврейском и караимском языках и с почётом были приняты в доме старосты, где отведали знаменитых караимских пирожков и ароматного варенья из лепестков роз. Екатерина была не только мудрая правительница, но и женщина, великолепно разбирающаяся в моде и косметике. Она залюбовалась праздничным нарядом караимок: поверх тонкой рубашки – короткая кофта с широкими рукавами, опущенными чуть ниже локтя, распахнутая на груди и украшенная разноцветным орнаментом. Грудь под кофтой прикрыта ажурной белой сеткой с жемчугом, нижний край отделан монетами. Поверх кофты – платье из парчи, шёлка или бархата, расшитое жемчугом, золотом и серебром, длинное до пят, затем кафтан из замши, тоже весь в золоте и жемчугах. Голову покрывала маленькая круглая шапочка – феска, украшенная монетами. Сверху – кружевная накидка, расшитая жемчугом, бисером, золотом или серебром. Наряд красавицы дополняли богатыми поясами, ожерельями и браслетами.

В тот же день Екатерина писала барону Гримму: *«Третьего дня мы переправились через Перекопский вал и вчера, около шести часов по полудни,*

прибыли сюда в добром здоровье и весёлые. Всю дорогу нас конвоировали татары, а в нескольких верстах отсюда мы нашли всё, что только есть лучшего в Крыму... Картина была великолепная: предшествуемые, окружённые и сопровождаемые таким образом, в открытой коляске, в которой сидело восемь персон, мы въехали в Бахчисарай и остановились прямо во дворце ханов. Здесь мы помещаемся среди минаретов и мечетей, где го-лосят, молятся, распевают и вертятся на одной ноге пять раз в сутки... Всё это слышно нам из наших окон, и так как сегодня день Константина и Елены, то мы слушаем обедню на одном из внутренних дворов, где на сей конец раскинуты палатки. О, что за необычайное зрелище представляет пребывание в этом месте! Кто? Где? Принц де Линь говорит, что это не путешествие, а ряд празднеств, не прерывающихся и разнообразных, ни-где не виданных, и каких никогда более не увидишь. Скажут: какой льстец этот принц де Линь! Но, быть может, он и не совсем неправ. Завтра мы выезжаем отсюда в Севастополь...»

11 мая в 9 часов утра путешественники отправились в Инкерман по пре-восходной новой дороге, проложенной через горы и по реке Каче. Екатерина ехала со своим статс-секретарём А.В. Храповицким, который читал Импе-ратрице из путеводителя: «Инкерман – бывший богатый и многолюдный город, называвшийся от греков Феодори, затем Евпатория, Дори, Дорос и Дорас, построенный Диофантом, был предметом борьбы. В 679 г. его взяли у готов хазары, а в 1475 г. турки. Ныне он пуст, осталась только часть стен и башен без разрушения». Подробно сообщалось в книге об Ахтиарской бух-те, которая «простирается во внутренность залива к Инкерману в длину на шесть вёрст, а шириною в самом широком месте не более двух вёрст». Важно, что глубина бухты «для больших кораблей достаточная и к самым берегам приста-вать им позволяющая, безопасный вход, иловатое дно, закрытие от ветров со всех четырёх сторон высокими горами, помещают её в число наи-лучших гаваней в свете».

Севастополь. Вид со стороны северных фортов. К. Боссоли

В Инкермане, на высокой горе, видимо, рядом с живописными развалинами древней крепости Каламиты для Екатерины построили дворец. Уставших путников ожидали накрытые столы с вкуснейшими яствами и лучшими винами. Во время обеда по знаку Светлейшего князя заиграла музыка, раздвинули шторы, скрывавшие большой балкон, обращённый к заливу. Гости Екатерины застыли в изумлении:

Графская пристань

на берегах чудесной бухты раскинулся город Севастополь, а на рейде красовался флот – 3 линейных корабля, 12 фрегатов, 20 мелких судов, 3 бомбардирские лодки и 2 брандера. Флагманский корабль «Слава Екатерины» поднял флаг, и тотчас каждое судно отсалютовало 12 выстрелами, а с флагманского корабля им отвечали 9 пушек. Зрелище было поистине потрясающим!

После обеда Императрица Екатерина, Иосиф II и другие гости сели в шлюпку, заказанную в Константинополе и совершенно сходную с султанской, и поплыли в Севастополь. Государыня, расположившись в шлюпке, приветствовала гребцов: «Здравствуйте, друзья мои!». «Здравствуйте, матушка, Царица наша!» – раздался дружный хор голосов. «Как далеко я ехала, чтобы только видеть вас», – сказала Екатерина и услышала неподражаемый ответ загребного Жарова: «От евдакой матушки-Царицы чего не может статься!». Екатерина оценила солёную шутку, улыбнулась и обронила по-французски командующему флотом графу М.И. Войновичу: «Какие ораторы твои матрозы!». При приближении шлюпки Императрицы к флоту с кораблей спустили флаги, и прогремел 31 выстрел из орудий. Матросы в широких штанах с белыми чулками, в башмаках и тонких полотняных рубашках при пышных бантах из тафты и круглых шляпах с широким галуном со всех сторон кричали Екатерине здравницы. Гребцы действовали быстро и слаженно, и вскоре шлюпки с высокими гостями пристали к пристани, заложенной 3 июня 1783 года из камня*.

*Графская пристань – ровесница Севастополя, была построена, по свидетельству Д.Н. Севянина, «с небольшим в месяц» в 1783 году из тёсаного камня. После посещения Севастополя Императрицей пристань решили назвать Екатерининской, однако это название не прижилось. Её продолжали называть Графской, так как командующий флотом граф М.И. Войнович имел обыкновение садиться у пристани в шлюпку. Позже адмирал М.П. Лазарев с возмущением писал в Петербург: «Граф Войнович никогда не заслуживал, чтобы великолепная пристань называлась его именем, а дали ей это название просто без всякого намерения». Однако и по сей день пристань зовут Графской.

«У пристани была великолепная лестница из тёсаного камня, роскошная терраса вела от нея к дому императрицы, куда мы прибыли вместе с нею. Она повторяла всё время, что обязана всем этим князю Потёмкину. Надеюсь, теперь не скажут, что он ленив», – описал момент прибытия в Севастополь Нассау-Зиген. Одноэтажный, с семью окнами и балконом, к которому вели с двух сторон лесенки, дом принадлежал командующему эскадрой Черноморского флота адмиралу Томасу (Фоме Фомичу) Мекензи, а после его смерти в январе 1786 года стал собственностью морского ведомства. К приезду Екатерины его перестроили под путевой дворец: стены изнутри обшили ореховым деревом и обили штофом, окна украсили шёлковыми занавесями; пол устлали тёмно-зелёным сукном, комнаты обставили лучшей мебелью и зеркалами.

Весь следующий день осматривали город. Екатерина радостно удивлялась: только 10 февраля 1784 года она подписала указ об основании Севастополя – крепости, порта и базы зарождающегося Черноморского флота, а спустя всего три года видит город, раскинувшийся по берегам залива. Императрица делится своим восторгом с бароном Гриммом: *«Здесь, где тому назад три года не было ничего, я нашла довольно красивый город и маленькую флотилию, довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потёмкину, что он во всём этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость»*.

Граф Сегюр, хотя и хмурился, видя такое быстрое развитие новой военной гавани России, но сдержать невольного восхищения также не мог: «Проехав залив, мы пристали к подножию горы, на которой полукружием возвышался Севастополь. Несколько зданий для склада товаров, адмиралтейство, городские укрепления, четыреста домов, толпы рабочих, сильный гарнизон, госпиталь, верфи, пристани, торговая и карантинная, – всё придавало Севастополю вид довольно значительного города. Нам казалось непостижимым,

**Встреча Екатерины II близ Балаклавы
ротой амазонок. 1787 г.**

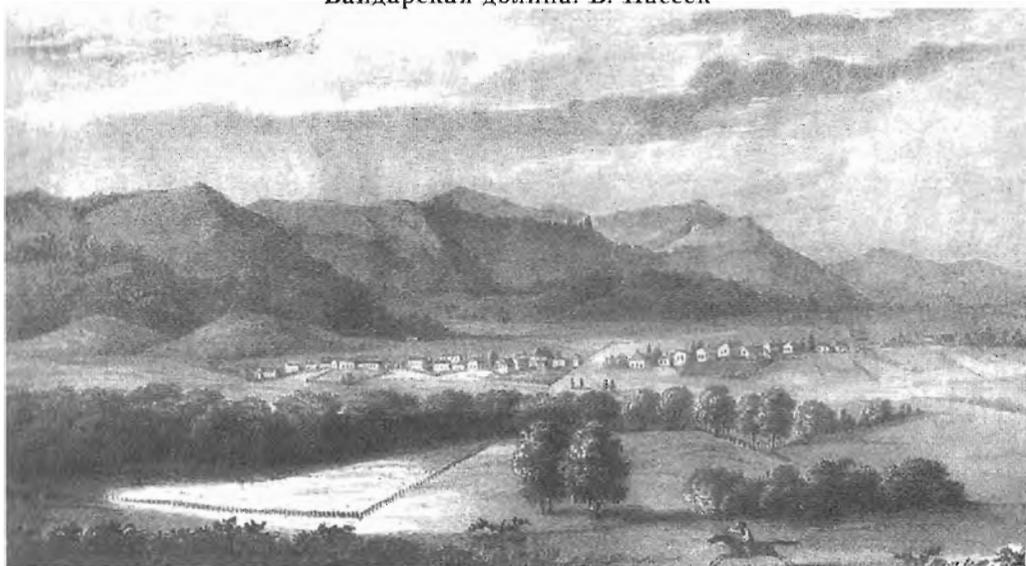
каким образом в 2000 верстах от столицы, в недавно приобретённом крае, Потёмкин нашёл возможным воздвигнуть такие здания, соорудить город, создать флот и поселить столько жителей. Это действительно был подвиг необыкновенной деятельности!» Все недоумевали и не понимали, как Потёмкину удалось сделать столь много в столь короткое время?

Даже ворчливый, скептически настроенный австрийский император Иосиф II не сомневался в том, что Севастополю предстоит славное будущее. Особенно же подействовала на императора мысль, что из здешнего порта можно добраться в Константинополь всего за 36-48 часов. В письме к фельдмаршалу Ласи он поделился своими опасениями и впечатлениями: *«Вообразите себе, что за мысли должны явиться в голове моего товарища султана; он постоянно в ожидании того, что эти молодцы беспрепятственно придут и разобьют громом своих пушек окна султанского дворца. Императрица в восхищении от такого приращения сил России. Князь Потёмкин в настоящее время всемогущ, и нельзя вообразить себе, как все за ним ухаживают»*.

Да, для Потёмкина настал час триумфа, он – настоящий герой путешествия Императрицы. Однако у него есть чем ещё удивить высоких гостей! Вечером перед Императрицей и её спутниками разыграли «спектакль»: на Северной стороне бухты устроили фальшивый городок, который подвергли бомбардировке, взорвали и подожгли. А так как там было немало горючего материала, то зрелище оказалось весьма эффектным!

13 мая Императрица покинула Севастополь и через красивейшую Байдарскую долину отправилась на станцию Скели – владение Потёмкина. И вновь Светлейший князь сумел поразить воображение Екатерины и устроить новый сюрприз. Около Кады-Коя путешественников встретила рота амазонок – сотня наездниц, благородных жён и дочерей балаклавских греков. Командовала ими Елена Ивановна Сарандова (во втором браке Шидянская), жена офицера балаклавского греческого батальона. Все в ярких костюмах: юбках малинового бархата, отороченных золотым галуном и бахромой, в курточках зелёного бархата, в белых тюрбанах с золотыми

Байдарская долина. В. Пассек

блестками и страусовым пером, все вооружены ружьями. Это театральное действие было столь неожиданным и эффектным, что умиленная Екатерина присвоила Сарандовой чин «капитана амазонок», а после прислала бриллиантовый перстень. Иосиф II лишь царственно поцеловал красавицу. Затем по искусственной аллее из апельсиновых, лимонных и лавровых деревьев кортеж направился в Балаклаву. Извилистая бухта с чистой лазурной водой, развалины генуэзской крепости и прекрасная погода произвели на всех неизгладимое впечатление.

После по новой, специально ради путешествия проложенной дороге путники прибыли в Ласпи, откуда Екатерина и Иосиф любовались Южным берегом, бескрайним морем, отвесными скалами. В имении Скели (ныне с. Родниковое) уставших, но довольных, переполненных впечатлениями путников ожидал превосходный обед, устроенный Потёмкиным на свежем воздухе. После обеда все любовались менгирами – огромными, поставленными вертикально камнями. Кто, когда и для чего их поставил? Путники невольно умолкли, охваченные впечатлением седой древности.

В обратный путь отправились через Мекензиев хутор и Дуванкой (ныне с. Верхнесадовое) и уже глубокой ночью вернулись в Бахчисарай, где, утомлённые, решили отдыхать весь следующий день.

15 мая Екатерина поехала в Ак-Мечеть – второй по административному значению город Крымского ханства, ставку калги-султана, наследника престола.

Церковь Константина и Елены
в Симферополе

После присоединения к России Тавриде потребовалась новая столица. После некоторых размышлений, 28 июня 1784 года князь Григорий Потёмкин издал указ: «...осмотреть и распорядиться, откуда поблизости возить камень для строения у Акмечета губернского города, черепицу старую рекомендую собирать во всех местах, где найдётся...» В том же году, по совету архиепископа славянского и херсонского Булгариса, городу дали имя Симферополь – «приносящий пользу». Через два года был составлен план нового города. К приезду Императрицы, как отмечает Сегюр, в Симферополе «устроены даже кое-какие здания в роде домов и довольно красивых зал, и даже небольшой английский садик».

Кортеж с высокими гостями встречали за пять вёрст от города, Императрицу приветствовали верхом офице-

... рота которого стояла на карауле, правитель Таврической губернии А.В. Бахчиский, предводитель дворянства А.С. Таранов-Белозёров с семьёй. На дороге к Симферополю стояли городничий, купцы, мещане, отставные солдаты, жившие близ города, а также чиновники государственных мест во главе с начальниками.

... путешественники помолились в первой христианской церкви Симферополя – храме св. Константина и Елены. Небольшой, тесный, бедно обставленный, он поразил Екатерину. По окончании богослужения Императрица выразила желание видеть в Симферополе «цириличный храм со множеством постоянных жителей и приезжих греков и пообещала подарить им церковь и ризницу.

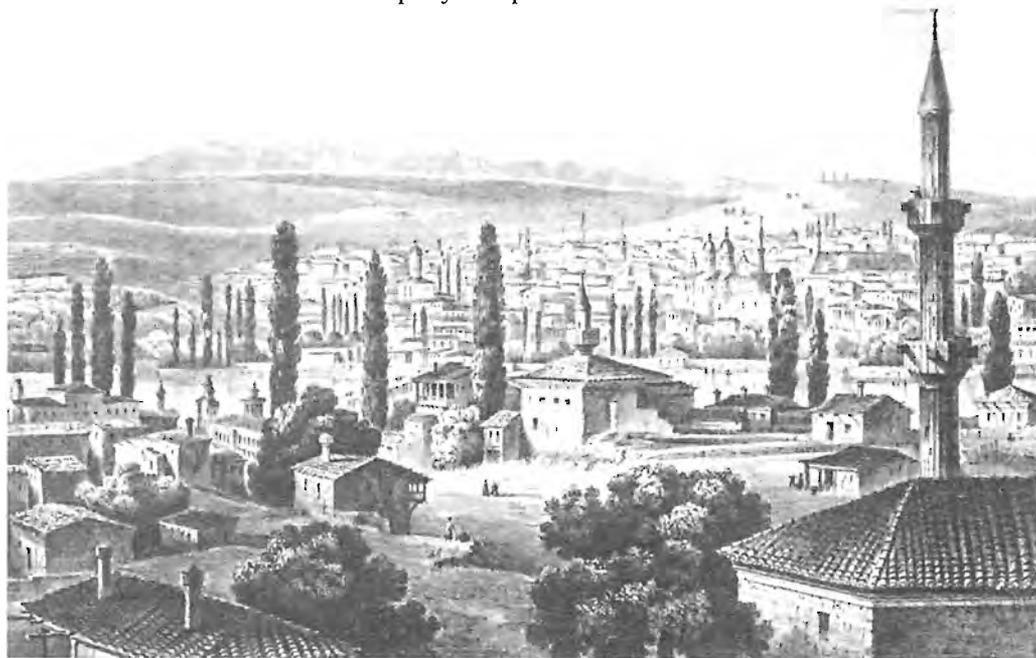
... в Симферополе для Государыни также построили путевой дворец. Его начали строить в 1784 и возвели в 1786 году, но отделочные работы продолжались до декабря 1787 года. Для убранства интерьеров в Москве закупили ковры, портьеры, мебель, ситцы, белила, свечи, витрины. Дворец, построенный из местного камня на глине и крытый черепицей, получился скромным, но вполне вместительным – 20 комнат, трое сеней, несколько залов, кабинет, кухня. Сегюр оставил в записках благоприятные впечатления об этом строении: «В Симферополе, как и в других городах, где мы путешествовали в продолжение нашего пути, для императрицы был построен прекрасный, красивый и просторный дом». Предполагалось, что в нём проведёт зиму Екатерина, но лишний день, проведённый в Бахчисарае, изменил эти планы. Её Величеству были представлены чины областного управления, дамы гражданских чиновников, офицеры Севского полка. Императрица пообедала, пригласив к столу 46 гостей, посадила в саду три шелковицы и покинула город.

... путешественники прибыли в Карасубазар – один из важнейших административных и торговых центров Крымского ханства. Одно время, как Миних в 1736 году сжёг Бахчисарай, здесь располагалась столица ханства. В 1777 году 10-тысячный отряд под командованием прославленного полководца А.В. Суворова вступил в боевое столкновение с 40 тысячами крымских джигитов и обратил их в бегство, город вновь стал русским. Екатерина указала Екатерине и на Белую скалу, куда в 1783 году, сразу после присоединения Крыма к России, он повелел явиться крымчанам, чтобы принять от неё присягу на верность Российской державе. Пётр в письме своему фельдмаршалу отмечал, что город, некогда знаменитый, теперь в запустении, «население состоит из татар, турок, армян и греков. Все они выехали нам навстречу верхами, и подобно пчелиному рое окружили нашу карету и провожали нас до дома Князя Потёмкина, выстроенного на том самом месте, где находилась главная квартира корпуса, который он командовал во время занятия Крыма; это прекрасное здание, расположенное в весьма живописной долине; его огибают, извинаясь, ручьи и водопады...» Дворец окружал прекрасный английский сад с фонтанами и искусственными водопадами.

Для обожаемой Императрицы Светлейший также построил путевой дом, но не в самом Карасубазаре, а за городом, на возвышенности, возле слияния двух рек – Биюк Карасу и Танас. Дворец удался: розовый мрамор на облицовку, бук для внутренней отделки, парк с фонтанами... Время не пощадило ни сад, ни дворец. Сейчас на его месте располагаются строения Белогорской больницы. Кроме дворца примечательными были казармы для трёх полков пехоты и артиллерийский парк в 50 орудий. В Карасубазаре Императрицу и её гостей ожидал новый сюрприз. Едва солнце скрылось за горами, все пригорки на десять вёрст кругом загорелись тремя рядами разноцветных огней. Посреди этого горящего круга возвышалась конусообразная гора, где вспыхнул необыкновенной красоты фейерверк из 300 ракет. Восхищённый Иосиф писал: «Вечером был сожжён фейерверк: такой роскоши и полёта мне ещё никогда не случалось видеть. Чтобы доставить императрице удовольствие видеть это зрелище, пришлось заставить промаршировать сюда, за две тысячи вёрст, часть бомбардирской роты Преображенского полка. За фейерверком следовала иллюминация не только всего парка, но всех окружающих высот. Всё это – работа солдат: они наливали и зажигали стаканчики и даже наделали 100 тысяч плошек. В этой стране не останавливаются ни перед какими трудностями и издержками и здесь всё возможно».

В Карасубазаре Императрица наградила 14 чиновников первых лиц Таврической области. Высокой награды за гостеприимство, ордена Святого равноапостольного князя Владимира были удостоены В.В. Каховский, правитель канцелярии В.С. Попов, директор области, учёный К.И. Габлиц, на-

Карасубазар. К. Боссоли

чальник карантинных Е.И. Нотара, предводитель дворянства А.С. Таранов-Белозёров.

16 мая Екатерина ночевала в Старом Крыму (тогда город назывался Левкополь, что в переводе с греческого означает «белый город») в путевом дворце, построенном из дерева. Через некоторое время он сгорел. А вот каменный фонтан, сооружённый в честь приезда Императрицы, сохранился, только воды в нём уже нет.

А на следующий день путешественники осматривали древнюю Феодосию. В XIV веке при генуэзцах город процветал, теперь же находился в упадке, центр торговли переместился в Таганрог. Остатки мощных оборонительных стен и башен произвели глубокое впечатление на Императрицу, в её глазах появились слезы. Император Иосиф и Екатерина посетили монетный двор, где в их присутствии отчеканили две золотые монеты с указанием года, месяца и дня их посещения.

Граф Сегюр и некоторые спутники отправились осматривать Керченский полуостров, а Императрица начала обратный путь в Петербург. Из Карасубазара она писала Великой княгине Марии Фёдоровне: *«Вчера я обедала в Феодосии, а ночевала в Старом Крыму; сегодня же проведу ночь здесь. Местность великолепна; погода ни холодная, ни тёплая; воздух лугов наполнен благоуханием. Через три дня переправляюсь назад через Днепр и, не останавливаясь, поеду отсюда в Кременчуг. Это путешествие в Тавриде прекраснейшая прогулка; я вовсе не устала. В Бериславе граф Фалькенштейн нас оставит».*

Императрица щедро наградила первых лиц губернии и воинских начальников – новыми званиями, орденами: «пожалованы денежные дачи: духовенству, находящемуся при флоте в Севастополе, греческому духовенству в Феодосии и в Бакчисарае: на мечеть в Карасу-базаре, на мечеть и дервишам в Бакчисарае. На училища в области Таврической, нижним чинам всех войск в Тавриде расположенных по одному рублю на каждого человека, також на бедных и увечных; что составило знатную сумму». Потёмкина, главного организатора путешествия, Екатерина отблагодарила за труды по-особому. Правительствующий Сенат изготовил «Похвальную грамоту, с означением подвигов генерал-фельдмаршала князя Потёмкина: в присоединении Тавриды к Империи Российской, в успешном заведении хозяйственной части

Путешествие Екатерины в Таврическую губернию

и населении губернии Екатеринославской, в строении городов и в умножении морских сил на Чёрном море, с прибавлением ему именованя Таврического».

20 мая царский поезд проехал Перекоп и покинул пределы Крыма, двенадцатидневное путешествие по полуденному краю завершилось. В Полтаве Потёмкин продемонстрировал апогей славы и мощи России. На поле, где в 1709 году происходила Полтавская битва, он собрал армию – 70 эскадронов, 4 батальона пехоты из гренадеров и 4 батальона егерей при 40 орудиях полевой артиллерии представили картину исторического сражения. Зрителям наглядно дали понять: русская армия готова к победам. «Удовольствием и гордостью горел взор Екатерины, казалось, кровь Петра Великого струилась в её жилах. Это величественное зрелище достойно увенчало наше романтическое и вместе историческое путешествие», – отмечал граф Сегюр.

Екатерина была довольна и благодарна Потёмкину. Расставшись с князем в Харькове, она на каждой станции пишет ему письма, выражая своё восхищение. «Твои собственные чувства и мысли тем наипаче милы мне, что я тебя и службу твою, исходящую из чистого усердия, весьма, весьма люблю, и сам ты бесценный. Сие я говорю и думаю ежедневно... мы без тебя во всей дороге, а наипаче на Москве, как без рук...» Потёмкин отвечал 17 июля 1787 года: «Матушка Государыня! Я получил Ваше милостивое послание из Твери. Сколь мне чувствительны оного изъявления, то Богу известно. Ты мне паче родной матери, ибо попечение твоё о благосостоянии моём есть движение по избранию уединения. Тут не слепой жребий. Сколько я тебе должен. Сколько много ты сделала мне отличностей. Как далеко ты простерла свои милости на принадлежащих мне. Но всего больше, что никогда злоба и ненависть не могли мне причинить у тебя зла и все коварства не могли иметь успеху. Вот что редко в свете... Здешний край не забудет своего счастья. Он тебя зрит присно у себя, ибо почитает себя твоею вотчиною и крепко надеется на твою милость... Прости, моя благодетельница и мать, дай Боже мне возможность доказать всему свету, сколько я тебе обязан, будучи по смерти». Потёмкин выражал своё желание и далее служить во славу Императрицы Екатерины, во славу России.

Значение путешествия в Крым трудно переоценить. В 1803 году граф Сегюр выпустил в Париже книгу, в которой отмечал: «...богатства степного края, быстрое развитие городов, изобилие военных запасов и снарядов, отличное устройство войска, значение военных портов, прелесть южной природы в Крыму, заботливость князя при управлении краем, – всё это должно было поразить Екатерину, обезоружить недоброжелателей князя и в то же время привести в удивление Европу. На Западе должны были узнать, какими источниками богатства и могущества располагает Россия. Путешествие это из контроля над действиями Потёмкина должно было превратиться в торжество его, Екатерины и вообще России в глазах Европы, в демонстрацию перед Оттоманской Портой и её союзниками, оно должно было внушить страх недоброжелателям России...»

Однако тот же Сегюр и император Иосиф в 1787 году, удивляясь и восхищаясь тем, что успел сделать Потёмкин, не ожидали прочных результатов. Однажды, беседуя с французским посланником, Иосиф высказал свои мысли по этому поводу, в которых звучит некоторая зависть:

– Я вижу во всём этом гораздо более эффекта, нежели внутренней цены. Князь Потёмкин деятелен, но он гораздо лучше умеет начинать, нежели довершать. Впрочем, так как здесь никаким образом не щадят ни денег, ни людей, то всё может казаться нетрудным. Мы в Германии и во Франции не смели бы предпринимать того, что здесь делается. ...Вы видите, что здесь ни во что не ставят жизнь и труды человеческие; здесь строят дороги, гавани, крепости, дворцы в болотах; разводят леса в пустынях без платы рабочим, которые, не жалуясь, лишены всего, не имеют постели, часто страдают от голода.

– Всё здесь начинается, ничто не оканчивается, – поддержал Сегюр. – Князь Потёмкин часто оставляет то, что только что было начато; ни один проект не составляется солидно, ни один не исполняется до конца. В Екатеринославе мы видели начало города, который не будет обитаем, начало церкви, в которой никогда не будет службы, место, выбранное для Екатеринослава, безводное; Херсон окружён опасною болотистой атмосферой. В последние годы степи опустели хуже прежнего. Крым лишился двух третей своего населения. Город Кафа разорён и никогда не поднимется более. Один Севастополь, действительно великолепное место, но ещё пройдёт много времени, пока там будет порядочный город. Старались украсить всё временно для императрицы. После отъезда её все эти чудеса исчезнут. Я знаю князя Потёмкина; его пьеса сыграна, занавес упал; князь займётся теперь другими задачами или в Польше, или в Турции. Настоящая администрация, требующая постоянства, не согласуется с его характером.

Сомнения австрийского императора и французского дипломата понятны: не привыкшие к большим пространствам, они глазам своим не верили, видя убегающие за горизонт деревни и строящиеся корабли. Подсчитав, во сколько же могло обойтись государству такое строительство – усомнились в ими же названных

Иосиф II

суммах. Завистников и врагов у Потёмкина хватало и на родине, им казалось невероятным, что какой-то одноглазый выскочка за десять лет сделал дело, которое девять веков было не по плечу князьям, царям и императорам! Так родился миф о «потёмкинских деревнях», якобы выстроенных по приказу Светлейшего в Новороссии в 1787 году. Автором и инициатором злобных статей под броским названием «Потёмкинские деревни» стал секретарь саксонского посольства Гельбих, живший в России в 1787-1796 годах. Коллеги-дипломаты отзывались о нём как о «воинствующей заурядности, основанной на невежестве, вооружённой подлостью», которая не останавливается даже перед тем, чтобы втоптать в грязь память о человеке. В серии статей, опубликованных в 1797 году в гамбургском журнале «Минерва», он упомянул «потёмкинские деревни» как фальшивые поселения, декоративные постройки. Автор утверждал: Императрице показывали одно и то же огромное стадо скота, которое по ночам перегоняли на новое место; в богатых складах хлеба мешки были наполнены не пшеницею, а песком; великолепные сады в Кременчуге и других городах тотчас же после краткого пребывания там Екатерины были запущены и вновь превратились в голую степь. Впрочем, каждый видел то, что хотел. Принц де Линь, умнейший человек, называл рассказ о театральных декорациях «нелепою баснею». Он утверждал: «Всё-строится, приводимое в приличный вид...» И постарался дать объективный портрет Потёмкина и объяснить его характер: «Это самый удивительный человек, которого мне доводилось встретить ...скучающий среди удовольствий; несчастный от собственной удачливости; неумеренный во всём, легко разочаровывающийся, часто мрачный, непостоянный, глубокий философ, способный министр, искусный политик – и вдруг десятилетний ребёнок... В чём заключался секрет его волшебства? Гений, гений и ещё раз гений; природная одарённость, отличная память, возвышенный строй души; насмешливость без стремления оскорбить, артистичность без наигранности... способность завоёвывать в лучшие моменты любое сердце. бездна щедрости... тонкий вкус – и глубочайшее знание человеческой души».

Екатерина, которой стали известны слухи о несуществующих деревнях, старалась их опровергнуть и высмеяла, как лживые. Она полностью доверяла князю, уверенная в его исполнительности. Да и цели поездки были весьма серьёзные: демонстрация не призрачной, а реальной мощи Российской империи. Вряд ли Потёмкин стал бы рисковать успехом задуманного им путешествия, возводя картонные постройки. Однако миф о «потёмкинских деревнях» оказался живуч, и в наши дни историки спорят: были они на самом деле или нет.

Путешествие Императрицы оказало огромное влияние на экономическое развитие многих губерний, и прежде всего юга России. Естественные богатства края привлекли внимание промышленников и торговцев. Морские порты, например, Феодосия, получили право беспощлиного ввоза и вывоза товаров, что оживило торговлю с иностранными державами. Созданные Потёмкиным города – Екатеринослав, Николаев, Херсон, Севастополь,

Светлейший князь Г.А. Потемкин.
Литография XIX в. по оригиналу,
выполненному в конце 1770-х гг.

Симферополь – быстро развивались, став крупными экономическими и культурными центрами. Степная часть Новороссии и Крым заселялись земледельцами из России и Украины, а также иностранцами. Получили льготы и крымские татары: они освобождались от податей и многих повинностей, могли свободно исповедовать магометанскую религию и совершать обряды, разбирать дела по шариату, все мурзы были возведены в дворянское достоинство. Правительство не препятствовало переселению татар в Турцию, и сначала Крым покинули около 80 тысяч человек. Однако, видя разумную политику России, многие вернулись на родину.

И во главе почти всех бессмертных начинаний стоял Григорий Александрович Потёмкин – выдающийся политик и администратор, самый блистательный из сподвижников Екатерины, человек сложный, во многом противоречивый, но, безусловно, талантливый и умный, решительно вторгавшийся в государственные дела и видевший свой долг в служении России. Цели и мысли Екатерины и Светлейшего князя удивительно совпадали. Потёмкин никогда не стал бы «князем Таврическим», если бы его миновала любовь Екатерины, но и она не могла бы титуловаться «Великой»,

Памятник Екатерине II
в Симферополе

если б её не окружали русские люди, подобные Потёмкину!

В 1791 году, во время успешных мирных переговоров в Яссах, Потёмкин умер. 12 октября курьер доставил Екатерине, уже долгое время тревожившейся о здоровье Григория Александровича, срочное донесение: «Судьба свершилась. Его Светлости князя уже нет на этой земле». Прочитав его, Императрица лишилась чувств. В письме Гримму, написанном спустя несколько часов после получения горестного известия, Государыня выплескивает боль своей души: *«Вы не можете себе представить, как я огорчена. Это был человек высокого ума, редкого разума и превосходного сердца. Цели его всегда были направлены к великому. Он был человеколюбив, очень сведущ и крайне любезен... им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими. Одним словом, он был государственный человек: умел дать хороший совет, умел его и выполнить. Его привязанность и усердие ко мне доходили до страсти; он всегда сердился и бранил меня, если, по его мнению, дело*

было сделано не так, как следовало... В нём были качества, встречающиеся крайне редко и отличавшие его между всеми другими людьми: у него были смелый ум, смелая душа, смелое сердце. Благодаря этому мы всегда понимали друг друга и не обращали внимания на толки тех, кто меньше нас смыслил. По моему мнению, Князь Потёмкин был великий человек, который не выполнил и половины того, что был в состоянии сделать...»

Своему секретарю Храповицкому Императрица говорила: «Как можно мне Потёмкина заменить? ...Всё будет не то. Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его не можно было купить». По общему признанию современников, со смертью Потёмкина померк блеск царствования Екатерины II.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I: «Я СКОРО ПЕРЕСЕЛЮСЬ В КРЫМ»

Сын Екатерины Павел осуждал образ жизни матушки и не принимал той политики, которую она проводила. Своё царствование он начал с изменения всех порядков екатерининского правления. Княгиня Дашкова вспоминала: «...с первой минуты своего восшествия на престол Павел обнаружил яростную ненависть и презрение к памяти матери, он спешил опрокинуть всё, что она успела сделать». В Крыму Император никогда не бывал, но его указы отразились на судьбе полуострова. Павел I ликвидировал Таврическую область. Симферополь стал уездным городом и был переименован в Ак-Мечеть. Дом губернатора и присутственные места превратили в казармы, татарскую баню – в тюремный острог. Постепенно жители-христиане покидали город, их опустевшие дома со временем разрушались. Академик Пётр Симон Паллас так описал это печальное зрелище: «С тех пор как Крым из губернии превращён в округ Новороссийского наместничества, остановилось и благосостояние зарождающегося города. С уменьшением подвоза продовольственных припасов жители города стали мало-помалу оставлять город». Павел повелел, чтобы «все места в Крыму находящиеся называть прежними именами», поэтому гордое имя Севастополь также заменили на Ахтиар, строительство севастопольской крепости приостановилось.

В 1801 году на престол вступил Император Александр I, пообещавший: «Всё при моём царствовании будет делаться по принципам и по сердцу моей любимой бабушки, Императрицы Екатерины». Новороссийское наместничество он разделил на три губернии – Николаевскую, Екатеринославскую и Таврическую, губернскому городу вернул имя Симферополь.

Император Александр I. Худ. Д. Доу

Императрица Екатерина II

К концу второго десятилетия своего царствования Александр Павлович очень изменился. Он всё чаще уединялся в Каменноостровском дворце в Петербурге, общаясь лишь с близкими друзьями и слугами, или, оставив государственные дела, уезжал то за границу, то в отдалённые губернии России. Многие месяцы он проводил в дороге, скакал из одного города в другой, словно убегая от скорбных мыслей, от забот, от самого себя. Весной 1818 года его путь лежал в Тавриду, завоёванную в царствование Екатерины Великой. Будучи ребёнком, он с братом Константином должен был сопровождать Императрицу в её триумфальном путешествии в Тавриду, но помешала болезнь. И вот теперь, тридцать лет спустя, он едет тем же путём, чтобы самому увидеть край, восхитивший великую правительницу.

Глядя в окно кареты на беспредельные степи, Александр вспоминал бабушку Екатерину. Она входила в комнату, удивительно легко неся полное тело, и приятный аромат померанца тянулся за нею тонким шлейфом. Гладила волосы и щёчки мальчика мягкой, пухлой, но всегда прохладной рукой. Императрица в своём первом внуке, «господине Александре», души не чаяла и внимательно следила за его воспитанием и образованием: что тот читал, о чём говорил со своим учителем Лагарпом*. Александр обожал бабушку, так, по крайней мере, казалось окружающим. Но любил ли он её на самом деле? Если не хитрить перед самим собой, ответить на вопрос однозначно было бы сложно. В его сердце переплелись нежность, уважение и страх огорчить или разочаровать Екатерину. Размышляя о прожитой жизни, Император Александр с тоской думал о том, как мало он был счастлив.

* *Фредерик Сезар Лагарп (1754-1838) – швейцарский адвокат, республиканец, гуманист, человек высоких нравственных качеств. В 1786 году Екатерина пригласила его для воспитания внуков, Александра и Константина. Лагарп мечтал воспитать из первого «человека – друга свободы, покровителя наук и искусств, который явится в мир провозгласить идеи равенства и независимости. Как счастлив будет управляемый им народ: в его государстве воздвигнутся многочисленные школы, университеты, будет процветать торговля, и мирные земледельцы, благословляя своего монарха, с любовью обратятся к своим сельским работам, пышная аристократия снимет свои раззолоченные кафтаны, при дворе стихнут интриги и козни и все обратятся к занятиям, облагораживающим ум и сердце».*

Александр рос при дворе Екатерины и редко видел своего отца Цесаревича Павла Петровича и мать Марию Фёдоровну. Императрица безжалостно отняла у невестки сына, родившегося 12 декабря 1777 года, и нарекла Александром в честь воина и святого, великого сберегателя Руси Александра Невского. Более всего на свете она желала сама вырастить этого белокурого голубоглазого малыша, сделать из него идеального, просвещённого правителя, своего преемника. К тому времени она уже хорошо понимала: Павел разрушит всё, что она создавала столько лет. Екатерина собственноручно составила «Бабушкину азбуку» – своеобразное наставление, свод правил по воспитанию старших внуков, написала немало рассказов-басен, «Записки, касающиеся русской истории». Воспитательные принципы Императрица определила так: «У меня только две цели в виду: одна – раскрыть ум для внешних впечатлений, другая – возвысить душу, образуя сердце». Императрица желала, чтобы юные Великие князья росли в вольной, ничем не ограничивающей развитие личности обстановке. Однако пронизательный, одарённый тонкой душевной организацией, ребёнок видел, что те высокие человеческие качества, которые ему желали привить: справедливость, терпеливость, благородство – попираются придворными вельможами. Умные принципы разбивались о реальность дворцовой жизни, заставляя Александра хитрить, закрываться, лукавить. Он улавливал желания венценосной бабки и прилагал все старания казаться таким, каким хотела видеть его Императрица. В письмах к Екатерине семилетний Александр совсем не по-детски льстит: всегда целует ручки и ножки бабушки; умеет шепнуть, кому следует, что высшее его желание походить на бабушку как можно больше.

Екатерина словно не замечала неискренности, хитрости, изворотливости в характере Александра и восторгалась его успехами: *«Я убеждена, что Александром будут всегда и в полной мере довольны, так как он соединяет большую уравновешенность характера с удивительной для его возраста любезностью. У него открытое, смеющееся, приветливое лицо; его устремления всегда благожелательны: он хочет преуспеть и во всём добивается большего, чем можно ожидать в его возрасте. Он учится ездить на коне, он читает, он пишет на трёх языках, он рисует, и его ни к чему не принуждают; то, что он пишет, – это или история, или география, или что-либо весёлое. У него прекрасное сердце. Благородством, силой, умом, любезностью, знаниями г-н Александр значительно превосходит свой возраст; он станет, по моему мнению, наипревосходнейшим человеком, лишь бы второстепенности не задержали его успехов...»*

Стремление Лагарпа пробудить в своём ученике уважение к человеческой личности и человеческому достоинству, мысль о том, что будущее государственное устройство должно опираться на начала справедливости и правды нашли горячий отклик в душе Александра. Великий князь рос с романтической верой в идеалы Просвещения, сочувствовал полякам, лишившимся государственности после разделов Польши, и симпатизировал Великой французской революции. Свободолюбивые мысли внука не пугали

Екатерину, она и сама в молодые годы была заражена «республиканским духом» и знала: как только Александр начнёт царствовать, все либеральные идеи развеются. А вот знала ли Государыня о том, что её любимец критически оценивал политическую систему российского самодержавия?

В Лагарпе Александр нашёл не только любящего воспитателя-учителя, но и верного друга. И это не удивительно: оторванный от семьи, он рос без материнской любви и ласки и не мог не чувствовать раздражительности, почти ненависти в отношениях бабушки и отца. Павел Петрович в Гатчине и Павловске создал свой мир, командовал своей маленькой армией, в которой насаждал прусские военные порядки с бесконечной муштрой, построениями, разводами и парадами. Повзрослевшие Александр и Константин должны были принимать участие в этой жизни, и мужские забавы им нравились, хотя взбалмошный, раздражительный отец мог похвалить, а мог и высмеять, грубо обругать, назвав сына «дураком» и «скотиной». Александр вынужден был лавировать между Екатериной и Павлом, уметь нравиться им обоим, как образно выразился В.О. Ключевский, «жить на два ума, держать две парадные физиономии». В Царском Селе он вёл себя как придворный, в Гатчине – как солдат. Это приводило к душевному разладу и порождало страх – страх перед деспотичным, вспыльчивым отцом и перед властной, умной, требовавшей безграничной преданности бабушкой. Александр часто чувствовал себя одиноким, но был готов к этому состоянию, хорошо запомнив поучения Лагарпа о том, что государь не может иметь истинных друзей: «Лучший и, может быть, единственный друг правителя – сила его собственной рассудительности, с помощью которой он взвешивает доводы своих министров, советы друзей и похвалы царедворцев».

Вовсе не желая того, Александр ещё при жизни Екатерины II оказался втянут в заговор против отца. В 1794 году Императрица попыталась передать престол внуку, минуя законного наследника Павла Петровича. Но ни Императорский Совет, ни Лагарп не поддержали её намерений. Александр ощутил сильный страх и отвращение ко всей этой интриге. Он уверяет Павла в своем нежелании принять престол, даёт в присутствии Аракчеева клятву верности и называет отца «Императорским Величеством». В то же время слова Екатерины о его славном будущем пробудили в глубине души желание царствовать, с которым Александр старался бороться, заявляя: «Если верно, что хотят посягнуть на права отца моего, то я сумею уклониться от такой несправедливости».

Только близким друзьям Александр доверяет истинные мысли: он ненавидит деспотизм в любом его проявлении, не одобряет политики, проводимой Екатериной, и уж тем более, образ жизни при дворе. В 1796 году Великий князь пишет В.П. Кочубею, бывшему в то время за границей: *«Моё положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде*

низостей, совершаемых на каждом шагу для получения внешних отличий, не стоящих, в моих глазах, медного гроша. Я чувствую себя несчастным в обществе таких людей, которых не желал бы иметь у себя и лакеями... Я сожалею, что не рождён для того сана, который ношу теперь, и ещё менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказать тем или иным способом...

...В наших делах господствует неимоверный беспорядок; грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления; это выше сил не только человека, одарённого, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения, а я постоянно держался правила, что лучше совсем не браться за дело, чем исполнять его дурно. Мой план состоит в том, чтобы, по отречении от этого поприща (я не могу ещё положительно назначить время сего отречения), поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно честным человеком, получая своё счастье в обществе друзей и в изучении природы». Удивительно, но уже в пору своей юности Александр мечтает избавиться от бремени власти, и к этой мечте он будет стремиться всю жизнь.

В 1796 году Павел Петрович вступил на российский престол, полный решимости навести в государстве порядок, искоренить зло екатерининского правления, восстановить справедливость, свободу, добропорядочность, верное служение Отечеству. Однако для осуществления высоких и благородных целей он выбирал не просветительские, а гатчинские, военные способы, сея в стране непонимание и страх. 27 сентября 1797 года, спустя год после смерти Екатерины II и вступления на престол Павла I, Александр пишет любимому воспитателю Лагарпу: «...Мой отец, по вступлении на престол, захотел преобразовать всё решительно. Его первые шаги были блестящими, но последующие события не соответствовали им. Всё сразу перевернуто вверх дном, и потому беспорядок, господствовавший в делах и без того в слишком сильной степени, лишь увеличился ещё более.

...Наконец, чтоб сказать одним словом – благосостояние государства не играет никакой роли в управлении делами: существует только неограниченная власть, которая всё творит шиворот-навыворот. ...Одним словом, моё несчастное отечество находится в положении, не поддающемся описанию. Хлебопашец обижен, торговля стеснена, свобода и личное благосостояние уничтожены. Вот картина современной России, и судите по ней, насколько должно страдать моё сердце. Я сам, обязанный подчиняться всем мелочам военной службы, теряю всё свое время на выполнении обязанностей унтер-офицера, решительно не имея никакой возможности отдаться научным занятиям, составлявшим моё любимое времяпрепровождение; я сделался теперь самым несчастным человеком.

...Мне думалось, что если когда-либо придёт и мой черёд царствовать, то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвя-

Император Павел I.
Художник С. Щукин

тив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев. Это заставило меня передумать о многом, и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена, и нация избрала бы своих представителей. Вот в чём заключается моя мысль».

О недостатках правления Павла Александр мог говорить только с близкими друзьями: графом Николаем Новосильцевым, графом Павлом Строгановым, князем Адамом Чарторыйским*. Они были единомышленны во взглядах: обновле-

ние России должно проходить постепенно, осторожно, без резких перемен. Но Александр высказывал идеи, которые вызывали у его друзей бурные протесты. Великий князь хотел отказаться от трона, считая, что «передача верховной власти должна зависеть не от случайностей рождения, а от голосования народа, который сумеет выбрать наиболее способного правителя». А друзья убеждали: сначала необходимо совершить реформы в стране, а уж потом думать о своей судьбе. В одной из бесед Александр согласился с ними: «Я действительно чувствую, что надо в первое время взять на себя бремя власти, но только для того, чтобы произвести преобразования».

**Чарторыйский Адам Юрий (1770 – 1861) – известный политический деятель Польши и России, литератор, автор изданных на французском языке мемуаров, являющихся важнейшим источником материалов по истории России, Польши и Франции в первой половине XIX века. С 1795 года жил в Петербурге, стал одним из ближайших политических советников Александра, членом его Негласного комитета. Долгое время находился на дипломатической службе и до 1806 года был министром иностранных дел, до 1823 года исполнял обязанности попечителя Виленского учебного округа. После восстания 1831 года, в котором активно участвовал, вынужден был эмигрировать и поселиться в Париже, где и оставался до конца своей жизни.*

Строганов Павел Александрович (1772 – 1817) – граф, генерал-лейтенант, сенатор; был в числе ближайших советников Александра I, входил в так называемый Комитет общественного спасения.

Новосильцев Николай Николаевич (1761 – 1836) – русский государственный деятель эпохи Александра I; пользовался его особым расположением и доверием, жил во дворце, был одним из самых деятельных участников его Негласного комитета, впоследствии председатель Государственного Совета и Кабинета министров.

Кочубей Виктор Павлович (1768 – 1834) – государственный деятель из ближайшего окружения Александра I, почти бессменный руководитель министерства внутренних дел в его царствование.

Недовольные политикой Императора постепенно сплывались вокруг Александра, исподволь зрел заговор. О настроениях тех дней в письме к матери в августе 1797 года рассказывала Великая княгиня Елизавета Алексеевна: *«А, как и многие, ручаюсь головой, что часть войск имеет что-то на уме или что они, по крайней мере, надеялись получить возможность, собравшись, что-либо устроить. О! Если бы кто-нибудь стоял во главе их! О, мама, в самом деле он (Павел – ред.) тиран».*

В 1800 году Александру не раз предлагали заставить Павла отречься от престола и взять власть в свои руки, но он не соглашался – и отца уважал и закон не хотел нарушать. Однако через какое-то время почувствовал, как над его головой сгустились тучи. Подозрительный Павел не только отправил друзей сына кого за рубеж, кого в отставку, но и выказал желание заточить Императрицу Марию Фёдоровну в Смольный монастырь, Александра – в Петропавловскую крепость. Страх за свою жизнь заставил сделать выбор, действовать быстро и решительно. От графа Палена Александр потребовал клятвенного обещания не покушаться на жизнь отца, добиться лишь акта отречения. Впоследствии Пален вспоминал: «Я дал ему слово.. Я обнадёжил его намерения, хотя был убеждён, что они не исполнятся. Я прекрасно знал, что надо завершить революцию или уже совсем не затевать её и что если жизнь Павла не будет прекращена, то двери его темницы скоро откроются, произойдёт страшная реакция и кровь невинных, как и кровь виновных, вскоре обогрит и столицу и губернии».

А что же Александр, неужели поверил в клятву Палена? Скорее всего, нет. Изучая историю России, он прекрасно знал, чем заканчиваются дворцовые перевороты, знал, что активный и беспощадный Павел добровольно от власти не отречётся, а решительные Пален и Панин пойдут до конца. Александру потребовалось немалое мужество, хладнокровие и сила воли. Днём 11 марта 1801 года Павел, словно предчувствуя беду, заставил Александра и Константина принести ему присягу в дворцовой церкви на Евангелии. И всё же Александр не рассчитал душевных сил.

Эту страшную ночь 11 марта 1801 года Александр не мог забыть никогда. Он снова и снова мучительно вспоминал, как мирно беседовал с отцом за ужином, как после, не раздеваясь, бросился на диван, лежал, представляя заговорщиков, идущих в покои Императора. Скоро всё кончится, безумный отец отречётся от власти, и он, Александр, окружит его добрым попечением.

Ровно в половине первого ночи дверь распахнулась, граф Пален, суровый и сосредоточенный, сообщил о смерти Павла. Охваченный ужасом, Цесаревич простонал: «Скажут, что я убийца; мне обещали не посягать на его жизнь; я самый несчастный человек в мире!» Очнулся от того, что Пален тряс его за плечи и кричал:

– Довольно быть мальчишкой!.. Извольте царствовать.

Тёмные коридоры Михайловского замка были заполнены возбуждёнными, громко говорящими, пьяными офицерами. Вид мёртвого отца с распухшим, си-

ним лицом так подействовал на Александра, что он снова потерял сознание. Только благодаря поддержке супруги Елизаветы, единственной в ту ночь сохранившей самообладание, он сумел взять себя в руки, вышел к преображенцам и семёновцам и после короткой речи уехал в Зимний дворец. Оставшись один, Александр предался отчаянию. Адам Чарторыйский свидетельствовал: «...мысль, что он был причиной смерти отца, была для него ужасна; он чувствовал, словно меч вонзился в его совесть, и чёрное пятно, казавшееся ему несмываемым, навсегда связалось с его именем... Целыми часами оставался он один, молча, с угрюмым неподвижным взглядом. Это повторялось ежедневно; он никого не хотел тогда видеть подле себя». Тяжкий грех – отцеубийство – камнем лёг на душу. Как избавиться от давящего чувства огромной вины, вернуться к себе прежнему, с чистой совестью? Александр видел один путь: он должен сделать всё для благоденствия Отечества. Лучше остальных молодого Императора понимала Елизавета Алексеевна, 12 марта 1801 года она писала: *«Его чувствительная душа навсегда останется растерзанной, только мысль о возвращении утраченного благополучия Родины может поддержать его. Ничего другое не могло бы придать ему твёрдости»*.

И вот, после семнадцати лет царствования Император Александр ощущает усталость и разочарование. Восшествие на трон 24-летнего Александра Павловича страна восприняла как начало новой жизни. Один из современников так описывал происходящее: «...немая всеобщая радость, освещаемая ярким весенним солнцем. Все обнимались. Как в день светлого воскресения; ни слова о покойном, чтобы и минутно не помрачить сердечного веселья, которое горело во всех глазах; ни слова о прошедшем, всё о настоящем и будущем...» Первые шаги молодого Императора на государственном поприще не обманули надежд его подданных. Вышел ряд указов, весьма облегчавших обывательскую жизнь; была уничтожена «Тайная канцелярия», занимавшаяся делами, связанными с оскорблением Царского Величества; Петропавловская крепость опустела: многих заключенных из неё выпустили; 12 тысяч человек, уволенных со службы, вновь получили возможность вернуться к государственными должностям. Находившиеся в ссылке стали съезжаться в недавно ещё недоступную им столицу. Смягчена цензура, разрешался ввоз из-за границы книг. Восстановлена жалованная грамота дворянству, равно как и городское положение.

Более серьёзные реформы предстояло обдумать и обсудить основательно. Особенно сложным оказался крестьянский вопрос. За несколько месяцев до переворота Александр записал в дневнике: *«Ничего не может быть унижительнее и бесчеловечнее, как продажа людей, и для того неотменно нужен указ, который бы оную навсегда запретил. К стыду России рабство ещё в ней существует. Не нужно, я думаю, описывать, сколь желательнее, чтобы оное прекратилось. Но, однако же, должно признаться, сие трудно и опасно исполнить, особливо если не исподволь за оное приняться»*. Итак, Александр решил действовать постепенно. Сначала он нарушил монополию дворян на землю. 12 декабря 1801 года вышел указ, дававший право покупки земель

купцам, мещанам, казённым крестьянам, вольноотпущенникам. А 20 февраля 1803 года появился указ, по которому крепостные крестьяне с согласия своих помещиков могли выкупаться на волю с землёй целыми селениями.

Тем временем в столицу вернулись Чарторыйский, Новосильцев, Кочубей – «молодые друзья», составившие по инициативе Александра Негласный комитет. В откровенных, иной раз жарких беседах говорили о реформах в России. Чарторыйский вспоминал: «Каждый нёс туда свои мысли, свои работы, свои сообщения о текущем ходе правительственных дел и о замеченных злоупотреблениях власти. Император вполне откровенно раскрывал перед нами свои мысли и свои истинные чувства. И хотя эти соображения долгое время представляли собой простое препровождение времени в беседах, не имеющих практических результатов, всё же надо сказать правду, что не было ни одного внутреннего улучшения, ни одной полезной реформы, намеченной или проведённой в России в царствование Александра, которые не зародились на этих именно тайных совещаниях».

Однако ни крестьянская реформа, ни принятие конституции так и не состоялись. Почему же так случилось? Одно дело говорить о преобразованиях и совсем другое – осуществлять их; все прекрасно понимали, что реформы вызовут недовольство у консервативно настроенной части дворянства и помещиков. Сохранилось свидетельство попечителя петербургского учебного округа Д.П. Рунича: «Самый недалёковидный человек понимал, что вскоре наступят новые порядки, которые перевернут вверх дном весь существующий строй. Об этом уже говорили открыто, не зная ещё, в чём состоит угрожающая опасность. Богатые помещики, имеющие крепостных, теряли голову при мысли, что конституция уничтожит крепостное право и что дворянство должно будет уступить шаг вперёд плебеям. Недовольство высшего сословия было всеобъемлющее». Высказывание Рунича ясно показывает, до какой степени дворянство боялось любых перемен, справедливо подозревая, что в конечном итоге эти перемены могут привести к ликвидации крепостного права. В 1805 году Негласный комитет прекратил своё существование. Остались нереализованными и смелые планы М.М. Сперанского*, ограничивавшие самодержавную власть.

**Сперанский Михаил Михайлович (1772 – 1839) – общественный и государственный деятель в царствования Александра I и Николая I, реформатор, законодворец, основатель российской юридической науки и теоретического правоведения. В 1809 году по поручению Александра I подготовил план государственных преобразований – «Введение к уложению государственных законов», в котором рекомендовал для предотвращения возможных революционных потрясений в России придать самодержавию внешние формы конституционной монархии (выборность части чиновников, новые начала организации суда, государственного контроля, разделение властей и пр.). По проекту Сперанского политические права получали только дворянство и «среднее состояние» – купцы, мещане, государственные крестьяне, которые выбирали законодательную Государственную думу и распорядительные окружные и губернские думы, а также судебные органы. «Народу рабочему» (крепостным крестьянам, рабочим, домашним слугам) давались лишь некоторые гражданские права при сохранении крепостного права. Сперанский считал, что оно отменится постепенно, под воздействием развития промышленности, торговли и просвещения. Практически Сперанскому удалось провести некоторые административные мероприятия, крупнейшим из которых было учреждение Государственного совета (1810).*

Но от своих принципов Александр отказываться не собирался. В послевоенный период устройства Европы вошедшему в состав России Царству Польскому была Высочайше дарована конституция, предоставлено самоуправление, право иметь собственную армию. Для Александра это был первый шаг на пути к конституции русской. 15 марта 1818 года на открытии первого Польского сейма он произнёс речь, поразившую современников: «Образование, существовавшее в вашем краю, дозволило мне ввести немедленно то, которое я вам даровал, руководствуясь правилами законно-свободных учреждений, бывших непрестанно предметом моих помышлений и которых спасительное влияние, надеюсь я, с помощью Божией распространить и на все страны, Провидением попечению моему вверенные. Таким образом, вы мне подали средство явить моему Отечеству то, что я уже с давних лет ему приурочиваю и чем оно воспользуется, когда начала столь важного дела достигнут надлежащей зрелости». Александр ещё раз подтвердил своё желание дать подданным свободу. Они пока не готовы её принять? Что ж, он подождёт, уверенный, что либеральные перемены в России произойдут ещё в его царствование.

С такими мыслями Александр въехал в Симферополь. Облик губернского города ещё только начинал формироваться. На просторном поле, разбитом на правильные прямоугольники – будущие улицы, стояло несколько довольно хороших каменных домов: путевой дворец Екатерины, дом вице-губернатора, присутственные места. Казалось, это вовсе и не город, настоящий город должен быть где-то впереди. И действительно, за пределами поля начинался старый восточный Ак-Мечеть с домами под черепичными крышами в окружении садов, со стройными колоннами минаретов, поднимавшимися в синее небо, с шумным базаром. Существует предание, что Александр указал место для строительства Александро-Невского собора посреди просторной площади.

Затем Император отправился в Бахчисарай, остановился в ханском дворце, хранившем ещё следы пребывания Августейшей бабушки Екатерины II. По дороге в караимский город Чуфут-Кале Александр пожелал осмотреть Успенский монастырь – приют древних христиан. Государя встретил протоиерей Константин Спиранди, повёл по лестнице в пещерный храм, высеченный в скале в том месте, где произошло чудесное явление иконы Божией Матери. С тех пор христиане получали здесь помощь и защиту Бо-

Вид Симферополя или Акмечети. Гравюра из альбома П.И. Сумарокова

городицы, а болящие – исцеление. Молитва в пещерном храме укрепляла силы и душевные, и телесные. В 1778 году греки, воспользовавшись предложением Екатерины II, покинули свои дома, переселились в Приазовье и увезли с собой чудотворную икону. Монастырь опустел, лишь он, единственный священник, совершает богослужения для небольшого числа православных греков, оставшихся в окрестностях Бахчисарая.

– Где место явления святой иконы? – спросил Александр. Спиранди, выйдя из храма на балкон, указал на стену с изображением Богоматери. Император велел подать лестницу. Поднявшись к иконе, он приложился к образу и прилепил к скале зажжённую свечу.

Александр, долгое время оставшийся равнодушным к религии, только в 1812 году, когда армия Наполеона уверенно продвигалась в глубь страны, начал искать поддержки и утешения в Священном Писании, стараясь разгадать в словах еврейских пророков тайный смысл. Впоследствии он вспоминал: «Я пожирал Библию, находя, что её слова вливают новый, никогда не испытанный мир в моё сердце и удовлетворяют жажду моей души. Господь по своей благодати даровал мне своим духом разуместь то, что я читал. Этому-то внутреннему назиданию и озарению обязан я всеми духовными благами, приобретёнными мною при чтении божественного слова». Казалось, в словах Исаяи он обрёл истину: «Народ и царства, которые не захотят слушать тебя, погибнут, и такие народы совершенно истребятся...» Наполеон, которого он считал братом, – страшный зверь, и Бог своим провидением избрал его, Александра, чтобы разгромить мощь этого гордеца и богоотступника. Император так часто разочаровывался в окружавших его людях, не раз ошибался в надеждах на человеческие силы, что победу над Наполеоном считал предопределённой свыше. На медали в память войны 1812 года он повелел написать: «Не нам, не нам, а имени Твоему».

Впрочем, внешняя обрядовость православной церкви по-прежнему не привлекала Александра, в церковных песнопениях среди золота и мрамора соборов так трудно уловить истину, скрытую в мудрых изречениях. Князь А.Н. Голицын объяснил: дело вовсе не в вероисповедании, есть люди, столь щедро одарённые духовно, что, не будучи священниками, могут объяснить смысл и евангельских рассказов, и послания вдохновенного Павла, и страшные видения Апокалипсиса. Александр стал искать встреч с такими людьми, его религиозное настроение всё больше приобретало черты мистицизма. Беседы с моравскими братьями, с князем Голицыным давали отдохновение его измученной душе. Большое впечатление произвела на Государя страстная

Баронесса фон
Крюндер

проповедница и ясновидящая баронесса Юлия фон Крюденер*. Александру рассказали о том, что в 1812 году эта необычная женщина предсказала: Наполеон будет разбит русской армией и сослан на остров Эльба. Когда же это произошло, госпожа Крюденер предрекла, что он вскоре вернётся, начнётся новое кровопролитие, после которого установится прочный мир. Всё так и случилось. Заинтересованный Император Александр загорелся желанием встретиться с предсказательницей. «Не успел я остановиться на этой мысли, – писал он, – как я услышал стук в дверь. Это был князь Волконский; с видом нетерпения и досады он сказал мне, что поневоле беспокоит меня в такой час только для того, чтобы отделаться от женщины, которая настоятельно требует свидания со мною, и назвал г-жу Крюденер. Вы можете судить о моём удивлении! Мне казалось, что это сновидение. Такой внезапный ответ на мою мысль представился мне не случайностью. Я принял её тотчас же...» Их первая встреча состоялась в июне 1815 года. «Вы, государь, – сказала баронесса тихим, вкрадчивым голосом, – ещё не приближались к богочеловеку, как преступник, просящий о помиловании. Вы ещё не получили помилования от того, кто один на земле имеет власть разрешать грехи. Вы ещё остаётесь в своих грехах. Вы ещё не смирились пред Иисусом, не сказали ещё, как мытарь, из глубины сердца: Боже, я великий грешник, помилуй меня. И вот почему вы не находите душевного мира. Послушайте слов женщины, которая также была великой грешницей, но нашла прощение всех своих грехов у подножия креста Христова». Между госпожой Крюденер и Александром I завязалась дружба, они часто виделись и беседовали на религиозные темы. Александру казалось, что баронесса, так хорошо понимавшая его душевные переживания, послана ему Господом: «Вы помогли мне открыть в себе вещи, которых я никогда в себе не видел; я благодарю

**Варвара Юлия фон Крюденер (1764 – 1824) – легендарная женщина рубежа XVIII-XIX веков, правнучка знаменитого фельдмаршала Миниха, сподвижника Петра Великого. Её знали государи и аристократы, художники и писатели, политические и религиозные деятели всех европейских стран. Ощувив в себе литературный дар, баронесса Крюденер начинает писать, наиболее известным стал её сентиментальный роман «Валери». Бурная молодость пролетела, а известность терять баронесса не желала и увлеклась религией, уверовав, что на неё направлен промысел Провидения, что она способна проникать за грань жизни и наделена даром пророчеств.*

В начале 1821 года баронесса, после долгих мытарств по Европе, приехала в Петербург, где обрела почитателей. Однако некоторые её публичные высказывания давали повод для беспокойства Императору. Крюденер пророчила великую войну, с присущей ей страстностью осуждала правительство и требовала освобождения Греции. Александр I через А.И. Тургенева ей написал, что она своими действиями нарушает обязанности подданной и христианки и её присутствие в столице возможно только при условии почтительного отношения к царю и правительству. Вместе с княгиней Анной Голицыной баронесса весной 1824 года отправляется в Крым для основания религиозной колонии. Трудное путешествие подорвало силы Варвары-Юлианы. 25 декабря 1824 года в Карасубазаре на 61 году жизни беспокойная душа Варвары-Юлианы воссоединилась с Богом. Её останки были положены в армянской церкви и позже перезахоронены в фамильном склепе Шица, екатеринского генерал-майора. Незадолго до смерти Варвара-Юлиана писала сыну: «То добро, которое я сделала в моей жизни, переживёт меня; дурные же мои поступки всемилосерднейший Бог предаст забвению. Ведь я сколько раз принимала за Божие повеление то, что было только плодом моего воображения и моей гордости!»

Бога». Правда, в последнее время Александр разочаровался в собеседнице. Он знал эту свою особенность: быстро утрачивать интерес к людям.

На южном берегу Александру более других понравилась местность под названием Урьянда. В первозданной красоте скал, сторожащих небольшую долину, в мерном плеске зелёных волн столько спокойствия! Хорошо было бы поселиться здесь, на берегу моря, с супругой Елизаветой Алексеевной. Тем более что она часто болела в последние годы. Как быстро пролетела жизнь, как странно сложились их отношения, обещавшие великое счастье!

Известие о том, что в Россию приглашена маркграфиня Баден-Дурлахская Амалия с дочерьми, вызвало смятение в душе юного Александра. Кто же серьёзно думает о женитьбе в 15 лет? Впрочем, Екатерина сознавала собственное коварство, в письме Гримму она признавалась: *«Сегодня вечером ждём двух Баденских принцесс... Вы, конечно, знаете, что у нас не женят так рано, и это сделано про запас для будущего, а покамест они привыкнут к нам и познакомятся с нашими свечами и обычаями. Наш же малый об этом не помышляет, обретаясь в невинности сердечной; а я поступаю с ним по-дьявольски, потому что ввожу его во искушение».*

Впервые Великий князь увидел свою невесту принцессу Луизу-Марию-Августу 2 ноября 1792 года. Красивая девочка, с личиком ангела, обрамлённым золотистыми волосами, изящная, милая и искренняя понравилась Великому князю. Спустя несколько дней он шлёт ей записочку: «Любите ли Вы меня хоть немного?» И получает заветное признание: «Мой дорогой

Успенский монастырь близ Бахчисарая. Гравюра Ф.И. Гросса

друг, я буду Вас любить всю жизнь». Однажды вечером, оставшись наедине, Александр решился (скорее всего, с позволения бабушки) поцеловать Луизу и почувствовал ответный поцелуй, робкий и неумелый. От волнения закружилась голова, и мир вдруг перестал существовать. А позже он получил записку: «Я тоже люблю Вас всем сердцем и буду любить Вас всю жизнь. Ваша преданная и покорнейшая супруга. Луиза».

С каждым днём их отношения становились теплее и доверительнее. Александр гордился успехами Луизы: она быстро училась русскому языку, живо интересовалась историей России, обычаями народа, среди которого ей предстояло жить. В мае 1793 года весь двор собрался в Большой церкви Зимнего дворца на торжество миропомазания Луизы, наречённой в православии Елизаветой Алексеевной. На следующий день состоялось обручение, кольца молодым надела сама Екатерина Великая. А 28 сентября Александр повёл Елизавету под венец. Их красота, молодость, обаяние вызывали восторг, все согласилось с Екатериной, воскликнувшей: «Эта пара прекрасна, как ясный день, в ней пропасть очарования и ума». Казалось, их счастье будет бесконечным. Что же произошло? Почему семейная жизнь стала мукой для обоих?

В январе 1793 года, всего после двух месяцев знакомства с женихом, Луиза писала матери: «Вы спрашиваете, нравится ли мне по-настоящему великий князь. Да, он мне нравится. Когда-то он мне нравился до безумия, но сейчас, когда я начинаю короче узнавать его (не то, чтобы он терял что-нибудь от знакомства, совсем напротив), но когда узнают друг друга

Великая княгиня
Елизавета Алексеевна.
Худ. Виже-Лебрен

лучше, замечают ничтожные мелочи, воистину мелочи, о которых можно говорить сообразно вкусам, и есть у него кое-что из этих мелочей, которые мне не по вкусу и которые ослабили моё чрезмерное чувство любви. Эти мелочи не в его характере, я уверена, что с этой стороны он безупречен, но в его манерах, в чём-то внешнем...» Елизавета нуждалась в любви, нежности, заботе и от Александра ожидала рыцарского отношения, а он всё ещё оставался мальчишкой. Фрейлина Головина вскоре заметила: «Великий князь любил свою жену, как брат, но она хотела быть любимой так, как бы она его любила, если бы он сумел её понять. Безответное чувство очень тяжело, особенно во время первого его проявления. Принципы, внушенные великой княгине с детства её матерью,

вели её к добродетели, к исполнению долга. Она чувствовала и знала, что муж должен быть главным предметом её привязанности, она стремилась к этому, но, оставаясь непонятой, всё более и более нуждалась в дружбе». А может, неопытная девочка приняла дружбу за любовь?

И всё же начало их супружества было счастливым. В жене Александр нашёл верного друга и единомышленника, его радовало, что Елизавета полностью разделяет его взгляды. Первые годы царствования Александра I Елизавета Алексеевна постоянно заботится о муже, поддерживает его дух. Сблизило супругов и долгожданное рождение дочери, названной Марией. Однако девочка не прожила и года. Горе и отчаяние родители переживали по-разному: Елизавета замкнулась в себе, Александр стал искать утешения в объятиях придворных прелестниц. Слухи о романах мужа, конечно же, доходили до Императрицы, но она держалась гордо и независимо. Отчуждение между ними всё нарастало.

Им довелось пережить так много: взаимные измены, смерть детей, сплетни, интриги. Многолетняя связь Александра с Марией Нарышкиной едва не разрушила августейший брак. Яркая красавица, с лёгким, весёлым характером покорила сердце Императора и родила ему дочь Софию. Александр понимал, что по отношению к жене поступает жестоко, но на даче Нарышкиных в уютной обстановке, в общении с обворожительной Марией и прелестной малышкой он отдыхал душой и отказываться от своего счастья не желал.

Оставленная супруга, Елизавета Алексеевна чувствовала себя одинокой в Царской семье, и, по словам современников, «печать ранней грусти легла на её образ». Она посвятила себя чтению, Александр не раз говорил, что, не имея времени много читать, он обязан супруге исчерпывающими сведениями обо всех любопытных литературных новинках. Дружеские доверительные отношения связывали Императрицу Елизавету с историком Н.М. Карамзиным, ею восхищался Пушкин, воспевая в стихах:

*На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадиллом лести не кадил.*

**Мария Антоновна
Нарышкина. Худ. С. Тончи**

*Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рождён царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновленный Аполлоном,
Елизавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламенённую душой
Я пел на троне добродетель
С её приветливой красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.*

Война с Наполеоном вырвала Елизавету Алексеевну из тенет апатии. Любовь к России, не показная, а искренняя, заставила действовать. Мадам де Сталь вспоминала: «Императрица предстала передо мною как ангел-хранитель России, ...её чувства и мнения приобрели силу и жар в горниле благородных идей. Я была взволнована чем-то необъяснимым, шедшим не от величия, а от гармонии её души». Елизавета отдала на нужды армии все свои драгоценности и личные сбережения. Но в помощи нуждались не только войска: тысячи семей лишились крова, потеряли кормильцев, осиротели малолетние дети. По инициативе и при поддержке Императрицы начинает работу Патриотическое женское общество, создаётся Сиротское училище и при нём Дом трудолюбия для обучения и содержания на казённый счет дочерей офицеров, павших в боях.

Елизавета Алексеевна горячо поддерживала Александра в его намерении не покоряться Бонапарту, хотя многие члены Царской семьи во главе с Императрицей Марией Фёдоровной настаивали на скорейшем примирении. Елизавета писала матери 26 августа 1812 года: *«Мы приготовились ко всему; поистине, только не к переговорам о мире. Чем дальше будет продвигаться Наполеон, тем менее должен он надеяться на возможность мира. Это единодушное желание Государя и всего народа во всех слоях, и, благодарение Богу, – по этому поводу царит полное согласие. Вот на это-то Наполеон и не рассчитывал; и в этом он ошибся, как и во многом другом. Каждый шаг в этой гигантской России приближает его к бездне. Посмотрим, как проведёт он в ней зиму»*. И она оказалась права.

Осенью 1813 года Императрица Елизавета Алексеевна выехала в действующую армию; два года провела она за границей, то сопровождая Государя, то гостя на своей родине. Её повсюду встречали восторженно, под грохот салютов и звон колоколов, в патриотических речах славили Императора

Александра и её, Елизавету. И хотя встречи с Государем были непродолжительны, ей показалось, что их отношения потеплели, и в душе зародилась хрупкая надежда. А может, она ошибается? Возвращаясь поздней осенью 1815 года в Петербург, Елизавета мучилась сомнениями: как поведёт себя Александр? Он встретил её сдержанно-радостно, словно старого друга, но его слова запали в душу:

– Подумайте над тем, о чём я скажу вам, Государыня. Это очень важно, уверяю вас. И, пожалуйста, не просто запомните, но оставьте в сердце своём. Запомните, друг мой: «Выше закона может быть только любовь, выше права – только милость, выше справедливости – прощение».

Елизавета терялась в догадках: о чьей любви он говорил, просил прощения или прощал её?

В 1823 году Елизавете Алексеевне исполнилось 45 лет. Она всё ещё была стройна, хорошо сложена, но «нежный цвет её тонкого лица пострадал от сурового климата, можно было представить себе, как очаровательна была государыня в весеннюю пору своей жизни, – писала в тот год жена французского дипломата София Шуазель-Гуффье. – Её разговор и приёмы, в которых отражалась какая-то трогательная томность, и в то же время полный чувства взгляд, грустная улыбка, захватывающий душу мягкий звук голоса, наконец, что-то ангельское во всей её личности – всё как бы грустно говорило, что она не от мира сего, что всё в этом ангельском существе принадлежит небу».

Но на закате жизни к Александру и Елизавете вернулась их первая любовь. Большим потрясением стала для Императора смерть любимой дочери Софьи в 1824 году. Получив горестное известие, он произнёс: «Я наказан за все мои прегрешения». Государыня старается утешить супруга, помочь ему пережить эту трагедию. В их отношениях вновь появляется доверительность и откровенность, которой они так долго были лишены. Александр постоянно делился с Елизаветой Алексеевной своими заботами и тревогами: брат Константин отказывается от права наследования престола, и Александр вынужден готовить тайный манифест о вступлении на трон следующего брата – Великого князя Николая Павловича, но по каким-то причинам не решается его обнародовать; в стране вспыхивают крестьянские волнения,

Императрица

Елизавета Алексеевна.

Неизвестный художник 1806-1808 гг.

происходит бунт военных поселенцев; в конце 1824 года в Петербурге произошло страшное наводнение, во время которого погибло более 600 человек. Но главное – Император получает информацию о готовящемся заговоре в гвардии и списки с именами заговорщиков, среди которых столько знакомых фамилий: Муравьев, Трубецкой, Пестель, Николай Тургенев, Глинка, Михаил Орлов, Фонвизин, Кюхельбекер! После тяжёлых раздумий Александр решил, что не имеет морального права наказывать их, ведь он сам в молодости разделял эти иллюзии и заблуждения.

В ноябре 1824 года Елизавета Алексеевна тяжело заболела, состояние её здоровья внушало серьёзные опасения врачам. «Мы здесь уже около недели и в беспокойстве о здоровье императрицы Елизаветы Алексеевны, которая от простуды имела сильный кашель и жар, – писал в письме Н.М. Карамзин. – Я видел государя в великом беспокойстве и в скорби трогательной: он любит её нежно. Дай Бог, чтобы они ещё долго пожили вместе в такой любви сердечной!» Однако судьба неумолима, им оставалось быть рядом друг с другом совсем мало времени.

К лету здоровье Императрицы не улучшилось, лейб-медики Виллие и Стофреген настойчиво рекомендовали ей не оставаться на осень и зиму в промозглом Петербурге, а отправиться на лечение в страны с более мягким и тёплым климатом. Посовещавшись, Александр и Елизавета выбрали не Италию или юг Франции, а небольшой провинциальный городок Таганрог, на пустынном берегу Азовского моря. Близкие к Императору люди терялись в догадках, чем мог привлечь Царя Таганрог, в котором не только отсутствовали столь модные тогда минеральные воды, но не было даже сколь-нибудь приличных условий для жизни Царской четы. Впрочем, желание Императора – закон для его подданных.

Странно, очень странно вёл себя Александр: уезжая на несколько месяцев, он прощался так, словно покидал Петербург навсегда. Преданный друг князь А.Н. Голицын решился заговорить о волновавшем его вопросе. Ещё в январе 1822 года Великий князь Константин Павлович отказался от престола, наследником пришлось признать брата, Николая Павловича. Летом 1823 года московскому архиепископу Филарету был тайно вручён акт о наследовании престола Николаем, подписанный Императором. На запечатанном конверте стояла собственноручная надпись Царя: «Хранить в Успенском соборе с государственными актами до востребования моего, а в случае моей кончины открыть... прежде всякого другого действия». О тайном манифесте знали только князь Голицын и Аракчеев. Теперь же, когда Государь покидал столицу на неопределённый срок, не следовало ли обнародовать документ? Александр, выслушав Голицына, помолчал, потом, подняв руку к небу, сказал тихо: «Положимся в этом на Бога: он устроит всё лучше нас, слабых смертных».

Император решил ехать раньше Елизаветы, чтобы всё подготовить к её прибытию. 1 сентября ночью один, без свиты, он выехал из Каменноостровского дворца и направился в Александро-Невскую лавру. В полумраке собора мо-

тился у раки Александра Невского и на могилах дочерей. Покидая столицу, попросил кучера остановиться у заставы и долго в грустной задумчивости смотрел на спящий город. 13 сентября Александр прибыл в Таганрог, спустя десять дней он встретил Елизавету. Казалось, к супругам вернулось их прежнее нежное чувство любви. Они бродили по дорожкам сада одни, разговаривая о чём-то, наслаждаясь спокойной жизнью без государственных забот и тревог.

Однако в тихом Таганроге Александр пробыл недолго, Новороссийский генерал-губернатор граф Воронцов уговорил его осмотреть Крым. Накануне отъезда, когда Император сидел за письменным столом, над городом собрались тучи. Стало совсем темно. Потом посветлело, но Александр всё ещё сидел при свечах, думая о чём-то. Вошёл камердинер и хотел убрать свечи.

– Зачем? – спросил император.

– Худая примета, – сказал камердинер. – Днём при свечах покойники лежат.

– Унеси свечи, унеси, – пробормотал Александр, невесело улыбаясь.

20 октября 1825 года Александр в сопровождении немногочисленной свиты отправился путешествовать по Крыму. Император старался не привлекать излишнего внимания; в крымских городах, которые он посетил, не было ни многословных приветствий, ни радостных горожан на улицах. Александр не только посещал обеды и балы, не только встречался с местным дворянством и купечеством, его интересовала жизнь всех слоёв общества. Император гостил в татарских семьях, интересовался их обычаями и нравами. Он казался весёлым и много шутил, но тень задумчивости иногда пробегала по лицу. Александр размышлял о том, что его жизнь как монарха кончена. В юности он мечтал искупить страшный грех отцеубийства, дав

Ореанда. Гравюра К. Боссоли

благоденствие России. Но всё оказалось иллюзией... Через почти два с половиной десятилетия после вступления своего на престол Александр ничего решительного так и не предпринял для того, чтобы освободить крестьян и даровать конституцию – и знал, что уже не может предпринять. В Ореанде, вновь восхитившей Императора, он сказал приближённым: «Надо, чтоб переход к частной жизни не был резок. Я скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку»*.

Несколько дней Александр гостил у графа Воронцова в Алушке. Знаменитого ныне дворца ещё не было, хозяин принимал высокого гостя в простом доме, до наших дней не сохранившемся. Император и Воронцов долго разговаривали с глазу на глаз, даже близкий Александру генерал Дибич не знал о содержании этой беседы. 27 октября Александр I выехал через Байдары в Балаклаву, а оттуда, отправив свиту в Севастополь, поехал в Георгиевский монастырь. День был тёплый, поэтому Император оставался в одном мундире, не надев шинели. Но к вечеру подул пронизывающий северо-восточный ветер. Все ждали Александра в Севастополе, а он всё не возвращался. В святой обители Государь встречался с настоятелем Агафангелом**, и снова для всех осталось секретом, о чём говорили Александр и митрополит.

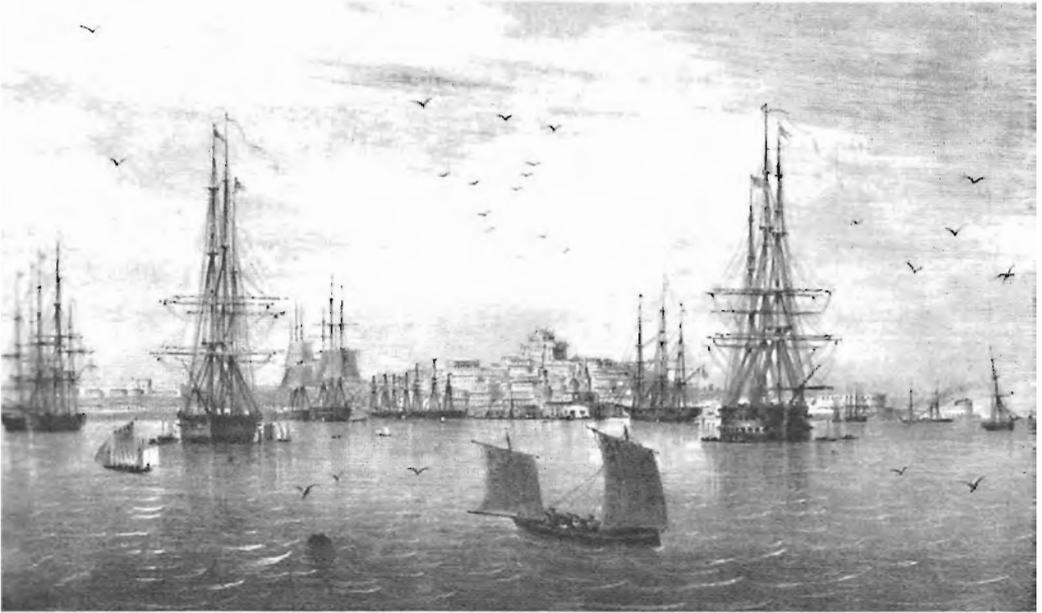
Утром 28 октября Александр осматривал Севастополь***. Надо сказать, что царствование Александра I мало отразилось на развитии города. Государь моря не любил, морской службы не знал и, уверенный, что судьбы мира решаются на суше, флоту внимания уделял мало. В 1804 году Севастополь вместо Херсона объявили главным военным портом Черноморского флота. Торговые корабли не впускались в него – а торговля хоть как-то могла помочь городу – и Севастополь, не успев построиться, захирел. В казне денег ни на крепость, ни на корабли не было. Суда разрушались, не доставало хорошо подготовленных специалистов, боеспособность флота упала. Но всё-таки доброе дело для флота и Севостополя Царь сделал: назначил главнокомандующим флотом и военным губернатором Николаева и Севостополя вице-адмирала Алексея Грейга****.

*Документы на именование Ореанда были оформлены только в 1826 году, уже на имя Императора Николая Павловича.

**Судьба свела русского Царя и митрополита в 1822 году в Венеции. Беседы с Агафангелом, обладавшим немалыми знаниями, произвели на Александра неизгладимое впечатление. В 1824 году митрополит приехал в Петербург, и когда возник вопрос о том, кто займёт место настоятеля Георгиевского монастыря в Балаклаве, Александр I избрал именно его. Император пожаловал новому настоятелю единовременное пособие в 5 тысяч рублей и установил оклад в 2 тысячи рублей – по тем временам огромные деньги.

***Севастополь в ту пору продолжал именоваться Ахтияром, гордое имя ему вернули лишь в 1826 году указом Императора Николая I.

****Грейг Алексей Самуилович (1775 – 1845) – русский адмирал. Родился в семье Самуила Грейга, шотландца на русской службе, его крёстными стали Екатерина II и граф Алексей Орлов. Новорождённому тут же присвоили звание мичмана – конечно же, за заслуги отца. Но остальные звания и награды Алексей Грейг получил уже благодаря собственным талантам, опыту, отваге и труду. Грейг обучался морскому делу в Англии, воевал в России, получал ордена за храбрость, а в 1816 году был назначен на должность главного коман-

Севастополь. Гравюра К. Боссоли

Молодому, энергичному адмиралу пришлось возрождать и крепость, и флот практически с нуля. Уже через год после назначения командующим, в 1817 году Грейг начал проводить регулярные морские учения. Одной из главных задач адмирала было строительство судов и закладка новых доков в Николаеве и Севастополе, со стапелей которых сошли первые, пока ещё очень тихоходные, но всё-таки пароходы. Именно он основал и построил флотилию транспортных судов, создал гидрографическую службу: карты Чёрного моря, сделанные при Грейге, прослужили более 50 лет. Именно он начал строительство маяков в Севастополе, на мысе Ай-Тодор и на Тарханкуте. При нём была восстановлена обшивка подводной части корпуса медными листами для защиты от морского червя. При нём началась замена якорных канатов на цепи, на судах появились иллюминаторы, специальные сигнальные фонари, дневной и ночной телеграф. Трудно перечислить все

дела Черноморского флота. Проявил себя как талантливый человек с широчайшим научным кругозором. Помимо мореплавания и кораблестроения, интересовался математикой, физикой, астрономией, медициной, юриспруденцией, экономикой. В 1822 году Грейг становится почётным членом Петербургской академии наук, в 1825 году – почётным членом Комитета образования флота. Грейг был человеком неуступчивым. Когда в 1832 году Совет Адмиралтейства обнаружил финансовые нарушения на Черноморском флоте, он отказался искать виновного: «Пусть этим занимаются те, кто отвечает за финансы». Такое поведение сочли дерзостью и в 1833 году Грейга уволили, официальной причиной перевода в Петербург объявили подорванное многолетней службой здоровье адмирала. На должность главного командира назначили начальника штаба Черноморского флота Михаила Петровича Лазарева. И в столице адмирал Грейг продолжал активную деятельность. В 1833 году он назначен членом Государственного совета, а в 1834 году – председателем Комиссии по строительству Пулковской обсерватории, крупнейшей в мире.

Император Александр I. Худ. А. Ф. Ризенер

новшества, которые появились в морском хозяйстве благодаря Грейгу, его усилиями флот сформировался сильным и хорошо слаженным организмом.

Император Александр посетил казармы, госпитали, военные корабли, на следующий день – арсеналы, порт и другие сооружения, всем увиденным остался очень доволен. Прямо на набережной адмирал Грейг дал обед, Государь наслаждался видом строящегося города-крепости, синевой бухты и силуэтами кораблей на рейде. Он благосклонно отнёсся к просьбе адмирала возвести небольшой храм на руинах Херсонеса в память знаменательного события – крещения князя Владимира и дал разрешение на его строительство*.

По свидетельству очевидцев, в Бахчисарае 30 октября Император почувствовал недомогание, но он ездил ещё верхом в Чуфут-Кале. На пути Александра лежал последний крымский город – Евпатория. Император посетил караимские кенасы, долго расспрашивал старшего газзана Иосифа-Соломона Луцкого об особенностях караимского вероучения. Городской голова Хаджи-Ага Бабович пригласил Александра в своё имение Ган-Яфа отобедать и отдохнуть. За трапезой Государь интересовался судьбой баронессы Юлии фон Крюденер и узнал, что знаменитая прорицательница провела в уездном городишке последние месяцы своей жизни, умерла и похоронена в Карасубазаре. Александр посетовал, что промчался мимо и не посетил могилы давней приятельницы. Вечером Император покинул Евпаторию и направился в Таганрог.

Лишь 2 ноября на Перекопе Александр спросил, какие лекарства принимают от простуды, его мучила лихорадка. В Таганрог Император вернулся совсем больным, он быстро слабел, томился, сразу постарел, хотя ему

**Позднее адмирал Лазарев обратился к Николаю I с ходатайством о разрешении построить собор Св. князя Владимира не в Херсонесе, а в центре Севастополя, так как в то время, кроме полковых и корабельных церквей, в городе были только два православных храма. Император соизволил дать разрешение и сам указал место для будущего собора – центральный городской холм Севастополя.*

было тогда всего лишь сорок восемь лет, но упорно отказывался принимать лекарства, приводя в отчаяние врачей и Елизавету Алексеевну. Девятнадцатого ноября был пасмурный и мрачный день. В 10 часов утра Император Александр умер.

Смерть Александра I, полного сил и здоровья, ошеломила всю Россию. В народе пошли толки, что Император вовсе не умер, а тяготясь державой, ушёл с посохом куда-то в неизвестную даль, похоронили же вместо Царя кого-то другого. Так родилась легенда. Утверждали, что объявившийся в Сибири старец Фёдор Кузьмич был не кто иной, как сам Император Александр.

Елизавета Алексеевна ненадолго пережила супруга. Тяжёлое горе подорвало её хрупкое здоровье, поэтому сопровождать гроб в Петербург она не смогла. Да и возвращаться в столицу ей не хотелось: блеск прежней жизни, надежды на счастье и любовь – всё осталось в прошлом. 21 ноября 1825 года Елизавета писала матери: *«Пишу вам, дорогая мама, не зная, что сказать. Я не в состоянии передать, что я чувствую: это одно непрерывное страдание, это чувство отчаяния, перед которым, я боюсь, моя вера окажется бессильной. Боже мой! Это кажется выше моих сил! Если бы он не оказывал мне столько ласки, если бы он не давал мне до последней минуты столько доказательств своего нежного расположения. Мне суждено было видеть, как испустил дух этот ангел, сохранивший способность любить, когда он уже потерял способность понимать. Что мне делать с моей волей, которая была подчинена ему, что мне делать с жизнью, которую я готова была посвятить ему! Мама, мама, что делать, как быть! Впереди всё темно...»*

Что касается меня, я могу сказать совершенно искренно: для меня, отныне, ничто не существует. Для меня всё безразлично, я ничего не жду, я ничего не желаю, я не знаю, что я буду делать, куда я поеду, я знаю одно, что я не вернусь в Петербург: для меня это немислимо!»

В память о посещении Александра I во дворе караимских кенас установлен памятник

Елизавета Алексеевна отказалась от дворцов, оставленных ей по завещанию, и от миллиона рублей, назначенных Императором Николаем. Она выехала из Таганрога 21 апреля 1826 года, но добралась лишь до Белёва: дорога стала для ослабевшей Императрицы непосильным испытанием. Она умерла тихо, как и жила.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I: ВЛАДЕЛЕЦ ОРЕАНДЫ

Весной 1837 года жителей Крыма взволновала радостная весть: Император Николай I в ходе большой инспекционной поездки по западным и южным губерниям России и Закавказья посетит полуостров. В сентябре вся Царская семья собралась в Крым: Цесаревич Александр прибыл из Харькова, Императрица Мария Фёдоровна с дочерью Марией Николаевной – из Москвы. Ясным, погожим днем 14 сентября они осматривали Бахчисарай, Успенский монастырь, Иосафатову долину, Чуфут-Кале, наблюдали скачки верблюдов в окрестностях города.

Тем временем в Симферополе прибытие Царской семьи с нетерпением ожидали Новороссийский генерал-губернатор граф Михаил Семёнович Воронцов, чиновники всех рангов, горожане. Наконец раздался звон колокольчиков, и к Александро-Невскому собору подъехала открытая коляска с Государем, Государыней и Наследником. После краткого молебствия Их Императорские Величества отправились в загородный дом Воронцова, небольшой, но уютный.

Губернский город Симферополь к 1837 году заметно изменился и порохшел. Просторную площадь с величественным собором окружили прекрасные дома, появилось множество гостиниц, трактиров, дом губернатора, украшением стал общественный сад, где по случаю приезда Императора устроили выставку крымских сельских и промышленных достижений. Са-

Симферополь. Гравюра К. Боссоли

фонов в «Описании Императорской фамилии в Крыму в сентябре 1837 года» оставил свидетельство об их посещении: «После приятного отдохновения Августейшие посетители поспешили осмотреть Таврическую губернскую выставку, которая, конечно, если не богатством, то разнообразием туземных произведений и оригинальностью превосходила многие подобные выставки в России. Августейшие посетители были приятно изумлены необыкновенным разнообразием сортов винограда, из которого сделаны были гирлянды, украшавшие стены. Императрица и Великая княжна (Мария Николаевна) долго любовались серебряными и золотыми вещами, делаемыми в восточном вкусе, в Карасубазаре и Евпатории. Они изволили купить много браслет, цепочек, пряжек и проч.

В особенности, внимание Государя обратили изделия из крымских: мрамора, порфира и гринштейна. Его Величество удостоил личным разговором и одобрением заведующего горными работами в Крыму, обер-бергмейстера 7-го класса Крюкова; и, говоря о разнообразии цветов порфира и мрамора, Его Величество сказал: «Ищите и обрящете, толщите и отверзется. Молодец, молодец Крюков» – повторял неоднократно Государь Император. Одну большую вазу из мрамора Его Величество пожаловал Его Императорскому Высочеству Эрц-Герцогу Иоанну, а другую, такого же размера из порфира, – графу Михаилу Семёновичу Воронцову, прибавив при сём весьма лестные слова: «Эта чаша по всей справедливости тебе принадлежит: ибо этим мы тебе обязаны»*. После осмотра выставки Его Величество успел ещё обозреть здешний военный госпиталь и остался им очень доволен. К вечеру Симферополь и окрестные горы были иллюминированы.

15 сентября Её Императорское Величество изволила принимать некоторых дам в Симферополе, а Государь Император – гражданских чиновников

**Граф Михаил Семёнович Воронцов (1782 – 1856) – выдающийся государственный деятель и полководец, герой Отечественной войны 1812 года. В 1823 году Император назначает его на трудный и ответственный пост генерал-губернатора Новороссийского края и наместника Бессарабской области, предоставив неограниченные полномочия. Множество проблем: национальных, экономических, культурных, военных – не испугали графа Воронцова. Человек инициативный и предприимчивый, он начал благоустраивать прекрасный, но девственный край. Первой заботой генерал-губернатора стало строительство дорог. Спустя чуть более 10 лет, проехав от Симферополя до Севастополя, А.В. Жуковский записал в дневнике: «Чудная дорога — памятник Воронцову». За этим последовало первое на юге России Черноморское коммерческое российское пароходство, темпы развития черноморской торговли в три раза превосходили общероссийские.*

Именно граф Воронцов содействовал зарождению и развитию крымского виноградарства. Он выписал саженцы всех сортов винограда из Франции, Германии, Испании и, пригласив иностранных специалистов, поставил перед ними задачу – выявить те, которые лучше приживутся и смогут давать необходимые урожаи. В первую очередь граф засадил виноградниками собственные участки земли, которые приобретал в Крыму: Ай-Даниль, Массандру, Алупку. В отчёте 1837 года Воронцов писал Императору, что как честный человек «старался и по долгу и по вкусу помогать и давать пример по части виноделия».

Благодаря активной деятельности Воронцова стало быстро развиваться сельское хозяйство Тавриды. Из Испании и Саксонии были выписаны элитные породы овец и устроены небольшие предприятия по переработке шерсти. Разбивались табачные плантации, организовывались питомники, учреждение Одесского сельскохозяйственного общества по обмену опытом, покупка за границей новых по тому времени сельскохозяйственных орудий, опытные фермы, ботанический сад, выставки скота и плодовоовощных культур.

и потом депутатов от менонитских колоний, находящихся в Мелитопольском уезде Таврической губернии. Его Величество входил в подробные расспросы об их состоянии, хозяйстве, торге шерстью и прочих предметах их домашнего хозяйства. Потом Государь Император посетил заведения Таврического приказа общественного призрения, городской острог, больницу Таранова-Белозёрова, и в 9 часов отправился в открытом экипаже с Императрицею, Наследником и Великою княжною на южный берег».

Николай I не мог нарадоваться прекрасному шоссе, построенному Воронцовым, и хвалил графа. Михаил Семёнович гостеприимно принял Августейшую семью в своём имении Массандра. Государыню впечатлила живописная местность: суровые скалы с таинственными гротами, величественный лес с необхватными вековыми соснами, грабами и буками. И вдруг, среди кряжистых развесистых дубов – белоснежный храм в древнегреческом стиле. Прямо на дубовых ветвях висели колокола, а из-под алтарной части вытекал поток чистой, вкусной воды, впадавший в чашу фонтана за церковной оградой. Вокруг разливалось такое спокойствие, такая благодать, что захотелось молиться. Александра Фёдоровна поднялась по мраморным ступеням и вошла под своды древнего храма.

А на следующий день, 17 сентября, Императорская чета присутствовала на торжественном освящении другой церкви, новой, только что построенной в Ялте на Поликуровском холме. Каменный храм Иоанна Златоуста с позолоченными куполами стал украшением разросшейся деревушки. В тот же день, осмотрев Ялту, Николай I повелел предоставить ей статус уездного города, а графу М.С. Воронцову и архитектору К.И. Эшлиману – составить план города. Через полгода, 23 марта 1838 года, был издан указ Правительствующего Сената: «...Учредить в Таврической губернии новый уезд... под названием Ялтинского, переименовав местечко Ялты городом». Новоявленный город состоял всего из одной улицы – Елизаветинской (ныне улица Игнатенко) и насчитывал 30 дворов и 224 жителя. Таким он оставался ещё долгое время.

А события 17 сентября развивались дальше. Царская семья посетила Ливадию, имение графа Л.С. Потоцкого, и направилась в Ореанду. «Прие-

Однако не только экономическое развитие Тавриды заботило Воронцова, он очень много сделал для просветительства края: открыты новые школы, училища, организованы библиотеки. Генерал-губернатор регулярно организует экспедиции для изучения Новороссии, описания сохранившихся памятников древности, археологических раскопок. В 1839 году в Одессе Воронцовым было учреждено Общество истории и древностей.

В конце 1844 года Император Николай I даровал Воронцову титул князя и назначил наместником на Кавказ, сохранив за ним и новороссийское губернаторство. Следующие девять лет жизни, практически до самой смерти, Воронцов – в военных походах и в трудах по укреплению русских крепостей и боеготовности армии, но вместе с тем в стремлении построить мирную жизнь для мирных людей. Лишь возраст и пошатнувшееся здоровье заставили князя М.С. Воронцова просить Государя об отставке: «Богу не угодно было подкрепить моё здоровье так, чтобы я мог служить по-прежнему, а служить номинально и слабо – для меня невозможно». За честное служение России Михаил Семёнович Воронцов в 1856 году получил высшую награду империи – чин генерал-фельдмаршала. Жизненный путь Светлейшего князя окончился 6 ноября 1856 года в Одессе, он был погребён в Спасо-Преображенском кафедральном соборе. А спустя семь лет в городе ему был торжественно открыт памятник, сооружённый на добровольные пожертвования.

Ялта

хав к воротам, ведущим в Ореандский парк, император остановил лошадь и подошед к императрице объявил, что он дарит ей Ореанду. Императрица, великие князья и придворные дамы тотчас отправились верхом в прекрасный парк. При въезде в имение имели счастье быть представленными императорской фамилии управляющий имением г. Ашер и садовник англичанин Росс. «Вот твой управляющий», – сказал Государь, обращаясь к Императрице». Все общество тут же осмотрело парк с пышными южными растениями, в зелени которого скрывались небольшие строения: «Царский домик» и «Домик с башней» для гостей. Александру Фёдоровну привели в восхищение и великолепный парк, и лёгкие, изящные домики, и изумительная природа. Императрица тут же взяла с мужа слово, что он не будет вмешиваться в дела имения и позволит ей выстроить здесь такой дом, какой ей захочется. Мог ли отказать Николай Павлович своей милой, нежно любимой супруге? Конечно, нет. Все близко наблюдавшие жизнь Царской семьи утверждали, что это был союз двух любящих сердец.

Николай Павлович был третьим сыном Павла Петровича и Марии Фёдоровны, поэтому претендовать на престол не мог. Едва 26 июня 1796 года отгремели пушечные салюты и колокольный звон, возвестившие о появлении на свет Великого князя, Императрица Екатерина спешит поделиться радостью с Гриммом: *«Сегодня в три часа мамаша родила большущего мальчика, которого назвали Николаем. Голос у него бас, и кричит он удивительно; длиною он – аршин без двух вершков*, а руки немного менее моих. В жизнь мою в первый раз вижу такого рыцаря. Если он будет продолжать, как начал, то братья окажутся карликами перед этим колосом»*. А спустя несколько дней сообщает: *«...по необыкновенной силе своей,*

* 62,2 см

предназначен, кажется мне, также царствовать, хотя у него есть два старших брата». Слова Императрицы оказались пророческими.

Мальчика с детства готовили к военной службе: в четыре месяца он стал шефом лейб-гвардии Конного полка, в три года надел первый военный мундир, в шесть научился ездить верхом. Главным воспитателем младших Великих князей Николая и Михаила* стал генерал Матвей Иванович Ламсдорф, грубый и невежественный. Николай впоследствии говорил: «Ламсдорф... не умел ни руководить нашими уроками, ни внушать нам любовь к литературе и к наукам... Бог ему судья за бедное образование, нами полученное». Воспитатель желал не научить, а исправить характер своего питомца – самостоятельный, строптивый и вспыльчивый. Методы для достижения своей цели выбрал простые: строгие приказания, выговоры и жестокое наказание, за малейшую провинность Ламсдорф бил Великого князя линейкой, шомполами, сёк розгами. В результате Николай рос замкнутым и малообщительным, а впоследствии писал: «Граф Ламсдорф умел вселить в нас одно чувство – страх, и такой страх и уверение в его всемогуществе, что лицо матушки было для нас второе в степени важности понятий. Сей порядок лишил нас совершенно счастья сыновнего доверия к родительнице, к которой допускаемы мы были редко одни, и то никогда иначе, как будто на приговор. Беспременная перемена окружающих лиц вселила в нас с младенчества привычку искать в них слабые стороны, дабы воспользоваться ими в смысле того, что по нашим желаниям нам нужно было и, должно признаться, что не без успеха... Граф Ламсдорф и другие, ему подражая, употребляли строгость с запальчивостью, которая отнимала у нас и чувство вины своей, оставляя одну досаду за грубое обращение, а часто и незаслуженное. Одним словом – страх и искание, как избежать от наказания, более всего занимали мой ум. В учении я видел одно принуждение, и учился без охоты».

Но пора детства не бывает без радостей, самое большое удовольствие Великим князьям доставляла игра в солдатики. Оловянные, деревянные, фарфоровые фигурки выстраивались ровными рядами, сооружались крепости с пушками. Во время игры Николай преображался: он не только бил в барабаны, громко трубил и стрелял из пистолетов, он всегда стремился взять на себя роль главного военачальника или императора. Товарищи детских забав и не думали перечить, иначе вспыльчивый Николай в бешенстве мог грубо обругать и даже ударить**. Страсть к парадам, смотрам и разводам осталась на всю жизнь.

Когда Николаю исполнилось шесть лет, его начали обучать иностранным языкам, истории, географии, арифметике. В 1809 году Николаю и

**Великий князь Михаил Павлович, младший ребенок, родился 28 января 1789 года, когда Павел был уже Императором. С детства живой, общительный, он привязался к старшему брату Николаю, и с годами их сплотила крепкая дружба. Николай ценил преданность Михаила и считал его поведением настоящим примером братской любви. В одном из писем Николаю младший брат писал: «Пожуда я жив и во мне хоть малейшая сила, они (жизнь и сила) будут посвящены служить тебе верой и правдой».*

***Однажды Николай ударил любимого товарища в детских играх Владимира Адлерберга ружьем по лбу так сильно, что у будущего министра двора на всю жизнь остался шрам.*

Михаилу решили дать университетское образование, для чего был создан Царскосельский лицей*. Но началась война 1812 года, и Великие князья продолжили домашнее обучение. Николай хорошо владел четырьмя языками, неплохо рисовал, играл на трубе, но более всего интересовался строительным и инженерным делом. «Математика, потом артиллерия и в особенности инженерная наука и тактика привлекали меня исключительно; успехи по сей части оказывал я особенные, и тогда получил я охоту служить по инженерной части»**.

В июле 1818 года Николая Павловича назначили командиром бригады I-й гвардейской дивизии в должности генерал-инспектора по инженерной части. Великий князь был счастлив: он стал военачальником, мог сам командовать войсками, назначать учения и смотры. С подчинёнными Николаем Павловичем был строг, а зачастую резок и несдержан, требуя дисциплины и чёткого исполнения воинского устава. «Я начал взыскивать, но взыскивал один, ибо что я по долгу совести порочил, дозволялось везде, даже моими начальниками. Положение было самое трудное; действовать иначе было противно моей совести и долгу; но сим я явно ставил и начальников и подчиненных против себя. Тем более что меня не знали, и многие или не понимали, или не хотели понимать». Действительно, офицеры, победившие Наполеона, относились к солдатам как к товарищам, делившим с ними и опасность и славу, и ненавидели муштру. Требовательного Николая в гвардии не любили.

Всё переменялось летом 1819 года после неожиданного разговора с Императором Александром, который сообщил о своих намерениях отказаться от власти в пользу младшего брата. Это известие ошеломило Николая, впоследствии он вспоминал: «...мы с женой остались в положении, которое уподобить могу только тому ощущению, которое, полагаю, поразит человека, идущего спокойно по приятной дороге, усеянной цветами и с которой откры-

**Императорский Царскосельский лицей (с 1843 года – Александровский лицей) создавался для того, чтобы не просто обучать дворянских детей, а готовить деятелей новой, преобразованной реформами России. Полное равенство воспитанников, отмена телесных наказаний были неслыханными для того времени педагогическими новшествами. Главное место в процессе обучения отводилось наукам нравственным и историческим. Научить воспитанников самостоятельно мыслить, развить способности и правильно определить их призвание – вот основные задачи, которые были поставлены перед преподавателями Лицея.*

Высшее учебное заведение приняло 30 первых учеников 19 октября 1811 года. Список учащихся утвердил сам Император Александр I. Первый выпуск Лицея навсегда останется в истории этого учебного заведения и России как самый известный. Никогда прежде и никогда позднее ни одно учебное заведение России не выпускало из своих стен такого количества талантливых людей, великих русских общественных деятелей и будущих декабристов: Ивана Пущина, Вильгельма Кюхельбекера, Антона Дельвига, Александра Горчакова, Фёдора Матюшкина, Владимира Вольховского. И, конечно же, Александра Пушкина.

***Слова Императора не пустое бахвальство. Инженер-генерал-лейтенант Е.А. Егоров свидетельствовал, что Николай Павлович «питал всегда особенное влечение к инженерному и архитектурному искусствам... любовь к строительному делу не покидала его до конца жизни и, надо сказать правду, он понимал в нём толк... Он всегда входил во все технические подробности производства работ и поражал всех меткостью своих замечаний и верностью глаза».*

вакятся приятнейшие виды, когда вдруг разверзается под ногами пропасть, в которую непреодолимая сила ввергает его, не давая отступить или воротиться». Он совершенно искренне признаётся в том, что никогда не желал царской короны, не готов к управлению страной. Но судьба неумолимо повела его к трону, и путь этот был крайне тяжёл.

Как известно, Манифест об объявлении Наследником Николая Павловича Император не обнародовал. Получив известие о том, что Александр умирает, Николай объявил свои права на престол, но военный генерал-губернатор Петербурга граф М.А. Милорадович заявил, что он «не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не позволяют государю располагать по завещанию; что притом завещание Александра известно только некоторым лицам и неизвестно в народе; что отречение Константина тоже неявное и осталось необнародованным; что Александр, если хотел, чтоб Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни своей волю свою и согласие на неё Константина; что ни народ, ни войско не поймут отречения и припишут всё измене, тем более, что ни государя самого, ни наследника по первородству нет в столице, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах, и неминуемым затем последствием будет возмущение...» Доводы Милорадовича показались Николаю убедительными*, поэтому после смерти Императора Александра он первым приносит присягу брату Константину. Однако тот не спешит в Петербург, присылает лишь письмо, в котором подтверждает свои намерения уступить права на власть младшему брату. Так начались 17 странных дней междуцарствия. Курьеры скакали между Петербургом и Варшавой, Николай предлагал Константину немедленно прибыть в столицу и занять престол, тот упрямо отказывался. Французский посол граф Лаферронэ метко заметил, что Великие князья «играют короной, перебрасывая её, как мячик, один другому».

Ситуация изменилась 12 декабря, когда из срочного донесения Дибича Николай узнал «о существующем и только что открытом пространном заговоре, которого отрасли распространялись чрез всю Империю от Петербурга на Москву и до Второй армии в Бессарабии». И Цесаревич понял: действовать надо быстро и решительно, иначе он повторит судьбу несчастного отца. Николай Павлович в письме князю П.М. Волконскому писал: *«Четырнадцатого числа я буду государь или мёртв. Что во мне происходит, описать нельзя, вы, верно, надо мною сжалитесь – да, мы все несчастные, но нет*

*Герой Отечественной войны 1812 года, граф Михаил Андреевич Милорадович (1771 – 1825) убеждал не только даром слова, за его спиной стояла гвардия: «У меня 60000 штыков в кармане – а с таким оркестром можно любую музыку заказать». Его также поддерживала часть дворянства, которая надеялась, что Константин довершит задуманное старшим братом, дарует конституцию и проведёт либеральные реформы. Ожидания многих молодых дворян выразил в одном из писем А.С. Пушкин: «...как поэт радуюсь восшествию на престол Константина I. В нём очень много романтизма; бурная его молодость, походы с Суворовым, вражда с немцем Барклаем напоминает Генриха V. К тому же он умен, а с умными людьми всё как-то лучше; словом я надеюсь на него много хорошего».

несчастливее меня...» Конечно же, он испытывал страх, понимал, что одинок и положиться ему не на кого, но в его руках не только его жизнь, но и судьба России. Утром 13 декабря был зачитан Манифест о восшествии на престол Николая Павловича, завещание Александра I и документы об отречении Великого князя Константина. Члены Государственного совета восприняли это известие спокойно, глубоко поклонившись новому Императору. Но Николай предчувствовал бурю и старался подготовить себя к любым событиям. В дневнике Александры Фёдоровны сохранилась запись: «Я ещё должна здесь записать, как мы днем 13-го отправились к себе домой, как ночью, когда я осталась одна, плакала в своём маленьком кабинете, ко мне вошёл Николай, стал на колени, молился Богу и заклинал меня обещать ему мужественно перенести всё, что может ещё произойти. «Неизвестно, что ожидает нас. Обещай мне проявить мужество и, если придётся умереть, — умереть с честью»».

Наступило 14 декабря, члены Сената и войска готовились принести присягу на верность новому Императору. День выдался пасмурным и холодным. Николаю доложили о том, что на Сенатской площади выстраиваются мятежные полки, не пожелавшие присягать вторично. Пять часов стояли под промозглым северным ветром солдаты, ожидая приказов, паля в воздух и крича: «Ура, Константин! Ура, Конституция!», наивно полагая, что Конституция – супруга Цесаревича Константина Павловича.

А Николай действовал собранно и решительно: расставлял верные ему войска на площади, пробовал уговаривать бунтовщиков, надеясь обойтись без кровопролития, несмотря на опасность, весь день находился впереди

Имение в Ореанде. Гравюра Ф. Гросса

1-го батальона Преображенского полка. «Самое удивительное, — скажет он потом, — что меня не убили в тот день». Время шло, надо было что-то предпринять. Николай выехал вперед, чтобы осмотреть позиции, «в это время сделали по мне залп. Пули просвистели мне через голову, и, к счастью, никого из нас не ранило. Рабочие Исаакиевского собора из-за заборов начали кидать в нас поленьями. Надо было решиться положить сему скорый конец, иначе бунт мог сообщить-ся черни, и тогда окружённые ею войска были бы в самом трудном положении». Залп картечи рассеял бунтовщиков.

Николай I. Худ. В. Голике, 1843 г.

Этот день, 14 декабря 1825 года. Николай Павлович не мог забыть всю жизнь. Да и как можно забыть то неприятное, липкое чувство страха, которое он испытывал за свою жизнь и судьбу родных. Мать Марию Фёдоровну, жену Александру Фёдоровну и детей он велел перевезти в Зимний дворец, охраняемый верными ему войсками. Замирая от ужаса, Александра смотрела из окна на Сенатскую площадь, где находился её супруг, отец её детей. «Мы видели вдалеке все эти передвижения, знали, что там стрельба, что драгоценнейшая жизнь в опасности. Мы были как бы в агонии. У меня не хватало сил владеть собой: Бог дал мне их. Я воззвала к Нему. Мне всё приходило на ум слова: «Услышь меня, Господи, в моей величайшей нужде!»» Александра Фёдоровна очень дорого заплатила за императорскую корону — она так и не оправилась от нервного потрясения, испытанного 14 декабря. «Возвратившись к Александре Фёдоровне после подавления мятежа, Николай увидел, как у неё трясётся голова, — от этого тика ей не удалось излечиться. Дрожь едва заметна, она даже почти не видна, когда императрица спокойна и находится в добром здравии, но едва что-то начинает мучить её морально или физически, как недуг проявляется». Конечно, этого Николай не мог забыть и не мог простить. И когда Александра Фёдоровна будет просить о снисхождении к осуждённым декабристам, Николай откажет: более ста декабристов сосланы в Сибирь, сотни отправлены на Кавказ под пули непокорных горцев, пятеро руководителей движения по приговору суда повешены. Императрица запишет в дневнике: «Когда 14 декабря я обняла Николая на ма-

ленькой лестнице, я почувствовала, что он вернулся ко мне совсем другим человеком». Он, действительно, стал другим: ещё более упрямым, жестоким и деспотичным.

Вся последующая политика Императора Николая была направлена на искоренение «революционной заразы»: «Революция на пороге России, но, клянусь, она не проникнет в неё, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока, Божьей милостью, я буду императором», – пообещал Николай и слово своё сдержал. Заговор декабристов вырос из вольномыслия; чтобы подобное не повторилось, Царь учредил Третье отделение собственной Его Величества канцелярии, сократил количество студентов – не более 300 человек в каждом университете*, дети крестьян отныне не имели права получать высшее образование, им разрешалось обучаться лишь в приходских училищах, ввёл строгую цензуру в литературе и печати. Чтобы молодые люди не заразились «в чужих краях новыми теориями», для российских подданных установили срок пребывания в Европе: для дворян – пять лет, для прочих сословий – три года.

Не тронулся с мёртвой точки и крестьянский вопрос. Император Николай понимал, «что крепостное право, в нынешнем его положении у нас, есть зло, для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом ещё более губительным». Он ясно сознавал: «зло» формировалось не одно столетие, является составным элементом государственной системы и затрагивает не только аграрные, но и общественные отношения. Простое освобождение крестьян от крепостной зависимости не принесло бы ничего, кроме деградации и крестьянства, и всего строя хозяйственной жизни. Нельзя отпустить крестьян на свободу не дав им земли, главного источника существования. Однако она, уже имела владельцев: «Вся без исключения земля принадлежит помещику; это вещь святая, и никто к ней прикасаться не может». Необходимо изыскать способы сделать крестьян свободными, но непременно с земельными наделами. Путь был один: выкупить землю и передать её крестьянам. Однако это требовало колоссальных финансовых затрат, а таковых средств у государства не имелось. Поэтому Николай Павлович предлагал «приготовить пути для постепенного перехода к другому порядку вещей... всё должно идти постепенно и не может и не должно быть сделано разом или вдруг».

Размышляя о том, как построить идеальное государство, Император желал принять за образец то, что ему было более близко и понятно: дисциплинированную армию. «Здесь порядок, строгая безусловная законность, никакого всезнайства и противоречия, всё вытекает одно из другого. Я смотрю на человеческую жизнь только как на службу, так как каждый служит». Под «всезнайством» Николай понимал самостоятельность мысли, инициативу. Таких людей ему не надо, в помощники он выбирал послушных исполнителей, всегда согласных с его волей и спешащих выполнить её. Убеждённый

**В 1853 году в России на 50 миллионов населения студентов насчитывалось всего 2900 человек, почти столько же, сколько в одном Лейпцигском университете.*

с первого взгляда возбудила во мне желание принадлежать ей всю жизнь». Миловидная, с мягкими чертами лица, очень женственная, весёлая, добрая и искренняя, Лотхен (так её звали в семье) не могла не нравиться. Рядом с рослым, крепким Николаем принцесса, хрупкая и изящная, выглядела совсем миниатюрной, но это не смущало Царевича, наоборот, рождало неведомое дотоле желание защитить, оградить близкого ему человека от горестей и жизненных тревог, сделать бесконечно счастливым.

В 1815 году в Берлине состоялась официальная помолвка Великого князя Николая с принцессой Шарлоттой. Очарованный ею юноша по возвращении в Петербург пишет знаменательное по содержанию письмо: *«Прощайте, мой ангел, мой друг, моё единственное утешение, моё единственное истинное счастье, думайте обо мне так часто, как я думаю о Вас, и любите, если можете, того, кто есть и будет на всю жизнь Вашим верным Николаем»*. Ответное чувство Шарлотты столь же сильно.

Летом 1817 года принцесса отправилась в Россию. Она была и счастлива, и печальна... Через много лет Императрица вспоминала: «С этого дня вплоть до 24 июня я, когда оставалась одна, не переставала плакать – уж очень тягостна была для меня перемена религии – она сжимала мне сердце! В молитве, однако же, я нашла то, что одно может дать спокойствие, читала прекрасные назидательные книги, не думала о земном и была преисполне-

Великая княгиня
Александра Фёдоровна

на счастием приобщиться в первый раз святых тайн». С принятием православия принцесса наречена Александрой Фёдоровной.

После этого начались приготовления к свадьбе. Все придворные замечали, как сильно Николай влюблён в свою невесту: он не сводил с неё глаз, старался проводить с милой каждую свободную минуту, украдкой прикасался к руке или краю платья. По строгому этикету того времени такое поведение было почти неприличным, но выглядело столь романтично! Члены Царствующего дома, вынужденные подчиняться долгу, заключали браки, руководствуясь политическими выгодами. Некоторым великим князьям удавалось полюбить своих жён, но чтобы влюбиться в невесту, да еще такому суровому, далеко не сентименталь-

ному человеку, как Николай! Подобного в семейной жизни Романовых давно не было. А потому молодым прощали всё. 1 июля 1817 года, в день рождения Александры Фёдоровны, состоялась пышная свадьба. Спустя годы Императрица вспоминала: «Я почувствовала себя очень, очень счастливой, когда руки наши наконец соединились; с полным доверием отдавала я свою жизнь в руки моего Николая, и он никогда не обманул этой надежды».

Молодые поселились в Аничковом дворце, подаренном им Императором Александром I, и были совершенно счастливы. Суровый, жёсткий и надменный в обращении с людьми, Николай Павлович только рядом с женой – его «маленькой птичкой» – становился нежным, весёлым, шутливым. Александра Фёдоровна стала для него настоящим ангелом-хранителем, разделив за тридцать восемь лет совместной жизни все тяготы власти, подарив супругу семерых детей и создав счастливую семью.

Великая княгиня Александра Фёдоровна была хорошо образованна и одарена большим художественным вкусом, мила и приветлива, склонна к меланхолической мечтательности. Очаровательная, грациозная, с лёгкой походкой, она вызывала чувство восхищения. Русский поэт Василий Андреевич Жуковский именно её назвал «гением чистой красоты», запечатлев её образ в стихах:

*Всё – и робкая стыдливость
Под сиянием венца,
И младенческая живость,
И величие лица,
И в чертах глубокость чувства
С безмятежной тишиной, –
Всё в ней было без искусства
Неописанной красой!*

22 августа 1826 года Александра Фёдоровна короновалась на Русское царство вместе с супругом, ставшим Императором Николаем I. «Императрица, – отмечал русский писатель граф Владимир Александрович Соллогуб, – была тогда в полном расцвете своей красоты, она олицетворяла, так сказать, идеал русской царицы». Но Александра Фёдоровна не стремилась к какому-либо господству, не оказывала никакого политического влияния на Императора, она в первую очередь была идеальной женой и матерью, доброй и мягкой. Государыня никогда не употребляла слов «приказание» или «приказываю», искренне считая, что произносить их имеет право только самодержец, а она всего лишь его супруга. Великая княжна Ольга Николаевна записала: «Главным назначением Мама было быть любящей женой, довольной своей второстепенной ролью...»

И муж любил Александру Фёдоровну, лелеял, баловал и ограждал от всего неприятного. «Император Николай, – писала фрейлина Анна Фёдоровна Тютчева, – питал к своей жене, этому хрупкому и изящному созданию,

страстное и деспотическое обожание сильной натуры к существу слабому, единственным властителем и законодателем которого он себя чувствует. Для него это была прелестная птичка, которую он держал взаперти в золотой, украшенной драгоценными камнями клетке, которую он кормил нектаром и амброзией, убаюкивал мелодиями и ароматами, но крылья которой он без сожаления обрезал бы, если бы она захотела вырваться из золочёных решеток своей клетки. Но в своей волшебной темнице птичка не вспоминала о своих крылышках. Для императрицы фантастический мир, который окружал её и её всемогущего супруга, мир великолепных дворцов, роскошных садов, весёлых вилл, мир зрелищ и феерических балов, заполнял весь горизонт, и она не подозревала, что за этим горизонтом, за фантазмагорией бриллиантов и жемчугов, драгоценностей, цветов, шёлка, кружев и блестящих безделушек существует реальный мир...»*

Императрица и не думала вырваться из своей золотой клетки, ведь для неё это была и не клетка вовсе, а уютное семейное гнёздышко, она любила, чтобы всё вокруг неё было оживленно и красиво. «Ее душа была трогательно детская, чистая и непорочная. – свидетельствует фрейлина М.П. Фредерикс. – И эта душевная чистота отражалась на всём её существе и во всех её действиях».

Известный французский путешественник маркиз Астольф де Кюстин, побывавший при Императорском дворе, также не оставил без внимания ту любовь и нежность, которые питал венценосный супруг к Александре Фёдоровне: «Государь императрицу любит, лихорадка ли у неё, лежит ли она, прикованная болезнью к постели, – он сам ухаживает за нею, проводит ночи у её постели, приготовляет, как сиделка, ей питье. Но едва она слегка оправится, он снова убивает её волнениями, празднествами, путешествиями. И лишь когда вновь появляется опасность для жизни, он отказывается от своих намерений. Предосторожностей же, которые могли бы предотвратить опасность, император не допускает: жена, дети, слуги, родные, фавориты – все в России должны кружиться в императорском вихре, с улыбкой на устах...»

*О реальном мире, существующем за пределами дворца, Императрица Александра Фёдоровна, смею предположить, имела представления. Как и все представительницы дома Романовых, она занималась благотворительностью: в 1827 году под её покровительство поступили Патриотический институт и институт благородных девиц в Полтаве. А после смерти Императрицы Марии Фёдоровны Александра Фёдоровна возглавила «Ведомство учреждений императрицы Марии», в которое входили воспитательная больница в Москве; воспитательные дома в Москве и Санкт-Петербурге; училище ордена св. Екатерины; Александровское училище в Москве; девичье училище военно-сиротского дома; Харьковский институт благородных девиц; училища солдатских дочерей полков лейб-гвардии; коммерческие училища в Москве и Санкт-Петербурге; Павловская больница в Москве; странноприимный дом Таранова-Белозёрова в Симферополе и многие другие учреждения. Императрица писала по этому поводу своей близкой подруге Софии Бобринской: «Мысль о том, что я должна заменить нашу любимую матушку, такую энергичную и деятельную, давит меня: я такая слабая, не созданная для того, чтобы повелевать». Но Александра Фёдоровна достойно продолжила дело своей свекрови. Все доклады статс-секретаря Императрица удостоивала самым пристальным вниманием и часто посещала учреждения, находившиеся под её покровительством – госпитали, богадельни, институты, в которых она обычно присутствовала на экзаменах.

Император Николай I обо- жал забавлять жену всевозмож- ными сюрпризами. В канун Рож- дества 1818 года он порадовал Александру Фёдоровну, тоскую- щую по любимой Пруссии, ёл- кой*, назвал в честь жены име- ние в Петергофе Александрией и выстроил Коттедж – сельский до- мик в английском стиле, устраи- вал для своей Прекрасной дамы рыцарские турниры. Кажется, он соревнуется сам с собой, чтобы новый подарок оказался неужи- даннее и роскошнее предыду- щего. Великая княжна Алексан- дра отмечала: «...самое большое удовольствие Папа состоит в том, чтобы делать удовольствие Мама!»

И вот однажды Николай I подарил обожаемой супруге Оре- анду. Царская чета в ту осень 1837 года гостила в Алушке в ещё неоконченном дворце графа Воронцова, где их ожидал самый великоле- пный приём. Возведённые из серо-зеленоватого диабаз дворцовые корпуса чудесно гармонировали с зубчатой главой Ай-Петри и с зеленью роскошного парка. Посреди диких скал лепились татарские домики с плоскими крыша- ми и возвышалась красивая мечеть, построенная Воронцовым. Сохранился даже дом, в котором останавливался Александр I.

Прибывших гостей и их свиту приветствовали выстрелами пушек, уста- новленных у южного фасада дворца. А вечером деревья, лужайки, поляны, скалы парка осветились разноцветными шкаликами, наполненными олив-

Императрица Александра Федоровна.
Худ. Карл Рейхель

*Сегодня мы и представить себе не можем Новый год и Рождество без зелёной красави- цы, а в XIX веке всё было иначе. Обычай наряжать ёлки после смерти Петра I в России не прижился, поэтому для придворных украшенный маленькими букетиками еловых веток стол и лежащий рядом подарок оказался приятной неожиданностью. Баронесса М.П. Фре- дерикс вспоминала: «Нас всегда собирали сперва во внутренние покои её величества. Там около закрытых дверей концертного зала или ротонды в Зимнем дворце, в которых обыкно- венно происходила ёлка, боролись и толкались все дети между собой, кто первый попадёт в заветный зал. Императрица уходила вперёд, чтобы осмотреть ещё раз все столы, а у нас тан и бились сердца радостью и любопытством ожидания. Вдруг слышался звонок, двери растворялись и мы вбегали с шумом и гамом в освещённый тысячами свечей зал. импе- ратрица сама подводила каждого к назначенному столу и давала подарки. Можно пред- ставить, сколько радости, удовольствия и благодарности изливалось в эту минуту... Ёлку со всеми подарками потом мне привозили домой, и я долго потешалась и угощалась с ней». Постепенно новогодние красавицы появились в домах придворной знати, а затем и у про- стонародья.

ковым маслом. На Ай-Петри, словно звёзды, зажглись костры. Из роцц и ущелий зазвучала дивная музыка. Завораживающую, неповторимую феерию устроил садовник Карл Кебах.

Парадную столовую превратили в импровизированный театр. «Театр был устроен как бы на открытом воздухе без кулис и занавесов. В третьей части залы было сделано небольшое возвышение. Вместо рисованного на стене был настоящий лес из дубовых деревьев. Он занимал углубление театра и делал чрезвычайный вид. Кроме того, было поставлено множество других небольших деревьев и цветов так, чтобы всё вместе представляло густой и непрóходимый лес. Влево возвышалась башня, покрытая настоящим плющом». Такие оригинальные декорации изумили Императрицу и других гостей.

Для Александры Фёдоровны приготовили комнату, отделанную в восточном стиле, стены, потолок и украшения были выполнены по образцу покоев в Константинополе, в доме Сераскир-паши, поэтому и назвали её Сераскирской*. Главным украшением стал тончайший лепной орнамент, покрывший лиловые стены от пола до потолка цветами. Пол устлали египетскими циновками, на турецких диванах красного сукна с бархатными, золотом шитыми подушками приятно было возлечь. Отдохнув немного, Николай I отправился на Кавказ, а Александра Фёдоровна осталась: южный климат благодатно сказывался на её здоровье.

Императрица несколько раз верхом и в экипаже приезжала в полюбившуюся ей Ореанду и вместе с архитектором Карлом Эшлиманом выбирала место для будущего дворца, который Император решил построить без промедления, чтобы Александра Фёдоровна, очень болезненная, могла отдыхать и лечиться в Крыму. 30 сентября Императрица в сопровождении М.С. Воронцова поднялась на вершину горы Урьянда и установила деревянный крест, возле которого собственноручно посадила куст лавра. Впоследствии его заменили на чугунный, с отверстиями для иллюминации. С тех пор гора стала называться Крестовой, хотя символ не сохранился до наших дней.

В день отъезда Императрицы татарские женщины устроили обед на зелёной лужайке у дворца. Принесли с собой угощение – рис с маслом, татарки с детьми сели под навесом из винограда. Сначала они смущались, но затем стали довольно живо общаться с Александрой Фёдоровной через переводчика. Южнобережное общество тоже постаралось и поставило спектакль на французском языке с танцами, графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова аккомпанировала на фортепиано.

В благодарность за великолепные дни, проведённые в Алушке, Государыня Александра Фёдоровна подарила Елизавете Ксаверьевне черепаховый шкафик с золотой отделкой, украшенный вензелем Императрицы и российским гербом. Внутри лежало письмо с тёплыми словами: «С чув-

*Позже цвет стен изменили на голубой, что усилило неповторимое своеобразие комнаты, называемой с тех пор Голубой гостиной.

ством искреннего сожаления оставляю прелестную Алупку, которую никогда не забуду, равно как и её обитателей, оказавших нам более, нежели любезный приём. Увижу ли я когда-нибудь этот возлюбленный берег? Вот вопрос, естественно, представляющийся при расставании с местами и странами, неизгладимыми чертами врезавшимися в память. Почему Чёрное море так далеко от Балтийского?»

Возвратившись в Петербург, через своего брата, крон-принца Фридриха-Вильгельма, Александра Фёдоровна обратилась к знаменитому зодчему Карлу Фридриху Шинкелю с заказом на проект дворца в стиле «римской виллы», подобный дворцу Шарлоттеххоф, построенный им в Потсдаме. Архитектору отправили план местности, акварели Н.Г. Чернецова и описание красот и климатических особенностей Ореанды. Проект был готов уже к концу 1839 года и вызвал восхищение Царской семьи. Однако это оказалась не уютная вилла, а грандиозный роскошный дворец с огромным внутренним двором с бассейном, фонтанами, колоннадами галерей. Чтобы возвести его, требовалось более миллиона рублей серебром и много времени, так как хороших, удобных дорог на Южный берег тогда было мало. Императрица с грустью заметила, что «можно состариться за время его постройки», и вежливо отказалась, оплатив все расходы и подарив Шинкелю в знак признательности бриллиантовый перстень со своим вензелем.

Переработать проект и построить дворец в Ореанде Николай I поручил своему любимцу, петербургскому архитектору Андрею Ивановичу Штакеншнейдеру. Стремясь воплотить мечту Александры Фёдоровны об уютной вилле, он уменьшил площадь постройки в 4,5 раза. Лично ознакомившись в 1841 году с местностью, решил строить дворец не на вершине скалы, как

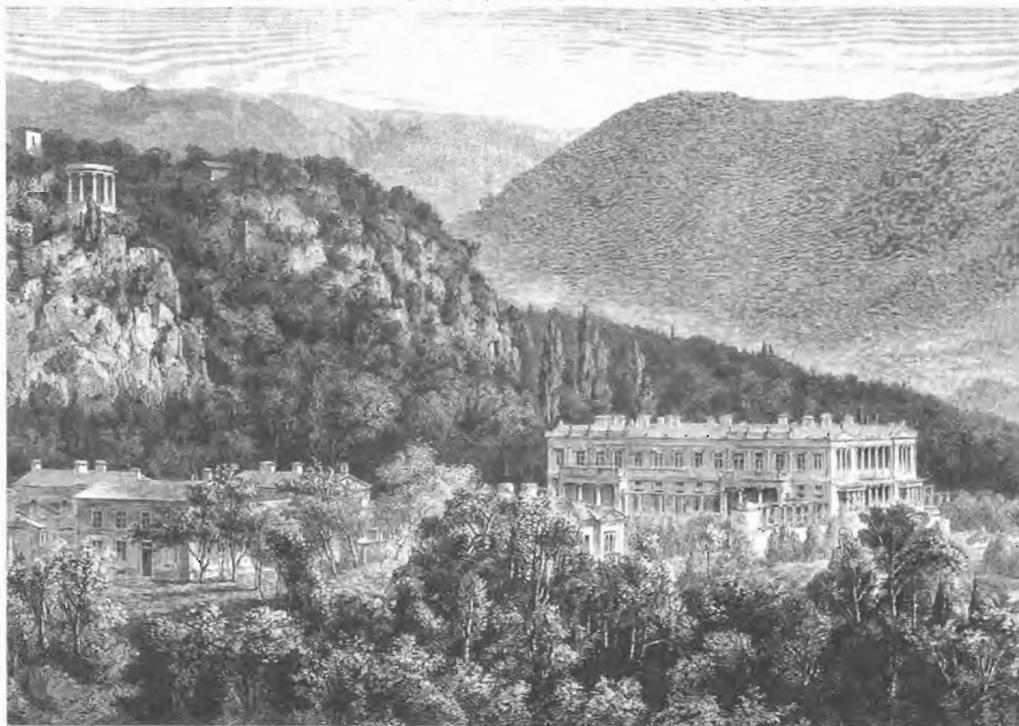
Скала в Ореанде. Литография А. Бигати. 1840 гг.

предполагал Шинкель, а невдалеке от её подножия. В 1842 году проект был утверждён, руководил строительством архитектор Вильям Гунт, работавший над Алупкинским дворцом графа Воронцова. Десять лет потребовалось лучшим мастерам, чтобы возвести величественное здание и окружить его великолепным парком. В 1847 году работы прекратились вовсе из-за «недостатка денег», и только назначение заведующим строительными работами К.И. Эшлимана в 1850 году оживило возведение дворца и оформление его интерьеров. Осенью 1852 года Ореандский дворец был готов принять своих хозяев.

Царскую семью привёл в восхищение их новый дом, уютные внутренние дворики, окружённые двухэтажным корпусом, украшенным кариатидами, фронтонами и колоннадами. Его торжественно осветили, Их Величества с великой благодарностью наградили всех строителей. Особенно понравился парк, прекрасный, созданный с любовью и выдумкой. Экзотическая растительность была подобрана так искусно, что каждый его уголок представлял какой-либо район земного шара. Воздух освежали многочисленные фонтаны – один бил прямо из дупла огромного дуба, – маленькие водопады, скрытые в густой зелени. На изумрудных лужайках цветы, радуя глаз, яркие цветы. Доверчиво выходили на дорожки парка стройные лани и благородные олени. А высоко над парком и дворцом, на краю скалы, возвышалась белоснежная греческая ротонда.

Имение в Ореанде. Литрография с рисунка Штреффера. 1870 г.

Почти два месяца Николай Павлович и Александра Фёдоровна провели в Крыму. Жили спокойно и просто: Императрица с мужем и детьми часто гуляла в парке, путешествовала по чудным окрестностям, иногда купалась в море, охотилась – сегодня трудно поверить, что в те годы в Крыму водились волки, немало досаждавшие управляющим имением набегами на ореандский зверинец. Но главное, Александра Фёдоровна наслаждалась обществом мужа. После тяжелейших родов младшего сына Михаила, врачи, боясь за её здоровье, запретили супругам интимную близость. Александре Фёдоровне, любящей и любимой жене, было 34 года. Со временем она смирилась и

Фрагмент фасада дворца

дала Николаю полную свободу. Баронесса М.П. Фредерикс писала: «Известно, что он имел любовные связи на стороне – какой мужчина их не имеет, во-первых, а во-вторых, при царствующих особах нередко возникает интрига для удаления законной супруги; посредством докторов стараются внушить мужу, что его жена слаба, больна, её надо беречь... и под этим предлогом приближают женщин, через которых постороннее влияние могло бы действовать. Но император Николай I не поддастся интриге и, несмотря ни на что, оставался верен нравственному влиянию своей ангельской супруги, с которой находился в самых нежных отношениях». Конечно же, Александра Фёдоровна, как и всякая женщина, страдала от измен мужа, пусть даже вынужденных, происходивших с её молчаливого согласия, но сносила всё с достоинством и смирением.

Осень промчалась незаметно. Прощаясь с Ореандой, Императрица, как бы предвидя недалёкое будущее, заметила: «...Этот дворец будет моим вдовьим домом». Больше в Ореанду она не приезжала.

В 1850 году пышно отпраздновали 25-летие «славного царствования» Николая I. В хвалебных речах говорилось о том, что «положение России и её монарха никогда ещё, с самого 1814 года, не было более славно и могущественно». Уже совсем скоро, три года спустя, Николай убедится, насколько иллюзорным было это убеждение. Ослабевшая к тому времени Турция призывала жадные взоры многих европейских держав. Николай I задумал воспользоваться наследством «больного человека», как он называл империю султана, захватить проливы Босфор и Дарданеллы, которые обеспечили бы России свободный выход в Средиземное море, и благородный предлог нашёлся – освободить православные народы от мусульманского гнёта. Государь

Императрица
Александра Федоровна.
Худ. Ф.К. Винтерхальтер

пребывал в уверенности, что революционные события, потрясавшие Европу в 1848–1849 годах и окончившиеся только благодаря силе русского оружия, надолго обескровили все европейские державы, кроме Англии, с которой он надеялся заключить союз. Каково же было его разочарование и негодование, когда Англия, Франция выступили на стороне Турции, а Австрия и Пруссия заняли политику «вооружённого нейтралитета». От задуманного предприятия следовало бы отказаться, но Николай был горд и самонадеян, а министры не осмелились уверить Государя в том, что он совершает страшную ошибку. Война началась.

Император Николай I, по образованию военный инженер, большое внимание уделил строительству Севастополя, поддерживал адмирала М.П. Лазарева в стремлении укрепить береговую оборону крепости. Государь лично проверял и утверждал чертежи, увеличил финансирование до 1 млн. рублей в год, а строительство впервые после Петра I поручил морякам. Первым утвердили план Александровской батареи, пушки которой

держали проход в бухту. В 1836 году началось строительство Константиновского укрепления, а через год был заложен фундамент Николаевской батареи. Император Николай I решил сам лично проинспектировать строительство. В сентябре 1837 года он приехал в Севастополь. В городе и на флоте царил настоящий аврал: смотр кораблей, гарнизонных частей, поездки на укрепления. Царь вникал почти в каждую мелочь: продлить фланг Николаевской батареи, на Константиновской батарее построить офицерский флигель. Посетил Государь и каменоломню, где добывали камень для крепости. Узрев матросов, покрытых густой белой известковой пылью, Николай решил, что своим видом они роняют честь мундира и тут же повелел заменить матросов арестантами.

Последний раз Николай I был у Чёрного моря в сентябре 1852 года. Он, абсолютно уверенный в неприступности Севастополя, говорил своей свите: «Я так укрепил Севастополь, что с моря никто не решится напасть на нас». Эти слова были сказаны за год до Крымской войны и высадки в Крыму объединённой армии англичан, французов и турок.

Первые военные действия против Турции принесли России успех. Летом 1853 года русские войска беспрепятственно заняли дунайские княжества Молдавию и Валахию, в ноябре эскадра адмирала Нахимова одержала

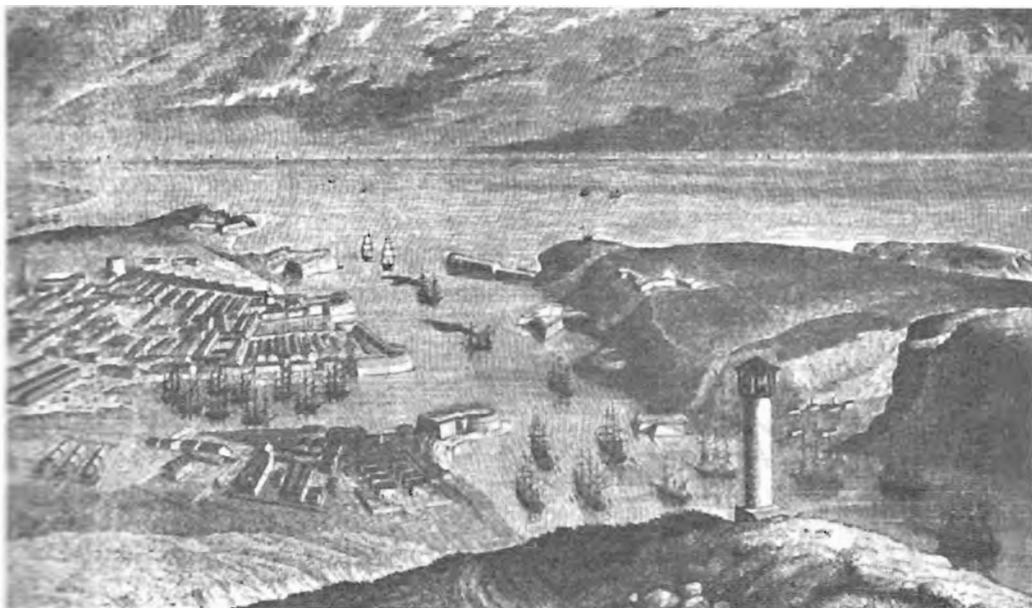
блестящую победу в Синопском сражении. Однако после вступления в войну Англии и Франции положение России стало угрожающим. Флот союзников в январе 1854 года вошёл в Чёрное море, в апреле подверг бомбардировке Одессу, а 1 сентября 389 военных судов приблизились к Севастополю. Русские офицеры свидетельствовали: «...С 2 сентября началась... высадка неприятелей без всякой помехи с нашей стороны! Два, три полка с артиллерией могли бы порядочно поколотить высаживавшегося – закачанного на море – неприятеля!.. Но наши равнодушно смотрели на эту высадку, даже не сделали никакого распоряжения о прекращении перевозки товаров по Крыму! Зато неприятель на другой же день после высадки отбил 400 пар волов, везших в Севастополь муку и спирт!.. 7 сентября было маленькое артиллерийское дело, ничем, впрочем, не окончившееся, но неприятель уже успел подойти к нам верст на 10 или даже ближе, потому что вечером и ночью лагерь его был виден с нашей позиции». Разбив армию Меншикова, пытавшуюся преградить путь врагу у реки Альмы, союзники двинулись к Севастополю. 11 сентября началась осада города, длившаяся почти год.

Эти события произвели на русское общество удручающее впечатление. Государственный деятель, писатель граф П.А. Валуев выразил отчаянные мысли многих людей: «Давно ли мы покоились в самодовольном созерцании нашей славы и нашего могущества? Давно ли наши поэты внимали хвале, которую нам “Семь морей печально плещут”... Давно ли пророчествовали, что

“Бог отдаст судьбу вселенной,
Гром земли во глас небес”...

Что стало с нашими морями? Где грома земные и горняя благодать мысли и слова? Кого поражаем мы? Кто внимает нам? Наши корабли потопле-

Вид Севастополя. 1854 г.

ны, сожжены или заперты в наших гаванях! Неприятельские флоты безнаказанно опустошают наши берега! Неприятельские армии безнаказанно попирают нашу землю, занимают наши города, укрепляют их против нас самих и отбивают нас, когда мы усиливаемся вновь овладеть отцовским достоянием!.. Друзей и союзников у нас нет... В исполинской борьбе с половиною Европы нельзя было доселе скрывать, под сенью официальных самовосхвалений, в какой и в каких именно отраслях государственного могущества мы отстали от наших противников. Оказалось, что в нашем флоте не было тех именно судов, в сухопутной армии того именно оружия, которое требовалось для уравнивания боя; что состояние и вооружение наших береговых крепостей были неудовлетворительны; что у нас не доставало железных и даже шоссейных дорог более, чем где-либо необходимых на тех неизмеримых пространствах, где нам надлежало передвигать наши силы... Сверху блеск – внизу гниль... Везде преобладает у нас стремление сеять добро силою. Везде пренебрежение и нелюбовь к мысли, движущейся без особого на то приказа. Везде опека над малолетними. Везде противоположение правительства народу, казённого частному вместо ознаменования их естественных и неразрывных связей. Пренебрежение каждому из нас в особенности и к человеческой личности вообще водворилось в законах».

Не менее тяжело переживал происходящее и Николай Павлович. Он привык считать себя хозяином России, вникал в мельчайшие подробности управления, старался быть расчётливым и экономным, говоря: «Я не финансист, но здравый рассудок говорит мне, что лучшая финансовая система есть бережливость, этой системе я и буду следовать». А в результате – огромные долги, хищения и казнокрадство, с которыми Император не способен был бороться*. Академик Е. Тарле пишет: «Николай I с самого начала войны пытался руководить ходом событий на всех её фронтах, а когда началась осада Севастополя, он ежедневно посылал Меншикову одно-два письма, в которых вникал во все мелочи кампании, проявляя детальное знание и людей, и обстановки. Николай давал советы, как следует строить укрепления вокруг Севастополя, чем отвечать на бомбардировки города, каким образом отбивать штурмы. И время шло, а Севастополь стоял нерушимо, хотя всё новые и новые дивизии союзников высаживались в Крыму. Из России туда тоже непрерывным потоком шли войска. Но Николай предчувствовал бес-

*Тарле в книге «Крымская война» приводит такой пример: «В сентябре 1854 г. в Севастополе были и саперные батальоны, и гениальный Тотлебен, и самоотверженные рабочие-землекопы, работавшие при самых отчаянных условиях. Но не было ещё одного необходимого блага, без которого никакой Тотлебен не мог бы помочь: в осаждённом городе не оказалось железных лопат и кирок. Как это случилось, т. е. кто именно систематически, годами расхищал суммы, отпускаемые на шанцевый инструмент, – этого мы в документах не нашли. Но это и не существенно. Итак, нужно было откуда угодно достать лопаты. Бросились в Одессу, но оказалось, что «кирок здесь вовсе нет в продаже, лопат же отыскано у торговцев, за исключением брака, 4246 штук, весом в 404 пуда 15 фунтов». Эти железные лопаты отправлены были из Одессы 3 октября «на 12 конных подводках», а прибыли в Севастополь 17 октября. До той поры рабочие копали землю, поправляя ежедневно и ежесюточно вновь и вновь разрушаемые неприятелем брустверы, при помощи деревянных лопат, так трудно бравших каменистый грунт».

плодность своих усилий и метался, не зная, что предпринять». Чтобы поднять дух защитников Севастополя, Государь отправляет в осаждённый город двух младших сыновей Николая и Михаила.

К потрясению от неожиданных поражений добавилась тяжёлая болезнь Александры Фёдоровны осенью 1854 года в Гатчине. Анна Тютчева так описывает состояние Императора: «Вид государя пронизывает сердце. За последнее время он с каждым днём делается всё более и более удручён, лицо озабочено, взгляд тусклый. Его красивая и величественная фигура сгорбилась под бременем забот, тяготеющих над ним. Это дуб, сражённый вихрем, дуб, который никогда не умел гнуться и сумеет только погибнуть среди бури. Со времени болезни императрицы, при мысли о возможности её смерти, несчастный император совершенно утратил бодрость духа. Он не спит и не ест. Он проводит ночи в комнате императрицы, и так как больную волнует мысль, что он тут и не отдыхает, он остаётся за ширмами, окружающими кровать, и ходит в одних носках, чтобы его шаги не были ей слышны. Нельзя не быть глубоко тронутым при виде такой чисто человеческой нежности в этой душе, столь надменной по внешности. Господь да сжалятся над ним и сохранит ему самое дорогое для него существо в ту минуту, когда у него уже всё отнято».

Английский флот появился и возле Кронштадта. В подзорную трубу Император Николай каждый день подолгу наблюдал за передвижением вражеских судов. Директор канцелярии Министерства двора В.П. Панаев так описывает Государя в эти дни: «Как ни старался е. в. превозмочь себя, скрывать внутреннее своё терзание, оно стало обнаруживаться мрачностью взора, бледностью, даже каким-то потемнением прекрасного лица его и худобою всего тела». В конце января 1855 года Николай заболел, но, невзирая на грипп, ездил напутствовать и прощаться с полками, отбывающими на войну, в лёгком плаще. Простуда перетекла в воспаление лёгких. Однако Император продолжал следить за всем, что происходит в Крыму; узнав о предполагаемой высадке у Евпатории двух французских дивизий, обеспокоенный в связи с этим судьбой Севастополя, разрабатывал план нападения С.А. Хрулёва на Евпаторию. 9 февраля Николай начал тревожиться и сомневаться в успехе замысливаемой операции. За десять дней до смерти он пишет Меншикову: *«Кажется, в Евпатории собрались точно довольно значительные силы. Опасаюсь, чтобы Хрулёв при своей горячности не предпринял того, что нам дорого стоит будет без ощутительной пользы, ибо продолжаю думать, что мы в городе, ежели и удастся взять, не удержимся от огня с моря. Потеря наша будет наверно большая, а пользы не много. Казалось бы, вернее ждать, чтоб Омер-паша высунулся, и тогда его атаковать во фланг или тыл; исполнить это и легче и гораздо вернее, ежели ловко сделать, то можно будет его в конец уничтожить нашей сильной конной артиллерией и конницей, без больших потерь. Как идут укрепления Северной стороны? Пора их докончить».*

Только 14 февраля Николай узнал о неудаче под Евпаторией, скорбная весть подорвала его силы. Но на следующий день Царь всё же долго зани-

мался делами и принял важное решение: снять Меншикова с должности главнокомандующего, заменив его М. Горчаковым. 18 февраля 1855 года Николай I умер. В обществе сразу прошёл слух о том, что Государь отравился. Но все близко знавшие Императора сочли такое предположение нелепым: Николай Павлович, глубоко верующий человек, был готов переносить выпавшие на его долю испытания с христианским смирением. Некоторые современники считали, что его «сразила не столько немощь телесная, сколько потрясение нравственное. Мощная натура его не выдержала удара, нанесённого душевным его силам... Увидев Россию в отчаянном положении, император Николай не мог перенести горести такого печального исхода всех его многочисленных державных трудов. Это было слишком тяжкое разочарование, которое и свело его в могилу».

В свой последний час он, держа руку любимой жены, благодарил её за то счастье, которое имел: «Ты не понимаешь, сколь многим я тебе в этой жизни обязан». Александра Фёдоровна пережила мужа на пять лет. Она отклонила настойчивые предложения врачей ехать на лечение за границу: «Я хочу ожидать решения своей участи в кругу своих близких и провести последние дни жизни в том дворе, который напоминает мне столько лет счастья, в комнатах, откуда видна красивая Нева и золотой шпиль Петропавловской крепости, где покоятся останки того, кого я любила и который дал мне так много счастья».

О личности Императора Николая I и итогах его правления учёные спорят и в наши дни. В советской историографии имя Царя сопровождалось эпитетами «кровавый», «палач», «Палкин», высокие оценки, данные современниками, замалчивались. Через сорок лет после смерти Николая Павловича философ В.С. Соловьёв написал: «Могучий Самодержец, которого сегодня благочестиво поминает Русское царство, не был только олицетворением нашей внешней силы. Если бы он был только этим, то его слава не пережила бы Севастополя. Но за суровыми чертами грозного властителя, резко выступавшими по требованию государственной необходимости (или того, что считалось за такую необходимость), в Императоре Николае Павловиче таилось ясное понимание высшей правды и христианского идеала, поднимавшее его над уровнем не только тогдашнего, но и теперешнего общественного сознания». Сам Император так определял свои действия: «Компасом для меня служит моя совесть... Я иду прямо своим путём – так, как я его понимаю; говорю открыто и хорошее и плохое, поскольку могу; в остальном же полагаюсь на Бога».

Как бы ни было, роль его в развитии Крыма значительна и заключается в том, что, первым приобретя имение на Южном берегу, Николай Павлович положил начало традиции Царской семьи отдыхать в благословенном месте, климатом и природой не уступавшем лучшим курортам Европы.

ЛИВАДИЯ – ПОДАРОК ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II СУПРУГЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ

Наследником престола Великий князь Александр Николаевич стал в семилетнем возрасте после воцарения Николая I. Столь неожиданное изменение в судьбе поставило перед Цесаревичем трудную задачу: подготовиться к будущему царствованию. Образованием и воспитанием Александра занимались блестящие наставники: генерал-майор Карл Карлович Мердер и великий русский поэт Василий Андреевич Жуковский. Первый обучал военным наукам и развивал физические способности, второй – нравственные качества Наследника. В 1835 году лучшие государственные деятели подготовили Александра Николаевича к практической деятельности. Знаменитый министр-реформатор М.М. Сперанский прочёл курс лекций «Беседы о законах», военный историк Жюмини обучил военной стратегии и тактике, в тайны финансовой системы посвятил министр финансов Канкрин, в хитро-сплетения внешней политики – старший советник МИДа барон Бруннов. Завершающим этапом образования стало семимесячное путешествие по стране, которое Жуковский назвал «всемирным венчанием с Россией». Николай I поставил перед сыном следующие задачи: «Первая обязанность твоя будет всё видеть с той неперемнной целью, чтобы подробно ознакомиться с государством, над которым рано или поздно тебе определено царствовать. Поэтому внимание твоё должно равно обращаться на всё. Не показывая предпочтения к которому либо предмету, ибо всё полезное равно тебе должно быть важным; но при том и обыкновенное тебе знать нужно, дабы получить понятие о настоящем положении вещей». Цесаревич посетил 29 губерний, первым из Романовых побывал в Сибири. Путешествие выдалось утомительным, поскольку железных дорог в российской глубинке ещё не существовало и передвигаться пришлось на лошадях, целой кавалькадой колясок и экипажей. В Крыму Александр, уставший, переполненный впечатлениями, встретился с семьёй. Посетив Севастополь, Симферополь и Бахчисарай, отдохнув в имениях Воронцова Массандре и Алушке, он отправился дальше – впереди Цесаревича ждали Киев, Полтава, Таганрог.

Сенью 1855 года Симферополь готовился к приёму Александра II. Став Императором после скоропостижной смерти Николая I, он

Александр Николаевич.
1830 г.

получил ужасное наследство: шла кровопролитная Крымская война, и хотя Севастополь продолжал сопротивляться врагу на пределе своих сил, успех был не на стороне России. Весной-летом 1855 года вражеские войска совершили экспедицию в восточную часть Крыма и на Азовское море, уничтожили защищавшую вход в Керченский пролив русскую флотилию контр-адмирала Вульфа и захватили Керчь и Еникале, прервав одну из двух линий снабжения русской армии в Крыму. 22 мая они овладели стратегически важными Федюхиными и Балаклавскими высотами под Севастополем, однако штурм города 6 июня удалось отбить. Погибли адмиралы Истомин и Нахимов – истинные организаторы севастопольской обороны. Главнокомандующий М.Д.Горчаков, сменивший Меншикова, по настоянию Александра II начал наступление в тыл неприятеля, но 4 августа был разбит у Чёрной речки. А на следующий день началась жестокая бомбардировка Корабельной стороны и особенно Малахова кургана, длившаяся почти непрерывно до 26 августа. Грохот тысячи орудий слился в один протяжный вой; пороховой дым застилал небо; падающие снаряды поднимали в воздух фонтаны камней, песка, земли; повсюду царили смерть и разрушения. Севастополь горел, пожары уже не тушили. Бомбы разворотили укрепления Малахова кургана, почти уничтожили орудия, не хватало снарядов. 27 августа французы после шести неудачных приступов овладели ключевым пунктом обороны Севастополя – Малаховым курганом, дальнейшее сопротивление оказалось бессмысленным. Русские войска получили приказ оставить город, переправиться на Северную сторону, взорвав укрепления и пороховые склады и затопив последние корабли. Уходили молча. Очевидец этих событий позже вспоминал: «Трудно описать, что происходило в эти мгновения в душе защитников Севастополя... Испытываемые чувства невольно вырывались наружу, у многих навёртывались на глаза слёзы. Другие, в особенности старики-матросы, рыдали, как дети... Ядра и бомбы то и дело падали в воду по обе стороны переправы... Погода стояла тихая: на небе светились звёзды, меркнувшие перед не менее ярким блеском светящихся ядер, пронизывавших небесный свод по разным направлениям... Тихо, без шума и толкотни шла вся эта масса: до того сильно было впечатление переживаемого. Как много величественного и поражающего своим внутренним трагизмом было в этой картине!» Так закончилась оборона Севастополя, длившаяся 349 дней, унесшая 100 тысяч русских жизней. Однако войска союзников ещё два дня не осмеливались вступить в полностью разрушенный город.

Но и в этих непростых условиях Александр II не собирался складывать оружия. 13 сентября он прибыл в Николаев отдав приказ укреплять порт, так как англо-французский флот курсировал под Одессой, а десант союзников высадился под Очаковом – война продолжалась. Затем Император отправился в Крым, чтобы ознакомиться с положением дел и решить, есть ли смысл продолжать Крымскую кампанию.

В великую годину войны Симферополь превратился в огромный госпиталь. С 10 сентября 1854 по 21 мая 1856 года под госпитали было занято 72

казённых и частных дома. Через город постоянно двигались войска, перевозились боеприпасы и продовольствие, 120 домов было занято под цейхгаузы, склады, бани и прачечные, 14 домов – под артиллерийские склады, 55 – под пекарни. «Маленький городок, с 24-мя тысячами жителей, – пишет А.И. Маркевич в книге «Симферополь. Его исторические судьбы, старина и недавнее прошлое», – превратился тогда в очень населённый пункт. В 1855 г. население его дошло до 30 000 человек. Раненых и больных в нём средним числом было в день до 5000 человек, а доходило и до 14 000...

Симферополь представлял тогда какую-то ярмарку. В городе днём и ночью было невероятное движение; гостиницы, трактиры и харчевни были открыты круглые сутки». Город страдал от немыслимой дороговизны на все припасы и продукты, даже самые необходимые...

Однако ни трудности, ни даже война не омрачили радости горожан, ожидавших встречи с Государем. Участник этого события Н. Михно писал: «С раннего утра 27 октября происходило в Симферополе особенное, чрезвычайное движение. Увеличивавшиеся с каждым часом толпы народа всех сословий и вероисповеданий: русских, греков, немцев, армян, татар, карaimов, евреев, приливавшие со всех концов города на Долгоруковскую улицу, превратились, к трём часам пополудни, в одну сплошную, живую массу, выражавшую ожидание чего-то необычайного, кипевшую нетерпеливым волнением и усиленным любопытством. Экипажи всех родов, дрожки, коляски, кареты неслись по тому же направлению, встречая на каждом шагу густые волны народа.

Ждали приезда Государя!..

Наступили сумерки, а ожидаемого, желанного Гостя ещё не было. Толпа ежеминутно разрасталась в размерах, доселе не витанных; более 10 000 народа стояло на улицах; наконец, в начале девятого часа, за прискакавшими всадниками показался экипаж. Единодушное восторженное «ура!» приветствовало Российского Венценосца, и вся масса народа поспешно устреми-

Вид города Симферополя с восточной стороны, где изволил побывать Его Величество Государь Император 27 октября 1855 г. Литография Ф. И. Гросс

лась к дому, предназначенному для пребывания Его Императорского Величества. Мгновенно весь дом был иллюминирован; находящаяся насупротив него площадь Александро-Невского собора и аллеи, окружающие её, осветились тысячами плашек и разноцветных фонарей, искусно развешанных по деревьям...

Государь Император был встречен главнокомандующим крымской армией, князем Горчаковым и начальником губернии, графом Адлербергом...

Наутро, 28 числа, Государь принимал высших гражданских чиновников города, делегации от симферопольского общества и купцов гор. Севастополя, удостоив всех своего высокого, милостивого внимания. Около 10 часов Его Величество изволил отслушать эктению в соборной церкви, откуда, сев в экипаж, отправился в Бахчисарай...

31 октября, в шесть часов вечера, Августейший Путешественник, на обратном пути в Перекоп, снова осчастливил Симферополь своим посещением...

На другой день, в десять часов утра, Государь Император изволил показаться народу, пламенно желавшему узреть черты своего Царя, а вслед за тем изволил внимательно осматривать временные госпитали, устроенные в лучших городских зданиях, и новоустроенные городские бараки. Посетив госпиталь, Его Императорское Величество обратился к раненым и сказал своим чудным, глубоко западающим в душу голосом: «Благодарю Вас за Россию, за покойного моего родителя и за Себя, не простым царским спасибо, которое вы не раз слышали, но от глубины души моей, за долгое ваше терпение».

Все присутствующие громко зарыдали; то была торжественная минута, которая не забывается во всю жизнь, которая вполне вознаграждает за все прошлые страдания и даёт силу для будущих подвигов. Государь не ограничился словесным изъявлением своей благодарности: он удостоил поцеловать раненых и в особенности крепко обнял генерала Хрулёва.

В день коронации, 26 августа 1856 года, Александр II подписал Высочайшую грамоту, в которой он выразил благодарность населению Таврической губернии «за жертвы святому делу Отечества». Она долгие годы хранилась в Александро-Невском кафедральном соборе Симферополя в особой витрине.

Севастополь представлял печальное зрелище: гряда развалин, щедро политых кровью*. Четыре дня Император объезжал позиции, интересуясь истинным положением дел и подлинным состоянием войск, много и часто общался с солдатами, а уезжая, отдал приказ всех участников обороны Севастополя наградить серебряной медалью на георгиевской ленте с надписью «За защиту Севастополя».

Именно эта поездка в Крым убедила Александра II в полной невозможности не только выиграть, но и просто продолжать войну: казна пуста, армия обескровлена, вооружение устарело, паровой флот не существует во все. 18 марта 1856 года в Париже был подписан мирный договор, согласно которому Чёрное море объявлялось нейтральным, открытым для торговых

судов всех стран и закрытым для военных. России и Турции запрещалось содержать военно-морские арсеналы, в результате Россия осталась без Черноморского флота. «У нас известие о заключении мира, хотя и было обычным порядком возвещено городу пушечными выстрелами с Петропавловской крепости и сопровождалось благодарственными молебствиями, не могло, конечно, считаться событием радостным... – говорит в своих воспоминаниях Дмитрий Алексеевич Милютин**. – Бедствиям войны положен был конец, – но мир куплен дорогой ценой. Русское национальное чувство было оскорблено. Молодому Императору пришлось расплачиваться за неудачи войны, не им начатой».

Итоги предыдущего царствования оказались неутешительны: Россия утратила международный престиж, состояние вооружённых сил плачевно, в экономике кризис. Управлять государством по-прежнему казалось преступлением, требовалась серьёзная перестройка. Общество также ожидало перемен и с надеждой смотрело на Зимний дворец: трон всё ещё оставался главной движущей силой в стране. Герцен, всегда выражавший свои мысли откровенно и прямо, писал Императору вскоре после его воцарения: «Я готов ждать, стерпеться, говорить о другом, лишь бы у меня была живая надежда, что Вы что-нибудь сделаете для России...» Вот в такой трудной ситуации Александр II отважился на дело, оказавшееся не по плечу его дяде Александру I и отцу Николаю I, – отмену крепостного права.

Александр Николаевич сделался сторонником реформ не в силу личных убеждений, а как государственный деятель, для которого превыше всего стояли величие, благополучие и спокойствие державы. Фрейлина А.Ф. Тютчева верно заметила: «Император – лучший из людей. Он был бы прекрасным Государем в хорошо организованной стране в мирное время, где приходилось бы только охранять. Но ему недостаёт темперамента преобразователя.

**Севастополь долгие годы оставался разрушенным. Е Марков в 1872 году так описывал его: «Севастополь теперь мертвец – это вне всякого сомнения... Прекрасные здания с рядами светлых окон, с величественными колоннадами стоят теперь раскрытые, разбитые, обгорелые, со слепыми глазами, с пустою внутренностью... Целые улицы этих каменных остров, целые кварталы развалин, один за одним, одни возле других, на огромном пространстве стоят в гробовом молчании и будто ждут чего-то. Странно и страшно ходить по этим благоустроенным улицам могилы в светлую лунную ночь, никого не встречая, ничего не слыша, между двух стен высоких палат, которые провожают ваши шаги рядами своих чёрных дыр... Столько призраков шумной жизни, столько смелого приготовления к ней – и между тем гроб, громадный глухой гроб!..*

Обитаемые дома разбросаны кое-где среди развалин и мало нарушают общее впечатление. Иногда только несколько комнат, иногда этаж, иногда флигель разбитого большого дома приспособлены к жилью; главные улицы особенно пусты; несколько возродилась та часть города, которая лежала на южной покатости холма, ближе к базару; она была не так доступна ядрам и потому легче отстроилась. Теперешнее скудное население городка без труда размещается в этом уголке и кой-где среди развалин больших улиц... очень в немногих местах виден каменщик, штукатур, копошащийся в грудах плит».

***Милютин Дмитрий Алексеевич (1816 – 1912) – военный и государственный деятель, граф, генерал-адъютант, генерал-фельдмаршал, член Госсовета, один из ближайших сотрудников Императора Александра II. С 1861 по 1881 год занимал пост военного министра. С 1881 года почти безвыездно жил в Крыму, в Симеизе, где писал свои знаменитые «Дневники» и «Воспоминания».*

У Императрицы тоже нет инициативы, она, быть может, будет святой, но никогда не будет великой государыней. Её сфера – моральный мир, а не развращённый мир земной действительности. Они слишком добры, слишком честны, чтобы понимать людей и властвовать над ними. В них нет той мощи, того порыва, которые овладевают событиями и направляют их по своей воле: им недостаёт струнки увлечения... Моя душа грустна, я вижу перед собой будущее печальное и мрачное». А спустя несколько дней: «Мне невыразимо жаль его, когда я вижу, что, сам того не ведая, он вовлечён в борьбу с могучими силами и страшными стихиями, которые он не понимает».

Действительно, Александру II всю жизнь пришлось бороться «с могучими силами»: оппозицией, принимавшей преобразования в штыки, и революционерами, требовавшими упразднения монархии. Он не был энергичным реформатором, принимая решения, много сомневался и колебался. Но Императора ободряли верные и неизменные помощники: брат Великий князь Константин Николаевич, тётушка Великая княгиня Елена Павловна и супруга Мария Александровна. Она, лучше других знавшая характер мужа, постоянно поддерживала

Открытка, выпущенная в честь годовщины отмены крепостного права

его решимость, убедительно опровергала доводы против отмены рабства. Действовали осторожно, но неуклонно двигаясь вперёд. Ещё 30 марта 1856 года, находясь в Москве, Александр сказал представителям дворянства Московской губернии: «Лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно, само собою, начнёт отменяться снизу. Прошу вас, господа, думать о том, как бы привести это в исполнение. Передайте слова мои дворянству, для соображения». В январе 1857 года был создан секретный комитет, «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян», преобразованный в Главный комитет по крестьянскому делу. Пришлось преодолеть сотни преград в Сенате, Государственном совете, министерствах и губерниях, но дело всё же увенчалось успехом.

Манифест об отмене крепостного права от 19 февраля 1861 года стал главным событием царствования Александра II. Затем проводились и другие преобразования: земская реформа, вводившая новый порядок самоуправления на местах, судебная, отменившая телесные наказания и клеймение преступников, а также утвердившая суд присяжных. При помощи К. Ушинского Мария Александровна подготовила для Императора несколько записок о реформе начального и женского образования в России. Вводилась автономия университетов, получили доступ к высшему образованию женщины, утроилось количество мужских и женских гимназий и городских училищ.

Для Крыма 1861 год стал знаменательным вдвойне: Императорская семья впервые приехала на отдых в своё новое имение. В 1860 году Император Александр II выразил желание приобрести Ливадию на Южном берегу Крыма, перешедшую в наследство после смерти графа Льва Севериновича Потоцкого* его дочерям. Наследницы и не думали продавать Ливадию, но сочли невозможным отказать Царю. Леония Ланцкоронская писала поверенному в делах Э. Петерсу: «...мы понимаем, что признательность за милости, которыми Император почтил последние дни моего отца, обязывает нас уступить желаниям Его Величества». В конце апреля Управляющий Департаментом Уделов Министерства Императорского Двора Ю.И. Стенбок начал переговоры о покупке Ливадии, а уже в августе она принадлежала Царю.

Ливадия. Ф.И. Гросс

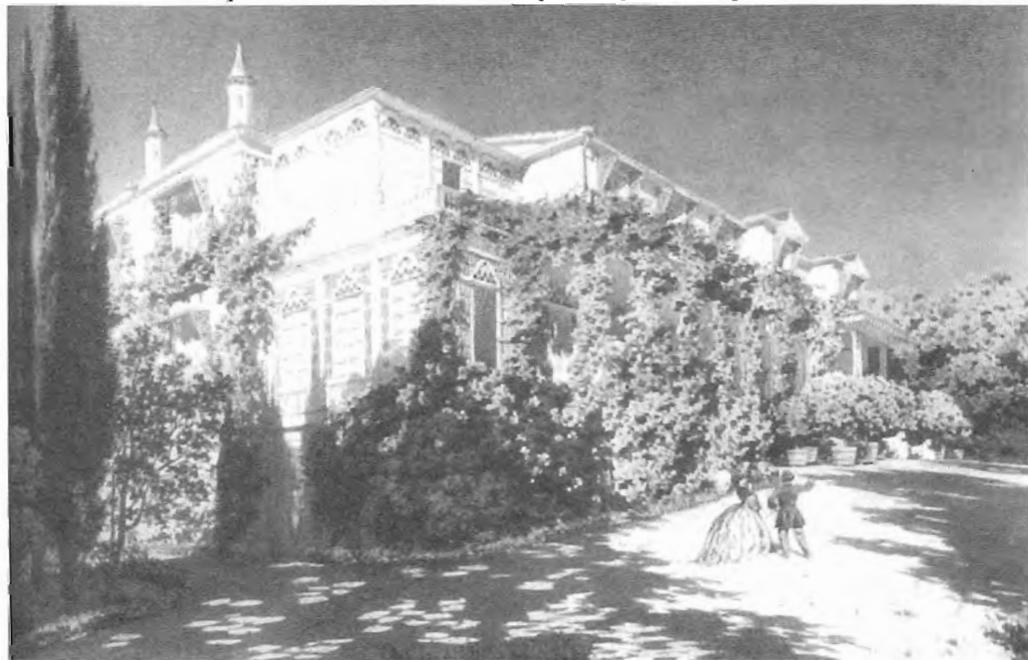

*Потоцкий Лев Северинович (1789 – 1860) – граф, российский дипломат, член Государственного совета. В 1834 году приобрёл у командира Балаклавского греческого батальона Ф.Д. Ревелиоти имение Ливадия, что в переводе с греческого означает «пуг, лужайка».

Приобретение благоустроенного, доходного имения было очень выгодным. Более 25 лет граф Потоцкий расширял и обустроивал с заботой и любовью свои владения. В усадьбе построили два дома – в 30 комнатах Большого находились личные покои семьи графа, во флигеле располагалась католическая часовня. Малый дом предназначался для гостей. Хозяин по праву гордился оранжереями и винодельней с винподвалами, в котором хранились вина собственного производства, отличавшиеся высоким качеством, прекрасным вкусом и ароматом.

Настоящим украшением Ливадии стал обширный парк, заложенный садовниками Э. Делингером и И. Ташером. Ухоженные дорожки пролегли среди удивительно богатой растительности: рядом с крымскими дубами и ясенями росли ливанские и гималайские кедры, земляничники, кипарисы, лавры, магнолии. Француз Бланшар, восхищённый Ливадийским парком, писал: «То, что каждый путешественник может оценить и чем может восхищаться – это здоровый смысл и вкус, с которыми здесь отобраны и размещены деревья для создания зелёных куртин, лужаек, цветочных композиций разнообразных тонов и оттенков. Для всего этого понадобились годы, в течение которых владельцы, обладающие безукоризненным вкусом и достаточным состоянием, могли осуществить свою мечту как ценители прекрасного в природе». Парк и дворец украшали статуи и фонтаны, большинство которых были вырезаны из каррарского мрамора. В начале карьеры Потоцкий служил в русской миссии в Неаполе, где страстно увлёкся античным искусством и стал коллекционером. Ливадию называли маленьким античным музеем:

Главный фасад Ливадийского дворца. Луиджи Премацци. 1861 г.

в парке путешественники могли видеть подлинные мраморные скульптуры и саркофаг раннехристианского периода, покрытый барельефами, а в кабинете графа хранилась коллекция древностей из Помпеи.

10 марта 1861 года, после тщательной описи имущества, подписали купчую, и Ливадию начали готовить к приезду новых хозяев. Незадолго до отъезда в Крым Александр II направил в Департамент Уделов указ: «Купленное ... недвижимое в Крыму имение Ливадия со всеми строениями и принадлежностями... предоставляя в дар Любезнейшей супруге Моей Государыне Императрице Марии Александровне, повелеваю Департаменту Уделов зачислить это имение в собственность Ея Императорского Величества».

Гессен-Дармштадскую принцессу Максимилиану-Вильгельмину-Софию-Марию-Августу Великий князь Александр Николаевич впервые увидел в 1839 году во время своего заграничного путешествия. Ему с первого взгляда понравилась милая, застенчивая принцесса. Не привыкшая к вниманию, она смущалась при встречах и разговорах, растерянно принимала цветы и подарки. Цесаревич был очарован и перед отъездом написал своему отцу: *«Здесь, в Дармштадте, встретил я дочь царствующего великого герцога, принцессу Марию. Она страшно мне понравилась, с самого первого момента, когда я её увидел... И, если ты позволишь, дорогой папа, после моего посещения Англии, я снова возвращусь в Дармштадт»*. В следующем 1840 году невеста русского Цесаревича отправилась в далёкую Россию, чтобы принять православие и готовиться к свадьбе. На границе её встретила будущая свекровь, государыня Александра Фёдоровна. Ожидая приезда жениха, принцесса Мария бросила последний взгляд на милую Германию. *«Вторым взгляд мой, – писала она отцу, – упал на русскую землю, и я подумала, что теперь только начинается труднейшая часть моей жизни, и просила у Бога Его святой помощи...»* Эти слова оказались пророческими: сколько душевных сил потребовалось, чтобы вынести придворные интриги, тяготы монаршего долга, пережить смерть двух детей и открытую измену любимого мужа...

Анна Фёдоровна Тютчева, фрейлина двора, так описала невесту Цесаревича: «Несмотря на высокий рост и стройность, она была такая худенькая и хрупкая, что не производила на первый взгляд впечатление красавицы; но она была необычайно изящна тем совершенно особым изяществом, какое можно найти на старых немецких картинах, в мадоннах Альбрехта Дюрера. Черты её не были правильны. Прекрасны были её чудные волосы, её нежный цвет лица, её большие голубые, немного навывкат, глаза, смотревшие кротко и проникновенно. Профиль её не был красив, так как нос не отличался правильностью, а подбородок несколько отступал назад. Рот был тонкий, со сжатыми губами, что свидетельствовало о сдержанности, без малейших признаков способности к воодушевлению или порывам, а едва заметная ироническая улыбка составляла странный контраст к выражению её глаз». Мария Александровна многих приводила в восторг широтой интересов и высокими душевными качествами. А.К. Толстой восхищался Ве-

ликой княгиней: «Своим умом она превосходит не только других женщин, но и большинство мужчин. Это небывалое сочетание ума с чисто женским обаянием и... прелестным характером».

Поэт и дипломат Ф.И. Тютчев «неразгаданную тайну живой прелести» Марии Александровны пытался выразить в стихах:

*Кто б ни был ты, но встреться с ней,
 Душою чистой иль греховной,
 Ты вдруг почувствуешь живей,
 Что есть мир лучший, мир духовный...*

Действительно, внешность Императрицы как нельзя лучше гармонировала с её душевными качествами. Фрейлина А.Ф. Тютчева писала: «Она создана гораздо более для внутренней жизни, душевной и умственной, чем для активной деятельности и для внешних проявлений. Честолюбие своё она обращает не на искание власти или политического влияния, но на развитие своего внутреннего существа». Известный крымский общественный деятель, историк и писатель В.Х. Кондараки, познакомившись с Государыней, отметил: «Ея Величество постоянно подаёт собою пример скромности и простоты. В нарядях этой в полном смысле святой матери никогда не замечали ничего резко отличительного, никаких дорогих безделушек, которыми так любили тщеславиться в то время приезжие из высшего круга... Для всех было ясно, что Ея

Мария Александровна

Величество смотрела на высокое положение своё самыми смиренными очами и никогда наверно не придавала ему того значения, которое почувствовали бы другие. Чуждая славолубия и ничтожной суеты, она смотрела на человека, как на одинаковое по природе и чувствам существо, и, казалось, никогда не мечтала присваивать себе никаких преимуществ пред Божеством по отношению даже с теми, которые тяжким трудом и горькою судьбою прокладывали себе жизненный путь». Однако Мария Александровна понимала, что Бог, судьба уготовили ей высокое положение, и все свои усилия направляла на выполнение долга.

Восьмерых детей подарила Мария Александровна своему

супругу. Двоих – дочь Александру и сына Николая – им довелось пережить. Частые роды и холодный климат Петербурга ослабили здоровье, но она по-прежнему стремилась быть опорой и надёжным другом мужу. После смерти вдовствующей Императрицы Александры Фёдоровны Мария Александровна возглавила огромное благотворительное Ведомство Мариинских гимназий, воспитательных учреждений, приютов, больниц, открыла – во многом на личные средства – первое в России отделение Красного Креста и ряд крупнейших военных госпиталей во время русско-турецкой войны 1877-1878 годов. При поддержке мужа основала крупнейший в Петербурге и России театр, который и по сей день носит её имя, и балетную школу. Сколько требовалось энергии,

Императрица Мария Александровна.
Художник Ф.С. Журавлев

душевных и физических сил для больной Императрицы, чтобы всё успеть, всех одарить, улыбнуться, приласкать, наставить, поддержать, посоветовать!

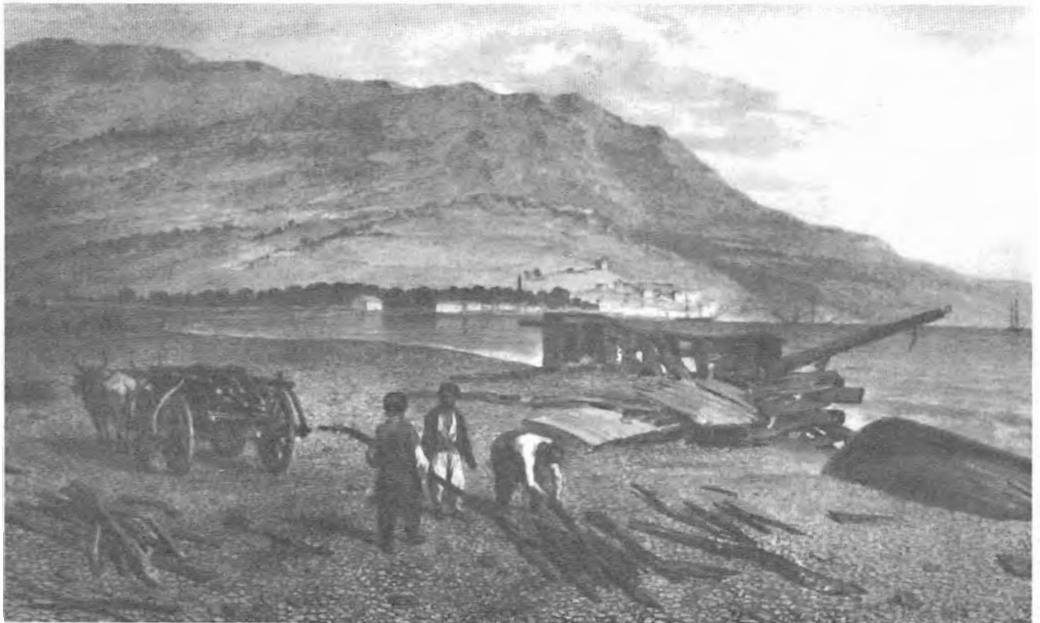
В августе 1861 года Александр Николаевич с супругой и младшими детьми Марией, Павлом и Сергеем в первый раз приехали в Ливадию. Железных дорог не было, ехали на лошадях по извилистым крымским дорогам, часто останавливаясь на почтовых станциях. 24 августа Царская семья прибыла в Севастополь, они посетили Братское кладбище, на котором начали возводить церковь Святого Николая – памятник погибшим защитникам – и Херсонесский монастырь, где заложили первый камень и установили деревянный крест в основание будущего храма во имя Святого равноапостольного князя Владимира.

Ялта в ту пору была так мала, что и городом её назвать, казалось, трудным. В ней проживало всего 927 человек, значилось 72 дома, расположенных на трёх улицах. «На всем протяжении бухты, вплоть до речки Учан-Су, на которой жиденький деревянный мостик почти ежегодно сносился речонкой, – юлый берег с остатками разрушенной деревянной набережной. Кое-где из-за зелени выглядывает дачка – их счётом было пять-шесть, и это на всём протяжении между Дерекойской речкой и Учан-Су. Деревня Аутка была как следует деревней, куда вела из Ялты извилистая, непроезжая в дождливое время дорога через табачные и виноградные плантации» – так описывает её доктор В.Н. Дмитриев. В ожидании Августейших особ Ялта прихорашивалась: в городе установили телефонную станцию, починили и увеличили городскую пристань, устроили небольшой бульвар вдоль набережной, укрепили дорогу в Ливадию, побелили дома.

25 августа Царская семья прибыла в Ливадию и разместилась в Большом доме графа Потоцкого. Для мирной тихой Ялты приезд Государя стал невероятным, запоминающимся событием. Вечером следующего дня городские улицы были освещены плашками, с военных кораблей «Тигр», «Турок», «Пицунда», ярко иллюминированных, в тёмное южное небо полетели ракеты. Музыка и песни звучали до полуночи. Ялтинцы, татары и греки из близлежащих деревень заполнили набережную – фейерверк был для них диковинным зрелищем. Ежедневно Александр II с Марией Александровной и детьми совершал прогулки по окрестностям Ливадии: посетили древнюю греческую церковь в Аутке и пожертвовали средства на её реставрацию, ездили в татарскую деревню на свадьбу, с интересом узнавали о быте и обычаях народов, населяющих Крым, встречались с представителями разных сословий, Император охотился в сопровождении двух местных татар – Амета и Мустафы. Спокойные дни отдыха, наполненные необычными впечатлениями, пролетали быстро. Южнобережное имение совершенно очаровало Марию Александровну, впоследствии она называла его не иначе, как «моя милая Ливадия». 12 октября на яхте «Тигр» Царская семья покинула Крым.

В первый Высочайший приезд выяснилось, что в Ливадии следует многое изменить, чтобы сделать условия жизни более комфортными. Императрица пожелала, чтобы все необходимые работы: возведение новых и реконструкцию старых зданий – выполнил архитектор Высочайшего двора и Царско-сельских дворцов И.А. Монигетти, которому «известен вкус Их Величеств». Государыня ограничила зодчего лишь двумя условиями: всё в имении, предназначенном для семейного отдыха и лечения, должно быть просто и затра-

Вид на город и бухту Ялты. О Раффе

ты не должны превышать сумму в 261 500 рублей – в остальном ему предоставлялась полная свобода действий. Срок окончания строительных работ определили к весне 1863 года. Мария Александровна с величайшим интересом принимала участие в обсуждении планов обновления Ливадии. Решили расширить Большой дом, отделив церковь в самостоятельное здание, построить Малый дворец для Наследника, дома для свиты, садовника, новую кухню.

Предложенный Монигетти* архитектурный стиль восхитил Марию Александровну гармоничным сочетанием элементов самобытных крымскотатарских домов и архитектуры Закавказья и Ближнего Востока: резные балкончики, ажурные карнизы, плоские крыши, крытые черепицей, – всё казалось таким простым и в то же время утончённо изысканным. Получив Высочайшее одобрение,

в марте 1862 года Монигетти отправился в Ливадию. Четыре года напряжённого труда не прошли даром, архитектор возвёл в имении около 70 построек; сохраняя единый стиль, каждая отличалась только ей присущим своеобразием. В результате получился замечательный архитектурный ансамбль, восхищавший «бесчисленным множеством небольших деревянных домиков... самой прелестной сельской архитектуры... увитых ползучей зеленью, виноградом и глицинией». По всеобщему мнению, лучшими творениями

Император Александр II

*Монигетти Ипполит Антонович (1819 – 1878) – выдающийся зодчий, талантливый художник-декоратор, автор многих построек в Петербурге, Москве, загородных императорских резиденциях. После окончания Петербургской Академии художеств Ипполит Антонович проводит более пяти лет за границей, изучая и зарисовывая архитектурные памятники прошлого, в особенности Древнего Рима и Древней Греции. В 1844 году, ознакомившись с серией рисунков с греческих, римских и средневековых орнаментов, выполненной архитектором. Учёный совет Академии Художеств выделяет средства на «довершение его полезного и любопытного труда»: Монигетти отправляется в Париж, Константинополь, Каир, а затем – Италию. Возвратившись в Петербург в декабре 1847 года, И.А. Монигетти получает звание академика архитектуры за альбом рисунков архитектурных памятников Греции и Рима, а спустя полгода определяется в Министерство императорского двора и привлекается к проектированию и строительству парковых сооружений и жилых зданий Царского Села. В 1860 году получает должность архитектора Высочайшего двора.

зодчего стали церковь и Малый дворец. Взяв за образец Ханский дворец в Бахчисарае, Монигетти возвёл небольшое – всего 12 комнат, – но очень красивое, воздушное здание. «Церковь при дворце – крошечная, но изящная, как игрушка. Это образец византийско-русского стиля; иконы писаны известными художниками, почти все по золотому фону, на старинный манер, со всею сухостью форм и наивностью выражения старых византийцев и наших староверов; так уютно и так пристойно в этом совершенно русском храме, обильном деревянною резьбою, цветными стёклами и гранёными лампадками», – рассказывает о своих впечатлениях в «Очерках Крыма» Е. Марков. На фоне построек из серого камня храм сверкал ослепительной белизной. Восхитительный орнаментальный фриз и рельефное обрамление окон служат великолепным украшением. Первоначально церковь венчал островерхий барабан с чешуеобразной кровлей, что придавало сооружению сходство с грузинскими церквями. По желанию Императрицы Марии Александровны, дворцовый храм в 1866 году освятили в честь одного из наиболее почитаемых праздников – Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Она стала сокровищницей и хранилищем святынь, подаренных грузинскими князьями российскому Императору. Среди этих реликвий икона Иверской Богоматери греческого письма X века с восемнадцатью ликами пророков и святых в технике эмали с драгоценными камнями в ризе, присланная в XV веке царю Грузии греческим императором Маврикием, крест животворящего древа в золотом ковчежке, древний золотой крест с самоцветами и золотой цепью, эмалевый образ Николы чудотворца с камнями, отбитый царем Ираклием у Али Магомет хана в XVIII веке. Помимо грузинских ценностей здесь бережно сохранялись и другие реликвии, например, частица мощей Симеона-столпника в золотом ковчеге и маленькая иконка, подаренная Царю на новоселье простой крестьянкой. Крестовоздвиженский храм расписал академик А.Е. Бейдеман.

Благодаря таланту и упорному труду садовода Климентия Ивановича Геккеля преобразился парк, стал ещё более живописным и привлекательным. В нём появились пальмовые аллеи, рощи магнолий, величественные секвойи, огромное количество роз, перголы, густо увитые глицинией и розами. В тех уголках, где любила гулять Императрица Мария Александровна, по совету доктора С.П. Боткина посадили хвойные деревья, их аромат помогал при лечении туберкулёза. Монигетти украсил парк красивыми беседками – Турецкой, Розовой, Китайской, Лавровой, изящными фонтанами.

Строительство близилось к завершению. В июле 1865 года герой обороны генерал-адъютант Э.И. Тотлебен, прибывший в Ливадию осмотреть построенные казармы, конюшни и прочие здания, предназначенные для воинских частей, охранявших имение, докладывал Императрице, что Ливадия в превосходном состоянии и вызывает восхищение. Мария Александровна ответила: «Завидую о милой Ливадии». Высочайший приезд постоянно откладывался. Ухудшавшееся здоровье Государыни требовало лечения за границей, а в 1865 году Венценосную семью постигло неожиданное горе:

болезнь и внезапная смерть Наследника престола, Великого князя Николая Александровича.

Новая встреча с Ливадией состоялась летом 1867 года. 16 июня «густая масса южнобережных жителей сплотилась вокруг ялтинской пристани, украшенной павильоном, сверху которого были разноцветные флаги, а внутри украшено красным тонким сукном... Плафон павильона и бока были закрыты горшочными цветами и красивыми колонками, влоль которых шли гирляндами плющи, пол устлан коврами и засыпан лавровой зеленью и цветами, несколько изящных экипажей завершали чудесную картинку». Приближавшийся пароход «Тигр» с Императрицей Марией Александровной на борту встретили музыкой и радостными криками. Вечером вся Ялта озарилась иллюминацией и ярким пламенем костров. 26 июня прибыл Император. Отдых в обновлённом, уютном имении доставлял Царской семье истинное наслаждение. Историк В.Х. Кондараки вспоминал: «Государь Император ежедневно совершал прогулки по утрам – в Ореанду, Кореиз, Гаспру, Алупку, Гурзуф, в лесничество и к водопаду Учан-Су – в коляске или верхом, купался в море, ходил пешком. В минуты отдыха слушал прекрасные стихи поэта Вяземского, который в это время ещё состоял при Дворе и, несмотря на свои 75 лет, казался бодрым и впечатлительным...»

В Ливадии Александр II принимал министра иностранных дел Турции Фауд-пашу и правителя Кабул-Русет-пашу. Но самым запоминающимся событием стала встреча Царской семьи с американскими туристами, путешествовавшими на красивом пароходе «Квакер-Сити» по европейским странам. В числе приезжих был молодой журналист Сэмюэль Клеменс, в

Большой дворец в Ливадии

будущем известный писатель Марк Твен*. Американцев интересовал легендарный Севастополь, выдержавший столь долгую и разрушительную осаду. Осмотрев город, путешественники отправились в Одессу. Каково же было их удивление, когда в одесском порту неожиданно явился консул США в Одессе и сообщил, что Император Александр II желал бы встретиться с ними в своём южнобережном имении. Интерес Государя понятен: в Америке из россиян мало кто бывал, хотя отношения между странами складывались дружеские. В 1863 году, в период войны между Севером и Югом, Александр II направил военные корабли двух российских флотилий в знак солидарности с Авраамом Линкольном, желавшим уничтожить рабовладение. Взволнованные личным приглашением русского Царя, путешественники решили написать торжественное приветствие и поручили эту почётную миссию самому талантливому – Сэмюэлю Клеменсу.

В назначенный день американцы – мужчины во фраках и галстуках, дамы в светлых платьях – ожидали Императора перед Ливадийским дворцом. Александр II и его семья встретили заокеанских гостей сердечно и приветливо, поздравив их с приездом. Консул США зачитал Императору приветственный адрес:

«Ваше императорское Величество! Мы, горсточка частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия, скромно, как и приличествует людям, не занимающим никакого официального положения, и поэтому ничто не оправдывает нашего появления перед лицом Вашего Величества, кроме желания лично выразить признательность властителю государства, которое по свидетельству доброжелателей и недругов, всегда было верным другом нашего любимого Отечества. Мы не осмелились бы сделать подобного шага, если бы не были уверены, что выраженные нами слова и вызывающие их чувства только слабый отголосок от зелёных холмов Новой Англии до зелёных берегов Тихого океана. Нас немного числом, но наш голос – голос нации в целом. ...Америка многим обязана России. Она является должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годы её великих испытаний.

С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена. Ни на минуту не сомневаемся, что благодарность России и её государю живёт, и будет жить в сердцах американцев. Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно несправедливым словом или поступком. Ялта, Россия, 25 августа 1867 года».

*Билеты на комфортабельное судно стоили крайне дорого, и вряд ли такое удовольствие мог себе позволить никому не известный тогда еще американский журналист, если бы не его природная смекалка. Этого журналиста звали Сэм Клеменс, и его неплохо знали, пожалуй, лишь в газете «Альта Калифорния» (в Сан-Франциско). Туда-то он и явился со смелым предложением отправить его в круиз и с обязательством написать за все 5 месяцев пути не менее 50 очерков «обо всех и обо вся», происходящем как на пароходе, так и в местах «высадки янки-десанта». Главный редактор посчитал эту идею заманчивой и согласился полностью оплатить и будущую работу, и проезд Клеменса. Так находчивый журналист, а в будущем известный писатель Марк Твен, стал пассажиром под №5 парохода «Квакер Сити», вышедшего наконец из Нью-Йоркского порта 8 июня 1867 года.

Александр II внимательно выслушал и любезно поблагодарил гостей. Кондараки свидетельствует: «Монарх лично повёл их по ближайшим аллеям, обращая внимание на наиболее интересные растения и предметы. Такое внимание монарха очаровало американцев, не смевших, разумеется, ожидать от Царя такой чистосердечной расположенности к частным лицам». Пленённые личным обаянием российского Государя, они тут же присвоили ему титул – «украшение рода человеческого». По словам Марка Твена, его более всего поразили очень скромное одеяние и простое обхождение Александра: «На императоре была фуражка, сюртук, панталоны – всё из какой-то гладкой материи, бумажной или полотняной, без всяких драгоценностей, без орденов и регалий, трудно представить себе костюм, менее бросающийся в глаза. ...Император высок, худощав, выражение лица у него решительное, однако, очень приятное. Нетрудно заметить, что он человек добрый и отзывчивый. ...Он выглядит много величественнее императора Наполеона и в сто раз величественнее турецкого султана».

После осмотра Ливадийского имения американским гостям предложили позавтракать в великокняжеской Ореанде, которая поразила их даже больше, чем уютный, богатый, но совершенно не парадный Ливадийский дворец. Гостям предоставили экипажи, и они увлечённо осматривали Ялту, усадьбы, дачи, татарские деревушки. Южный берег Крыма путешественникам очень понравился – многие нашли его даже похожим на свою Сьерра-Неваду. О самой же Ялте Клеменс написал весьма поэтично: «Деревушка Ялта гнездится внизу амфитеатра, который, отступая от моря, понемногу поднимается, и, кажется, что деревушка эта тихо соскользнула сюда откуда-то сверху. В низине раскинулись парки и сады знати, в густой зелени то там, то тут вдруг сверкнёт, словно яркий цветок, какой-нибудь дворец. Очень красивое место». Провожала радушная Ялта гостей салютом и фейерверком...

Царская семья заблаговременно объявила о празднике в день тезоименитства Александра Николаевича 30 августа. После молебствия в Крестовоздвиженской церкви и поздравлений Императора парходные гудки и пушечные выстрелы объявили о начале народного гуляния, на которое приглашались все желающие. На просторной поляне склона горы Мотави собрались не только ялтинцы, но и жители близлежащих посёлков. Они ра-

Император Александр II.
Середина 1860-х гг.

достно приветствовали появление Их Величеств с сыновьями Владимиром, Сергеем, Павлом и дочерью Марией и братьев Императора Великих князей Николая и Михаила Николаевичей.

Яркое, красочное празднество запомнилось надолго всем присутствующим. Татары, казаки, кавалеристы крымскотатарского эскадрона соревновались в быстроте на скачках, искусные наездники удивляли джигитовкой. Затем начались состязания и игры, вызвавшие общее веселье: удалцы лазили по гладко отшлифованным столбам, мерялись силами в борьбе, бегали наперегонки в мешках. Победителей награждали ценными призами, но и остальные участники не ушли с пустыми руками – все получили подарки. В павильонах гостей ожидало щедрое угощение, заиграла музыка, приглашавшая всех танцевать. Когда стемнело, дома, дворец, деревья в парке осветились праздничной иллюминацией и начался грандиозный фейерверк. На фоне тёмного неба распустился «павлиний хвост» из 250 ракет с разноцветными звёздами, образовавшими радугу, появились вензели Их Императорских Величеств, увенчанные коронами. Вечером в Ливадийском дворце разыграли водевиль, написанный к дню торжества князем Вяземским.

Вновь в полюбившееся южнобережное имение Царская семья приехала отдыхать в 1869 году. Тогда Ливадию впервые увидел Наследник Александр Александрович. ему так понравился Малый дворец, что, даже став Императором, он предпочитал жить в нём.

Александр II с дочерью
Марией

Как и год назад, 7 октября устроили празднество по случаю дня тезоименитства Великой княжны Марии Александровны, любимицы отца. Но такие встречи народа с Царём стали редкостью: над Александром Николаевичем и его семьёй нависла угроза смерти от рук террористов. Ливадия тщательно охранялась, допуск посетителей во время Высочайших приездов ограничили. Однако, несмотря на принятые меры, покушения продолжались.

Александр II, человек смелый и мужественный, боялся не пуль, не взрывов, он больше страдал душевно. Императору трудно было понять, почему его, даровавшего свободу двадцати миллионам крестьян, проводившему необходимые для процветания страны реформы, мечтающего о величии

России, хотят убить. Первое покушение, совершённое 4 апреля 1866 года Д.В. Каракозовым, стало сильным потрясением. Душевные переживания и постоянные раздумья и колебания, связанные с необходимостью продолжения реформ в новых общественно-политических условиях, сказались на здоровье. Врачи предполагали, что у Государя нервное истощение, и настойчиво советовали отдых и лечение. Лечиться Александр II не желал, а вот в Ливадию, где в отличие от Петербурга чувствовал себя более спокойно и свободно, ездил с удовольствием. Вот как описал образ жизни на Южном берегу корреспондент «Московских ведомостей»: «В Ливадии придворный этикет насколько возможно устранён. Утром Царь по обыкновению встаёт рано, прогуливается по парку пешком, потом занимается делами; иногда садится на лошадь и спускается к морю, к купальне. Обыкновенно он ходит в белом кителе, императорская свита тоже. Обедают, как в деревне, в 2 часа, ужинают в 9 часов. После обеда подаются экипажи и предпринимаются поездки по ближайшим живописным местностям. Государь по обыкновению садится с Императрицею в плетёный из соломы фэзтон. Иногда они ездят со свитою экипажей, а чаще вдвоём, как простые туристы. Местные жители не тревожат их восклицаниями и не сбегаются к их пути, благоговейно сознавая, что и царям отдых нужен.

Мария Александровна

Вечер царская семья проводит большей частью в тесном кругу приближённых. Мирный день кончается рано, и день следующий повторяет предыдущий. По воскресеньям некоторые известные лица приглашаются слушать обедню в придворной церкви. Ливадия с каждым днём становится всё красивее и цветистее, не только Южный берег, но и весь Юг, всё Чёрное море смотрит на неё с любовью и надеждой».

Идиллическая картина... Мало кто знал, что в Царской семье разыгрывается тяжелейшая драма. Александр Николаевич всегда был чрезвычайно влюбчив и чувственен. «Он постоянно влюблён и оттого благожелателен», — сказал о нём Бисмарк. Однако на склоне лет Император полюбил особенно горячо. Его избранницей стала молоденькая княжна Екатерина Михайловна Долгорукая. В сильном, словно огонь, вспыхнувшем чувстве Александр II искал не только и не столько удовлетворения сладострастных порывов. Как любой человек, Царь устал от одиночества — неизменного спутника всех государей, искал настоящую привязанность, тепло и покой, хотел любить и быть любимым. Марию Александровну он уважал, ценил за её душевные качества, ум и доброе сердце, но из их отношений постепенно уходила

страсть и любовь. Неожиданно обретя своё счастье, Александр II не желал от него отказываться. «Сегодня я, увы, не свободен, но при первой же возможности я женюсь на тебе, отселе я считаю тебя своей женой перед Богом, и я никогда тебя не покину», — обещал юной Катеньке Император в начале их романа и слово своё сдержал.

Однако скрыть длительную любовную связь, рождение внебрачных детей не удавалось. И хотя Мария Александровна этой темы никогда не обсуждала даже с самыми близкими фрейлинами-подругами, измена супруга унижала её достоинство, заставляла тяжело страдать. Душевные переживания не замедлили сказаться на здоровье: болезнь лёгких необратимо усиливалась. Придворные шептались по углам, что Императрица страшно похудела, превратилась почти в скелет, покрытый толстым слоем румян и пудры. Только находясь далеко от Петербурга, в Ницце или любимой Ливадии, под шум морских волн, она давала волю своему горю, своим невыплаканным слезам. В Ливадию Императрица приезжала с младшими детьми и небольшой свитой и старалась остаться подольше, здесь она находила облегчение от страданий и душевных мук. Вдали от двора Мария Александровна вела простой образ жизни, занималась детьми, чтением, гуляла по парку.

В тёплую осень 1870 года пребывание Государыни на Южном берегу затянулось настолько, что из Петербурга уже несколько раз телеграфировали сопровождавшим её лицам с требованием возвращаться в столицу. Но любое напоминание об отъезде вызывало в её истрадавшей душе

Княжна
Екатерина Долгорукая. 1866 г.

лишь раздражение. Зная об этом, приближённые не решались обратиться к Императрице, она чувствовала это по их смущённым взглядам и скованно-напряжённому поведению. Наконец пришла телеграмма от самого Александра. Но возвращаться во дворец и вновь терпеть унижение Государыня не могла! Что же ей делать, если она продолжает любить Александра всё так же сильно, если жизнь приобретает смысл и яркость, когда он рядом?! Она может простить его, унизившего в ней женщину, но не может простить оскорбление, нанесённое Императрице. Мария Александровна дала короткий ответ: «О времени выезда моего сообщу заблаговременно».

С некоторых пор Долгорукая стала сопровождать Александра и в Крым, останавливаясь в специально приобретённом для неё имении Бюк-Сарай.

Мария Александровна знала о том, что каждый вечер её супруг спешит на свидание к возлюбленной. Воспользовавшись советами врачей больше находиться на воздухе, напоённом смолистым ароматом хвойных деревьев, Императрица распорядилась построить дачу в сосновом лесу на северной окраине имения – скромный, но уютный дом. Рядом устроили молочную ферму, птичник и фазанник. Дачу она назвала «Эреклик» – «долина слив», и с 1873 года старалась большую часть времени проводить здесь, вдали от сплетен, в уединении, чтобы не чувствовать так остро двусмысленность своего положения. На ферме выращивалось стадо превосходных швейцарских коров, дававших великолепное молоко и масло. Мария Александровна сама придумывала им клички, используя пантеон древнегреческих богов, и вот на горном лугу паслись Веста, Афродита, Юнона.

Императрица Мария Александровна.
1870 г.

В Крыму Государь не только наслаждался живописными видами, тихим семейным отдыхом, он много работал, решал серьёзные государственные и международные вопросы. В Ливадии гостили и проводили важные для России переговоры принц Уэльский, князь Сербский, поэтому часто с Александром II в Крым приезжал министр иностранных дел князь Горчаков. Мария Александровна радушно встречала всех: и зарубежных послов, и искренних друзей – художника-мариниста Ивана Константиновича Айвазовского, героя Кавказской войны генерал-фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинского.

В 1870-х годах чрезвычайно осложнилась ситуация на Балканах. В 1875 году вспыхнуло национально-освободительное восстание сербов, весной 1876 – болгар, которые турецкие войска подавили с необычайной жестокостью. Стараясь выйти из политического кризиса дипломатическими путями, Александр II всё же заявил, что будет защищать славян, «наших братьев по крови и вере», любой ценой.

Осенью 1876 года стало ясно: войны с Турцией избежать не удастся. 12 октября в Ливадии Государь принял решение о подготовке к мобилизации дивизий нескольких военных округов, а 19 октября в Стамбул отправили решительное предупреждение: Турция должна прекратить военные действия против Сербии, иначе дипломатические отношения с Россией будут прерваны. 26 октября Царская семья покинула Ливадию, в которую не приезжала

до окончания войны. Имение подготовили к военному положению, вывезли ценные вещи, в казачьей и музыкальной казармах организовали лазареты для раненых. 12 апреля 1877 года Россия объявила Турции войну.

Во главе Дунайской армии Александр II поставил брата, Великого князя Николая Николаевича-старшего, но и сам с первого дня находился в действующей армии. Английский военный атташе полковник Веллеслей, участник этого похода, доносил своему министру: «Царь Александр живёт в разрушенном болгарском доме с земляным полом и земляными стенами. Он целые дни посещает раненых, появляясь лишь во время завтраков с двумястами своими офицерами в обширной военной палатке, воздвигнутой среди поля... Александр выглядит усталым и осунувшимся. И хотя его заставило предпринять эту войну общенародное рвение, не было у него к ней личного вдохновения и был он глубоко озабочен оборотом, который принимала военная кампания». У Императора были причины для беспокойства. Военные действия начались вполне успешно: русские войска заняли столицу Болгарии и, после длительных и тяжёлых боёв. Шипкинский перевал. Однако под Плевной армия постигла первая неудача: турецкий военачальник Осман-паша отбил штурм и укрепил город оборонительными сооружениями и редутами, превратив его в неприступную твердыню. Овладеть Плевной удалось лишь 28 ноября 1877 года после пятимесячной осады и нескольких безуспешных, кровопролитных штурмов.

Наконец, 19 февраля в Сан-Стефано был подписан мирный договор, по которому Сербия, Румыния и Черногория получали полную независимость, а Болгария, Босния и Герцеговина становились автономными территориями. Болгария освобождалась от присутствия турецких войск и получала право избрать собственного князя. Кроме того, Россия возвращала себе земли и города, отошедшие к Турции по Парижскому договору 1856 года. В тот же день Великий князь Николай Николаевич послал Царю телеграмму, в

Столовая в Ливадийском дворце.
Луиджи Премацци. 1872 г.

которой, поздравляя брата с заключением мира, писал: «Господь сподобил Вас окончить начатое Вами святое дело: в самый день освобождения крестьян Вы освободили христиан от мусульманского ига».

Однако война продолжилась, но уже на дипломатическом фронте. Условия мирного договора вызвали протест могущественных держав Англии и Австро-Венгрии. Россия не имела сил для новой

войны, поэтому вынуждена была согласиться на созыв Берлинского конгресса. В результате приобретения Сербии и Черногории были сокращены, площадь Болгарского княжества урезалась почти втрое. Австро-Венгрия оккупировала турецкие владения в Боснии и Герцеговине. Из своих приобретений в Восточной Турции Россия возвращала Алашкертскую долину и город Баязет. Глава русской делегации канцлер Горчаков с горечью констатировал: «Мы потеряли сто тысяч солдат и сто миллионов золотых рублей в этой кампании, и все наши жертвы были напрасными». Русское общество встретило новость бурным негодованием, и правые, и левые ополчились против Царя, революционеры заявляли, что власть неспособна решать не только внутренние, но и международные проблемы и призывали к свержению монарха.

Испытания войны, долгое нервное и духовное напряжение изнурили Александра II. Фрейлина Императрицы А.А. Толстая писала: «Я знаю, многие бранили его за присутствие в армии, но они не учитывали того, какую радость приносил он, посещая госпитали или, как это бывало неоднократно, подбирая в свою коляску раненых солдат после боя. Мы были поражены его изменившимся внешним обликом, когда он вернулся в Россию. Поразительная худоба свидетельствовала о перенесённых испытаниях. У него так исхудали руки, что кольца сваливались с пальцев. Доктор Боткин говорил мне, что вся свита Государя беспрестанно жаловалась, ворчала и только помышляла, как вырваться из этой каторги. Он один был ясен и терпелив, несмотря на тяжесть положения». Как странно: Александр всеми силами старался избежать этой войны и начал её, уступив горячему патриотическому подъёму русского общества, и вот теперь его за это порицают. Государь испытывал усталость и разочарование. Он мечтал о процветании страны и трудился ради достижения цели, но, оказывается, реформы не устраивают большую часть населения, его деятельность снова и снова подвергается критике и нападкам. Единственной опорой и утешением стала для Александра Николаевича Катенька Долгорукая. Марию Александровну, ослабленную болезнью, Государь не хотел волновать своими мрачными мыслями.

Императрица Мария Александровна

Императрице предстоит ещё пережить шесть покушений на Александра, смириться с тем, что вторая семья мужа поселится в Зимнем дворце, на втором этаже. Много горьких минут пережила она, но не винила мужа. Александр подарил ей когда-то безмерное счастье любви, выказывал ей своё уважение, сделал её, маленькую принцессу, Императрицей российской. Нет, не ей судить Императора – Бог ему судья! Фрейлина графиня А.А. Толстая вспоминала: «Слабое здоровье Государыни пошатнулось после покушения 2 апреля 1879 года (совершено народовольцем А.К. Соловьёвым – прим.). После него она уже не поправилась. Я, как сейчас, вижу её в тот день – с лихорадочно блестящими глазами, разбитую, отчаявшуюся. “Больше незачем жить, – сказала мне она, – я чувствую, что это меня убивает”».

В последний год жизни Мария Александровна так исхудала, что стала словно воздушной. Приступы нестерпимого кашля измучили, доводя до обморочного состояния. Весной 1879 года она приехала в Ливадию, но южнобережный климат мало помогал. Обеспокоенный Александр Николаевич уговорил жену ехать лечиться на Лазурный берег. Мария Александровна согласилась, зная, что Император вернётся в Крым, где его ждёт она – княжна Долгорукая.

Днём в Ливадийском дворце Александр II встречался с министрами, проводил время с семьёй Наследника, играл с любимыми внуками. Но как только раскрывала объятия южная ночь, Император садился на лошадь и отправлялся в Биюк-Сарай. Они с Катей уже 13 лет любовники, у них трое детей, но им не скучно вместе.

Тёплых дней становилось всё меньше, пошли дожди. Семья Цесаревича уехала в Петербург, а Катя поселилась в Ливадийском дворце. В дневнике

Вся семья Романовых

Александр Николаевич записал: «12 ноября. Встал в $\frac{1}{4}$ 9. Гулял, сыро, тепло. но мелкий дождь целый день. Кофе с Катенькой в комнате... Работал. В 11 Милютин и Адлерберг. Гулял... Обед в 7 ч., лёг в $\frac{1}{4}$ 2». Ливадию покинули 17 ноября, ехать решили не морем через Одессу, а поездом из Симферополя.

Император не знал, что агент-народоволец отправил зашифрованную телеграмму о том, что царский поезд из Симферополя пойдёт через Александровск в Москву. Не знал он и о том, что две группы террористов готовились взорвать его поезд. Государя спасло провидение! Мина, заложенная в Александровске, не сработала, а под Москвой взрыв прогремел, но на воздух взлетел багажный вагон с крымскими фруктами, чудом никто не пострадал. Военный министр Д. Милютин писал: «Царский поезд обыкновенно идёт на полчаса позади другого, так называемого свитского поезда. На сей же раз он был пущен... по маршруту впереди свитского. Это было связано с техническими неполадками в паровозе свитского поезда. Государь не захотел ждать, пока сменят локомотив, и императорский поезд отправился первым».

Когда министр Двора Александр Адлерберг сообщил о том, что взорван четвёртый вагон свитского поезда, Государь побледнел: он тоже ехал в четвёртом вагоне. Террористам известны секретные сведения: порядок следования поездов и номер его вагона!

– Что хотят от меня эти негодяи? Что травят они меня, как дикого зверя?

О новом покушении Мария Александровна узнала из газет; эта новость, казалось, отняла последние силы. Императрица была так слаба, что фрейлины беспокоились, доведут ли её живой. Вернувшись в Петербург, Мария Александровна легла в постель и более не вставала. Находясь в забытьи, она не услышала даже взрыва, прогремевшего в царской столовой 17 февраля 1880 года, устроенного народовольцем Степаном Халтуриним. Александр навещал больную супругу каждый день, но не задерживался у её ложа, молча целовал руку и выходил бесшумно. Мария Александровна, так ценившая уединение, просила, чтобы в её комнате не собиралось много людей: «Не люблю я этих пикников возле смертного одра». Императрица тихо скончалась в Зимнем дворце в ночь с 21 на 22 мая. Рядом не было ни мужа, ни детей. Умерла во сне, так что камеристки, бывшие с ней, не заметили, как пролетел ангел смерти.

А спустя месяц, 6 июля 1880 года, в небольшой комнате нижнего этажа Большого Царскосельского дворца у алтаря походной церкви состоялся обряд венчания Императора Александра Николаевича с княжной Долгорукой. Всё было очень скромно: Царь в голубом гусарском мундире, Екатерина Михайловна в простом светлом платье. Свидетелей – А.В. Адлерберга, начальника Главной императорской квартиры А.М. Рылеева и генерал-адъютанта Э.Т. Баранова – просили сохранять событие в строжайшей тайне. В тот же день Екатерина Михайловна получила титул Светлейшей княгини Юрьевской.

Александр и Екатерина не скрывали своего счастья, такого долгожданного, выстраданного. Княгиня Юрьевская, долгие годы лишённая возмож-

ности свободно появляться в свете, страстно желала стать своей в великокняжеском кругу, но всякий раз наталкивалась на холодную учтивость и плохо скрываемую антипатию. От волнения и растерянности она частенько нарушала этикет, допускала промахи, которые строгое высшее общество воспринимало как «невоспитанность». В конце августа 1880 года молодожёны отправляются в свадебное путешествие в Ливадию. Вот как эту поездку описывает М. Палеолог: «Впервые Екатерина Михайловна ехала в царском поезде. Свита Государя, адъютанты, церемониймейстеры и другие придворные чины были изумлены честью, оказанной царём княгине Юрьевской и не понимали её причины. Изумление ещё более усилилось, когда княгиня Юрьевская остановилась не в Бююк-Сарае, как раньше, а во дворце». Позже в Ливадию по настоянию Императора должны были приехать Наследник Александр с женой и детьми. Влюблённый, опьянённый счастьем, Государь не понимал, насколько тяжело его сыну общаться с новой семьёй отца. В его душе ещё жила обида за оскорблённое достоинство матери.

Княгиня Юрьевская не проявила должного такта, во дворце она вела себя как полноправная хозяйка. Видя, что Цесаревич Александр и Мария Фёдоровна едва терпят её общество, не позволяя своим детям общаться с её сыном и дочерьми, часто срывалась, плакала. Неужели она так и останется чужой? Неужели её дети для окружающих всегда будут «бастардами»? Княгиня искренне хотела расположить к себе и своим детям родственников мужа, показать им, что она по-настоящему любит Александра. Но ей это не удалось. Муж утешал, ослеплённый сильным чувством, вовсе не замечая её ошибок и промахов. Он мог потребовать от Наследника уважительно относиться к своей супруге, однако не в его власти было заставить полюбить её.

Княгиня Е. М. Юрьевская.
Середина 1880-х гг.

Хотя Император и считал себя «единственным судьёй своим поступкам», из Ливадии он пишет письмо сестре Ольге Николаевне, королеве Вюртембергской, в котором объясняет причины столь поспешной женитьбы *«Моя совесть и чувство чести настойчиво обязывают меня заключить второй брак. Я, конечно же, и во сне не решился бы совершить это раньше, чем через год траура, если бы время, в которое мы живём, не было эпохой кризиса, когда я подвергаюсь всё новым покушениям, — это время кладёт конец всем моим колебаниям. Для меня речь идёт прежде всего о том, чтобы обезопасить, и как можно быстрее, судьбу особы, которая вот уже 14 лет живёт только для меня, а также судьбу трёх*

детей, появившихся у меня от неё. Княжна Екатерина Долгорукая, несмотря на свою молодость, предпочла отказаться от всех радостей и удовольствий света, обычно таких привлекательных для молодёжи её возраста, и посвятить всё своё существование тому, чтобы окружить меня своей любовью, своими заботами. Так она решила к моему счастью и уважению, к моей благодарности.

Никого не посвящая в это, кроме единственной сестры, никогда не вмешиваясь ни в одно дело, несмотря на распространение гадостей вокруг её имени, оскорблений, она жила только для меня и занималась только воспитанием наших детей, которые нам до сих пор приносили только радость.

Мне остаётся лишь надеяться на благословение Господне, на то, что оно нас не покинет в будущем, что члены семьи, всегда проявлявшие по отношению ко мне столько любви, последуют все вместе за Сашей и Минни и не откажут в своей дружбе моей жене и детям, зная, как мне они дороги и как я привержен единению в семействе, которое наши дорогие Родители нам так завещали...

Я могу заверить семью в том, что моя жена понимает прекрасно своё положение мorganатической супруги и никогда не выскажет претензий, ведущих вразрез с моей волей главы Фамилии и Самодержца. Я хотел бы только, чтобы все другие члены семейства об этом помнили и не заставляли им это напоминать».

Неспокойно было на душе у Александра Николаевича. Покушения на его жизнь участились, и перед лицом этой опасности он хотел защитить жену и детей, оказать им поддержку. Осенью 1880 года он составил завещание, стремясь обеспечить материальное благополучие своей семьи: «Государственные процентные бумаги, опись которых прилагается, помещённые от моего имени в Государственный банк 5 сентября 1880 года, в сумме три миллиона две тысячи девятьсот семьдесят рублей есть собственностью моей жены и наших детей». Император обратился к наследнику престола Александру с письмом: «Дорогой Саша. В случае моей гибели поручаю тебе мою жену и детей». Не выполнить подобную просьбу отца Великий князь никак не мог.

Спокойные, счастливые дни в Ливадии для Александра II и Екатерины Михайловны пролетели быстро, 1 декабря они собрались в обратный путь. «По дороге на Севастополь Александр приказал остановить экипаж у Байдарских ворот. Оттуда открывался чудесный вид на Чёрное море, голубоватые вершины Яйлы. Небо было чистым, и последний день здесь был сказочно прелестен. Очарованный открывшимся перед ним видом Импера-

Александр Николаевич

тор приказал накрыть стол на воздухе... Прислуживал единственный слуга Обед прошёл весело и оживлённо, и счастье сияло на всех лицах». Это был последний приезд Александра II в Крым. Екатерина Михайловна спустя четыре года посетит Ливадию, но только на правах гостыи.

Когда Царь с семьёй вернулись в Зимний дворец, по столице поползли слухи о готовящемся короновании Екатерины Михайловны, самые осведомлённые лица уверяли, что уже заказан вензель для новой императрицы «Е. III» (Екатерина III). Так ли было на самом деле, сказать трудно. В эти дни Государь напряжённо работал. Княгиня Юрьевская, Лорис-Меликов*. Великий князь Константин Николаевич сумели уверить его: реальное спасение от революционной угрозы существует, необходимо наделить избранных страной депутатов законосовещательными полномочиями, смягчить традиционное самодержавие, иными словами, принять проект конституции. В конце февраля 1881 года Александр Николаевич объявил жене: «Это сделано. Я подписал Манифест. В понедельник утром он появится в газетах и, надеюсь, произведёт хорошее впечатление. По крайней мере, русский народ увидит, что я дал ему всё, что возможно. И все это – благодаря тебе». Всё свободное время он проводил в семье, где царили полное согласие, любовь и счастье. Не раз Александр говорил супруге, что скоро передаст бразды правления сыну, а они уедут в Ниццу и проживут тихой, спокойной жизнью. Однако этим мечтам оказалось не суждено сбыться...

1 марта 1881 года взрыв бомбы, брошенной террористами, оборвал жизнь Александра II**.

Известный историк, профессор московского университета Б. Н. Чичерин писал: «История произнесёт над Александром II правдивый приговор, не утаивая его слабостей, но справедливо ценя его высокие качества... Он призван был исполнить одну из труднейших задач, какие могут представиться самодержавному правителю: обновить до самых оснований вверенное его управлению громадное государство, упразднить веками сложившийся государственный порядок, утверждённый на рабстве, и заменить его гражданственностью, свободой, учредить суд в стране, которая от века не знала, что такое правосудие, переустроить всю администрацию, водворить свободу печати при безграничной власти, везде вызвать к жизни новые силы и скрепить их законным порядком, поставить на свои ноги сдавленное и приниженное общество и дать ему возможность двигаться на просторе. История едва ли представляет другой пример подобного переворота. И он совершил свыше возложенное на него добросовестно и разумно, по мере своих способностей и средств».

*Лорис-Меликов Михаил Тариелович (1825 - 1888), граф, генерал-адъютант. С 1880 года начальник Верховной распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия с чрезвычайными полномочиями. С августа 1880 по май 1881 года – министр внутренних дел, член Госсовета.

**Судьбы лидеров террористической организации «Народная воля», организовавших убийство Александра II Освободителя, также связаны с Крымом. В 1870 году в окрестностях Симферополя тренировался в метании бомб Андрей Желябов. Софья Перовская после ареста в 1873 году за революционную пропаганду жила несколько лет в крымском имении матери Алькадар под Севастополем. В мае 1877 года в Симферополе она получила свидетельство об окончании фельдшерских курсов при Губернской земской больнице из рук Императора Александра II.

КРЫМ В СУДЬБЕ АЛЕКСАНДРА III И МАРИИ ФЕДОРОВНЫ

12 апреля 1865 года в Ницце от туберкулёзного воспаления спинного мозга умер двадцатидвухлетний русский Цесаревич Николай Александрович, старший сын Александра II. Его неожиданная смерть изменила судьбу Великого князя Александра Александровича: он стал Наследником престола. Спустя год в его дневнике появилась запись: «Бог призвал меня на это трудное и неутешительное место. Никогда не забуду я этот день в Ницце, первую панихиду над телом милого друга, где все несколько минут стояли на месте, молчали, и только слышались со всех сторон рыдания, и рыдания не поддельные, а от глубины души. Никогда я не чувствовал в себе столько накопившихся слёз; они лились обильно, облегчая грусть. Все жалели Отца и Мать, но они лишились только сына, правда, любимого Матерью больше других, но обо мне никто не подумал, чего я лишился: брата, друга, и что всего ужаснее — это его наследство, которое он мне передал. Я думал в те минуты, что я не переживу брата, что я буду постоянно плакать только при одной мысли, что нет у меня больше брата и друга. Но Бог подкрепил меня и дал силы приняться за новое моё назначение, но в душе моей всегда было это чувство, что я не для себя должен жить, а для других; тяжёлая и трудная обязанность. Но “да будет воля Твоя, Боже”, — эти слова я твержу постоянно, и они меня утешают...»

Александр, готовившемуся к карьере военного, пришлось многому учиться заново, чтобы овладеть званиями, необходимыми монарху. Преодолеть выпавшие на его долю трудности помогала юная супруга Великая княгиня Мария Фёдоровна. Пышная свадьба русского Цеса-

Портрет принцессы Дагмар.
Художник А. Гунаус. 1866 г

ревича Александра Александровича и датской принцессы Марии-Софии-Фредерики-Дагмар состоялась 28 октября 1866 года. Жених и невеста были такими разными! Александр – высокий, могучий, сильный, настоящий русский богатырь, Мария – миниатюрная, хрупкая, изящная. Но их глаза сияли искренним счастьем, каждый взгляд, каждое движение выражали бесконечную нежность, тепло и ласку. Однако без пересудов не обошлось. В аристократических салонах Петербурга обсуждали скоропалительный брак Наследника и находили его очень странным. Все знали: юная Дагмар была помолвлена с покойным Цесаревичем Николаем, а Александр, ещё полгода назад влюблённый в княжну Марию Мещерскую, желал отказаться не только от невесты брата, но и от престола. Что же произошло? Вероятнее всего, Александр вынужден был подчиниться династическим расчётам двух венценосных семейств. Поверить в то, что в сердцах симпатизировавших друг другу молодых людей вспыхнуло настоящее чувство любви, казалось невероятным.

Однако судьба подарила Марии и Александру двадцать восемь счастливых лет, хотя безоблачной их жизнь назвать трудно: так тесно переплелись в ней и радости, и горе. Взаимопонимание между супругами установилось сразу и навсегда. Они старались всюду быть вместе: гуляли, читали тихими семейными вечерами, рисовали, музицировали дуэтом – он на корнете,

Цесаревна Мария Федоровна со своим первенцем Николаем. 1871 г.

она на фортепиано, – принимали в неофициальной обстановке интеллектуальных людей, увлекались коллекционированием. Вмешательства жены в государственные и служебные дела Александр не допускал, хотя к советам умной, хорошо разбирающейся в людях Марии Фёдоровны всегда прислушивался. Да она и не стремилась управлять государством, мудрым сердцем поняла серьёзность своей роли «крепкого тыла и надёжной нравственной опоры» для мужа. Впрочем, и своих обязанностей у Марии Фёдоровны хватало. Свекровь, Императрица Мария Александровна, тяжело болела, поэтому передала под опеку Великой княгини восемьсот с лишним учреждений так называемого «Мариинского ведомства»: дома призрения, больницы, приюты, училища и дворянские институты. Младшая дочь Ольга Алексан-

дровна вспоминала: «Между моими родителями было так мало общего, и всё же более счастливый брак трудно себе представить. Они превосходно дополняли друг друга. Жизнь двора должна была отличаться блеском и великолепием, и мама играла здесь свою роль без единой фальшивой ноты. Она умела быть чрезвычайно тактичной, общаясь со своей родней, а это была задача не из простых».

В большой Царской семье Марию Фёдоровну называли ласково «Минни», и это имя удивительно подходило изящной, маленькой, всегда приветливо улыбающейся, энергичной и очаровательной Цесаревне.

Семья Великого князя Александра любила приезжать в Ливадию, крымское имение, принадлежавшее Императрице Марии Александровне. Минни, выросшей у моря, черноморское побережье напоминало о далёкой родине. С начала 1870-х годов и вплоть до 1877 года, когда началась русско-турецкая война, семья приезжала в Ливадию каждое лето. 30 сентября 1871 года Александр записал в дневнике: «...В ½ 11 утра бросили якорь против Ялты у берега Крыма и тотчас же отправились на катере на берег к пристани, где ожидали Мама, Мари, Сергей, Павел и моя душа Минни*. Было ещё очень много прочих. Я отправился с Минни вдвоём прямо в Большой дом и зашли в церковь, а потом уж направились в наш дом, обнять душиек маленьких...» К тому времени Александр и Минни стали родителями двух чудесных малышек – Ники** и Жоржа***. Здесь, вдали от Петербурга, жили простой жизнью, много гуляли, общались с родными, ездили верхом. Александру, правда, не нравилась привычка жены купаться совершенно обнажённой. Он боялся, чтобы кто-нибудь из посторонних не увидел это «безобразие». В окрестных лесах часто устраивали охоту на оленей. Александр, заядлый охотник, сумел пристрастить к своему увлечению и Марию Фёдоровну. Она уверенно и грациозно держалась в седле, как заправская охотница, могла часами сидеть «на номере» в ожидании зверя, метко стреляла.

Цесаревна Мария Федоровна

* Императрица Мария Александровна и младшие сестра и братья Цесаревича – Мария, Сергей и Павел Александровичи.

** Своего первенца Александр и Мария назвали в память о рано умершем, незабвенном брате и несостоявшемся женихе Николаем, ласково – Ники.

*** В апреле 1870 года умер, не прожив и года, второй сын Александра и Марии, названный в честь деда и отца Сашей. Третий сын, Георгий, родился 27 апреля 1871 года, а 25 марта 1875 года в семье появилась дочь Ксения.

Для Александра Александровича Ливадия была не только местом, где можно беспечно отдыхать, наслаждаясь природой. Во время Высочайших приездов крымское имение становилось политическим центром страны. Цесаревич принимал участие во встречах, переговорах и совещаниях Императора Александра II с зарубежными послами, представителями многочисленных славянских комитетов, с канцлером князем А.М.Горчаковым и учился отстаивать интересы России в сложных политических отношениях с Англией, Германией и Австрией.

В 1877 году, после того, как султан Абдул-Гамид II отверг предложение Императора Александра II предоставить Болгарии автономию, Россия объявила Турции войну. Главнокомандующим Дунайской армией Государь назначил Великого князя Николая Николаевича-старшего, но и сыновей своих держать в столице не стал. Александр Александрович командовал большим военным соединением, Русшукским отрядом, включавшим 49 батальонов, 22 эскадрона, 19 казачьих сотен и 224 орудия. Во время наступления на Адрианополь 30 ноября 1877 года под Мечкою отряд вступил в схватку с турками и одержал победу. В первые месяцы Цесаревич гордился тем, что лично принимает участие в войне. Он писал матери: «Я так счастлив, что мне пришлось выдержать эту тяжёлую школу, которая мне весьма пригодится со временем, что благодарю Господа за всё и молю Его до конца помогать мне, как до сих пор, выдержать это испытание с честью и славою для нашего оружия и достоинства дорогой Родины!» Но изматывающие бои, кровь и неоправданные потери, неподготовленный штурм Плевны, приуроченный к именинам Императора, возмущали Александра. В своем письме к матери,

Цесаревич и Цесаревна с сыном
Николаем 1870 г.

зная, что непременно строки его прочтёт и Минни, он с горечью восклицал: «Да, эта Плевна! Никогда её не забудем! Что ужасно в этом штурме 30 августа, что даром пожертвовано такой массой дорогой русской крови, безрассудно, без всякой надобности. Все уверены были в невозможности атаки и, несмотря на это, всё-таки – штурмовали. Одним словом, повторилось под Плевной то же самое, что уже было два раза прежде, и в этом я вижу не только безрассудство действий Главнокомандующего и его штаба, но и преступление, за которое он и все виновники этого страшного дня должны будут дать ответ не только перед Россией, но и перед самим Богом!».

Александр Александрович был награждён орденами Святого Владимира I степени и Святого Георгия II степени, но в его душе навсегда осталось глубокое отвращение к войне. Будучи Императором, он говорил: «Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры для того, чтобы избежать ужасов войны...» За тринадцать лет правления Александра III Россия не участвовала в войнах, за что Императора назвали «Миротворцем». А в Ливадии возле звонницы Крестовоздвиженской церкви была установлена мраморная колонна, привезённая из крепости Рушук на Дунае, как напоминание о тысячах русских жизней, отданных за освобождение Болгарии от турецкого ига.

Семейное счастье Цесаревича Александра и Минни омрачали частые покушения на жизнь Александра II и продолжавшийся более четырнадцать лет роман Императора с княжной Екатериной Долгорукой. В большой и дружной Царской семье не обсуждались поступки отца, создавшего тайную вторую семью, прежде всего из любви и глубокого уважения к матери, которую дети боготворили. В одном из писем жене Александр признался: «...если есть что доброе, хорошее и честное во мне, то этим я обязан единственно нашей дорогой, милой Мама. ...Сколько было разговоров самых разнообразных, задушевных; всегда Мама выслушивала спокойно, давала время всё высказать и всегда находила, что ответить, успокоить, одобрить и всегда с возвышенной христианской точки зрения...» Узнав, что Александр II обвенчался с Долгорукой спустя всего шесть недель после кончины Государыни, Александр и Мария были потрясены. В конце августа Император отбыл в Ливадию, попросив сына приехать к нему с семьёй. Александр пообещал скрепя сердце. На семейном совете с Минни они решили, во имя покоя и чести фамилии, не вступать в конфликты с княгиней. Но это время в Ливадии, в фамильном императорском дворце, для семьи Цесаревича обернулось настоящим кошмаром.

И начался он прямо на ялтинском причале, где их встретил после долгой дороги Александр II. Расцеловав и обняв невестку и сына с внуками, Государь тотчас огорчённо сказал, что княгиня Екатерина Михайловна нездорова и не смогла их встретить. Мария Фёдоровна растерялась:

– Батюшка, да как же я могу с ней встречаться, если Ваш брак пока содержится в тайне, и о нём не объявлено ни при дворе, ни в газетах?!

Императора неловкость невестки ничуть не смутила, и он ответил с детским простодушием:

– О, здесь так трудно что-либо скрыть, моя свита не может ничего не знать!

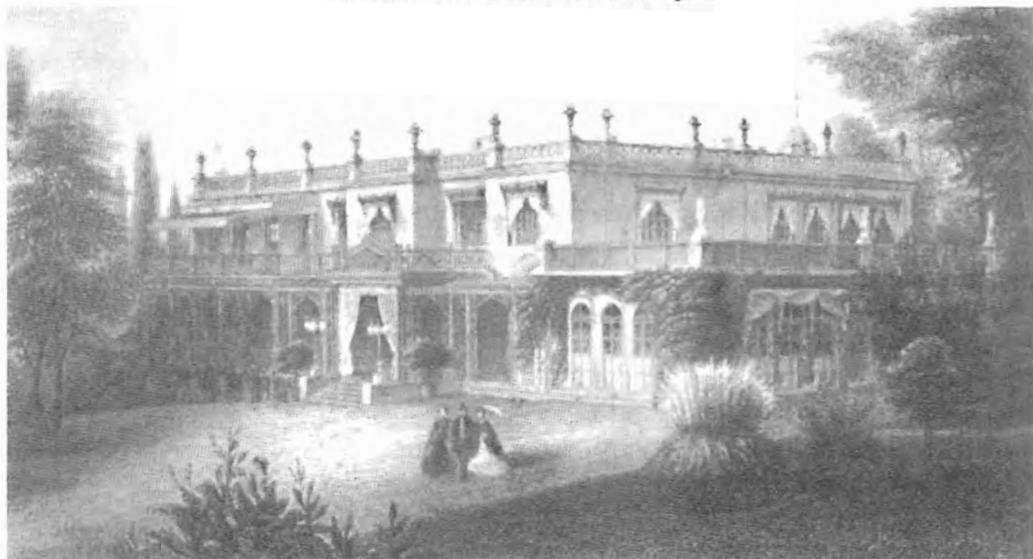
– Но моя-то совершенно ничего не знает, потому что я свято хранила доверенную мне Вами тайну, Государь! – горячо возразила Цесаревна и разрыдалась неудержимо, к неудовольствию Императора. Всю дорогу из Ялты в Ливадию молчали.

Александр и Марии невыносимо было видеть, как в комнатах, где хранились вещи и портреты ушедшей совсем недавно Императрицы, хозяйничала Долгорукая: в креслах в гостиной развалились собаки княгини, всюду разбросаны по столикам печенье, шали и платки. Цесаревне казалось, что Екатерина Михайловна вела себя крайне бестактно, на каждом шагу нарушая строгий этикет: на людях могла сказать Государю «ты», нетерпеливо прервать его, рассмеяться некстати: позволяла детям шалить и громко кричать в кабинете, когда Александр работал, читал и подписывал документы или просто отдыхал. Император ничего не замечал, он был в блаженном опьянении счастья рядом с любимой, и всё казалось ему прекрасным в ней. Позже Мария Фёдоровна вспоминала о своеобразной «крымской идиллии» 1880 года в письме к сестре, герцогине Уэльской, Александре: *«Я плакала непрерывно, даже ночью. Великий князь меня бранил, но я ничего не могла с собою поделать. Чтобы избежать этого отвратительного общества, мы часто уходили в горы, на охоту, но по возвращении нас ожидало прежнее существование, глубоко оскорбительное для меня. Мне едва удалось добиться свободы хотя бы по вечерам. Как только заканчивалось вечернее чаепитие и Государь усаживался за игорный столик, я тотчас же уходила к себе, где могла немного вольно вздохнуть. Так или иначе, но я переносила ежедневные унижения, пока они касались только меня, но, как только речь зашла о моих детях, я поняла, что это – выше моих сил.*

У меня их крали, как бы между прочим, пытаясь сблизить их с избалованными донельзя и невоспитанными отпрысками. И тогда я поднялась, как настоящая львица, защищающая своих детёнышей.

Между мною и императором разыгрались тяжёлые сцены, вызванные моим отказом отдавать ему детей, помимо тех часов, когда они, по обык-

Большой Ливадийский дворец

новению, приходили к бабушке поздоро-
ваться. Однажды, в воскресенье, перед
обедом, в присутствии всего общества,
он жестоко упрекнул меня, но всё же
победа оказалась на моей стороне. Со-
вместные прогулки «с новой семьей» пре-
кратились, и княгиня крайне раздра-
жённо заметила мне, что не понимает,
почему я отношусь к её детям, как к за-
чумлённым».

Здесь же, в Ливадии, Александр II,
словно предчувствуя скорую гибель, со-
ставил завещание, в котором позаботил-
ся о материальном и юридическом поло-
жении своей второй семьи. Он обратился
и к Цесаревичу с просьбой оказать под-
держку Екатерине Михайловне и её де-
тям: «Дорогой Саша! В случае моей смер-
ти поручаю тебе мою жену и детей. Твоё
дружественное расположение к ним,
проявившееся с первого же дня знакомства и бывшее для нас подлинной
радостью, заставляет меня верить, что ты не покинешь их и будешь им по-
кровителем и добрым советчиком...»

1 марта 1881 года от руки народовольца трагически погиб Император-
реформатор, а Александр Александрович стал новым монархом. Потрясение
от страшной смерти отца разом изменило его. Великий князь Александр
Михайлович так запечатлел этот момент: «Мы все опустились на колени
Влево от меня стоял новый Император. Странная перемена произошла в
нём в этот миг. Это не был тот самый цесаревич Александр Александро-
вич, который любил забавлять маленьких друзей своего сына Ники тем,
что разрывал руками колоду карт или же завязывал узлом железный прут.
В пять минут он совершенно преобразился. Что-то несоизмеримо большее,
чем простое сознание обязанностей Монарха, осветило его тяжёлую фигуру.
Какой-то огонь святого мужества загорелся в его спокойных глазах... Толпа,
собравшаяся перед дворцом, громко крикнула «ура». Ни один из Романовых
не подходил так близко к народным представлениям о Царе, как этот бога-
тырь с русой бородой».

Новые заботы легли на плечи Александра, управлять огромной Россий-
ской империей – дело трудное и ответственное. Впервые в качестве монарха
Александр приехал в Ливадию осенью 1884 года, однако спокойного семей-
ного отдыха не получилось. В дневнике Александр III записал: «... (с приста-
вля) отправиться в Ливадию, в дом Папа*, где были встречены в комнатах

Александр III Александрович

* Большой императорский дворец.

**Мария Федоровна с младшими детьми
Михаилом и Ольгой**

лесу возле обители святых Космы и Дамиана, в любимом месте императорской охоты, ещё в 1870 году построили уютный охотничий домик. «Ездили мы с Минни и целым обществом на 4 дня в горы в монастырь Космы и Дамиана, на охоту с 14 по 18 октября... Эти дни, проведённые на охоте в горах, были лучшими воспоминаниями всего нашего пребывания в Крыму. ...Часто мы ездили верхом, катались на лодках, ходили пешком. Были два раза у Воронцовых – раз в Массандре и раз в Алушке».

В Ливадию, любимое место отдыха Царской семьи, обычно первой приезжала Императрица Мария Фёдоровна с младшими детьми, в сопровождении многочисленных приближённых и родственников. Чтобы всех разместить с комфортом, пришлось часть так называемой «оранжереи Потоцкого» перестроить под жилые комнаты. Александр III прибывал ближе к осени в сопровождении обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева, министра иностранных дел Н.К. Гирса и других министров: даже на отдыхе Царь не оставлял государственных дел.

После неоднократных покушений на Александра II, особенно после взрыва в Зимнем дворце, устроенного 5 февраля 1880 года С. Халтуриным,

Мама: кн. Долгоруковой с детьми!, просто не верится глазам и не знаешь, где находишься, в особенности в этой дорогой по воспоминаниям Ливадии! Где на каждом шагу вспоминаешь о дорогой душке Мама! Положительно мысли путались и находились мы с Минни совершенно во сне. ...Вообще всё наше пребывание в Ливадии нельзя назвать весёлым и приятным: были тяжёлые минуты, были разные столкновения, недоразумения и щекотливые объяснения, но в конце концов устроились наилучшим образом и надеюсь, что теперь больше не будет никаких недоразумений и что всё пойдёт как следует».*

Осень в тот год выдалась сырая, часто шли дожди, но это не помешало Царской семье ездить по окрестностям и охотиться. В

*Нedorазумений и правда больше не было: княгиня Юрьевская в Ливадию не приезжала, а в 1892 году продала принадлежавшее ей имение Биюк-Сарай. Вскоре она с детьми уехала в Ниццу, где жила до своей смерти в 1922 году.

в Ливадийском имении усилили охрану. «В Ливадии были для караулов сначала Эриванская рота, а потом прибыла Кабардинская, кроме того стояла всё время рота Виленского полка», – записал в дневнике Александр III в 1884 году. Требовательнее стали относиться и к обслуживающему персоналу. Распоряжением Министра Двора учреждалась должность заведующего охраной всех императорских дворцов, на которого возлагалась обязанность следить за политической благонадёжностью служащих, мастеровых, рабочих, а также частных лиц, посещающих имения. Управляющие имениями в срочном порядке составили списки служащих и рабочих, каждому из них выдали особый пропуск: личную фотографию с написанными на обороте именем и должностью.

Став хозяевами Ливадии, Александр III и Мария Фёдоровна продолжали заботиться об имении, желая видеть его доходным и хорошо организованным хозяйством. К середине 80-х годов здесь находилось 210 зданий и строений, которые требовали своевременного ремонта и реставрации. В сентябре 1886 года управляющий имением полковник Плец направил в Департамент Уделов рапорт, в котором просил командировать в Ливадию архитектора для определения, насколько серьёзны возникшие в результате оползня трещины в стенах Малого дворца. Профессор Д.И. Гримм после тщательного осмотра сделал вывод: здание находится в аварийном состоянии, так как трещины идут от фундамента до карниза. Архитектор и его коллега А.И. Резанов предложили полностью разобрать дворец и построить

Малый Ливадийский дворец

новый, Александр III согласился, но с условием: восстановить его в прежнем виде, в каком дворец был задуман и построен Монигетти. Они с Минни очень любили этот небольшой, но уютный дом, возведённый отдельно, и даже став монархами предпочитали жить в нём во время приездов в Крым. Архитектор В.А. Шретер выполнил все пожелания Августейшей четы, в конце марта 1887 года дворец разобрали, а уже к лету следующего года он предстал взору хозяев в прежней красе*.

В это же время в Крестовоздвиженской церкви проводили реставрацию живописи и фресок. Дождевая вода, проникшая через прохудившуюся крышу, повредила часть главной иконы – «Воздвижение Честного Креста», написанную А.Е. Бейдеманом клеевыми красками. Восстановить её решили с помощью мозаичного искусства. Итальянской фирме А. Сальвиати сделали заказ, копию иконы выполнил академик А.Н. Попов, он же полностью отреставрировал фресковую и орнаментальную живопись в дворцовом храме и несколько икон. Рядом с церковью по проекту Д.И. Гримма возвели звоницу.

Путешествуя по окрестностям, Царская семья часто приезжала в Массандру. Огромные буки и орехи, мощные дубы, высокие сосны, серые скалы, поросшие мхом, обширные луга, чистейший воздух, напоённый ароматом полевых цветов, вызывали восторженные чувства. Необычайно живописно на фоне красивой природы смотрелся недостроенный дворец, холодный, угрюмый. В 1888 году Удельное ведомство обратилось к наследникам графа С.М. Воронцова с предложением продать имения Ай-Даниль и Массандру, и в марте 1889 года их хозяином стал Александр III. Но не только ради красоты этих мест приобрёл Государь новые владения. Рачительный хозяин, поставивший целью своего правления укрепление экономической мощи России, Царь решил возродить крымское виноделие. Желание Его Величества окрепло после двухнедельной инспекционной поездки на Северный Кавказ и в Закавказье, предпринятой в 1888 году. По дороге в Баку он осмотрел хорошо организованные винодельческие хозяйства – удельные имения Абрау-Дюрсо, Напареули, Цинандали, а также встретился и беседовал с князем Львом Сергеевичем Голицыным, талантливым виноделом, имя которого уже приобрело известность не только на родине, но и во Франции, Германии, Испании.

О чём говорили Император Александр III и князь Голицын? Конечно, о развитии виноградарства и виноделия в России. Государь был полностью согласен с убеждением князя, что «русское виноделие – это будущее богатство России, но нам нужно сплотиться, чтобы создать это богатство. Если бы наше поколение этого и не достигло, то уж нашим детям, во всяком случае, откроется горизонт – что делать, так как мы укажем им путь и дадим метод». Александру нравилось, что Голицын ищет свой путь в развитии виноделия. Обобщив богатый опыт других стран, проведя тщательный анализ дости-

*К сожалению, Малый дворец – истинный шедевр архитектора И. Монигетти – сгорел в годы Великой Отечественной войны.

жений и ошибок виноградарства Юга России, он довольно быстро выработал собственную теорию: не пытаться точно копировать лучшие зарубежные вина, а учитывая местные условия создавать свои, обладавшие качествами, неизвестными заграничным аналогам. «Вино и виноград – это продукт местности», – говорил Голицын, а в докладе Удельному ведомству писал: «Виноградарство есть искусство, – находящееся в самой тесной связи с местными условиями... Нельзя приступить с предвзятыми и одними только теоретическими взглядами, нельзя сказать: мне это удалось в таком-то месте, следовательно, оно удастся мне и в другом. Одни и те же приёмы при различных условиях могут привести к совершенно различным результатам. Но если раз для себя выяснить общие причины, обуславливающие успех правильного виноградарства и виноделия, если овладеть предметом настолько глубоко, чтобы подвести его под общие правила, тогда делается легко...»

Подтверждением справедливости этой концепции стал ошеломляющий успех голицынских вин: в 1882 году вина из его судакских имений завоевали золотые медали в Москве, в 1887 – в Харькове, в 1889 – на Всемирной выставке в Париже, там же в 1900 году новосветовское шампанское «Парадиз» получило кубок Гран-при. Однако Л.С. Голицын был твёрдо убеждён, чтобы отечественные вина могли достойно конкурировать с лучшими зарубежными, они должны быть не только оригинальными, но и иметь гарантию стабильности их марочного состава. Но для этого виноделие должно быть поставлено на промышленную основу.

Александр III настойчиво приглашает князя Голицына занять должность главного винодела имения Ливадия и удельных имений Крыма и Кавказа. Князь, подумав и оговорив ряд условий (в частности, никогда не носить придворный мундир), дал согласие весной 1891 года*. По распоряжению Государя в Массандре и Ай-Даниле сразу же начали закладку плантаций перспективных сортов винограда, ремонт старых и строительство новых виноделен. К 1891 году площадь виноградников в удельных имениях Крыма и Кавказа достигла 600 десятин, а общий выпуск вина превысил 100 000 вёдер в год**. Увеличение площади виноградников потребовало создания винподвала, в котором бы производились выделка виноматериалов, выдержка и купажирование вина, а также подготовка его к продаже. Под руководством Л.С. Голицына в Массандре в 1893 году начинаются подготовительные работы, а 1 ноября 1894 года строительство Главного массандровского винподвала.

В 1892 году Император Александр III решил закончить возведение дворца в Верхней Массандре, поручив выполнение всех работ известному

*Должность заведующего всем удельным виноградарством и виноделием Л.С. Голицын занимал до 1898 года, затем он ушел в отставку, окончательно разругавшись со всеми дворцовыми чинами. Правда, «приличия ради» получил князь 100 тысяч рублей отступных, которые тут же отдал на стипендии молодым виноделам.

**В Массандре из 577 приобретённых десятин около 30 занимали виноградники, в Ай-Даниле – 42,5 десятин из 402.

петербургскому зодчему Максимилиану Егоровичу Месмахеру. Государь лично беседовал с архитектором в Аничковом дворце и дал общие указания. «Государь Император желал, чтобы кухня была помещена не во Дворце, а в отдельном здании и чтобы для лошадей было возведено также отдельное здание, станков на двадцать. Вспомнив о существовавшей в Массандровском имении церкви, Государь Император изволил Высказать, что и её следует перестроить, но не сейчас, а по окончанию дворца...

...возрастание требований относительно поместительности будущих служб сделало необходимым заблаговременно озаботиться о выяснении вопроса: не потребуются ли ещё некоторые помещения, например, для г-на Министра Двора, для Гофмаршала и других высших придворных чинов. На доложенный запрос мой по сему предмету, князь Вяземский* сообщил мне, что Государь Император Александр III изволил приказать устроить вблизи Дворца помещения для г-на Министра Двора, Гофмаршала и Свиты отдельными павильонами...

Получив эти указания, я, по осмотре местности, немедленно приступил к составлению проектов, которые я, согласно желанию Князя Вяземского, имел счастье лично представить Императору Александру III в Александрию. Рассмотрев означенные проекты, Государь тогда же, 6-го июля 1892 года соизволил одобрить их».

Дворец в Верхней Массандре. Л. Премацци. 1889 г.

*Князь Вяземский Леонид Дмитриевич (1849 – 1909) - генерал-майор свиты Его Императорского Величества, с 1889 по 1899 годы - начальник Главного Управления Уделов Министерства Императорского Двора.

Архитектор Месмахер увеличил полезную площадь дворца, подняв высоту главной башни, пристроив открытые галереи и террасы, расширив балконы. Используя новые декоративные материалы, он преобразил прежнее строение, превратив из сурового рыцарского замка в нарядный, изящный дворец. Квадратная и две круглые башни, мансарды и парадная полукруглая лестница сделали постройку романтической. Каждый свой приезд в Крым Царская семья посещала Массандру, Государь интересовался ходом работ и произведёнными затратами.

Высочайшие приезды в Ливадию способствовали бурному развитию Ялты как первоклассного курорта. В городе строились дома, гостиницы, пансионаты, лечебницы. Многие школы, училища, санатории в Ялте возникли благодаря щедрым пожертвованиям Романовых. И удобный, современный порт появился по личному указанию Императора Александра III. В 1886 году прибывшая на отдых Царская семья была застигнута у берегов Ялты настолько сильным штормом, что к крейсеру «Орёл» не могли подойти катера, перевозившие людей. Всю ночь корабль раскачивало на волнах, и только утром, когда море успокоилось, Государь с семьёй и свитой сошёл на берег. Тотчас последовало Высочайшее указание построить мол. Работы под руководством крымского инженера А.Л. Бертье-Делагарда* были начаты в конце 1888 года, и уже в 1891 году сдана первая его очередь – к молу стали причаливать корабли. Позже появились портовые сооружения, благоустроили набережную.

В 1891 году именно в Ливадии Александр Александрович и Мария Фёдоровна решили отметить 25-летний юбилей свадьбы. На торжество прибыли из Копенгагена король Христиан IX и королева Луиза – родители русской Императрицы, а также английская королева Александра, родная сестра Марии Фёдоровны, с дочерьми Мод и Викторией. Из кавказского

* Бертье-Делагард Александр Львович (1842-1920 гг.) – военный инженер, строитель, историк, археолог, нумизмат. Родился в Севастополе, после окончания Петербургской военно-инженерной академии руководил строительством Одесского порта. Восстанавливал Севастополь, разрушенный в годы Крымской войны, провёл первый водопровод, проектировал Приморский и Военный бульвары, участвовал в сооружении адмиралтейства. Больше всего Бертье-Делагард сделал для Ялты, когда в середине 1890-х переехал сюда жить. Соорудил набережную и порт – ялтинский мол уже около 100 лет надёжно защищает гавань. Готовил строительные площадки для возведения Ливадийского дворца и собора Александра Невского. Спроектировал и построил городскую водопроводную сеть и сплавную канализацию, самую современную в тогдешней Европе. За санитарное состояние город получил золотую медаль на Всероссийской гигиенической выставке в Петербурге в 1893 году, а Бертье-Делагард и доктор Дмитриев – личную благодарность Императора Александра III.

Современники считали Александра Львовича «патриархом крымоведения, единственным беспримерным знатоком Тавриды, её прошлого – истории, археологии». Он изучал пещерные дороба, занимался археологическими раскопками, сохранением исторических памятников. Собирал коллекции предметов античности и татарского декоративно-прикладного искусства, монет, а потом передавал их в музеи. Этот человек имел уникальную библиотеку – она содержала практически всю литературу о Крыме. Написал ряд научных трудов по истории и археологии Причерноморья и Таврического полуострова, сделал первый полный перевод книги о путешествии по Крыму немецкого учёного Петра Палласа. А исследованиями Бертье-Делагарда по античной нумизматике до сих пор пользуются учёные всего мира. Он умер в разгар гражданской войны в Крыму. В некрологе говорилось: «Ушёл из жизни огромный учёный, фанатически влюблённый в красоту. Ялта потеряла своего первого гражданина, а весь Крым – своего единственного в мире знатока и исследователя».

Архитектор Месмахер увеличил полезную площадь дворца, подняв высоту главной башни, пристроив открытые галереи и террасы, расширив балконы. Используя новые декоративные материалы, он преобразил прежнее строение, превратив из сурового рыцарского замка в нарядный, изящный дворец. Квадратная и две круглые башни, мансарды и парадная полукруглая лестница сделали постройку романтической. Каждый свой приезд в Крым Царская семья посещала Массандру, Государь интересовался ходом работ и произведёнными затратами.

Высочайшие приезды в Ливадию способствовали бурному развитию Ялты как первоклассного курорта. В городе строились дома, гостиницы, пансионаты, лечебницы. Многие школы, училища, санатории в Ялте возникли благодаря щедрым пожертвованиям Романовых. И удобный, современный порт появился по личному указанию Императора Александра III. В 1886 году прибывшая на отдых Царская семья была застигнута у берегов Ялты настолько сильным штормом, что к крейсеру «Орёл» не могли подойти катера, перевозившие людей. Всю ночь корабль раскачивало на волнах, и только утром, когда море успокоилось, Государь с семьёй и свитой сошёл на берег. Тотчас последовало Высочайшее указание построить мол. Работы под руководством крымского инженера А.Л. Бертье-Делагарда* были начаты в конце 1888 года, и уже в 1891 году сдана первая его очередь – к молу стали причаливать корабли. Позже появились портовые сооружения, благоустроили набережную.

В 1891 году именно в Ливадии Александр Александрович и Мария Фёдоровна решили отметить 25-летний юбилей свадьбы. На торжество прибыли из Копенгагена король Христиан IX и королева Луиза – родители русской Императрицы, а также английская королева Александра, родная сестра Марии Фёдоровны, с дочерьми Мод и Викторией. Из кавказского

* Бертье-Делагард Александр Львович (1842-1920 гг.) – военный инженер, строитель, историк, археолог, нумизмат. Родился в Севастополе, после окончания Петербургской военно-инженерной академии руководил строительством Одесского порта. Восстанавливал Севастополь, разрушенный в годы Крымской войны, провёл первый водопровод, проектировал Приморский и Военный бульвары, участвовал в сооружении адмиралтейства. Больше всего Бертье-Делагард сделал для Ялты, когда в середине 1890-х переехал сюда жить. Соорудил набережную и порт – ялтинский мол уже около 100 лет надёжно защищает гавань. Готовил строительные площадки для возведения Ливадийского дворца и собора Александра Невского. Спроектировал и построил городскую водопроводную сеть и сплавную канализацию, самую современную в тогдашней Европе. За санитарное состояние город получил золотую медаль на Всероссийской гигиенической выставке в Петербурге в 1893 году, а Бертье-Делагард и доктор Дмитриев – личную благодарность Императора Александра III.

Современники считали Александра Львовича «патриархом крымоведения, единственным беспримерным знатоком Тавриды, её прошлого – истории, археологии». Он изучал пещерные искусства, занимался археологическими раскопками, сохранением исторических памятников. Собирает коллекции предметов античности и татарского декоративно-прикладного искусства, монет, а потом передавал их в музеи. Этот человек имел уникальную библиотеку – она содержала практически всю литературу о Крыме. Написал ряд научных трудов по истории и археологии Причерноморья и Таврического полуострова, сделал первый полный перевод книги о путешествии по Крыму немецкого ученого Петра Палласа. А исследованиями Бертье-Делагарда по античной нумизматике до сих пор пользуются учёные всего мира. Он умер в разгар гражданской войны в Крыму. В некрологе говорилось: «Ушёл из жизни огромный ученый, фанатически влюблённый в красоту. Ялта потеряла своего первого гражданина, а весь Крым – своего единственного в мире знатока и исследователя».

Вид на Ялту с восточной стороны

имения Аббас-Туман приехал Великий князь Георгий*. 28 октября за праздничным столом собралась большая семья. Цесаревич Николай Александрович записал в дневнике свои впечатления: «28 октября. Понедельник. Радостный день 25-летия свадьбы дорогих Папа и Мама; дай Бог, чтобы они ещё много раз праздновали подобные юбилеи. Все были оживлены, да и погода поправи-

лась. Утром они получили подарки от семейства: мы пятеро подарили Папа золотые ширмочки с нашими миниатюрами, а Мама брошку с цифрой 25! Кроме подарков было поднесено много замечательных красивых образов: самый удачный по-моему – это складень от всех служащих в Аничкове до 1881 г. А.Н. Стюрлер обратился от имени всех с кратким приветствием. Главное, что было приятного в этом торжестве то, что не было ничего официального, все были в куртках, вышло совершенно патриархально! После молебна был завтрак, и тем дело закончилось. Гуляли у берега моря, день был совсем хороший».

В те счастливые дни трудно было подумать, что пройдет всего три года и семья вновь соберётся в Ливадии, у смертного одра Александра III. Царь всегда отличался могучей физической силой и крепким здоровьем, поэтому близкие и подумать не могли, что начавшиеся вдруг лёгкие недомогания вовсе не усталость, а смертельный недуг**.

*Цесаревич, Великий князь Георгий Александрович (1871 – 1899), третий сын Александра III и Марии Фёдоровны страдал туберкулёзом. Врачи рекомендовали ему горный климат, поэтому он почти безвыездно жил на Кавказе в имении Аббас-Туман (ныне Абастумани, Грузия). Императрица Мария Фёдоровна часто навещала сына, тоскующего вдали от родных, она и сама страдала из-за вынужденной разлуки. «Если бы только Аббас-Туман не находился так далеко, это было бы менее мучительно, – писала Императрица мужу. – Мы могли бы видеть его чаще. Но мысль о том, что придётся снова оставить его одного в этой обстановке, надрыгает мне душу, особенно после той, пусть маленькой надежды, что можно будет увезти его отсюда! Это более чем грустно, и я думаю об этом с ужасом и страхом. Главное, оттого, что никогда не знаешь, на какое время с ним расстанешься. Но я ещё раз убедилась, что не следует его так долго оставлять одного. Год – это слишком долго, это грех и для него, и для меня, если не что-то больше. ...Но я всё верю в руки милосердного Бога, я уверена, что Он всё устроит к лучшему...». Великий князь Георгий трагически погиб в 1899 году, он перевернулся на мотоцикле, гоня по крутой горной дороге.

**Великий князь Александр Михайлович, жених Царевны Ксении Александровны, летом 1883 года посетил Александра III на императорской яхте: «В июне мы прибыли на борт «Цесаревнь», на которой плавал в финских водах Государь. За наше отсутствие он очень похудел и жаловался на значительное утомление. Доктора, эти всегда оптимистически настроенные лейб-медики, говорили, что недомогание Государя – следствие его усиленных трудов. Они предписали отдых и свежий воздух. Зачарованные его богатырским сложением, мы просмотрели смертельный недуг почек».

врачей, что болезнь явилась следствием сильнейших ушибов, полученных Александром III при крушении поезда. 17 октября 1888 года, возвращаясь из Крыма, у станции Борки под Харьковом несколько вагонов царского поезда сошли с рельсов. Государь сумел приподнять тяжёлую вагонную крышу и несколько минут держал её на плечах, пока его семья и слуги не выбрались наружу. Удар был такой силы, что золотой портсигар, лежавший в кармане Императора, сплюснулся. Ушиб спины спровоцировал болезнь почек. «Это был поистине подвиг Геркулеса, за который ему пришлось потом заплатить дорогой ценой», – говорила впоследствии Ольга Александровна.

К лету 1894 года состояние здоровья Александра III ухудшилось настолько, что стало ясно – требуется срочное серьёзное лечение. Доктора Гирш и Захарьин диагностировали болезнь почек, принявшую необратимую форму. Мария Фёдоровна решила увезти мужа из столицы сначала в Беловежскую пущу, затем в Спалу, надеясь, что в тишине и покое вековых лесов ему станет лучше. Однако Александра Александровича по-прежнему мучили боли в пояснице, ноги отекали, лицо приобрело землистый цвет. Врачи посоветовали Царю переехать в тёплые края.

21 сентября Царская семья прибыла в Севастополь, откуда крейсер «Орёл» доставил всех в Ялту. У Ливадийского дворца выстроился в почётном карауле 16-й Стрелковый Его Величества полк. Командир полуроты П.П. Заварзин вспоминал: «Первый взгляд на это открытое, с ярко выражен-

Представители трех поколений семьи Романовых.
1892 г., Красное село

Семья Александра III
в Ливадии

ной волей лицо обнаруживал тем не менее, что внутренний недуг подрывает могучий организм. Необычная для Государя была его бледность и синева губ. При виде войска первым движением Императора было желание снять пальто, как этого требовал устав, если парад представляется в мундирах без шинелей. Императрица хотела его остановить, но послышался твёрдый оклик: «Не ловко!» – и Государь в одном скюртуке подошёл к роте».

Александр усталось жить один месяц. Догадывался ли он, что умрёт так скоро? Вряд ли. Однако, всегда прямой и честный с другими и с самим собой, старался не строить иллюзий. Дело плохо – Царь осознал это, если смерть неизбежна, надо покориться, оставаясь сильным духом. И хотя тело у него болело и с каждым днём увеличивалась слабость, он не соглашался надеть удобный халат, предпочитая оставаться в серой генеральской тужурке.

Казалось, чудесная погода, свежий морской воздух приободрили Александра. Как и в прежние годы, он в сопровождении Марии Фёдоровны ездил в экипаже на любимый пляж в Ореанде, в Эриклик, в чудную Массандру и Ай-Тодор – в гости к вышедшей недавно замуж Ксении Александровне на чашку чая. Однако болезнь не отступала, Император исхудал; странно было видеть этого некогда мощного, широкоплечего человека измождённым, с раздутыми ногами, на которые он не в силах был встать. Государь всё реже спускался в столовую, слуги приносили еду на подносах в спальню, но Александр утратил аппетит и почти ничего не ел.

Последняя прогулка состоялась 4 октября. Императору стало плохо, и он уже почти не покидал своих покоев. В груди Александр Александрович ощущал мучительное давление, из-за которого не мог спать, да и просто лежать ему стало трудно. Начиная с 5 октября, регулярно появляются бюллетени о состоянии здоровья Императора. В первом сообщалось, что консилиум установил: «Болезнь почек не улучшилась, силы уменьшились. Врачи надеются, что климат южного берега Крыма благотворно повлияет на состояние здоровья Августейшего больного». Иными словами, доктора оказались бессильны помочь, Александр III умирал.

С начала октября в Крым стали собираться родственники: братья Царя Владимир, Алексей, Сергей и Павел, Великие княгини Александра Иосифовна, Мария Павловна, Елизавета Фёдоровна, греческая королева Ольга с детьми. Великий князь Михаил Николаевич, дядя Императора, с сыновьями и невесткой Ксенией жил по соседству в имении Ай-Тодор и каждый день навещал больного. Настроение у всех было подавленное, никто не в силах был помогать Марии Фёдоровне ухаживать за мужем: всё валилось из рук, слёзы застилали глаза. По приглашению Императрицы в Ливадию

приехал отец Иоанн Кронштадтский, чтобы молитвами облегчить страдания больного.

И в болезни Александр Александрович оставался радушным хозяином, 9 октября вся семья Романовых собралась на завтрак за большим столом, уставленным изысканными блюдами. Играла музыка, что всем показалось неуместным. В это самое время священник Янышев исповедовал и причащал умирающего Императора, знала об этом только Мария Фёдоровна... На следующий день прибыла Алиса Гессенская, невеста Цесаревича Николая.

За два дня до смерти Император спокойно обсуждает с сыном подробности его вступления на престол, завещая: «Тебе предстоит взять с моих плеч тяжёлый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как несё его я и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное, я принял его тринадцать лет тому назад от истекавшего кровью отца...

Твой дед с высоты престола провёл много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за всё это он получил от «русских революционеров» бомбу и смерть...

В тот трагический день встал передо мной вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое передовое общество, заражённое либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить всё, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя при том, что ты несёшь ответственность за судьбу своих подданных перед престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь твёрд и мужествен, не проявляй никогда слабости.

Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней – держись независимой позиции. Помни – у России нет друзей. Нашей огромности боятся. Избегай войн. В политике внутренней – прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Силы покидали Александра III, он уже несколько ночей не спал, Мария Фёдоровна не оставляла мужа ни на минуту. 20 октября Император похвалил Великую княгиню Елизавету Фёдоровну с днём рождения, очень обрадовался встрече с сестрой Марией Эдинбургской, приехавшей в Ливанию накануне. Рассудок его оставался ясным, но все родственники, собравшиеся к десяти часам в покои умирающего, видели: Император вскоре

покинет этот мир. Возможно, он и сам это чувствовал. Александр попросил своего духовника, священника Янышева, ещё раз причастить его Святых Тайн, затем в общем присутствии твёрдым голосом прочитал молитву «Верую, Господи...» – все опустились на колени.

Мария Фёдоровна обняла мужа и прижала к себе. Так они и сидели несколько часов, пока доктор Лейден не заметил, что Александр III мёртв. Императрица продолжала оставаться рядом с мужем, молча, не разжимая рук – окружающие не сразу поняли, что она в глубоком обмороке.

Николай Александрович записал в дневнике: «Боже мой, Боже мой, что за день! Господь отозвал к себе нашего обожаемого дорогого горячо любимого Папа. Голова кругом идёт, верить не хочется – кажется до того неправдоподобным ужасная действительность. Всё утро мы провели наверху около него! Дыхание было затруднено, требовалось всё время давать ему вдыхать кислород. Около половины третьего он причастился св. Тайн; вскоре начались лёгкие судороги... и конец быстро настал! О. Иоанн больше часу стоял у его изголовья и держал его голову. Это была смерть святого! Господи, помоги нам в эти тяжёлые дни! Бедная дорогая Мама!..

Вечером в 9^{1/2} была панихида – в той же спальне! Чувствовал себя как убитый. ...Вечером исповедался!»

На следующий день панихида по «почившему в Бозе» Императору прошла в дворцовой Крестовоздвиженской церкви, и там же Наследник Николай Александрович принял присягу на верность престолу.

Следовало заняться приготовлениями к похоронам, но Царская семья пребывала в тоске, смятении и полной растерянности. Каждый новый день для Марии Фёдоровны становился более тяжёлым, чем предыдущий: душевная боль казалась нестерпимой, а вокруг – ужасная пустота. Императрица не могла, да и не хотела, отдавать какие-либо распоряжения. Прибывшие в Ливадию 22 октября Альберт и Александра, принц и принцесса Уэльские, сумели утешить и поддержать осиротевшую семью, а также помочь организовать сложный церемониал погребения Александра III.

Гроб с телом Императора перенесли в более просторную Вознесенскую церковь, и все желающие могли проститься с Государем. В особом приложении газеты «Ялта» известили об утверждённом церемониале перевезения тела Александра III сначала в Москву, а затем в столицу, где в Петропавловском соборе он будет погребён. Однако на море разыгрался сильный шторм, поэтому траурные мероприятия откладывались.

27 октября Крым прощался с Императором Александром III. Гроб от Ливадии до Ялты несли на плечах казаки и солдаты, весь путь был устлан венками, вдоль дороги выстроились войска, отдававшие честь при приближении скорбной процессии, играла траурная музыка. Мария Фёдоровна отправилась пешком, и все родственники из уважения к вдове Государя следовали за ней. После панихиды на пристани гроб перенесли на крейсер «Память Меркурия» и установили на шканцах под тентом из Андреевского флага. «Чудная, красивая, но грустная картина», – записал в дневнике Ни-

колай II. Сопровождаемый крейсером «Орёл» и эскадренным броненосцем «Двенадцать Апостолов», крейсер «Память Меркурия» взял курс на Севастополь, где уже ждал траурный поезд.

7 ноября Императора Александра III похоронили. Мария Фёдоровна старалась скрывать свою скорбь, и только самым близким она могла рассказать о незаживающей ране своей души: «Я так и не могу привыкнуть к этой страшной реальности, что дорогого и любимого больше нет на этой земле. Это просто кошмар. Повсюду без него – убивающая пустота. Куда бы я ни отправилась, везде мне его ужасно не хватает. Я даже не могу подумать о моей жизни без него. Это больше не жизнь, а постоянное испытание, которое надо стараться выносить, не причитая, отдаваясь милости Бога и прося его помочь нам нести этот тяжёлый крест! Да, говорят. Бог, видимо, находит самых хороших и самых чистых и не оставляет их надолго между нами, грешниками. Да, он сделал своё дело. Ведь в каком ужасном состоянии он получил Россию. И во что превратил её за тринадцать лет своего царствования и чего только не сделал для неё. Это чувствуется и видится повсюду».

Со вступлением на престол Николая II для Марии Фёдоровны началась новая жизнь: старший сын, столь неожиданно ставший повелителем громадной державы, нуждался в её поддержке и добром совете. Умная, наделённая глубокой политической интуицией, хорошо знавшая сановников, Императрица могла направить сына в делах, уберечь от чуждого влияния, окружить нужными людьми. Влияние Марии Фёдоровны на Николая поначалу казалось довольно значительным. Но постепенно оно ослабевало, что не могло не огорчать. Мария Фёдоровна никогда не тянулась к власти, да и не приучена была вникать в политические дела. Когда приходилось о них размышлять, она руководствовалась не какой-либо политической программой, а здравым смыслом и женской интуицией. Но мир так стремительно менялся, на историческую арену выходили совершенно новые силы, агрессивная жесткость и нетерпимость становились нормой во внутренних и международных делах, а возвышавшиеся ещё недавно незыблемыми устои вдруг начинали колебаться – и рушились!

Её Ники так недостаёт суровой основательности отца! Он чересчур деликатен и мягок, че-

**Вознесенская церковь, в которой подданные
прощались с Александром III**

ресчур доверяет окружающим, и часто не он руководит обстоятельствами, а они подчиняют его себе. Да и Аликс вряд ли можно считать твёрдой опорой для мужа. Отношения с невесткой вообще не ладилась: слишком разными по характеру были две Императрицы. Александра Фёдоровна, постоянно погружённая в свои сложные, непонятные свекрови переживания, казалась ранимой и в то же время – чересчур холодной и отчуждённой. И так думала не только вдовствующая Императрица. Княгиня Л.Л. Васильчикова заметила, что Мария Фёдоровна «обладала как раз теми качествами, которые недоставали её невестке. Светская, приветливая, любезная, чрезвычайно общительная, она знала всё и вся, её постоянно видели, и она олицетворяла в совершенной степени ту обаятельность, то собирательное понятие “симпатичности”, которое так трудно поддаётся анализу и которому научить невозможно. Она была любима всеми, начиная с общества и кончая нижними чинами кавалергардского полка, которого она была шефом».

Мария Фёдоровна пыталась объяснить Николаю II, кого из политических деятелей следует назначать на ответственные государственные посты, поддерживала Витте и Столыпина; накануне войны с Японией использовала своё влияние на Царя, чтобы предотвратить военные действия. Однако Государь всё меньше нуждался в советах матушки и всё реже прислушивался к её словам.

Императрица Мария Фёдоровна много путешествовала, часто посеща-

Мария Федоровна с внучкой Ольгой

ла родную Данию. А вот в любимую Ливадию она больше не приезжала. Ей было тяжело, совершенно невозможно появиться во дворце, где они с Александром провели столько счастливых часов, здесь каждая мелочь напоминала о муже, и здесь она потеряла его навсегда. В спальне Малого дворца, на том месте, где стояло кресло, в котором умер Император Александр, по желанию Марии Фёдоровны в паркетный пол был врезан большой кленовый крест. Она знала, что во время отсутствия в Ливадии Царской семьи, каждому разрешалось после предъявления паспорта осмотреть Малый дворец в составе групп паломников. Радовалась, что из всех уголков России люди разных сословий едут в Крым – значит, помнят своего Государя и благодарны за те тринадцать лет мирной и благо-

получной жизни, которые он своими трудами даровал России.

С началом Первой мировой войны Мария Фёдоровна активизировала работу в возглавляемом ею обществе Красного Креста, все женщины Императорского дома под её руководством занимались организацией лазаретов, санитарных поездов, складов белья и медикаментов, приютов для увечных воинов. Война, вызвавшая поначалу колоссальный патриотический подъём, вскоре, однако, обострила многочисленные внутренние проблемы. Военные неудачи, эпопея с Распутиным, невиданное истощение сил народа, всё более обостряющаяся политическая обстановка и катастрофическое падение популярности Императорской семьи накалили ситуацию в стране. Последние месяцы перед

Февральской революцией вдовствующая Императрица провела в Киеве.

Известие о том, что Николай II 2 марта 1917 года подписал акт отречения от престола в пользу брата Михаила, Мария Фёдоровна восприняла трагически, записав в дневнике: «3/16 марта. Совсем не могла спать, подвела в начале 8-го. Сандро пришёл в 9 ¼ и рассказал вещи, внушающие ужас – как будто Ники отрёкся в пользу Миши. Я в полном отчаянии! Подумать только, стоило ли жить, чтобы когда-нибудь пережить такой кошмар? Он предложил поехать к нему. И я сразу согласилась». Конечно, в такой трудный момент Императрица не могла оставить сына одного, она должна была выслушать его мучительную исповедь и пожалеть его.

В сопровождении Великого князя Александра Михайловича, генерал-майора свиты князя С.А. Долгорукова и фрейлины Зинаиды Менгден 3 марта Императрица выехала в Могилёв. Прибыв в Ставку, они увидели Царя, стоявшего на перроне, в стороне от свиты. Он был спокоен и полон достоинства, но выглядел смертельно бледным. Менгден записала: «Мой фотоаппарат лежал в столе в купе, и я намеревалась запечатлеть момент встречи. Однако в ту секунду я почувствовала, что не в состоянии этого сделать – я не могла фотографировать Царя в его несчастье. Поезд Императрицы остановился. Два казака и два офицера стали у дверей вагона Марии Фёдоровны. Она спустилась вниз и пошла навстречу своему сыну, который медленно приближался к ней. Они обнялись. Окружающие приветствовали их, склонив головы. Воцарилась глубокая тишина. Затем мать и сын вошли в небольшой деревянный сарай, служивший, по-видимому, гаражом. ...Когда после некоторого промежутка времени Императрица-мать и Царь вышли

Императрица Александра Фёдоровна

Император Николай II

наружу, их лица были спокойны и ничто в их облике не выражало той глубокой боли, которую они испытывали».

В который раз Мария Фёдоровна неимоверным усилием воли скрыла от окружающих мучительное отчаяние, доверив свои истинные чувства дневнику: «В 12 часов прибыли в Ставку в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции. Горестное свидание! ...Бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Он открыл мне своё кровоточащее сердце. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять ситуацию с Думой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию; затем — чтобы спасти страну — предложил образовать новое правительство и... отречься от престола в

пользу своего сына (невероятно!). Но Ники, естественно, не мог расстаться со своим сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он наконец сдался и подписал манифест. Ники был невероятно спокоен и величествен в этом ужасно унижительном положении. Меня как будто ударили по голове, я ничего не могу понять! Возвратились в 4 часа, разговаривали. Хорошо бы уехать в Крым. Настоящая подлость только ради захвата власти. Мы попрощались. Он настоящий рыцарь».

Это была последняя встреча матери и сына, но они даже не догадывались об этом...

Вечером 9 марта Мария Фёдоровна вернулась в Киев, где за несколько дней отсутствия всё странно изменилось: на вокзале их никто не встречал; поезд остановился у царского павильона, но красная дорожка, которую всегда расстилали, оказалась свёрнутой. пришлось перешагивать через неё, чтобы идти дальше. «Доехав до дворца, — пишет Зинаида Менгден, — мы увидели пустой флашток. Царского штандарта не было» Зато в городе повсюду развевались красные флаги. Нервы у Императрицы сдали, боль, отчаяние, гнев — всё вылилось разом, близкие тревожились за её рассудок. К тому же мудрое вещее сердце матери чувствовало: Ники и его семья в смертельной опасности. В письме к дочери Ксении она делилась тяжёлыми впечатлениями и волнениями: *«Мой бедный Ники, с которым я встретилась, был как арестованный в своём собственном поезде. Всё было отвратительно и ужасно. Даже в последний момент они, подлецы, использовали свою власть, чтобы запретить генералу Нилову сопровождать его. Единственный человек, с кем он мог бы ещё посоветоваться!*

Я была вне себя от гнева и возмущения. Представь, что у меня не было слёз. Я никогда бы не поверила, что в России я могла бы пережить подоб-

ное обращение. Лучше было бы, если бы они могли уехать немедленно, хотя дети и больны корью, чтобы не произошло чего-либо ещё более худшего».

Зять и дочь уговаривали Марию Фёдоровну уехать в Крым, тихое место, находящееся в стороне от революционных потрясений. Но Императрица отказывалась, говоря, что она предпочла бы вернуться в Петроград, чтобы быть рядом с Ники. На самом деле, вернуться в Крым, ставший для неё «страной горя», казалось Императрице совершенно невозможным. Своей невестке, греческой королеве Ольге Константиновне, она писала: «...Можно ли было представить, что всё это произойдёт здесь, в России, и что народ так быстро и с такой радостью изменит своё поведение. Оскорблены наши самые святые чувства. Правда, есть много свидетельств выражения любви и трогательной верности, которые так смягчают сердце...

Сандро, который был всё время для меня, как сын, хочет непременно, чтобы я уехала с ними в Ай-Тодор. Но для меня ужасно горестно будет там в нашем маленьком уютном доме без моего любимого Саши. Для меня это настоящее испытание. Конечно, хорошо, что можно будет жить там вместе с Ксенией и её детьми, но Сандро настаивает, чтобы мы поднялись сразу, но это выглядит по-ребячески – сразу сорваться с места».

Всё изменилось в один день. Приехав в госпиталь, ею созданный и названный под её покровительством, Мария Фёдоровна оказалась перед закрытой дверью, а главный врач, ссылаясь на мнение персонала, высокомерно заявил, что присутствие Императрицы является нежелательным. Потрясённая и оскорблённая, Мария Фёдоровна поняла: её больше ничто не держит в Киеве. Однако отъезд дался ей нелегко. Александр Михайлович вспоминал: «...Нам пришлось почти что нести Императрицу на вокзал. Она боролась до последней минуты, желая оставаться и заявляя, чтобы её арестовали и бросили в тюрьму».

В конце марта 1917 года Императрица вместе с дочерью Ольгой и зятем Александром Михайловичем прибыли в Крым. Вскоре к матери и мужу присоединилась Великая княгиня Ксения Александровна*. Здесь, фактически под домашним арестом, в полной неопределённости по поводу своей дальнейшей судьбы и – самое тяжёлое! – судьбы сыновей и внуков, она прожила целых два года. Переступить порог Ливадийского дворца Мария Фёдоровна так и не смогла и разместилась в имении Александра Михайловича Ай-Тодор.

*Вскоре в Крым потянулись и другие родственники. В имении Ай-Тодор проживали дочери Императрицы: старшая – Ксения Александровна с мужем и их шестеро сыновей: Андрей, Никита, Ростислав, Фёдор, Дмитрий, Василий; младшая – Ольга Александровна жила здесь с мужем подполковником в отставке Н.А. Куликовским, здесь же родился их сын Тихон. Также в имении жили фрейлина Императрицы З. Менгден, фрейлина Великой княгини Ксении Александровны Софья Дмитриевна Евреинова, генерал Фогель. В имении Ай-Тодор поселились Великий князь Николай Николаевич с супругой Анастасией Николаевной, от первого брака князь С.Г. Романовский, граф С.В. Тышкевич с супругой, князь В.Н. Орлов, почётный лейб-медик Б.З. Малама и генерал Болдырев. В имении Дюльбер – Великий князь Пётр Николаевич с супругой Милицей Николаевной, их дети Роман и Марина, генерал А.И. Сталь с дочерью Еленой и Марией. В Кореизе жила внучка Марии Фёдоровны Ирина с мужем князем Ф.Ф. Юсуповым.

Недолго Царская семья наслаждалась покоем, уже в апреле местные власти решили установить «тайную охрану» за лицами, проживавшими в имениях Ай-Тодор, Дюльбер и Чаир. Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Мы состояли под домашним арестом и могли свободно передвигаться лишь в пределах Ай-Тодорского имения на полутора десятинах между горами и берегом моря. Комиссар являлся представителем Временного правительства, матросы же действовали по уполномочию местного Совета. Притеснения следовали одно за другим. Был составлен целый список запретов и список тех лиц, которых разрешалось принимать. Временами разрешение на посещение неожиданно отменялось, но затем без всяких объяснений вновь давалось. И так всё время».

Для Марии Фёдоровны это время стало особенно трудным. Империя, которую берёт и укрепляет её муж, которую создавали его деды и прадеды, весь род Романовых, Россия, в которой она прожила 52 года, рушилась и гибла на глазах! С этим трудно было смириться. Особенно возмутил Марию Фёдоровну обыск, учинённый матросами с целью найти доказательства причастности Императрицы к контрреволюционной деятельности. В письме к Ольге Константиновне она описывает перенесённые ею унижения.

«4 мая 1917 г. Ай-Тодор

Мой ангел,

попытаюсь послать тебе это письмо с надёжной оказией, но это пока не просто. Я надеюсь, что ты получила два моих последних письма. Я же, после того как покинула Киев, не получила ни одного.

Мы живём здесь совсем отрезанными от мира. На нас смотрят здесь, как на настоящих преступников и опасных людей. Трудно в это поверить. А как грубо и непристойно с нами обращались на прошлой неделе во время домашнего обыска!

В половине шестого утра я была разбужена морским офицером, вошедшим в мою комнату, которая не была заперта. Он заявил, что прибыл из Севастополя от имени правительства, чтобы произвести у меня и в других помещениях обыск.

Прямо у моей кровати он поставил часового и сказал, что я должна встать. Когда я начала протестовать, что не могу этого сделать в их присутствии, он вызвал отвратительную караульную, которая встала у моей постели. Я была вне себя от гнева и возмущения. Я даже не могла выйти в туалет. У меня было немного времени, чтобы набросить на себя домашний халат и затем за ширмой – лёгкую одежду и пеньюар.

Офицер вернулся, но уже с часовым, двумя рабочими и 10-12 матросами, которые заполнили всю мою спальню. Он сел за мой письменный стол и стал брать всё: мои письма, записки, трогать каждый лист бумаги, лишь бы найти компрометирующие меня документы. Даже моё датское евангелие, на котором рукою моей любимой мамы было написано несколько слов, – всё было брошено в большой мешок и унесено. Я страшно ругалась, но ничто не помогло.

Так я и сидела, замёрзшая, в течение трёх часов, после чего они направились в мою гостиную, чтобы и там произвести обыск. Матросы ходили по комнате в головных уборах и рассматривали меня; противные, дрянные люди с наглыми, бесстыжими лицами. Невозможно поверить, что это были те, которыми мы прежде так гордились.

Нельзя описать мой гнев и негодование! Такой стыд и позор! Никогда не забуду этого и, боюсь, не смогу простить им их поведение и беспардонное обращение.

Все мы были арестованы, каждый в своей комнате, до 12 часов, после чего, наконец, получили первый кофе, но не получили разрешение покинуть дом. Ужасно!

Я думала о Александре Михайловиче, который был разбужен таким же образом, и у него всё было перерыто и разбросано по полу. Никогда не видела ничего подобного. Всё это было для меня шоком. Я чувствовала себя убийственно плохо и совершенно не могла после этого спать.

Невероятно, чтобы собственный народ обращался с нами так же, как немцы обращались с русскими в Германии в начале войны. К сожалению, не могу больше писать. Мысленно обнимаю тебя и прошу Бога, чтобы Он послал тебе благословение, мой ангел, моя маленькая сестра. Всем от меня большой привет.

Твоя, всегда любящая, несчастная сестра».

После обыска в комнатах всё было перевернуто, разломано, разбито, одежда кучами лежал на полу, гардины и ковёр содраны и разорваны в клочья, многие красивые вещицы исчезли. Удивительно, как матросы не обратили внимание на шкатулку, стоящую на столике у кровати Марии Фёдоровны. В ней хранились поистине уникальные драгоценности.

Обыск в Ай-Тодоре вызвал живой отклик у местных жителей: «Вся Ялта и окрестности возмущены происходящим и своим возмущением приносят много зла. На улицах открыто говорят, защищают и жалеют Романовых», — писал в Петроград Феликс Юсупов. Возмущённые Александр Михайлович и Ксения Александровна решили, что нужно отстаивать свои права и защищать близких. Они направили в Севастополь жалобу, требуя наказать проводивших обыск лиц и вернуть всё награбленное. 1 июня 1917 года власти прислали следственную комиссию, устроившую некоторое подобие суда над самими Романовыми. Мария Фёдоровна, совершенно подавленная происходящим, 21 июня писала Ольге Константиновне: «...Новая Комиссия, состоящая из 14 лиц, прибыла из Севастополя, чтобы провести допрос по обстоятельствам дела. Комната была оборудована под трибунал с большим столом, вокруг которого сидели "генерал" и другие судьи. Нас всех вызывали, и мы должны были отвечать на вопросы.

Для того, чтобы не говорить, я сделала на листке бумаги короткую записку. К счастью, со мной был Сандро, и это придавало мне силы и уверенности. Я сидела между матросом и солдатом, дрожа от гнева и негодования из-за неслыханного обращения.

После того как бумага была зачитана и начался допрос, один из судей спросил меня, что я говорила тем, кто делал обыск. Я отвечала громким и отчётливым голосом: «Естественно, я не могу вспомнить. Это более чем вероятно, особенно, если вас будят ночью посторонние люди в вашей спальне». Не могу вспомнить, какие слова я ещё говорила. Они были записаны в новом протоколе, который затем был подписан. Ты можешь представить себе, как я кипела внутри. Эта комедия продолжалась полчаса, после чего я, наконец, получила разрешение уйти. Бедняга Ксения должна была дважды давать показания по поводу кольца, которое было у неё украдено во время обыска – прекрасного рубина, подаренного её Сандро по случаю рождения детей. Они так и не получили назад свои вещи.

Только вчера мне возвращено моё датское Евангелие, чему я, как ты можешь себе представить, была страшно рада. Но все мои письма и остальные вещи они, негодяи, задержали.

...Все стали теперь злыми и жестокими и имеют теперь лишь одно право – предавать и убивать. Я была бы счастлива умереть, лишь бы не переживать весь этот кошмар! Однако на всё Воля Божья! Но всё-таки трудно понять, как Господь допускает все эти несправедливости и всё то дурное, что происходит вокруг! Каждый раз, когда мы куда-либо выезжаем, – мы должны спрашивать разрешение караульного. Ежедневное маленькое унижение. Они никогда не здороваются. Стоят в своих будках или выходят с газетой в руках и сигаретой во рту, чтобы открыть нам калитку. Ужасно! Невозможно поверить, что это те же матросы, которыми мы раньше гордились. У меня всегда возникает желание сказать им что-то грубое или плюнуть в их сторону, так отвратительно всё это видеть!

...В эти дни всё очень красиво, хотя часто гремит гром и идёт дождь. Я никогда не видела такого богатства роз, цветов и деревьев. Природа прекрасна. Но, к сожалению, ею невозможно наслаждаться, когда такое подавленное настроение. Единственным успокоением для меня могла бы быть только вода, но она так далеко от дома, что совершенно невозможно идти до неё под палящими лучами солнца».

Романовых, нашедших пристанище в Крыму, угнетало практически полное отсутствие связи с родственниками, им иногда удавалось отправить письма в Петроград – ответы приходили крайне редко. О том, что Николай с семьёй вывезен в Тобольск, Мария Фёдоровна узнала спустя неделю от вернувшейся из столицы Ирины Юсуповой. «Она рассказала, что моего бедного любимого Ники вместе со всей семьёй отправили в Сибирь, – записала она в дневнике. – Я была в таком шоке от её рассказа, что у меня едва не случился сердечный приступ, но хочу надеяться, по крайней мере, что там они будут в большей безопасности, чем в Царском, где их каждодневно притесняли и всячески унижали. И всё же сам этот факт чудовищен, убийствен, ошеломляющ, особенно если принять во внимание, что эти негодяи давали им надежду. Они обещали отправить их в Ливадию. Как же им не совестно обращать-

ед с ним, как с преступником!.. Страшный удар для меня, чувствовала себя совершенно раздавленной». Печальное это известие скрасило радостное событие: 12 августа младшая дочь Ольга родила сына Тихона, долгожданного малыша. Мария Фёдоровна писала Ольге Константиновне: «...временами, когда кажется, что уже невозможно всё это выносить, Господь посылает нам нечто вроде лучика света. Действительно, именно в этот вечер, когда я чувствовала себя совсем потерянной, моя милая Ольга родила Ваву, маленького сына, который, конечно же, принёс в моё разбитое сердце такую неожиданную радость! Накануне этого события, когда Ольга была у меня, она мне ничего не сказала, хотя уже предчувствовала это.

Ваву родился в одиннадцать вечера. Получив это известие, я бросилась к ней и видела, какое блаженство испытывала она от того, что у неё наконец был свой Ваву, по которому она, бедная, уже много лет так тосковала.

Слава Богу и спасибо Ему за то, что у неё всё нормально и хорошо. Всё произошло без врача, он пришёл только тогда, когда всё уже окончилось, а Ольга кормит грудью сама, выглядит цветущей и чувствует себя как рыба в воде. Большое счастье и милость, что она выдерживает такие заботы, я боялась, что в её возрасте ей это будет трудно».

Вести, приходившие из Петрограда осенью 1917 года, не радовали: слабое Временное правительство не способно навести порядок в стране, к власти рвутся большевики, от которых Мария Фёдоровна не ждала ничего хорошего ни для себя, ни для своих родных, мучаясь недобрыми предчувствиями. Впрочем, в первые дни переворота стали чаще приходиться письма от Николая. 17 ноября Мария Фёдоровна записала: «Я наконец-то получила письмо от моего любимого Ники из Тобольска, такое красивое и трогательное, что я едва не разрыдалась. Оно пришло почтой, это просто непостижимо. В адресе вычеркнуты все титулы, зато добавлено – “Романовой”. Тем самым они, по-видимому, надеются нанести мне оскорбление. Нас они по возможности унижают во всём. Ну и пусть, меня это не волнует, лишь бы письма приходили».

В ответном письме она старается поддержать и утешить сына:

«21 ноября 1917 г. Ай-Тодор.

Дорогой мой, милый Ники!

Только что получила твоё дорогое письмо от 27 октября, которое меня страшно обрадовало. Не нахожу слов тебе достаточно это выразить и от души благодарю тебя, милый. Ты знаешь, что мои мысли и молитвы никогда тебя не покидают – день и ночь о вас думаю, и иногда так тяжело, что кажется, нельзя больше терпеть. Но Бог милостив. Он нам даёт всем это ужасное испытание. Слава Богу, что вы все здоровы и, по крайней мере, живёте уютно и все вместе. Вот уже год прошёл, что ты и милый Алексей были у меня в Киеве. Кто мог тогда думать, что ожидает и что мы должны пережить! Просто не верится! Я только живу воспоминаниями счастливого прошлого и стараюсь забыть, если возможно, теперешний

ся с ним, как с преступником!.. Страшный удар для меня, чувствовала себя совершенно раздавленной». Печальное это известие скрасило радостное событие: 12 августа младшая дочь Ольга родила сына Тихона, долгожданного малыша. Мария Фёдоровна писала Ольге Константиновне: «...временами, когда кажется, что уже невозможно всё это выносить, Господь посылает нам нечто вроде лучика света. Действительно, именно в этот вечер, когда я чувствовала себя совсем потерянной, моя милая Ольга родила Ваву, маленького сына, который, конечно же, принёс в моё разбитое сердце такую неожиданную радость! Накануне этого события, когда Ольга была у меня, она мне ничего не сказала, хотя уже предчувствовала это.

Ваву родился в одиннадцать вечера. Получив это известие, я бросилась к ней и видела, какое блаженство испытывала она от того, что у неё наконец был свой Ваву, по которому она, бедная, уже много лет так тосковала.

Слава Богу и спасибо Ему за то, что у неё всё нормально и хорошо. Всё произошло без врача, он пришёл только тогда, когда всё уже окончилось, а Ольга кормит грудью сама, выглядит цветущей и чувствует себя как рыба в воде. Большое счастье и милость, что она выдерживает такие заботы, я боялась, что в её возрасте ей это будет трудно».

Вести, приходившие из Петрограда осенью 1917 года, не радовали: слабое Временное правительство не способно навести порядок в стране, к власти рвутся большевики, от которых Мария Фёдоровна не ждала ничего хорошего ни для себя, ни для своих родных, мучаясь недобрыми предчувствиями. Впрочем, в первые дни переворота стали чаще приходиться письма от Николая. 17 ноября Мария Фёдоровна записала: «Я наконец-то получила письмо от моего любимого Ники из Тобольска, такое красивое и трогательное, что я едва не разрыдалась. Оно пришло почтой, это просто непостижимо. В адресе вычеркнуты все титулы, зато добавлено – “Романовой”. Тем самым они, по-видимому, надеются нанести мне оскорбление. Нас они по возможности унижают во всём. Ну и пусть, меня это не волнует, лишь бы письма приходили».

В ответном письме она старается поддержать и утешить сына:

«21 ноября 1917 г. Ай-Тодор.

Дорогой мой, милый Ники!

Только что получила твоё дорогое письмо от 27 октября, которое меня страшно обрадовало. Не нахожу слов тебе достаточно это выразить и от души благодарю тебя, милый. Ты знаешь, что мои мысли и молитвы никогда тебя не покидают – день и ночь о вас думаю, и иногда так тяжело, что кажется, нельзя больше терпеть. Но Бог милостив. Он нам даёт всем это ужасное испытание. Слава Богу, что вы все здоровы и, по крайней мере, живёте уютно и все вместе. Вот уже год прошёл, что ты и милый Алексей были у меня в Киеве. Кто мог тогда думать, что ожидает и что мы должны пережить! Просто не верится! Я только живу воспоминаниями счастливого прошлого и стараюсь забыть, если возможно, теперешний

кошмар. ...все мои мысли будут с тобою, мой милый, дорогой Ники, и шлю тебе самые горячие пожелания. Да хранит тебя Господь, пошлёт тебе много душевного спокойствия и не даст России погибнуть!

Крепко и нежно обнимаю. Христос с вами.

Горячо любящая тебя твоя старая Мама».

К весне 1918 года обстановка в Крыму резко изменилась к худшему. Ялтинский Совет требовал немедленной казни всех Романовых, а Севастопольский – ждал приказа из Петрограда. Комиссар Задорожный, возглавивший охрану родственников Царя, объявил, что они должны поселиться в имении Дюльбер, которое, по сравнению с открытым Ай-Тодором, представляло собой крепость, надёжное убежище. Заботы Задорожного о безопасности Романовых оказались не напрасными: Ялтинский Совет едва ли не каждую неделю присылал в Дюльбер отряд, в намерения которого входил захват и расстрел пленников. Судьба всех членов Императорской фамилии висела на волоске. Спасение пришло неожиданно: в начале лета Ялту заняли немецкие войска. Жизни Романовых ничто более не угрожало, но сознание, что своим спасением они обязаны злейшему врагу, кайзеру Вильгельму, вызывало неприятные эмоции.

Мария Фёдоровна поселилась в Хараксе, имении Великого князя Георгия Михайловича, двоюродного брата покойного Императора Александра III. Тёплое лето, буйное цветение роз, даже близость моря не радовали: в Крым стали поступать сообщения о гибели Николая. 1 августа 1918 года пришла телеграмма из Киева, в которой сообщалось, что Император убит, но Александра Фёдоровна и дети в безопасности. Старая Императрица, пережившая

Царская семья Николая II. 1917 г.

много драматических событий, не захотела, не смогла принять страшную правду и отвергала все слухи. Датский король Кристиан X, племянник Марии Фёдоровны, узнав о гибели Царской семьи, прислал соболезнования. В ответном письме Мария Фёдоровна писала: «Ужасающие слухи о моём бедном любимом Ники, кажется, слава Богу, не являются правдой, т. к. после нескольких недель жуткого ожидания я поверила в то, что он и его семья освобождены и находятся в безопасности. Можешь представить себе, каким чувством благодарности к нашему Спасителю наполнилось моё сердце! Я ничего не слышала от него с марта, когда они были ещё в Тобольске, так что ты можешь понять, какими страшными для меня были все эти месяцы. Теперь, когда со всех сторон мне говорят об этом (о том, что Николай жив – прим.), должна же я надеяться, что это действительно правда. Дай-то Бог!.. Ужасно быть отрезанным от всех когда-то любимых и даже не получать писем – единственного утешения в долгой разлуке.

В данный момент мы живём свободно и спокойно, надеясь на светлые времена. Мы все здоровы. Сын Ольги бегаёт сейчас вокруг, и он такой милый и всегда в хорошем настроении. Это радость видеть, как она счастлива. Она и Ксения просят меня кланяться тебе и Александрине».

Веря в чудесное спасении сына, Мария Фёдоровна запретила служить панихиду по Николаю II в церкви Святой Нины в Хараксе.

Родные уговаривали Марию Фёдоровну уехать, но она, хотя и тосковала по Дании, отказывалась наотрез. «Мама была непреклонна, – вспоминала Ольга Александровна. – Она неизменно отвечала, что её долг остаться в России. Ей претила сама мысль о бегстве».

Тем временем вопрос об отъезде вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны обсуждался и в Дании, и в Англии, и в самой России. Осенью 1918 года князь Георгий Шервашидзе, обер-гофмейстер и один из самых преданных Императрице людей направил датскому посланнику Харальду Скавениусу письмо: «...в нынешних условиях Её Величество подвергается различного рода опасностям и унижениям, которые постоянно возрастают. В связи с этим крайне необходимо переправить Её Величество в безопасное место, укрыв её там от несчастий и бед, где она могла бы иметь гарантии безопасности.

Я вижу только два таких места: Данию, которая является дорогой родиной Её Величества, и Финляндию, где её Величество всегда пользовалась любовью и уважением населения. ...В качестве министра Дании Вы являетесь в данный момент тем единственным лицом, к которому можно обратиться за оказанием помощи и поддержкой в наших усилиях, направленных на облегчение участи Её Величества. Поэтому с надеждой и доверием я жду от Вас решения этого вопроса, который нас всех здесь очень тревожит.

Единственно, в чём я совершенно уверен, – это то, что отъезд Её Величества должен быть организован официальным образом, т. е. Её Величество должна отправиться в путь в сопровождении эскорта, в том числе

делегата от центрального правительства (народных комиссаров), а также одного из членов Датской миссии, если Вы найдёте это возможным. Что касается остальных, то я не могу дать Вам какого-либо указания или совета.

...Единственное, о чём я прошу Вас, это иметь в виду, что Её величество никогда не согласится покинуть эти места, если не будет предложения о возможности увезти с собою её дочь – Великую княгиню Ксению вместе с её семьёй.

Это всё, глубокоуважаемый господин министр, что я из чувства долга обязан довести до Вашего сведения.

...С огромным нетерпением буду ждать вашего ответа, который Вы, может быть, сочтёте передать мне через подателя этого письма.

Ваш преданный слуга Г. Шервашидзе.

Весной 1919 года над Романовыми снова нависла угроза: к Крыму приближалась красная армия. Это событие взволновало европейские королевские дома. Датский король Кристиан X несколько раз обращается к королю Англии Георгу V с просьбой оказать помощь находящимся в смертельной опасности родственникам. 7 апреля Марию Фёдоровну в Хараксе посетит командующий британскими военно-морскими силами в Севастополе адмирал Калсорп и передал предложение её племянника, английского короля, немедленно покинуть Крым на дредноуте «Мальборо». Он настаивал на отплытии в тот же день. Однако Императрица, смирившись с судьбой, проявила твёрдость характера и не пожелала уехать, если ей не разрешат взять с собою всех, чьей жизни угрожала опасность.

11 апреля 1919 года английские суда вошли в Ялтинский порт. Поднявшись на борт, Мария Фёдоровна вдруг осознала, что навсегда покидает Рос-

Императрица Мария Фёдоровна на палубе «Мальборо»

свою, свою вторую родину. «Сейчас я тоже испытываю тяжёлые, но к тому же ещё и горькие чувства из-за того, что мне таким вот образом приходится уезжать отсюда по вине злых людей! Всё это так возмущает меня, ведь я прожила здесь 51 год и любила и страну, и народ. Жаль! Но раз уж Господь допустил такое, мне остаётся только склониться перед Его волей и постараться со всей кротостью примириться с этим».

Когда «Мальборо» покидал акваторию севастопольского порта, на встречных судах, увозивших белогвардейцев на Кавказ, разнеслась весть, что на борту английского жорабля плывёт Императрица. Мария Фёдоровна и сопровождавшие её лица с благоговейным трепетом наблюдали, как вдоль бортов на русских судах выстроились люди, вытянувшись, отдавали ей честь и вдруг громко запели: «Боже, Царя храни». Так Россия прощалась с любимой Императрицей.

Лишь несколько месяцев смогла Мария Фёдоровна выдержать в Британии. Английские родственники не могли понять глубины её горя, она остро переживала своё положение бедной родственницы и «вынужденной гостьи». Императрица признавалась зятю Александру Михайловичу, что даже с сестрой Александрой не сложились близкие, тёплые отношения: «...мы с ней гораздо ближе друг к другу на расстоянии, когда я жила в Лондоне, я чувствовала себя чужой».

Но и переехав на родину, в Копенгаген, Мария Фёдоровна не испытала никакого облегчения. Племянник, датский король Христиан X, откровенно недолголюбивал слишком независимую и привыкшую к уважению тётку, многие датские политики воспринимали её существование как обузу, чреватую политическими осложнениями в отношениях с Москвой. Мария Фёдоровна поселилась в Видёре, на вилле, купленной когда-то для трёх датских принцесс – Александры, Дагмар и Тиры, уютное местечко для родственных встреч. Здесь её навестила племянница Мария Павловна. «Вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна проводила лето в своей вилле на берегу моря, неподалёку от Копенгагена, мы часто навещали её, – вспоминала она. – Эти посещения были особенно хороши тем, что, несмотря на изгнание и перенесённые горести, старая Императрица до последней мелочи сохранила уклад своей прежней жизни. Понятно, от былой парадности не осталось и следа, всё было скромно, даже бедновато; но вы дышали старорежимным воздухом, вкушали сладость былого. В её простодушии и безучастности к окружающему было столько внутреннего достоинства, что и в этом потёртом

Мария Фёдоровна в Дании.
Октябрь 1988 г.

тёмном платье была видна российская Императрица, и старый домишко казался дворцом. Меня поражало, до какой степени выдержанно и царственно принимала она свою судьбу. Она держалась ровно так же, как и всегда: так же заинтересованно воодушевлялась нашими делами, и так же была далека, на старый манер, от сегодняшних тревог, и так же по-детски наивно вникала во всё».

Тихая кончина Марии Фёдоровны в 1928 году не потрясла мир. Многие восприняли её как символ окончательного ухода в прошлое целой эпохи в российской и мировой истории. Однако, наверное, уместнее было бы сказать, что умерла удивительно красивая и сильная женщина.

«Перед смертью Императрица завещала лишь временно похоронить себя в Дании, – писала Мария Павловна. – Её желанием было покоиться рядом с мужем в России, и она взяла с дочерей обещание, что те выполнят её волю, как только позволят обстоятельства. Гроб с её телом перевезли в кафедральный собор Роскилле, в двадцати милях от Копенгагена, с X века место упокоения датских королей». Последняя воля российской Императрицы Марии Фёдоровны была выполнена лишь в сентябре 2006 года.

ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II: «КАКАЯ БЛАГОДАТЬ БЫТЬ В КРЫМУ»

Ливадия, милая, щедро обласканная солнцем, открытая морским просторам. Маленький Цесаревич Николай Александрович любил отдыхать здесь вместе с обожаемыми Папа и Мама. Любил спускаться, перепрыгивая через ступеньки, по длинной лестнице к морю, убежать от пенного гребня волны, задумчиво улыбаясь, следить за далеко плывущими кораблями, щурясь от ярких солнечных лучей. На всех фотографиях юного Цесаревича, жизнерадостного, с ангельским личиком в обрамлении кудрей, привлекает внимание его глаза – красивые, добрые и всегда тревожно-печальные. Может, он предчувствовал свою будущую трагическую судьбу? Во всяком случае, Николай Александрович, родившийся 6 мая 1868 года, в день, когда Православная Церковь чтит Иова Многострадального, придавал этому совпадению большое значение, убеждённый, что он «обречён на страшные испытания».

В Ливадии последний русский Император пережил невыразимо счастливые моменты своей жизни и тяжелейшую потерю: смерть отца. Тёплой, ясной осенью 1894 года Царская семья приехала в Крым в надежде, что южный климат поможет Императору одолеть тяжёлую болезнь. Однако он с каждым днём терял силы, всё реже выезжал на прогулки и не выходил к обеду, оставаясь в постели. Зная, что надежды на выздоровление нет, Александр III умолял лично благословить семейный союз старшего сына.

История этой любви началась в 1884 году, когда Петербург праздновал свадьбу Великого князя Сергея Александровича, брата Императора Александра III, с Гессен-Дармштадской принцессой Елизаветой. На торжествах Наследник российского престола Николай Александрович

Великий князь Николай Александрович.
1870 г.

Великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Елизавета Федоровна

зародилось чувство тёплой душевной симпатии. Спустя тринадцать лет Царица Александра Фёдоровна, вспоминая их первую встречу, напишет супругу, что уже тогда её «ещё детское сердце стремилось к тебе с глубокой любовью».

В течение следующих пяти лет Ники и Аликс не виделись и, подчиняясь строгому этикету, не переписывались. В 1889 году герцог Гессен-Дармштадский Людвиг с детьми Алисой и Эрнестом приехал в Россию. Встречая на вокзале гостей, Николай вместо милой девочки увидел красивую девушку. «Она очень выросла и похорошела», – записал он в дневнике свои впечатления. Молодые люди много времени проводили вместе, их видели на прогулках, на катке, в театре. На балу в Зимнем дворце Алиса дважды танцевала с Цесаревичем, и в петербургском обществе стали ожидать скорой помолвки, однако предложения не последовало. Для Александра III и его супруги Марии Фёдоровны Гессен-Дармштадская принцесса оказалась нежеланной невесткой. Николай признавался другу Сандро: «Ты, разумеется, слышал, что моя помолвка с Аликс Гессенской будто состоялась. Но это суцная неправда, это вымысел из ряда городских и газетных сплетен... Я никогда так внутренне не страдал, как в эту зиму; даже раньше, чем они приехали, стали ходить слухи об этом; подумай, какое было моё положение на вечерах, в особенности когда приходилось танцевать вместе. Она мне чрезвычайно понравилась: такая милая и простая, очень возмужала...»

Любящие родители, Александр III и Мария Фёдоровна желали счастья старшему сыну в будущей семейной жизни и старались не влиять на него –

**Крепкие дружеские отношения Николай и Эрнест Гессенский будут сохранять долгие годы, до начала Первой мировой войны.*

вич, шестнадцатилетний скромный юноша с лучистыми голубыми глазами, увидел принцессу Алису, младшую сестру невесты. Вечером 27 мая он записал в дневнике: «В половине восьмого обедали со всем семейством. Я сидел с маленькой двенадцатилетней Аликс, которая мне ужасно понравилась; Ella ещё больше; её брат Ernest* также». Не по годам рассудительная и умная, Алиса очаровала Николая, он называл её «душкой». Накануне отъезда Гессенского семейства из России записал: «Мне очень и очень грустно, что Дармштадские уезжают завтра, а ещё больше, что милая Аликс покинет меня». Той весной в сердцах Ники и Аликс

пусть сам выберет невесту по душе. Но Николай хорошо понимал, что отец и мать не хотят видеть Алису ни в качестве его супруги, ни в роли Царицы великой Российской империи, а потому не мог откровенно рассказать им о своей любви. Отчаявшись найти выход из безнадежной ситуации, Цесаревич решился открыть своё сердце Елизавете Фёдоровне, старшей сестре Аликс. Обескураженные и обрадованные, Элла и Сергей Александрович выказали желание помогать влюблённым, хотя и понимали: на пути к счастью их ожидает множество препятствий, но главное, чтобы чувства сохранились, не увяли, не ослабли. Елизавета Фёдоровна написала племяннику: *«Дорогой Ники! Я целый день всё думала и думала о нашем разговоре, и твоя записочка, которую я только что получила, доставила мне такую радость, сердечно благодарю, — конечно, я рассказала Сергею, но никто больше ни слова не узнает. Знаешь, мне говорили, что если человек усердно молится в церкви, которая должна быть освящена, то Бог услышит его молитву».*

Александра Фёдоровна.
1890 г.

О любви Цесаревича Николая и принцессы Алисы, действительно, долгие годы никто не догадывался; Елизавета Фёдоровна и Сергей Александрович строго хранили тайну, понимая: Царю и Царице вовсе не понравится, что за их спиной устраивают личную жизнь их сына, пусть даже и близкие родственники.

Существовало ещё одно препятствие: невеста Наследника престола обязана принять православие. Однако Алиса твёрдо заявила, что не может изменить лютеранской конфессии, не может нарушить клятву, данную при конфирмации. Принцессу уговаривали сестра Елизавета, зять Сергей, сестра Николая Ксения, убеждали, что любовь — это чувство, посланное Богом, нельзя отвергать Его дары. Перемена религии — дело совести, но если сердце подсказывает, слушай его, оно не обманет. Алиса колебалась, много переживала и плакала, решение переменить веру для неё оказалось невероятно тяжёлым и мучительным.

А жизнь шла своим чередом. Завершив образование, Цесаревич Николай отправился в 1890 году в кругосветное путешествие. Возвратившись, занялся государственными делами: стал членом Государственного совета и комитета министров, возглавил особый комитет «для помощи нуждающимся в местах, пострадавших от неурожая», служил в гвардии. Однако молодой человек находил время и для офицерских пирушек, и для театра, и для «замурного увлечения». Юная, обворожительная, талантливая балерина Матильда Кшесинская вызвала у Николая искреннюю симпатию, но не затми-

Цесаревич Николай. 1889 г.

ла образ любимой принцессы. В конце 1891 года, 21 декабря, Цесаревич записал в дневнике: «Вечером у Мама рассуждали о семейной жизни теперешней молодёжи из общества: невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души, затронул ту мечту и надежду, которыми я живу изо дня в день... Моя мечта – когда-либо жениться на Аликс Г. Я давно её люблю, но ещё глубже и сильнее с 1889 года, когда она провела шесть недель в Петербурге! Я долго противился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты. Но когда Eddy* оставил её или был отказан, единственное препятствие или пропасть между нею и мною – это вопрос религии! Кроме этой преграды, нет другой; я почти уверен, что наши чувства взаимны! Всё в воле Божией. Уповая на

Его милость, я спокойно и покорно смотрю в будущее».

Но Сергей и Элла были убеждены: разговоры о «невозможности перемены веры» несерьёзны, Ники надо лично объясниться с Алисой – и всё отлично устроится. Однако уехать в Дармштадт без позволения родителей Цесаревич не мог, пришлось рассказать матери о своих чувствах. Мария Фёдоровна была потрясена и разгневана. Её Ники много лет влюблён в Алису, которую она не желала видеть своей невесткой, а Сергей и Элла, дорогие её сердцу родственники, всё это время помогали им! Это неслыханно! И вы только подумайте, какую-то принцессу из крохотного заштатного герцогства надо уговаривать выйти замуж за её Ники – Наследника престола, представителя одной из самых блестящих династий, молодого, умного, деликатного и тонко чувствующего человека! Императрица Мария Фёдоровна была оскорблена до глубины души и потребовала, чтобы Сергей и Элла больше к этому делу касательств не имели.

Однако Николай не терял надежды объясниться с Аликс. Весной 1894 года влюблённые встретились в Кобурге на свадьбе брата Алисы Эрнста-Людвига. Много часов провели в уединении, искренне говоря о своих чувствах. Николай записал в дневнике: «Она замечательно похорошела, но выглядела чрезвычайно грустной. Нас оставили вдвоём, и начался между нами тот разговор, которого я давно очень желал... и очень боялся. Говорили до 12 часов, но безуспешно: она всё противилась перемене религии, она, бедная, много плакала, расстались более спокойно...» Наконец, 8 апреля Алиса согласилась стать невестой Николая. Цесаревич был счастлив безмерно, словно на крыльях летал: «...Чудный, незабвенный день в моей жи-

*Бабушка Алисы королева Виктория решила выдать её замуж за другого своего внука Альберта-Виктора, герцога Кларенса (1864 – 1892), старшего сына наследника Британского престола Альберта-Эдуарда Принца Уэльского. Однако Алиса твёрдо и решительно отвергла предложение Эдди.

ни! День моей помолвки с дорогой, ненаглядной Аликс. После разговора с ней мы объяснились между собой... Я целый день ходил как в дурмане, не сознавая, что, собственно, со мной приключилось... Потом был устроен бал. Мне было не до танцев, ходил и сидел в саду с моей невестой. Даже не верится, что у меня – невеста». Своим восторгом Ники поделился с родителями: *«Милая Мама, я тебе сказать не могу, как я счастлив и также как я грустен, что не с вами и не могу обнять Тебя и дорогого милого Папа в эту минуту. Для меня весь свет перевернулся, всё, природа, люди, всё кажется милым, добрым, отрадным. Я не мог совсем писать, руки тряслись... хотелось страшно посидеть в уголку одному с милой моей невестой. Она совсем стала другой: весёлою и смешной, и разговорчивой, и нежной. Я не знаю, как благодарить Бога за такое благодеяние»*. Царственные родители поступили мудро: раз уж их сын выбрал Алису Гессенскую, то принять её в семью надо как родную, поэтому прислали жениху и невесте свои поздравления. Александр III лично написал сыну: *«Милый, дорогой Ники, ты можешь себе представить, с каким чувством радости и с какой благодарностью к Господу мы узнали о твоей помолвке! Признаюсь, что я не верил в возможность такого исхода и был уверен в полной неудаче твоей попытки, но Господь наставил тебя, подкрепил и благословил, и великая Ему благодарность за Его милости. Если бы ты видел, с какой радостью и ликованием все приняли это известие; мы сейчас же начали получать телеграммы и завалены ими до сих пор... Теперь я уверен, что ты вдвойне наслаждаешься, и всё пройденное хотя и забыто, но, я уверен, принесло тебе пользу, доказавши, что не всё достаётся так легко и даром, а в особенности такой великий шаг, который решает всю твою будущность и всю твою последующую семейную жизнь! Не могу тебя представить женихом, так это странно и необычно! Как нам с Мама было тяжело не быть с тобою в такие минуты, не обнять тебя, не говорить с тобой, ничего не знать и ждать только письма с подробностями»*.

Николай и Алиса в дни помолвки. 1894 г.

Мария Фёдоровна, совладав со своими чувствами, тоже написала сыну: «Наша дорогая Аликс уже совсем как дочь для меня... Я более не хочу, чтобы она звала меня "тётушка"; "дорогая Мама" – вот кем я для неё буду с этого момента».

Свадьба Николая и Алисы была назначена на весну следующего года. А пока Цесаревичу надо возвращаться в Петербург, принцесса уезжала в Дармштадт, а затем – к бабушке в Англию. Разлуку скрашивали письма, сотни посланий, в которых Николай и его невеста вновь и вновь признавались в любви – драгоценном даре, который оба сумели сберечь. Первое письмо Алиса отдала жениху при прощании, его он читал уже в поезде: «Я никогда не забуду этих первых дней и какая гадкая я была с тобой; прости меня, мой дорогой. Если бы только знал, как я тебя обожаю, а года только укрепили и углубили мою любовь; я бы только хотела быть достойной твоей любви и нежности. Ты слишком хорош для меня».

Новая встреча состоялась в Англии в июне – «лучшие дни нашей жизни», так об этом времени скажет потом Александра Фёдоровна. Несмотря на вереницу обязательных светских приёмов, балов, встреч с родственниками, влюблённым удавалось уединиться. Они о многом говорили: Николай рассказывал о своей жизни, о друзьях и родных, Аликс – о своём. Цесаревич показал дневник, которому доверял самые сокровенные мысли и чувства. Алиса попросила разрешить и ей записывать свои, Николай с восторгом согласился.

Государыня Императрица
Александра Фёдоровна Романова

«29 июня 1894 г. Есть нечто чудесное в любви двух душ, которые воедино сливаются и которые ни единой мысли друг от друга не таят; радость и страдания, счастье и нужду переживают они вместе, и от первого поцелуя до последнего вздоха они о любви лишь поют друг другу.

4 июля 1894 г. Мой бесценный, да благословит и хранит тебя Господь! Никогда не забывай ту, чьи самые горячие желания и молитвы – сделать тебя счастливым.

6 июля 1894 г. Мне снилось, что я любима, и, проснувшись, убедилась в этом наяву и благодарила на коленях Господа. Истинная любовь – дар Божий – с каждым днём всё сильнее, глубже, полнее и чище».

Накануне отъезда Николая, 10 июня Алиса записала: «Всегда верная и любящая, преданная, чистая и силь-

ная, как смерть». Вся её последующая жизнь, её любовь и верность, бережно пронесённые до конца, доказали, что это были не просто красивые слова.

Николай и Аликс договорились встретиться в сентябре в Дармштадте, но помешала болезнь Александра III. Николай не мог оставить семью в трудную минуту, о чём с грустью сообщил невесте: *«Я не мог поступить иначе, я принял решение после целого дня мучительной борьбы с самим собой: как преданный сын (до самой смерти) и как верный слуга своего Отца, я должен быть с ним везде. И потом, как бы я мог оставить дорогую Маму в такой момент, когда в Крыму нет никого из семьи... Я живу только надеждой, сейчас ещё больше, чем прежде, что терпение поможет нам ждать, полностью доверяя друг другу. Да, я должен снова это повторять: терпение – вот наш девиз».* Алиса не только всё поняла, но и постаралась поддержать любимого: *«Я ещё больше люблю тебя и уважаю за твой шаг. Да, ты поступил как честный и преданный сын, и Бог благословит тебя за это, как это делает и твоё Солнышко, хотя сердце её, кажется, вот-вот разорвётся от невозможности увидеть тебя... Ники, ты честный, ты ангел, а не человек, никогда не было лучшего сына, и я горжусь, что ты выбрал меня себе в жёны».*

Узнав, что родители спешно пригласили Алису в Россию, Николай, не теряя времени, написал ей: *«В тот момент, когда я сел писать это письмо, Мама прислала за мной, и я побегал к ним в дом и услышал приятную новость: они очень хотят, чтобы ты приехала сюда и отдохнула в Ливадии! Какая это будет радость и блаженство – увидеть здесь вскоре мою милую. Дай-то Бог! Папа был уже в постели, и он так по-доброму сказал мне, что ему жаль, что из-за своего нездоровья он невольно разлучил нас с тобой. Я не могу тебе выразить, моя любимая девочка, как глубоко я был тронут этими любящими словами – в его глазах стояли слёзы!»* Спустя два дня Алиса была уже в пути, Николай ожидал её прибытия с огромным нетерпением. 8 октября он записал в дневнике: *«Получил чудную телеграмму от милой дорогой Аликс о том, что она желала бы миропомазаться по приезде, что меня тронуло и поразило до того, что я ничего долго не мог сообразить».* На следующий день Цесаревич сообщил отцу Иоанну Кронштадтскому о том, что его невеста «после борьбы переходит в православие с убеждением».

10 октября 1894 года в Алуште на даче Голубева Цесаревич Николай Александрович встречал принцессу Алису Гессенскую. «После завтрака сел с Аликс в коляску и вдвоем поехали в Ливадию. Боже мой! Какая радость встретиться с ней на родине и иметь близко от себя – половина забот и скорби как будто спала с плеч. На каждой станции татары встречали с хлебом-солью; на границе Массандры ждали: Лазарев, Олив и Вяземский. Вся коляска была запружена цветами и виноградом. Мною овладело страшное волнение, когда мы вошли к дорогим Родителям. Папа был слабее сегодня и приезд Аликс, кроме свидания с о. Иоанном, утомили его! У дворца стояли стрелки Его Величества в почётном карауле. Вошли в церковь, где был отслужен краткий благодарственный молебен. Сидел с моей Аликс до обеда.

Вечер провели как всегда. Отвел её до её комнат!», – записал он вечером в дневнике.

Принцесса привезла Императору большой букет белых роз – знак любви и уважения к будущему свёкру. Измождённый болезнью, Александр III так сильно изменился, что Алиса в первую минуту не узнала его. Но встрече Император был рад, обнял и поцеловал со словами: «Будьте счастливы, дети мои». Из комнаты Алиса вышла в слезах, это были её первые слёзы в России...

Николай наслаждался присутствием невесты, которую любил всё больше и глубже! «Что за счастье иметь такое сокровище как жену!», – писал он в дневнике. В эти дни он был очень занят: читал доклады министров, отвечал на множество телеграмм, встречался с прибывающими в Крым родственниками. Но каждую свободную минуту Николай стремился проводить с Аликс, они вместе ездили в Ай-Тодор, Массандру и Алупку, гуляли по пляжу, посещали службы в Ореандской церкви, разговаривали вечерами в её комнатах во флигеле Ливадийского дворца. В дневнике Цесаревича вновь появились записи Аликс:

«16 октября. Мне пришлось молиться в церкви с тобою за твоего дорогого Отца! Что за утешение – ты близ меня. Всё кажется легче, и я знаю, ты мне всегда поможешь. Господь с тобою, душки!»

17 октября. Говори мне обо всём, душки. Ты можешь мне вполне верить; смотри на меня как на частицу себя самого. Пусть твои радости и печали будут моими, и это нас ещё больше сблизит. Мой единственный любимый, как я люблю тебя, дорогое сокровище, единственный мой!»

В Крестовоздвиженской церкви Ливадии провозгласили Манифест о вступлении на престол Николая II

Рядом с Аликс Николай чувствовал себя бодрее и спокойнее, а она видела, как ему тяжело: на него обрушивалась огромная ответственность, было от чего пасть духом. Ей, страстно любящей и оттого остро воспринимающей всякую несправедливость по отношению к жениху, казалось, что родственники и придворные проявляют к Цесаревичу, будущему Императору, оскорбительное пренебрежение. Даже врачи докладывали о состоянии здоровья Александра III не ему, а братьям Царя. Алиса была глубоко уязвлена: почему Ники должен получать важные сведения из третьих рук?! Он такой деликатный, воспитанный, ему трудно приказывать старшим по возрасту членам Царского дома! И в дневнике 15 октября появляется запись: «Дорогой мальчик! Люблю тебя, о, как нежно и глубоко. Будь стойким и прикажи доктору Лейдену и другому приходить к тебе ежедневно и сообщать, в каком состоянии они его находят, а также все подробности относительно того, что они находят нужным для него сделать. Таким образом, ты обо всём всегда будешь знать первым. Ты тогда сможешь помочь убедить его делать то, что нужно. И если доктору что-нибудь нужно, пусть прямо приходит к тебе. Не позволяй другим быть первым и обходить тебя. Ты – любимый сын Отца, и тебя должны спрашивать и тебе говорить обо всём. Выяви свою личную волю и не позволяй другим забывать, кто ты». Подобные наставления Аликс будет давать Николаю и в дальнейшем. Обладая сильным характером, способная повелевать, она желала, чтобы её Ники стал великим монархом.*

Но не только растерянность и неуверенность Ники огорчала Аликс. Воспитанная в пуританской морали, она не могла понять, как можно напрягаться, громко разговаривать, смеяться в такой скорбный час. Как-то Александра Фёдоровна рассказала Анне Вырубовой, что ей не по душе пришлось те «шумные обеды, завтраки и игры собравшейся семьи в такой момент, когда там, наверху, доживал свои последние дни и часы Государь Император».

20 октября глаза Александра III закрылись навсегда. В тот же день в Крестовоздвиженской церкви Ливадии провозгласили Манифест о вступлении на престол Николая II. Алиса понимала, что её любимый переживал не только потерю отца, он мучился тем, что ему пришлось принять царский венец. Спустя шесть месяцев Николай II признался Великому князю Сергею Александровичу: «Иногда, я должен сознаться, слёзы навёртываются на глаза при мысли о том, какую спокойною, чудною жизнь могла быть для меня ещё на много лет, если бы не 20-е октября! Но эти слёзы показывают слабость человеческую, это слёзы – сожаления над самим собой, и я стараюсь как можно скорее прогнать и нести безропотно своё тяжёлое и ответственное служение России».

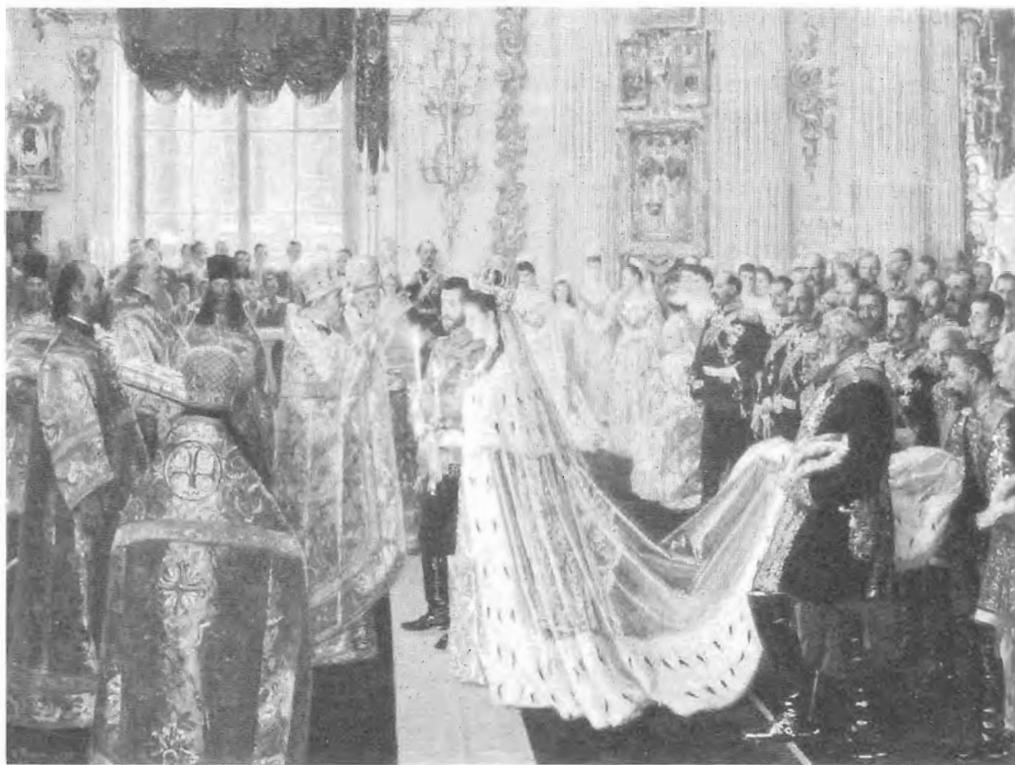
Англичанин Сидней Гиббс, близко наблюдавший жизнь Царской семьи в последние годы, точно отметил: «Характер у неё (Императрицы) был более властный и твёрдый, чем у Императора, и она его подчиняла. Но она так сильно и глубоко его любила, что, если, только она заранее знала, что его желание иное, она всегда подчинялась. Я никогда не видел борьбы между ними».

На следующий день в небольшой Крестовоздвиженской церкви принцесса приняла православие и была наречена русским именем Александра Фёдоровна. В тот день Николай записал в своём дневнике: «И в глубокой печали Господь даёт нам тихую и светлую радость: в 10 час. в присутствии только семейства моя милая дорогая Аликс была миропомазана, и после обедни мы причастились вместе с нею, дорогой Мама и Эллой. Аликс поразительно хорошо и внятно прочла свои ответы и молитвы!»

Императрица Мария Фёдоровна и Николай хотели тут же, в Ливадии, провести и скромный обряд венчания. Молодой Император писал: «Происходило брожение умов по вопросу о том, где устроить мою свадьбу; Мама, некоторые другие и я находил, что всего лучше сделать её здесь спокойно, пока ещё дорогой Папа под крышей дома; а все дяди против этого и говорят, что мне следует жениться в Питере после похорон. Это мне кажется совершенно неудобным!» Но Николай не сумел убедить родственников, а Мария Фёдоровна, убитая горем, не имела сил сопротивляться. А будь молодой Император настойчивее, в Ливадии появилась бы новая русская Царица. И всё же Николай и Александра были счастливы: они так долго, почти десять лет отстаивали своё право быть вместе.

Свадьба Николая Александровича и Александры Фёдоровны состоялась 14 ноября 1894 года в большой церкви Зимнего дворца. В душе мо-

Венчание Николая II и Александры Фёдоровны». Картина Tuxen Laurits

положено властвовали противоречивые чувства. Радость оттого, что произошло самое знаменательное событие в их жизни, к которому они так долго шли, преодолев столько препятствий, смешивалась с чувством глубокой печали: всего неделю назад похоронили Императора Александра III. Торжественную церемонию коронации Императора Николая II и Императрицы Александры Фёдоровны провели 14 мая 1896 года в Успенском соборе Кремля. А через несколько дней за Тверской заставой, на Ходынском поле, собралась многотысячная толпа для получения царских подарков, в ужасной давке многие погибли. Недобрый знак!

Каким же был Николай II, последний русский Император? В чём суть его монаршего служения? Мнения историков и оценки его правления неоднозначны, порой диаметрально противоречивы. Скрытный, мало кого допускавший в свой внутренний мир, Николай для многих оставался загадкой. «сфинксом XX века». Распространилось мнение, что Царь не был подготовлен к управлению Российской империей*.

Утверждение это не совсем верно: Император Николай II, высокообразованный и прекрасно воспитанный, к моменту вступления на престол обладал определёнными теоретическими познаниями по управлению государством и армией, имея при этом довольно богатую подготовительную практику. Блестящее образование соединялось у него с глубокой религиозностью и знанием духовной литературы, что было не часто у государственных деятелей того времени. Однако воцарение Николая произошло так стремительно, так неожиданно на его плечи легла колоссальная ответственность за судьбу России, что он счёл себя морально неготовым принять столь тяжёлую ношу.

Николай Александрович был человеком умным. Русский историк С.С. Ольденбург свидетельствовал: «Император Николай II обладал живым умом, быстро схватывающим существо докладываемых Ему вопросов – все, кто

Николай II 1896г.
Эрнест Липгарт

* Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая II, вспоминая, каким потрясённым был брат в момент смерти отца, писала: «Он был в отчаянии. Он то и дело повторял, что не знает, что будет с нами, что он совершенно не подготовлен управлять Империей. ... И в этой неподготовленности Ники был совершенно неповинен. Он был наделён умом, искренне религиозен и мужественен, но был совершенным новичком в делах управления. Ники получил военное образование. Его следовало подготовить к карьере государственного деятеля, но никто этого не сделал. Повинен в этом мой отец».

имел с Ним дело, свидетельствуют об этом в один голос. Царь имел исключительную память на лица и события. Он помнил в лицо большую часть людей, с которыми ему приходилось сталкиваться, а таких людей были тысячи». С людьми Государь общался уважительно и любезно, умел не просто расположить их к себе – он их очаровывал. Граф С.Ю. Витте, уже после отставки с поста председателя Совета министров, свидетельствовал: «Отличительные черты Николая II заключаются в том, что он человек очень добрый и чрезвычайно воспитанный. Я могу сказать, что я в своей жизни не встречал человека более воспитанного, нежели ныне царствующий Император». Недостаточно хорошо знавшие Государя принимали его мягкость и деликатность за безволие и слабость, но это было ошибкой. Анна Вырубова вспоминала: «Сколько раз я видела Государя, а во время путешествий и в Ливадии я видела его целыми днями, я никогда за двенадцать лет не могла настолько привыкнуть, чтобы не замечать его присутствия. В нём было что-

**Портрет супруги Николая II – императрицы Александры Федоровны – урожденной принцессы Алисы Виктории Елены Луизы Беатрис Гессен Дармштадтской (1872-1918).
Художник А. Маковский**

то такое, что заставляло никогда не забывать, что он Царь, несмотря на его скромность и ласковое обращение. ...Несмотря на доброту Государя, Великие Князья его побаивались». Николай настойчиво проводил в жизнь свои планы, если был уверен в их необходимости. Ольденбург замечает, что у «Государя, поверх железной руки, была бархатная перчатка. Воля его была подобна не громовому удару. Она проявлялась не взрывами и не бурными столкновениями; она скорее напоминала неуклонный бег ручья с горной высоты к равнине океана. Он огибает препятствия, отклоняется в сторону, но в конце концов, с неизменным постоянством, близится к своей цели».

Управлять огромной империей Николаю помогали поразительное самообладание и удивительная работоспособность, о которых упоминает баронесса Буксгевден: «Его день был распределён по минутам. Свет в его туалетной зажигался всегда ранее восьми часов утра. Выпив стакан чаю, выкурив

папиросу, он выходил в парк на короткую прогулку со своими “колибри” (породистые собачки), которые жили в конурах в саду, им не разрешалось входить внутрь дворца. Император был очень вынослив; только в самые холодные дни он надевал пальто, обычно он выходил в военной тужурке. ...После прогулки он заходил к Императрице, и немного ранее десяти часов начинался его деловой день. Первый разговор был с гофмаршалом, с которым он просматривал лист своих обязательств на текущий день. Ровно в десять часов начинались аудиенции министров. Каждого из них Государь принимал отдельно. Министры приносили с собой пачки бумаг, которые Государь оставлял у себя для внимательного чтения. На каждом документе он ставил свои заметки карандашом и зачастую просиживал до поздней ночи, чтобы ознакомиться со всеми бумагами. Его работа в течение Царствования всё время увеличивалась, так как появлялись новые министерства и департаменты».

Конечно, Николай совершал ошибки – идеальных правителей не существует. Но дело было не в его неопытности или неподготовленности, а в том совершенно новом, чрезвычайном историческом моменте, при котором Николай II стал Императором. Трагедия жизни последнего русского Царя состояла в неразрешимом противоречии между его глубочайшим убеждением хранить основы и традиции России и нигилистическими попытками значительной части образованных слоёв страны разрушить их, навязав иной путь развития – либо западноевропейского либерализма, либо западноевропейского марксизма. «Вера в Бога и в свой долг царского служения, – пишет историк С.С. Ольденбург, – были основой всех взглядов Императора Николая II. Он считал, что ответственность за судьбы России лежит на Нём, что Он отвечает за них перед престолом Всевышнего. Другие могут советовать, другие могут Ему мешать, но ответ за Россию перед Богом лежит на Нём. Из этого вытекало и отношение к ограничению власти – которое Он считал переложением ответственности на других, не призванных, и к отдельным министрам, претендовавшим, по Его мнению, на слишком большое влияние в государстве. “Они напортят – а отвечать мне”».

Верно и то, что уже через несколько лет правления Николая II отношение подданных к монархии резко изменилось. Объяснить это можно так: русский народ имел неясное представление о личности нового Императора. Ольденбург пишет: «Мощная фигура Императора Александра III как бы заслоняла Наследника Цесаревича от глаз внешнего мира. Конечно, все знали, что ему 26 лет, что по своему росту и сложению Он скорее в свою мать, Императрицу Марию Фёдоровну; что Он имеет чин полковника русской армии, что Он совершил необычное по тому времени путешествие вокруг Азии и подвергся в Японии покушению азиатского фанатика. Знали также, что Он помолвлен с принцессой Алисой Гессенской, внучкой королевы Виктории, что Его невеста прибыла в Ливадию перед самой кончиной Императора Александра III. Но облик нового Монарха оставался обществу неясным...»

Государыня Александра Фёдоровна, всей душой принявшая новую родину и православную веру, для многих так и осталась иностранкой. Она

Император Николай II и Императрица Александра Федоровна

появилась в России в недобрый час, в последние дни жизни любимого всеми сословиями Императора Александра III, и в народе утвердилось мнение, что молодая Царица приносит несчастье*. Замкнутая, не умеющая открыто проявлять чувства, стеснительная, не желавшая знать и видеть тех, кто не отвечал её представлениям о благонадёжности и добропорядочности, Александра Фёдоровна осталась непонятой и великосветским обществом. «Невольная её вина состояла в том, — писала близкая подруга Императрицы Лили Ден, — что она не отдавала себе отчёта в том, что в глазах своих подданных она должна сверкать и служить украшением, а не приносить пользу в обыденном смысле этого слова».

Свой долг Царица видела в активной благотворительной деятельности, стремясь помочь страждущим, больным и нищим. Она устраивала детские приюты, больницы, благотворительные базары, на которых продавались вещи, связанные и спитые её руками. В начале войны Александра Фёдоровна и Великие княжны Ольга и Татьяна стали сёстрами милосердия. Едва превозмогая боль (Александра Фёдоровна с юности страдала тяжёлой болезнью ног и сердца), она многие часы выстаивала за операционным столом, перевязывала раненых, была сиделкой. Не все понимали этот христианский порыв Государыни, многие осуждали её деятельность. Воспитатель Великих княжон Пьер Жильяр вспоминал: «Государыня знала о кампании, которая велась против неё, и страдала от этого, как от глубокой несправедливости, ибо она приняла своё отечество так же, как новую религию, со всем порывом своего сердца; она была русская по чувствам, так же как православная — по убеждению».

Самые могущественные властители, Император и Императрица российские, были счастливы только в семье, на этом островке мира и спокойствия. Им очень нравилось уединяться в Царском Селе, но ещё более в крымском имении.

**То обстоятельство, что Александра Фёдоровна вступила в столицу Российской империи за гробом усопшего монарха, вызвало в обществе много недоброжелательных пересудов. Генеральша А.В. Богданович записала в дневнике в 1901 году: «В народе водворилось понятие, что молодая царица приносит несчастье, и, к ужасу, можно сказать, это понятие оправдывается».*

Августейшая чета вновь приехала в Ливадию в 1898 году, в семье уже подрастали две очаровательные дочки Ольга и Татьяна. Александра Фёдоровна, став матерью, испытала восторженные чувства, которыми поделилась со своей сестрой Викторией: «Тебе пишет сияющая, счастливая мать. Можешь представить себе наше бесконечное счастье теперь, когда у нас есть наша драгоценная малышка, и мы можем заботиться и ухаживать за ней». Николай был горд новой ролью отца, чувствовал себя на вершине блаженства.

Отдых в Ливадии Император, как его отец и дед, сочетал с напряжённой работой: читал документы и прошения, поступавшие на его имя, принимал с докладами министров, иностранных послов, различные делегации. В 1898 году Россия, озабоченная усилением военных настроений в Европе, выступила с инициативой созвать мирную конференцию в Гааге. По повелению Николая II 12 августа 1898 года министр иностранных дел М.Н. Муравьёв обратился с циркулярной нотой к представителям держав, аккредитованным при русском правительстве, собраться на конференцию и обсудить вопрос, каким образом можно было бы «положить предел непрерывным вооружениям и изыскать средства предупредить угрожающая всему миру несчастья». Мир был удивлён столь необычным предложением, исходящим от великой державы*. Весь ноябрь и первую половину декабря в Ливадии проходила работа по формулировке российских предложений о сокращении и ограничении вооружений, о мирных средствах разрешения международных столкновений, с этой целью предлагалось создать «третейский суд», прообраз Лиги Наций и современной Организации Объединённых Наций. Восемь пунктов программы будущей конференции были изложены в ноте от 30 декабря 1898 года и рассмотрены в мае-июне 1899 года в Гааге**.

Правда, работа в Ливадии проходила неофициально, вдали от столичной суеты, жизнь протекала спокойно и просто, без пышных торжеств и гром-

**Правительства многих стран отнеслись скептически к предложению Российского Императора. 8 ноября из Ливадии Николай в письме Марии Фёдоровне выказал возмущение поведением Англии относительно Франции? Даже после того, как французы им уступили, англичане всё продолжают готовить флот на всякий случай! Нечего сказать, хороший и наглядный ответ на наше предложение об уменьшении вооружений народов. А как тебе понравились речи императора германского во время его путешествия по Палестине? Да, много странной вещей происходит в мире. Читаешь всё это – невольно плечами пожимаешь!»*

***На Гаагской мирной конференции присутствовали делегации из 27 стран Европы, Азии и Америки. Из-за позиций Германии и Франции не удалось договориться об ограничении военных бюджетов и численности армий. Однако первая Гаагская конференция имела важный для международного права результат: впервые был поставлен вопрос об ограничении вооружений до разумного предела и о пересмотре принципов применения самого вооружения в сторону уменьшения числа убитых и смещения баланса в пользу раненых. Кроме того, по итогам конференции, как исполнение конвенции о мирном разрешении международных споров и третейском посредничестве, был создан Гаагский международный суд. Когда в 1914 году было уже очевидно, что над Европой нависла небывалая по своим масштабам кровопролитная мировая война, ещё можно было всё исправить, как предлагал Николай II – достаточно было передать австро-сербский спор в Гаагский суд. Если бы такое предложение было поддержано основными политическими силами Европы, войны можно было бы избежать».*

Император Николай II, Императрица Александра Федоровна и их дочери Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия

партнёрами чаще всего становились офицеры и матросы яхты «Штандарт». Император любил ездить верхом, совершать продолжительные пешие прогулки по окрестностям, купаться в море даже в довольно прохладной воде, при температуре 15 градусов. Вечерами семья собиралась вместе, Николай читал вслух, часто устраивали домашние спектакли.

Император часто бывал в Массандре, осматривая винодельческое хозяйство, но лишь один раз, 4 сентября, ознакомился со строительными работами дворца. Отдав в 1895 году распоряжение достроить дворец, окончить внутреннюю отделку, но никаких новых построек не возводить, Николай II лично оплачивал оставшиеся работы, однако мало интересовался тем, как они продвигаются. Нежно любя Ливадию, Царская семья не планировала жить в другом месте. Лишь в память об отце Императоре Александре III, мечтавшем увидеть Массандровский дворец возрождённым, Николай решил завершить его строительство. С видимой неохотой он согласился выделить дополнительные средства на возведение подпорных стен, предохранявших от дождевых потоков и обвалов, и помещения для парового котла и динамомашин, чтобы обеспечить здание отоплением и электрическим освещением. Сдержанно записал в дневнике о поездке: «В 3 ч. все поехали в экипажах до Массандры. Там у ворот сели на лошадей и поднялись до дома, который более или менее закончен. Сам Месмахер водил нас. Осмотрев грот недалеко от дома, опустили на одну из нижних лужаек и там пили чай».*

*Работы по возведению Массандровского дворца продвигались медленно, только в марте 1902 года он был принят со множеством недоделок: отсутствовала мебель, внутреннее убранство, люстры.

ких речей. Николай записал в дневнике тот распорядок дня, которого семья обычно придерживалась на Южном берегу: «День мы проводим обыкновенно следующим образом: встаём в 8 1/2, кофе пьём на балконе и от 9 1/2 до 11 1/2 гуляем, я в это время купаюсь, когда вода не очень холодная. Аликс рисует, а я читаю до часу. Завтракаем с музыкой. Около 3-х отправляемся на большую прогулку, возвращаемся домой не раньше 6 или 6 1/2 ч. Я занимаюсь до 8 ч. Аликс в это время купает детей, кормит их и укладывает спать. После обеда (т.е. примерно в 9 час. вечера) процветает безик (вид карточной игры), в 11 1/2 расходимся и ложимся в 12 ч.».

Когда княжны подросли, любимым развлечением Царской семьи стал лунтеннис (теннис на траве), для чего в парке в 1902 году оборудовали специальную площадку. Заядлыми игроками были Николай Александрович и княжна Татьяна, их

Николай II, во всём старавшийся наследовать пример отца и продолжать начатую им благотворительную деятельность, откликнулся на просьбу молодой княжны М.В. Барятинской и выделил в 1898 году участок в Нижней Массандре для создания «Санатории в память Императора Александра III». К строительству санатория он отнёсся с большим интересом, чем к собственному дворцу: лично приезжал в Массандру, чтобы выбрать место, обсуждал проект с архитектором О.Э. Вегенером. Средства на возведение корпусов собирали по всей России, были у санатории и богатые пожертвователи: княгиня Н.А. Барятинская, княгиня З.Н. Юсупова, Императрица Мария Фёдоровна. В начале января 1901 года в присутствии Николая II и Александры Фёдоровны освятили первое здание санатории. Однако этим Царская чета не ограничилась, на территории Ливадийско-Массандровского Удельного Управления появились и другие благотворительные учреждения: «Ялтинская климатическая колония для слабых и болезненных детей имени Цесаревича Алексея Николаевича» в Ай-Даниле, «Санатория для чинов флота» в Массандре, получившая в честь Августейшей покровительницы имя Александрийской, в 1913 году там же начали возводить санаторию «для офицерских и классных чинов Военного ведомства». Ещё один санаторий, задумывавшийся Императрицей как «приют для туберкулёзных больных», архитектор Краснов строил уже в годы войны. Поэтому было решено разместить там раненых. В марте 1916 года лейб-медик Е.С. Боткин писал Александре Фёдоровне: «Дом Вашего Величества в Массандре чрезвычайно

Императрица Александра Фёдоровна на открытии санатория

удался, вполне обитаем, ...с 15 марта могут поступать раненые и больные».

Осень 1900 года Царская семья, как обычно, проводила в любимом имении. В день Высочайшего приезда, 18 сентября, на яхте «Амфитриды» прибыл греческий королевич Георгий. Отдых проходил прекрасно, несмотря на недомогание Александры Фёдоровны: она ожидала четвёртого ребёнка. В письме матери 10 октября Николай так описывает жизнь в Крыму:

«Моя милая дорогая Мама!

Мне было очень жаль, что я не написал тебе с греч. Джорджи, но пока он был здесь, мы постоянно сидели и гуляли вместе, так что я едва находил времени на чтение бумаг. Он тебе вероятно говорил про состояние Аликс! Она очень бережётся, больше лежит на кушетке на балконе, так как голова часто кружится и она боится тошноты.

Мы очень надеемся, что это неприятное чувство пройдёт скоро и что ей не придётся пролежать два месяца, как два года тому назад!

Кроме этого она, слава Богу, хорошо выглядит и ни на что не жалуется. Жаль, что начало бывает в чудном Крыму, потому что она никуда не выезжает, мы оба в разлуке во время прогулок и только едим вместе.

Но с другой стороны, стыдно жаловаться, для нея здесь конечно лучше, чем в Питере, она никого не принимает и весь день на воздухе!

Я себя чувствую великолепно, купаюсь каждый день, в воде 15°, делаю большие прогулки верхом с господами, часто езжу в Айтодор, там живёт целое семейство. Тётя Ольга к сожалению уезжает 15-го с Георгием и Минни**.*

*...наши дети здоровы и купаются по утрам в тёплой солёной воде внизу в большой ванне Анмама***. Они все очень выросли и маленькая бабу**** отлично ходит, но часто падает, потому что старшие сёстры толкают её и вообще, если не смотреть за ними, грубо обращаются с ней. ...На днях Сандро и я собираемся на два или три дня на охоту около Козмо-Дамиановского монастыря. Я там никогда не был. Буду думать о тебе, милая Мама, и о незабвенном Папа; мне так помнится как ему нравилось вспоминать об этой охоте. Оказывается там есть новый домик нарочно выстроенный для жилья во время охоты в горах. Надеюсь, погода будет хорошая; до сих пор она стояла идеальная, раз был сильный дождь, очень необходимый здесь. Этот раз погода теплее и лучше, чем в 1898 г.*

Из Ялты скучная публика начинает развезжаться; теперь прямо наказание проезжать через город, густые толпы стоят справа и слева, думаешь, что находишься в большом заграничном курорте...

Но теперь прощай, моя дорогая Мама.

Аликс и я Тебя крепко обнимаем. Христос с Тобой!

Всем сердцем Твой Ники».

*Греческая королева княгиня Ольга Константиновна.

**Великий князь Георгий Михайлович и его супруга Мария Георгиевна.

***Императрица Мария Александровна.

****Великая княжна Мария Николаевна.

26 октября Николай почувствовал себя нездоровым. Лейб-медик Гирш поставил диагноз – инфлюэнца, но состояние больного продолжало ухудшаться. По настоянию С.Ю. Витте, в Ливадию прибыл профессор Военно-медицинской Академии Попов, определивший у Императора брюшной тиф. Хотя в официальных бюллетенях врачи довольно оптимистично сообщали о состоянии здоровья Императора, болезнь приняла столь острую форму, что не исключалась возможность смертельного исхода. Встревоженная Мария Фёдоровна, гостившая в то время в Копенгагене, собралась в Крым ухаживать за сыном. Однако Александра Фёдоровна заявила, что прекрасно справится сама. Мосолов вспоминал: «Во время болезни Государя тифом в Ливадии Императрица явилась строгим цербером, не допуская к нему не только посторонних, но и тех, которых желал видеть сам Государь».

Положение оказалось столь серьёзным, что министр внутренних дел Сипягин пригласил в ялтинскую гостиницу «Россия» высших чиновников империи: министра финансов Витте, министра иностранных дел графа Ламздорфа, министра Двора и уделов барона Фредерикса и Великого князя Михаила Николаевича. Им предстояло обсудить сложный вопрос: если Император умрёт, кто займёт престол? Сына у Николая II не было, поэтому царский венец должен принять родной брат Государя Великий князь Михаил Александрович, но Александра Фёдоровна, ожидавшая ребёнка, вполне могла родить наследника. Однако Витте высказался вполне определённо: «На это я указал, что законы престолонаследия такого случая не предвидят, да, думаю, и предвидеть не могут, так как если Императрица и находится в интересном положении, то никоим образом нельзя предвидеть, какой будет конечный результат этого положения, и что, во всяком случае, по точному

Юные княжны Татьяна, Ольга и Мария на руках у няни на пляже в Ливадии. 1900 г.

**Николай II и Александра Федоровна
на прогулке**

смыслу закона немеленно вступает на престол Великий князь Михаил Александрович. Невозможно поставить империю в такое положение, чтобы в течение, может быть, многих месяцев страна самодержавная оставалась без самодержца. что из этого совершенно незаконного положения могут произойти страшные смуты.

Мои собеседники несколько раз просма-

тривали и читали законы, которые, безусловно, подтверждали моё мнение». Невероятно, но в обход законов о престолонаследии, утверждённых Павлом I, предлагалось передать трон старшей Царевне Ольге Николаевне.

Крепкий организм Николая Александровича справился с тяжёлой болезнью, 28 ноября Государь почувствовал себя лучше. В письме он успокаивает волновавшуюся матушку: *«Благодаря Бога я перенёс свою болезнь легче, чем многие другие бедные больные. Уверяю тебя, милая Мама, что я себя чувствую совсем бодрым и достаточно крепким. Я всё время мог стоять на своих ногах и теперь хожу между постелью и стулом совершенно свободно, ноги не дрожат, хотя оне очень похудели. В еде я весьма осторожен и строго исполняю предписания докторов. К счастью у меня нет того волчьего аппетита, который обыкновенно бывает у выздоравливающих от тифа. Про мою дорогую жёнушку я могу сказать, что она была моим ангелом-хранителем и смотрела за мною лучше, чем всякая сестра милосердия!..»*

Царская семья решила до полного выздоровления Николая остаться в Крыму. Спустя две недели врачи рекомендовали ему совершать пешие прогулки, но лишь по горизонтальным дорогам. Император распорядился проложить ровную дорожку от «Розовых ворот» в Ливадии до Верхней Ореанды. Туда уже вела тропа от имения Великого князя Александра Михайловича Ай-Тодор, очень живописная, проходившая среди виноградников, скалистых склонов и горного леса. Строительство велось быстро, и выздоравливающий Николай Александрович мог увеличивать физическую нагрузку, гуляя по всё более удлинявшейся Горизонтальной тропе*. Работы по её созданию были завершены в 1901 году. Протянувшаяся на 6711 м, на 135-140 м

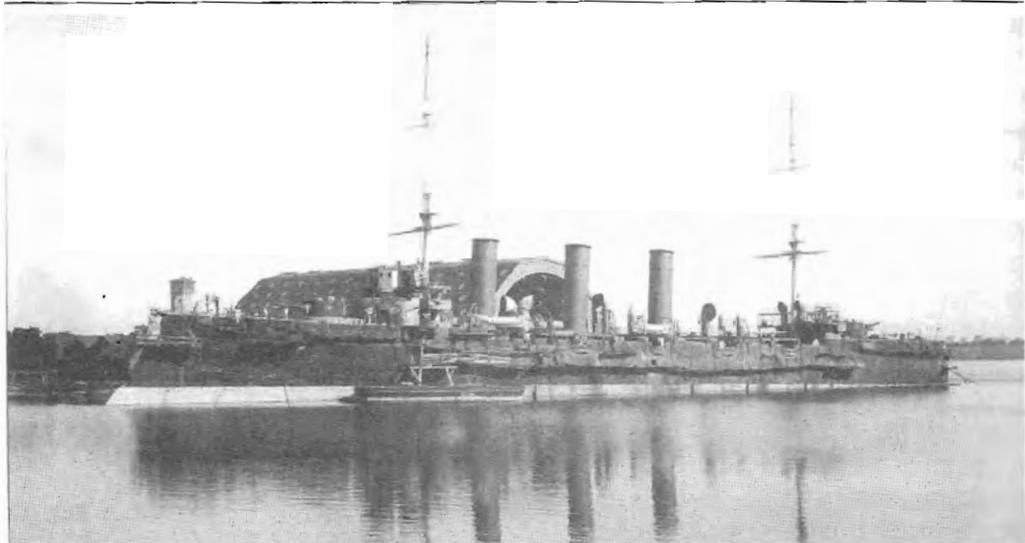
*Теперь эта тропа называется Солнечной.

над уровнем моря, устроенная без трудных спусков и подъёмов, тропа стала любимым местом отдыха Царской семьи. По ней можно было пройти неспешным шагом за 2-3 часа в соседние имения Великих князей Чаир, Кичкинэ, Харакс. Прогулки совершали даже в самый жгучий полдень летнего дня, когда солнце печёт неумолимо. Дело в том, что на всей протяжённости тропы её обступают деревья, под кроной которых всегда приятная прохлада. С каждым поворотом открывается новый вид на море, сливающееся на горизонте с голубизной неба, на горы, покрытые удивительной крымской растительностью, виноградники. Впрочем, не все прогулки совершались по комфортной новой современной дороге. Часто Императорская семья просто отправлялась в горы, а зачастую им приходилось месить грязь неустроенных крымских дорог. Тогда в пути помогали тросточки. Их брали с собой и мужчины и женщины, они помогали преодолевать крутые склоны и исследовать глубину близлежащей лужи. Набалдашники в таких тросточках были драгоценными, например, у одной из Великих княжон он по форме напоминал голову утки со стеклянным глазом и золотым клювом.

В тот год единственный раз Царская семья праздновала Рождество и Новый год в Ливадии. Россия вступала в новый век, однако во дворце не устраивали шумных праздников: по случаю кончины дальнего родственника, герцога Саксен-Веймарского, Николай II объявил при дворе траур на две недели. Здоровье Государя окрепло и более не вызывало тревог, Романовы собирались в Петербург. Однако события «тайной ялтинской» конференции, о которой Александра Фёдоровна, безусловно, знала, заставляли волноваться. Если с её Ники что-либо случится, она останется совершенно беззащитной и никому не нужной, в качестве «вдовствующей Императрицы» ей придётся доживать свой век в самом незавидном положении. Только рождение сына может защитить её. Александра Фёдоровна всем сердцем желала подарить любимому мужчине и империи наследника престола. Государыня, в попытках вымолить у провидения сына, всё более и более погружается в экзистенцизм. Во дворце появляются «бо-

Портрет императора
Николая II. 1900
Художник Эрнест Липгард

Крейсер «Очаков» у достроечной стенки

жьи люди», а подружки молодой царицы черногорские принцессы Анастасия и Милица знакомят её с месье Филиппом, способным творить чудеса. Однако, несмотря на его предсказания, 5 июня 1901 года в Петергофе у Царской семьи вновь рождается дочь. «Какое разочарование! 4-я девочка! Её назвали Анастасия. Мама мне телеграфировала о том же и пишет: «Аликс опять родила дочь!»» – так отреагировала на это событие Великая княгиня Ксения Александровна, тётя появившейся на свет малышки.

Осенью 1902 года Романовы вновь отправились в Крым. Высочайший приезд начался 1 октября с торжеств в Севастополе по случаю спуска на воду крейсера «Очаков»*. Прибыв в Ливадию, Царская семья обнаружила немалые изменения. Архитектор Удельного Ливадийско-Массандровского управления А.А. Бибер в течение 1901-1904 гг. возвёл в имении новые здания: дома Министра двора барона В.Б. Фредерикса, высших офицеров охраны, учителей и ресторатора, прачечную. Усовершенствовались и старый дворец, в нём появилось центральное отопление, несколько станций вырабатывали электрический ток, которым освещали дворцы и все здания гоф-маршальской и служительской частей, телефонная связь соединила Ливадию с Петербургом и Москвой.

4 декабря 1902 года Императорская семья присутствовала на торжественном освящении нового собора в Ялте, возведённого в память Царя-мученика Александра II. Императрица Мария Фёдоровна не нашла душевных сил

*Широкую известность крейсер получил в 1905 – 1907 гг., команда корабля стала активным участником революционных событий в Севастополе. 28 ноября 1905 года на крейсер «Очаков» прибыл Шмидт, поднял на нём красный флаг и вымпел «Командую флотом» и отправил Николаю II телеграмму, в которой сообщил, что Черноморский флот Царю не подчиняется до тех пор, пока не будет создано Учредительное собрание. После подавления восстания крейсер переименовали в «Кагул». Однако в рабочем кабинете Николая II в Ливадийском дворце хранилась большая фотография «Спуск крейсера «Очаков» в Севастополе».

приехать в Крым, она прислала телеграмму: «Радуюсь всем сердцем освящению собора, при закладке которого я присутствовала в 1891 году, вспоминая всех трудившихся при его основании и с отрадою думая о молитвах, которые отныне за всех в нём будут возноситься». Николай II и Александра Фёдоровна приложились к святому кресту, затем Император возжёт лампаду. Был совершён крестный ход вокруг собора и в нижний храм за святыми дарами. После литургии всё духовенство вышло на середину храма и провозгласило многолетие Дому Романовых, а затем вечную память Императорам Александру II и Александру III, Государыне Марии Александровне и Великому князю Георгию Александровичу, умершему на Кавказе. Провозгласили многолетие и строителям храма и всем православным христианам. Новый храм поразил своей оригинальностью: «Сооружение храма исполнено превосходно, фундаментально, прочно и стильно: русский стиль выдержан замечательно» – таково было мнение комиссии, принимавшей храм.

В 1904 году управляющий Ливадийским имением В.Н. Качалов в рапорте Главному Управлению Уделов сообщил о результатах осмотра компетентной комиссией здания дворца. Быяснилось, что из-за недостаточного дренажа отсырели подвальные помещения, повышенная влажность разрушает стены комнат и полы первого этажа. Необходимо было решить: либо провести во дворце капитальный ремонт, либо полностью его разобрать и возвести новый. «Между тем, – писал В.Н. Качалов, – существующие ныне политические обстоятельства, которые едва ли могут разрешиться в скором времени, по всей вероятности, должны отсрочить решение вопроса постройки нового дворца на довольно продолжительное время...» Действительно, в годы русско-японской войны и первой русской революции семья Николая II сочла невозможным приезжать на отдых в Крым.

В. кн. Мария, Анастасия, Ольга, Татьяна, Император и Императрица в окружении свиты на газоне Ливадийского дворца. Сентябрь 1909г.

Цесаревич Алексей

В 1904 году случилось, наконец, то, чего все так долго ждали, о чём молились: на свет появился наследник Алексей. Однако вскоре за радостью пришла беда. Выяснилось, что мальчик страдает страшным и неизлечимым заболеванием – гемофилией. Из-за плохой свёртываемости крови каждый ушиб мог привести к внутреннему кровоизлиянию, каждая рана сделаться опасной для жизни. Эта болезнь передаётся по материнской линии, поэтому Александра Фёдоровна чувствовала огромную вину перед сыном. Услышав окончательный диагноз докторов, она постарела на несколько лет; не обладая общительным характером, стала ещё более замкнутой и отчуждённой, на её лицо легла печать трагизма. Не веря в помощь врачей, отчаявшаяся мать ещё чаще обращается к Богу. Во время приступов болезни не отходит от кроватки Алексея, проводит часы в беспрестанной молитве. Когда при дворе появился Григорий Распутин и выяснилось, что путём внушения он лучше справляется с болезнью, чем самые лучшие доктора, у Александры Фёдоровны появилась надежда. Она увидела в старце человека, от которого зависит жизнь её горячо любимого сына. Могла ли она подумать, что этот человек сыграет трагическую роль в судьбе её семьи и всей России? Но это произойдёт позже.

Следующий Высочайший приезд на Южный берег состоялся в сентябре 1909 года. Осень радовала тёплой, солнечной погодой. В письмах к Марии Фёдоровне Николай описывает, с каким удовольствием он купается в море,

Встреча Николая II с представителями местного земства в Ливадийском дворце. 1909 г.

совершает дальние прогулки, участвует в археологических раскопках древнеримской крепости Харакс с кузеном Сандро, – даже неудачи не огорчают его: «Они находят интересные вещи, когда меня там нет». В дневниках и письмах Император описывает поездки на «моторе». Интересно, что Николай, увидев впервые автомобиль, был неприятно поражён этим «железным монстром», ему крайне не нравились шум и пыль, поднимаемые машиной во время езды. «Пока я живу в Ливадии, автомобили не должны появляться в Крыму», – заявил Император. Однако в 1903 году во время визита в Германию он вместе с братом Императрицы Эрнстом Гессенским несколько раз выезжал в авто – и предрешение исчезло. А начальник военно-походной канцелярии князь В.Н. Орлов, прекрасно управлявший автомобилем, взял на некоторое время обязанности личного шофёра Императора. Постепенно Николай Александрович влюбился в это изобретение человечества, через несколько лет у него образовался один из самых обширных автомобильных парков в Европе.

Николай II в новой униформе рядового пехотинца сделал два марш-броска. Ливадия, 1909 г.

Любимым занятием Царя стало катание на автомобиле в Крыму, по извилистым дорогам вдоль гор и моря. В 1909 году в имении архитектором Г.П. Гушиным были построены гараж на 2 автомобиля и склад для горючего. Однако место, выбранное для строений, оказалось неудачным, в 1910-1912 годах зодчий возвёл на склоне Чайной горки гараж на 25 машин.

Тогда же решилась судьба Большого дворца. Стало ясно, что ни устройство дополнительного дренажа, ни обновление фундамента у дворцовой церкви, ни ремонт комнат не дали результатов. Решили полностью снести старое здание и возвести на его месте более комфортабельный и просторный дворец. Составить проект и возглавить строительство Николай II поручил архитектору Николаю Петровичу Краснову*. Стиль будущего дворца Император определил сам.

6 октября Государь направился из Ливадии в Италию, с запланированным визитом к королю Виктору-Эммануилу III. Королевская семья радушно приняла русского Императора в загородной резиденции Ракониджи близ Турина и показала ему все достопримечательности старинного пьемонтского

*Краснов Николай Петрович (1864 - 1939) - академик архитектуры, главный архитектор Ялты, автор многих великокняжеских имений в Крыму.

владения Савойского королевского дома. Более всего Николаю понравился дворец в стиле раннего Итальянского ренессанса, и по возвращении спустя две недели в Ливадию он выказал желание, чтобы его новый дом возвели именно в этом стиле.

Краснов с энтузиазмом взялся за дело; начиная с 27 октября и до отъезда Романовых 16 декабря, он частый гость во дворце. В дневнике Николая появляются записи: «Разговаривал с архитектором Красновым относительно плана будущего дома...»; «Долго ходил по саду с Красновым и старшим садовником, обсуждая разные вопросы постройки домов и изменения направления большой проезжей дороги...» И 10 декабря: «До завтрака у нас были Кочубей и Краснов с планами нового дворца». Обсудив внешний вид и внутреннее убранство залов, 12 декабря Царская чета окончательно утвердила проекты новых зданий в имении. Однако впоследствии Николай Александрович и Александра Фёдоровна передавали архитектору письменные указания изменить некоторые детали.

На руководителя строительством Краснова была возложена «единоличная ответственность за полностью самостоятельную работу по возведению в Ливадии нового дворца, свитского дома и кухни с меблировкой этих зданий, с переустройством старого свитского дома в Гофмаршальский, с прокладкой новой главной подъездной дороги и с переустройством прилегающей к дворцу части Ливадийского парка». Ему также надлежало сделать полный ремонт Крестовоздвиженской церкви. Второму ведущему архитектору Г.П. Гушину поручалось строительство комплекса технических сооружений и жилых домов для обслуживающего персонала. Все строительные работы и отделку внутренних помещений предполагалось завершить к августу 1911 года.

Анастасия и Алексей на террасе старого Ливадийского дворца. 1909 г.

Уже 21 января 1910 года принялись ломать старый дворец и кухонный корпус, бережно сохраняя какие-то детали, чтобы дать им вторую жизнь в новом доме. Так, мраморные вазы с карнизного парапета Краснов позже разместил на подпорной стене напротив южного фасада, фонтан «Мария» – в Мавританском дворике. Через полтора месяца начали закладывать фундаменты для новых зданий. 23 апреля, в день тезоименитства Императрицы Александры Фёдоровны, состоялась церемония освящения основания Большого Ливадийского дворца. После торжественного молебна в специально подготовленное в фундаменте место опустили стеклянный цилиндр с запаянным в него пергаментом с текстом и серебряную доску, на которой выгравировали надпись:

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа. В лето от Рождества Христова одна тысяча девятьсот десятое, при Благочестивейшем Самодержавнейшем Великом Государе Императоре Николае Александровиче и супруге Его Благочестивейшей Государыне Императрице Александре Фёдоровне и Матери Его Благочестивейшей Государыне Императрице Марии Фёдоровне, Наследни-

Александра Федоровна со старшими дочерьми в Массандре. 1909 г.

Капитан Дрентельн катает Анастасию и Марию на ручной тележке. Ливадия 1909 г.

ке Его Благоверном Государе Цесаревиче и Великом князе Алексее Николаевиче, Благоверных Государынях и Великих княжнах Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии Николаевнах повелением Его Императорского Величества, в шестнадцатый год благополучного Его царствования, 23 апреля, в День Тезоименитства Августейшей супруги Его Государыни Императрицы Александры Фёдоровны; в бытность Министром Императорского двора и Уделов генерал-адъютанта, генерала от кавалерии барона Владимира Борисовича Фредерикса и начальником Главного Управления Уделов

генерал-адъютанта, генерал-майора князя Виктора Сергеевича Кочубея, при управляющем Ливадийско-Массандровским Удельным Управлением: действительном статском советнике Владимире Николаевиче Качалове, заведывающим Ливадийскими дворцовыми зданиями полковнике Петре Николаевиче Янове и при строителе классном художнике архитектуры Николае Петровиче Краснове, по совершении молебствия местным ялтинским и удельным духовенством, положено в основание сему Императорскому Дворцу в имении Его Величества «Ливадия» по проекту, составленному согласно личным указаниям Их Императорских Величеств, архитектором Н.П. Красновым».

Затем духовенство крестным ходом с пением молитвы «Христос Воскрес» обошло все начатые постройки и новую дорогу, окропляя святой водой. Церемония закончилась исполнением гимна «Боже, Царя храни» и восторженными криками «ура». Для рабочих устроили праздничный обед, накрыв столы прямо перед дворцом, каждому вручили в подарок ситцевую рубашку.

В невероятный срок – всего 17 месяцев – архитектору Краснову удалось

Архитектор Н.П. Краснов

создать прекрасный, очень уютный и комфортабельный дворец. Центром постройки стал большой внутренний двор – патио, почти такой же, какие украшали палаццо Флоренции и Венеции XV-XVI вв. Стройные колонны тосканского ордера, лёгкая, изящная аркада, ажурные ворота итальянской работы, мраморные диваны с резным орнаментом высоких спинок и подлокотниками в виде грифонов, тяжёлые фонари, свисающие со сводов галереи, сделали Итальянский дворик самым прелестным уголком дворца. Восемь дорожек сбегают к центру, где архитектор установил античный колодец.

Ни один из четырёх фасадов дворца не похож на другой, и всё же общий архитектурный стиль выдержан изумительно. Отказавшись от строгой симметрии, Краснов придал дворцу живость и выразительность, сохранив удивительную стройность и гармонию. Многочисленные балкончики,

террасы, открытые галереи, большие окна и солярий на крыше открыли доступ солнцу и свету. Можно подробно описывать, используя архитектурные термины, облик Ливадийского дворца, но так и не сумеешь передать словами его прелестное очарование, изящную красоту, нарядную торжественность и какое-то поистине магическое притяжение. Сам же Краснов о своём главном творении высказался кратко: «Проектирован и выполнен в стиле итальянского Ренессанса из штучного инкерманского камня, со всеми орнаментальными частями, высеченными из того же камня. Здание дворца имеет 116 отдельных помещений, один большой внутренний двор и три малых световых двора. Парадные официальные комнаты дворца отделаны и меблированы в том же стиле». Он, волнуясь, ждал, что скажут хозяева о своём доме.

Осенью 1911 года Царская семья собиралась на отдых в Крым с особым чувством нетерпеливого, радостного ожидания: им предстояло увидеть новый дворец. Прибыв в Севастополь 7 сентября, решили задержаться. В письме к матери Императрице Марии Фёдоровне Николай II объяснил, почему он отложил приезд в Ливадию: *«Многие из господ ездят в Ливадию и привозят очень приятные известия о новом доме; его находят красивым снаружи, уютным и удобным внутри. Мы приедем туда к 20-му, как просит нас архитектор Краснов; раньше не стоит, так Аликс лучше отдохнёт на яхте, чем в доме с неустроенными комнатами»*.

День 20 сентября выдался погожим, тёплым. Император с семьёй прибыл на яхте «Штандарт» в Ялту. На набережной, убранной гирляндами цветов и зелени, и по пути следования царского кортежа собралась многотысячная толпа, восторженно приветствовавшая Их Императорские Величества. Две открытые коляски повезли хозяев Ливадийского имения к новому дворцу, у которого на площади перед восточным фасадом выстроился почётный караул от 13-го лейб-гренадёрского Эриванского полка при знамени, оркестре и хоре. Управляющий В.Н. Качалов поднёс Их Величествам хлеб-соль на фарфоровом блюде с изображениями четырёх дворцов различных эпох и произнёс краткое приветствие: «Ваше Императорское Величество! Верные

Белокаменный дворец превзошел все ожидания

слуги Вашего Величества, служащие и рабочие имения «Ливадия» встречают Вас, всемилостивейший Государь, нашего державного хозяина, с благоговейной радостью и усердно просят Ваше Императорское Величество при вступлении в новый Ливадийский дворец принять от нас по исконно русскому обычаю хлеб-соль». Затем Августейшее семейство последовало в Крестовоздвиженскую церковь на молебен.

Белокаменный дворец превзошёл все ожидания, Николай Александрович делится впечатлениями с матерью Императрицей Марией Фёдоровной: «Мы не находим слов, чтобы выразить нашу радость и удовольствие иметь такой дом, выстроенный именно так, как хотели. Архитектор Краснов – удивительный молодец. Подумай, в 16 месяцев он построил дворец, большой свитский дом и новую кухню. Кроме того он прелестно устроил и украсил сад со всех сторон новых построек вместе с нашим отличным садовником, так что эта часть Ливадии очень выиграла. Виды отовсюду такие красивые, особенно на Ялту и на море. В помещениях столько света, а ты помнишь, как было темно в старом доме... Что редко бывает – Краснов сумел угодить всем: дамы, свита и даже *femmes de chambre* (горничные) и люди довольны своими помещениями. Все приезжающие после осмотра дома в один голос хвалят то, что видели, и, конечно, самого виновника – архитектора».

Николай II остался доволен и служебными постройками, возведёнными по проектам и под руководством архитектора Г.П. Гуцина. Император преподнёс Глебу Петровичу золотой портсигар, украшенный бриллиантами и сапфирами, со словами благодарности: «Мне все говорят, что у меня в Ливадии – гараж лучший в Европе. Мне это лестно слышать и приятно сознавать. Осмотрев отличную конюшню, красивую электрическую станцию, милый театр и превосходный гараж, считаю нужным выразить Вам за них свою благодарность. Благодарю Вас за труды, положенные за последние годы в моём имении». На въезде установили знак, объявляющий, что имение является собственностью Императрицы Александры Фёдоровны. Это был подарок любящего супруга. Ливадия стала единственным личным недвижимым имуществом Государыни.*

В Ливадийском дворце, предназначенном для летнего отдыха, парадных залов было пять, второй этаж – жилые комнаты и покои, оформленные в модном тогда стиле модерн. Хозяева быстро и с любовью обживали свой новый дом, стены, обитые тканями, украсили домашние фотографии, картины, на полочках и столиках разместили милые безделушки, книги, альбомы. В восточном углу Императорской спальни Александра Фёдоровна развесила множество икон, перед которыми теплились лампы. Императрица, боясь за жизнь самого любимого из детей и часто болевшего Наследника Алексея,

**Архитектор Н.П. Краснов, главный «виновник торжества», 5 октября 1911 года был пожалован в Архитекторы Высочайшего Двора и награждён орденом Св. Владимира IV степени, 6 декабря причислен к Главному Управлению Уделов с возложением на него «технического наблюдения за всеми строительными и мебельно-обойными работами во дворцах и прилегающих к ним постройках». В октябре 1913 года избран Петербургской Академией художеств академиком и утверждён в чине надворного советника.*

временами становилась набойной затворницей, чтобы вымолить сыну здоровье. Александра Фёдоровна сама занималась воспитанием дочерей, воспитательниц не было, так как Государыня «опасалась видеть кого-нибудь, ставшего между нею и её дочерьми». Однако зачастую здоровье не позволяло ей вести активный образ жизни, свойственный молодым девушкам, поэто-

Мария и Анастасия на пляже у подножия горы Аюдаг.

му княжны нередко были предоставлены сами себе. Но сложа руки никогда не сидели: все дочери шили, вышивали, даже в Крыму продолжались занятия, расписание которых утверждала сама Императрица. Она пригласила полюбившегося семье зодчего Краснова давать Великим княжнам уроки живописи. Цесаревич Алексей занимался в своей комнате, Великие княжны – в специально отведённых классах. Невероятным чудом можно считать то, что на школьной доске сохранились написанные рукой Алексея арифметические упражнения. Служитель Ливадийского дворца грек Маропуло сохранил их, закрывая бумагой. Вся семья собиралась в Малой столовой за завтраками, обедами, чаепитиями, куда приглашались только очень близкие люди. Комнаты украшали живые цветы, а в раскрытые окна вливался благоухающий аромат парковых растений.

Александра Федоровна во время благотворительного базара в Ялте. 1911 г.

Александр Алексеевич Ханжонков

Через несколько дней после приезда Императорской семьи в Ялте в актовом зале Мужской гимназии открылся первый благотворительный базар, организованный по поручению Александры Фёдоровны фрейлиной княжной Е. Н. Оболенской. Подготовка к нему началась ещё в Петербурге, вещи постарались привезти для продажи оригинальные, привлекательные, но недорогие, доступные большей части ялтинской публики. Для этой цели в Париже заказали духи, одеколоны, туалетное мыло, из Стокгольма привезли брелоки, броши, портсигары, бонбоньерки, из Петербурга – вазы и кружки из художественного стекла. А канцелярия Её Величества подготовила для продажи свыше 10 тысяч открыток с фотографиями Императора и членов Августейшего семейства.

Роль продавцов взяли на себя дамы из многих знатных и состоятельных семей, но, конечно, внимание всех было приковано к центру зала, где Императрица с дочерьми предлагала публике собственноручные изделия. «Вокруг непрерывной волной переливалось море человеческих голов. В его переливах смешалось всё: мундиры придворных и гражданских чинов, скюртуки и дамские туалеты публики... Все, кому выпало счастье быть на этом базаре, были полны желания купить какую-нибудь вещь и получить её непосредственно из рук Царицы». Общая выручка от базара составила свыше 40 тысяч рублей, деньги передали в различные благотворительные

**А.А. Ханжонков (1877 – 1945) – выдающийся русский предприниматель, организатор кинопромышленности, продюсер, режиссёр, сценарист. Весной 1917 года в Ялте акционерное общество «Ханжонков и К°» открыло киносъёмочную базу. В 1919 году её национализировали, так возникла единая государственная Ялтинская кинофабрика.*

В 1920 году Ханжонков эмигрировал, после возвращения служил консулянтном Госкино, заведующим производством Пролеткино. По обвинению в хищениях был арестован, по приговору суда лишён политических прав, с работой в кино пришлось расстаться. Прогрессирующий ревматизм, приковавший его к инвалидной коляске, заставляет переехать на юг, в Ялту. В 1934 году Ханжонков обращается к председателю кинофотоуправления Борису Шумяцкому с письмом, в котором пишет: «...Моё положение и в моральном и в материальном отношении стало настолько невыносимо, что я решился обратиться <...> с просьбой помочь мне найти выход из такового... Прошу своим авторитетным словом поддержать мой труд и помочь мне войти в рабочую семью Советской кинематографии полноправным её членом. Вне этого предо мною остаются лишь перспективы на дальнейшее ухудшение моего здоровья, вызываемого постоянной нуждой, и в конечном итоге – смерть от недоедания, на которую я здесь оказался обречённым вместе со своей женою.» Письмо возымело действие – Ханжонков был реабилитирован и получил правительственную персональную пенсию. В последние годы жизни он занимался написанием мемуаров. Его воспоминания частично опубликованы в книге «Первые годы русской кинематографии» (1937). Александр Алексеевич Ханжонков скончался 26 сентября 1945 года, пережив немецкую оккупацию, похоронен на Поликуровском кладбище.

общества и комитеты Ялты. А по завершении базара 27 сентября здесь же, в здании Мужской гимназии, состоялся бал, на котором впервые в жизни присутствовали Великие княжны.

И ещё одно интереснейшее событие российской культурной жизни произошло тогда в Ливадии: в театре, переоборудованном в кинозал, в присутствии Царской семьи, всего обслуживающего персонала, солдат и офицеров охраны, впервые демонстрировался исторический полнометражный фильм «Оборона Севастополя», созданный крупным русским предпринимателем Александром Алексеевичем Ханжонковым и режиссёром Василием Михайловичем Гончаровым. Николай II дал Высочайшее соизволение на то, чтобы съёмки проходили в Севастополе при участии воинских частей и флота. Ханжонков волновался невероятно: ведь ему впервые в этой картине пришлось выступить в роли режиссёра. Неожиданно в самый разгар работы Гончаров отказался от съёмок батальных сцен: то ли испугался, то ли реально оценил свои силы – причин он не объяснил. Полномасштабные съёмки с участием целой армии, пиротехническими эффектами – дело было абсолютно новое. И что было делать? Отступать-то некуда, Ханжонков взял эту задачу на себя.

Впрочем, всё обошлось. Финальная сцена – встреча с ветеранами, участниками тех далёких и трагических событий – вызвала большое потрясение. Русские, французы, англичане, специально приглашённые в Севастополь, седые старики и старушки со сморщенными лицами, но с орденами и медалями на груди выходили по очереди из фронтально развёрнутого перед камерой строя, делали несколько шагов к киноаппарату и с великим достоинством кланялись зрителям. Николай II был растроган: перед ним навтыяжку встала старая императорская гвардия, люди, не щадившие жизни ради славы Севастополя и Черноморского флота – того самого флота, который Россия столько раз теряла и возрождала заново. Фильм закончился, в зале раздались аплодисменты, и, как написала газета «Русское слово»: «Его Императорское Величество изволил осчастливить Ханжонкова милостивыми расспросами».*

В этот же приезд князя Юсуповы пригласили Императора посетить их имение в Коккозе (ныне с. Соколиное Бахчисарайского района), где недавно Н. П. Краснов построил «охотничий дом», в архитектуре которого использовал татарские мотивы. В имение отправились через горы, привал на Ай-Петри доставил всем путешественникам неописуемое удовольствие. Но ещё больший восторг они испытали при виде живописной Коккозской долины: в очертаниях гор Бойка и Орлиный залёт, в склонах ущелья угадывались причудливые силуэты то ли птиц, то ли диковинных животных; вековые буковые леса, милые рощицы сменялись красивыми полянами, голубая лекта реки вилась вдоль садов. Дом, открывшийся неожиданно взору гостей, привёл в восхищение: белые стены, крыша, покрытая блестящей майоликовой черепицей цвета морской волны, стрельчатые окна, украшенные ажурными пере-

*Позже Ханжонков был награждён орденом Святого Станислава второй степени, орденом золотой булавкой с бриллиантами. Гончаров – медалью «За усердие» и золотыми запонками с драгоценными камнями.

Юсуповский дворец в Соколинном

плётами. В гостиной тоже всё было исполнено в восточном вкусе: яркие ткани покрывали диваны и стены, мебель, скопированная со старинной татарской, раскрашена красными, синими и зелёными цветами, одну из стен украшал фонтан – точное воспроизведение фонтана Слёз в Бахчисарайском Ханском дворце. Николай II писал матери, Императрице Марии Фёдоровне, 9 ноября 1911 года: «Неделю назад Юсуповы пригласили Ольгу, Татьяну и меня в их новое имение Коккоз... по ту сторону Ай-Петри. Дом, только что выстроенный арх. Красновым в старом татарском стиле; очень красиво и оригинально»*.

Осенью 1911 года Царская семья готовилась к важному событию: старшей дочери Ольге исполнялось шестнадцать лет. Она расцвела и дивно похорошела: высокая, с тёмно-синими глазами, пышными русыми волосами – настоящая русская красавица. Августейшие родители гордились ею, но лёгкая грусть всё же посещала их сердца в этот счастливый день: их девочка стала взрослой. 15 ноября в Ливадийском дворце состоялся праздник, о котором Анна Вырубова вспоминает так: «В эту осень Ольге Николаевне исполнилось шестнадцать лет, срок совершеннолетия для Великих Княжон. Она получила от родителей разные бриллиантовые вещи и колъе. Все Великие Княжны в шестнадцать лет получали жемчужные и бриллиантовые ожерелья, но Государыня не хотела, чтобы Министерство Двора тратило столько денег сразу на их покупку Великим Княжнам, и придумала так, что два раза в год, в дни рождения и именин, получали по одному бриллианту и по одной жемчужине. Таким образом, у Великой Княжны Ольги образовалось два колъе по тридцать два камня, собранных для неё с малого детства.

Вечером был бал, один из самых красивых балов при Дворе. Танцевали внизу в большой столовой. В огромные стеклянные двери, открытые

* В 1914 году Феликс Феликсович Юсупов-младший сочетался браком с Ириной Александровной, дочерью Великого князя Александра Михайловича и Ксении Александровны, племянницей Николая II, в качестве свадебного подарка невеста получила от родителей жениха изумительной красоты участок горного леса близ Коккоза «Орлиный залёт» с построенным на нём ранее Красновым чайным домиком в татарском стиле.

настежь, смотрела южная благоухающая ночь. Приглашены были все Великие Князья с их семьями, офицеры местного гарнизона и знакомые, проживавшие в Ялте. Великая Княжна Ольга Николаевна, первый раз в длинном платье из мягкой розовой материи, с белокурыми волосами, красиво причёсанная, весёлая и свежая, как цветок лилии, была центром всеобщего внимания. Она была назначена шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка, что её особенно обрадовало. После бала был ужин за маленькими круглыми столами».

Как, должно быть, счастлива была юная Царевна танцуя в паре со стройным молодым лейб-гвардейцем, плавно кружась в вихре вальса и понимая, что все гости, почтительно расступившись, смотрят на них с восхищением! Замерли, позабыв о музыке, родители; Николай Александрович и Александра Фёдоровна трепетно наблюдают за дочерью, чей лёгкий силуэт кажется почти воздушным на фоне белоснежных стен Парадной столовой. В тот день и сама Царевна, и её любящие родители думали, что ещё не раз Ольга будет блистать на балах. Никто и представить не мог, что так счастливо начавшаяся жизнь русской принцессы оборвётся трагически всего через несколько лет.

В трудные годы напряжённой политической борьбы и антираспутинской кампании Николай II ищет спокойствия именно в Ливадии. Председатель Совета министров В.Н. Кокцов отмечал: «Государь не любил предупреждать заблаговременно членов правительства о своём отъезде в Крым». Случайно узнав весной 1912 года о скором отъезде царской семьи, Кокцов недоумевает: в думе решаются важные дела, касающиеся финансирования программ развития флота и армии, и требующие согласования с Императором. Однако Николай II объясняет: «Я просто задыхаюсь в этой атмосфере сплетен, выдумок и злобы. Да, я уезжаю, и притом очень скоро, и постараюсь вернуться как можно позже... Пишите мне в Крым обо всём, и я немедленно отвечу Вам, и если будет нужда видеть меня, я рад буду принять Вас в Ливадию».

Царская семья прибыла в Ливадию ранней весной на Пасху. Как всегда, жизнь здесь, в любимом всеми южном имении, была насыщена яркими впечатлениями. Ялтинская пресса того време-

Ольга и Татьяна Романовы

ни широко освещала проведение на Южном берегу Крыма благотворительного праздника Белого цветка с участием в нём Императрицы, Великих княжон, Цесаревича, фрейлины А. А. Вырубовой; собранные пожертвования направлялись на борьбу с туберкулёзом*.

Тёплым апрельским днём молодые женщины и дети в белоснежных одеждах вышли на улицы Ялты, держа в руках высокие шесты, увитые гирляндами из белых цветов и увенчанные зелёными пышными бантами и щитками с крестом и надписью «На борьбу с чахоткою». Через плечи переброшены на зелёных лентах кружки для сбора денег. С радостной улыбкой они протягивали прохожим вынутые из гирлянд цветочки – белые ромашки или маргаритки. Везде: в рабочих мастерских, в домах, магазинах, кофейнях, в татарских деревнях – их встречают доброжелательно, с улыбкой и пониманием. Плата за ромашки добровольная и посильная для каждого – от нескольких копеек до десятков рублей. Все охотно покупают у продавщиц белые цветочки, и к концу дня почти все жители города оказываются украшенными этим скромным символом человеческой доброты и отзывчивости. Выручка от продажи «белых цветков» в Ялте и близлежащих дачных посёлках, а также от устроенных гуляний в городском саду и сборов в царском имении Ливадия составила в тот год свыше 12 тысяч рублей – значительную для того времени сумму. Эти средства передали только что организованному Ялтинскому отделу Всероссийской лиги борьбы с туберкулёзом. Основатели отдела – известные крымские врачи, общественные деятели, ялтинское земство – поставили перед собой благородную цель: максимально помочь десяткам тысяч ищущих исцеления туберкулёзных больных, стекающихся на Южный берег Крыма со всех концов Отечества, и прежде всего – неимущим людям**.

Завершение дня Белого цветка в Ялте совпало с днём тезоименитства Императрицы Александры Фёдоровны 23 апреля. В Итальянском дворике дворца ялтинские гимназисты и учащиеся Ливадийского училища преподнесли Государыне сделанные собственными руками скромные подарки. А затем Николай II и Цесаревич Алексей на площади перед дворцом принимали парад воинских частей в честь Императрицы. Вечером рейд Ялты осветился огнями праздничного фейерверка, устроенного кораблями «Штандарт», «Двенадцать Апостолов» и «Алмаз».

**Праздник Белого цветка был учреждён в 1910 году в Санкт-Петербурге по указу Николая II. Он проводился по всей России с 1911 года, в нём участвовали члены Царской семьи, общественные и государственные деятели, представители аристократии, купеческого и мещанского сословий.*

В Ялте, куда со всей России приезжали на лечение больные туберкулёзом, проведение праздника имело особое значение. Начиная с 1911 года, вся общественность города – аристократы, местные обыватели, гости курорта – спешили в этот день творить добрые дела, покупая символические букетики белых ромашек или маргариток. В Ливадийском имении с соизволения Александры Фёдоровны белую ромашку продавали Цесаревич и Великие Княжны. Сохранилось фото, где царские дети в Итальянском дворике Белого Ливадийского дворца позируют фотографу перед тем, как отправиться в город для сбора средств на борьбу с туберкулёзом.

***Традиция проводить праздник Белого цветка возрождена в 2004 году, он проходит во второе воскресенье после Пасхи, в день святых Жен-Мироносиц.*

Императорская семья так хорошо и спокойно чувствовала себя в милой Ливадии, что редко выезжала в другие города Крыма. Поэтому прибытие Николая II в Симферополь в 1912 году стало огромным событием и оставило неизгладимый след в памяти симферопольцев. 25 апреля в 12 часов 20 минут Император прибыл в Симферополь из Ливадии и остановился в доме губернатора. Он принял представленных ему началь-

Семья Романовых

ствующих лиц, депутацию от Таврического дворянства поднесшую хлеб-соль, депутацию губернского земства с членами чрезвычайного губернского земского собрания, депутацию от симферопольского уездного земства, депутацию от Симферопольской городской думы с городским головой, представителей Симферопольского отдела Императорского русского общества садоводства, поднесших Государю труд Смириненко «Крымское плодоводство», а наконец, представителя Таврической учёной архивной комиссии Арсения Ивановича Маркевича*.

Император лично подошёл к Маркевичу, который был представлен Государю Таврическим губернатором со словами: «Ваше Императорское Величество, от имени Таврической учёной архивной комиссии, трудящейся на поприще изучения и сохранения памятников истории и древностей Тавриды, имею счастье повергнуть к стопам Вашего Императорского Величества воодушевляющие её верноподданнические чувства любви и преданности и всепочтительнейше просить Ваше Императорское Величество оказать ей милостивое внимание принятием двух последних выпусков её трудов, предыдущие выпуски которых имеются уже в библиотеке Вашего Императорского Величества». Николай II принял книги со словами благодарности: «Труды вашей Комиссии мне известны. Составляя в Ливадии отдел своей библиотеки из сочинений о Крыме, я убедился, как много потрудились Комиссия и лично вы в изучении истории и древностей этого края».

Николай II горячо поддерживал все инициативы, направленные на исследование прошлого Крыма и сохранение памятников его истории и куль-

* Арсений Иванович Маркевич (1855 – 1942) – видный крымский историк, основатель краеведения и организатор архивного дела в Крыму, один из основателей Таврической учёной архивной комиссии (ТУАК). Был сначала правителем дел, а затем председателем ТУАК. Маркевич способствовал созданию Крымского центрального архива, Симферопольского художественного музея, Центрального музея Тавриды, Таврического университета. В 1927 году был избран членом-корреспондентом АН СССР. В 1937 году Арсений Иванович подвергся аресту, его труды были названы контрреволюционными. Умер в блокадном Ленинграде.

туры. По распоряжению Царя финансировалась работа искусствоведов, архитекторов и общественных деятелей, тщательно занимавшихся изучением и сбором лучших образцов местного народного творчества, берегавших национальные традиции. Ещё в 1908 году было принято решение о создании музея при Ханском дворце в Бахчисарае, его открыли для посещения научных работников и многочисленных гостей. Председателем «Высочайше утвержденной научно-художественной комиссии по составлению проектов реставрации бывшего Ханского дворца в Бахчисарае» Николай II назначил Великого князя Петра Николаевича, который в сотрудничестве с академиком Н. П. Кондаковым и архитектором Н. П. Красновым составили проект реставрации и руководили всеми работами. В 1912 году Николай II с семьёй побывал в отреставрированном Ханском дворце.

В тот же день в Симферополе Император посетил сквер на склоне обрыва вблизи офицерского собрания Крымского конного полка и подробно его осмотрел. В память о посещении города Государем этот сквер решено было назвать «Николаевским», украсив его оградой и памятником. По поручению городской управы Петроградское общество архитекторов провело конкурс на лучший проект памятника и ограды. В 1916 году на конкурс было представлено 42 проекта, но события первой мировой войны не дали возможности реализовать задуманное.

11 мая Царская семья совершила путешествие на яхте «Штандарт» к человеку, ещё при жизни ставшему в России легендой – князю Л. С. Голицыну, создавшему в своём крымском имении Новый Свет близ Судака лучшее в стране хозяйство по производству шампанских, крепких и десертных вин.

Л.С. Голицын сопровождает царя вдоль новосветских бухт. Николай осматривает окрестности имения. На рейде – яхта «Штандарт»

Для их хранения и выдержки в скалах вырубили винподвал, общая протяжённость тоннелей которого составляла 3,5 версты. Однако затраты Голицына на развитие виноградарства и виноделия стали значительно превышать доходы. Чтобы предотвратить банкротство и сохранить созданное многолетним трудом уникальное винодельческое предприятие, он принимает невероятно трудное, но вынужденное решение: передать Новый Свет Императору Николаю II. Близкий друг Льва Сергеевича, граф П.С. Ше-

реметев, вспоминал: «Расскажу, как он дарил свой Новый Свет. При свидании с Государем он сказал: “Ваше Императорское Величество, у меня к вам большая просьба, но я не могу, не смею её передать”. Государь сказал, пусть говорит. “Ваше Императорское Величество, я не могу, у меня нет сил”. “Да говорите же, прошу Вас”. “Ваше Величество, у меня две дочери, так, ничего особенного, но о них я не прошу. Ваше Величество, у меня есть сын... незаконный. Ваше Величество! ... усыновите его”. Можно представить удивление Царя. Голицыну же и нужно оно. Он немного обождал и продолжил: «Этот сын – Новый Свет!»

После шутивого обращения Голицын в декабре 1911 года направил Государю официальное письмо: «Посвятить всю жизнь делу русского виноделия, я чувствовал бы себя вполне удовлетворенным, если бы был уверен, что в будущем мои труды не только не погибнут, но получают дальнейшее развитие и усовершенствование. В сих целях я приемлю смелость всеподданнейше просить Ваше Императорское Величество, как Главу Государства и Верховного Покровителя всех отраслей русского сельского хозяйства и промысла, Всемилостивейше соизволить принять в дар предназначенный мною для виноделия участок земли в 113 десятин 241 кв. сажень из имения моего «Новый Свет», на берегу Чёрного моря близ гор Судака, где построены обширные подвалы, приспособленные для выдержки вин, а также имеется одна из редких коллекций образцов русского и иностранного виноделия». Далее князь выражал уверенность, что только Император может продолжить его дело и создать на основе имения Новый Свет «академию русского виноделия». При этом Голицын оговаривал право своего проживания в имении до самой своей смерти, обязуясь быть хранителем всех раритетов, а также своё пожизненное президентство в будущей «Академии вина». Николай II распорядился принять имение в Ливадийско-Массандровское Удельное Управление. А весной 1912 года отправился осматривать бесценный дар.

Утром «Штандарт» подошёл к причалу Нового Света, где гостей ожидали князь Голицын и его родные. После осмотра винных погребов гостям подали завтрак в большой столовой, устроенной в самом подвале, стены которого были покрыты изразцами. Блюда местной кухни приготовил повар-татарин, а стол сервировали золотыми тарелками и великолепным сервизом времён Екатерины Великой. В таких же старинных хрустальных бокалах искрились

**Дарственная императору
Николаю II на владение заводом
шампанских вин в Новом Свете**

Императрица на пляже в Новом Свете
24 мая 1912 г.

изысканные вина, которые князь, вероятно, мог предложить только Императору. После завтрака осмотр хранилищ продолжился, и только в самом конце Голицын вручил Николаю II ключ от его новых владений. Затем хозяин пригласил в дом, где в башне находилась настоящая сокровищница – музей, наполненный предметами величайшей редкости, принадлежавшими некогда многим августейшим особам, восседавшим на русском престоле, и даже самому царю Михаилу Фёдоровичу.

Лев Сергеевич вручил Императору подарок для Царевича Алексея: специальную корзинку, в которой была коллекция античных эллинских серебряных кружек, числом по одной за каждый год рождения престолонаследника. Современники позже отзывались о приёме: «Такое могло произойти только в старой России. Почтенные, патриархальные смотрины состоялись, – это было что-то из старых, добрых времён».

Николай записал свои впечатления в дневнике: «В 11½ стали на якорь в первой бухте Нового Света. После завтрака съехали всем обществом на берег и пошли береговой дорожкой к знаменитым погребам Голицына. Смотрели два грота, которые освещались бенгальскими огнями. Пробовали много вин и даже вторично позавтракали в одном из подвалов. Л. С. Голицын водил и угощал нас, как он умеет это делать, показал нам дом для гостей с великолепным старым хрусталём, серебром и чудными вещами. Простились с Голицыным и его семьёй и в 5½ вернулись на яхту. Алике тоже съезжала на берег, но только в последней бухте...»

В мае 1913 года в России торжественно отмечалось 300-летие династии Романовых. Осенью вся семья вновь прибыла в Ялту. Хотя официальная часть празднеств закончилась, в Ливадии Августейшей чете приходилось принимать многочисленные делегации, участвовать в устроенных в их честь праздничных обедах, музыкальных вечерах, такое проявление верноподданнических чувств вызывало приятные впечатления. Из далекой Монголии прибыло в Ливадию посольство, вручившее российскому Императору орден Чингис-хана. Приветствовать Августейшую семью пришла вся Черноморская эскадра, встав на якорь напротив Ливадии. Вечером корабли осветились столь красивой иллюминацией, что Николай Александрович с дочерьми специально ездил на «моторе» на пляж полюбоваться этим прекрасным зрелищем. Гардемарины эскадры удостоились в Ливадии высокой

чести быть произведёнными в мичманы в присутствии Царской семьи. После чего возле дворца Николай II и Наследник Алексей сфотографировались с ними на память.

А 5 ноября в Ливадийском дворце собрался весь многонациональный Крым в лице предводителей дворянства и председателей уездных управ Таврической губернии. Тепло встреченные главой государства, они были приглашены на торжественный завтрак в Белый зал, а затем сфотографировались у парадного входа нового дворца вместе с Николаем II.

В Ялте прошёл большой благотворительный базар, которым руководила сама Александра Фёдоровна, после чего и в городе, и в самом имении начались выступления известных артистов, музыкальные концерты, просмотры новых кинофильмов.

Впрочем, в ту осень Александра Фёдоровна почти никого не принимала, на обедах не присутствовала, редко появлялась на торжествах. Только самые близкие люди знали, что причиной её затворничества стала болезнь Цесаревича Алексея. Год назад в Беловеже Наследник упал, сходя с лодки, и ударился левым боком, что повлекло обильное внутреннее кровоизлияние. Состояние ребёнка ухудшалось с каждым днём, он часами кричал от мучительных болей, метался в жару. Александра Фёдоровна все эти дни почти не спала, находясь рядом с сыном, делая перевязки и ставя компрессы. Обессиленный, он прижимался к руке матери, и она гладила его волосы, целовала лоб, глаза, стараясь своей любовью облегчить страдания. Врачи объявили

Семья Императора Николая II,
фотография к 300-летию дома Романовых

Алексей запускает кораблик, рядом стоит Деревенько. Ливадия 1909 г.

родителям, что надежды нет, остановить кровотечение невозможно. 10 октября Цесаревича Алексея причастили, казалось, он и сам смирился с мыслью о смерти; возможно, она казалась ему избавлением от мук. «Когда я умру, поставьте мне в парке маленький каменный памятник», – попросил он родителей.

Но и в столь тяжёлую минуту Императрица надеялась на чудо, по её просьбе Анна Вырубсва дала телеграмму Распутину. Вскоре пришёл ответ: «Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его

не мучают». Действительно, Цесаревич почувствовал себя лучше и впервые за много дней уснул. Угроза жизни миновала, но левая нога утратила чувствительность, Алексей не мог ходить. Целый год с помощью массажей и ортопедических ашпаратов её разрабатывали, но лёгкая хромота осталась.*

В 1913 году в Ливадии Пьер Жильяр, преподаватель французского языка, таким увидел Цесаревича, оправлявшегося после болезни: «Алексей Николаевич был тогда ребёнком девяти с половиной лет, довольно крупным для своего возраста. Он имел продолговатое, чистое, с тонкими чертами лицо, прелестные светло-каштановые волосы с медным оттенком и большие серо-голубые глаза, которые напоминали глаза его матери. Он вполне наслаждался жизнью, когда мог, – действительно неугомонный и весёлый мальчик. Будучи очень простым во вкусах, он никогда не старался выказать пустого тщеславия по поводу того обстоятельства, что он Великий князь и Наследник, – это было то, о чём он менее всего думал. Самой большой его радостью было играть с сыновьями матроса Деревенько**, которые были оба немного моложе, чем он».

*Пьер Жильяр, близко наблюдавший жизнь Императорской семьи, сделал такой вывод о характере влияния Распутина на Александру Фёдоровну: «Распутин отдавал себе отчёт в состоянии души этой отчаивающейся матери, которая была сломлена борьбой и которая, казалось, дошла до предела страданий. Он понял всю выгоду, которую может из этого извлечь, и с дьявольской ловкостью сумел в известной мере связать свою жизнь с жизнью ребёнка». И всё же молитвы Распутина действительно помогали. Профессор Федоров, лечащий врач Цесаревича, свидетельствовал: «Смотрите сами. Бывало, Распутин войдёт, приблизится к больному, посмотрит на него, поплывёт. И кровотечение тотчас останавливается. Как Императрица могла после этого не верить Распутину?»

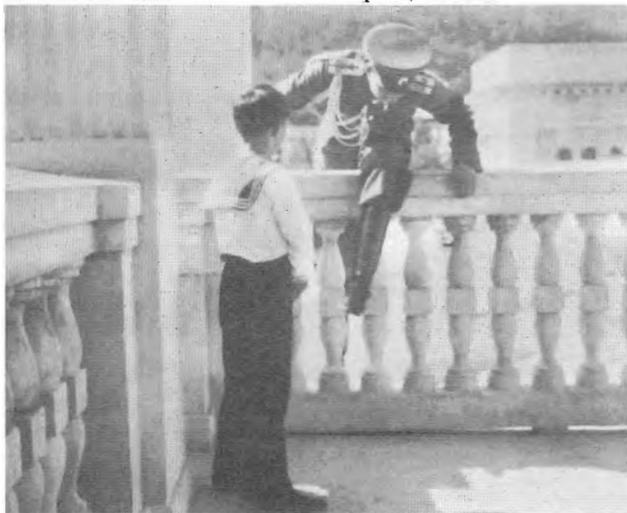
**Чтобы оградить Наследника от возможных падений, в 1905 году к нему был приставлен специальный «дядька» – боцман с императорской яхты «Штандарт» А.Е. Деревенько. Он повсюду сопровождал Алексея, а когда после падения в Спале, мальчик не мог ходить, носил на руках.

Цесаревич Алексей находился под постоянным присмотром врачей – лейб-медика Е. Боткина и лейб-хирурга В. Деревенко. Обратив внимание на целебные свойства минеральной грязи Сакского озера, доктора рекомендовали больному принимать грязевые ванны. Лечебный ил доставляли в Ливадию из Сак. Как вспоминают местные жители, им наполняли бочки, заливали сверху рапой, везли на сакскую пристань, а затем морем на яхте – в царское имение. На балконе, выходящем в Итальянский дворик, установили ванну – там солнце хорошо прогревало грязь. Курс лечения дал результат – Алексей пошёл на поправку, больная нога его больше не беспокоила и, к радости родителей, он почти не хромал. По сообщению председателя Евпаторийской управы С. Дувана (Саки в тот период входили в Евпаторийский уезд), которое он сделал в земском собрании, речь шла о содержании беседы, состоявшейся 5 ноября 1913 года с Императором во время приёма в Ливадии губернских и уездных предводителей дворянства и председателей земских управ: «...Государь император изволил выразить удовольствие по поводу того, что здоровье наследника Цесаревича быстро восстанавливается и что в значительной степени этому способствовали грязевые ванны, для которых доставлялась сакская грязь».

Александра Фёдоровна предпочитала проводить день в личных покоях: полулёжа на кушетке, она рукодельничала, готова вещи к благотворительному базару. Во время болезни сына она очень уставала душевно и физически. Увидев невестку, вернувшуюся из Спалы в Петербург, Великая княгиня Ольга Александровна заметила: «Алики стала совершенно больной женщиной. Дыхание её было частым и болезненным. Я часто замечала, что у неё синеют губы. Постоянная тревога о здоровье Алексея окончательно подорвала её здоровье». Императрица с юных лет страдала от ревматических болей в ногах, поэтому на прогулку нередко выезжала в кресле-каталке, к пляжу отправлялась в экипаже. Для Александры Фёдоровны и Великих княжон на берегу моря был устроен бассейн, обтянутый замшей голубого цвета, в котором они купались. Николай Александрович предпочитал плавать в море.

Об особой атмосфере, неспешном течении жизни в южном имении пишет в своих мемуарах В.Н. Коковцов, прибывший в Ливадию 14 сентября 1913 года: «Я за-

Алексей наблюдает за тем, как вел. кн. Дмитрий Павлович перелезает через балюстраду нового Ливадийского дворца, 1912 г.

стал там обычное ялтинское настроение, прежнюю скуку среди придворных, полнейшую отчуждённость их от крупных политических вопросов, жизнь исключительно среди мелких повседневных инцидентов дворцового муравейника, абсолютную праздность и неизвестность, чем занять время и как дожидаться дня отъезда в Петербург, на который все смотрели как на великое избавление от непроходимой скуки. Среди этой тоскующей толпы Государь и его семья, казалось, одни наслаждались их любимой обстановкою. Вдали от всех, недокучаемый ежедневными докладами и необходимостью принимать массу представляющихся, Государь вёл совершенно свойственный его душе простой образ жизни: утром длинные прогулки пешком, днём или под вечер верховые поёздки, часто с дочерьми, регулярное исполнение своего долга в виде прочтения и утверждения присылаемых из Петербурга докладов, встречи по несколько раз на дню всё тех же лиц свиты, конвоя и немногих офицеров обычной охраны, которые не скажут ничего неприятного и не вызовут необходимости тут же решить какой-либо сложный вопрос, – всё это создавало вокруг самого Государя какую-то атмосферу благодушия, при этом ясно чувствовалось, что всякие крупные деловые вопросы входят в эту среду каким-то досадным клином, и что чем скорее этот клин выйдет из потревоженной им среды, тем это лучше. И, несомненно, вся эта среда и ждёт минуты, когда это постороннее тело избавит её от своего присутствия. Оттого-то каждый раз, когда я приезжал в Ялту, мне всегда казалось, что засиживаться здесь не следует, что дела от этого не выигрывают, и что даже скорее появление

Николай II с сыном Алексеем

здесь министров рассматривается как прибытие гостей, которых провожают особенно ласково в минуту прощанья. Меня встретила в Ливадии обычная ласка и всё та же внешняя приветливость, которая ничем не отличалась от прежних приёмов».

Однако Коковцову, собиравшемуся на отдых в Париж, необходимо было обсудить с Императором важные вопросы: как вести себя с лидерами западных стран, если они захотят обсудить политическую ситуацию с Председателем Совета министров России. Вернувшись из заграничной поездки четыре недели спустя, Владимир Николаевич вновь поспешил в Ливадийский дворец: беседа с германским императором Вильгельмом II вызвала серьёзное беспокойство. Холодным, сырым днём Николай Александрович ласково принял пре-

мьера в верхнем рабочем кабинете, но слушал рассеянно. Коковцов вспоминал: «Я сказал Государю, что моё заключение о положении дел в Германии гораздо более пессимистическое, нежели я думал первоначально. ...Я не могу, конечно, утверждать, ...что Германия идёт прямым и неудержимым шагом к войне с нами в самом близком будущем, но мне очевидно, что отношение к нам самое враждебное и раздражённое, и я выехал из Берлина под самым мрачным впечатлением о неминуемом приближении катастрофы. Внешняя политика ведётся лично императором и всесильною теперь военною кликою, и нам нужно не только быть сугубо осторожными во всём, но в особенности проверять ежедневно нашу боевую организацию и устранять те недостатки в усилении её, на которые я много раз обращал внимание и которые вызывают постоянно столь резко враждебное ко мне отношение военного министра». Честный и прямой премьер не раз предупреждал, что военный министр В.А. Сухомлинов причиняет вред «Государю и России своим невероятным легкомыслием, своей беспринципностью, отсутствием всякой деловой добросовестности и тою повадкою угодничества, которая одна пользуется у него успехом и приводит к тому, что его окружают одни любимцы, а всё, что есть деловитого, способного и работающего, держится в чёрном теле или удаляется на незаметные должности».

Николай II слушал молча, вглядываясь в морскую даль, потом, точно очнувшись, долго и пристально посмотрел на Коковцова и сказал: «Всё, что Вы мне сказали, я глубоко чувствую, благодарю Вас за прямоту Вашего изложения и никогда не упрекну Вас в том, что Вы скрыли от меня что-либо. На всё — Воля Божия». Такая пассивная позиция Императора показалась странной премьеру*, но что он мог сделать! Пройдут немногим более восьми

Коковцов В.Н

* Коковцов В.Н. будет освобождён от должности премьер-министра и министра финансов в январе 1914 года без чёткого объяснения причин. Сам он так объяснил свою отставку: «Интриги создавали атмосферу, крайне неблагоприятную для меня, раздражали Государя, несмотря на его бесспорную доброжелательность по отношению ко мне, и всё это не только подтачивало его доверие ко мне, сколько создавало то настроение досады и докучи, которое рано или поздно должно было довести его до желания расстаться с человеком, про которого так часто многие "приятные" люди говорили ему неприятные вещи. Неприятных вещей Государь не любил, и как те, кто говорил ему открыто о таких вещах, так и те, про которых это говорят, одинаково становились нежелательными в ближайшем антураже и постепенно должны были отойти в сторону и уступить место более "приятным" людям».

Военный министр Сухомлинов был снят с должности только в 1915 году, в разгар Первой мировой войны. В 1917 году арестован Временным правительством по обвинению в неподготовленности русской армии и флота к военным действиям.

месяцев, и Германия развяжет кровопролитную войну, в которую будут вовлечены почти все европейские страны. Россия окажется к войне неподготовленной.

В Ливадии Царская семья оставалась до начала зимы, 17 декабря яхта «Штандарт» взяла курс на Севастополь. Вернувшись в Петербург, Император записал в дневнике: «У всех нас осталась тоска по Крыму».

Весной 1914 года Царская семья приехала в Ливадию за неделю до Пасхи. Пьер Жильяр, принявший обязанности наставника Цесаревича, вспоминал: «Прибыв в Ливадию 13 апреля, в чудесный солнечный день, мы были ослеплены солнцем, которое наводняло крутые берега потоками света, падающими отвесно в море. Солнце заливало светом маленькие татарские селения, наполовину зарытые в землю по обнажённым склонам горы. Совершенно белые мечети выделялись сильным блеском над старыми кипарисами на кладбищах. Контраст по сравнению с тем, что мы только что покинули, был настолько сильным, что этот простой вид, благодаря игре света, казался нам чем-то сверхъестественным и феерическим.

Пребывание весной в Крыму было отличным отдыхом после бесконечной петербургской зимы и доставляло нам большое удовольствие».

Государю доставляло большую радость проводить больше времени с детьми, что не представлялось возможным в Петербурге. С дочерьми и окрепшим Алексеем гуляли по Горизонтальной дорожке, ходили в гости к родственникам, ездили на автомобиле в Кучук-Ламбат, Массандру или по новой, проложенной в 1913 году дороге, названной Романовским шоссе, в Космо-Дамиановский монастырь и дальше – к охотничьему домику. На душистых

Государю доставляло удовольствие проводить больше времени с детьми

свежескошенных лугах Массандры Алексей мог вдоволь поваляться в сене, не боясь ушибиться, поиграть с сёстрами в шумные игры, а затем устроить пикник. Воспитатель Цесаревича Пьер Жильяр описывает прогулку в горы. Император, желая доставить удовольствие сыну, 8 мая отправился в автомобиле к Красному Камню. «Мы поднялись по склонам горы Джайла через прекрасные сосновые леса. Громадные стволы деревьев в серовой коре, имеющей в основании медный цвет, поднимались прямо к небу. Достаточно быстро мы при-

были к месту назначения: большой скале, возвышающейся над равниной. Цвет скалы, как говорили, сделался ржавым в течение многих лет.

День был настолько прекрасный, что Император решил продлить прогулку. Мы проехали по склону горы Джайла. Там раскинулись громадные снежные поля, и Алексей Николаевич получил очень большое удовольствие, скользя по снегу. Он бегал около нас, играя и резвясь, катаясь на снегу и поднимаясь, чтобы вновь упасть в снег. Никогда ещё, казалось, не проявлялись с таким пылом его натура и радость, обуревавшая его. Император с нескрываемым удовольствием следил за прыжками Алексея Николаевича, и было заметно, как сильно он счастлив, видя, что у его сына восстановилось здоровье и прибавилось сил, которых он был лишён столь долгое время. ...Император был весел в продолжение всей поездки, и чувствовалось, что этот свободный день, посвящённый сыну, доставил также очень большую радость ему самому. Он ускользнул на один день от забот своей должности и от крайне вежливых, предупредительных придворных».

Но наибольшее удовольствие Николай Александрович получил от поездки в автомобиле в имение Фридриха Эдуардовича Фальц-Фейна «Аскания-Нова».

Тогда во второй и последний раз русский Царь посетил Симферополь. К 28 апреля город подготовился к встрече Императора: вся Екатерининская улица (ныне Карла Маркса) была превращена в сад из цветов, гирлянд и флагов, на окраине у Севастопольской заставы установили гибкую сводчатую арку из зелени и точно такую же разместили в конце Екатерининской. В воздухе легко колыхались сплетения цветов с надписью «Добро пожаловать!».

С утра 29 апреля улицы заполнились народом. На площадке при въезде в город собрались члены администрации и представители земств. На углу Пушкинской стройными рядами стояли ученики гимназии со своим

Николай II в Орланде

оркестром. Внизу по Екатерининской улице расположилось духовенство, семинаристы, ученики мужского духового училища и ученицы епархиального училища. Наконец вдали показался автомобиль, над городом разнёсся радостный звон всех колоколов, и громкое «ура!» прозвучало над многотысячной толпой. Государя встречали городской голова и предводитель губернского дворянства, который преподнес Императору хлеб-соль на резном деревянном блюде.

Приняв депутации, Николай II под несмолкаемое «Ура!» медленно проехал через весь город, «милостиво раскланиваясь с населением, которое само по себе сохранило порядок, оправдывая доверие Императора». В пять часов вечера 30 апреля, возвращаясь из Аскании-Нова, Николай II вновь проехал по улицам Симферополя, заполненным ликующим народом, приветствующим российского Царя. Всем запомнился белый китель, добрые глаза и искренняя обаятельная улыбка Государя.

Пожалуй, это был единственный раз, когда Император пренебрёг этикетом и гостил у частного лица. Свои восхитительные впечатления от путешествия Николай II записал в дневнике: «29-го апреля. Вторник. ...Ехал отлично просёлочной дорогой через Армянск и Перекоп и в 4 ч. прибыл в имение Фальцфайна Аскания Нова. Он меня встретил со своей матерью, братом, сестрою и её мужем, и ввёл в свои комнаты, в кот. я был помещен. Выпив чаю в саду, пошёл с ним в сад к пруду, где живёт масса птиц всевозможных стран света. Затем прошли в его зверинец с крупными животными, живущими вместе. Обойдя большое озеро, нарочно устроенное в виде болота, и очень красивый тенистый парк, сел с владельцем в автомобиль и поехал в степь. Объехали много стад племенного скота, табунов лошадей

Ольга с дядей вел. герцогом Эрнстом Людвигом в Ливадийском парке

и между теми и другими видел зубров и бизонов, а также зебров. Голова ходила кругом от стольких впечатлений и поразительного разнообразия животных! Вернулись в экономию к 8 час.

30-го апреля. Среда. Встал в 7 час. и через полчаса отправился с Фальцфайном в степь. Видел ещё много разных стад и затем стрижку овец. Перед домом мне сделали выводку его лучших производителей конского завода. В 9 1/2 позавтракал со всеми в саду и осмотрел ещё раз пруд с птицами, простился с любезными хозяевами и в 10.20 при отличной погоде пустился в обратный путь. ...Через Симферополь проехал в 5 час. и, не останавливаясь нигде, в Бахчисарае

и на Айпетри, прикатил в Ливадию в 7 1/2 час. Большая была радость увидеть дорогую Аликс и детей». Позже Николай II писал своей матери об Аскании: «Там живут разные олени, козы, антилопы, гну, кенгуру и страусы круглый год под открытым небом на открытом воздухе и тоже вместе. Удивительное впечатление, точно картина из Библии, как будто звери вышли из Ноева ковчега».

Все в Царской семье увлекались фотографией, стараясь запечатлеть самые счастливые моменты своего пребывания в Крыму: на фоне живописных уголков, в Ливадийском парке с любимым дядюшкой Эрнстом, на яхте, на весёлых пикниках. Вечерами наклеивали в свои альбомы новые фотографии либо понравившиеся работы знаменитых мастеров. Для Николая II фирма Кодак изготовила специальную фотокамеру, позволявшую делать панорамные снимки. На сохранившихся фотографиях счастливая семья: весёлые жизнерадостные княжны, юный Цесаревич щурится от яркого солнца, улыбается Императрица Александра Фёдоровна – атмосфера спокойствия и доброжелательности.*

31 мая Царская семья прощалась с Крымом. Яхта «Штандарт» шла вдоль берегов, красиво освещённых солнцем, спокойное ласковое море растянулось до самого горизонта. Всем было немного грустно, но никто и предположить не мог тогда, что покидают Ливадию навсегда. Императорская яхта взяла курс на Констанцу – большой румынский порт, Николай II направлялся с ответным визитом к королю Румынии. Однако ни для кого не была секретом настоящая цель поездки: при дворе уже давно ходили слухи о возможном сватовстве наследного принца Румынии Кароля к Великой княжне Ольге Николаевне.

Будущее подрастающих княжон не могло не волновать Августейших родителей. «Я всегда себя спрашиваю, за кого наши девочки выйдут замуж, и не могу себе представить, какая будет их судьба», – писала Императрица Николаю Александровичу. Среди женихов, равных по положению дочерям русского Царя, найдутся ли те единственные, любимые, которые сделают их по-настоящему счастливыми? Даже старенький преданный камердинер

Николай II и Александра Фёдоровна на яхте «Штандарт»

*Особого успеха в искусстве фотографии достигла Императрица Мария Фёдоровна. Редактор популярного в Европе мюнхенского журнала «Фотографический мир» профессор Шерль пригласил Её Величество для участия в издании альбома «Фотографическое искусство Высочайших Особ», доход от продажи которого поступил на образование Фонда помощи нуждающимся талантливым молодым фотографам без различия национальности.

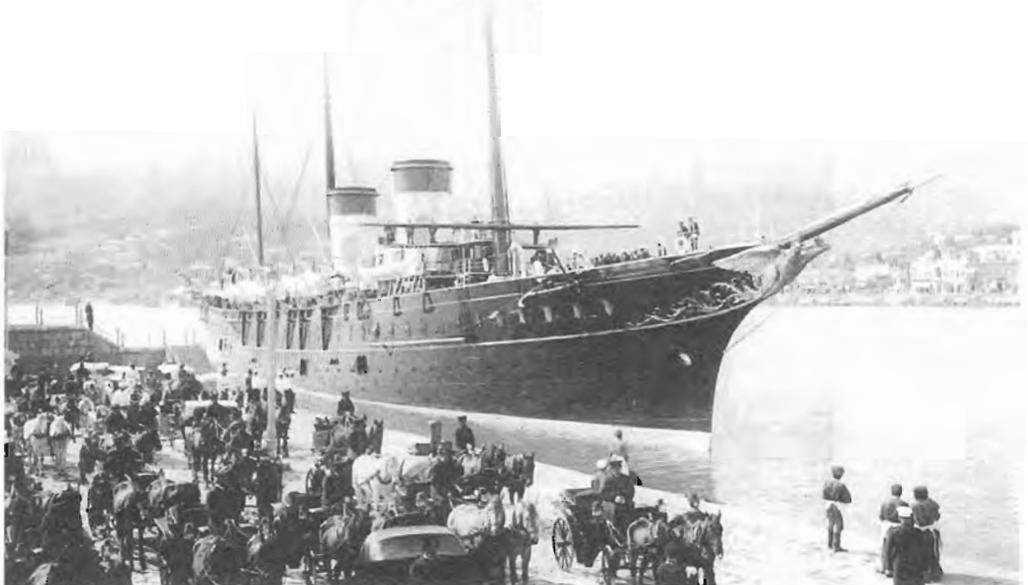
Николая II А. Волков, и тот ворчливо замечал: «Какое время пришло! – Замуж дочек пора выдавать, а выдавать не за кого, да и народ-то все пустой стал, махонький!»

После возвращения в Петербург Ольга Николаевна решительно отказалась выходить замуж за Кароля, мотивируя тем, что не хочет покидать Россию. Августейшие родители не стали настаивать, хотя этот брак имел для империи политические выгоды. Александра Фёдоровна мудро рассудила: «Дело Государя решить, считает ли он тот или иной брак подходящим для своих дочерей или нет, но дальше этого власть родителей не должна идти».

И всё же Ольге, единственной из четырёх Царевен, довелось узнать чувство первой волнующей, нежной любви, но тщательно оберегаемой. Даже в личном дневнике она не называет имени своего избранника, заменяя буквой «С» – «счастье», «солнце», «сокровище», а порою некоторые слова или целые фразы записывает нехитрым, ею самою придуманным шифром. Симпатия очень скоро вырастает в более серьёзное чувство, появляется потребность каждый день видеть его. Если встреч нет, в дневнике появляются записи: «так гадко без моего С, ужасно», «без него пусто», «С не видела и грустно». А каждая, пусть даже мимолётная встреча, вызывает радость: «ужасно рада видеть его», «до обеда на палубе сидела и наконец моё любимое С пришло». «слишком мне было весело, страшно весело С видеть»...

Чьё же имя скрывает Ольга? Кто покорил её девичье сердце? Крымские исследователи М. Земляниченко и Н. Калинин первыми раскрыли тайну княжны. Сопоставив дневники Ольги с вахтенными журналами «Штандарта» и камер-фурьерскими журналами, они выяснили: избранником Царской дочери стал один из вахтенных начальников царской яхты, 25-летний мичман Павел Воронов.

Яхта «Штандарт» в Ялте

Императорская семья на яхте «Штандарт», 1907 г.

Царская семья жила в Ливадии замкнуто, одним из немногих увеселительных мест была яхта «Штандарт» – любимое судно Императорской семьи: настоящий плавающий дом длиной 112 м, высотой 6,6 м. Внутри она была прекрасно оборудована – не только столовая, спальни, кабинет, будуары, детские комнаты, но и молельня с расписанным иконостасом, палубы обиты коврами (для безопасности цесаревича Алексея). Яхта «Штандарт» стала для Царской семьи ещё одним именем, родным, спокойным и безопасным. Разве может грозить какая-нибудь беда, если их окружают высокие, сильные матросы, которых специально подбирали, чтобы они могли создать «атмосферу сказки и идиллии», и прекрасно воспитанные офицеры? Даже Императрица Александра Фёдоровна, обычно замкнутая, становилась на борту яхты общительной и весёлой*.

На яхте всегда царила атмосфера праздника. Здесь отдыхали, просто, без строгих условностей придворного этикета общаясь с подданными – матросами и офицерами, устраивали торжественные обеды и даже балы. Жарким летом отправлялись в путешествие в Финский залив, а весной или осенью «Штандарт» встречал Романовых в Севастополе и доставлял в Ливадию. Некоторых офицеров приглашали в Ливадийский дворец к завтракам и обедам. И вот однажды осенью 1911 года на «Штандарте» появился новый мичман – Павел Воронов. Прекрасно воспитанный, с хорошими манерами, он был желанным гостем во дворце. А в глазах юных Царевен – ещё и геро-

**О том, насколько яхта «Штандарт» была дорога её владельцам, свидетельствует один примечательный факт. На Пасху 1909 года император подарил Александре Фёдоровне яйцо из горного хрусталя в золотой оправе фирмы Фаберже, внутри которого находилась модель яхты. Эту маленькую драгоценную безделушку можно было уместить на ладони, и она всегда напоминала им в холодные и сырые петербургские зимы о тёплом море и солнечном Крыме.*

Вел. Княжны Ольга, Татьяна и Анастасия на яхте «Штандарт», рядом с Ольгой — Павел Воронов

ем: он, будучи гардема-рином, в декабре 1908 года спасал жителей разрушенного землетрясением сицилийского города Мессины. С 1913 года лейтенант Воронов становится не-пременным участни-ком почти всех обще-семейных событий в Ливадийском дворце. Он нравится всем: Ни-колай II выбирал его в партнёры по теннису, приглашал сопрово-ждать его с дочерьми в дальних прогулках, юные княжны без стес-нения охотно общались с молодыми офицера-

ми, немного флиртовали, играли в прятки, жмурки, пекли картошку на ко-стре, валялись в сене, выбирали их кавалерами на балах. 17 ноября 1913 года Ольга записала в дневнике: «...с Алексеем, П., Н.П., Аней* и С, милым, в Орианду и Курпаты. Чай вместе пили, в 7 бол. обед и после бал до 12. 30 м. Очень весело, уютно и ужас как хорошо... Наслаждалась чрезвычайно. С. добрый, ласковый...»

3 ноября 1913 года Сльге исполнилось восемнадцать лет. На яхте «Штандарт» устроили большой обед и бал. Вечер выдался необыкно-венно тёплым и тихим. На палубе, украшенной зеленью гирлянд, залитой ярким светом иллюминации, танцевали нарядные пары, восхищаясь виновницей торжества, которая чаще остальных кружилась в валь-се с молодым лейтенантом Вороновым — её ласковым, дорогим, любимым... Это время стало для Ольги Николаевны бесконечно счастливым: в её сердце расцветала любовь, и всё вокруг казалось таким прекрасным! «13 сентября 1913 го-да. Сперва сидела дома из-за дождя, потом с Папа по виноградникам ходи-ла. К завтраку были Н.П. и С. ...Днём Папа пошёл гулять с тремя свитны-ми, а мы остались дома, и я не жалела, так как моё С было и Н.П. Сидели у Мама в комнате. С. записывал на листе вещи для базара, я сидела около. Так радовалась его увидеть. Вчера весь день не видела и мне его очень не-доставало... Потом я для него на рояле поиграла и когда Папа вернулся, пили чай».

* С Папа, Николаем Павловичем Саблиным, старшим офицером яхты, Анной Вырубовой.

Понимала ли Ольга всю безысходность своей любви? Конечно, понимала, но, охваченная первым чувством, не хотела думать о будущем, живя счастливыми моментами. Однако окружающие не могли не видеть яркого блеска глаз Великой княжны, её взгляда, обращённого в сторону яхты, её раздражения, если милого нет несколько дней. Товарищи Воронова стали замечать, что во время несения вахты он особенно пристально смотрит в бинокль в сторону Ливадийского дворца – не мелькнёт ли в зелени парка белое платье старшей Царевны. Дочери всегда были откровенны с Александрой Фёдоровной, доверяя ей тайны своей души. Но знала ли Императрица о любовных переживаниях Ольги? Если и не знала, то догадывалась, и нешуточное увлечение дочери взволновало Императрицу. Морганатический союз, позор семьи, новые сплетни – ну уж нет! Александра Фёдоровна находит выход из создавшейся сложной ситуации: Воронову дают понять, что его женитьба на графине Ольге Константиновне Клейнмихель будет одобрена Царской семьёй. Теперь уже никто не узнает, было ли это решением Императрицы или собственным желанием Воронова. Но Ольга замечает: в последние дни в Крыму любимый грустен.

О предстоящей свадьбе Воронова Ольга узнает уже в Петербурге и испытывает мучительную боль о несбывшемся счастье: «...Пришла на 5 м т. Элла у неё были гр. Клейнмихель, Ольга и С., но не моё! Скучно и суетливо»; «Уже на сердце не хорошо, болит, плохо себя чувствует и спала только 1 ½ часа...»

На свадьбу Воронова 7 февраля 1914 года прибыла вся Царская семья. Ольга, описывая в дневнике это событие, впервые называет имя любимого: «В 2 ч. приехал С. Мама и Сандро благословляли его. Около ½ 3 мы 5 с Папа и М. поехали в полковую церковь на свадьбу П.А. Воронова и О.К. Клейнмихель. Дай им Господь счастья. Оба взволнованы... Познакомились с родителями и 2 сёстрами С, миленькие... Ездили к Клейнмихель. В доме для поздравления много народа».

После свадьбы Павел Воронов получил двухмесячный отпуск, а затем был назначен вахтенным начальником на императорскую яхту «Александрия», предназначенную для непродолжительных прогулок Царской семьи вдоль побережья Финского залива. Вскоре началась мировая война, разлучившая окончательно Великую княжну Ольгу с её первой любовью. Но

Вид на Евпаторийскую набережную.
С открытки начала XIX в.

она в мыслях остаётся верна своему чувству, доверяя его лишь дневнику: «С видела! Благодарю Господа!», «Спаси его, Господи!»

Последний приезд Царской семьи в Крым состоялся в мае 1916 года, в разгар Первой мировой войны. С самого её начала в Таврической губернии образовали Комитет для оказания помощи больным и раненым воинам, занимавшийся устройством госпиталей. Посетивший в апреле 1915 года в Петербурге Императрицу Александру Фёдоровну председатель евпаторийской земской управы С.Э. Дуван подарил ей альбом с видами Евпатории и напомнил о целебных ресурсах города. Александра Фёдоровна решила организовать в Евпатории госпиталь, объясняя в письме Николаю II свой выбор: «Там есть грязи, солнце, море, песочные ванны, Цандеровский институт, электричество, водяное лечение, сад и пляж поблизости». Однако, чтобы доставлять раненых на излечение, необходимо было провести к городу железнодорожную ветку. Её строительство поручили Таврическому губернатору Н.А. Княжевичу. Всего за три с половиной месяца от станции Сарабуз (ныне Остряково) проложили рельсы, и 21 октября 1915 года первый поезд подошёл к временной ещё платформе Евпатории, о чём немедленно доложили Императору. Николай II откликнулся телеграммой: «Сердечно благодарю... Очень порадовался Вашему сообщению о столь скором окончании работ по ее сооружению».

В начале мая 1916 года Император с семьёй присутствовали в Николаеве на церемонии спуска самого большого в мире линкора «Императрица

Визит Николая II в Евпаторию, 1916 г.

Мария», а после осмотра в Севастополе Черноморского флота отправились в Евпаторию. Утром 16 мая царский поезд из восьми голубых вагонов, украшенных гербами, прибыл на вокзал. Государя встречали городской голова Семён Эзрович Дуван, депутаты Евпаторийской Думы и многочисленные делегации от всех национальных общин, проживавших в городе. В приветственной речи Дуван поблагодарил Императора за то, что «со сказочной быстротой проведена к нам железнодорожная дорога, соединившая Евпаторию прямым путём со столицей», затем преподнёс Царю хлеб-соль, а Царице – старинную арабскую шкатулку с инкрустацией из слоновой кости, в которой лежали 30 тысяч рублей на нужды раненых.

В автомобиле Августейших гостей повезли осматривать достопримечательности. Город принял праздничный вид: балконы украсили ковры и дорогие материи, гирлянды зелени и цветов, в витринах магазинов красовались портреты Государя Императора, вензели и транспаранты. По пути следования Царской семьи с утра выстроились в несколько рядов горожане, приветствуя восторженными криками «ура!». Автомобиль подъехал к Свято-Николаевскому собору, перед которым на площади Царскую семью ожидали гимназисты и реалисты с преподавателями. Стены храма украшали гирлянды цветов, из них же выложили буквы «Н» и «А», а над входом – «Боже, Царя храни». Фрейлина Её Величества Анна Вырубова вспоминала: «Толпа инородцев, татар, караимов в национальных костюмах; вся площадь перед собором – один сплошной ковер розанов. И всё залито южным солнцем».

Под колокольный звон Николай II и его семья прошли в храм, в 11 часов архиепископ Таврический и Симферопольский Дмитрий совершил молебен с провозглашением многолетия Дому Романовых, Российской империи и воинам, сражавшимся на полях войны, благословив монарха иконой Святого Николая. Император осмотрел русские хоругви времён Крымской войны, хранившиеся в соборе.

Отдавая дань уважения всем конфессиям, Николай II направился в мечеть Джума-Джами. Имам Мустафа Эфенди, поднеся хлеб-соль и букет цветов Царице, показал высоким гостям творение знаменитого зодчего Ходжи Синана и рассказал, что здесь всходили на престол многие крымские ханы. Затем по из-

Евпаторийские кенасы.

Николай II и Александра во дворике кенас.

**Император Николай II
с сыном Алексеем**

морю, установленный в память пребывания Императора Александра I. В дневнике он отметил, что прадед его в 1825 году также посетил караимскую обитель.

Царский кортеж остановился у стен Главной еврейской синагоги, роскошно убранной по случаю Высочайшего визита тканями национальных цветов и зеленью. Монарха и его семью приветствовал раввин Шлёма Иосифович Элькинд. При большом скоплении молящихся и с участием хора специально приглашённого из Симферопольской синагоги, он совершил торжественное богослужение. «В момент проезда Государя и Царской семьи по Караимской улице мимо синагоги весь хор во главе с кантором, выстроившись на балконе синагоги, убранной коврами и цветами, исполнил гимн: трижды повторенный при громких кликах «ура!» – так описала в своём отчёте газета «Евпаторийские новости».

После автомобиль отвёз Царскую семью на Дувановскую улицу, где в стенах «Приморской санатории» разместился лазарет, организованный на личные средства Императрицы Александры Фёдоровны и потому названный её именем. У входа монархов встречал с букетом цветов начальник лазарета полковник Крыжановский, выздоравливающие солдаты и офицеры. Царь вручил им медали, Александра Фёдоровна с дочерьми направилась в палаты беседовать с тяжелоранеными воинами.

Тем временем Николай II с Царевичем Алексеем прогулялись к морю. На берегу их внимание привлекли люди, принимавшие песочные ванны. Повсюду Императора сопровождали восторженные евпаторийцы. Городской голова

вилистым улочкам венценосных особ повезли в караимские кенасы. Здесь их радушно принял гахам Хаджи Серая Хан-Шапшал. Он уверил Государя, что, несмотря на малочисленность его народа, каждый пятый караимский мужчина сражается на поле брани. Гахам пригласил всех посетить Большую кенасу. Генерал Александр Спиридович, находившийся в свите Его Величества, вспоминал: «Убранство кенасы, старинные люстры, спускавшиеся с потолка, пение, напоминавшее иногда как будто бы наши православные мотивы, всё это произвело на нас всех православных, сильное впечатление. Служил главный караимский гахам Шапшал, человек с университетским образованием, красивой наружности, он и служил красиво и говорил хорошо после службы, провожая Их Величества, он удостоился многих вопросов государя». Очень удивился и обрадовался Николай II, увидев памятник из белого мрамора,

Дуван рассказывал о проявлениях верноподданнических чувств горожанами, увидевшими Государя, неторопливо прогуливавшегося по Дувановской улице: «Исключительно радостные минуты достались на долю тысячной толпы, неожиданно узревшей обожаемого монарха, вместе с венценосным наследником шествующего по улице от берега к санатории Её Величества. Тесным кольцом окружил ликующий народ боготворимого Царя-батюшку и Наследника. Энтузиазм, охвативший толпу, не поддаётся никакому описанию. Бесперывные крики восторга, громовое «ура», слёзы умиления и счастья на глазах. Картина трогательная, величественная, незабываемая... Шествие это продолжалось более 20 минут и никогда не изгладится из памяти имевших счастье явиться его свидетелями. Такие минуты достаются на долю не каждому городу».

Затем всё Августейшее семейство отправилось в земскую больницу. Старший врач Казас и медперсонал, очень взволнованные, ознакомили гостей с условиями лечения. Николай II наградил четверых солдат Георгиевскими крестами и пожелал скорейшего выздоровления. Уже покидавших лазарет Императора, Императрицу и княжон юные воспитанницы Донузлавского земского двухклассного училища одарили букетами полевых цветов, что всех очень растрогало.

К часу дня Император вернулся в свой вагон, к завтраку были приглашены представители губернских и городских властей. На перроне Николай II поблагодарил С.Э. Дувана, сказав: «Сердечно благодарю за всё виденное, передайте населению мой привет и благодарность за радушный приём. Искренне желаю вашему городу процветания и успеха».

Всю вторую половину дня Царская семья провела на даче «Мечта», где жила Анна Вырубова, лечившая в Евпатории грязевыми ваннами. «Хоте-

Семья Романовых. 1916 г.

Николай II и Александра Федоровна. 1916 г.

лось выкупаться, но воздух был прохладен», – посоветовал Николай. «Гуляли по берегу моря, сидели на песке и пили чай на балконе. К чаю местные караимы и татары прислали всевозможные сласти и фрукты... Наследник престола выстроил крепость на берегу, которую местные гимназисты обнесли после забором и оберегали, как святыню», – вспоминала фрейлина.

Всюду за Императором в этой поездке следовал кинофабрикант и фотограф Александр Дранков. Вскоре

на экраны вышел документальный фильм «Прибытие Его Императорского Величества государя императора с августейшей семьей в Евпаторию», пользовавшийся успехом у зрителей. Фотограф запечатлел Цесаревича Алексея, возводящего песочную крепость, Николая II с сыном, присевших у ограды дачи. Это были последние снимки Царских особ в Крыму.

В 18 часов 15 минут царский поезд отошел от перрона. «Город производит очень приятное впечатление и надо надеяться, разовьется в большое и благоустроенное лечебное место», – записал Николай II в дневнике. Краткая, деловая поездка в Евпаторию стала для Романовых прощанием с Крымом, но они об этом не знали...

Для Царской семьи последние годы стали трудным временем бесконечных испытаний. Затяжная война вызвала экономический и политический кризис в стране, положение день ото дня становилось напряженнее, зрели революционные настроения.

2 марта 1917 года в Могилёве Николай II, желая спасти Россию от кровопролития, отрёкся от престола в пользу младшего брата Михаила; он не хотел своему сыну такой трудной судьбы, какая выпала ему – быть Царём. Но и Михаил отказался от трона, власть перешла к Временному правительству. Великий князь Александр Михайлович, узнав об отречении Императора, прибыл в Ставку. Он вспоминал: «Мы завтракаем. Мы обедаем. Разговоры не клеются. Мы говорим о годах нашего детства в Ливадийском дворце».

О том, насколько южнобережное имение было дорого Николаю II, можно судить из разговора, переданного генералом А.А. Мосоловым: «Однажды, возвращаясь верхом по тропинке высоко над шоссе из Учан-Су с дивным

видом на Ялту и её окрестности, государь высказал, как он привязан к южному берегу Крыма.

– Я бы хотел никогда не выезжать отсюда.

– Что бы Вашему Величеству перенести сюда столицу?

– Эта мысль не раз мелькала у меня в голове.

Вмешалась в разговор свита. Кто-то возразил, что было бы тесно для столицы: горы слишком близки к морю. Другой не согласился:

– Где же будет Дума?

– На Ай-Петри.

– Да зимой туда и проезда нет из-за снежных заносов.

– Тем лучше, – заметил дежурный флигель-адъютант.

Мы двинулись дальше – государь и я с ним рядом по узкой дорожке. Император полушутя сказал мне:

– Конечно, это невозможно. Да и будь здесь столица, я, вероятно, разлюбил бы это место. Одни мечты...

Потом, помолчав, добавил смеясь:

– А Ваш Пётр Великий, возымев такую фантазию, неминуемо провёл бы её в жизнь, невзирая на все политические и финансовые трудности. Было бы для России хорошо или нет – это другой вопрос...»

После отречения от престола Николай II просил Временное правительство разрешить ему поселиться с семьёй в Ливадии и вести жизнь частного лица. Керенский отказал.

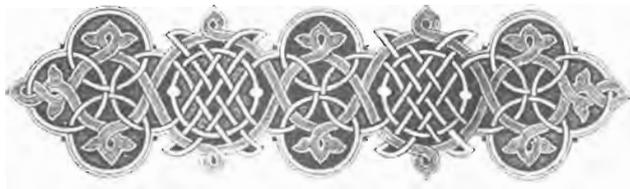
Государь и Государыня могли уехать за границу, но позору эмиграции предпочли пребывание в России. Семья теперь уже бывшего Императора пять месяцев провела под арестом в Царском Селе, в любимом ими Александровском дворце. В конце июля Николаю объявили, что скоро его с семей-

На юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви Николай II, его супруга и дети были причислены к лику святых

ством перевезут в другое место. Все обрадовались: похоже, их отправят в Ливадию, где можно будет спокойно жить, работать на земле, встречаться с Марией Фёдоровной и другими родственниками, отдыхать душой среди прекрасной природы Крыма. Но в тот же вечер поступило распоряжение: взять тёплые вещи. Значит, предстоит ссылка в Сибирь. Опасаясь за жизнь Романовых, их перевезли в губернский город Тобольск. Николай и Александра претерпели множество унижений и оскорблений, не жалуясь, не дрогнув душой. Они решили смиренно принять всё, что предназначено судьбой, не позволяли себе поддаваться отчаянию. Среди всеобщей ненависти и вражды Александра Фёдоровна до конца сохраняла самое дорогое в своей жизни: мужа и детей – маленький островок счастья. Но горестные думы о России, боль и сострадание чужому горю не оставляли её ни на минуту: «Чувствую себя матерью этой страны и страдаю, как за своего ребёнка, и люблю мою родину, несмотря на все ужасы и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца, и Россию тоже, несмотря на чёрную неблагодарность к Государю, которая разрывает моё сердце, но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!.. Молюсь непрестанно...»

В ночь на 17 июля 1918 года вся Царская семья была расстреляна в Екатеринбурге. Судьба подарила Николаю и Александре многие радости: они поженились наперекор всем препятствиям, нежно и трепетно любили друг друга всю жизнь, были едины душой и помыслами, создали счастливую семью. В конце жизни Господь послал им горькую радость: Он призвал их к себе в один и тот же миг... В 2000 году на юбилейном Архиерейском соборе Русской Православной Церкви Николай II, его супруга и дети были причислены к лику святых. С тех пор 17 июля отмечается как День памяти Царственных страстотерпцев.

ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Фотографии середины XX века сохранили облик простой пожилой женщины: волосы гладко зачёсаны и собраны в узел. скромная одежда, милая добрая улыбка освещает лицо. Трудно представить, что на этих чёрно-белых снимках Её Императорское Высочество Великая княгиня Ольга Александровна. Искусствовед Йен Воррес, собиравший экспонаты для византийской выставки, посетил Великую княгиню в 1958 году в Торонто: «Я увидел невысокую худенькую женщину, хлопотавшую в саду. На ней была старомодная тёмная юбка, обтрёпанный на рукавах свитер, простая кофта и крепкие коричневые башмаки. Зачёсанные назад волосы стянуты в узел. Лишь кое-где в них проглядывали серебряные нити. Изрытое морщинами лицо не было похоже на лицо старого человека, а светлые карие глаза, несмотря на затившуюся в их глубине печаль, не походили на глаза старой женщины. Она направилась ко мне, и меня поразило изящество её походки, а своей манерой общения она тотчас рассеяла мои страхи. Каждая жилка её подтверждала принадлежность этой женщины к Императорской семье. В данном

Великая княжна Ольга в Гатчинском дворце, куда Александр III перевез семью после своего воцарения

Императрица Мария Федоровна

случае определение это подразумевало благородство, которое, оставаясь самим собой, не имело ничего общего ни со снисходительностью, ни с заносчивостью». Между Ольгой Александровной и Йеном Ворресом завязалась искренняя дружба, он убедил Великую княгиню оставить воспоминания о подлинных событиях, связанных с царствованием последнего представителя Дома Романовых, о людях, которых она знала лично.

1 июня 1882 года радостный перезвон колоколов в Петергофе и 101 пушечный выстрел в Петропавловской крепости возвестили о рождении Великой княгини Ольги Александровны. Её отец Александр III уже был Императором, а это означало, что Ольга стала единственным «порфирородным» ребенком Августейшей четы. Она была самой младшей

в большой семье, последышем, любимицей Александра. «Отец был для меня всем. Как бы ни был он занят своей работой, он ежедневно уделял мне полчаса...» После завтрака, когда начинался рабочий день Императора, Ольге позволялось оставаться в кабинете отца и даже помогать – прикладывая к важным документам тяжёлую печать из золота и хрусталя. У Ольги с отцом имелись свои тайны, о которых никто не знал: в ящике стола под замком хранилось «сокровище» – коллекция фигурок разных зверей из фарфора и стекла. А ещё Папа показывал старый альбом с картинками из жизни Мопсополя – города, где живут мопсы. Этот забавный город и его обитателей Александр и его старший брат Николай придумали, будучи ещё мальчишками. Рисунки, напоминавшие о покойном брате, Император хранил в тайне от всех и показывал Бэби (так Ольгу называли в семье) тайком, и она была в восторге от того, что отец поделился с ней секретами своего детства. А вот с матерью тёплые, доверительные отношения так и не сложились. Императрица Мария Фёдоровна всегда оставалась Царицей, даже входя в детскую. Ольга и Михаил боялись мать, и этот страх не позволял им перейти границы этикета и свободно общаться. Всем своим поведением Мария Фёдоровна давала понять, что их крохотный мирок с их мелкими проблемами не очень-то интересует её. Маленькой Ольге никогда не приходило в голову искать у родительницы утешения и совета. Советницей, защитницей, а впоследствии и доброй подругой для Цесаревны стала её няня миссис Элизабет Франклин. Императрица Мария Фёдоровна не склонна была баловать детей, они должны подчиняться строгой дисциплине и размеренному порядку. Из множества роскошных покоев Гатчинского дворца, где жила Царская

семья, детям выделили самые простые и небольшие комнаты. Царевичи и царевны спали на походных кроватях с тонкими одеялами, волосяными матрацами и тонкими подушками. Обстановка самая скромная: ковер на полу, самые обычные столы для занятий и этажерки для книг, игрушек и рукоделья, стулья с жёсткими сиденьями и спинками. Единственным украшением детской являлась икона Божией Матери в серебряном окладе с жемчугом и драгоценными камнями. Зато детям не запрещалось играть в залах дворца. Ольга Александровна вспоминала: «До чего же нам было весело! Китайская галерея была идеальным местом для игры в прятки! Мы частенько прятались за какую-нибудь китайскую вазу. Их было там так много, некоторые из них были вдвое больше нас. Думаю, цена их была огромна, но не помню случая, чтобы кто-нибудь из нас хотя бы что-нибудь разбил».

Детство – самая счастливая и радужная пора, даже если оно проходит в мрачноватом Гатчинском дворце, где в одной из башен опочивальня Павла I сохранялась в таком же виде, в каком она была при жизни Императора. Все слуги утверждали, будто видели призрак Павла I. Маленькая Ольга страшно огорчалась: почему она ни разу не встретила этого милого человека?

День Императора Александра был расписан по минутам, но он неизменно уделял время младшим детям Мише и Ольге. Самым большим удовольствием были прогулки в Гатчинский лес. «Мы отправлялись в Зверинец – парк, где водились олени – только мы трое и больше никого. Мы ходили на трёх медведей из русской сказки. Отец нёс большую лопату, Михаил поменьше, а я совсем крохотную. У каждого из нас был также топорик, фонарь и яблоко. Если дело происходило зимой, то отец учил нас, как аккуратно расчистить дорожку, как срубить засохшее дерево. Он научил нас с Михаилом, как надо разводить костер. Наконец мы пекли на костре яблоки, заливали костёр и при свете фонарей находили дорогу домой. Летом отец учил нас читать следы животных. Часто мы приходили к какому-нибудь озеру, и Папа учил нас грести. Ему так хотелось, чтобы мы научились читать книгу природы так же легко, как это умел делать он сам. Те дневные прогулки были самыми дорогими для нас уроками».

Ольга со старшей сестрой Ксенией

Когда Императорская семья отправлялась на отдых в Крым, для Ольги наступала радостная пора. И хотя курьеры то и дело привозили важные документы, а сановники приезжали обсуждать государственные дела с Александром III, можно было гораздо больше времени проводить с обожаемым Папа. Они любили гулять по Ливадийскому парку и живописным окрестностям и разговаривать. Ольга была уже достаточно взрослой, чтобы с интересом слушать рассказы «о Крымской войне, об успехе отмены крепостного права, о великих реформах, которые проводил её дед, несмотря на отчаянное сопротивление со стороны различных кругов, о русско-турецкой войне 1877 года, в результате которой Балканы освободились от турецкого владычества». Жизнь в Крыму была простой и более свободной. Каждый день заполнялся приятными развлечениями: то устраивали пикник, то игру в теннис, то отправлялись на яхте в море. Вечерами ужинали под открытым небом под звуки оркестра.

Очень рано у Ольги Александровны проявился талант художницы. И Император решил пригласить настоящего учителя живописи. Она вспо-

Александр III с семьей, 1888-1890 гг.

нала: «Даже во время уроков географии и арифметики мне разрешалось сидеть с карандашом в одной руке, потому что я лучше слушала, когда рисовала кукурузу или дикие цветы».

Первым событием, омрачившим радость детства, стало крушение Царского поезда в Борках. Тем утром Ольга и няня дожидались завтрак в своем «детском» вагоне. Вдруг поезд тряхнуло, на пол посыпались вещи, упали и разбились вдребезги две вазы. Девочка в страхе прижалась к няне, но уже в следующую минуту вагон разорвался на части, превратившись в грудю обломков. Ольгу выбросило, и она покатила по крутой насыпи. Очнувшись на мокрой земле, малышка оглянулась: кругом бушевал ад. Некоторые вагоны, находившиеся сзади, про-

должали двигаться, сталкиваясь с передними, и падали набок. Оглушительный лязг железа, ударяющегося о железо, крики раненых ещё больше напугали и без того перепуганную шестилетнюю девочку. Она одна, рядом нет ни родителей, ни любимой няни Нана. В ужасе Ольга бросилась бежать, куда глаза глядят. Но лакей Кондратьев догнал Царевну и поднял её на руки. Девочка билась в истерике и царапала верному слуге лицо, не понимая, зачем этот человек несёт её обратно к жуткому месту. Только оказавшись на руках у отца, успокоилась.

Ольга Александровна

Ольга Александровна вспоминала: « Мне было всего шесть лет, но я почувствовала, что над нами повисла непонятная угроза. Много лет спустя кто-то мне рассказывал, что когда я кинулась бежать от изувеченного вагона, то всё время кричала: “Теперь они придут и убьют нас всех!” Это вполне вероятно. Я была слишком молода, чтобы что-то знать о революционерах. “Они” имело собирательное значение, слово это обозначало какого-то неведомого врага». Маленькая девочка не могла выразить словами свои чувства, но интуитивно осознала, какая опасность нависла над её семьёй. Ей впервые в жизни довелось встретиться со смертью: среди погибших были люди, которых она хорошо знала, обломки вагона раздавили любимую собаку княжны Камчатку. Вернувшись в Гатчинский дворец, Ольга стала бояться темноты и впервые задумалась, почему вдоль парковой ограды разъезжают конные полицейские и знаменитый полк Синих кирасир расквартирован неподалеку.

Казалось бы, время должно было залечить душевные раны, изгладить страшные впечатления после железнодорожной катастрофы. Но судьба готовила новое испытание. Здоровье Александра III год от года ухудшалось, и Ольга заметила это одной из первых. Однажды тёплым весенним днём Император отправился с младшей дочерью в лес. Ольга убежала вперёд, надеясь найти фиалки. Отец попытался обогнать её, но спустя несколько секунд девочка заметила, что он едва успевает за нею. Почувяв что-то неладное, Ольга остановилась. Император посмотрел на дочь со слабой улыбкой.

– Детка, ты не выдашь мой секрет, верно? Я чувствую, что устал, давай лучше вернёмся домой.

Ольга обеспокоилась: такого ещё никогда не было, чтобы отец признавался в усталости. Но сегодня он выглядел измученным. Казалось, слова,

произнесённые Государем, состарили его. С трудом сдерживая слёзы, девочка обещала, что всё останется между ними.

Однако вскоре Александр почувствовал себя настолько плохо, что состояние его здоровья перестало быть тайной для всех. Осенью 1894 года семья приехала в Крым. Ольга не замечала ни тёплой погоды, ни красоты парка, одевающегося в осенний наряд. Она старалась постоянно быть рядом с отцом и детским сердцем чувствовала: случится беда. Однажды Александр прошептал дочери, сидящей на табурете возле его кресла: «Деточка моя милая, я знаю, что в соседней комнате есть мороженое. Принеси его сюда, только так, чтобы никто тебя не увидел». Ольга кивнула головой и на цыпочках вышла из комнаты. Она знала, что доктора запретили отцу есть мороженое, но знала и то, что ему страсть как хочется отведать его. Ольга бросилась за советом к миссис Франклин. «Разумеется, принеси его твоему отцу, – тотчас ответила Нана. – Если он съест немного мороженого, это ничего не изменит. У него и без того радостей мало». Ольга тайком принесла тарелку в комнату Папа. И испытала большую радость, видя, с каким наслаждением он уплетал лакомство. Пожалуй, это была последняя тайна отца и дочери.

20 октября Император Александр умер. В большом дворце, наполненном родственниками, Ольга чувствовала себя одинокой и покинутой. Должно быть, лишь одна миссис Франклин понимала, что для двенадцатилетней девочки детство кончилось. Любовь к отцу была основой её жизни. С ним единственным она делилась всем: детскими шалостями, невзгодами и печалью, радостями и успехами, он учил княжну беззаветной любви к Родине, к простому люду, гордости за прошлое страны и вере в её будущее. Александр, уверенный и могучий правитель, ласковый, добрый и весёлый отец, был для маленькой Ольги одновременно Государем, советчиком и другом.

После смерти отца для Ольги началась другая жизнь. Как это часто бывает, милые в детстве девочки, вырастая, не становятся красавицами. К тому же Ольга не любила наряды, драгоценности и прочие «женские» штучки, чем огорчала Марию Фёдоровну. Балы, приёмы, аудиенции её мало интересовали, всей этой столичной суете Великая княжна предпочитала простую жизнь, любила рисовать, играть на скрипке, гулять по парку. Она помнила о своём высоком положении и о долге, но всякий раз, выходя в свет, не могла отделаться от страха, чувствовала себя зверьком, посаженным на цепь.

Однажды майским днём 1901 года весь Петербург пришёл в волнение, обсуждая опубликованное лаконичное сообщение о том, что Её Императорское Высочество Великая княжна Ольга Александровна, с общего согласия Государя Императора и Вдовствующей Императрицы обручена с Его Высочеством принцем Петром Ольденбургским. Невесте восемнадцать лет, она полна энергии и жизни, жених был на четырнадцать лет старше, лыс, слаб и болезнен. Но не столько разница в возрасте изумила петербургский свет. Пётр Ольденбургский был известен как страстный игрок и кутила, к тому же упорные слухи утверждали, что он вовсе не интересуется женщинами.

– Сказать вам откровенно, меня обманом вовлекли в эту историю, – призналась Ольга Александровна Йену Ворресу много лет спустя. – Меня пригласили на вечер к Воронцовым. Помню, мне не хотелось ехать туда, но я решила, что отказываться неразумно. Едва я приехала к ним в особняк, как Сандра (старшая дочь хозяйки – прим.) повела меня наверх, в свою гостиную. Отступив в сторону, она впустила меня внутрь, а затем закрыла дверь. Представьте себе мое изумление, когда я увидела в гостиной кузена Петра. Он стоял словно опущенный в воду. Не помню, что я сказала. Помню только, что он не смотрел на меня. Он, запинаясь, сделал мне предложение. Я так опешила, что смогла ответить одно: «Благодарю вас». Тут дверь открылась, влетела графиня Воронцова, обняла меня и воскликнула: «Мои лучшие пожелания». Что было потом, уж и не помню. Вечером в Аничковом дворце я пошла в комнаты брата Михаила, и мы оба заплакали.

В этой истории не всё ясно. С одной стороны, не получив согласия Императрицы, графиня Воронцова вряд ли осмелилась бы устраивать судьбу её дочери. Однако есть свидетельства, что Марию Фёдоровну это известие ошеломило. И всё же петербуржцы решили: «Мария Фёдоровна пожертвовала счастьем своей младшей дочери ради того, чтобы Сльга всегда оставалась под рукой и всегда могла приехать как в Гатчину, так и в Аничков». Со свадьбой тянуть не стали, её сыграли 27 июля 1901 года в кругу близких родственников и немногих друзей. Ольгу Александровну, одетую в великолепное платье, в накиннутой малиновой, подложенной горностаевым мехом, бархатной мантии, с короной на голове, повёл к алтарю брат Император Николай II. После свадебного обеда молодые уехали в воронежское

Ольга Александровна с Петром, герцогом Ольденбургским во время помолвки в 1901 г.

имение Рамонь. Сенатор и член Государственного совета А.А. Половцов записал свои впечатления: «Великая княжна некрасивая, её вздернутый нос и вообще монгольский тип лица выкупается лишь прекрасными по выражению глазами, глазами добрыми и умными, прямо на нас смотрящими. Желая жить в России, она остановила свой выбор на сыне принца Александра Петровича Ольденбургского. Пери родовитости своей и значительности денежного состояния... принц во всех отношениях посредственный, а во внешности своей ниже посредственного человека; несмотря на свои годы, он почти не имеет волос на голове и вообще производит впечатление хилого, далеко не дышащего здоровьем и никак не обещающего многочисленного потомства человека. Очевидно, соображения, чуждые успешности супружеского сожития, были поставлены здесь на первый план, о чём едва ли придётся со временем пожалеть». В дневниках родственников схожие записи, общее впечатление можно выразить фразой: «Ольгу жаль...»

Но все письма, написанные Петром Ольденбургским в первые годы супружества, свидетельствуют о его любви к жене. *«Моя дражайшая, любимая Ольга... Я скучаю по тебе, и наш дом без тебя кажется мне вымер-*

**Ольга Александровна в форме гусар
12-ого Ахтырского полка**

шим. Я вошёл в твою комнату, вспомнил то время, которое мы провели здесь вместе, и почувствовал, как слёзы наворачиваются мне на глаза». «Ты даришь мне счастье оттого, что я знаю, что ты счастлива. Обнимаю тебя с любовью» Как бы то ни было, но крепкая семья так и не сложилась, если и был в этом браке счастливый период, то оказался очень кратким. Сама Великая княгиня Ольга Александровна впоследствии назвала свой первый брак пустым притворством. Она вспоминала, что вскоре после свадьбы погрузилась в «глубокую меланхолию», на нервной почве у неё стали выпадать волосы и пришлось носить парик. Не познав любви и счастья, Ольга рано увяла. Не приученная жаловаться, она втайне от всех мечтала о настоящей любви, о радостях материнства и уютном домашнем очаге. Удивительно, что чуткая, хорошо разбирающаяся в душах

людских Мария Фёдоровна не понимала, насколько несчастна её дочь.

Ольга Александровна всегда находилась рядом с матерью, жила в её доме, сопровождала на балы, приёмы, спектакли, выставки. Она ужасно уставала от своих великосветских обязанностей. Настоящее удовольствие доставляли живопись и благотворительная деятельность. Великая княгиня покровительствовала многим детским домам, больницам, женским курсам, оказывала помощь неимущим талантливым художникам. В своем имении Ольгино в Воронежской губернии создала деревенский госпиталь и часто его посещала, учась у местного доктора врачеванию и уходу за больными. В 1901 году Ольга Александровна стала шефом 12-го Ахтырского полка, единственного в российской армии получившего на знаменитом параде союзников под Парижем в 1814 году от Императора Александра I право на вечные времена носить свои коричневые доломаны, в которых они прославились в кампании 1813 года.

«Это была судьба. И еще – потрясение. Видно, именно в этот день я поняла, что любовь с первого взгляда действительно существует». Так Ольга Александровна описала самую важную встречу в своей жизни.

Весной 1903 года Император Николай II пригласил младшую сестру в Павловск на военный смотр. Ольга обратила внимание на красивого молодого офицера в форме лейб-гвардии Кирасирского полка, она никогда не видела его прежде и не знала его имени, но их взгляды встретились... Великая княгиня заметила, что её брат Михаил по-приятельски разговаривает с офицером. «Оказалось, что они друзья, – рассказывала она. – Я узнала, что его зовут Николай Куликовский, что он из известной военной семьи, хотя для меня такие подробности не имели никакого значения. Я просто сказала Михаилу, что хочу познакомиться с этим человеком. Михаил понял меня. На следующий же день он устроил обед. Как всё это происходило, я уже не помню. Мне было двадцать два года, впервые в жизни я полюбила, и я знала лишь, что любовь мою приняли и ответили взаимностью».

Ольга Александровна была человеком честным и прямолинейным, а потому решила откровенно поговорить с мужем и попросить немедленного развода. Но Пётр, заботившийся о чести семьи, объяснил жене, что развод невозможен, иначе её ожидает страшный скандал, осуждение родных, а возможно, изгнание. Он обещал

**Ольга Александровна
в госпитале
Красного Креста в Ровно**

вернуться к этому вопросу через семь лет, пока же посоветовал влюблённым скрывать свои чувства. А чтобы они чаще могли видаться, не вызывая подозрений, сделал офицера Куликовского своим адъютантом.

Однако прошли и семь, и девять лет, а в жизни Ольги Александровны ничего не менялось, она по-прежнему оставалась супругой Петра Ольденбургского, матушка даже не подозревала, что её дочь горячо любит другого человека. Надежды на счастье становились все прозрачнее, а молодые годы уходили безвозвратно, от этого становилось горько и обидно. Это двусмысленное положение изменилось лишь во время войны. Ольга Александровна проводила на фронт своего возлюбленного Николая Куликовского, ушедшего воевать с Ахтырским гусарским полком. Прощание на виду у всех было сдержанным – быстрое пожатие рук и несколько шёпотом сказанных слов. «Я смотрела ему вслед, – вспоминала Ольга Александровна. – Я доверила его Божьему промыслу. После его отъезда в Петербурге меня более ничто не удерживало. Город стал для меня темницей. Я пошла к мужу и сказала, что отправляюсь сестрой милосердия на фронт и что никогда не вернусь к нему. Он ничего не ответил. Думаю, что он мне не поверил». Однако на следующий день Ольга села в вагон поезда на Варшавском вокзале, который повез её на запад. Она работала медицинской сестрой в военном госпитале в Ровно, отказавшись от любых привилегий своего сословия. По пятнадцать часов в сутки перевязывала, заботливо ухаживала за ранеными. Не хватало лекарств, бинтов, постельного белья. Удивительно, откуда при такой напряжённой работе у Ольги Александровны

Акварель Ольги Александровны продавалась в виде открытки для сбора средств в помощь благотворительным учреждениям

хватало времени и сил на создание ярких акварелей. Иллюстрации продавались в виде открыток, а средства, вырученные от их продажи, поступали в благотворительные организации. Неподалёку сражался Ахтырский полк, и Ольга надеялась встретиться с Николаем Куликовским.

В конце августа 1915 года после ряда поражений русская армия отступила, и госпиталь перевели в Киев. Однажды, когда Великая княгиня дежурила в палате, она услышала, что кто-то к ней пришёл, и подошла к двери. Раненые с удивлением наблюдали, как Царская сестра бросилась в объятия очень грязного и небритого офицера. Это был полковник Куликовский, приехавший на недельную побывку и решивший провести отпуск поблизости от лазарета. Ужасы войны, близость смерти вызвали в душе Ольги Александровны решимость изменить свою жизнь. Её любимый Николай был дважды ранен и мог погибнуть, а она – так никогда и не узнать простого женского счастья, поэтому стоит ли обращать внимание на то, что скажут родственники! Она отправляется в Петербург и в разговоре с матерью признаётся, что брак с принцем Ольденбургским давно распался и её самое горячее желание – соединить свою судьбу с дорогим человеком. Признание дочери ошеломило Марию Фёдоровну, она записала в дневнике: «Бэби оставалась у меня до 10. Во время нашей долгой беседы она открыла мне своё сердце. Я была глубоко потрясена – раньше ни слова об этом от неё не слышала. Ужасно её жаль!»

Надо сказать, реакция матери изумила Ольгу. «...Больше всего я боялась встречи с Мама. Я должна была сообщить ей, что намерена выйти замуж за человека, которого люблю. Я приготовилась к тому, что Мама устроит страшный скандал, но она встретила это известие совершенно спокойно и сказала, что понимает меня. Для меня это явилось своего рода потрясением. Мария Фёдоровна даже согласилась познакомиться с избранником дочери, правда, держалась с полковником Куликовским сдержанно. А вот Императрица Александра Фёдоровна, к которой Ольга всегда относилась тепло и дружелюбно, воспротивилась предстоящему разводу и написала мужу в Ставку гневное письмо: *«Я все понимаю и не упрекаю её за стремление, прежде всего, к свободе, а затем к счастью, но она вынуждает тебя идти против законов семьи, – когда это касается самых близких, это ещё больнее. Она – дочь и сестра Государя! Перед всей страной, в такое время, когда династия переживает такие тяжёлые испытания и борется против революционных течений, – это грустно. Общество нравственно распадается, и наша семья показывает пример... Может быть, это нехорошо, но я надеюсь, что Петя не даст развода...»* Однако Ольга, получив неожиданную поддержку и сочувствие матери, решила бороться за своё счастье.

Мария Фёдоровна вскоре переехала в Киев, но младшая дочь уже не могла, как прежде, постоянно находиться рядом. Императрица писала Николаю в июле 1916 года: *«Ольга так занята, что я её даже мало вижу, у неё 400 раненых солдат и около 28 офицеров»*. Зять Ольги Александровны Великий князь Александр Михайлович, также находившийся в Киеве,

отзывался о ней с уважением и восхищением: «Что же касается... Ольги Александровны, то самые заклятые враги династии не могли сказать ничего, кроме самого хорошего, о её бескорыстной работе по уходу за ранеными. Женщины с душевными качествами великой княгини Ольги представляют собой редкое явление. Всегда одетая как простая сестра милосердия и разделяя с другой медсестрой скромную комнату, она начинала свой рабочий день в 7 часов утра и часто не ложилась всю ночь, когда надо было перевязывать вновь прибывших раненых. Иногда солдаты отказывались верить, что сестра, которая так нежно и терпеливо за ними ухаживала, была родною сестрою Государя и дочерью Императора Александра III».

Напряжённая работа подорвала силы Ольги Александровны, и в октябре она тяжело заболела. 28 октября в Киев приехал Николай, и Ольга, несмотря на то, что ещё не полностью оправилась, с радостью встретила с братом, которого очень любила, понимала и жалела. Вид Государя поразил её: «Я была потрясена при виде Ники: такой он был бледный, худой и измученный. – Мама встревожило его необычное спокойствие. Я знала, что ему хотелось бы поговорить со мной по душам, но у него не было ни минуты времени: у него накопилось столько дел, и столько людей хотели с ним встретиться». Ольга попросила брата-Государя, главу семьи Романовых, дать ей письменное разрешение венчаться с полковником Куликовским. Николай разрешил. Уже из Ставки он писал Александре Фёдоровне: «...Ольгу мы видели лишь два раза, она уже встала вчера (после болезни) и выглядит хорошо, хотя и худа, – такое спокойное, хорошее выражение лица. Она письменно просила разрешения повенчаться в субботу 5 ноября. Она, конечно, спросила об этом и Мама, и я принял её сторону, сказав, что, по моему мнению, надо покончить с этим делом. Раз оно должно случиться, пусть случится теперь! Она хочет взять отпуск на две недели и затем вернуться к своей работе». Это была последняя встреча сестры и брата.

Ольга в волнении принялась готовиться к свадьбе, ведь до назначенного дня оставалось меньше недели. Венчание полковника Николая Александровича Куликовского и Великой княгини Ольги Александровны состоялось в киевском храме Святого Николая 4 ноября 1916 года. Вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна, присутствовавшая на свадьбе дочери, записала в дневнике: «Ольга выглядела очаровательно в белом платье, с венцом и фатой, лицо счастливое. Двое офицеров в роли шаферов. Всё так необычно! Боже, благослови её и сделай воистину счастливой с ним, тем, кого она любит. Молодожёны оттуда отправились домой. Весь персонал встретил её с любовью и энтузиазмом. Затем мы все вместе пообедали. Повсюду царили возбуждение и радость. За ночь пошёл снег...»

Сама Ольга Александровна почему-то описала свою вторую свадьбу скромнее, но передала чувства, охватившие её, когда она стояла у алтаря: «На церемонию пришли Мама и Сандро. Присутствовали также два или три офицера Ахтырского полка и немногие мои подруги из числа сестер милосердия. Церковь была маленькая и тёмная. Венчалась я в одежде сестры милосердия. Но я была действительно счастлива. У меня сразу прибавилось

сил. Стоя в церкви рядом с моим любимым Кукушкиным, как я любила называть своего мужа, я решила смело глядеть в глаза будущему, каким бы оно ни оказалось. Я была благодарна Всевышнему за то, что Он даровал мне такое счастье». Счастья Ольга и Николай ждали 13 долгих лет!

В большой семье Романовых новость о втором браке Ольги Александровны восприняли спокойно: время было смутным, мрачные тучи сгущались и над страной, и над династией. Императрица Мария Фёдоровна, пережив немало трагедий, стала с большим сочувствием и пониманием относиться к близким и искренне радовалась счастью Ольги. После возвращения молодых из короткого свадебного путешествия она писала Николаю: *«Бэби Ольга снова здесь. И такая радость видеть её сияющей от счастья, слава Богу. Она бывает каждый день у меня, один раз они у меня вместе пили чай. И он очень мил, натуральный и скромный»*.

Отречение Николая от престола Ольга восприняла трагически, хотя и старалась понять причины, заставившие брата принять столь тяжкое решение. Она и её сестра Ксения, пожалуй, единственные из всех Романовых, с теплотой и пониманием относились к Александре Фёдоровне. Ольгу и молодую Императрицу сближали общие черты характера: скромность, сдержанность, нелюбовь к суете и блеску высшего света. «Странную дружбу» Аликс с Распутиным она объясняла так: «Издерганная, измученная до невозможности, не видя ниоткуда поддержки, она, в конце концов, вообразила, что "старец" является и спасителем России». Наверно, отстаивать своё мнение, отличное от мнения других родственников и прежде всего Мама, было нелегко. Но иначе Ольга не могла, она всегда оставалась собой.

Когда Мария Фёдоровна вернулась после встречи с сыном в Ставке, её покинули последние силы. Несчастная измученная женщина впала в такое

Ольга Александровна
и Николай Куликовский

отчаяние, что испуганный Сандро кинулся в госпиталь и вызвал Ольгу к матери прямо с дежурства. «Никогда ещё я не видела Мама в таком состоянии. Она ни секунды не могла усидеть на месте. Она то и дело ходила по комнате. Я видела, что она не столько несчастна, сколько рассержена. Она не понимала ничего, что произошло. И во всем винила бедную Алики. День был такой, что впору поседеть, – вспоминала Великая княгиня. – Торопясь к Мама, я оступилась и довольно неудачно упала, когда выходила из автомобиля. Пытаясь как-то утешить Мама, я всё время думала: не повредило ли мое падение ребёнку». Ольга Александровна уже ожидала рождения своего первенца.

Много сил приложила она, чтобы уговорить Марию Фёдоровну покинуть Киев, оставаться в котором становилось опасно, и уехать в Крым. В поезд сели молча. «Ночь была холодная. На мне не было ничего, кроме формы сестры милосердия. Чтобы не привлекать к себе подозрения, уходя из лазарета, пальто я надевать не стала, – рассказывала Великая княгиня. – Муж накинул мне на плечи свою шинель. В руках у меня был маленький саквояж. Помню, я посмотрела на него, на свою мятую юбку и поняла, что это всё, что у меня осталось». Великая княгиня удивлялась, как им все-таки удалось добраться до Крыма. На каждой станции происходили дикие сцены, толпы беженцев пытались атаковать поезд. Однако сапёры, вооружённые винтовками с примкнутыми штыками, охраняли двери каждого вагона.

Первое время в Крыму Романовы жили спокойно. «Те несколько недель, которые мы провели в Ай-Тодоре, казались чуть ли не сказкой. Была весна, сад был в цвету. У нас появилась какая-то надежда. Нас оставили в покое, никто не вмешивался в наши дела. Разумеется, мы беспокоились о Ники и всех остальных. Ходило ведь столько слухов. Если не считать одного письма, доставленного тайком, мы не получали никаких известий с севера. Мы знали одно: сам он, Алики и дети всё ещё находятся в Царском Селе», – вспоминала Ольга Александровна. К тому же здесь, на благословенной крымской земле, она испытала долгожданное счастье стать матерью. 12 августа 1917 года у Ольги родился сын. Рожать Великой княгине пришлось без медицин-

Великая Княгиня Ольга Александровна с мужем, Николаем Куликовским, и сыновьями Тихоном и Гурием

ской помощи, врач прибыл, когда малыш уже появился на свет. Но всё обошлось благополучно. Рождение внука и племянника стало настоящим праздником для Романовых. Когда-то давно, ещё в своём воронежском имении, Ольга Александровна дала обет назвать первенца Тихоном в честь святителя Тихона Задонского, особо почитавшегося в тех местах святого.

Однако скоро свободная жизнь закончилась, у ворот Ай-Тодора выставляли охрану, никому не позволя-

лось покидать имение, кроме Ольги, которая, выйдя замуж за Куликовского, перестала быть Романовой. «Я и представить себе прежде не могла, что быть замужем за незнатным человеком так выгодно». – шутила она впоследствии. Вместе с мужем они покупали продукты, навещали друзей, собирали информацию о последних событиях в Крыму и за его пределами. После обыска, учинённого в имении, решили спрятать драгоценности из шкатулки Марии Фёдоровны, чудом уцелевшие. Ольга Александровна вспоминала: «Мы переложили всё её содержимое в баночки из-под какао. При малейшем признаке опасности мы прятали эти жестянки в глубокое отверстие у подножья скалы на морском берегу. Поскольку вся поверхность скалы была испещрена отверстиями, то место, куда мы прятали драгоценности, мы отмечали тем, что перед ним клали побелевший череп собаки. Однажды мы пришли к скале и увидели, что череп находится на отмели. Мы не знали, что и подумать. Неужели кто-то обнаружил наш тайник? Или же просто ветром сбросило череп на землю? Помню, холодный пот выступил у меня на лбу при виде того, как мой муж шарил рукой во всех отверстиях на поверхности скалы. С каким облегчением я вздохнула, когда муж извлёк из одного из них жестянку, в которой позвякивали самоцветы!»

Ольга Александровна с мужем и сынишкой переселились в небольшой домик – несколько комнат, построенных над винным подвалом. Поскольку они пользовались большей свободой и им разрешалось выходить из имения, на их плечи легли заботы добывать пропитание для всей большой семьи. Денег не хватало, приходилось продавать украшения, предметы интерьера или картины. Однако вскоре почти не осталось людей, способных что-либо купить, а цены на рынке росли, Романовы жили впроголодь.

Княгиня Ольга Александровна рисует

Из собранных в дубовой роще желудей Ольга научилась варить кофе и приглашала родных на чашечку этого экзотического напитка.

На рынке и в окрестных татарских аулах Великую княгиню частенько узнавали, несмотря на крестьянское платье, передник и неуклюжие башмаки, однако люди относились к ней приветливо. «Крымские татары по-прежнему оставались преданными Ники. Многие из них встречали его в лучшие времена, но, к сожалению, бойцами они не были. Если бы эти жители аулов были такие же лихие, как казаки, они раздавили бы в Крыму большевиков. А между тем мы знали, что большевики приобретали влияние с каждым днём», — рассказывала Ольга Александровна.

Заточение самым ужасным образом сказывалось на пленниках. Мария Фёдоровна, и раньше не очень-то привечавшая нового зятя, не приглашала его на семейные встречи, всячески давая понять, что он им неровня. Сандро утратил интерес к жизни, Ксения также предавалась отчаянию. Семью объединяла лишь тревога о судьбе близких, оставшихся в Петербурге. Ольга Александровна вспоминала: «До нас доходило множество самых нелепых слухов. Мы не знали, чему и верить. Некоторые из нас надеялись, что им удалось уехать в Англию. Потом мы узнали, что всю семью выслали в Тобольск, и это, увы, оказалось не слухом, а истиной. Одного ялтинского дантиста местный совет отправил в Сибирь. Этому доброму человеку удалось доставить Ники и Алики несколько писем и небольших подарков».

В одном из писем 5-6 декабря 1917 года племяннице Марии Николаевне Ольга Александровна описывала радости и горести их крымской жизни:

«Здравствуй моя дорогая душка Мария!»

Получила открытку твою в письме одной из сестёр, за что очень благодарю. Только что пили чай Зина Менгден и Николай Фёдорович. Мы их встретили в саду — они шли к морю, а мы с Николаем Александровичем

Акварели Ольги Александровны

были заняты собиранием шишек и грибов. Собрали много и того и другого. Занятие очень весёлое и полезное — в особенности тащить в гору домой!»

Зина ужасно милая, и чем больше и больше её знаешь, тем больше можно её любить и даже любоваться её характером и душой: простой, хороший человек. Бабушка её нежно любит. Фиалки цветут в саду — не в лесу, а так, в клумбах. Знаешь, куст такой — Oleo Fragrance называется —

чудно пахнут мелкие беленькие цветочки? А листья немного похоже на «Holly». Теперь это тоже в цвету. Хризантемы опять начали цвести, и погода теплее, сегодня идеально было.

Тихон долго рассматривал Зину, а затем собрался заплакать, и его отец ничего лучшего не нашел сказать: «Тишенька, не стоит на неё смотреть». Она очень смеялась, а Николай Фёдорович спросил её, вернётся ли она когда-нибудь в дом, где с нею хозяин так нелюбезен, – и она сказала, что да, она любит, когда говорят так прямо и грубо. Потом я, тоже не думая, сказала, что теперь я такая же толстая, как Вы, и т. д., – а она, бедная, в отчаянии от своей полноты и не любит, когда это замечают.

Кончаю письмо 6-го декабря. Вспоминаю всегда чудный парад всех любимых частей и как мы любили этот день. Николай Александрович, будучи тоже именинником сегодня, был вместе со мной приглашён завтракать к бабушке. Ели крабы, и курицу, и печенье, яблоки. Затем пришел другой именинник, а именно Николай Фёдорович, и мы, попрощавшись, вернулись домой к Тихону и больше не выходили, т. к. он так уютно лежал у меня на коленях, сперва кушал чрезвычайно долго и со вкусом, а затем улыбался и играл со мною, что было невозможно его оставить! В начале холодов было у нас очень холодно в квартире, в особенности в спальне – не больше 8-10 градусов, и ночью бедный маленький просыпался с ледяшками вместо ручек – и только отогревался у меня в кровати! Так жалко его! Но слава Богу, он не простудился, и теперь топят и стало теплее. Ну до свиданья, толстая моя душка Мария. У бабушки стоит открытка от Алексея. Она была очень рада её получить. Вся семья Кукушкиных шлёт свой привет всем. Храни вас Господь Бог, дорогие мои.

Любящая тебя твоя старая тётя Ольга».

Нового комиссара-большевика Задорожного Ольга Александровна очень боялась: «Это был убийца, но человек обаятельный, – вспоминала Великая княгиня. – Он никогда не смотрел нам в глаза. Позднее он признался, что не мог глядеть в глаза людям, которых ему придётся однажды расстрелять. Правда, со временем, он стал более обходительным. И всё же, несмотря на все его добрые намерения, спас нас не Задорожный, а то обстоятельство, что Севастопольский и Ялтинский советы не могли договориться, кто имеет преимущественное право поставить нас к стенке». Ольга Александровна, как и все Романовы, понимала, что они приговорены к смерти. Когда Марию Фёдоровну, Сандро, Ксению и их детей перевезли в Дюльбер, семья Куликовских осталась одна в пустом имении Ай-Тодор. Ольга поднималась на высокую гору, откуда хорошо виден Дюльбер, чтобы убедиться – с родными всё в порядке. Несколько раз она видела мать, и её тревога немного успокаивалась.

Узнав о том, что ялтинские большевики намерены штурмом взять Дюльбер, Ольга Александровна завернула ребёнка в одеяла и с мужем побежала к берегу. Несколько часов они скрывались среди скал, а потом стали пробираться в сторону Дюльбера. С грустью она вспоминала: «Вы только пред-

ставьте себе! Я, Романова, стояла у ворот имения и умоляла большевиков, чтобы они взяли меня в плен!» К тому времени стало почти темно, Часовые не хотели их впускать. Иззябшие, голодные, измученные, тревожась за здоровье ребёнка, Ольга Александровна и ее муж нашли убежище в доме одного из друзей. Утром их разбудили возбуждённые голоса. Какой-то человек сообщил им, что ночью врага разбили, родные в Дюльбере живы и свободны. Спасение пришло неожиданно. Немецкие войска, занявшие Ялту, помешали «банде ялтинских матросов» расстрелять Царскую семью. Ольга Александровна не знала, радоваться ей или печалиться: «Нас, Романовых спасает от нашего же народа наш злейший враг, кайзер! Что может быть унижительнее этого!»

Несколько дней спустя Задорожный и его матросы покидали Ай-Тодор. Они благодарили своих недавних пленников за то, что те спасли им жизнь, – немцы хотели расстрелять большевиков – и целовали им руки. Ольгу эта сцена тронула до глубины души: «Я глядела им вслед, и сердце моё было наполнено глубокой благодарностью. Они вели себя порядочно. Они не только спасли нам жизнь, но и возродили в нас веру в природную доброту русского народа. По крайней мере, для меня это было гораздо важнее, чем жизнь».

Мария Фёдоровна, покинув Дюльбер, нашла пристанище в гостеприимном Хараксе. Там же поселилась и Ольга Александровна с семьёй. Полные нервного напряжения месяцы ай-тодорского и дюльберского плена остались позади, и все вздохнули с облегчением. Каждое утро Ольга навещала мать, затем днём она снова приходила одна или с сынишкой. Все вместе гуляли по парку, ездили в соседние имения, устраивали пикники. Несмотря на ужасную реальность и тяжёлые слухи о семье Ники, жизнь дарила Великой княгине счастливые минуты. Рядом были двое самых любимых мужчин – муж и сын, к тому же впервые с 1914 года она начала рисовать. Чуткая душа талантливой художницы не могла не откликнуться на красоту крымской природы. Акварели Ольги Александровны запечатлели любимые уголки: имение Ай-Тодор в окружении виноградников, древнюю можжевелевую рощу, согретую жарким солнцем, парк Харакса то в нежной пене весенних деревьев, то в буйном цветении роз, то в золотом осеннем наряде. И, конечно, её милый малыш Тихон. Чудесные акварели яркими солнечными красками рассказывают о простом счастье, наконец-то обретённом Царской дочерью.

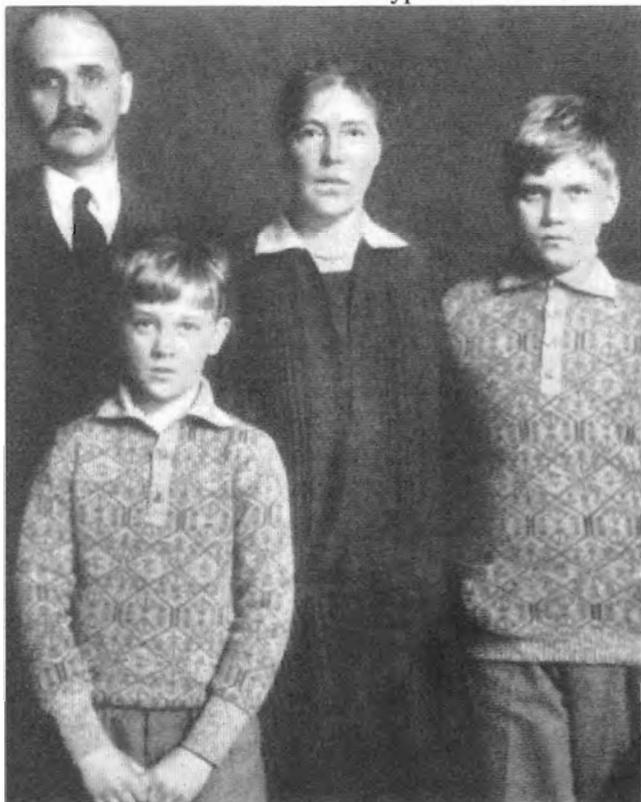
Видимость мира исчезла ещё до того, как закончился 1918 год. Немцы выводили свои войска, и оставаться в Крыму снова стало опасным. Но Мария Фёдоровна отклонила предложение британских офицеров уехать в Англию. Ольга Александровна, вновь ожидавшая ребенка, оказалась перед страшно тяжёлым выбором. Долг велел ей оставаться рядом с матерью, но и перед своей семьёй и детьми у неё были обязанности. В конце концов, она решила ехать с семьёй на Кавказ к генералу Врангелю. С великими трудностями добираясь до Ростова, Великая княгиня надеялась, что их примет Командующий Добровольческой армией А.И. Деникин. «Мы рассчитывали,

что он проявит к нам сочувствие, но он не захотел сделать этого. Генерал прислал к нам ординарца, который сообщил нам, что в Ростове мы не нужны», – без обиды вспоминала Ольга Александровна. Между тем приближался срок родов, верный телохранитель казак Ячик предложил поехать в его родную станицу Новоминскую, что в Екатеринодарском крае. Там Ольга Александровна родила второго сына Гурия, принятого простой крестьянкой. Жизнь в станице показалась Куликовским раем. Ольга Александровна научилась трудиться на огороде, обрабатывать землю и полоть, молоть кукурузу, купленную у соседа-станичника, пекла хлеб, стирала одежду, какая у них сохранилась, кормила грудью новорождённого сына и ухаживала за Тихоном. Муж работал в соседнем хозяйстве и заработную плату получал натурой. Но однажды холодной ноябрьской ночью в хату Куликовских постучали. Казаки предупредили Великую княгиню, что передовые отряды красных уже подходят к Новоминской. Закутав сыновей и прихватив нехитрый скарб, Ольга и Николай кинулись бежать, их путь лежал к Черноморскому побережью.

Два месяца лишений, ночёвок в полузаброшенных амбарах зимними но-

чами, голод и холод вытерпела маленькая семья, прежде чем добралась до Новороссийска. На торговом судне, набитом беженцами, Куликовские отплыли в Стамбул. «Мне не верилось, что я покидаю родину навсегда. Я была уверена, что ещё вернусь, – вспоминала Ольга Александровна. – У меня было чувство, что моё бегство было малодушным поступком, хотя я пришла к этому решению ради своих малолетних детей. И всё-таки меня постоянно мучил стыд». Узнав, что Мария Фёдоровна обосновалась в Дании, Ольга Александровна отправилась к матери, понимая, сколь ей сейчас трудно, и желая помочь. «Мы приехали туда в страстную пятницу 1920 года. Я была счастлива снова увидеться с Мама, но всем нам было грустно. В душе мы понимали, хотя не осме-

Ольга Александровна, Николай Куликовский с сыновьями Тихоном и Гурием. 1930 г.

ливались высказаться вслух, что остаток своих дней нам придётся провести в изгнании», – с грустью вспоминала Ольга Александровна.

Совместная жизнь была несладкой, хотя Ольга любила мать и восхищалась её мужеством. Для родительницы она стала подругой, сестрой милосердия, горничной и секретарём. На загородной вилле Видёре было достаточно прислуги, не говоря уже о фрейлинах Императрицы, но она настаивала, чтобы младшая дочь всегда была под рукой. А ведь её заботы требовали муж и двое сорванцов. Внуки, непоседливые, шумные мальчишки, часто раздражали бабушку. «Неужели ты не можешь призвать этих мальчиков к порядку?» – сердилась она. Ольга устало вздыхала и отвечала, что может сделать это только тогда, когда они спят. Зятя Мария Фёдоровна так и не полюбила, до конца дней своих она относилась к полковнику Куликовскому, как к самозванцу и простолюдину. Когда приходили гости и Ольгу звали на обед или чай в апартаменты её родительницы, на мужа приглашение не распространялось.

Смерть Марии Фёдоровны стала тяжёлым ударом для Ольги. К тому же сразу после похорон она осталась без крова над головой: датский король Христиан X указал своей кузине на дверь. Средств на существование не хватало. Единственная надежда – получить часть драгоценностей из шкатулки Мама. Заниматься их продажей взялась Ксения, даже не поставив сестру в известность: «Мне дали понять: меня это всё мало касается, поскольку я замужем за простолюдином. Это было жестоко и несправедливо». И хотя уникальные жемчуга, рубины и сапфиры были оценены в полмиллиона фунтов стерлингов, сёстры получили лишь сто тысяч, причем Ксения отдала Ольге сорок тысяч. Ольга Александровна считала недостойным устраивать скандал по этому поводу, но между сёстрами пролегла пропасть. К тому же Ольге Александровне пришлось ещё несколько лет в суде доказывать свое право на часть денег от продажи виллы Видёре, собственности ее матери. Однако наследство помогло Ольге и Николаю приобрести ферму Кнудсминне в пятнадцати милях от Копенгагена, где они завели хозяйство: лошадей, коров, свиней, домашнюю птицу. В свободное время Ольга Александровна рисовала, её изящные акварели продавались в Копенгагене и приносили доход. «Мы почувствовали себя словно в раю и хотели прожить в мире и покое всю оставшуюся жизнь. Даже не помышляли о том, чтобы куда-то переехать. Амалиенбург стал далёким прошлым. Кнудсминне принадлежало только нам, мы были там ограждены и от дурного нрава короля, и от его недоброжелательности. Это была скромная крестьянская усадьба, которой было далеко до дворца или замка, но для нас это был семейный очаг. Нас ожидал тяжёлый труд, но я была готова ко всему. Я понимала, что в тысячу раз лучше жить бедным изгнанником среди бедных крестьян, чем среди владетельных богачей и аристократов. Я полюбила этих мужественных, трудолюбивых людей. Думаю, и они приняли нас в свою среду – и не за наше происхождение».

Дания стала второй родиной для Великой княгини. Её сыновья, Тихон и Гурий, поступили в военное училище и стали офицерами датской армии. Но

тикую, спокойную жизнь нарушила Вторая мировая война. В 1940 году Данию оккупировали гитлеровские войска. Сначала распустили датскую армию, и сыновья Ольги Александровны несколько месяцев провели в тюрьме. Рядом с фермой Куликовских появилась база люфтваффе, немецкие офицеры стали наносить визиты родственнице кайзера Вильгельма, и Великая княгиня вынуждена была их принимать. Это вызвало ненависть местных жителей, униженных германской оккупацией. Русские эмигранты, пленённые иллюзией освободить родину от большевиков, вступали в германскую армию и приезжали к сестре Царя-мученика. И хотя Ольга Александровна помогала всем русским, и тем, кто надел немецкую форму, и пленным, воевавшим с Гитлером, никому не отказав в куске хлеба или нескольких крохах, после завершения войны советское правительство потребовало выдачи Великой княгини, связанной, по их мнению, с «военными преступниками».

Ольге Александровне исполнилось шестьдесят лет, но ей пришлось бросить налаженную жизнь в Дании и снова бежать. В 1948 году на военном корабле семья Куликовских отправилась в Канаду. Жизнь предстояло начать заново. Но первые месяцы, проведённые её семьёй в Канаде, оказались самыми счастливыми в жизни Ольги Александровны. С каждым днём, с каждой неделей она дышала всё более полной грудью. Природа Канады, её просторы напоминали Россию, родной дом, который ей не суждено больше увидеть. Ольга была более чем довольна: чувствовала себя счастливой, с юношеским восторгом писала подруге: *«В окрестностях я обнаружила свои любимые весенние цветы – голубые анемоны. Какое это было счастье – ведь я обожаю их и думала, что никогда больше не увижу эти цветы. Я с такой радостью жду, когда они зацветут, тогда я в ещё большей степени почувствую, что в Канаде я, словно у себя дома... У меня на родине леса весной были покрыты ковром таких же голубых цветов...»* Природа Канады стала источником вдохновения. Ольга Александровна много и с удовольствием рисовала, выставляя картины в Торонто и в Копенгагене, обустроивала свой дом, переписывалась со многими соотечественниками, поддерживала эмигрантские организации в Канаде, встречалась с родственниками. К сожалению, Великая княгиня так и не научилась не расстраиваться при встрече с многочисленными самозванцами, выдававшими себя за детей брата, Анастасию и Алексея.

После смерти в 1958 году Николая Куликовского, любимого мужа, с которым она сорок два года делила радости и горести, для Ольги Александровны жизнь утратила смысл и яркость красок. «Зна-

Великая княгиня Ольга Александровна
и Николай Куликовский

Ольга Александровна с
сыновьями Тихоном и Гурием

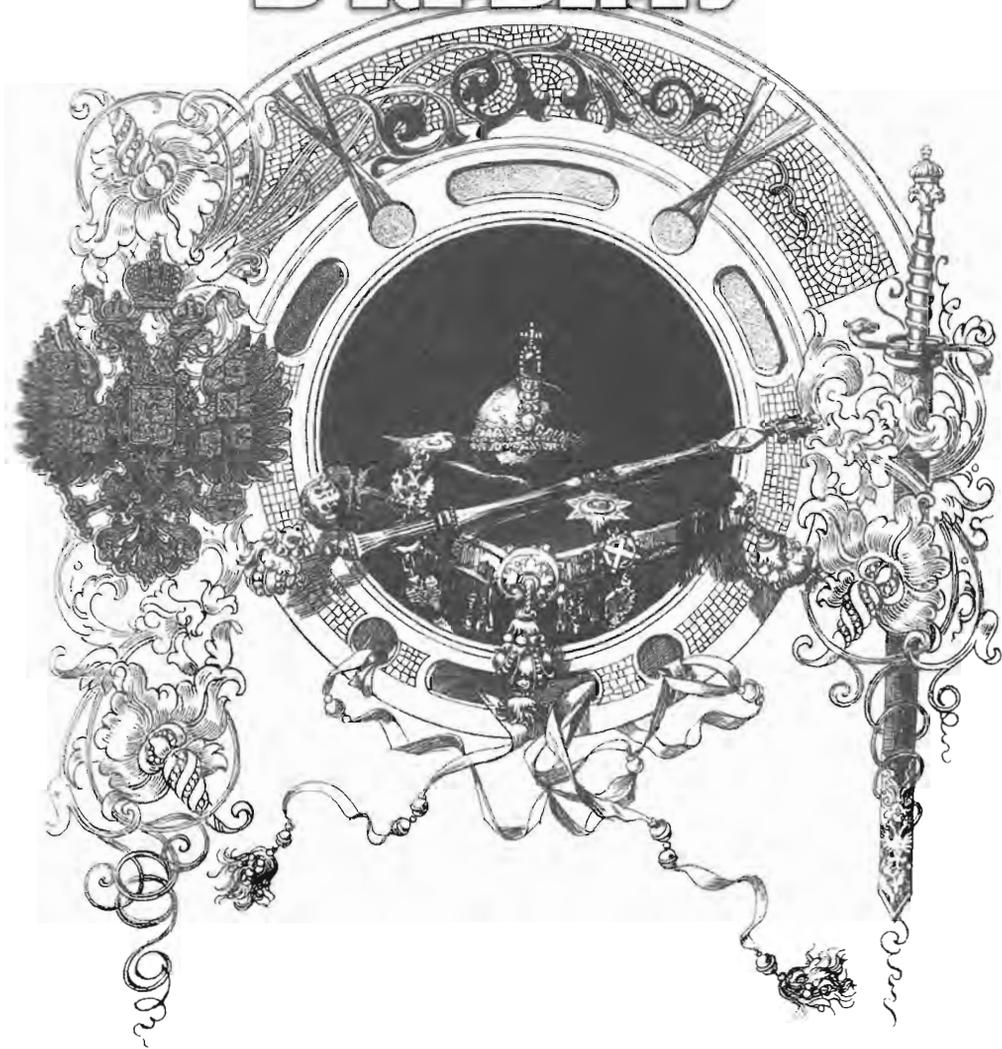
ете, трагедия и страдания, по-видимому, неотъемлемые элементы жизни. Никто на свете не в силах избежать того или другого. Но я твердо верю, что существует иная жизнь, в которой человек обретает счастье, и, быть может, чем больше страданий выпадает на его долю здесь, тем больше вероятность того, что он станет счастливым там», – говорила Великая княгиня Йену Ворресу незадолго до смерти. Она тихо ушла из жизни ноябрьской ночью 1960 года. Пять дней с Ольгой Александровной прощались русские люди, съезжавшиеся со всех концов земли. В храме день и ночь несли караул оставшиеся в живых офицеры Гусарского Ахтырского Её Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны полка. Великую княгиню похоронили на кладбище Норт-Йорк рядом с мужем Николаем Александровичем Куликовским, на крышку гроба священник бросил горсть родной земли, доставленной из России.

В 2002 году в Москве в память 120-летия со дня рождения Великой княгини Ольги Александровны состоялась первая выставка её удивительных картин, организованная невесткой Ольгой Николаевной Куликовской-Романовой, возглавляющей Благотворительный фонд имени Ея Императорского Высочества Великой княгини Ольги Александровны. Замечательные акварели талантливой Августейшей художницы вернулись на родную землю. В 2006 году О.Н. Куликовская-Романова посетила Харакс, уголок Крыма, где родился её супруг Тихон Николаевич.

ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ СЕМЬИ В КРЫМУ

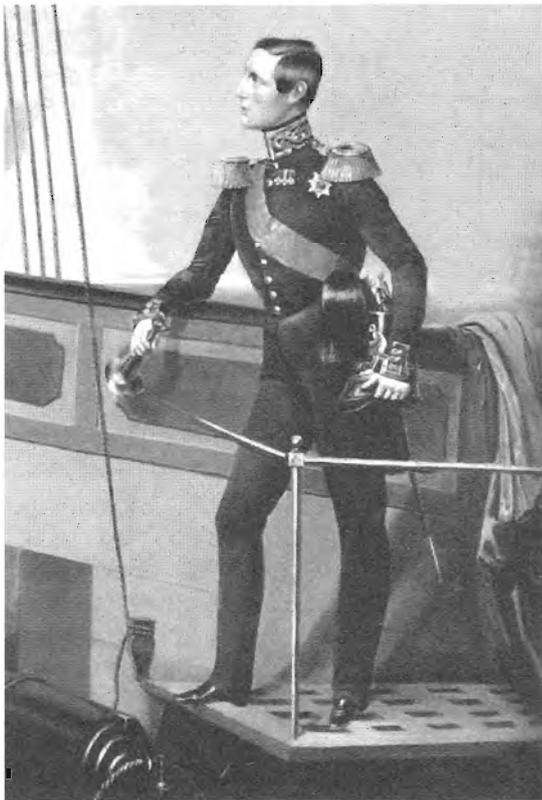

ВЕТЬ КОНСТАНТИНОВИЧЕЙ. СЛАВА И ЗАБВЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА

Историческая наука подчас так избирательна. Изучая деяния Российских Императоров, историки и писатели до недавнего времени обходили вниманием Великих князей, а между тем многие из них – единомышленники, верные соратники Государей, настоящие патриоты – сыграли важную роль в развитии страны. Имя Великого князя Константина Николаевича в середине XIX века было известно не только в России, но во всём мире, благодаря его активной деятельности свершились знаменитые Александровские реформы. Удивительно сложилась судьба Великого князя: ему довелось испытать славу и торжество победителя, узнать горечь поражений и забвение.

В 1860 году, после смерти Императрицы Александры Фёдоровны, хозяином имения Ореанда в Крыму стал Великий князь Константин Николаевич. личность яркая, неоднозначная, противоречивая. Он, щедро одарённый не-

Великий князь Константин Николаевич

заурядными способностями, государственным умом, политическим темпераментом, выделялся в семье Романовых.

Великий князь Константин Николаевич, второй сын Императора Николая I и Императрицы Александры Фёдоровны, родился 9 сентября 1827 года в Павловске. «В семье, которая хвалилась своим высоким ростом, толстыми мускулами и правильностью черт лица: в семье, предпочитавшей сходство с преображенскими гренадерами сходству с государями образованными, – Константин Николаевич был ребёнок слабый и тщедушный. В семье, в коей никто не любил занятий умственных, ...Константин Николаевич явился ребёнком умным и любознательным. Вместо того чтобы развивать эти качества, на него сыпались одни упреки. Костя всё с книжками, Костя скучен, Костя педант – вот слова, которые

беспрестанно поражали его слух», — рассказывал князь П. Долгоруков в 1861 году. Однако по его свидетельству можно составить не совсем верное мнение о юном князе. На самом деле этот «педант» рос дерзким и необузданным сорванцом, мог при случае расшуметься и разрезвиться так, как все его братья и сёстры вместе взятые, пренебрегая всеми нормами хорошего тона и правилами поведения. Он был упрям, горяч и несдержан, желаемого старался добиться любыми путями, за что получил прозвище «паровик». Впрочем, с возрастом Великий князь научился довольно успешно властвовать собой.

Живой ум, тягу к знаниям и трудолюбие Константина в Царской семье всё же не оставили без внимания. Он получил прекрасное воспитание и обучался под руководством самых авторитетных педагогов и специалистов в отечестве, коих Император Николай I выбрал сам. Отец с детства готовил Константина к службе во флоте, недаром его главным воспитателем стал Фёдор Петрович Литке, знаменитый мореплаватель, географ, полярный исследователь и президент Академии наук. В четыре года Константину было присвоено звание генерал-адмирала Российского флота, высший морской титул, соответствующий званию фельдмаршала. В восемь лет Константин впервые отправился в плавание по Финскому заливу, а затем каждое лето ходил по Балтийскому, Баренцеву, Северному морям. В 20 лет он получил чин капитана 1-го ранга, став командиром фрегата «Паллада», на котором когда-то совершил свой первый выход в море. К своему воспитателю Литке Константин Николаевич на всю жизнь сохранил чувство признательности: «Ему я обязан всем тем, кем сейчас являюсь. Он меня поставил на ноги».

К воспитанию Константина Николай I привлёк и наставника старшего сына Александра, поэта Василия Андреевича Жуковского, человека свободолюбивого, морально безупречного. «Общее является суммой индивидуальных благ; а цель никогда не оправдывает средства, — учил он своих воспитанников. — Добиваться цели нужно поступательным путём, а не насильем, ибо всякая революция есть шаг из понедельника в среду. Но и усилие перескочить из понедельника назад в воскресенье столь же губительно». Эти слова стали правилом, которому Великий князь следовал, проводя реформы. Константин Николаевич сдружился с Василием Андреевичем и переписку, возникшую в «учебных целях», вёл до смерти учителя.

Особый интерес Константина вызывала история, он занимался и общался с первейшими знатоками и исследователями науки К.И. Арсеньевым, М.П. Погодиным и С.М. Соловьёвым. Преподаватели отмечали его трудолюбие и добросовестное отношение к учёбе, Костя много и прилежно занимался, блестяще выдерживал экзамены. Но сам он желал достичь большего, стремился к постоянному самосовершенствованию: «До сих пор я был просто дитя, потому что, как я веду себя и учусь, оно достойно десятилетнего дитя. Пора не на шутку измениться. Если посмотрю назад на свою жизнь, то вижу, что всё искал только того, что забавляет меня, а работать, заниматься делом, думать — это я очень редко... Первое, с чего мне надобно начать — это усердная учёба».

Впоследствии Великий князь говорил: «Я с молодых лет питал уважение к наукам и верил в необходимость поступательного движения на пути просвещения». Но в становлении личности Константина Николаевича сыграли немаловажную роль и общение с думающими, прогрессивными людьми, и наставничество священника, побуждавшего задумываться, для какой цели создал Бог каждого человека, зачем нужно изучать собственный характер, давать отчёт в своих поступках. Так, уже с юных лет Великий князь привык спрашивать себя: приносит ли пользу людям его жизнь?

Кроме военного, Константин Николаевич мечтал о высшем университетском образовании, но это противоречило традициям Царской семьи, в которой Наследники и Великие князья получали только домашнее воспитание. А вот стать прекрасным музыкантом ему никто помешать не смог. Константин Николаевич хорошо играл на виолончели и фортепиано, музицировал с великим Вержиловичем, знаменитой Епанчиной и консерваторским оркестром, знал теорию и историю музыки. Великий князь полюбил интеллектуальную игру – шахматы. В Николаеве, где жил во время Крымской войны, он регулярно посещал шахматный кружок, а впоследствии стал почётным председателем Петербургского шахматного клуба. Ряд сыгранных им партий был даже опубликован в 1869 году. Константин Николаевич серьёзно увлекался литературой, в 1848 году он содействовал появлению литературного журнала «Морской сборник», в котором печатались И.А. Гончаров, А.Н. Островский, Д.В. Григорович, А.Ф. Писемский, К.С. Станюкович. Великий князь приложил немало усилий, чтобы журнал не подлежал общей цензуре, на его страницах можно было прочитать неординарные статьи хирурга Н.И. Пирогова, правдивые повествования о Севастопольской обороне, следить за педагогической дискуссией, подготовившей школьную реформу, проведённую впоследствии министром народного просвещения А.В. Головниным. Константин Николаевич так сформулировал главную задачу «Морского сборника»: «Цель наша не в том, чтобы извлекать денежные выгоды, но чтобы знакомить Россию с флотом, возбуждать к нему уважение и привязанность». Напомним, это время царствования Николая I, Государь запретил литераторам не только критиковать правительство, но даже хвалить его, право автора на собственное мнение объявлялось «дикостью и преступлением».

Военно-морская наука и география оставались главным призванием Великого князя. В 1845 году, когда ему исполнилось всего 18 лет, он организовал «Русское географическое общество» и стал его председателем, а учёным секретарем был назначен Литке. В 1849 году Константин Николаевич стал членом Государственного Совета, на следующий год – членом Адмиралтейского совета и Совета военно-морских учебных заведений. В 1849 году молодой князь получил первое боевое крещение – во время Венгерского похода участвовал в сражениях под Дебреценом и Вайценом, отвечая за переправу через реку Тиссу, за что был награждён орденом Св. Георгия IV степени.

Благодаря запискам фрейлины Анны Фёдоровны Тютчевой, мы можем представить Константина Николаевича в возрасте 25-26 лет: «...Молодые

великие князья очень приветливы и добры, даже слишком просты и недостаточно выдерживают свою роль полубогов. Великий князь Константин самый величественный из них, но он, как и прочие, очень прост в общении; тем не менее, в его взгляде, в его осанке чувствуется владыка... У Великого князя довольно дерзкая манера рассматривать людей в монокль, пронизывая вас жёстким, но умным взглядом. Один из всей царской семьи он невысокого роста, у него красивые "романовские" черты лица, а профиль немного напоминает Наполеона в молодости. Он отличается живостью, много говорит и с большой лёгкостью и изяществом выражается на нескольких языках. Чисто и грамотно на русском, что давало повод слыть ему свирепым славянином, говорящим только по-русски и пренебрегающим всеми формами европейской цивилизации. На самом деле он был европейски просвещён, видел Россию управляемой собственными силами, но в кругу мировой цивилизации. Говорят, что он очень образован, очень любознателен, очень деятелен; от него ждут с надеждой славы будущего царствования. Утверждают, что его отец не очень его любит из-за некоторых честолюбивых поползновений, которые внушают ему недоверие к своему второму сыну».

При дворе действительно ходили слухи, что Константин оспаривает право на престол у Александра на том основании, что он порфирородный сын, сын Императора, тогда как его старший брат родился тогда, когда Николай ещё не был объявлен Наследником. Однако слухи эти были безосновательными: в дневнике, в письмах к отцу юный князь мечтает быть рядовым императорской армии и добиться признания и поощрения со стороны главнокомандующего, говорит о своём горячем желании служить, не щадя жизни, Государю, стать «первым его слугой». С Александром Константина связывали отношения дружбы и доверия, правда, они не всегда были равными из-за разности характеров: увлекающийся всем новым, энергичный Константин медленному течению жизни предпочитал действие, Александр был более осто-

Великий князь Константин Николаевич

рожным. Но в феврале 1855 года Константин Николаевич, принося присягу на верность новому Императору, заявил: «Я хочу, чтобы все знали, что я первый и самый верный из подданных Императора».

Авторитет отца для Константина Николаевича был непререкаем. Во время их совместной поездки в Кронштадт 23 августа 1846 года состоялась доверительная беседа, в которой Николай I сообщил сыну, что присмотрел для него невесту – принцессу Саксен-Альтенбургскую Александру – и велел познакомиться с девушкой. Он предоставил Константину самому определиться, понравится ему принцесса или нет, но выразил своё желание, чтобы Великий князь имел «этакую суженую всегда перед глазами», чтобы не сбиться с пути, бывая в обществе молодых людей, «в котором много говорят и делают, что не должно». Константин, всегда видевший, с какой любовью и нежностью относится отец к Мама, безоговорочно доверял ему и, ещё не видя Александры, почти влюбляется в неё: «Ах! Дай Бог, чтобы всё это удалось и чтоб я был её достоин, и, имея её перед глазами, сохранил бы жизнь свою чистою!»

Уже осенью 1846 года Константин приехал в Альтенбург и был сражён красотой, милым обаянием и весёлостью принцессы Александры-Фредерики-

Александра Иосифовна

Генриетты-Паулины-Марианны-Елизаветы, таково было её полное имя. Своими восторженными чувствами юный князь делится с дневником: «Не понимаю, что произошло со мной? Я стал совершенно другим человеком. Одна лишь мысль движет мною, одна картина стоит перед глазами: всегда она и только она, моя звезда. Я влюблён. Но как долго я знаком с нею? Всего лишь несколько часов – и я влюблён по уши...» В письме отцу он благодарит его за выбор: «*Как бы мне хотелось самому обнять тебя, самому благодарить тебя за это невыразимое счастье, которым ты меня одарил!*»

Юная Александра тоже любила Великого князя и после официального предложения отправилась в далёкую, загадочную Россию навстречу своему счастью, даже не подозревая, сколько прекрасных и горестных минут ей уготовила судьба. «1847 год па-

мятен для меня приездом в Россию невесты Великого князя Константина Николаевича, принцессы Саксен-Альтенбургской – Великой княгини Александры Иосифовны, – вспоминала впоследствии фрейлина Мария Фредерикс, ставшая её подругой. – Увидела я её в первый раз на другой день её приезда в Царское Село. Она была пресимпатичной девушкой; красота её ещё тогда не так развилась, как впоследствии, но она была миловидной донельзя, весёлой, резвой и такой натуральной... Помню, что сразу же после знакомства, мы побежали на деревянную катальную гору, помещённую в одной из зал Александровского дворца, и, катаясь и веселясь, подружились, и дружба наша неизменно сохранилась...»

Головнин Александр Васильевич

Целый год принцесса под присмотром Императрицы училась русскому языку, готовилась к переходу в православие, привыкала к новым, немного странным обычаям. После обряда миропомазания немецкая принцесса стала Великой княжной Александрой Иосифовной, но члены Императорской семьи называли её ласково «Санни» – солнышко. 30 августа 1848 года в Петербурге состоялась пышная свадьба Великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны.

В тот же день Император Николай I произвёл Константина Николаевича в контр-адмиралы и зачислил его в свою свиту. Русский флот переживал не лучшие времена, катастрофически отставая в техническом и кадровом отношении от флотов крупных европейских держав. Требовалось немало усилий, чтобы провести кардинальные изменения. Сначала Николай I поручил сыну возглавить комитет по составлению Морского устава, назначив ему в помощники чиновника особых поручений Министерства внутренних дел Александра Васильевича Головнина*, ставшего верным соратником князя. В 1853 году Великий князь Константин Николаевич был назначен

* Головнин Александр Васильевич (1821-1886) – государственный и общественный деятель, близкий друг и биограф Великого князя. С 1843 года служил в Министерстве внутренних дел, с 1848 года перешёл в Морское ведомство, с 1850 года с Великим князем Константином Николаевичем работал в Комитете пересмотра морских уставов. С 1856 года – камергер при Великом князе, фактический руководитель либерального журнала «Морской сборник», в 1859 году стал статс-секретарём при Константине Николаевиче, соратник и вдохновитель всех либеральных идей и реформ. С 1862 по 1866 год – министр народного просвещения, затем член Государственного Совета. Сохранившаяся переписка Головнина с Великим князем даёт возможность увидеть духовный облик Константина Николаевича, получить представление о его взглядах на общественную жизнь России, на литературу, искусство, архитектуру, в письмах – размышления о целесообразности парламентского строя, резкое осуждение революционных действий, заботы о флоте и т. д.

управляющим Морским министерством, с этого времени начался 30-летний период его деятельности в качестве главы русского флота. «Энергия генерал-адмирала ломала сложившуюся в течение десятилетий рутину административной работы. Он поднимал сразу десятки вопросов и заваливал своих подчинённых поручениями и запросами... Но рамки николаевской системы жёстко определяли в эти годы сферу возможных преобразований. Реформы допускались лишь в виде частных улучшений, и надеяться на радикальные перемены при жизни Николая I не приходилось». Прежде всего, у правительства не находилось средств для сооружения кораблей нового поколения. И всё же, несмотря на неудачи и разочарования, работа в Морском ведомстве складывалась творчески. Константин Николаевич умело привлекал на службу талантливых, предприимчивых и образованных людей, особенно ценя в них преданность делу. Великий князь, желая видеть истинное положение дел на флоте, издал циркуляр, осуждавший «всеобщую официальную ложь», требовавший правды, «в особенности глубокого и откровенного изложения недостатков».

С началом Крымской войны Константин Николаевич вместе с Великой княгиней Еленой Павловной организовал первые госпитали, отдал свои 200 тысяч рублей на сооружение шестидесяти канонерских лодок. «Всё, что я имею, принадлежит России», — эти слова стали девизом жизни Великого князя. Однако Крымская война была позорно проиграна. «Остался чужой флот в Чёрном море, бомбардировки Одессы, армия без вооружения, флот, разграбленный лихоимством, унижение России», — справедливо писал современник.

**Константин
Константинович, начало
1870-х**

Уже с середины 50-х годов XIX века Константин Николаевич понял: государство требует немедленных перемен. «Положение, — отмечал он, — становится тем важнее, что теперь явились с новой силою... важно жизненные вопросы... а именно: о крепостном праве, о раскольниках, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицию нашу так, чтобы народ находил где-нибудь суд и расправу, чтоб приказания правительства исполнялись и чтоб высшие правительственные лица не были вынуждены для достижения благих целей прибегать к незаконным средствам».

После воцарения Александра II Великий князь Константин Николаевич начал серьёзные преобразования в Морском ведомстве. Согласно Парижскому мирному договору Россия не могла держать флот в Чёрном море. Морской министр совершил длительную зарубежную поездку и ознакомился с флотами Англии и Фран-

ции. «Я теперь не что иное, как генерал-адмирал без флота, который видел своими глазами гигантские флоты и морские способы вчерашних врагов наших». И он поставил перед собой цель: в кратчайшие сроки сделать всё возможное для возникновения мощного броненосного флота в России. Сначала Великий князь Константин Николаевич создал условия для непрерывного плавания русских военных судов в дальних морях и океанах. В 1856 году балтийская эскадра из пяти кораблей уходит в Средиземное море, через год уже две эскадры вошли в Чёрное море, в 1858 году русские суда совершили кругосветное путешествие. В 1863 году эскадра под командованием адмирала С.С. Лесовского посетила несколько портов Соединённых Штатов.

Уже с 1864 года Балтийский флот пополнился бронированными судами. Из парусного он стал паровым, а затем броненосным, одним из лучших в мире. Константин Николаевич много ездил по стране, создавая новые и обновляя старые оружейные заводы, верфи, присутствовал на спусках и испытаниях кораблей. Обладая смелым и решительным характером, он не раз подвергал свою жизнь опасности. 17 июня 1854 года проходили испытания новой лодки американской конструкции, плоскодонной, с небольшим водоизмещением. Закончились они неудачно: лодка затонула, команда оказалась в воде. Одни погибли, других вытащили из волн спасатели, а Константин Николаевич, сильный, умелый пловец, спасся сам. Эту дату отмечали в семье как день чудесного спасения Константина Николаевича.

Энергии и трудолюбию морского министра можно позавидовать: в течение одного дня он успевал побывать и на пороховом, и на шильном заводах, и в адмиралтейских мастерских, обсудить качество приобретённых за границей «винтов и машин». Вот как описывает Константин Николаевич свой обычный день, 22 марта 1860 года: «В восемь утра отправился в Кронштадт. Приехавши, отправился прямо на Пороховой завод. Котлы “Гремящего” шибко подвигаются вперёд. В кузнице видел сварку второй пушки, а в токарной — сверление первой. Обошёл все мастерские завода, везде большая деятельность...»

Константин Константинович

Дело технического перевооружения флота продвигалось, но не всё получалось. Не хватало профессионалов, деятельных и умных соратников. Из попытки установить порядок продвижения людей по служебной лестнице в соответствии с их личными качествами ничего не вышло. Уж очень сильна оказалась противодействующая партия, обеспокоенная проведением активных реформ, изменением привычной жизни. А чего стоит освобождение военных поселян! Дело в том, что Морское ведомство имело крепостных крестьян, живших на Охте и под Николаевом. Из 125 тысяч нижних чинов, причисленных к Морскому ведомству, 100 тысяч служили «комфорту высших чинов», выполняя различные обязанности. 10 апреля 1858 года охтинские поселяне были освобождены от крепостной зависимости, а спустя два года отпущены на волю и крестьяне черноморских адмиралтейских поселений. Общее число нижних чинов Константин Николаевич сократил до 27 тысяч, они составляли боевую силу, береговая команда уменьшилась в шесть раз, количество офицеров стало соответствовать прямым потребностям флота. Даже число чиновников в Морском ведомстве сократили в два раза! Указами Великого князя в министерстве начались преобразования в судебной реформе, в частности, были отменены телесные наказания. Конечно же, противники любых изменений стали дружно ругать Константина Николаевича, называя «якобинцем», «красным», распуская всяческие нелепые слухи и предрекая стране многочисленные беды от его реформ. Князь отвечал сановникам и министрам заносчивостью, высокомерием, а подчас и неприкрытой грубостью. Семёнов-Тян-Шанский писал: «Великий князь был одним из первых лиц русской интеллигенции, сознавших необходимость обширных реформ в русском государственном и общественном строе и убедившихся, что первую из этих реформ должно быть освобождение крестьян от крепостной зависимости».

Морское министерство становится своеобразным полигоном для испытания новаторских идей, которые, по мнению молодых реформаторов, следовало затем распространить и на другие ведомства. Через несколько лет накопленный ими опыт пригодился для преобразования всей России и, покоряясь воле Царя-освободителя, Константин Николаевич перестал замыкаться в рамках узкой специальности, заведование которой предписывалось ему с самого раннего детства, принявши активное участие в делах общегосударственных.

В январе 1857 года Александр II приказал создать Секретный комитет, «для обсуждения мер по устройству быта помещичьих крестьян», переименованный вскоре в Главный комитет по крестьянскому делу. Увидев, что многие его члены всячески тормозят реформу, Царь поставил во главе его «своего первого помощника в крестьянском деле», неутомимого генерал-адмирала Константина Николаевича. По словам П.П. Семёнова-Тян-Шанского, «в своём высокоталантливом брате Он (Александр II) нашёл преданного исполнителя своих уже определившихся предначертаний, доказавшего предыдущей деятельностью в Главном комитете непоколебимое

сочувствие великодушному намерению державного Брата удержать за освобождёнными крестьянами всю ту землю, которая при крепостной зависимости обеспечивала их существование...» Проведя три бурных заседания – 14, 17 и 18 августа 1857 года, – Константин Николаевич сдвинул дело с мёртвой точки, убедив собравшихся в необходимости осторожного, но непрерывного движения вперёд.

Активная, неуступчивая позиция Константина Николаевича, поставила членов Комитета, по-прежнему не желавших обсуждать проблему крепостничества, в затруднительное положение. Пытаясь выиграть время и умерить напор Великого князя, они обрушили на Императора поток жалоб по поводу резкости высказываний его младшего брата, его выпадов в адрес дворянства, но в ответ слышали следующее мнение монарха по поводу их сетований: «Я склонен думать, что эти господа действуют криводушно, парализуя усилия Императора ко всему, что относится до прогресса и цивилизации... они творят много зла». Константин Николаевич и его единомышленники, которых скоро прозвали «константиновцами», – Великая княгиня Елена Павловна, А.В. Головнин, министр финансов М.Х. Рейтерн, военный министр Д.А. Милютин, генерал от инфантерии граф Я.И. Ростовцев и другие – готовили отмену крепостного права в России. Редакционные комиссии были должны выработать условия освобождения крестьян. Константин Николаевич выступал за освобождение крестьян с передачей им земли в собственность, но с сохранением общинной основы там, где для этого имелись местные условия. Большинство же дворян просило отпустить крестьян вовсе без пахотной земли! И Великий князь не сдерживается, гневно обрушивается на ретроградов, не стесняясь в словах.

Жаркие, яростные дебаты на заседаниях Комитета продолжались до января 1861 года. Присутствовавший на заседаниях Царь, чаще всего молчал, тем самым укрепляя позицию брата. Наконец, проект Крестьянской реформы поступает на рассмотрение в Государственный совет, который большинством голосов его отвергает. И только личное вмешательство Императора помогло преодолеть препятствия.

19 февраля 1861 года Великий князь Константин Николаевич с супругой и старшим сыном Николаем прибыл во дворец. Он стоял рядом с Императором Александром II, когда тот подписывал Манифест об отмене крепостного права. В дневнике князь так описал это знаменательное событие: «Собрались к обедне в Зимний, после чего был молебен с чудными молитвами по случаю дня восшествия на престол. После завтрака все разошлись, а я остался, чтобы посмотреть, как Саша подпишет Манифест и попросил его, чтобы он к этому позвал и Никсу. Сперва он его громко прочёл и, перекрестившись, подписал, а я его засыпал песком... Перо, которым подписал Манифест, подарил на память Никсу*. С сегодняшнего дня начиналась новая история, новая эпоха России. Дай Бог, чтобы к вящему её величию.

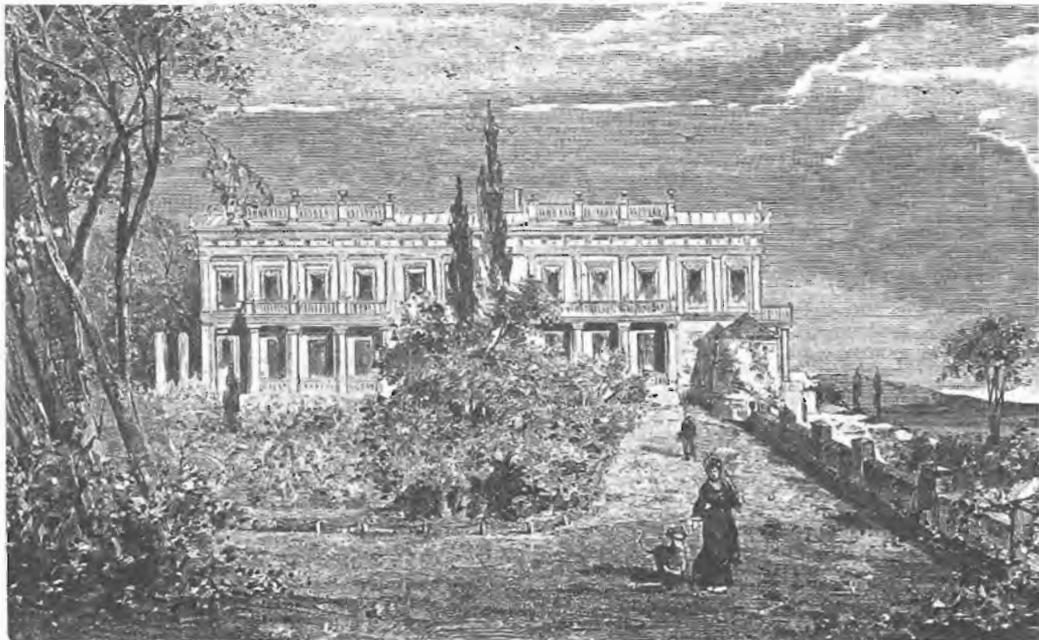
*Наследник Николай Александрович, старший сын Императора Александра II, умерший в Ницце в 1865 году.

На сегодняшний день пророчествовали революцию и разный вздор, а народ был так тих и спокоен, как всегда. Обед был семейный у Саши». В этот же день, согласно указу Александра II Великий князь Константин Николаевич занял пост председателя вновь утвержденного Главного комитета об устройстве сельского состояния, призванного контролировать реализацию крестьянской реформы.

В августе 1861 года князь после инспекционной поездки в Николаев и Севастополь приехал в имение Ореанда, впервые полноправным хозяином. Его обожаемая супруга Александра Иосифовна и дети часто посещали Крым, а он, занятый важными делами, всё не мог выкроить время для отдыха. Вот и теперь у него нашлось всего несколько дней, чтобы посетить прекрасный, дорогой его сердцу уголок. К сожалению, Александра Иосифовна в то время находилась за границей. А как было бы хорошо провести время в кругу семьи!

Долгие годы семейная жизнь Константина Николаевича и Александры Иосифовны ничем не омрачалась. В 1850 году супруги с радостным волнением ожидали своего первенца. Великий князь пишет отцу о своей благодарности Богу *«за это счастье, которого столь мало достоин»*, и рассуждает о тяжести отцовского долга: *«Вполне чувствую, какие новые трудные обязанности будут на мне лежать, но ожидаю... , что Он мне даст силы исполнить их по совести»*. У великокняжеской четы рождается сын, которого нарекли Николаем в честь деда, Императора Николая I. *«Не могу описать тебе, в какой мере я счастлив!!!»* – сообщает Константин Николаевич отцу.

Загородный дом в Ореанде. Литография, 1860 г.

За первенцем родились дочери – Ольга и Вера, сыновья – Константин, Дмитрий, Вячеслав. Во дворцах Стрельны, Павловска, Петербурга раздавались детский смех и звучала музыка...

Александра Иосифовна, как и супруг, неплохо музицировала и сочиняла музыку. В любимом Павловске великокняжеская чета взялась организовывать концерты в здании вокзала. Сначала здесь играли далеко не первоклассные оркестры – военный, тирольский, цыганский, но по прошествии времени публика смогла насладиться прекрасным исполнением лучших концертных ансамблей, дирижировали нередко известные композиторы. По приглашению Александры Иосифовны в Павловск не раз приезжал замечательный австрийский композитор, «король вальса» Иоганн Штраус. Он, очарованный Россией и блестящими музыкальными вечерами у Великой княгини, посвятил ей вальс «Александра» и кадрили «Терраса Стрельны». Не случайно, когда было образовано Императорское русское музыкальное общество, Александре Иосифовне пожаловали должность председателя.

Константин Николаевич мог гордиться и другими достижениями супруги. Она возглавила «Стрельнинское братство для ближнего», открыла на свои средства детскую больницу, организовала школу садоводства и сама вела в ней занятия.

Фрейлина Анна Тютчева оставила нелестный отзыв об Александре Иосифовне:

«Великая княгиня изумительно красива и похожа на портреты Марии Стюарт. Она это знает и для усиления сходства носит туалеты, напоминающие костюмы Марии Стюарт. Великая княгиня не умна, ещё менее образованна и воспитана, но в её манерах и в её тоне есть весёлое молодое изящество и добродушная раслущенность, составляющие её прелесть и заставляющие снисходительно относиться к недостатку в ней глубоких качеств. Её муж в неё очень влюблён, а Государь к ней весьма расположен. Она занимает в семье положение *enfant gatee* (избалованного ребенка), и принято считать забавными выходками и милыми шалостями бестактности и не умение держать себя, в которых она часто бывает повинна. Портит её голос, гортанный, хриплый». Возможно,

Александра Иосифовна за лианоно

наблюдательность в этот раз подвела фрейлину или Великая княгиня изменилась с возрастом, но в Царской семье её уважали и любили не только за шалости юных лет, но и за ум, доброе сердце.

В первые годы супружества Александра Иосифовна неизменно сопровождала мужа во всех поездках: как сухопутных, так и в долгих морских походах, хотя для этого ей пришлось привыкать к морской качке. В дневниках Великий князь писал с гордостью и любовью, смешно называя Александру на украинский манер – «жинка»: «Качка по временам была порядочная, и моя бедная жинка очень страдала, но, несмотря на то, показала себя молодцом и ничуть не пала духом. Напротив того, она два раза со мной играла на фортепиано, и я весьма доволен, что она скоро совершенно привыкнет к морю».

Александра Иосифовна научилась быть женой моряка, провожать в дальние плавания и терпеливо ждать возвращения Константина Николаевича. В семье Великого князя царили любовь, взаимопонимание и душевная теплота. Константин Николаевич, по примеру отца, окружал обожаемую жену постоянной заботой и неиссякаемой нежностью. Все отмечали душевную близость супругов. Им часто приходилось расставаться, но общение – в письмах, телеграммах – не прерывалось.

Александра Иосифовна со старшими детьми

Вот и в 1861 году Константин Николаевич своими впечатлениями о крымском имении делится с женой в письмах и дневниковых записях.

«7 августа. Через Георгиевский монастырь, мимо Балаклавы, через Байдарскую долину поднялись к Байдарским воротам, откуда открылось перед нами чудное зрелище моря. Там завтракали. Далее по Южному берегу по прелестной почтовой дороге доехали до чудной Ореанды. Вошли от ворот пешком, мимо ротонды. Чудо, прелесть. Осмотревши дом, купался в море. Потом обед и курили на террасе и гуляли при лунном свете.

8 августа. Утром писал письмо жинке. Потом купались. В полдень – через наш прелестный парк в Ливадию завтракать. Мило, но сравниться не может с Ореандой. Оттуда в колясках через Ялту, Массандру, Магарач, Айданиль в Юрзуф. В доме отдыхали и пили чудесное вино. Оттуда нижними дорогами верхом назад. Немного останавливались в Никитском саду. В Массандре сели в экипажи и домой уже при лунном свете. Обедали и вечер сидели на террасе. Прелесть.

9 августа. Утром меня разбудили известием о приезде курьера. Лёжа в постели начал читать письма жинки, и какие письма, я просто таял! Всё утро разбирал привезённые бумаги. Потом купались. Маленький прибой. Я ложился на берег, так что прибой ходил через меня. После завтрака осматривал дворец со всеми его прелестными хозяйственными устройствами. Потом верхом таскались по саду, лазили на скалу, где крест, и осматривали все экономические условия и устройства. Можно из этого устроить прекрасное доходное имение. Вечером ещё раз купались.

10 августа. День рождения нашего милого Костюхи, ему три года. В три часа отправились по почтовой дороге до станции Мисхор. Там сели верхом и через имение Мисхор по берегу моря в Алупку. Осматривали дворец и купались. Алупка хороша, но в подмётки не годится Ореанде.

11 августа. ...С Глазенапом и Ешлиманом рассматривали денежную сторону Ореанды. Уже теперь возможны экономии, а со временем, когда разовьём виноделие, и подавно. В 3 часа объездили верхом всю Ореанду и парк, и часть Ливадии, и Ореанду Дибича, и горную часть, где отыскивали прелестнейшие равнины. После этого визита я ещё более полюбил эту чудную Ореанду.

12 августа. Совершенно стихло, осталась только порядочная зыбь и купаться было прелесть. В 9 часов с грустью простились с Ореандой и отправились в возвратный путь. В Севастополе пересели на «Тигр».

Сколько любви и восхищения своим имением в этих дневниковых записях! «Рай земной» – так Великий князь называл Ореанду. Когда порой Константин Николаевич путешествовал по Европе инкогнито, в отелях он именовал себя «Фон Ореандский, помещик из Крыма, Россия». Владея несколькими прекрасными поместьями, Великий князь больше всех любил Ореанду. Его чувство разделяли Александра Иосифовна и их дети, желанными гостями в усадьбе были Великие князья Николай и Михаил – младшие братья Константина Николаевича. К сожалению, государственные дела

и заботы не часто оставляли возможность Великому князю отдыхать вместе с родными, но он не забывал любимое имение, стараясь расширить его границы и увеличить доходность. В 1863 году он приобрёл Верхнюю Ореанду покойного графа И.И. Дибича, позднее – владения графа И.О. Витта, которые дотоле арендовал у его наследницы, а также купил обширный участок у гаспринского татарина Муллы-Али, расположенный выше Севастопольского шоссе. Верхняя Ореанда славилась своими виноградниками; вина высокого качества, произведённые там, продавались в магазине Рихтера в Петербурге. Обо всём, что происходило в имении, владелец узнавал из докладов обергофмаршала графа Шувалова, который вёл активную переписку со зрителями. Из сохранившихся письменных отчётов можно узнать о материальных затратах на содержание дворца и сада, о борьбе с болезнью виноградников. саранчой, об охоте на волков и т. д.

Однако государственная деятельность требовала почти постоянного присутствия Константина Николаевича в Петербурге. Реакция на подписание Манифеста последовала незамедлительно, и одним из её проявлений стало волнение в Польше. Царь решил назначить наместником Царства Польского Великого князя Константина Николаевича, надеясь, что отъезд брата утихомирит страсти вокруг его роли в крестьянской реформе, а его либеральные взгляды и «примирительная политика» успокоят свободолюбивых поляков. Однако эта задача оказалась Константину Николаевичу не по силам. Уже на второй день после приезда с семьёй в Варшаву, 21 июня 1862 года, он подвергся покушению со стороны портного-подмастерья Людовика Ярошинского, в момент выхода из театра. Запись в дневнике свидетельствует о мужестве и спокойствии Константина Николаевича в опасную минуту: «...выходит из толпы человек, я думал, проситель. Но он приложил мне к груди револьвер и в упор выстрелил. Его тотчас схватили. Оказалось, пуля пробила пальто, сюртук, галстук, рубашку, ранила меня под ключицей, ушибла кость, но не сломала её, а тут же остановилась, перепутавшись в шнурке лорнетки с канителью от эполет. Один Бог спас. Я тут же помолился... Общее остервенение и ужас».

Великий князь Константин Николаевич надеялся найти в отношениях с поляками компромиссное решение всех острых вопросов и избежать кровопролитных конфликтов. Он обратился с мирным призывом: «Поляки, поверьте мне, как я вверился вам!»; обещал провести политическую амнистию, ввести польский язык в официальное делопроизводство, открыть учебные заведения, способствовать деятельности Государственного совета Царства Польского, восстановить автономию в делах внутреннего управления. Великий князь принялся претворять свои обещания в жизнь, но Польша продолжала бунтовать, требуя полной независимости и возвращения ей земель от Западной Двины до Днепра.

Князь болезненно реагировал на критику, ужасно несправедливую. сыпавшуюся и справа и слева. В чём его только не обвиняли: в измене, в попустительстве националистическим устремлениям поляков, говорили

даже, что Константин Николаевич хочет воцариться в Польше, отделив её от России! Отвергая все нападки, Великий князь заявлял: «Я свято исполнил данную мне программу. К глубокому сожалению, она не привела к доброму результату». Наконец, осознав, что «примирительная политика» не утихомирит Польшу, Александр II уволил брата с поста наместника. Покидая Варшаву в октябре 1863 года, Константин Николаевич горько заметил: «Теперь наступает время палачей». Он оказался прав, польское восстание потопил в море крови летом 1864 года генерал Ф.Ф. Берг.

За поражением в Польше последовала цепь неудач, приведших к остановке реформ, отставке многих соратников Константина Николаевича, к закату его политической деятельности. Студенческие восстания, пожары и, наконец, вовсе невероятное – покушение на жизнь Александра II, в котором партия ретроградов тут же обвинила Константина Николаевича и либеральные реформы. Царь в страшном гневе: он дал народу свободу и что получил взамен? Великий князь едет в Зимний дворец, умоляет брата не принимать поспешных решений, напоминает лозунг их политической деятельности: «Ни слабости, ни реакции». Но всё напрасно, Александр подписал указ о создании Следственной комиссии во главе с генералом Муравьевым.

Однако Александр II по-прежнему доверял Константину Николаевичу, с 1 января 1865 года Великий князь назначен председателем Государственного Совета. А 14 января Императору был подан адрес московского дворянства, обратившегося к Царю с ходатайством о созыве «общего собрания выборных людей земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству», то есть парламента. Эта попытка дворянского конституционализма вызвала резкую отповедь со стороны Александра II, указавшего в рескрипте, что московское дворянство «вошло в обсуждение предметов, прямому ведению его не подлежащих», поскольку все преобразования в государстве находятся исключительно в ведении самодержавной власти. Последовали и репрессии: Московское дворянское собрание было временно закрыто, газета «Весть», в которой напечатали «адрес» и речи при его обсуждении, приостановлена на 8 месяцев, а её редактор предан суду. Константин Николаевич также резко отреагировал на это событие: «Подобного скандала ещё никогда не бывало. Это превосходит всякое воображение...» Но 3 марта 1866 года в адресе – теперь уже петербургского дворянства – вновь прозвучало желание «иметь своих депутатов с правом голоса и в Совете, и в Сенате».

И Константин Николаевич задумался об отношениях власти с обществом, прежде всего, с дворянством. Удалившись в крымское имение Орланды, Великий князь составляет записку о создании при Государственном Совете совещательного собрания из 46 лиц: 35 представителей губернских земств и 11 – от крупных городов. В записке Константин Николаевич объяснял, что пришло время преобразовать на новых началах различные отрасли государственного управления, оставив самодержавие в неприкосновенности. В заключение он писал: «Все эти предположения имеют целью, с одной стороны, удовлетворить действительному общему желанию, чтобы

Дети Константина Николаевича
(слева направо)
в. княгиня Вера, в. князь Николай
и Константин, в. княгиня Ольга

дождать до лучших времён.

Большим утешением оставалась семья. Константин Николаевич очень любил своих детей, сожалел, что не может уделять им много времени, но успокаивал себя – у его чад прекрасные воспитатели и няни. Часто уезжая по государственным делам, не забывал спросить в каждом письме: как там поживают мои «гуси»? Однако строгость и некоторая отчуждённость родителей не позволяли детям искренне выражать им свою любовь и преданность. Когда они выросли, Великий князь почувствовал: общаться с ними стало всё труднее, не хватало душевной теплоты и взаимопонимания. И пожалел, что в своё время бывал холоден, стыдясь открыто проявлять нежность, мало интересовался их внутренней жизнью, не терпел, когда те пытались выказать собственные мысли, расходившиеся с его мнением. К тому же взрослые дети принесли много разочарований: сыновья, которых в мечтах он видел моряками, оказались непригодны к морской службе; Костя стал писать стихи, но больше всего беспокоил старший сын Никола крайне самолюбивым, тщеславным, необузданным характером.

С годами изменилось отношение Константина Николаевича к Александре Иосифовне. Трудно сказать, что стало тому причиной. Возможно, ревность: при дворе ходили упорные слухи о романах Александры Иосифовны с композитором Штраусом, с адъютантами Великого князя, шептались и о слишком нежном отношении Великой княгини к своей фрейлине Анненковой. Чтобы пресечь неприятные разговоры, Константин Николаевич отправляет жену за границу, однако и там происходит странная история. В швейцарском городе Веве случился скандал с участием матерей двух несо-

голос сословий прямо доходил до престола, а с другой, устранить именно поводы и предлоги к дальнейшему повторению превратного предположения, будто в настоящее время правде прекращён доступ к Государю. В то же время эти меры, весьма либеральные по своей форме, должны успокоить многие высказывавшиеся в последнее время стремления».

После согласования с министром внутренних дел П.А. Валуевым, записка была представлена Александру II, но не вызвала интереса. Да и отношения братьев в ту пору складывались непросто, Государь то приближал Константина Николаевича, то отдалял, и тогда, по любимой поговорке Великого князя, ему приходилось «ждать у моря погоды». Огорчённый Великий князь решил со своими конституционными идеями по-

вершеннолетних девочек, и чтобы его замять, Александра Иосифовна заплатила одной 8, другой 10 тысяч франков. Можно себе представить, как разгневался Константин Николаевич, узнав об этом! Когда-то двадцатилетний Великий князь писал своему наставнику В.А. Жуковскому: *«Это чувство, иметь собственную семью, свой собственный уголок, в котором забываешь весь остальной свет, в котором живёшь только ради Нее, это чувство необъяснимо. Дай Бог, чтоб оно продолжалось так долго, как возможно»*. Влюблённость, длившаяся долгие годы, постепенно уходила, с молодостью жены исчезло её милое обаяние и детская весёлость, Константину Николаевичу она теперь казалась заурядной и духовно ограниченной. Супруги часто ссорились, появлялось раздражение и холодное отчуждение. А мечта иметь «собственную семью, собственный уголок», где можно отдохнуть душой, где тебя любят, оставалась.

Точно неизвестно, когда Константин Николаевич познакомился с балериной Мариинского театра Анной Васильевной Кузнецовой, но молодая, хорошенькая, стройная и грациозная девушка очаровала Великого князя. Удивительно, но их увлечение друг другом, казавшееся окружающим мимолётным, переросло в крепкое и трепетное чувство. Анна Васильевна оставила сцену и всю свою жизнь посвятила уже немолодому, женатому, но бесконечно одинокому человеку, которого она полюбила.

Первенец Анны Васильевны и Великого князя Сергей умер в младенчестве в 1873 году, а спустя два года, в декабре 1875 года, родилась дочь Марина. Так у Великого князя Константина Николаевича появилась вторая семья, для которой он в январе 1876 года покупает одноэтажный каменный дом на Английском проспекте, 18. Известный петербургский архитектор И.И. Шапошников переделывает его в двухэтажный особняк. К осени 1886 года дом полностью готов, комнаты украсили великолепной мебелью, фарфором, мраморными скульптурами и картинами. На втором этаже расположились кабинет Великого князя с большой библиотекой

Александра Иосифовна с дочерью Ольгой

Анна Васильевна Кузнецова

меня спохватилась: Государь уже несколько лет влюблён в Екатерину Долгорукую, чем же он сможет ей помочь? От переживаний Александра Иосифовна стала часто болеть, месяцами не вставала с постели, изводя близких укорами в том, что они безразличны к её здоровью. Дети болезненно переживали и крушение семьи, и тоскливое состояние матери. Константин вспоминал: «За обедом и вечером Мама была в раздражительном настроении, много жаловалась, и это на нас всех действовало подавляюще. Оля от этого стала молчалива и грустна, Митя тоже. Словом, нервы Мама отражаются на всех нас...»

Ни болезнь жены, ни бесконечные уговоры и выяснения отношений не заставили Константина Николаевича вернуться в семью. Князь обрёл новую любовь и ни за что не желал её потерять. С Анной Васильевной он жил простой, счастливой жизнью, окружив любимую женщину заботой и вниманием. В их отношениях было много тепла и нежности, совместные прогулки, игра на фортепиано, чтение любимых книг. Константин Николаевич радовался, что его возлюбленная сумела проникнуться поэзией Жуковского, и они часто читали его «Ундицу». Вскоре родилась вторая дочь, Анна, а затем сын Изма-

и изысканный будуар Анны Васильевны*.

А что же Александра Иосифовна? Константин Николаевич сам рассказал ей о своей новой любви и призвал «соблюдать приличия». Сердце Великой княгини было разбито. Несмотря на сложности в их отношениях, она всё ещё любила мужа. Не раз со слезами Александра Иосифовна умоляла его образумиться, напоминала, что именно ей он обещал хранить верность перед алтарём, именно её любил и называл «мое Солнышко», заклинала его детьми, просто валялась в ногах. Всё напрасно! Великая княгиня хотела было обратиться с жалобой к Императору Александру II, но вове-

*Осенью 1892 года хозяйкой особняка на Английском проспекте, 18, станет другая известная балерина Матильда Киесинская, оставившая в своих воспоминаниях его живописное описание: «Я нашли маленький, прелестный особняк, принадлежащий Римскому-Корсакову. Построен он был великим князем Константином Николаевичем для балерины Кузнецовой, с которой он жил. Говорили, что Великий князь боялся покушений, и потому в его кабинете первого этажа были железные ставни, а в стену был вделан несгораемый шкаф для драгоценностей и бумаг. Особняк был двухэтажный, прекрасно обустроенный, с влиятельным погребом. За домом находился небольшой сад, окружённый высокой стеной. В глубине виднелись хозяйственные постройки, конюшня и сарай. А дальше, вплоть до самого парка Великого князя Алексея Александровича, простирался всё тот же сад. При переезде я переделала только спальню на втором этаже, а всё остальное осталось прежним. Электричества тогда ещё не было. И дом освещался керосиновыми лампами разных форм и размеров».

ил. которого домашние ласково прозвали Маля. В их маленькой семье царит согласие и любовь, они путешествуют по Европе, летом отдыхают на даче в Павловске, осень проводят в любимом имении Ореанда. В Крыму Великий князь открыто появлялся с Анной в людных местах, представлял знакомым, говоря: «В Петербурге у меня казённая жена, а здесь – законная».

Единственно, что заботит Константина Николаевича – будущее его внебрачных детей и Анны Васильевны. Понимая, что дело это деликатное и в короткий срок не решится, он пишет поверенному во всех его делах, управляющему Павловском К.П. Голенко:

«Любезнейший Константин Петрович! Тебе известно, что я имею на своем попечении трёх малолетних детей, подкинутых ко мне и принятых мною. Марина подкинута 8-го декабря 1875 года и крещена 30-го декабря того же года священником Собора Николы Морского отцом Александром и записана в метрической книге под № 210-м, и Ты был её воспитателем. Анна подкинута 16 марта 1878 года и крещена тем же священником 30-го числа того же марта и записана в метрической книге под № 53-м. Воспитателем её был Ф.В. Сарычев. Наконец, Измаил подкинут 1-го августа 1879 года и крещён 14-го того же августа отцом Василием, Павловским придворным Священником, и записан в метрической книге под № 41-м. Он тоже твой крестник.

Ныне – ввиду известных Тебе обстоятельств – прошу Тебя этих трёх моих воспитанников принять на Твое попечение, считать их Твоими воспитанниками и озаботиться об устройстве их дальнейшей судьбы, принимая те меры, которые признаешь для них полезными.

Я вперед уверен, что Ты приложишь к этому всю твою любовь и старание, Константин. 22 декабря 1880 года. Петербург».

В 1883 году Император Александр III пожаловал всем внебрачным детям Константина Николаевича фамилию Князевы и потомственное дворянство.

Константин Николаевич по-прежнему много работал. Долгая борьба с террористами не привела к успеху. Настроение в «верхах» в те дни Великий князь прекрасно выразил в дневнике: «Мы переживаем время террора, подобное французскому, с той лишь разницей, что парижане в революции видели своих врагов в глаза, а мы их не только не видим, но даже не имеем ни малейшего представления об их численности». Под председательством Константина Николаевича Александр II создал Особый комитет для рассмотрения проектов представительства, поданных в своё время Великим князем и П.А. Валуевым. Но и в этот раз все предложения были отвергнуты. «Совещались с Костей и другими, решили ничего не делать», – записал в дневнике Государь.

1881 год стал роковым для Великого князя Константина Николаевича. 1 марта был убит Император Александр II, а с ним погибли мечты о конституционной монархии. Новый монарх Александр III, не скрывавший неприязненного отношения к дяде, решил отстранить его почти от всех занимаемых должностей. Понимая, сколь деликатно это дело, он выбрал в посредники давнего друга Константина Николаевича А.В. Головнина.

В мае Великий князь жил в Ореанде. Стояли тёплые весенние дни, яркой зеленью оделся парк, и пышным цветом покрылись клумбы. Крымская природа всегда помогала забыть о горестях и невзгодах, но не теперь. Константин Николаевич знал, что в его судьбе вскоре произойдут серьёзные перемены, и чувство тревожного ожидания не отпускало. Наконец, 28 мая ему доставили письмо Головнина:

«Ваше Императорское высочество!

Получив Высочайшее повеление явиться 23 мая к Государю императору в Гатчину, я был принят в 11.30 ч. утра. Его императорское величество изволил приказать мне написать вашему высочеству с морским курьером и по получении ответа представить оный его величеству. Государь изволил сказать мне, что нынешние совершенно новые обстоятельства требуют новых государственных деятелей, что, вследствие этого, состоялись по высшему управлению новые назначения и что его величество желает, чтобы вы облегчили ему распоряжения, выразив готовность вашу оставить управление Флотом и Морским ведомством и председательствование в Государственном Совете. Государь находит весьма благородной и достойной уважения мысль, что великие князья должны служить всю жизнь, полагает, что великие князья не могут проситься в отставку, но, конечно, вправе выражать желание оставить ту или иную должность. Звание генерал-адмирала, как пожизненное, генерал-адъютанта, члена Совета, Председателя комитета о раненых и вообще всё почетное должно оставаться. По получении ответа вашего высочества на это письмо, Государь сам будет писать вам. Его величеству весьма не хотелось бы произ-

Имение Ореанда. Ксилография А. Даугеля, 1880-е гг.

вести тяжёлое впечатление, не сказав в указе: «согласно желанию». Сверх того, Государь желал бы, чтобы вы отдохнули, успокоились, чтоб обстоятельства изменились и чтобы ваше высочество, вполне располагая своим временем, не считали себя обязанным торопиться приездом в Петербург.

Смею надеяться, что ваше императорское высочество поймёте чувства покорности и скорби, с которыми я исполняю данное мне повеление».

Ну вот и дождался! Константин Николаевич подошёл к распахнутому окну, вдохнул солоноватый запах моря. Все свои знания, силы, энергию он положил на службу Отечеству, много полезного сделал, а сколько ещё мог совершить! Вздохнул тяжело: теперь уже ничего не совершит, бесславно заканчивается жизнь. Но тянуть с ответом не стал, сел к столу:

«Любезнейший Александр Васильевич!

Письмо твоё от 24 мая, в котором ты мне передаёшь твой разговор накануне с Государем, я получил через моего адъютанта Гуляева сегодня утром. Всем происходившим, начиная с несчастного 1 марта, я уже был подготовлен к этой развязке и успел вполне к ней приготовиться. Если его величество находит, что ввиду теперешних новых обстоятельств, нужны новые государственные деятели, то я вполне преклоняюсь перед его волей, нисколько не намерен ей препятствовать и поэтому желаю и прошу его ни в чём не стесняться в распоряжениях его об увольнении меня от каких ему угодно должностей. Занимал я их по избранию и доверию покойных двух незабвенных Государей: моего отца и моего брата. Морским ведомством я управлял 29 лет, в Государственном Совете председательствовал 16 с половиной лет. Крестьянское дело вёл 20 лет, с самого дня объявления Манифеста. Если ввиду теперешних новых обстоятельств эта долговременная, 37-летняя служба, в которой я, по совести, кое-какую пользу принёс, оказывается ныне более ненужной, то, повторяю, прошу его величество ничем не стесняться и уволить меня от тех должностей, какие ему угодно. И вдали от деятельной службы и от столицы в моей груди, пока я жив, будет продолжать биться то же сердце, горячо преданное Матушке-России, её Государю и её Флоту, с которым я сроднился и сросся в течение 50 лет. Моя политическая жизнь этим кончается, но я уношу с собою спокойное сознание свято исполненного долга, хотя с сожалением, что не успел принести всей пользы, которую надеялся и желал».

Переписка продолжалась. Головнин сообщил, что передал Государю желание Константина Николаевича получить в 50-летний юбилей генерал-адмиральства портрет Императора Николая I и советовал не торопиться с возвращением в Петербург: «...по собственному опыту знаю, как тяжело министру на первых порах после оставления должности находиться в Петербурге и близко видеть, как ломается всё, что он сделал, критикуется то, что сделано, что время успокаивает и даёт равнодушие. Поэтому лучше приобрести несколько равнодушия и тогда приехать».

Письма идут долго, а ожидание отставки и неизвестность так мучительны, что Великий князь выражает желание быть поскорее уволенным: «Осо-

бенно не желал бы я теперь, чтобы моё увольнение приурочили к моему юбилею. Не томите меня, ради Бога, долгим бесполезным ожиданием, а решайте дело скорее». И уточняет свое желание относительно портрета: «Я желал бы получить портрет двойной: батюшки и брата, потому что при одном я получил звание генерал-адмирала, а при другом его исполнял 26 лет. А ты говорил Государю только про портрет его деда. Нет, – не одного деда, но непременно и отца».

Константин Николаевич задумывается о будущем, и делится своими тревогами с Головинным: «Для того, чтобы мне жить в покое, необходимо, чтоб было как-нибудь и где-нибудь выражено, что я имею право жить, где мне угодно, как в России, так и за границей. Ты ведь знаешь, что у меня денег очень немного и что и при обыкновенной жизни мы едва сводили концы с концами. Теперь же приходится мне очень жутко. Чтоб иметь достаточные средства, необходимо мне иметь возможность упразднить в Петербурге большую часть двора, прислуги и конюшни, а для этого и необходимо получить право жить мне где угодно. Всё лето и всю осень, разумеется, я намерен остаться в Орианде, но где жить зиму? ...Полагаю остановиться на выборе Ниццы. Об этом мы долго говорили с Ив. Шестаковым, который, кажется, лет 9 прожил и говорит, что там можно жить и дешево, и скромно, но в то же время и приятно».

Наконец, 13 июля 1881 года был оглашён Высочайший указ Государственному совету: «Снисходя к просьбе его императорского высочества Государя великого князя Константина Николаевича, всемилостивейше увольняем его высочество от должностей Председателя Государственного Совета, председательствующего в Главном комитете об устройстве сельского хозяйства и председателя Особого Присутствия о воинской повинности, с оставлением в званиях генерал-адмирала и генерал-адъютанта, а также в прочих должностях и званиях». В тот же день был опубликован Высочайший рескрипт, отмечавший все заслуги Великого князя Константина Николаевича, на подлиннике которого Император Александр III собственноручно написал: «Искренне любящий Вас Александр».

А 22 августа в Кронштадте и Ялте отпраздновали 50-летний юбилей Великого князя Константина Николаевича в звании генерал-адмирала. В «Санкт-Петербургских ведомостях» в передовой статье говорилось: «Многочисленны были преобразования и улучшения, совершённые в морском ведомстве по личному почину великого князя. Начинания его были совершенно самобытны, серьёзное направление мысли, жажда знания и блестящие дарования, в силу которых его высочество не ограничивался поверхностным знакомством с вверенным ему делом, но каждую специальностью, входящую в состав этого сложного дела, овладевал в совершенстве, – вот что обусловило самостоятельность его убеждений и энергию в их осуществлении».

Летом 1881 года произошло драматическое событие: в ночь с 7 на 8 августа сгорел дворец в Орианде. Пожар начался на чердаке, как было установлено, из-за неаккуратного обращения детей прислуги с папиросами.

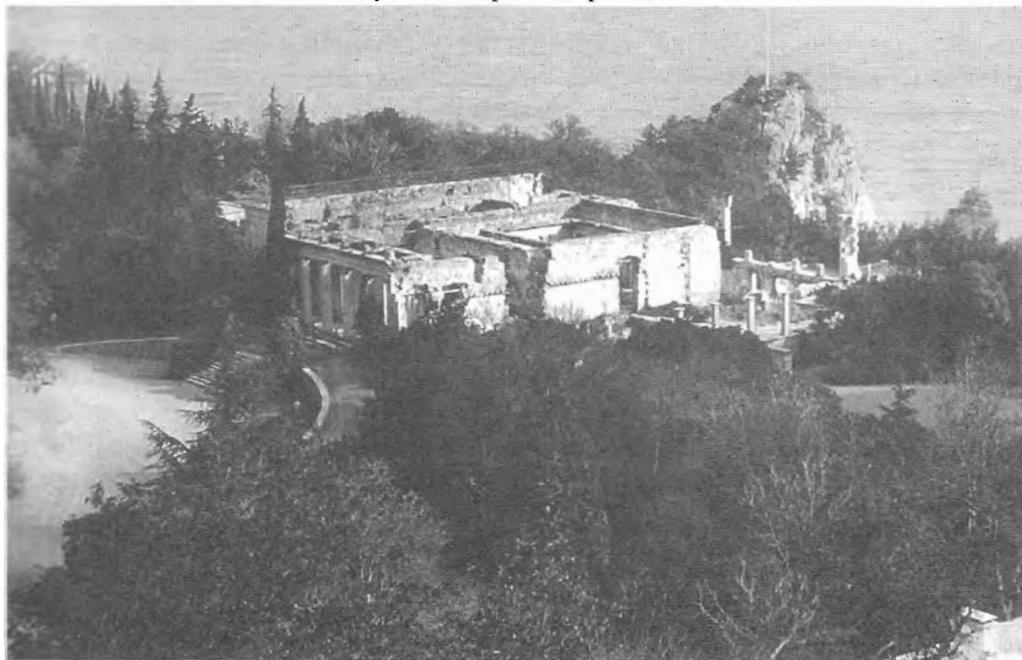
От брошенного окурка загорелась морская трава, сложенная на чердаке. Вернувшийся из Ялты Константин Николаевич почувствовал запах гари и забеспокоился. Стали искать причину, открыли дверь на чердак – оттуда потыхнуло огромное пламя, вскоре охватившее всё здание. Прибывшая из Ливадии пожарная команда не смогла справиться с пожаром, слабая струя воды не гасила пламя. Тогда Константин Николаевич крикнул:

– Пусть горит дворец! Спасайте другие постройки!

Водой стали поливать крыши соседних флигелей. Дочь управляющего имением Каролина Карловна Эшлиман вспоминала: «Дворец горел жарко, но медленно, и это дало возможность вынести из покоев всю движимость, спасти окна, рамы и двери, успели даже выломать и вынести каминь». Пожар длился почти сутки, из Ялты на извозчиках приезжали толпы зевак, посмотреть на невиданное зрелище. Когда огонь, наконец, потух, все увидели, что от великолепного дворца остались просторный вестибюль, кое-где фрески на стенах, колоннада, терраса и широкая лестница из крымского мраморовидного известняка.

Константин Николаевич и его возлюбленная Анна поселились в небольшом доме, названном «адмиральским», жили просто и скромно. Сначала Великий князь хотел восстановить дворец, построенный его отцом. В 1882 году он даже затребовал из Петербурга чертежи А.И. Штакеншнейдера, но вскоре оставил эту идею, придя к выводу: «Я самый бедный из братьев, и у меня нет денег на это». Сгоревший дворец лежал величественной громадой, напоминая древнегреческие руины, увитые зелёным плющом, вьющимися розами

Руины дворца в Ореанде

и глициниями. Части, что грозили обвалиться, разобрали, стены очистили от следов копоти и подбелили. Ореанда, доступная всем желающим, стала любимым местом прогулок ялтинцев: их привлекали живописные развалины и красивый парк, где на дорожки выходили стройные косули.

Лето и осень Константин Николаевич проводил в Ореанде, зимой уезжал за границу. В апреле 1883 года Анна Васильевна родила младшего сына. Великий князь, бывший в это время в Париже, прислал старшей дочери Мариночке письмо: *«Надеюсь, что через неделю я буду у вас, расцелую Вас всех, дорогих милых моих деток, которых так давно не видал. Как, чай, Вы за это время выросли! Пожалуй, и не узнаю Вас. Радуюсь познакомиться с новым Вашим братцем Лёвушкой, которого ещё не знаю. Рад очень, что Вы все его полюбили, да как и не полюбить милого новорождённого братца! Ты мне задаёшь очень трудный вопрос, решить ваш спор с Нютой, кому из вас принадлежит Лёва, кому Маля? Я думаю, что вы все принадлежите друг другу, оба братца Вам, а обе сестрички своим братцам, а все вместе, и сестрицы и братцы, принадлежите Папе и Маме, которые Вас одинаково горячо любят. И Вы старайтесь друг друга одинаково и равно любить, и любите Ваших Маму и Папу. Поцелуй за меня хорошенько и милую нашу Маму, и Бабушку*, и Нюту, и Малю, и Левушку, и дядю Сашу**, и тетю Веру*** и поклонись фрёйлен Элизе и Марии Фёдоровне****. Ужасно я радуюсь скорому моему возвращению и радости всех Вас увидеть и расцеловать. Да сохранил и благословит Вас Господь Бог. Твой старший друг Папа К.»*

Утратив своё положение, Константин Николаевич редко появлялся в Петербурге, его уже ничто не связывало с прежними обязанностями при дворе, но он как член Царской фамилии должен был участвовать в дворцовых церемониях. В 1883 году Великий князь с Александрой Иосифовной и детьми принимали участие в коронации Императора Александра III. Он пробыл в Москве две недели, и каждый день писал своей любимой Анне Васильевне длинные письма.

«22 мая 1883. Москва.

...Их Величества ради годовщины кончины Императрицы (Марии Александровны, матери Александра III) ездили сегодня в Троице-Сергиевскую Лавру, выехали в 9 ч., а воротились в 6 ч. Эта поездка для Семьи не была обязательна. Одни поехали, другие нет. Вл. кн. Оля и Вера присоединились к этой поездке, а брат Николай, я, Миша и многие другие остались дома. Мы, оставшиеся, все вместе слушали заупокойную обедню в одной из дворцовых Церквей "рождества Богородицы". Одной простой обедни уже было

* Кузнецова Татьяна Мартемьяновна, мать Анны Васильевны.

** Кузнецов Александр Васильевич (1847-?), брат Анны Васильевны, известный виолончелист, председатель филармонического общества.

*** Жукова Вера, жена Александра Васильевича Кузнецова, балерина Императорского Мариинского театра.

**** Фрейлен Элиза и Мария Фёдоровна, гувернантки Марины и Анны, дочерей Великого князя Константина Николаевича и Анны Васильевны.

достаточно, чтобы меня совершенно утомить. Весь день я ничего не делал, был только в 3 ч. в доме у Сер. Мих. Третьякова, чтоб посмотреть снова его превосходную коллекцию картин, да сделал визиты Надиньке Бартеновой и Каншиной... А между тем предстоят ещё несколько очень тяжёлых дней. Завтра Преображенский Праздник в Селе Преображенском, до которого из Кремля вёрст 12, так что придётся ехать раньше 10 ч. утра. Затем угощение войск от города в Сокольниках, откуда не вернёмся ранее 3 или 4 часов, а вечером большой бал при дворе с ужином, который, вероятно, продлится часов до 2 ночи!!! В Четверг освящение Храма Спасителя, приём придётся стоять на ногах, по крайней мере, часа три, коли не более. Всё это ужасно, и я не знаю, откуда возьму сил, чтобы всё это выдержать. – Про отправление наше домой ещё ничего окончательно не решено, надеемся, однако, что, возможно, будем ехать в Воскресенье 29-го числа вечером, так чтобы быть в Коллине в Понедельник около полудни и ехать оттуда прямо в Павловск. Поэтому я прошу Тебя продолжать ещё мне писать до Четверга 26-го числа. Если почтовые чиновники сообразоволят, то я это письмо получу в Субботу, а не то в Воскресенье. От Пятницы же письмо рискует уже меня здесь не застать. Итак, да будет последнее твоеё послание от Четверга, 26-го числа Вознесения, Праздника Фёдоровского Посада и дня освящения нового Спаса. Мы собираемся в Воскресенье 29-го числа сделать с Олей и Верой поездку в Вознесенский Монастырь, иначе говоря, в Новый Иерусалим, до которого из Москвы 40 верст. Выехавши утром, мы к обеду поспеем назад, а вечером поздно надеемся отправиться по железнице в обратный путь. Сказать не могу, как страшно меня тянет домой к Тебе, моей голубушке, к милым деткам, к Мариночке, которая меня так любит и так ласкова со мною, к мирной тихой привольной дачной жизни. Но я чувствую, что для восстановления утраченных сил мне будут необходимы морские купанья. Поэтому Орианда в Сентябре более чем желательна! Ну, теперь прощай, Ангел мой. Да хранит Господь Тебя и деток, и сердечно всех вас обнимаю. Твой К.»

Каждое письмо проникнуто нежностью и любовью, Константин Николаевич скучает без своей семьи, его «тянет домой к своей голубушке и милым деткам». Анну Васильевну называет ласково «моя сладчайшая голубушка», «моя красавица из красавиц» и с нетерпением ждёт «когда-то настанет счастливая минута, когда я вас всех опять увижу, обниму, расцелую». Последнее письмо князь заканчивает такими словами: «Мой ангел, не могу сказать, как я счастлив надеждой скорого свидания с тобой, моим сокровищем, и с милейшими детками, которых я так люблю. Храни вас всех Господь. Обнимаю вас мысленно от души. Страстно Тебя любящий Твой К.». Лишь иногда в письмах любимой женщине прорывается его озабоченность новыми назначениями Царя и разочарование: «...Прочитал к моему, не скрою, немало удивлению, что отныне будет во флоте два Генерал-Адмирала, Константин Николаевич и Алексей Александрович...» Константин Николаевич хорошо знал своего племянника Великого князя Алексея Алек-

Константин Николаевич

готовляет, пропагандирует её почище всяких нигилистов».

Оставшись не у дел, Великий князь Константин Николаевич всю свою энергию направил на развитие Ореанды, заботясь о повышении доходности своего имения. Виноградники занимали уже площадь более 22 десятин, а Ореандский винподвал был мал, давал всего 500 ведер вина в год. В 1888 году по распоряжению Константина Николаевича построили новый, технически усовершенствованный винный подвал. Великий князь гордился своим виноделом Иваном Тимофеевичем Сливой: вина, созданные им в Ореандском винподвале, завоевали на Всероссийской сельскохозяйственной выставке в Харькове в 1887 году высшие награды.

Константин Николаевич с удовольствием общается с интересными людьми. В Париже встречается с писателем И.С. Тургеневым, в Крыму – с художником-маринистом И.К. Айвазовским, как и Великий князь, страстно влюблённым в морскую стихию. Их связывала давняя дружба и многолетняя

сандровича* и не верил, что он сможет продолжить работу по созданию боееспособного современного флота.

Своими горестями и печальми, не-радостными раздумьями о будущем России Константин Николаевич делится с единомышленником А.В. Головиным. Узнав о назначении министром внутренних дел графа Д.А. Толстого, Великий князь не сомневается, что новый министр будет «...давить, уничтожать всякое свободное слово, всякую свободную мысль», а «давление слова и мысли никогда, нигде к добру не приводили, что мы знаем не только по истории, но и по собственному опыту». Великий князь делает неутешительный вывод о том, что сейчас «само правительство воспитывает народ для революции и при-

*Великий князь Алексей Александрович (1850-1908), третий сын Императора Александра II. Его деятельность на посту главы морского флота охарактеризовал известный ученый и кораблестроитель, профессор А.Н. Крылов: «За 23 года его управления флотом: бюджет вырос в среднем чуть ли не в пять раз; было построено множество броненосцев и броненосных крейсеров, но это "множество" являлось только собранием отдельных судов, а не флотом. Так, броненосные крейсера "Владимир Мономах" и "Дмитрий Донской" были заложены одновременно однотипными. По окончании постройки оказалось: один – как бы корвет, другой – фрегат, один – двухвинтовой, другой – одновинтовой и т. п. ...А в смысле создания флота деятельность генерал-адмирала Алексея была характерным образцом бесплановой растраты государственных средств, подчеркивая полную непригодность самой организации и системы управления флотом и Морским ведомством». После позорного поражения русского флота во время русско-японской войны 1904–1905 годов, генерал-адмирал Великий князь Алексей Александрович вынужден был уйти в отставку с оскорбительным прозвищем «князь Цусимский».

переписка, на письменном столе Айвазовского стоял портрет Константина Николаевича с сердечной надписью. Художник был благодарен Великому князю, великолепному знатоку морского дела, за советы и рассказы о парусном флоте, которые очень ему помогали. Старые моряки, глядя на картины, говорили Айвазовскому, что по оснастке, по состоянию моря и неба, можно определить, какую команду выполняют матросы.

Жизнь частного человека дарила Константину Николаевичу спокойствие, милые семейные радости, но горечь от вынужденной отставки оставалась в душе. Он изливал её в письмах другу А.В. Головнину: *«Я теперь так отвык от политики, от государственных дел, что мне кажется, что я никогда и участия-то в них не принимал, и что Константин Николаевич, о котором идёт речь, о котором рассказывается, что он делал то и то, совершенно другая личность, а вовсе не я...»* Бывшие сподвижники, «константиновцы», не забывали Великого князя. 13 сентября 1884 года, в день его рождения, приветствовать генерал-адмирала пришла эскадра из Севастополя во главе с крейсером «Память Азова», среди собравшихся были близкий друг, бывший военный министр граф Д.А. Милютин, ялтинский городской голова барон А.Л. Врангель и многие другие. Тёплые искренние слова тронули до глубины души: «Собрались стало быть все лица просто, чтоб доставить мне удовольствие и показать доброе ко мне расположение, и, признаюсь, что сознание этого было мне особенно приятно».

В 1884 году Константин Николаевич решил построить в имении небольшой храм, о котором давно мечтал: «От Матушки я получил прелестный дворец, его более нет. Восстановить его я никогда не буду в состоянии. Пусть же из остатков его соиздается Храм Божий. Мне кажется, эта мысль очень прилична, мила и достойна памяти Матушки». Великий князь сам выбрал место для будущей церкви. Сначала ему приглянулась живописная высокая скала: храм, возведённый на её вершине, хорошо бы просматривался с любого уголка Ореанды. Но от этой мысли пришлось отказаться: рядом располагался винный подвал – не лучшее соседство с Домом Божиим, да и прихожанам трудно было бы подниматься в гору каждый день. Поэтому выбрали красивое место рядом с Адмиральским домиком, с великолепным видом на Ялту и море.

Константин Николаевич желал возвести храм в грузино-византийском стиле, который лучше бы сочетался со скалистым ландшафтом Ореанды. Проект заказал академику архитектуры А.А. Авдееву, прекрасному знатоку этого стиля. Во время работы зодчий неожиданно умер, и Великий князь обратился с просьбой завершить проект церкви к князю Г.Г. Гагарину, который не только с готовностью согласился, но и изъявил желание написать иконы и сделать рисунки для церковной утвари. Будущий храм Константин Николаевич хотел было освятить во имя Пресвятой Троицы, но он редко бывал в Крыму весной или в начале лета, а вот осень всегда проводил в имении. Пусть же храм будет посвящен любимому православному празднику – Покрову Пресвятой Богородицы. На выбранной для храма площадке росли

могучие вековые дубы, и Великий князь не хотел рубить их, поэтому алтарь немного повернут на юго-восток.

1 октября 1884 года, в праздничный день Покрова, состоялся торжественный молебен с водосвятием в честь начала строительства. На месте будущей алтарной части храма установили восьмиконечный деревянный крест. В этот день Константин Николаевич писал Головнину: *«Погода была чудная, ясная, совершенно летняя, даже жаркая, и весь этот праздник имел чрезвычайно торжественный трогательный вид, и все казались довольными и счастливыми, а я более всех. Господь Бог меня сподобил начать святое дело. Молю Его благословить наше начинание и сподобить нас видеть и его благополучное окончание».*

Строительные работы шли быстро, и это очень радовало Константина Николаевича. 14 апреля 1885 года уложили первый ряд цоколя алтарной части, 17 апреля приступили к закладке церкви. На торжество Великий князь пригласил графа Д.А. Милютина, барона Врангеля с супругой, управляющего Эшлимана, садовника Классена. 2 мая сделали первый фотографический снимок строящегося храма

Церковь в Ореанде

и затем фотографировали строение каждый месяц. Константин Николаевич так описывал свои чувства: «Весело смотреть все эти дни, как кипела работа, как день за днём стены подымались всё выше и выше! Просто сердце радовалось! Скоро наступит время самой серьёзной работы – кладки арок и сводов... Но у меня теперь другая забота – достанет ли материала для постройки?»

Разочаровал только крест, выполненный красиво, но не прочно. Великий князь заказал столяру Кубышко временный деревянный крест по эскизу Гагарина. В него врезали маленький византийский крестик, найденный при строительстве Ореандского дворца. Императрица Александра Фёдоровна выказала желание, чтобы он всегда хранился в Ореанде, поэтому решили: после установки нового металлического креста деревянный крест будет поставлен в алтаре за престолом.

6 августа 1885 года крест освятили и водрузили на купол храма.

Забот у Великого князя хватало: «Работа иконостаса продвигается, и он выходит как произведение артистическое. И в Петербурге не умели бы выделить более щегольски и законченно всю замысловатую резьбу, как это исполняет наш столяр Кубышко. К сожалению, мозаики из Венеции к сроку не успеют. Сальвиати требует для работы 4 месяца. Опасаюсь ещё, успеют ли мраморные оконные рамы, придётся может быть поставить временные, простые деревянные».

Спустя год после начала работ новый храм был освящён в присутствии хозяина и его близких друзей. Константин Николаевич впервые наблюдал церемонию освящения православного храма, поразившую его красотой и торжественностью. После службы устроили праздник и для гостей, и для рабочих. Важный для себя день Великий князь описал другу А.В. Головнину: *«Наконец наступило 1 октября, год, что мы освятили местность под постройку церкви, когда поставили деревянный крест, который теперь перенесён под колокольный дуб. Раннее утро 1 октября было серое, но с десятого часа вполне прояснилось, вышло солнце и день выдался совершенно тёплый, летний...»*

До утреннего кофе, я, по обыкновению, отправился ещё к церкви и застал там подготовительный водосвятный молебен... Я желал, чтобы наше торжество 1 октября сохранило совершенно домашний характер и потому сказано было, что публику и любопытных из Ялты пускать не будут. Созвал я только рабочих... Их собралось человек 80. Лично я пригласил только Милютина, Трепова и Ялтинского голову барона Врангеля. Но, кроме того, собрались из Ливадии и окрестностей много простого народа с женщинами и детьми и, разумеется, весь наш орандский персонал. Всего составила толпа по крайней мере человек 299, если не больше. В самой церкви поместилось наверное от 100 до 150 человек.

Не знаю, случалось ли тебе когда-нибудь присутствовать при освящении церкви. Это одна из самых торжественных и великих церемоний, какая существует.

...Прямо из церкви я пришёл в палатку, которая была разбита в нескольких шагах от неё в дубовой роще. Тут было приготовлено угощение для всех наших рабочих, более 80 человек. Все они уже стояли за тремя длинными столами. Я к ним подошёл, выпил за их здоровье и благодарил за их усердную работу. Они мне отвечали громким ура. Тут же я расцеловал отличного нашего десятника Егора Медведева, особенно его благодарил и пришил ему на грудь в петлицу серебряную медаль за усердие на Станиславской ленте, которую удалось мне добыть для него. Такую же медаль, но на шею, утром ещё я дал главному нашему подрядчику Дюкро. Они были очень довольны».

Начинался следующий период в создании храма – внутреннее и внешнее украшение. Великий князь пригласил лучших архитекторов и живописцев: академиков Д.И. Гримма, М.В. Васильева, вице-президента Импера-

торской Академии художеств князя Г.Г. Гагарина. И сам в апреле 1886 года прибыл в Ореанду, чтобы за всем наблюдать строго и пристально. Большие кресты, украсившие наружные стены, и оконные рамы в барабане купола выполнили из белого каррарского мрамора в Ливорно. Мозаичные иконы и орнаменты Константин Николаевич заказал в фирме знаменитого Антонио Сальвиати по эскизам князя Гагарина. Через месяц после освящения церкви из Венеции прибыли мозаичные иконы. Образ Спасителя установили над центральным западным входом, поясное изображение Пресвятой Богородицы – под коньком крыши. Великолепное исполнение, сочность красок привели Константина Николаевича в восторг, и он пригласил Антонио Сальвиати приехать в Ореанду.

Мастер впервые посетил Россию в мае 1886 года. В дневнике Великий князь записал: «6 мая вечером приехал Сальвиати. Это было очень счастливое для меня обстоятельство. Всё досужее время уходило на разговоры с ним. ...Надеюсь, что результаты этих разговоров с Сальвиати будут полезны не только для меня и для моей Ореандской церкви, но и для всей России и составят исходный пункт в истории её художественного развития». Константин Николаевич не только поручил известному мастеру выполнить иконы и панно для интерьера Покровской церкви, но и обещал всяческую помощь в распространении искусства мозаики в России.

К сожалению, мы уже не можем любоваться главной картиной храма – образом Покрова Пресвятой Богородицы, так как большая её часть уничтожена. В 1887 году церковь в Ореанде украсили 8 больших панно. 45 икон и орнамент купола, парусов, барабана, арочных сводов, выполненные в мозаичной фирме Сальвиати. До наших дней чудом сохранились в куполе и на парусах храма изображения Спасителя, восьми апостолов, четырех евангелистов, восьми ангелов и византийский орнамент, а на западной стене – два панно, «Рождество» и «Воскресение Христово».

Антонио Сальвиати получил также заказ на изготовление мозаики для севастопольского храма Святого Николая Чудотворца, церкви Святой Елены в Гаспре и большой главной иконы в Ливадийской дворцовой церкви.

Наконец, все работы были закончены, небольшой Покровский храм престал во всей своей красе. Оригинально устроили звонницу: колокола повесили на ветви старого раскидистого дуба. «Я должен сознаться, – писал Константин Николаевич, – что церковь вполне меня восхищает изяществом и пропорциональностью всех своих форм, всего своего ансамбля. Стиль выдержан превосходно, и она даёт впечатление, можно сказать, архаическое – своей изящной и благородной простотой. Главная красота церкви, по-моему, заключается в действительном согласии и благородстве всех линий... Я совершенно восхищён, и все, которые до сих пор её видели, разделяют моё мнение».

В то время, когда шли последние, очень важные отделочные работы в Покровском храме, вторую семью Константина Николаевича постигло большое горе. Анна Васильевна с детьми весной 1886 года осталась в Петербурге, так как в то время в Крыму отдыхали Александр III и Мария Фёдоровна.

Неожиданно заболел scarлатиной маленький Лёвушка. Константин Николаевич получил телеграмму от Анны Васильевны 9 апреля, а в пасхальную ночь с 12 на 13 апреля мальчик умер. Но беда не приходит одна. Спустя четыре дня заболел старший сын Маля. Болезнь протекала сложно, но все надеялись на чудо. Однако в Ореанду вновь пришло трагическое известие: 6 мая не стало Измаила.

Константин Николаевич тяжело переживал потерю любимых детей. Спустя время он писал из Ореанды Павлу Петровичу Кеппену, управляющему имением в Павловске: *«Что нам пришлось перенести в это последнее время, и что за тяжкое испытание нам ниспослал Господь! Мы, разумеется, стараемся безропотно покориться Его Святой и неисповедимой Воле, но Ты в то же время понимаешь, как это тяжело, как это тяжко. Теперь, по крайней мере, я более не один, и вдвоём горевать даже как бы легче. Но больно смотреть на страдания бедной матери. Она несёт свой тяжкий крест с полным христианским терпением и смирением. Тот час после её приезда мы потихоньку, совершенно по-домашнему в нашей Церкви говели и причастились 24-го мая. Мы тут вполне оценили блаженство иметь здесь свою Церковь! Но, несмотря на всё удивительное мужество и самообладание моей дорогой Ани, бывают минуты, когда так живо приступают к ней воспоминания всего того, что она пережила и чему была свидетельницей, и тогда её разбирает страшная тоска, слёзы и рыдания почти судорожны, обращающиеся в чисто физическое страдание. Тогда больно на неё смотреть, тем более что всё это так естественно и натурально. Помочь ей тогда ничем нельзя, уговаривать и утешать тоже нельзя, потому что она сама несёт своё горе вполне покорно и по-христиански. Остаётся только вместе с нею тужить и плакать. Всё-таки вдвоём это легче, чем одной! Одно время может этому помочь, теперь же рана слишком ещё близка и жива! Боюсь очень за неё то, хотя сравнительно и короткое, время, когда во время моей предстоящей поездки в Павловск она останется здесь совершенно одна с двумя дочурками, над которыми она, разумеется, дрожит, как единственными оставшимися нам сокровищами. ...Аня моя хочет совершенно переселиться в Крым и не возвращаться более в Петербург, и, особенно, в тот несчастный дом, в котором мы потеряли двух сыновей. Она об этом доме и вспоминать не хочет, твёрдо решила и ногой в него не вступать, и потому хочет непременно от него отделаться, его продать. Я думаю, что Ты поймёшь это чувство и найдёшь его вполне натуральным. И я противоречить этому не могу, хотя ужасно любил это милое гнёздышко, в котором мы так были счастливы, прожили почти 10 лет, в котором родились и Нюта, и Лёвушка. Но, потерявши в нём обоих сынков, вполне понятно, что он матери опротивел и что она в него возвращаться не в силах. Но как это исполнить? Вот прошу Тебя подумать об этом вопросе теперь же, дабы мы могли окончательно столкнуться, когда я приеду в Павловск».*

Константин Николаевич согласился с желанием Анны Васильевны продать особняк на Английском проспекте в Петербурге, но настаивал на

том, чтобы оставить ценную мебель, фарфор, мраморы, картины, книги. На полученные деньги Великий князь хотел купить в Ялте дачу. Анна Васильевна и Константин Николаевич желали оставить при себе швейцара Стахия, человека весьма для своего состояния образованного, грамотного и благовоспитанного. В трудные минуты он помог Анне Васильевне, взял на себя хлопоты с организацией похорон её сыновей. В благодарность Великий князь собирался предложить ему место смотрителя будущей ялтинской дачи. Заботила Константина Николаевича и судьба другого «золотого человека» – лакея Петра, служившего у него уже 10 лет. Он писал Кеппену: *«Этот Пётр достаточно грамотный, ловкий, усердный, не знает усталости, вполне трезвый и чрезвычайно богомольный. Мои собственные привычки он знает совершенно, и я был лично всегда вполне доволен его службою при мне. Теперь он остаётся без места, и потому я хотел бы его пристроить при себе. Лучшего камердинера я для себя не найду, потому что я к нему привык, и он ко мне тоже»**.

Время шло, раны понемногу затягивались. Анна Васильевна и Константин Николаевич посетили дорогие могилки безвременно ушедших сыновей в Павловске и попросили академика архитектуры Д.И. Гримма доработать первоначальный план деревянной церквушки зодчего И.Я. Протасова, которую расположили на городском кладбище Павловска. Храм назвали в честь святых и праведных Иоакима и Анны – небесных покровителей Анны Васильевны.

Но перенесённые страдания не прошли даром для Константина Николаевича. Летом 1889 года в Павловске у Великого князя случился апоплексический удар, у него отнялась левая сторона тела и пропала речь. Сильный, умный, энергичный, властный Константин Николаевич стал беспомощным стариком, не способным передвигаться без посторонней помощи. Заботу о муже, оставившем её ради другой женщины, взяла на себя Александра Иосифовна, все это время продолжавшая его любить. Она каждый день наблюдала грустную картину: в шарабанчике, запряжённом лошадей по имени Мишка, ехал Великий князь, за ним шли управляющий двором Павел Егорович Кеппен, адъютанты и доктора, иногда сопровождали деда маленькие внучата Иоанчик и Гаврилушка. Болезнь сделала Константина Николае-

*Великий князь понимал, что выгодно продать особняк скоро не получится, он назначил цену в 80 тысяч рублей. Константин Николаевич писал: «Первое мое желание было возвратить по возможности то, что на него было израсходовано. Он был куплен в 1876-м году одноэтажным за 64 тысячи рублей, в том числе долга по закладной в Петербургском кредитном обществе в 22 тысячи рублей, которые в течение нескольких лет выплачены до конца. В 1876 году мы на доме выстроили второй этаж за 10 тысяч рублей. Сверх того за мебель было нами заплачено около 9 тысяч рублей. Поэтому я продажную цену определил общию суммою 80 тысяч рублей, так как мы желали продать дом с большею частью мебели». Через какое-то время предложения стали поступать, но они оказались невыгодными. Сосед Великого князя владелец торгово-промышленной фирмы «Жорж Борман» Г.Г. Борман пытался сбить цену до 45 тысяч рублей. Анна Васильевна желала скорее расстаться с домом, в котором произошли трагические для неё события, поэтому считала справедливым согласиться отдать особняк примерно за 50 тысяч. Весной 1887 года роскошный особняк на Английском проспекте приобрела новая хозяйка Мария Уклеевских.

вича более нежным со старшими детьми, правда, выказать свою любовь им словами он уже не мог. Константин Константинович после посещения отца записал в дневнике: «Папа обрадовался мне чрезвычайно, рассмеялся, произносил бессвязные звуки и расплакался... Чем больше я к нему ласкался, тем крепче жал он мне руку и расстраивался, обливаясь слезами. В глазах у него было столько нежности, он смотрел на меня с такой бесконечной грустью, вид его был так беспомощен, что я вынес самое удручающее впечатление...»

О чем думала у постели Константина Николаевича Александра Иосифовна? Размышляла над превратностями судьбы? Вспоминала свою прежнюю счастливую жизнь в Павловске? После ухода мужа из семьи она почти безвыездно жила здесь. Её красота к пятидесяти годам увяла, вдобавок стали болеть глаза, поэтому в комнатах всегда были задернуты шторы и царил полумрак.

В начале 1890 года Константин Николаевич перенёс ещё два инсульта, часто чувствовал себя очень плохо и выразил желание попрощаться со своей второй семьёй. Но Романовы не могли этого позволить. Старшие дети испытывали жалость к беспомощному родителю, когда-то они осуждали его за измену матери, но, повзрослев, поняли, что жизнь и взаимоотношения людей сложны. Почему бы не отпустить отца к его второй семье, которая тоже хочет окружить заботой дорогого человека? Константин Николаевич нередко вёл себя буйно, размахивал руками, выкрикивал бессвязные слова, то плакал, то смеялся, изводя докторов и сиделок. Константин Константинович записал: «Насколько можно понять, он требует свидания с ними... Не бессердечно ли лишать его такого утешения теперь, когда он в таком положении? Мы все склоняемся к тому, что было бы правильнее дать больному это утешение. Но тут встречается непреодолимое препятствие: Мама никогда не согласится. У неё на этот счёт свои убеждения. Она считает, что, послав Папа тяжёлую болезнь, сам Бог порвал всякие связи с прошлой жизнью...»

Константин Николаевич умер 13 января 1892 года. А.А. Половцев записал в дневнике: «Когда умирал Великий князь Константин Николаевич,

Константин Николаевич

то во время агонии великая княгиня Александра Иосифовна приказала пустить к нему прощаться всех многочисленных слуг. Каждый из них подходил к нему и целовал, но умирающий выказывал насколько мог неприятное чувство, производимое этим беспокойством. Графиня Комаровская попробовала уговорить Александру Иосифовну отменить это мучение, но Великая княгиня отвечала: «Это возмещение за прежнее». Константин Николаевич так и не смог проститься с Анной Васильевной и любимыми дочерьми, а также старшим сыном Николаем, бывшим в ссылке в Ташкенте.

Великого князя Константина Николаевича погребли в Петропавловском соборе. Как-то Великий князь высказал надежду, что Петропавловская крепость изменит свой облик: «Меня всегда корбила мысль, что Царская усыпальница окружена тюрьмами. Как сравнить Петропавловский собор среди тюремной крепости с Архангельским среди Кремля? Моя мысль... состояла в том, чтобы тюрьмы заменить богадельными и инвалидными домами». Но ничего не изменилось.

После похорон в Мраморный дворец прибыли адъютанты лейб-гвардии

Великая княгиня
Александра Иосифовна

Финляндского полка и Гвардейского экипажа, шефом которых был Константин Николаевич. Им предстояло вынести знамена, хранившиеся здесь много лет. Александра Иосифовна с внуками Иоанчиком и Гаврилушкой пришли проститься со стягами. Великая княгиня плакала. Спустя несколько дней после похорон Великий князь Константин Константинович записал в дневнике: «Мама опять провела день в моем кабинете. Она убита горем больше всех нас. А мы за 2,5 года успели подготовиться к мысли об этой утрате. Кажется, что мы лишились Папа еще в 89 году, когда его сразил недуг, приведший к могиле. С тех пор общение с ним почти прекратилось».

Александра Иосифовна пережила мужа на двадцать лет. Приехав семнадцатилетней девушкой, она

прожила в России 64 года. Помнила царствование Императора Николая I, пережила правление Императоров Александра II и Александра III, и Николай II относился к Великой княгине с уважением. Начальник дворцовой канцелярии Мосолов вспоминал: «Великая княгиня Александра Иосифовна, урождённая принцесса Саксен-Альтенбургская, тоже принадлежала поколению Александра II. Она придерживалась ультрамонархических убеждений и держалась вдали от Петербурга, где светское общество казалось ей слишком современным и передовым. Она предпочитала свой дворец в Павловске, ставший настоящим музеем.

Этот дворец, немного устаревший и вышедший из моды, представлял собой подходящее убежище для этой пожилой дамы. ...Александра Иосифовна и сама была подобна своему дворцу в Павловске: она жила в прошлом; современность никоим образом не касалась её».

В последние годы Александра Иосифовна совсем ослепла и жила в Мраморном дворце, ставшем для неё невыездной резиденцией. Рядом всегда были два генерала, с которыми в течение долгой жизни сложились доверительные отношения: Киреев и Кеппен, управляющий двором Великой княгини. Любимую бабушку

каждый день навещали дети и внуки. Пожилая больная княгиня сохраняла свой величественный вид. Дочь одной из её фрейлин вспоминала: «В молодые годы она была великолепной красавицей, теперь она – властная старуха с прекрасно уложенной седой причёской. У неё сохранилось прекрасное чувство стиля в одежде. Чёрное, плотно облегающее платье подчеркивает её высокую, стройную фигуру... Александра Иосифовна была старомодной принцессой, улыбчивой и грациозной, ни на миг не забывающей о своём высоком происхождении».

Угасала она долго, но без мучений. До последней минуты у её постели сидел сын Константин Константинович и его семья. Рядом в Малиновой гостиной постоянно нахо-

Александра Иосифовна

дился верный Павел Егорович Кеппен, больной раком и знавший, что дни его сочтены. 21 июля 1911 года закончился непростой жизненный путь Великой княгини Александры Иосифовны. Её похоронили в Петропавловском соборе, рядом с мужем Великим князем Константином Николаевичем. В их жизни было много любви и много страданий, смерть примирила обоих.

Анна Васильевна Кузнецова после смерти Константина Николаевича уехала с дочерьми за границу, где прожила несколько лет, затем вернулась в Россию. Она оставила этот мир в 1922 году, в возрасте 75 лет.

Имя и дела Великого князя Константина Николаевича не были забыты. 22 ноября 1913 года последовало соизволение Императора Николая II на сооружение памятника Великому князю в одном из военных портов или столице. Но спустя год началась война, а затем – революция... В новой жизни о заслугах Константина Николаевича долгое время никто не вспоминал, и только теперь имя Великого князя по праву стоит рядом с Императором-реформатором Александром II. А в Крыму вечным памятником Великому князю Константину Николаевичу Романову стала очаровательная Покровская церковь в Ореанде.

ЦАРСТВЕННЫЙ ИЗГНАННИК ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ

Судьба этого представителя Романовых ошеломляет головокружительными поворотами. Имея от рождения знатный титул, высокое положение и богатство, он всё сжёг в пламени страсти, унизившись до неслыханного в Царской семье поступка – воровства. Справедливости ради надо сказать, что его вина безоговорочно не была доказана, обвинительного приговора тоже не существует – негоже выносить сор из избы! Сегодня уже трудно разобраться, имело ли место преступление, но нет никаких сомнений – наказание последовало суровое.

В 1874 году Великий князь Николай Константинович впервые приехал в крымское имение Ореанда не ради отдыха: его отправили подальше из Петербурга, с глаз долой, и он ожидал решения своей судьбы. Время в изгнании течёт неспешно, плавно и тягуче, и есть возможность переосмыслить прожитые годы. Князю исполнилось 24 года, а бурных событий хватило, пожалуй, не на одну жизнь.

Никола, так ласково называли его в семье, был старшим сыном Великого князя Константина Николаевича, внуком Императора Николая I. Отец, узнав, что его первый ребёнок – мальчик, очень обрадовался; он надеялся, что сын продолжит его дело и станет морским офицером. Кажалось бы, судьба благоволила к юному Николе, а он чувствовал себя одиноким. Для отца, главнокомандующего флотом и реформатора, служба всегда стояла на первом месте, мать была занята младшими детьми, много времени занимала бурная светская жизнь. К Николе приставили воспитателя-немца, который вознамерился бороться с упрямством и своеволием воспитан-

Великий князь
Николай Константинович

ника собственными методами. Однажды юный князь вбежал к Александре Иосифовне с пылающей от пощёчины щекой, но мать приняла сторону учителя. Никола искал понимания и душевного расположения и, не находя, отвечал эпатажным поведением. То он, представитель Царской фамилии, гордо декламировал стихи Гюго «Не кланяемся королю и в грош не ставим бога!», то крал у торговца сладями леденцы для своей подруги, фрейлины Марии фон Келлер. А его считали своенравным и жестокосердным.

Николай получил прекрасное домашнее образование. Великий князь Константин Николаевич, главнокомандующий флотом, готовил старшего сына к морской карьере. Николай учился вместе с двоюродным братом Алексеем, сыном Императора Александра II, своим сверстником. Разница в возрасте у Великих князей составляла всего четыре недели, и когда в январе 1857 года Алексей получил свою первую парадную форму офицера, Константин Николаевич писал брату-Императору: *«Парадная форма офицера, подаренная Алексею в седьмой день рождения, вызвала немалую зависть, но Николай утешается мыслью, что вскоре ему также будет оказана честь. Славно будет увидеть обоих наших маленьких моряков в одинаковой форме»*. Мальчики вместе совершили в 1860 году свой первый морской поход, они участвовали в морских маневрах на Балтийском море. На следующий

Великий князь Константин Николаевич с женой Александрой и сыном Николаем

год Алексей и Николай отправились на яхте «Забава» в плавание вокруг шхер Финского залива.

Каждый год большая семья Великого князя Константина Николаевича ездила на отдых в Крым, в роскошный Ореандский дворец на берегу моря. Но Николе особенно запомнилось, как он, пятнадцатилетний юноша, приехал в Крым с отцом. Они вместе гуляли по окрестностям имения, поднимались в горы на лошадях, побывали в древнем пещерном городе Мангуп и в Бахчисарае. В живописнейшей деревушке Коккозы, расположенной в долине среди гор, встретить высоких гостей и поднести хлеб-соль собрались мурзы, духовенство и татары почти со всей волости. В гостеприимном доме князя Али Бея Булгакова накрыли вкуснейший ужин. Уставший, проголодавшийся Никола так хотел отведать каждое из семнадцати блюд татарской кухни, но сил не хватило. Переночевав, Великие князья отправились дальше. Никола был счаст-

лив: они с отцом путешествовали одни и разговаривали обо всём. Такие моменты в их жизни случались редко.

Моряком Николай так и не стал. В 1868 году он, первым в семье Романовых, поступил в Академию Генерального штаба, справедливо полагая, что прогресс, «не исключая военной науки, предъявляет особые требования, если хочешь быть в избранном деле на высоте». А самолюбие и тщеславие не позволяли Великому князю быть на вторых ролях, Академию он закончил с серебряной медалью.

Служить Николай решил в лейб-гвардии Конном полку, и в 21 год стал командиром эскадрона. Началась обычная великокняжеская жизнь: днём служба, вечером – приёмы, визиты, балы. Молодой князь, высокий, статный, великолепный танцор, пользуется вниманием дамского общества. Но светская жизнь утомляет, подчинение правилам, строгое следование этикету сковывают его мятущуюся натуру. И он снова бунтует, ведёт себя вызывающе, в обществе за ним прочно закрепилась репутация ловеласа. Никола легко увлекался женщинами, легко расставался, цинично заявляя: «Купить можно любую женщину, разница лишь в том, заплатите ей пять рублей или пять тысяч». И всё же много было напускного, показного, душу свою Великий князь не открывал никому.

А судьба готовила ему новый удар. Родители решили, что сын остепенится, если женится, и присмотрели Великому князю невесту, немецкую принцессу Фредерику Ганноверскую. И случилось чудо! Никола влюбился сильно и искренне, пожалуй, впервые в жизни. Он уже мечтал о счастливой семейной жизни, но принцесса отвергла его предложение. Сердце Великого князя было разбито, он тяжело переживал разочарование.

Мыслящий, тонко чувствующий, он старается разобраться в себе. Накануне совершеннолетия, Великий князь Николай, размышляя о своём характере, находит много отрицательных черт, а в поведении – недостойных поступков. «Пусть явятся мои хорошие качества, а дурные пусть умирают», – почти молитвенно выражает своё желание.

Николай Константинович тяжело переживал разлад между родителями. Отец, охладев к супруге, влюбился в балерину Анну Кузнецову и свой роман не скрывал. Александра Иосифовна укрылась от горя и позора в Павловске, нередко срывая своё раздражение на детях. Николай сочувствовал матери, но когда он приехал в Павловск, Александра Иосифовна на слова утешения отреагировала неожиданно: обвинила в своих бедах сына. «Это ты во всем виноват. Будь ты другим, твой отец не изменил бы мне. Но, глядя на твоё распутство, он и сам стал распутничать!» – в гневе заявила она. Николай был обескуражен, он любил родителей, страдал от того, что не в силах что-либо изменить. С тех пор Великий князь ещё более закрылся в себе, стал более недоверчивым к людям.

А вскоре на одном из балов-маскарадов случайно познакомился с американкой Фанни Лир (Лиер), и в его сердце почти мгновенно вспыхнула сильнейшая страсть. Фанни, как и Николе, исполнился 21 год, но испытала она

Александра Исосифовна
с сыном Николаем

бывали Дюма-отец и Дюма-сын. Но налаженная жизнь длилась недолго. Поражение Франции в войне с Германией в 1870 году и Парижская коммуна разрушили всё. Лишившись денег, особняка и поклонников, Фанни решила уехать в таинственную и притягательную Россию.

Но вряд ли бурное прошлое Фанни волновало Великого князя. Уже спустя несколько дней он перевёз её в Мраморный дворец, в свои апартаменты, куда вёл отдельный вход, и взял на содержание. Что же покорило Николая? Фанни была привлекательной, начитанной, энергичной, страстной в любви. Но не только это, думается, привлекало Великого князя. Ощувив его душевное одиночество, она — искренне или преследуя корыстные цели, кто это может утверждать с уверенностью, — старалась стать понимающей, ласковой, любящей «жёнущкой». Вечерами они сидели у камина, и Николай рассказывал, как прошёл его день, какую новую редкость он присмотрел для своей коллекции в антикварной лавке, а она нежно гладила его волосы. Они говорили обо всём. Нередко громко спорили и скандалили. Фанни ругала его за карточную игру и попойки. Никола отвечал, что он Великий князь, и никто не может ему указывать, что делать. А она возражала, что для неё он «любимый мальчик», и если это не так, он может убираться. И он уходил, хлопнув дверью, но вскоре возвращался. Николай Константинович чувствовал: он нужен Фанни, он ей не безразличен, она интересуется его горестями и радостями. Наконец, он нашёл то, чего ему всегда не хватало — родную душу. И конечно, он по-царски одаривал возлюбленную, тратя тысячи на драгоценности, наряды, букеты свежих роз в январе, пикники, рестораны, дачу в Павловске. Ему хотелось исполнять каждый каприз, каждую прихоть возлюбленной, он готов положить весь мир к её ногам!

в жизни гораздо больше. Её настоящее имя Гетти Эйли. Дочь священника из Филадельфии, она в шестнадцать лет убежала из дома, потом было короткое замужество, смерть супруга и маленькой дочки, переезд из пуританской Америки в Париж, где она сменила имя и стала куртизанкой. Среди её поклонников были принц Уэльский, будущий король Эдуард VII, и наследный принц прусского короля Макс Баден-Баденский, обеспечившие девушку немалыми средствами. Фанни купила особняк на бульваре Малерб и устроила великолепный светский салон, гостями которого

Страстный роман Никола встревожил родителей. Константин Николаевич и Александра Иосифовна, забыв о своих обидах, встретились, чтобы обсудить, как избавить сына от этой авантюристкой. Как известно, страсть ослабевает от долгой разлуки. И предлог нашёлся: Россия вела войну в Средней Азии, расширяя территории и не позволяя Англии захватить разрозненные ханства. По приказу Императора Александра II князь Николай должен был отправиться с генералом Кауфманом в поход на Хиву.

Великий князь Николай Константинович проявил себя мужественным и храбрым воином, хотя порой это было непросто. В ужасную жару Казанлинский отряд шёл через пустыню Кызылкум. Разведгруппа, возглавленная Николаем, попала под такой ожесточённый артиллерийский огонь, что их возвращение сочли настоящим чудом. Влюблённые всё это время переписывались. В первом же письме Николай рассказывал:

«Когда мне исполнилось двадцать, я вдруг понял, что у меня нет семьи. Мраморный дворец стал мне ненавистен. Ладно, – решил я, – найду себе другую семью. Встретил я в то время принцессу, хотел жениться на ней, не вышло. Тогда я пустился на поиски любви, искал её среди петербургских женщин. От поисков я заболел, и чуть не умер. Наконец, я встретил Фанни, родственную душу, и умную, и любящую. Это была она, моя единственная, та, которую я искал так долго! ...Более года мы вместе! Дай Бог, чтобы и далее счастье наше не кончалось!»

Наконец, Хива покорена, Николай вернулся в Петербург, где получил чин полковника и орден Св. Владимира III степени. Средняя Азия очаровала князя, он часто рассказывал Фанни о прекрасных дворцах, мечетях с минаретами, тысячелетних городах, бескрайних просторах. Великий князь умел мыслить по-государственному и понимал: новые территории мало присоединить к России с помощью оружия, надо серьёзно изучать историю, экономику, литературу, этнографию, искусство, религию, философию, памятники материальной и духовной культуры Востока. Николай Константинович принимал участие в работе Русского географического общества, став его почётным членом.

Это было по-настоящему счастливое время. Никола увлечённо занимался интересным делом, в котором мог приложить все свои таланты и ум, а рядом – милая Фанни. Они вместе совершают путешествие в Италию и Францию. В Риме на вилле Боргезе Фанни и Никола залюбовались скульптурой Антонио Кановы, изображавшей Полину Боргезе, младшую сестру Наполеона. Великий князь тут же решил, что красота его возлюбленной должна быть увековечена в мраморе, и заказал точную копию скульптуры Томазо Солари. Обнажённая Венера с лицом Фанни Лир возлежала на мраморном ложе, держа яблоко в левой руке. Всё было хорошо, но роскошная жизнь, которой Никола окружил Фанни, требовала больших денег, а их не хватало. Сначала князь занимал, и ему охотно давали в долг, всё-таки Великий князь, внук Императора Николая I и обещал возратить с процентами. Но Никола отдавать деньги не спешил, и вскоре кредит иссяк. А суммы требо-

вались немалые, Великий князь задумал дерзкий поступок. Он понимал, что царственные родственники не позволят ему жениться на любимой женщине, а потому решил бежать за границу и там тайно обвенчаться.

Скандал разразился 14 апреля 1874 года. В Мраморном дворце была разграблена семейная святыня икона Владимирской Божией Матери, которой Николай I благословил в день свадьбы сына Константина Николаевича и его невесту Александру Иосифовну. Из оклада похитили драгоценные камни. Узнав о таком святотатстве, Константин Николаевич пришёл в ярость и потребовал, чтобы полиция провела дознание и нашла преступника. Выяснили, что в будуар Александры Иосифовны доступ имели сама княгиня, её супруг, дети, врач, придворные дамы и два камердинера. Поскольку даже тень подозрения не могла лечь на Великокняжескую семью, принялись за прислугу. Но улики не нашли!

Тогда круг подозреваемых расширили, и – выяснилось невозможное! В одном из ломбардов обнаружили бриллианты, которые сдал адъютант Великого князя Николая Константиновича капитан Евгений Ворпоховский. На допросе он сделал ошеломляющее признание: камни передал ему Великий князь и просил продать их. Никола же поклялся на Библии, что не виновен, а отцу заявил: Ворпоховский – его товарищ и, чтобы выручить его из беды, он готов взять вину на себя. Как только выяснилось, что к краже причастен член Императорской фамилии, делом занялся лично шеф полиции граф Пётр Шувалов, материалы засекретили. Всё тщательно перепроверив, глава полиции пришёл к неутешительному выводу: бриллианты украл Николай Константинович. Три часа Шувалов допрашивал князя в присутствии Константина Николаевича, который записал в дневнике: «Никакого раскаяния, никакого осознания, кроме когда уже отрицание невозможно, и то пришлось вытаскивать жилу за жилой. Ожесточение, и ни одной слезы. Заклинали всем, что у него ещё осталось святым, облегчить предстоящую ему участь чистосердечным раскаянием и сознанием. Ничего не помогло!..

«Похититель
драгоценностей» –
Николай
Константинович

У Николая ожесточение, фанфаронство, позирование и совершенное нераскаяние!»

Шувалов, понимая всю щекотливость ситуации, предложил Великому князю Константину, чтобы вину его сына взял другой человек, разумеется, за хорошее вознаграждение. Всё происходящее казалось Константину Николаевичу страшным сном: его сын – преступник, как это возможно! Он вдруг в гневе обвинил Шувалова в клевете, в стараниях обесчестить его семью и его самого, второго человека в государстве!

Шеф полиции разговаривать в подобном тоне не стал и, вежливо откланявшись, отправился к Александру II. Выслушав доклад Шувалова, Государь онемел: сын брата, его крестник – вор и свя-

тотатец! Такого ещё в семье Романовых не бывало! Он немедленно вызвал Константина с сыном во дворец. Глядя племяннику в глаза, спросил:

– Ты это сделал?

И в ответ услышал тихое, но твёрдое:

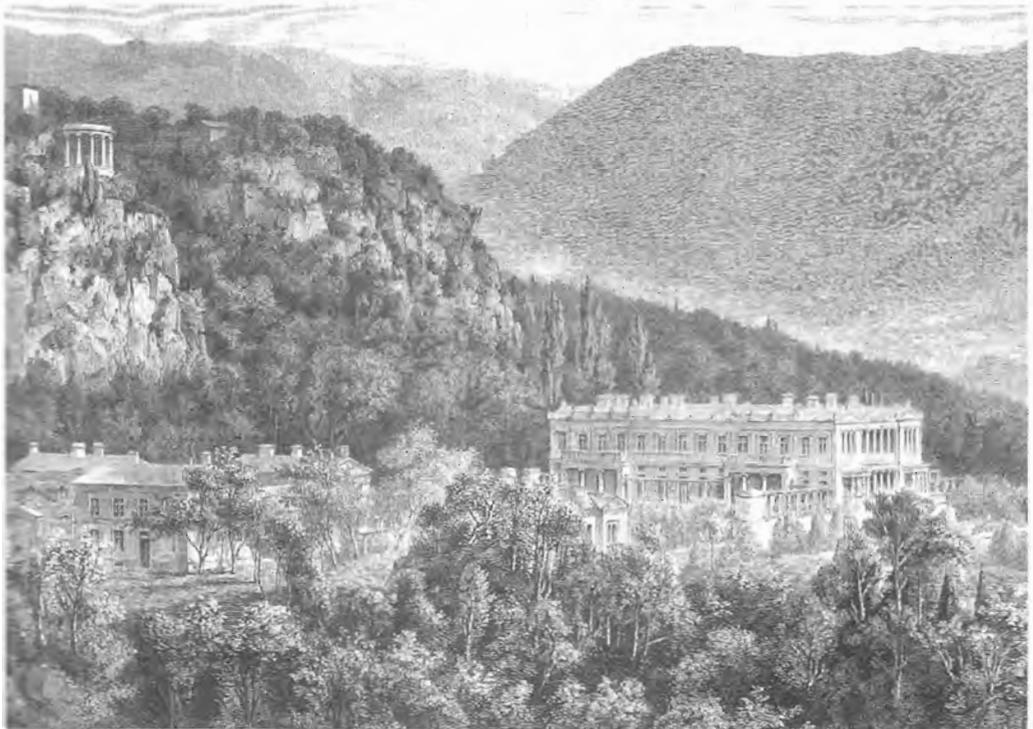
– Да.

Царь был потрясён. Покраснев, он стукнул по столу кулаком и прохрипел: «Сумасшедший!» Великий князь Константин стоял бледный, его словно гром поразил, в мозгу билась одна мысль – бесчестье!

Николая заключили под домашний арест. Высочайшая комиссия должна была решить, что делать с царским отступником. Придать дело огласке, осудить и отправить на каторгу значило нанести болезненный удар престижу Царской семьи. Отправить в солдаты? Государь заявил, что негоже почитать это святое звание. Никто не мог решить, что же предпринять. Но тут Государю доставили исповедь племянника, в которой, правда, не оказалось ни капли раскаяния или сожаления. Обращаясь к дяде-монарху, Николай с пафосом вопрошал: «Безумен я или преступник? Если я преступник, то судите и осудите меня, если я безумен, то лечите меня, но только дайте мне луч надежды на то, что я снова когда-нибудь увижу жизнь и свободу. То, что вы делаете – жестоко и бесчеловечно».

Александр, поражённый цинизмом Великого князя, не стал медлить. Комиссия во главе с лейб-медиком, опытным врачом-психиатром И.С. Гаурови-

Имение в Ореанде. Литография, 1870 г.

цем, признала Великого князя «психически неуравновешенным, склонным к сумасбродству, необдуманном, непредсказуемым поступкам, галлюцинациям». 11 декабря 1874 года вышел указ Государя об опеке над имуществом Николая Константиновича. На Великого князя надели смирительную рубашку, накачивали какими-то лекарствами, даже били. Охранники, глумясь, предлагали детские игрушки. Затем Николая под специальной охраной отправили в Крым, а он, пережив все унижения, жалел, что не попал на каторгу. Фанни Лир, или госпожу Блекфорд, выслали из России (по другим сведениям, она уехала сама).

Возможно, Государь и отец ещё ждали от Николая раскаяния и признания своей вины, но в его душе была только злоба. Родственники, осудившие его за любовь, – лицемеры! И Император Александр, и второй дядя Николай Николаевич, и даже отец Константин Николаевич имели вторые семьи, в которых родились дети. А его, желавшего стать счастливым, объявили сумасшедшим.

Последующая жизнь Никола – череда сумасбродных поступков и постоянные переезды. Влюблённый в Фанни и понимавший, что быть вместе им не позволят, в Крыму красавец князь заводит роман с Александрой Демидовой, разведённой супругой и матерью пятерых детей. Узнав об этом, родственники разгневались, а Никола лишь посмеивался – он же сумасшедший, чего же от него ожидают! Из Крыма Великого князя отправили в село Смоленское Владимирской губернии – Александра последовала за ним. Царь запретил ей видаться с Николаем, а его самого перевезли в Умань, местечко в 250 верстах от Киева. Но влюблённая женщина нарушила приказ Государя, в Умани у неё родился сын. Николая отправляют в село Тыврово Подольской губернии, Александра, тайком пробравшись в его дом, проводит с любимым десять счастливых дней – и рождает князю дочь. Великого князя Николая переводят на постоянное жительство в Оренбург.

Но менять стиль жизни князь не собирался: разгул, красивые женщины, бурные страсти продолжались. Правду сказать, в Оренбурге Николай Константинович не только кутил и волочился за женщинами. Здесь, в дали от столицы, надзор за Великим князем был не таким строгим, что позволило совершить поездки в глубь казахских степей: Николая захватила идея проложить железную дорогу из центральных областей к окраине России. Подготовленный проект он отправляет в Петербург, но из-за малой населённости земель его признали неосуществимым. Великому князю некогда огорчаться. Он снова едет в степь, чтобы установить, можно ли повернуть реку Амударью в древнее русло Узбой: это позволит получить более дешёвый водный путь через Волгу и Каспийское море в глубь Туркестана. Изучалась также возможность создания оросительной системы, способной возродить страдающие от безводности земли. В статье «Аму и Узбой» Николай Константинович писал: «Россия в течение последних 25 лет овладела большей частью Средней Азии, но некогда цветущий Туркестан достался русским в состоянии упадка. Он наделён от природы всеми благоприятными условиями для быстрого

развития своих богатых производственных сил. Расширив оросительную сеть, раздвинув пределы оазисов, Туркестан можно сделать одной из лучших русских областей». Осуществление этого проекта также сочли нецелесообразным, но экспедиция собрала богатейший материал, пройдя тысячи километров по неисследованным местам. Академия наук наградила всех участников, кроме Великого князя. Но Николай Константинович, если и обиделся, научную работу не бросил. В Оренбурге опубликовали работу Великого князя «Водный путь в Среднюю Азию, указанный Петром Великим», вот только имени автора не указали.

Великий князь Николай Константинович
с матерью Александрой Иосифовной
и сестрой Верой

Но и в отдалённом, расположенном на краю империи Оренбурге неугомонный Никола не даёт покоя царственным родственникам. В начале 1878 года он тайно обвенчался с Надеждой фон Дрейер, дочерью местного полицмейстера. Императору докладывают, что «нравственного исправления великому князю недостижимо никаким путём», брак официально расторгают, Николая перевозят в Самару. Всей семье полицмейстера было предложено покинуть Оренбург, но Надежда отказалась и последовала за Великим князем, которого, несмотря на указ Синода, продолжала считать своим мужем.

Впрочем, в семье Константиновичей были люди, сочувствующие Николаю, младший брат Константин записал в дневнике: «Скоро ли кончится мучительное положение, из которого бедному Николе не дадут никакого выхода? Самого кроткого человека можно было таким образом из терпения вывести, у Николая есть ещё довольно силы выносить своё заключение и нравственную тюрьму». Спустя год, после долгих сомнений и колебаний, Александр II смягчился, узаконил брак племянника и отправил его в 1881 году в Ташкент, вероятно, зная о его любви к Туркестану.

Узнав о гибели Александра II, Николай обратился к двоюродному брату Александру Александровичу с просьбой приехать в Петербург попрощаться

с дядюшкой. Новый Император стал разбираться в деле кузена. Ошеломлённый его поступками, он резко отказал в прощении: «Вы недостойны того, чтобы склониться перед прахом моего бедного отца, которого Вы жестоко обманули. Не забывайте, что Вы обесчестили всех нас. Пока я жив, Вам не видать Петербурга!» Его имя навсегда вычеркивают из списков Царской фамилии, теперь он не Романов, а Искандер.

Ташкент – типичный восточный город, пыльный и жаркий, с лабиринтом узких улочек и глинобитными домишками. Жизнь русского военного гарнизона, стоявшего на отшибе, текла скучно и однообразно, досуг офицеры коротали за чаркой и игрой в карты, мечтая поскорее вернуться обратно в Россию. С приездом Николая Константиновича всё стало меняться. Наконец, после долгих лет скитаний, у него появился дом – особняк в центре Ташкента, окружённый парком с дубами и берёзами, где он поселился с женой Надеждой и детьми. Но кипучая натура князя не позволяет ему жить в комфорте и спокойствии. Никола по-прежнему участвует в географических экспедициях и доказывает, что Каракумы – отнюдь не непроходимая пустыня, как считали ранее. Из поездок он привозит восточные произведения искусства и вскоре собирает великолепную коллекцию. В его доме постепенно составила и обширная библиотека по истории Средней Азии, переданная впоследствии в Туркестанскую публичную библиотеку.

Николай Константинович задумался об орошении земель, в короткий срок был прорыт стокилометровый канал, названный в честь деда «Император Николай I». Вода оживила мёртвые земли, теперь они стали пригодными для разведения хлопка. Николай Константинович закладывает первые плантации, выписав семена из южных штатов Америки. Великий князь писал: «Моё желание – оживить пустыни Средней Азии и облегчить правительству возможность их заселения русскими людьми всех сословий». Слово не расходится с делом, на орошённые земли приглашаются казаки

**Великий князь Николай Константинович
в период проживания в Ташкенте**

и крестьяне, которым на обустройство выдается ссуда. И вот уже появились в окрестностях 12 больших русских поселков, к 1913 году их насчитывалось 119. Сын Великого князя, Александр Искандер вспоминал: «Всякому переселенцу Отец дарил: парочку поросят, двух кур, двух уток и селезня и, конечно, некоторую сумму денег, для обзаведения хозяйством. Вспоминаю, как однажды приехали казак с казачкой за подарками. Как уже это

культрегере этого края, великом князе Николае Константиновиче. Сосланный императором Александром II за какую-то не соответствующую его званию проделку в Туркестан, он поселился в Ташкенте и там проводил жизнь, давшую обильный материал для всевозможных разговоров. Великий князь жил уединённо, замкнувшись в своем огороженном стеной дворце, а от времени до времени удивлял своими эксцентричностями. Прибыв однажды к настоятелю Ташкентского военного собора, протоиерею Константину Богородицкому, он в категорической форме потребовал, чтобы его немедленно обвенчали с 17-летней гимназисткой. Богородицкий отказался исполнить просьбу, ибо Великий князь состоял в браке. Великий князь ушёл от него, возмущённый "оказанной ему несправедливостью". 23 апреля 1914 года генерал-губернатор А.В. Самсонов рассказывал мне, что незадолго перед тем Великий князь Николай Константинович вызвал 500 человек, чтобы перемостить одну из главных ташкентских улиц, почему-то ему не понравившуюся. Чтобы предотвратить нашествие, генерал Самсонов должен был лично убедить Великого князя, что этот ремонт надо отложить на некоторое время.

И однако этот Великий князь оказался несомненным благодетелем Туркестана, когда не пожалел больших средств, чтобы оросить так называемую Голодную степь, ранее бывшую бесплодной пустыней, а потом ставшую одним из благословенных уголков богатейшего Туркестана.

В апреле 1914 года, будучи в Ташкенте, я сделал визит Великому князю, на который он ответил немедленной присылкой своей карточки. Проезжая затем через цветущую Голодную степь, я отправил ему телеграмму с выражением своего восторга перед совершённым им великим делом. Вернувшись затем в Ташкент, я нашёл целую папку присланных мне Великим князем прекрасных акварелей, представляющих Голодную степь в её прежнем виде и преображённую его заботами.

Поездку по Туркестану я представляю теперь как какой-то волшебный сон, где мне рисовалось величественное будущее этого края, неотделимое от величия всей России...»

Эксцентричные выходки, о которых упоминает отец Георгий, связаны опять таки с женщинами. В 1895 году Николай Константинович выкупил у семиреченского казака за сто рублей 16-летнюю дочь Дарью Часовитину. Он построил для неё дом и прижил несколько детей, носивших фамилию Часовитиных. Только лишь жители Ташкента привыкли, что Великий князь появляется, держа под руку двух жён, казачку Надежду и пышноволосяную блондинку Дарью, как последовала другая, ещё более скандальная история. В 1901 году 52-летний князь влюбился в юную гимназистку Варвару Хмельницкую. Когда его законная супруга Надежда уехала в Петербург, он похитил девушку и тайно обвенчался в сельской церкви. Однако при постоянной слежке в жизни Николая Константиновича не могло быть тайн. Когда о происшествии стало известно в столице, разразился невероятный скандал. Великий князь запятнал себя двоежёнством! Брак тотчас аннулировали, священника, обвенчавшего пару, постригли в монахи, Варвару с семейством выслали в Одессу.

Николай Константинович жил под постоянным надзором, и всё же, каким-то невероятным образом, он, отрастив пышные усы и надев мундир коллежского советника, приехал в 1896 году в Москву на коронацию Императора Николая II. Великий князь Константин Константинович описал встречу с братом в дневнике. В день коронации 8 мая он ехал через Красную площадь к Иверской часовне. Вдруг его окликнули по имени, в стоявшем перед ним человеке Константин с трудом узнал Николая. После порывистых объятий брат объяснил, что он в Москве инкогнито.

– Подожди, тебе не приходило в голову обратиться к новому Императору за разрешением присутствовать на коронации? – спросил Константин Константинович.

– Конечно же, приходило. Я даже прозондировал почву в Петербурге. Император-то новый, Костя, а правление старое. Ладно, Костя, здесь не место и не время для подобных разговоров. Прошу тебя, уговори Мама принять меня до коронации. У меня к ней важный разговор, касающийся не меня, а моего старшего сына Артемия. Сам я ни за какие коврижки в Петербург уже не вернусь... Прирос я к зною и пескам, да и дел там у меня, поверь, невпроворот...

Константин обещал. Следующим утром за завтраком в Потешном дворце Никола встретился с родными: матерью Александрой Иосифовной, братом Константином и сёстрами Ольгой и Верой. Возбуждённо и радостно он рассказывал о своей жизни в Ташкенте, о собранной им коллекции картин и древностей, о планах по озеленению пустыни. И вдруг сказал, что не держит зла на Александра II и даже хотел проводить его в последний путь, а вот на похоронах отца он был...

– А знаешь, Никола, – сказала Ольга, – в моей гостиной в Греции среди семейных фотографий есть и та, где, помнишь, мы втроём – Веруся, ты и я на русском балу. Я сказала детям, что ты вступил в морганатический брак и поэтому уехал из Петербурга.

– Благодарю за память, Оленька. Но не будем об этом...

Константин пошел провожать брата.

– Костя, я просил Мама через Императрицу Марию Фёдоровну посодействовать поступлению моего сына Артемия в Николаевское военное училище. Она пообещала. А ещё я просил позволить Артемию бывать у неё иногда по выходным. И тебя прошу об этом. Сын-то мой ни в чём не виновен перед вами, он тоже Романов по крови, а будет совсем один в Петербурге... – И вдруг без всякого перехода добавил: – А знаешь, брат, жизнь в глухомани имеет свои преимущества. Я в прошлом году у одного казака за сто рублей купил шестнадцатилетнюю дочь и скоро жду от нее ребёнка...

Но увидев, что его слова шокировали брата, поспешно добавил:

– Ладно, ладно, Костя, извини. Это я так, между прочим, это неправда, вернее, всё было не так, да и вообще ничего такого не было. Ну, брат, я побегал, уже опаздываю.

По-видимому, это была последняя встреча Николая Константиновича с семьёй. Ему рассказывали, что Мама ждала от него писем, плакала, стра-

дала и молилась о нём, но князь лишь усмехался, не верил: отчего же не спасла, не утаила пропажу? Об этом писала в 1917 году в своих мемуарах и Фанни Лир: «Случись такая пропажа в семье обыкновенных людей, её там скрыли бы; здесь же, напротив, подняли на ноги полицию...» Впрочем, Николай Константинович вряд ли сожалел о петербургском скандале, круто изменившем его жизнь. Время шло, о молодости, о страстной любви Великому князю напоминала лишь скульптура с мраморным лицом Фанни. Её в Ташкент прислала Александра Иосифовна, сопроводив горько-язвительным советом «любоваться вдоволь на бесстыжие черты прелестницы, сведшей расчётливо с ума и толкнувшей на бесчестье!»

Тем не менее, царственные родственники сдержали слово – сыновья Николая и Надежды фон Дрейер Артемий и Александр поступили в Пажеский корпус. Узнав о Февральской революции, свергнувшей династию Романовых, Николай Константинович надел красную рубаху и радостно разъезжал по городу. Временному правительству он отправил телеграмму, в которой назвал себя «пострадавшим от жестокого произвола старого режима». Наконец, после 43 лет опалы он свободен! Но жизнь бывает к нам иногда очень жестока.

Как и когда закончился земной путь энергичного, безудержного в страстях, мятежного Великого князя Николая Константиновича, доподлинно неизвестно. По одной, более достоверной, версии, он умер от воспаления лёгких на руках дочери Дарьи Часовитиной 14 января 1918 года. В периодическом издании «Наша Газета» № 13 от 17 января 1918 года (орган исполнительного комитета Ташкентского Совета рабочих и солдатских депутатов) была опубликована заметка следующего содержания: «Похороны гражданина Романова. Вчера в Ташкенте состоялись похороны б. великого князя, гражданина Ни-

**Великий князь Николай Константинович
и Дарья Часовитина**

колая Романова, скончавшегося в воскресенье, 14 января, в 6 часов утра. Тело Романова предано земле у ограды военного собора». Также в газете «Новый путь» от 18 января 1918 года дан некролог: «О смерти великого князя Николая Константиновича Романова (1850 г.р.), умер в ночь с 13 на 14 января 1918 года от воспаления лёгких на даче под Ташкентом и похоронен 16 января 1918 года в Ташкенте, в сквере рядом с Военным Георгиевским Собором». Имеется и протокол заседания Исполнительного Комитета Ташкентского Совета Солдатских и Ра-

бочих Депутатов от 15 января 1918 года: «Слушали просьбу жены Николая Константиновича Романова о разрешении похоронить умершего бывшего великого князя у военного собора. Постановили разрешить, похоронить, но с предложением не производить каких бы то ни было процессий». Правда, попрощаться с известным предпринимателем и меценатом пришло огромное число народа.

Но существует и другая версия: 3 февраля 1918 года князя арестовали и в тот же день расстреляли большевики за то, что посмел воспрепятствовать реквизиции художественных ценностей из своей коллекции. Александр Искандер в мемуарах «Небесный поход» прямо пишет: «Отец не дождался моего приезда и скончался 18 февраля этого года». В советское время Георгиевский собор перестроили, он стал кукольным театром и пельменной, могилу сровняли с землей. Таким образом, утратилось точное место захоронения и даты, написанные на кресте.

Жена Великого князя Надежда Александровна работала в художественном музее, созданном на основе коллекции мужа. Но вскоре большевики её уволили. Долгое время она скиталась по знакомым, голодала. Наконец, поселилась в сторожке всё при том же музее, жила одиноко, окружённая стойкой бездомных, никому не нужных, как и она сама, собак, питаясь тем, что оставляли сердобольные жители Ташкента у дверей её хибарки. В 1929 году от укуса бешеной собаки она умерла.

Сыновья Великого князя Артемий и Александр ушли служить в Белую армию. Артемий Искандер либо погиб в бою, либо умер от тифа в Ташкенте в 1919 году. Младший сын, Александр, сражался в армии Врангеля, затем эмигрировал во Францию, где и умер в 1957 году*.

*Дети Александра Николаевича остались в России с матерью, Ольгой Иосифовной Роговской. Её второй муж Николай Николаевич Андросов усыновил их. Кирилл Николаевич Андросов (Кирилл Александрович Искандер) умер 6 февраля 1992 года в Москве, не оставив потомства. Его сестра Наталья вышла замуж за режиссёра Николая Досталю, детей у них не было. С её смертью в 1999 году род Искандеров прервался.

Наталья Андросова занималась не совсем обычным для женщины делом: она была мотогонщицей, артисткой цирка. В Москве, в Центральном парке культуры и отдыха, каждый вечер шло представление: разогнав мотоцикл, красивая девушка мчалась по отвесной стене, постепенно взбираясь под самый потолок. Ю. Нагибин так описал представление: «Это было страшно и прекрасно, грохот мотоцикла, лицо её бледнело, глаза расширялись, и длинные рыжеватые локоны её развевались сзади, оставляя за собой золотой след. Она была богиня, мотогонщица и амазонка. Все ребята с Арбата и из переулков знали её красный с никелем "Индиан-Скаут", у каждого в душе, как сияющий образ, неугасимо горели её глаза, её нечеловечески красивое лицо и летящая фигурка в мужской ковбойке и жакетике, прекрасные ноги в бриджах и крагах, нежно сжимающие ревуший звероподобный "Индиан-Скаут"...» Эту красивую, бесстрашную женщину воспевали в стихах А. Галич, Е. Евтушенко, А. Вознесенский.

Поскольку имя Великого князя Николая Константиновича было забыто, Романовы, жившие за границей, ничего не знали о его детях, своих родственниках, оставшихся в советской России. В 1998 году князь Михаил Греческий на церемонии перезахоронения останков Императора Николая II увидел в Петропавловском соборе живописную старуху: дородную, выгладевшую благородно и изящно, несмотря на костыли и скромную одежду. Седые волосы гладко зачёсаны назад, лицо морщинисто, но свежо, а глаза голубые, яркие, романовские. Оказалось, Наталья Романовская-Искандер – его кузина. Узнав о необычной судьбе её деда, князь Михаил Греческий написал книгу «В семье не без уroda. Биография великого князя Николая Константиновича».

РОЖДЕНИЕ ПОЭТА. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ

Удивительный это был человек – Великий князь Константин Константинович, прекрасно образованный, щедро одарённый многими талантами. Всего пятьдесят семь лет было отпущено ему на земле. Но сколько деяний вместил он в свою жизнь!

*Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, –
Рождением к величью я призван.*

Величие подразумевало обязательную военную службу, участие в государственных делах, верность Государю Императору. Великий князь Константин Константинович, племянник Александра II и двоюродный брат Александра III, стремится добросовестно исполнять долг: воинский – став морским и гвардейским офицером, командуя лейб-гвардии Преображенским полком, педагогический – будучи главным начальником военно-учебных заведений, общественный – на посту президента Российской академии

**Великий князь Константин
Константинович**

наук; творческий – как поэта, призывающего к добру. Великий князь Александр Михайлович писал: «Казалось бы, что такой гуманный и просвещённый человек, как Великий князь Константин Константинович, был бы неоценимым помощником Государя в делах управления Империей. Но, к сожалению, Константин Константинович ненавидел политику и чуждался всякого соприкосновения с политическими деятелями. Он искал прежде всего уединения в обществе книг, драматических произведений, учёных, солдат, кадет и своей счастливой семьи... В этом отношении воля Великого князя была непреклонна, и потому Престол лишался в его лице ценной опоры». Власть, политика, интриги были не для Константина

Константиновича. Странный Великий князь: богатство, роскошь, власть занимали далеко не первое место среди его жизненных ценностей. В удел ему достались наука и поэзия, и для такой тонкой, духовно и художественно одарённой натуры это было лучшим приложением сил.

*Но пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь.
Пускай прольются звуки,
Моих стихов в сердца толпы людской,
Пусть скорбного они врачуют муки
И радуют счастливого душой!*

Второй сын Великого князя Константина Николаевича и Великой княгини Александры Иосифовны появился на свет 10 августа 1858 года в Стрельне. Сразу после рождения Великий князь Константин назначен шефом Тифлисского гренадерского полка и зачислен в списки лейб-гвардии Конного и Измайловского полков, лейб-гвардии батареейной № 5 батареи 3-й Гвардейской и гренадерской артиллерийской бригады (1-я батарея лейб-гвардии 3-й артиллерийской бригады) и Гвардейского экипажа. А 26 сентября 1858 года, в день крещения, пожалован орденами Св. Апостола Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Анны I степени и Белого орла.

Александра Иосифовна хотела родить малыша в Павловске, где всегда было шумно – гости, концерты, веселье. Но её супруг Великий князь Константин Николаевич настоял на отъезде в Стрельну: он желал, чтобы его мальчики стали моряками, с первых дней своей жизни видели море и любили его так же страстно, как он сам. Великий князь мечтал услышать первый крик своего сына, но роды продолжались долго. Наказав доктору, чтобы сообщил через камердинера, когда начнутся схватки, Константин Николаевич вышел прогуляться к заливу. Любовался яркими цветниками и затейливыми фонтанами в парке, устроенном по приказу Петра I, создавшего русский флот. А он, Константин Николаевич, сейчас занят переустройством флота, стремясь сделать его более сильным и могущественным. Великий предок гордился бы им.

Не успел Константин Николаевич дойти до залива, как его остановил радостный крик камердинера: «Сын, сын! Поздравляю, Ваше Высочество!» Оказалось, роды начались сразу, как только Великий князь покинул дворец, но доктор в суматохе забыл послать за ним. Счастливый Константин Николаевич расцеловал утомлённую жену и взял на руки младенца. Спустя три дня он писал брату, Императору Александру II: *«Пишу Тебе несколько слов, любезнейший Саша, чтобы уведомить Тебя, что у нас всё, благодаря Бога, идёт удовлетворительно. Сегодня идёт третий день. У женки начинает показываться молоко, груди наливаются и сильно вспухают, и оттого она*

начинает довольно сильно страдать, но лихорадки, слава Богу, нет ни малейшей. К сожалению, только её старые бессонницы ещё продолжают, маленький Костя тоже хорош и весь день лежит у своей матери на постели...»

Обучаться морскому делу Костя начал с 10 лет, каждое лето он совершал кадетские плавания в отряде судов Морского училища. Всякий раз, ступая на палубу «Громобоя», «Пересвета», «Гиляка» или «Жемчуга», он испытывал страх перед неукротимой морской стихией и, стараясь побороть в себе неприятное чувство, шептал слова молитвы: «Путь твой в море и стезя твоя в водах великих и слёзы твои неведомы». Но море дарило и приятное, не испытанное ранее, ощущение дружества и единства с товарищами-кадетами, когда все вместе выполняли настоящую морскую работу – тянули канат, ставили паруса, драили палубу.

Больше остальных судов Константин любил фрегат «Светлана», военный трёхмачтовый корабль, построенный его отцом. Фрегат может носить шестидесятифунтовую артиллерию и ходить по 12 узлов – настоящая гордость русского флота. На «Светлане» Константин 29 июля 1875 года отправился в первое заграничное плавание. Он очень переживал: в этот же день его ждала первая вахта, а Великий князь чувствовал, что плохо разбирается в парусной работе. Командир «Светланы» капитан 2-го ранга Павел Павлович Новосильский, хотя и гневался на неумение новичков, но учил и помогал в морском деле, терпеливо объясняя все тонкости. Константин был

**Великий князь Константин
Константинович. 1877 г.**

благодарен ему за науку, но о себе думал, что хорошего моряка из него не получится. И всё же упрямо стоял на вахте, командовал батареей, изучал книгу о новейших судах германского флота. От напряжения почти постоянно болела голова, часто находила страшная тоска, и окружавший его мир как бы переставал существовать. Товарищи-моряки видели: служба на флоте тяготит Великого князя, хотя он старается выполнять её честно и добросовестно.

Вернувшись 19 июля 1877 года из дальнего похода в Россию, Константин узнал: весь личный состав фрегата направляется на войну с Турцией. Мичману Великому князю Константину Константиновичу было 19 лет.

В один из последних хлопотных дней перед отъездом в дверь его комнаты тихо постучали, матушка Александра Иосифовна принесла ворох телеграмм с пожеланиями и поздравлениями. Одна была от Александра II: «Я радуюсь увидеть тебя на берегах Дуная».

Константин вернулся героем. За заслуги в Русско-турецкой войне он награждён орденом Св. Георгия IV степени, медалью «За войну 1877-1878 гг.», Русским крестом за переход через Дунай, болгарскими и сербскими орденами. Отец с нескрываемой гордостью рассказывал, как Костя участвовал в рекогносцировках, как подготавливал уничтожение турецкого моста, строящегося у Силистрии, как с отрядом юнкеров спустил брандер на вражеский пароход под огнём батарей и стрелков всей силистрийской армии. И тут же объяснял дамам, что «брандер» – это такое судно, нагруженное горючим материалом, которое поджигают и направляют на неприятельский корабль. Костя вспоминал, как адмирал Дубасов, вручая ему Георгиевский крест, упрекнул, что он недостаточно далеко отошёл от места взрыва и рисковал попасть в бурун тонувшего судна. А он, смутившись, объяснил: остановился, чтобы любоваться величественной картиной взрыва.

Весну 1879 года семейство Великого князя Константина Николаевича проводило в Крыму. Ореанда... Что-то необыкновенное, романтическое, мелодичное, завораживающее слышится в этом слове. Крымское имение Великий князь Константин Константинович любил не так, как Павловск, Стрельну или подмосковное Осташево. Красота Ореанды особая, царственная. Темные благоухающие ночи, яркое сияние недоступных звёзд, гордо поднявшиеся дикие скалы, безбрежное море, дышащее силой и свободой, – божественный мир, где царит гармония и любовь.

Ореанда, П.П. Верещака. 1876 г.

На берегу чудной Ореанды состоялось рождение поэта, известного всей России под псевдонимом К. Р. Двадцатилетний Константин описал в дневнике этот момент: «После завтрака... отправились в Алупку. День чудесный. Розы всевозможные там в полном цвету, сад задыхается там от пьянящей красоты. Было так хорошо и чудесно, что я стал Богу молиться, а потом уселся под сводом Большой арки замка и стал глядеть на безмолвное, безбрежное море. ...И мне захотелось самому сочинять стихи... После обеда я вышел на крытую террасу. Вечер был тих и тёпел; совсем уже смеркалось. Я продолжал свои стихи.

Вот готовое начало:

*Когда заката наблюдаешь луч пурпурный,
Когда безоблачный вечерний небосклон
Во глубине морской – прозрачной и лазурной –
Как в гладких зеркалах безбрежных отражён...»*

Очарование яркой красотой южной природы выливалось в стихотворные строки. За первым стихотворением последовало второе.

*Задремали волны,
Ясен неба свод;
Светит месяц полный
Над лазурью вод.*

*Серебрится море,
Трепетно горит...
Так и радость горе
Ярко озарит.*

Величественно пышный май обещал тёплое лето, но пришло время расставаться. После слёз и объятий Великая княгиня Александра Иосифовна с сыном Митей уехала в Петербург. Константин должен был сопровождать отца, морского министра, в плавании по Чёрному морю и присутствовать при испытании круглых броненосцев «поповок»*. Его сестра Ольга, Королева эллинов, отплывала в Грецию. Но перед отъездом они все вместе посетили в Севастополе знаменитое воинское кладбище.

*Создателем круглых броненосцев был вице-адмирал Андрей Алексеевич Попов (1821-1898), русский флотоводец, кораблестроитель, друг и соратник Великого князя Константина Николаевича. Такая необычная форма давала возможность судну при весьма малой осадке нести самую толстую броню и артиллерию из орудий наибольшего калибра. Некоторые авторитеты морской науки высказывали сомнения в мореходных качествах броненосцев, считали, что «поповки» (такое наименование суда получили официально) будут плохо держаться на волнении, обладать рыскливостью и что в их внутренних помещениях невозможно хорошая вентиляция. Чтобы развеять сомнения, решили провести эксперимент с круглыми шлюпками диаметром 3,7 и 7,3 м, опыты прошли успешно.

Уже на борту броненосца «Вице-адмирал Попов» Константин записал в дневник: «Мы в Севастополе с благоговением входили в пирамиду церкви. Над входом – мозаичный образ Христа. Я смотрел на эти величественные и тихие, кроткие черты – и казалось, что хорошо, должно быть, лежать покойником под землёй и отдыхать от трудов, забот и ран, когда их сторожит такой Сторож. Каждая икона в Церкви напоминает о времени, когда мёртвые оставят свои могилы. Мы пошли по кладбищу, читая направо и налево на могильных камнях имена убитых, умерших от ран и страшные слова «братская могила». Солнце заходило, кладбищенский сад смотрел уютно и привольно, в тёплом воздухе хорошо пахло цветами. Вспоминаются слова: «Подожди немного – отдохнёшь и ты...»

Мы обедали на «Поповке». С ужасом ждал я минуты последних поцелуев Оли – новые слёзы. Хотелось бы сразу оборвать и разойтись в разные стороны. Привезли мы Олю на пароход «Константин»... Отъезжая на катере, я кричал Оле: «До свидания, Христос с тобой». Я слышал её последние слова: «Благодарствуй».

Храм Св. Николая на Братском кладбище

12 октября 1870 года последовало Высочайшее повеление строить броненосные корабли по типу «топовок» для обороны Керченского пролива и Днепро-Бугского лимана. В воды Чёрного моря были спущены два броненосца: «Новгород» и «Вице-адмирале Попов». Наряду с положительными качествами, «топовки» обладали существенными недостатками и поэтому не прижились на флоте, но они были первыми на Чёрном море броненосцами, и с них началось возрождение флота на юге страны.

Я водворился на «Поповке». На нём мы будем плавать с Папа по Чёрному морю... «Поповка» внутри делает впечатление страшной адской машины. Посреди, между двух дымовых труб и толстых вентиляторов, открывается широкая бездна башни. По желанию оттуда поднимаются, подобно кровожадным крокодилам, два 12-дюймовых (40 тонн) орудия и получают какой угодно угол возвышения. Вдруг вся эта пропасть начинает быстро вращаться, и это движение не мешает пушкам точно так же подниматься. И вдруг, среди темноты, засветился электрический фонарь Яблочкова – и сразу все предметы вокруг ярко и блестя освещаются».

Плавание проходило успешно, посетили небольшой город Батум, древний Симоново-Канонитский монастырь в Псерети, Новороссийск, Николаев. 1 июня в дневнике появляется запись: «Утром стали на якорь в Новороссийской бухте. Кругом зелёные горы однообразного, наводящего уныние вида. Пристань страдает от жестокого «бора», особенно зимой. В 48 году на этом рейде во время шторма от «бора» погибла шхуна «Струя», пошедшая ко дну под напором ледяной коры. Очень неважное место для якорной стоянки.

Погода чудная, очень тепло. Мне так хорошо было на душе при мысли завтра быть в Орианде. Я так люблю вид Ялты и Ялтинского рейда, запах лавров, крутые скалы Ай-Петри. Когда грустно, мне приятно вспоминать всё это, особенно склон горы к морю за Ялтой, – так становится хорошо на сердце.

Новороссийск делает впечатление

Великий князь
Константин Константинович

скуднейшего, пустейшего города. Грязная церковь, несчастный общественный сад, невзрачные улицы, гадкие мостовые, казармы, госпиталь, греки и кое-какие русские. ...Последний день здесь. Когда-то милый Крым снова увижу. Дай, Господи, мне быть тогда по крайней мере не хуже, чем я теперь».

Последняя фраза не случайно, Константина Константиновича огорчают собственные мысли: ему мало интересны морские дела, вопросы государственные занимают гораздо больше, будь его воля, перешёл бы служить в гражданскую службу. Осмотры различных заведений и мастерских в огромной свите отца утомляют. Но он обязан свято исполнять свой долг, а долг его – быть моряком.

Константин Константинович искренне восхищался отцом. Вели-

кий князь Константин Николаевич, энергичный, умный, волевой, мгновенно реагировал на всякое новое дело, всякую новую мысль, если они были полезны его главной цели – возрождению сильного русского флота. «Нам нужен флот, нам нужен Севастополь, Чёрное море, Крым», – убеждал он царственного брата Александра II.

В 1880 году морской министр решил послать сына в кругосветное путешествие на два года на фрегате «Герцог Эдинбургский». Узнав об этом, Константин с тоской подумал: «Опять это море! Как хорошо было бы не служить во флоте...» Но, устыдившись, отогнал мысль: «Море – мой дом. Надо покориться судьбе. И Папа этого хочет». Впрочем, плавание задерживалось. Дни, хотя и наполненные событиями, всё же казались Великому князю скучно однообразными: в свите Государя он присутствовал на парадах, бывал во дворце, на Балтийском заводе следил за приготовлениями фрегата «Герцог Эдинбургский» к плаванию. Царь пожаловал Константину знак минного офицера за то, что тот прослушал курс лекций Владимира Павловича Верховенского. «Не считаю себя нисколько достойным звания минного офицера: прослушать курс лекций далеко не значит усвоить их. Знак этот доставит гораздо больше удовольствия Папа, чем мне самому», – записал Константин в дневнике.

Его волнуют другие вопросы, в душе начинается духовный поиск, осознание себя как личности. Великий князь впервые ощутил, как быстро уходит время, задумался о бренности тела, неустойчивости души, старался понять, что движет им – честолюбие, тщеславие – и как найти свой жизненный путь.

Полуброненосный фрегат «Герцог Эдинбургский»

Огромным событием стало личное знакомство в марте 1880 года с Фёдором Михайловичем Достоевским. Константин встречался с писателем и раньше на обедах у кузена и близкого друга, Великого князя Сергея Александровича, с напряжённым вниманием слушал всё, что говорил Достоевский. Прежде он с удовольствием читал произведения писателя, заставлявшие думать и сопереживать героям. И вот долгожданная встреча! Заговорили о «Бедных людях». На вопрос понравился ли роман, Константин Константинович ответил:

– Он меня однажды спас. Скажу вам искренне – не хочу служить на флоте. Делаю это по настоянию отца. И поэтому у меня ничего хорошего с морской службой не получается. Однажды совсем упал духом. А ваш роман эти люди в нём... Прочитал. И вдруг перестал бояться будущего, почувствовал себя сильным, и на вахту не лень было идти, и молилось хорошо.

Великий князь постеснялся рассказать писателю, поделился лишь с дневником, что происходило в его душе, когда последняя страница была дочитана. Сердце сжалось от боли и бесконечной грусти, хотелось помочь этим людям, героям романа. Ушёл в свою каюту, упал на колени у постели и рыдался... Так было жаль всех: и бедных людей из романа Достоевского, и себя самого, несчастного, вынужденного заниматься нелюбимым морским делом. Но все душевные невзгоды, вся боль за себя вытекли с этими очищающими слезами, осталось лишь горячее желание помогать другим.

Встречи и беседы Константина Константиновича и Фёдора Михайловича в Мраморном дворце стали частыми. Жена Достоевского Анна Григорьевна вспоминала: «Это был искренний и добрый молодой человек, поразивший моего мужа пламенным отношением ко всему прекрасному».

Состоялось и другое, не менее радостное знакомство – с Петром Ильичом Чайковским, переросшее со временем в добрые, сердечные отношения. Константин Константинович, отчаянно смущаясь, всё же решился сыграть написанный им романс на слова А.К. Толстого «Когда кругом безмолвен лес дремучий». В этот день записал в дневнике: «Мы, т. е. я, простился с Чайковским с видным обоюдным радушием, как будто мы давно знакомы и даже дружны. Его близорукие глаза светились добрым, ласковым светом, в них проглядывает ум. Хотя нас было всего четверо, мы незаметно просидели до 2-х часов, разговор не прекращался». Константин был счастлив, приятные воспоминания о встречах с великими людьми, их беседы скрасят долгое пребывание в пустынном море...

В плавание Великий князь взял картину Куинджи «Ночь на Днепре», поразившую его воображение. «Я как бы замер на месте. Я видел перед собой изображение широкой реки; полный месяц освещает её на далёкое расстояние, верст на тридцать. Я испытывал такое ощущение, выходя на возвышенный холм, откуда вдали видна величественная река, освещённая луной. Захватывает дух, не можешь оторваться от ослепляющей, волшебной картины, душа тоскует. На картине Куинджи всё это выражено, при виде её чувствуешь то же, что перед настоящей рекой, блестящей ярким светом посреди ночной темноты.

Я сказал Куинджи, что покупаю его дивное произведение, я глубоко любил эту картину и мог бы многим для неё пожертвовать».

Однако художник, узнав, что Константин Константинович берёт его произведение в дальнее плавание, рассердился: море не место для картины, от влаги она может потускнеть. Решил даже судиться с Великим князем, но всё обошлось.

Кроме полюбившейся картины, Константин взял толстую коричневую тетрадь с металлической застёжкой – дневник, своего верного друга, которому Великий князь с ранней юности привык доверять самые сокровенные мысли и чувства, события и впечатления. Константин Константинович понимал, что записи свидетеля истории многое могут рассказать будущим поколениям. «Возможно, мой дневник лет через 60-70 появится в печати, и мне хочется, чтобы его читали и перечитывали. Слог, правдивость, искренность очень важны для будущих чтецов!».*

Два года продолжалось кругосветное путешествие. Великому князю Константину открылся разнообразный, яркий, далеко не идеальный, но прекрасный мир. Он увидел Алжир, Неаполь, Венецию, Татой – резиденцию сестры Ольги, Королевы эллинов, Иерусалим, совершил поездку по Святой земле. Но всякий раз, когда выдавалась свободная минута, вспоминал Павловск, его тихие аллеи, любимые березки у пруда, нежные запахи сирени. Наконец, решившись изменить судьбу, Константин 13 октября 1881 года написал отцу:

«Я пламенно рвусь в Тихий океан, считая кругосветное плавание полезным и необходимым. По возвращении я мечтаю всеми силами души и тела служить на пользу Родины, продолжать начатое тобою дело освобождения и просвещения и посвятить всю жизнь на труд по улучшению быта нашего православного народа и духовенства... Я старался насильно привязать себя к морю, заставить себя полюбить флот – но, к великому моему разочарованию, не успевал в этом. Вот уже 3 года, что я стал

*Страницы удивительной жизни запечатлены в дневнике, который Великий князь вёл с 1874 по 1915 год. 64 тетради записей, сделанных его рукой, – это беспристрастное свидетельство эпохи, в которую ему довелось жить, творить и любить. После смерти Константина Константиновича, согласно духовному завещанию, рукописи поступили на хранение в архив Императорской Академии наук и не подлежали вскрытию в течение 90 лет, т. е. до 2005 года. Но предсмертная воля автора дневника была грубо нарушена. Большевики, ставшие в 1917 году владельцами всего наследия Российской империи, посчитали, что революционная воля народа не потерпит отныне никаких личных и государственных тайн. Они стремились обнаружить все документы, имевшие отношение к поверженному или строя. Ни о какой щепетильности и уважении к памяти человека, оставившего глубокий след в истории русской культуры, речи не велось.

В 1929 году выдержки из дневника «К.Р.» были напечатаны в журнале «Красный архив» и стали достоянием «пролетарской общественности». Прежде всего это были записи, сделанные в период первой русской революции, в 1905 году. Конечно, негативного свойства. В журнале была также дана уничижительная характеристика человека, получившего блестящее образование: «Его умственный кругозор сложился в гвардейской казарме». А ведь авторитет Великого князя Константина Константиновича был необычайно высок в до-революционном российском общественном мнении! Знала его и просвещённая Европа. Небось ведь шведский король Оскар известил в 1902 году этого замечательного человека об избрании его почётным членом Стокгольмской академии наук.

осмысленней смотреть на жизнь и на вещи, три года я думал и раздумывал и пришёл к убеждению, что все мои чувства и стремления идут вразрез с положением моряка. В последних моих плаваниях я, скрепя сердце, старался честно исполнять свой долг и, кажется, ни разу не изменил ему. Вместе с тем, думая, что если придётся всю жизнь служить немилому предмету, к которому не имею влечения. – жизнь моя будет мука и страдание. Разумеется, пока я свято буду продолжать служить во флоте, во что бы то ни стало хочу совершить кругосветное плавание, считая, что только морская служба может служить мне подготовкой к другого рода деятельности, может выработать во мне знание жизни и людей и дать мне некоторую опытность...»

В следующем году Константин снова пишет отцу: «Если судьбе угодно будет задержать меня в морской службе – конечно, я покорюсь. Но тяжело будет всю жизнь уложить на нелюбимое дело».

Судьба словно услышала боль души Великого князя. В январе 1882 года Константин слёг в постель с тяжелейшей пневмонией, доктор посоветовал сменить род деятельности. В России за время его отсутствия произошло много печальных событий: не стало Достоевского, террористы убили Александра II, отец, энергичный, умный, душа Александровских реформ, оказался не нужен новой власти и ушёл в отставку, а его семья переживала настоящую драму. Отчуждение между отцом и матерью ощущалось уже давно, все дети Констан-

Великий князь Константин Константинович играет для своей сестры Ольги и двоюродного брата Сергея

тиновичи предпочитали встречаться с любимыми Папа и Мама отдельно, тогда не было этой ужасной скованности и смущения. В дневнике двадцатидвухлетний Константин записал: «Как я ни люблю Павловск, как ни привязан к отцу – всё же там чувствую стеснение и как-то неловко. Я с Папа почти никогда не бываю совершенно покоен: он так поработён своими привычками и требует подражания им, что чувствуешь себя в деспотическом государстве». Но было больно и обидно узнать, что у отца, оказывается, давняя связь с балериной Анной Кузнецовой, от которой даже родились дети. И всё-таки он любил отца и очень сожалел, что новый Император Александр III, благородный, честный, умный, не нашёл применения его немалым талантам. Но о чём было говорить, если политика

страны менялась, даже Александровские реформы называли «преступной ошибкой».

Душу Великого князя Константина не оставляли постоянное беспокойство и смятение, светская жизнь казалась бессмысленной. Однажды он встретился с Государем.

– Я хочу уйти в монастырь. Прошу разрешения...

Константин был уверен, что Александр даст согласие: отца-то он отправил в отставку! Но Царь, помолчав, сказал:

– Ты, Костя, даже со своей фантазией не нафантазируешь, как мне бывает муторно и гадко. Иногда я – как волк затравленный. Даже стыдно: в руках такая сила, а душа – как щенок. Нет. И ещё раз нет. Если мы все уйдём в монастырь, кто будет служить России?

Но Константин все же отправился в Оптину пустынь, после беседы со старцем Амвросием вернулся более спокойным, умиротворённым. А вскоре в его жизни произошли счастливые перемены.

Константину пришлось поехать в Альтенбург, столицу Саксен-Альтенбургского княжества, на родину матери. Случай был печальный: умерла от воспаления лёгких троюродная сестра юная принцесса Маргарита, и Великий князь представлял на похоронах семью Романовых. Несмотря на грустное настроение, слёзы, соболезнования и траурные мероприятия, Константин обратил внимание на восемнадцатилетнюю принцессу Елизавету-Августу-Марию-Агнессу, тонкую, трогательную, нежную, со светлыми локонами и детскими пухлыми губками. Оказавшись рядом за столом, Великий князь залюбовался изящным серебряным браслетом на тонкой руке принцессы.

– Вам нравится форма этого браслета? – спросил он.

– Нравится.

– Когда у меня будет невеста, я ей подарю такой же.

– Да? – спросила она и как-то заметно погрузстнела. Великий князь Константин, высокий, стройный, в морском мундире, который был ему так к лицу, зажёл в её сердце огонь любви. Но она всё же сняла браслет, протянула князю. – Посмотрите, чтобы запомнить, как он устроен...

А Константин уже не отходил от Елизаветы. Великая княгиня Александра Иосифовна радовалась, что сын нашёл невесту на её родине. Отец тоже не возражал, сказав: «Пожалуй, пора. Но будущая жена должна знать, чья она жена, – моряка. А это означает расставания. Дай ей об этом депешу».

Разговаривать с Елизаветой о будущей семейной жизни, казалось, было ещё рано. Её родители не давали согласия, боясь отправлять дочь в Россию, где стреляют, взрывают и убивают монархов, где суровые морозы и бесконечные пространства. Но Елизавета, всегда тихая и послушная, твёрдо заявила, что страстно влюблена в Константина, а снегов и революций не боится. Переговоры шли долго и трудно, а князь не переставал мечтать о семейной жизни и посвящал любимой стихи.

*Взошла луна .. Полночь просияла,
И средь немой, волшебной тишины
Песнь соловья так сладко зазвучала,
С лазоревой пролившись тишины.*

*Ты полюбила, – я любим тобою,
Возможно мне, о друг, тебя любить!
И ныне песнью я зальюсь такою,
Какую ты могла лишь вдохновить.*

Однажды Великий князь Константин получил странную телеграмму: «Пианино куплено». Это был условный знак: Елизавета давала понять, что её родители не возражают, чтобы он приехал в Альтенбург с официальным предложением. 15 апреля 1884 года в дворцовой церкви Зимнего дворца

Принцесса Елизавета Саксен-Альтенбургская в наряде невесты. 1884 г.

протопресвитер Янышев обвенчал Его Императорское Высочество Великого князя Константина Константиновича Романова с принцессой Елизаветой. Царский манифест гласил: «Возвещая о сём радостном для сердца нашего событии и повелевая супругу Великого Князя Константина Константиновича именовать княгиней Елизаветой Маврикиевной с титулом Императорского Высочества, мы вполне убеждены, что верные подданные наши соединят тёплые мольбы их с нашими к всемогущему и всемилосердному Богу о даровании постоянного, незыблемого благоденствия любезным сердцу нашему новобрачным».

Великий князь представлял боковую ветвь царского рода и наследовать трон никак не мог, поэтому при вступлении в брак от невесты не потребовали перехода в православие, и она осталась католичкой. Но это обстоятельство очень огорчало Константина Константиновича, в жене он хотел найти родственную душу. Правда, утром накануне венчания Елизавета написала ему записку: «Обещаю тебе, что никогда

не сделаю ничего, что может рассердить или обидеть тебя из-за разницы в наших вероисповеданиях... Единственное, что я хочу сказать тебе снова, это как сильно я тебя люблю».

Константин Константинович так описал обряд их православного венчания: «После слов «Господь Всемогуший, для славы и чести сочetaй браком эту пару!» я стал воспринимать Елизавету своей женой, которая отдана мне навечно и которую я должен любить, обожать и заботиться о ней. Момент, когда священник подвёл нас к алтарю, был для меня особенно торжественным, я почувствовал лёгкость и счастье... Мы стали мужем и женой. Нам разрешили поцеловать друг друга. Затем мы подошли к Его Величеству, Императрице и нашим родителям. Началось богослужение. Певчие были восхитительны. Словно камень упал с души моей...»

Юную супругу Константина, обаятельную, добрую, приветливую, в семье стали называть Маврой. Начало семейной жизни – счастливое, безоблачное время. Молодые супруги с удовольствием устраивали дом – свое «уютное гнёздышко», с упоением открывали неизвестные стороны друг друга, узнавали о привычках, вкусах, пристрастиях. Елизавета на Рождество дарит супругу спичечницу из песчаника и нефритовую пепельницу, оправленные змеями работы известного уже ювелира Фаберже, – и ждёт, волнуясь: понравились ли, ведь она так старалась угодить! И счастливо вздыхает, видя довольную улыбку мужа. А 4 сентября, в день Лизиных именин, Константин любителю женой, которая, как дитя, радуется подаркам – брошке в виде черепахи с большим рубином, флакону из сердолика, стойке для пера из золота и сапфирам Императора Николая I. Он любил смотреть, как Елизавета собирается на бал, особенно ему нравилось её белое платье с лиловыми орхидеями и вереском, расшитое жемчугом и алмазами. Это платье подарила любимой невестке его мать Александра Иосифовна.

Но сила чувства не может быть постоянной, вдруг наступает лёгкое охлаждение, появляется сомнение: «Я боюсь касаться подробно оттенков моей супружеской жизни. Эти постоянно гнетущие меня размышления перебрасываются у меня в голове и не попадают на бумагу. Всё, что касается жены, всё, что мне в ней не нравится, что в настоящее время составляет моё главное и постоянное мучение, – всё глохнет в моей душе». И не то чтобы Константин Константинович разлюбил, нет, он продолжает любить свою жену, но что-то его беспокоит. Елизавета Маврикиевна так и не перешла в православие, это его огорчало, но таково её желание. Конечно, Константин мечтал о духовной близости с женой и надеялся, что, узнав новую веру ближе, она тоже захочет стать православной, как супруга кузена Сергея Эллы. Этим надеждам не суждено было сбыться. После восьми лет супружеской жизни Константин Константинович записал: «Воспитанная в строгих лютеранских понятиях, она убеждённая протестантка и относится к нашему православию благодушно только в силу каждому хорошему человеку присущей веротерпимости. Она пока не понимает православия, духа его, необходимого для русских, хотя она довольно близко знакома с нашими догматами

и обрядами. Но тут мало знать, надо чувствовать, а это не всякому дано». И всё же он должен уважать её желание, тайну её души. Ведь и в его душе есть заповедный уголок.

*В душе загадочной моей есть тайны,
Которых не поведать языком,
И постигаются случайно
Они лишь сердцем, не умом.*

В юности, проводя много времени в мужской компании, Константин ощутил тягу к сильным, brutальным мужчинам, испытывая при общении восторг и зависть. Однажды в кругосветном плавании Великий князь «сблизился больше допустимого» с одним офицером, его имя он не доверил даже дневнику. Свершившееся повергло Константина Константиновича в ужас, в слезах от сознания собственной греховности и молитвах он просит прощения у Всевышнего. Но влечение, называемое Библией «содомским грехом», не отпускало. Он знал, что это плохо, мучился и терзался, презирая себя за слабость. Многолетняя борьба завершилась победой духа над плотью.

**Великий князь Константин Константинович
с Елизаветой Маврикиевной**

Если об этой тайне Елизавета Маврикиевна никогда не узнала, то другая была хорошо ей известна: ее супруг – поэт. Очень скоро она поняла, что поэтический дар – это колоссальный духовный труд, и, встречаясь с мечтательно задумчивым Константином в аллеях Павловского или Стрельнинского парка, сворачивала на боковую дорожку, чтобы не спугнуть музу. Первые стихотворения появились в «Вестнике Европы» в 1882 году, подписанные двумя буквами К. Р.

Последний серьёзный разговор Константина Константиновича с отцом об оставлении морской службы произошёл тоже в 1882 году. Константин Николаевич по-прежнему считал решение сына предательством, но потребовал лишь

одного, чтобы Константин поступил не в выбранный им Павловский, а в Измайловский полк, шефом которого был он сам. И вот Великий князь Константин Константинович, командир Государевой роты Измайловского полка записал в дневнике: «Красное Село. Лагерь. Мой барак. Мне 26 год. Я женат и несу службу, которая мне по сердцу».

К солдатам Константин Константинович относился как к товарищам – с добротой и вниманием, жалел, не запугивал, добиваясь только понимания, не любил излишней строгости и наказаний. И они отвечали князю сердечным отношением и усердной службой. Однажды брат Дмитрий похвалил: «Чудная у тебя рота». И как хорошо стало на душе Константина Константиновича, и радостно, и приятно! В этот день он признался

**Великий князь
Константин Константинович**

дневнику: «Я невольно в глубине души ещё неясно и как-то боязливо сознаю, что моя привязанность к солдатам, любовь и благодушные отношения начинают отражаться на роте. Неужели я доживу когда-нибудь до полного убеждения, что она – моё создание, что она держится мною и что я действительно имею на неё влияние и держу её в руках, несмотря на недостаток строгости и резкость карательных мер? Я как-то предчувствую, что это случится».

Августейший поэт не раз обряжал в рифмы рассказы о ротных буднях, о лагерных сборах, о воинах, отслуживших свой срок и возвращавшихся к разрушенным и опустевшим домам. И самое известное его стихотворение «Умер» – о нелёгкой солдатской доле – тоже навеяно общением со служивым людом. Воспевавший природу, русские усадьбы и сады, вдруг, как-то неожиданно для самого себя, Константин Константинович на дощатой стене палатки, где дежурные офицеры упражнялись в нехитром стихосложении, написал первые строки. А время спустя родилось «длинное солдатское стихотворение», как его называл сам Великий князь.

*Умер, бедняга! В больнице военной
Долго родимый лежал:
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал...
Рано его от семьи оторвали:
Горько заплакала мать,
Всю глубину материнской печали*

*Трудно пером описать!
 С невыразимой тоскою во взоре
 Мужа жена обняла;
 Полную чашу великого горя
 Рано её испила.
 И протянул к нему с плачем ручонки
 Мальчик-малютка грудной...
 ...Из виду скрылись родные избѣнки,
 Край он покинул родной.
 В гвардию был он назначен, в пехоту,
 В полк наш на долгом пути,
 Сдали его в Государеву роту
 Царскую службу нести...*

Однажды, приехав в Москву, Константин Константинович решил посетить Воробьёвы горы. Там расположился ресторан Крынкина – с просторного балкона открывался великолепный вид на всю Первопрестольную, золотом горели купола церквей, синей лентой извивалась Москва-река. Великий князь сел за столик, заказал чай – и вдруг хор в русских боярских костюмах запел, слова песни были знакомы. Константин Константинович и не подозревал, что его «длинное солдатское стихотворение» положили на музыку. Он захотел познакомиться с руководителем хора и узнать, кто же композитор. Дирижёр Григорий Николаевич знал, что перед ним Его Им-

**Константин Константинович:
 «Поэзия святого вдохновенья я
 пережил блаженные
 мгновенья».**

ператорское Высочество Константин Константинович, автор «Бедняги».

– А что музыка?.. Народ сам запел, – ответил он на вопрос Великого князя.

Удивительно музыкальные стихотворения Константина Константиновича легко ложились на музыку. «Я вам нравлюсь...», «Я сначала тебя не любила...», «Уж гасли в комнатах огни...», «Растворил я окно» стали знаменитыми романсами.

В 1886 году Константин Константинович решил выпустить сборник своих стихов, долго отбирал лучшие и, даже когда книга была сдана в набор, мучился – интересны ли они будут читателям. Скромная книга «Стихотворения К. Р. СПб., 1886» в продажу не поступила – Великий князь не мог быть поэтом. А узнать

мнение о своём творчестве очень хотелось. Но родственники, друзья и знакомые, получившие томики в дар, непременно похвалят, одни – искренне, другие – жалея или заискивая. И тогда Константин Константинович решил послать стихи признанным поэтам и литераторам: И.А. Гончарову, А.А. Фету, Я.П. Полонскому, А.Н. Майкову, критику Н.Н. Страхову – и стал ждать их суда, готовясь принять любой приговор. Но в глубине души всё же надеялся, что мэтры увидят в нём поэта.

Ответные письма с тщательным серьёзным разбором стихов сначала вызвали страшную сумятицу, Константин Константинович видел лишь свои недостатки. И только успокоившись, приняв душой и разумом все замечания и советы, Великий князь обратился к похвалам, утешившим его самолюбие. Все хвалили Августейшего поэта за искренность души и чувств.

«Так много свежести, искренности, наивности в самом лучшем смысле этого слова... Содержание.. прямо из души. Оно состоит из очень чистых, молодых, добросердечных чувств и мыслей», – писал Страхов.

«Удивительная искренность, чудная задушевная чистота – и всё это в весенней обстановке юности... В стихотворениях у Вас есть один мотив, который... остаётся господствующим... Это победа духа, это победа долга – есть истинный, единственный христианский выход из-под жизненных бурь, это спасение, это залог многого доброго. И так как он в ряде стихотворений перевивается с другим мотивом – с любовью к России, – то как же не назвать впечатление – радостным?!» – вторил Майков.

Отзывы придали уверенности Константину Константиновичу, с удвоенным рвением он начал работать над отделкой последних стихотворений, желая достичь большего совершенства. Однако сомнения в своей одарённости ещё не раз будут тревожить душу Великого князя. 10 августа 1888 года он записал: «Я уже не юноша, а должен бы считать себя мужчиной. Жизнь моя и деятельность вполне определились. Для других я военный, ротный командир, в близком будущем полковник, а так лет через 5-6 – командир полка... Для себя же я поэт. Вот моё истинное призвание. Невольно задаю я себе вопрос: что же выражают мои стихи, какую мысль? И я принуждён сам себе ответить, что в них гораздо больше чувства, чем мысли. Ничего нового я в них не высказал, глубоких мыслей в них не найти, и вряд ли скажу я когда-нибудь что-либо более значительное. Сам я себя считаю даровитым и многого жду от себя, но кажется, это только самолюбие и я сойду в могилу заурядным стихотворцем. Ради своего рождения и положения я пользуюсь известностью, вниманием, даже расположением к моей Музе. Но великие поэты редко бывают ценимы современниками. Я не великий поэт и никогда великим не буду, как мне этого ни хочется».

Со временем образовалось вдохновенное содружество: поэтически одарённый молодой Великий князь Константин Константинович и пять стариков – Гончаров, Майков, Фет, Страхов, Полонский. И в этом не было ничего удивительного. Несмотря на разницу в годах, их объединяло общее понимание поэзии как бесценного дара, способного утешить скорбь и муки, даро-

вать покой и примирение сердцу человека. В жизни этих милых старичков присутствовало редкое, уже уходящее, пушкинское тепло, и поэт К. Р. согривался им. В ответ отдавал заботу и любовь, утешал, старался, чтобы и на закате своих дней они ощущали себя нужными. «Тонким, изящным, чутким и даже благосклонным нельзя притворяться», – сказал однажды Фет друзьям о Великом князе. А он и не притворялся, и искренне горевал, когда его старые друзья уходили в вечность.

Но пока это было поистине счастливое время: вышел сборник стихотворений, служба в Государевой роте приносила удовлетворение, и – родился сын. Константин Константинович очень волновался, Александра Иосифовна, вся в белом, напротив, стояла совершенно спокойная и торжественная. И вот из спальни раздался детский плач, и доктор возвестил:

– Мальчик! Да ещё какой плотный, здоровый!

Принесли рубашку, которую молодой отец снял накануне вечером, и по русскому обычаю завернули в неё малыша. Вечером Константин записал в дневнике: «1886 г., июнь 23. Мне не суметь выразить словами, что я почувствовал, не вспомнить всех оттенков впечатлений, пережитых в это мгновение. Я ещё никогда не испытывал такого блаженства, такого священного восторга. Мне казалось, что я не вынесу этого неземного счастья; я спрятал

**Константин Романов с сыновьями
Иоанном и Гавриилом**

лицо в складках рубашки у жены на плече, и горячие обильные слёзы полились у меня из глаз. Хотелось остановить, удержать свою жизнь, чтобы сердце не билось и ничто не нарушало бы святости этого мгновения». Первенца при крещении нарекли Иоанном.

Иоанн родился 23 июня 1886 года, а уже 2 июня было внесено изменение в «Учреждение об Императорской фамилии». Из-за того что Царская семья быстро разрасталась, приняли решение: правнуки императора Николая I признавались не Великими князьями, а князьями императорской крови, их титуловали не Императорскими Высочествами, а просто Высочествами. Иоанчик стал первым из великокняжеских детей просто князем, и Константин Константинович очень огорчился за малыша.

Великий князь часто ездил в Петербург, следил, как устраивают детские комнаты в Мраморном дворце, куда семья должна была переехать из Павловска осенью. А когда возвращался, довольно рассказывал матери и жене: «Остаётся только руками развести, рот растянуть и ахнуть». Комнаты оформили в древнерусском стиле с изразцовыми печами, расписными шкапами, деревянными резными скамейками, стольцами и столами, с большой иконой Владимирской Божией Матери в красном углу. И назвал Константин Константинович детские комнаты старинными русскими словами, звучащими тепло и уютно: мыленка, гуляльня, опочивальня. Семья Великокняжеской четы станет самой многочисленной: девять отпрысков императорской крови.

Молодой командир Государевой роты Константин Константинович задумал организовать литературные заседания в Измайловском полку – не все же офицерам проводить свободное время за карточной игрой да кутежами, многие из них любят литературу и хорошо разбираются в искусстве, сами сочиняют. Так появился кружок «Измайловские досуги», основанный «во имя доблести, добра и красоты», ставший подлинным островком духовности в Петербурге.

Солнечным днём Константин Константинович, сидя на балконе в Павловске, составлял «Положение об Измайловском досуге», в котором определил следующие цели: «...Доставить участникам возможность знакомить товарищей со своими трудами и произведениями различных отечественных и иностранных деятелей на поприще науки и искусства, но непременно на русском языке. Поощрить участников к развитию их дарований. Соединить приятное препровождение свободного времени с пользой. Посредством обмена мыслями и мнениями способствовать слиянию воедино полковой семьи и, наконец, передать Измайловцам грядущих поколений добрый пример здорового и осмысленного препровождения досуговых часов...» Первый «Измайловский досуг» состоялся 2 ноября 1884 года.

Шли годы, «Досуги» совершенствовались, обретали свою славу. На собраниях читали стихи, доклады и сообщения об известных произведениях и новинках изящной словесности, о научных открытиях, приглашали известных поэтов А.Н. Майкова и Я.П. Полонского, исполняли музыкальные произведения и ставили спектакли.

2 мая 1889 года Константин Константинович получил предложение Государя занять пост президента Российской Академии наук и был удивлён и польщён. Несколько дней размышлял: достоин ли столь высокой должности, ведь научными исследованиями он никогда не занимался, хватит ли у него сил и знаний? Но всё же согласился. Начался новый период в жизни Великого князя Константина Константиновича. Двадцать шесть лет он возглавлял Академию наук и, будучи умелым администратором, сделал немало полезного. Благодаря стараниям Великого князя состав Академии наук пополнился шестьюдесятью восьмью новыми членами, среди которых были учёные с мировыми именами.

Великий князь Константин Константинович – президент Академии наук

Финансы Академии новый президент застал в расстроенном состоянии: получить необходимые средства ему удавалось не всегда, несмотря на авторитет и принадлежность к Царской семье. Дежуря в Аничковом дворце, Константин Константинович беседовал с Государем о важных событиях в науке, технике и культуре, стараясь получить его поддержку, говорил о постройке Сибирской железной дороги от Челябинска до Владивостока; о формировании новых флотских экипажей – крупное судно и несколько мелких; об экспедиции в Каракумы, на которую Константин выделил 12 тысяч собственных рублей... Великий князь составил записку на имя Александра III о нуждах Академии и необходимости увеличения ассигнований: «Чтобы с полным знанием дела и совершенным беспристрастием судить о размерах сумм, необходимых на содержание Академии наук,

необходимо иметь в виду степень пользы, принесенной этим учреждением... Отечественная история, статистика, география, этнография, изучение России в отношении всех царств природы было постоянным предметом занятий академиков в продолжение всего существования Академии. Высоко поставленное в государстве учёное сословие указывает на связь, существующую между умственным состоянием страны и политическим её значением в ряду других просвещённых государств... Степень процветания Академии должна служить нормой того умственного уровня, на котором стоит государство...», – убеждал Великий князь. После долгих дискуссий в 1893 году был утверждён новый штат Академии наук и увеличен её бюджет на 53 тысячи 563 рубля.

Умнейший человек, Константин Константинович понимал: наступает новая эра стремительного развития науки и техники – и делал всё возможное, чтобы достижения российских учёных не отставали от западных. Благодаря содействию президента в России открыли целый ряд новых обсерваторий, причём Одесская построена на личные средства Великого князя. Состоялись экспедиции в Каракумы, в Восточную Сибирь для исследования земель в районе рек Индигирки, Колымы и Яны, на Шпицберген, на Новую Землю, в Семиречье и Монголию, а также полярная экспедиция известного исследователя Арктики барона Эдуарда Толля.

И первый в мире ледокол, спроектированный под руководством флотоводца и учёного-океанографа С.О. Макарова, способный преодолевать тя-

жёлые льды двухметровой толщины, появился благодаря инициативе и помощи Великого князя. Когда Морское ведомство отказало адмиралу Макарову выделить средства на строительство ледокола, он обратился к Константину Константиновичу. Показав чертежи, убеждал: Россия, будучи одним из самых заинтересованных государств, не имела надежного доступа в северные широты, а строительство ледокола обеспечило бы ей первенство в освоении богатств Севера, открыло пути в Северный Ледовитый океан и даже к Владивостоку. Константин Константинович немедленно собирает в Мраморном дворце Географическое общество, приглашает министра финансов С.Ю. Витте и Д.И. Менделеева. Подробный доклад вице-адмирала Макарова произвёл впечатление, средства на постройку ледокола были найдены. Великий князь остался доволен: таким неожиданным образом он продолжил дело отца.

По инициативе Константина Константиновича в декабре 1899 года, в честь столетия со дня рождения Пушкина, академия возродила существовавший при Екатерине II Разряд изящной словесности, в задачи которого входило составление Словаря русского языка и аннотированное издание произведений русских писателей.

В дневнике Великий князь записал: «Мне живётся необыкновенно счастливо; я наслаждаюсь всеми силами души своей деятельностью». Правда, труд президента Академии наук оставлял всё меньше времени для творчества. Подводя итоги своей десятилетней поэтической деятельности, К.Р. записал в дневнике 27 апреля 1899 года: «Начал вчера списывать свои стихотворения, написанные после издания 1889 г., в чистую тетрадку, и в том порядке, в каком хочу выпустить книжку. Всего будет в ней 40 пиес. Жидковато для целого десятилетия 1889–1899, но что же делать! Разбил стихотворения по отделам: таких отделов будет 6». В период с 1900 по 1909 год из-под пера Константина Константиновича вышли только 16 стихотворений, но уже в конце следующего года он с удовольствием отмечает в дневнике: «...1910 год был благоприятен для моего творчества...»

Несмотря на тревоги и сомнения, терзавшие душу князя в первый год женитьбы, его семейная жизнь сложилась удачно и счастливо. И он был благодарен своей супруге, милой Лилиньке, нежной и доброй, полной светлого очаро-

Великий князь
Константин Константинович

вания. Елизавета Маврикиевна смогла примириться с тем, что её муж прежде всего отдаёт себя служению России, а уж потом ей, и стала заботливой матерью и хозяйкой большой, дружной семьи. Когда супруги расставались, Константин Константинович скучал по своей подруге, изливая тоску от разлуки в стихах:

*В тени дубов приветливой семьёю
Вновь собрались за чайным мы столом.
Над чашками прозрачною струёю
Душистый пар нас обдавал теплом.*

*Всё было здесь знакомо и привычно,
Кругом всё те же милые черты.
Казалось мне: походкою обычной
Вот-вот пойдёшь и сядешь с нами ты.*

*Но вспомнил я, что ты теперь далёко
И что не скоро вновь вернёшься к нам
Подругою моей голубоокой
За чайный стол к развесистым дубам!*

В семье Константиновичей воспитанию детей уделяли самое пристальное внимание. Родители не замыкались, не отдалялись, а, наоборот, стремились окружить любовью и заботой, помочь советом и делом. Константин Константинович любил гулять с детьми, говоря с ними обо всём: о поэзии и музыке, о том, в какой полк поступить, как вести себя в полку, быть с офицерами на «вы» или на «ты». Князь Гавриил вспоминал: «По вечерам, когда мы, дети, ложились спать, отец с матушкой приходили к нам, чтобы присутствовать при нашей молитве. Отец требовал, чтобы мы знали тропари двенадцатых праздников и читали их в положенные дни. Отец был с нами очень строг. “Не могу” или “не хочу” не должны были для нас существовать. Но отец развивал и самостоятельность: мы должны были делать всё сами, игрушки держать в порядке...»

Редкое взаимопонимание и сопереживание помогли решить сложные задачи. Сын Олег, окончив Полоцкий кадетский корпус, мечтал поступить в Императорский Александровский лицей. Но ни один из Великих князей не носил гражданского мундира. Олега же военная служба не привлекала. Он был самым одарённым из всех Константиновичей: серьёзно интересовался музыкой и живописью, сочинял стихи, повести, рассказы. Константин Константинович и сам в юности мечтал об университетском образовании, поэтому решил помочь сыну. После долгого и трудного разговора Император дал согласие, и князь Олег стал первым Романовым, поступившим в Лицей. А сыновья Костя и Игорь пожелали учиться в Пажеском корпусе в специальных классах, и снова новшество – члены Императорской фамилии

не становились пажами, тем более им не полагалось быть «приходящими» учащимися. Великие князья числились в военных училищах, но обучались дома. А вот князь Игорь добился своего, обучался в Пажеском корпусе на равном положении с товарищами. Как тут не вспомнить слова его деда, Великого князя Константина Николаевича: «Константиновичи всегда в чём-нибудь да первые!»

Константин Константинович гордился своими сыновьями, воспитанными, умными, прекрасно образованными, самостоятельными. Сохранилась фотография, на которой всё семейство Константиновичей выстроилось забавной лесенкой, все смотрят в объектив, и только Великий князь повернул голову, довольно оглядывая свою «роту».

Важные принципы воспитания своих детей – любовь и доверие – Константин Константинович смог применить в более широком масштабе: в 1900 году приказом по военному ведомству он назначается главным начальником военно-учебных заведений Российской империи. Великий князь был доволен новой должностью, он не сомневался, что давно назрела необходимость пересмотреть основы воспитания молодых офицеров: избавиться от слишком строгих дисциплинарных наказаний, расширить кругозор юношей, вырастить из воспитанников кадетских корпусов добрых христиан и верноподданных, образованных, исполнительных командиров. Константин Константинович поставил себе цель: посетить все кадетские корпуса, побе-

Семейство Великого князя: Константин Константинович,
Елизавета Макрикиевна, Иоанн, Гавриил, Татьяна, Константин,
Олег и Игорь

седовать с учителями и кадетами и сделать соответствующие выводы. Спустя немногим более месяца после назначения он делился с сестрой Ольгой впечатлениями и раздумьями: *«Новая моя деятельность на первых порах отняла у меня всякую возможность делать, что хотел. Я наслаждаюсь, посещая корпуса и училища, я всегда любил учебные заведения. А эти, облагороженные военным мундиром, приподнятые духом воинской доблести, мне особенно милы. ...Все мне говорят, что я добр и снисходителен к кадетам, и никто не знает, какое счастье доставляет мне проявить в отношении их доброту и ласку. Дело в том, что я гораздо больше получаю от них, нежели даю. Не проходит и двух дней в любом корпусе во время моих объездов, как моё сближение с кадетами становится настолько тесным и душевным, что прощание с ними доставляет мне огромное огорчение. В день отъезда с утра я начинаю томиться предстоящей разлукой с ними, и, поверишь, при отходе поезда почти все кадеты, даже самые большие, плачут при расставании со мной навзрыд, и я сам не могу удержаться от слёз...»*

Кадеты действительно уважали и любили Великого князя за умение выслушать и понять, было что-то располагающее в начальнике военно-учебных заведений. Глаза, светящиеся добрым любопытством, искренняя улыбка вызвали доверие, желание откровенно рассказать о наболевшем. Константин Константинович не только слушал, он помогал советом или делом, а ещё он умел хранить тайны. Он писал сестре Ольге: *«...Что сказать тебе про путешествие? Это длинно и трудно. Главное – счастлив. Счастлив, как редко бывал в жизни. Никаких столичных дрязг, светской мелочности, глупых разговоров, только дело, дорогое и любимое мною дело ознакомления, и всё большего и теснейшего, с моими заведениями. Ты знаешь, я ничего не хочу сразу ломать и переделывать, никаких определённых намерений у меня нет, а хочется вникнуть в жизнь кадет и их руководителей, и тем и другим принести пользу. Вот я и присматривался и, если хочешь, бессознательно подавал пример, как надо уметь любить и быть любимым, без чего невозможно воспитание...»*

Великий князь Константин Константинович – «отец всех кадетов». 1900-е гг.

«...Что сказать тебе про путешествие? Это длинно и трудно. Главное – счастлив. Счастлив, как редко бывал в жизни. Никаких столичных дрязг, светской мелочности, глупых разговоров, только дело, дорогое и любимое мною дело ознакомления, и всё большего и теснейшего, с моими заведениями. Ты знаешь, я ничего не хочу сразу ломать и переделывать, никаких определённых намерений у меня нет, а хочется вникнуть в жизнь кадет и их руководителей, и тем и другим принести пользу. Вот я и присматривался и, если хочешь, бессознательно подавал пример, как надо уметь любить и быть любимым, без чего невозможно воспитание...»

Вроде бы ничего не ломая, Константин Константинович устранил много обнаруженных им недостатков: отменил телесные наказания; вернул в кадетские корпуса знамёна, сдан-

ные в архив после реформ военного министра Милютин, переименовавшего корпуса в военные гимназии, и отдал распоряжение выносить их в строй на парадах, «как наивысшую воинскую святыню и лучшее украшение кадетского строя»; организовал годичные курсы для подготовки офицеров, имевших склонность к педагогической деятельности. От воспитателей требовал серьёзного, доброжелательного, по-отечески терпеливого отношения к воспитанникам. В изданном им 28 февраля 1901 года приказе говорится: «Поддерживая все свои требования и принципы со всей строгостью и устраивая над вновь поступающими самый бдительный надзор, закрытое учебное заведение обязано по мере нравственного роста своих воспитанников постепенно поднимать в них сознание человеческого достоинства и бережно устранять всё то, что может унижить и оскорбить их достоинство. Только при этом условии воспитанники старших классов могут стать тем, чем они должны быть, — цветом и гордостью своих учебных заведений, друзьями своих воспитателей и разумными направлениями общественного мнения всей массы воспитанников в добрую сторону». В мечтах Великий князь видел каждый кадетский корпус одной большой семьёй, о чём написал в сонете «Кадету».

*Хоть мальчик ты, но сердцем сознавая
Родство с великой воинской семьёй,
Гордися ей принадлежать душой:
Ты не один — орлиная вы стая.
Настанет день, и крылья расправляя,
Счастливые пожертвовать собой,
Вы ринетесь отважно в смертный бой.
Завидна смерть за честь родного края,
Но подвиги и славные дела
Свершать лишь тем, в ком доблесть расцвела,
Ей нужны труд, и знанье, и усилья,
Чтоб мог и ты, святым огнём горя,
Стать головой за Русь и за Царя.
Пуškai твои растут и крепнут крылья!*

Константин Константинович не утверждал приказы об исключении воспитанников из корпусов, полагая, что плохое поведение кадета и неудовлетворительная учёба — прежде всего вина воспитателя. И учащиеся, которым грозило страшное наказание, часто обращались за помощью к начальнику военно-учебных заведений. Великая княгиня Вера Константиновна вспоминала об одном из таких случаев: «...Кадет по фамилии Середа за «тихие успехи и громкое поведение» был выставлен из двух корпусов — Петровско-Полтавского и Воронежского. Тогда он решил обратиться за помощью к моему отцу и отправился в Павловск. Швейцар его не допустил. Не долго думая, Середа обошёл парк, влез на дерево, чтобы произвести разведку. Увидев, что отец мой находится в своём кабинете, он туда влез. Услышав шорох, отец

поднял голову и, сразу узнав мальчика, спросил:

– Середа, ты здесь что делаешь?

Середа, сильно заикаясь, ответил:

– Ввв-аше Иии-мператорское Вввысочество – вввыперли!

– Так, – сказал отец. – Что же теперь ты думаешь делать?

На это Середа, не задумываясь, воскликнул:

– Ввв-аше Иии-мператорское Вввысочество, думайте В-в-ы!

Мой отец «подумал» и назначил Середу в Одесский Кадетский корпус, который тот окончил. Он вышел в кавалерию. В первую Великую войну* отличился, заслужил Георгиевский крест и пал смертью храбрых...»

Конечно, «либеральные идеи» Константина Константиновича не нравились консерваторам от военного воспитания. В послужном списке Великого князя от 27 февраля 1910 года появилась запись: «Высочайшим рескриптом избран на новый ответственный пост Генерал-инспектора военно-учебных заведений». Несмотря на мягкость формулировки, означало это одно – отставку, что стало для Константина Константиновича полной неожиданностью – никаких нареканий за свою службу он не получал. Великий князь счёл возможным обратиться за разъяснениями к военному министру В. Сухомлинову, который в книге воспоминаний писал, что Константину Константиновичу ставили в вину то, что «он слишком баловал воспитанников, слишком ласково с ними обращался. Сам – отец многочисленной семьи, он переносил свою отеческую ласку и любовь на обширнейшую семью всех военно-учебных заведений, вверенных ему Государем. Поэтому он не мог относиться к воспитанию с одной лишь точки зрения муштры и дисциплины, предоставляя это ближайшему начальству кадет, а сам предпочитал уделять воспитанникам часть своей отеческой ласки».

Обиду, как обычно, Великий князь переживал глубоко в душе, в дневнике сдержанно записал: «Сегодня получил приказ, подписанный Государем вчера. О назначении меня Генерал-Инспектором военно-учебных заведений. Благослови, Господи!» Он по-прежнему инспектировал учебные заведения, составлял отчёты, но решений принимать не мог. Вверенные ему военно-учебные заведения – свыше 70 юнкерских школ, училищ и корпусов – главный начальник посетил по несколько раз. Удивительно, но во время железнодорожной забастовки 1905 года забастовочный комитет рабочих дал инструкцию пропускать без задержек состав Константина Константиновича Романова. Воспитанники военных корпусов любили и уважали Великого князя, называя «отцом всех кадет», вероятно, для Константина Константиновича это было лучшим признанием.

Жизнь Великого князя сложилась так, что он оказался надолго разлучён с Крымом. В любимую Ореанду, ставшую колыбелью его творчества, Константин Константинович приехал вновь много лет спустя, в 1908 году. На

*До начала Второй мировой войны в 1939 году Первую мировую называли «Великой войной», в Российской империи ее иногда называли «Второй Отечественной», а также неформально (и до революции, и после) – «германской»; затем в СССР – «империалистической войной».

месте прекрасного дворца лежали обгоревшие руины, но так же был чуден парк, так же пышно цвели розы, распространяя удивительный аромат, так же шумел прибой и высились гордые скалы. Тёплой волной нахлынули воспоминания далеких дней детства и юности, а с ними мысли об отце. Здесь Константин Николаевич был счастлив с матерью Константина Александрой Иосифовной, а затем со своей поздней любовью Анной Кузнецовой. Здесь после отставки он учился жить без активной деятельности на благо Отчизны, похоронив идеи, мечты. Как жаль, что в их общении было мало тепла, доверительности и взаимопонимания, и мучили горькие обиды... Отец, как ни тяжело ему было, признал в сыне поэта, радовался его успехам в творчестве и по службе. Грустные картины всплывали в памяти: больной отец плакал, и от встречи с Костей, и от того, что у сына не находилось лишнего часа поговорить, поиграть в домино. Вновь пережитые печальные и радостные моменты, ложились в стихотворные строчки:

*Я посетил родное пепелище –
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья*

Ореанда

месте прекрасного дворца лежали обгоревшие руины. но так же был чуден парк, так же пышно цвели розы, распространяя удивительный аромат, так же шумел прибой и высились гордые скалы. Тёплой волной нахлынули воспоминания далеких дней детства и юности, а с ними мысли об отце. Здесь Константин Николаевич был счастлив с матерью Константина Александрой Иосифовной, а затем со своей поздней любовью Анной Кузнецовой. Здесь после отставки он учился жить без активной деятельности на благо Отчизны, похоронив идеи, мечты. Как жаль, что в их общении было мало тепла, доверительности и взаимопонимания, и мучили горькие обиды... Отец, как ни тяжело ему было, признал в сыне поэта, радовался его успехам в творчестве и по службе. Грустные картины всплывали в памяти: больной отец плакал, и от встречи с Костей, и от того, что у сына не находилось лишнего часа поговорить, поиграть в домино. Вновь пережитые печальные и радостные моменты, ложились в стихотворные строчки:

*Я посетил родное пепелище –
Разрушенный родительский очаг,
Моей минувшей юности жилище,
Где каждый мне напоминает шаг
О днях, когда душой светлей и чище,
Вкусив впервые высшее из благ,
Поэзии святого вдохновенья*

Ореанда

*Я пережил блаженные мгновенья.
Тогда ещё был цел наш милый дом.
Широко сад разросся благовонный
Средь диких скал на берегу морском:
Под портиком фонтан неугомонный
Во мраморный струился водоём,
Прохладой в зной лаская полудённый.
И виноград, висясь между колонн,
Как занавескою скрывал балкон.*

*Побеги роз мне преградили путь...
Нахлынули гурьбой воспоминанья
И тихой грустью взволновали грудь
Но этот край так полн очарованья,
И суждено природе здесь вдохнуть
Так много прелести в свои созданья,
Что перед этой дивною красой
Смирился я пленённою душой.*

Всегда внешне спокойный, любезный, «застегнутый на все пуговицы», все обиды, беды и разочарования Константин Константинович переживает в глубине души. «Я всё ночь в сердце, оттого оно и болит», – говорил о себе К. Р. Ужасали раздумья о судьбе страны, видел и понимал: Россия стоит на пороге потрясений. Но что ждёт впереди? «... Часто слышно, что мы быстры-

**Семья Константина Константиновича и Елизаветы Маврикиевны.
Снимок сделан честь серебряной свадьбы**

ми и широкими шагами приближаемся к какому-то страшному бедствию, тем более грозному, что оно неведомо. Будет ли гибель Царствующего Дома, междоусобная война, кровопролитие?» Тонкая душевная организация Великого князя не позволяла размышлять о будущем Отчизны рассудочно, он, далёкий от политики, болезненно ощущал свою ответственность за всё происходящее. Людям, хорошо знавшим Константина Константиновича, казалось, что он специально мучает себя, съедает изнутри сомнениями, словно чем больше он страдает, тем мир станет лучше.

Многолетний сложный внутренний диалог с самим собой, терзания человеческого духа, стремление стать лучше роднили Константина Константиновича с литературным героем Гамлетом. Возможно, поэтому К. Р., Шекспира не понимавший, десять лет переводил сложную трагедию о вечных сомнениях. Первое издание вышло в 1901 году. Современники по достоинству оценили точность перевода и отметили, что стихи «благозвучны, ясны и отличаются изысканной простотой». Константин Константинович немало потрудился над составлением обширных комментариев, содержащих подробное исследование источников самой трагедии, описал издания и их оценки, актерскую игру, подробные примечания из разных областей знаний. Конечно, без помощи видных специалистов он обойтись не смог, своего друга, именитого юриста Анатолия Фёдоровича Кони, просил перевести на русский язык специальные, «юридические» слова Гамлета, для чего переписал ему нужный отрывок по-английски и его же в немецких переводах. Обращался он и к литературоведу, академику А.Н. Веселовскому, к историку и большому знатоку Шекспира академику К.Н. Бестужеву-Рюмину, к зоологам, чтобы уточнить названия животных, и даже к инженерам за техническими знаниями.*

Работа над переводом закончена, а мысли о «Гамлете» не оставляли. Хорошо было бы поставить пьесу и самому сыграть принца Датского. Домашние спектакли стали очень популярны в светском обществе, но это была не просто забава. Постановка требовала большой подготовительной работы: учили тексты, читали книги, искали идею, шили костюмы, клеили декорации. Репетировали увлечённо, горели искренним желанием сыграть как можно лучше.

17 января 1897 года трагедия была представлена в «Измайловских досугах» и вызвала живой интерес. В 1899 году Константин Константинович решил показать спектакль в Мраморном дворце. Зрителей собралось много, и уже с утра князь волновался. Стоя за кулисами, ощущал, как в душе борются страх и страстное желание играть, молился Богу. И тут же спрашивал себя: «Грешно ли это?» И успокаивал: «Не думаю: в драматическом искусстве, как и во всяком искусстве, есть Божия искра. И играть хочется не из пустого тщеславия, а любя искусство, которое захватывает в свою сеть когда-то жив-

**Вплоть до пастернаковского перевода (появившегося почти через полвека) – «Гамлет» в переводе К.Р. оставался самым лучшим. Именно он лёг в основание русской переводческой школы, признанной самой выдающейся во всем мире.*

ших и ныне живущих, объединяет их любовью и красотой». И вот он уже на сцене. От волнения дрожат ноги, спазм перехватывает дыхание, и так трудно, почти невозможно произнести первые слова – а потом наступает покой. Великий князь играет уверенно и легко. Успех был необыкновенный.

Константин Константинович всегда, с раннего детства был глубоко религиозным. В трудные минуты жизни он обращался к Богу, прося помочь снести все тяготы достойно, выстоять под ударами судьбы, не потерять человеческий облик.

*Когда креста нести нет мочи,
Когда тоски не побороть,
Мы к небесам возводим очи,
Творя молитву дни и ночи,
Чтобы помиловал Господь.*

Любовь к Господу и благодарность переполняли душу К. Р. последние

**Константин Константинович в
роли Гамлета. 1899 г.**

годы жизни, они окрашивали его земное существование глубоким смыслом. Эти чувства подвигли на многотрудное дело: создание большого драматического произведения о последних днях жизни, смерти и воскресении Спасителя, замысел которого возник ещё в 1888 году. На создание драмы Константина Константиновича вдохновлял П.И. Чайковский: «Так как Вы имеете счастье обладать живым, тёплым религиозным чувством (это отразилось во многих стихотворениях Ваших), то не выбрать ли Вам евангельскую тему для Вашего ближайшего крупного произведения? А что, если бы, например, всю жизнь Иисуса Христа рассказать стихами? Нельзя себе представить более колоссального, но вместе с тем и более благодарного сюжета для эпопеи. Если же Вас пугает грандиозность задачи, то можно удовольствоваться одним из эпизодов жизни Христа, например, хотя бы Страстями Господними. Мне кажется, что если с Евангельской простотой и почти

буквально, придерживаясь текста, например, евангелиста Матфея, изложить эту трогательнейшую из всех историй стихами, то впечатление будет подавляющее». Но понадобилось 20 лет, прежде чем Константин Константинович решился осуществить свой замысел.

Летом 1911 года в Кореизе поэт закончил первый акт драмы. Однако он по-прежнему сомневается, наделён ли талантом драматурга: «...Опасаясь, что это будет слабое, неудачное произведение... Так хочется справиться со всей драмой, чтобы она была и порядочным художественным произведением, и в то же время сценической пьесой, т. е. смотрелась без скуки».

Труд вскоре был закончен, и Константин Константинович мечтал о сценическом воплощении драмы. Однако Святейший Синод разрешил издать «Царя Иудейского», но постановку запретил, мотивируя тем, что «изображение евангельских идей в театре – вещь недопустимая». Доводы Константина Константиновича о том, что в пьесе образ Христа отсутствует, действие её основано на заповедях Его учения и историях Его учеников и постановка на сцене произведёт на зрителя более сильное и благодатное впечатление, чем при чтении, ситуацию не изменили. Государь позволил постановку «Царя Иудейского» на сцене Эрмитажного театра в любительском спектакле. Премьера состоялась 10 января 1914 года. Константин Константинович исполнял роль Иосифа Аримафейского*. Мягкий голос, величавые плавные движения, раздумья о предстоящем и сила веры в учение Господа – таким предстал Иосиф пред затаившим дыхание, за-

**Константин Константинович
в роли Иосифа Аримафейского**

*Святой Иосиф Аримафейский был тайным учеником Господа нашего Иисуса Христа. Как член синагогии он не участвовал в «соведе и деле» иудеев, вынесших смертный приговор Иисусу Христу. После распятия и смерти Спасителя он дерзнул пойти к Пилату и просил у него Тело Господа, которое и предал погребению при участии праведного Никодима, также тайного ученика Господа. Они сняли с Креста Тело Спасителя, обернули плащаницей и положили в новом гробе, в котором никто ранее не был погребён (этот гроб святой Иосиф приготовил заранее для себя) – в саду Гефсиманском, в присутствии Богородицы и святых жён-мироносиц. Привалив тяжёлый камень к двери гроба, они удалились. Иосиф мирно скончался в Британии.

Драма «Иосиф Аримафейский» имела огромный успех. Издана тиражом более чем 25 тысяч экземпляров, она переведена на многие европейские языки, ставилась в заграничных театрах, в российских – устраивали чтения. С началом войны, когда сборы в театрах заметно упали, зрители продолжали идти на чтение «Иосифа Аримафейского».

ворожённым зрителем. Прекрасную музыку к спектаклю написал А.К. Глазунов. Представление закончилось, занавес упал, но аплодисментов не было, стояла полная тишина – зал стал в этот вечер храмом.

Но катастрофа близилась, и её невозможно было остановить светлой молитвой. 19 июля 1914 года Германия объявила войну России. К. Р. лечился в это время в Наугейме. Прервав лечение, он немедленно поехал в Бад-Либенштейн, где у своей матери гостила его жена с двумя детьми. Оттуда семейство срочно выехало в Россию. Пятеро сыновей – Иоанн, Гавриил, Константин, Олег и Игорь – ушли на фронт. Прощаясь с ними, Константин Константинович ставил их на колени перед образами и благословлял. В напутственном слове просил помнить, кто они, и служить добросовестно.

Сестра Ольга и жена Елизавета Маврикиевна занялись организацией госпиталей для раненых в Стрельне и Павловске, невестка сербская принцесса Елена отправилась на фронт сестрой милосердия. Константин Константинович гордился родными, хотя и ужасно переживал за их жизнь, что отражалось на его здоровье. 28 сентября в Павловске были гости. Когда все разошлись, Константин Константинович спустился к себе в кабинет и нашёл три телеграммы, сообщавшие, что его сын Олег легко ранен в ногу. Слово «легко» немного утешило, война есть война, и кто-то из его детей может быть ранен. Константин Константинович и Лиза решили немедленно выехать в Вильну. О дальнейшем Великий князь вспоминал:

«Взял с собою для Олега Георгиевский крест, принадлежавший отцу и подаренный им мне. Засыпал в вагоне счастливый, полный уверенности, что Олег поправляется. Настолько было сладко заснуть под отрядным впечатлением и настолько стало горько при пробуждении от новых известий.

Князь Олег Константинович

Генерал Адамович не мог меня дожидаться в Вильне и написал мне карандашом из Корсовки. «Его Высочество шёл в атаку, но лошадь, по его словам, слишком вынесла. Его высочество видел человека, который прицелился... Я был допущен к Олегу Константиновичу врачами. Его Высочество встретил меня как бы «нетяжёлый» больной. Приветливо, даже весело улыбнулся, протянул руку и взглянул Вашим взглядом. Войдя, я поздравил князя с пролитием Крови за Родину. Его Высочество перекрестился и сказал спокойно, без трепета: «Я так счастлив, так счастлив! Это нужно было. Это поддержит дух, в войсках произойдёт хорошее впечатление, когда узнают, что пролита

Кровь Царского Дома. Это поддерживает Династию». Оба князя сказали мне несколько восторженных слов о поведении солдат с ними вместе в боях».

Наш поезд двигался неимоверно медленно и опоздал в Вильну на целый час.. В большой угловой комнате, ярко освещённой, направо, ближе к окнам Олег лежал на кровати. ...Он был очень бледен, но мало изменился. У встретившего нас на пороге этой комнаты Игоря были расширенные, заплаканные глаза. Олег узнал нас, у него было сияющее выражение. Я подошёл к его губам Георгиевский крест и вложил его ему в руку. По-видимому, он не совсем понимал... Я стоял у его изголовья на коленях, моя голова приходилась рядом с его головой. Смотря в упор мне в глаза, он спросил: «Паскин, ты здесь?» и попросил обойти по другую сторону кровати. Я это сделал и приколот Георгиевский крест к его рубашке с правой стороны груди.

В первые минуты, пока он ещё был в сознании, как трогательно выразилась его радость свидания, которого он ждал с нетерпением. С 4-х часов его искусственно поддерживали подкожными впрыскиваниями камфары и глотками шампанского, чтобы он дожил до нашего приезда. И Господь подарил нам это утешение. С какою нежностью обвивал он руками за шею мать и меня, сколько говорил нежных слов! Но сознание заметно угасало... Я то поддерживал его голову, то гладил по волосам и по лбу, или закрывал ему глаза. Одно из последних его слов было «Пойдём спать». Он постепенно успокаивался, переставал метаться, становился неподвижнее, дыхание делалось всё ровнее и тише. Наконец, он совсем затих, и нельзя было уловить последнего вздоха. Когда наступила кончина, было 8 ч. 22 м. вечера. И не стало нашего Олега!»

Константин Константинович тяжело переживал смерть сына. Княжна императорской крови Вера Константиновна вспоминала: «Смерть брата Олега была тягчайшим ударом для отца, ибо он из всех нас духовно был к нему ближе других, разделяя полностью его литературные и умственные интересы. Эта смерть и всё пережитое в первые дни войны, – несомненно, очень отрицательно отразились на Его здоровье, вероятно, ускорили Его кончину». Поглощённый горем, Константин Константинович никого не принимал, доверяя мысли только дневнику: «4 октября 1914 года. Осташево. Временами нападает на меня тоска, и я легко плачу. Ужас и трепет берут, когда подумаешь, что с четырьмя сыновьями, которым вскоре нужно вернуться в действующую армию, может случиться то же, что и с Олегом. Вспоминается миф о Ниобее*, которая должна была лишиться всех своих детей. Ужели и нам суждено это? И я стану твердить: “Да будет воля Твоя”».

**Ниоба, Ниобея, в греческой мифологии дочь Тантала, жена царя Фив Амфиона. Обладая многочисленным потомством (согласно Гомеру, у нее было шесть сыновей и шесть дочерей; по Гесиоду и Пиндару, десять сыновей и десять дочерей; начиная с афинских трагикиов, Н. приписывали семь сыновей и семь дочерей, Aul. Gell. XX 7), Ниобея возгордилась перед Лето, и мевшей только двоих детей: Аполлона и Артемиду. Разгневанная богиня пожаловалась на Ниобею своим детям, которые стрелами из луков убили всех её детей: Аполлон поразил юношей, Артемида – девушек. Потрясённый гибелью детей, Амфион покончил с собой, а сама Ниобея окаменела от горя, превратилась в скалу, которую подхватил вихрь и перенёс на её родину – в Малую Азию, на вершину горы Сипил.*

Скорбные мысли, тяжёлые переживания не замедлили сказаться на здоровье. В письме от 24 января 1915 года Великий князь жаловался Анатолию Фёдоровичу Кони: «...В самый Новый год началось у меня удушье и затруднение дыхания... Чувствуя своё сердце, которое донныне никогда не давало себя знать, я невольно обращался мыслями к Вам, издавна испытывающему это неприятное ощущение...» Елизавета Маврикиевна была рядом с мужем, как могла поддерживала и ободряла. Несмотря на сердечные приступы, Константин Константинович продолжает работать над заметками к «Царю Иудейскому», много читает, полон планов. Но в мае 1915 года приходит новое скорбное известие: пал смертью храбрых князь Багратион.

Елизавета Маврикиевна

муж дочери Татьяны.

Переживать горе в беседе или молчании Константину Константиновичу помогала любимая сестра Ольга. Но она так занята в госпитале! Великий князь ждал сестру в уютном кабинете, младшая дочь восьмилетняя Верочка тихо сидела на диванчике, читая книжку. Вдруг девочка услышала, что дыхание отца стало тяжёлым. Она опрометью кинулась к матери, крича: «Папа не может дышать!» Великая княгиня бросилась к мужу. Но было уже поздно. 2 июня перестало биться сердце Великого князя Константина Константиновича.

Его похороны стали последним погребением в семье Романовых, состоявшимся по ритуалу. За гробом шла огромная процессия: Государь, сыновья, родственники, депутаты от обществ и учреждений, в которых Константин Константинович состоял президентом, попечителем или покровителем, духовенство, почитатели таланта поэта К. Р. Великого князя Константина Константиновича погребли в Петропавловском соборе, усыпальнице Романовых. В момент прощания родные отдали отцу и мужу последнюю дань уважения. Константин Константинович всегда носил с собой небольшую металлическую коробочку с землей из

Стрельны, места, где он родился. На коробочке почерком Елизаветы Маврикиевны были выгравированы слова Лермонтова: «О родине можно ль не помнить своей?» Горсть земли из Стрельны высыпали на крышку гроба. Вспоминая это скорбное для семьи время, княжна Вера записала впоследствии: «Не подозревали мы тогда, как милостиво было Провидение и что отец ушёл в иной, лучший мир и не видел революции со всеми её ужасами, так близко отразившимися и коснувшимися именно нашей семьи!»

18 июля 1918 года трое сыновей: Иоанн, Константин и Игорь встали на краю Алапаевской шахты, на дне которой закончилась их жизнь. Когда-то в юности Константин Константинович записал: «Я желал бы принять мученическую смерть». Судьба пощадила его добрую душу, он не узнал о страшной смерти своих любимых мальчиков. Но каким страшным пророчеством о будущих нечеловеческих страданиях звучат строки его поэмы о святом мученике Севастиане:

*О, Господь, простивший иудеям,
На кресте их злобою распят,
Отпусти, прости моим злодеям:
И они не знают, что творят.*

*Пусть Христовой веры семенами
В глубине поляжем мы земли,
Чтоб побеги веры той с годами
Мощным деревом взошли.*

Жизнь Елизаветы Маврикиевны и оставшихся в живых детей тоже была полна лишений. В 1917 году Великая княгиня жила в Мраморном дворце с младшими детьми Георгием и Верой и внуками, детьми Иоанна, Всеволодом и Екатериной. Княжна Вера вспоминала: «В Петрограде нас застала революция. Мы оставались во дворце до лета 1918 г. На втором этаже главного флигеля расположилось большевистское министерство (или уже комиссариат?) не то внутренних, не то иностранных дел. Надо было уходить. Нас, понятно, боялись брать к себе. Нашли квартиру у Жеребцовых, через дом от дворца: между Мраморным переулком и Американским (ранее турецким) посольством. Мать не хотела уезжать из России, памятуя слова отца, что если Россия в нужде, то Русский Великий Князь её не покидает. Становилось все опаснее. Георгию было 15 лет, а на вид 16 и его могли мобилизовать в красную гвардию – или хуже. У нас был ночной обыск».

В октябре 1918 года Елизавета Маврикиевна приняла приглашение королевы Швеции. Шведские дипломаты добились разрешения на выезд Великой княгини с детьми и внуками. В Стокгольме к ним присоединились дочь Татьяна с детьми и невестка княгиня Елена Петровна, которой удалось спастись невероятным образом. Она добровольно последовала за князем Иоанном в Алапаевск. Но встретиться с мужем ей не удалось: он погиб. Елене Петровне разрешили вернуться в Петроград к детям, но по дороге

Елизавета Маврикиевна с дочерьми Татьяной и Верой, младшим сыном Георгием и внуками Теймуразом и Натали. 1921 г.

арестовали и перевезли в Пермь. В судьбу принцессы вмешались сербское и норвежское посольства, под их давлением в ноябре 1918 года Елена Петровна была переведена в Москву. Врач С. Мицкевич дал своё заключение: «Мною констатирован у нее психоневроз в стадии тяжёлого психического угнетения... с приступами острой тоски, с мыслями о самоубийстве... Дальнейшее заключение может ухудшить её психическое состояние и довести до тяжёлой душевной болезни».

2 декабря 1918 года Президиум ВЦИК постановил передать её норвежскому посольству и «не препятствовать её выезду из пределов РСФСР». Забрав детей, Елена Петровна уехала на родину в Сербию, затем во Францию и, наконец, в Англию, где Всеволод и Екатерина получили образование.

Елизавета Маврикиевна с Георгием и Верой переехала в родной город Альтенбург, где и скончалась 24 марта 1927 года.

В советский период имя Великого князя Константина Константиновича Романова не вспоминалось, о поэте К. Р. тоже забыли. И сегодня мы заново знакомимся с этим удивительным Великим князем, так щедро одарённым природой многочисленными талантами и прекрасной, возвышенной душой.

ДВОРЕЦ «КИЧКИНЭ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА

1 июня 1860 года в дневнике Великого князя Константина Николаевича появилась запись: «Наконец, ровно в ½ 11-го раздался голос новорождённого ребенка. Эта минута невыразимая!! Невольно мысли обращаются в благодарности к Создателю, и слёзы выступают на глаза. Михайлова* объявила, что это сын, и мы его назвали Дмитрием по Святителю Ростовскому... Он славный, большой мальчишка, с премиленьким ротиком. Тотчас пошло писание телеграфов во все стороны, и поздравления от всех наших. К полудню приехали Низи с женою**. Скоро получил ответный телеграф от Саши***. Он назначил его шефом Мингрельского гренадерского полка и записал в Гвардейский экипаж и Конную гвардию».

По традиции каждый юный князь в семье Романовых со дня рождения становился шефом лучших воинских подразделений, но в случае с Дмитрием Константиновичем Император Александр II своим назначением угадал его судьбу, именно в Конной гвардии раскрылись таланты Великого князя.

Пятый ребенок в Великокняжеской семье Константина Николаевича и Александры Иосифовны появился на свет в имении Стрельна, расположенном на южном берегу Финского залива. Отец генерал-адмирал Константин Николаевич надеялся, что все его сыновья станут моряками. Следить за непоседливыми мальчуганами приставили команду матросов, а с южной стороны дворца в Стрельне соорудили тренировочную мачту, повторяющую оснастку парусного судна. Отчалив от пристани, устроенной перед дворцом, по каналам, заросшим кувшинками, можно было выйти в Финский залив. Готовясь к военно-морской карьере, Дмитрий Константинович учился в Морском корпусе и в летние месяцы принимал участие в плаваниях. В 1872 году он вместе с братом Константином проходил морскую службу на учебном фрегате «Пересвет», в 1874 году служил на судне «Варяг». Но оказалось, что к морской службе он совершенно не пригоден. Морская стихия, огромная, волнующаяся, бездонная, подавляла, юный князь чувствовал себя совершенно беспомощным, словно маленькая песчинка, и бесконечно одиноким. Он мечтал оказаться в тёмных аллеях Павловска или Стрельны, оседлать горячего жеребца и

**Варвара Петровна Михайлова служила няней на протяжении двух поколений в семье Великого князя Константина Николаевича, воспитывала его детей и внуков. Когда дети Великого князя Константина Николаевича выросли, няни – Вава (В.П. Михайлова) и Атя (Анна Александровна Беляева, впоследствии монахиня Анастасия, подвизавшаяся в Лесненском Богородицком женском монастыре в Холмской Руси, Привислинском крае) – не ушли из семьи, а оставались жить в ней «на покое», получая пенсию и впоследствии отдавая свои сердца следующему поколению Константиновичей.*

*** Великий князь Николай Николаевич-старший и Великая княгиня Александра Петровна.*

**** Император Александр II, брат Константина Николаевича.*

понестись быстрее ветра по полям, согретым солнцем, жадно вдыхая аромат тёплой земли и травы. В учебных плаваниях Дмитрия страшно укачивало, юноша прилагал невероятные усилия, чтобы, не обращая внимания на дурноту, осваивать трудное морское дело. Несмотря на это, летом 1877 года он страшно завидовал брату Константину, уходившему с Папа на Русско-турецкую войну. Дмитрий тоже просился, приводя, как ему казалось, самые основательные доводы, но Константин Николаевич, в душе очень обрадованный патриотическими порывами сыновей, уверенно сказал:

– Согласия на твой отъезд, Митя, дать не могу. Молод ещё, слишком молод, чтобы думать о войне. Учиться надо. России скоро будут нужны минные офицеры. Подумай... А то ты всё с лошадьми возишься. Времена меняются.

Желание Константина Николаевича видеть своих сыновей морскими офицерами было законом, и всё же Дмитрий не мог представить, что всю жизнь ему придётся заниматься нелюбимым делом. И как не жаль было огорчать отца, однажды Дмитрий Константинович решился. Он долго молился перед иконой, а затем, собрав всё своё мужество, пошёл к Константину Николаевичу и на коленях умолял освободить его от морской службы. Но Великий князь

оставался непреклонным:

– Уйди с глаз моих долой. Адмирал Нельсон тоже страдал от морской болезни, но это не помешало ему стать великим флотоводцем!

Помогло заступничество матери: смягчившись, отец позволил Дмитрию Константиновичу вступить в полк конной гвардии.

С 1880 года Великий князь несёт службу в лейб-гвардии 2-й Кавалерийской дивизии и выполняет обязанности флигель-адъютанта, а с 1904 года – генерал-адъютанта Его Императорского Величества. В 1892 году полковник Великий князь Высочайше назначен командующим лейб-гвардии Конно-гренадерским полком.

О Великом князе Дмитрие Константиновиче трудно рассказывать. Болезненно застенчивый, скромный, он мало с кем сходил, почти никого не допуская в свой внутренний мир. Прекрасно образованный, наделённый превосходными способностями, князь не стремился занимать высокие государственные посты. Близкий друг Ве-

Дмитрий Константинович

ликого князя генерал А.А. Мосолов вспоминал: «Дмитрий Константинович отзывчивый, скромный и разумный человек. ... Великий князь никогда не играл какой-либо важной роли при дворе. Его застенчивость была чрезмерной. Когда его поезд прибывал на станцию, он прятался в своем купе, чтобы люди на платформе не видели его. Но если депутация или какие-нибудь официальные лица приходили поприветствовать его, одного лишь намёка на то, что его долг, как великого князя, велит ему принять их, было достаточно, чтобы подавить свои чувства и оказать посетителям исключительно дружеский приём. Как и многие застенчивые люди, он наметил для себя жёсткий распорядок дня, распорядок, который чётко соблюдался: столько-то часов на выполнение служебных обязанностей, столько-то – на молитву, а остальное – на чтение без конца «для повышения уровня знаний». Он был всесторонне образованным человеком и интересным собеседником». К этому следует добавить, что Дмитрий Константинович не пил вина и избегал фривольных разговоров. Когда-то старший брат Николай чрезмерными возлияниями подорвал здоровье. Этот печальный факт заставил мать Александру Иосифовну взять с младшего сына слово, что он не выпьет ни одного стакана. Дмитрий Константинович, человек исключительной честности, никогда не нарушал своего обещания. Но став командиром гвардейского гренадерского полка, он почувствовал, что трезвый образ жизни мешает сближению и установлению доверительных отношений с офицерами. Тогда Великий князь пришёл к матери и попросил освободить его от данного слова.

В 1896 году Великий князь Дмитрий Константинович произведён в чин генерал-майора с зачислением в свиту Его Императорского Величества Государя Николая II, своего троюродного племянника. На парадах он следовал за двоюродным братом, Николаем Николаевичем-младшим, командиром 2-й гвардейской конной дивизии. За ними шли гренадеры на вороных конях, в чёрных касках с поперечным волосяным гребнем. Оба князя были великолепными наездниками. Князь Гавриил Константинович вспоминал: «Дяденька был очень эффектен перед конно-гренадерами, в особенности, когда заезжал к Государю полевым галопом. Он и его лошадь составляли единое целое, лошадь шла под ним, как часы. Совершенно было незаметно, как дяденька ею управляет».

Дмитрий Константинович сторонился дамского общества, слыл женоненавистником, в душе Великого князя жила единственная страстная любовь – к лошадям. В детстве в Стрельне князь всё свободное время проводил на Конюшенном дворе, впоследствии это увлечение стало делом всей жизни. В 1888 году Дмитрий Константинович купил в Миргородском уезде Полтавской губернии 3000 десятин земли для устройства собственного конного завода. «Создать рассадник русских породистых верховых и рысистых лошадей, а также развести мелких тяжеловозов, способных возить крестьянских лошадей, которые в мирное время работают в поле, а в военное комплектуют обозы и артиллерию» – такие серьёзные задачи ставил перед собой Дмитрий Константинович.

При Дубровском заводе, вскоре ставшем знаменитым, работали школы, в которых готовили специалистов: профессиональных наездников, кузнецов, шорников, ветеринаров, занимавших впоследствии ответственные должности в земствах и на частных заводах. Всё это требовало огромного вложения средств. Более 100 тысяч рублей, почти половину личных денег, Дмитрий Константинович ежегодно направлял на содержание Дубровского завода, но и этого не хватало. Великий князь очень хотел, чтобы любимое дело стало успешным, и решил найти средства во что бы то ни стало. По завещанию отца Константина Николаевича, он в 1892 году унаследовал крымское имение Ореанду, но владел им недолго. Уже в августе 1894 года Великий князь предложил Императору Александру III купить дорогой его сердцу уголок Южного бережья для Цесаревича Николая Александровича. Сделка состоялась, 300 тысяч рублей Дмитрий Константинович получил сразу, остальную сумму Уделы выплачивали в рассрочку, по 40 тысяч рублей ежегодно. Все деньги Великий князь вложил в Дубровский завод, который только в 1913 году начал приносить доход. Зато чистопородные орловские рысаки и верховые орлово-ростопчинской породы высоко ценились за резвость, силу и стать как в России, так и за границей, по праву Дмитрий Константинович гордился питомцами собственной призовой конюшни, занимавшими на скачках первые места. Князь Гавриил вспоминал: «Дяденька жил в небольшом доме, который назывался «дворцом».

Дмитрий Константинович

Дом был совсем простой, очень уютный и удобный, с небольшим палисадником. В столовой висели гравюры и небольшие картины, изображавшие лошадей. На одной из них был изображён граф Орлов в небольших санках, правящий своим легендарным арабом – производителем Сметанкой. Дяденька говорил мне, что эти картины принадлежали раньше великому князю Николаю Николаевичу Старшему и висели на его Чесменском конном заводе.

Большую часть дня мы проводили на заводе. Дяденька постоянно делал выводки. Завод был рысистый и верховой. Дяденька не признавал метисов и выводил чистопородных орловских рысаков и верховых орлово-растопчинцев. У него был великолепный производитель Хвалёный, получивший на бегах множество медалей; когда

его выводили, на него надевали целую цепь из них. Кроме того, на заводе имелись также и чистопородные арденны. На заводе существовала школа молодых наездников, которые выезжали верховых лошадей по системе известного Филлиса. Там же была своя школа ветеринаров и шорная мастерская, в которой дяденька как-то заказал для меня красивую выводную уздечку».

Богатый опыт, накопленный и в практическом коннозаводстве и в кавалерийском деле, Дмитрий Константинович использовал на благо государства. Он принимал активное участие в работе Комиссии по пересмотру строевых кавалерийских уставов. А в мае 1897 года Великий князь Дмитрий Константинович был назначен Главноуправляющим Государственным коннозаводством с оставлением в должности командира лейб-гвардии Конногренадерского полка. А.А. Мосолов вспоминал: «Он даже сделал проблему из своего назначения на пост заведующего государственным коннозаводством. Когда ему предложили эту должность, он сказал мне с трогательной искренностью:

– Я бы с радостью принял это назначение, если бы речь шла только об уходе за лошадьми. Но это предполагает ещё и руководство людьми. Я думаю, что смог бы быть полезным на этом поприще, но боюсь, что никогда не смогу найти общий язык с чиновниками. В любом случае при назначении я поставлю одно условие: я оставляю за собой право уйти в отставку, как только почувствую, что больше не способен быть полезным стране». Эту должность Дмитрий Константинович занимал до ноября 1905 года, пока позволяло здоровье.

В 1907 году указом Правительствующего Сената Великий князь Дмитрий Константинович назначался попечителем при двух племянниках Князьях Императорской крови Иоанне и Гаврииле, сыновьях брата Константина, с которым он был особенно близок и дружен. Их объединяли высокая образованность и культура, глубокая религиозность, много общего было у братьев во взглядах и характерах – оба стремились все свои таланты отдать на благо Родины, но сторонились политики.

Дмитрий Константинович семью так и не создал, поэтому с удовольствием проводил время в семье брата Константина, отца девятерых детей. Мосолов вспоминал: «В семье брата строгий командир конногренадеров находил тепло и радость общения с близкими и дорогими людьми. В Петербурге он жил в принадлежавшем Великому князю Константину Константиновичу Мраморном дворце, где ему были отведены просторные апартаменты. Племянники обожали «дяденьку», как они называли Дмитрия Константиновича в отличие от других многочисленных дядей. «Я нежно любил его, – писал впоследствии, уже в эмиграции, князь Гавриил, – он был прекрасным, добрым человеком и являлся для нас как бы вторым отцом».

Великий князь Константин Константинович не отличался практичностью, да и средств на покупку имения у него не было, поэтому Дмитрий Константинович задумал приобрести участок земли в Крыму, чтобы его любимые племянники могли отдыхать у моря. В феврале 1912 года он приехал

в Крым с целью лично выбрать место будущего владения, а уже в марте приобрёл у Общества врачей небольшую дачу «Ай-Никола»* в Курпатах, неподалеку от Гаспры, за приличную сумму – 125 тысяч рублей.

Участок на обрывистом берегу был совсем мал, всего 2 ¼ десятины, а потому сразу стало ясно: доходного имения не получится, дворец и служебные здания предназначались только для отдыха.

Выполнить заказ Великого князя Дмитрия Константиновича взялась фирма братьев Тарасовых. Уже к концу марта 1912 года ялтинский городской архитектор Николай Георгиевич Тарасов разработал проект дворца в восточном стиле и рассчитал смету: на строительство и оборудование всех зданий имения требовалось 125,8 тысяч рублей. Дмитрий Константинович хотел, чтобы в имении, кроме дворца, построили лично для него домик, который соединялся бы с основным зданием крытой галереей-переходом. Руководство строительными работами и благоустройством территории взял на себя Василий Георгиевич Тарасов. 5 мая 1912 года он подписал договор с Управлением делами Великого князя, по которому обязался к октябрю 1913 года возвести дворец и домик Дмитрия Константиновича, кухню, гараж со службами, подпорные стены, дороги, заборы, провести водопровод, переделывать дом прежнего владельца Н.Ф. Сазонова. Будущее имение Великий князь назвал «Кичкинэ», что в переводе с крымскотатарского языка означает «малютка».

За качеством и сроками исполнения работ тщательно следил управляющий делами Великого князя Александр Васильевич Короченцев. Начальный этап строительства, когда закладывались фундаменты зданий и сооружались подпорные стены, ограждающие площадку на скале, вызвал наибольшую тревогу и у управляющего делами, и у В.Г. Тарасова, который советовался с губернским инженером и архитектором. Беспokoили приходившие из Кичкинэ известия о том, что Василий Георгиевич, время от времени, на несколько дней уезжает, а рабочие в его отсутствие сидят без дела. Талантливые ялтинские архитекторы одновременно со строительством дворца «Кичкинэ» принимали участие в других проектах. Кроме того, Короченцев и чиновники управления делами Великого князя, приезжавшие с проверкой из Петербурга, отметили интересную особенность, характерную, видимо, для провинциальных городов, где время течёт медленнее, и нет столичной деловитости, торопливости и суеты. В одном из отчётов читаем: «Работы всё время систематически задерживаются. Причины: рассчитываешь сделать какое-либо дело в тот или другой срок, ждёшь нужных лиц в

**Дачу «Ай-Никола» Общество врачей купило у известного артиста Императорских театров Н.Ф. Сазонова для расширения «Климатической колонии для слабых и болезненных детей» за сумму в несколько раз меньшую, чем заплатил Дмитрий Константинович. Таким образом, эта сделка для Великого князя стала в какой-то мере благотворительной. В 1912 году Удельное ведомство бесплатно выделило колонии землю в Ай-Даниле, где построили прекрасный детский санаторий в основном на деньги Дмитрия Константиновича. Санаторий, названный именем Цесаревича Алексея Николаевича, освятили в декабре 1913 года, на торжественной церемонии присутствовал Николай II.*

Кичкинэ, а в результате в точно назначенный срок люди не приезжают, и дело откладывается. ...Ялтинские обыватели все так. Они не имеют представления о том, что «время – деньги» и борьба с ними в этом направлении совершенно бесполезна».

Наконец, на живописном скалистом обрыве появился белоснежный дворец со стройной башней-минаретом. В убранстве покоев дворца принял участие третий из братьев Тарасовых, Александр Георгиевич. Для оформления интерьеров он использовал различные стили: в вестибюле, Большой и Малой столовых – арабский, в приёмной – стиль Людовика XVI, в Большой гостиной – ампир. Искусная лепка, арабская вязь украсили помещения дворца, а комнаты Дмитрия Константиновича – деревянные панели с резьбой. По желанию Великого князя в убранстве его нового дворца-малютки использовали мебель и люстры, спасённые из огня пожара в Ореандском дворце в 1881 году.

4 сентября 1913 года Великий князь Дмитрий Константинович приехал в Крым, в свой новый дом. Император Николай II, отдыхавший в Ливадии, посетил имение двоюродного дяди 7 декабря и записал в дневнике: «С утра пошёл снег и продолжал целый день. Отправился пешком в Кичкинэ. Митя меня водил по саду и всему дому». Имение Николаю Александровичу тогда не понравилось. Правда, выяснилось, что Тарасовы, успев возвести

дворец к намеченному сроку, допустили столько недоделок, что им пришлось заплатить штраф Управлению делами Великого князя. Для окончания работ пригласили известного ялтинского архитектора Л.Н. Шаповалова. С помощью фео-досийского архитектора Л.В. Коржиновского он оформил лепными восточными орнаментами парадный вход и фасады дворца. К морю проложили мраморную лестницу с тремя красивыми гrotами, устроенными для отдыха, построили стоки, предохранявшие имение от разрушительных ливневых потоков, устремлявшихся во время сильных дождей с территории Харакса. Дворец окружил небольшой, но прелестный парк с тенистыми дорожками, ярко цветущими клумбами, удобными площадками, рукотворными горками. Подобрать растения садовникам Кичкинэ А.С.

Дмитрий Константинович

Аулу и П. Палицыну помогал Ф.К. Калайда, специалист по субтропическим культурам Императорского Никитского ботанического сада.

Только к 1915 году все недоделки устранили. Князь Гавриил, посетивший Кичкинэ осенью, искренне любовался имением: «Дяденькин дом мне очень понравился. Лично у дяденьки был как бы особый уголок в доме, и даже маленький отдельный садик, – всё очень уютно и удобно. Сад был тоже прелестный. Дом и сад стояли над обрывом, спускавшимся к морю».

В 1913 году в Кичкинэ поселилась счастливая семья – племянница Дмитрия Константиновича Татьяна с мужем Константином Александровичем и маленьким сынишкой Теймуразом. В апреле следующего года в имении на свет появилась их дочь Наталья. Это было прекрасное, радостное время. В маленьком имении жили Великий князь Константин Константинович с женой Елизаветой Маврикиевной, родители Татьяны; Романовы часто собирались то в Ливадии, то в Хараксе, то в Кичкинэ – приятное общение, прогулки по весенним цветущим паркам. Они ещё не знали, могли лишь предчувствовать, что стоят на пороге ужасных событий.

О том, что войны с Германией не избежать, Дмитрий Константинович говорил ещё за пятнадцать лет до её начала. И вот она началась... Сам Великий князь не мог принимать участие в боевых действиях – несколько лет назад у него ухудшилось зрение, к 1914 году близорукость перешла почти в полную слепоту. Тяжело переживая личную трагедию, генерал-лейтенант Великий князь Дмитрий Константинович вынужден был остаться в тылу и всю свою энергию направил на подготовку кавалерии. Он являлся духовным наставником своих племянников Гавриила, Олега, Иоанна, Игоря и Константина, отправившихся в действующую армию. На войне Константиновичи осознали всю её мерзость – разбухшие от грязи дороги, по которым люди, утопая по колена, тянут орудия, нехватка боеприпасов, полуголодные солдаты в промокших шинелях, лошади, по три дня не видевшие овса. Молодые князья сменили щегольские сапоги на простые, но добротные, и разделили все тяготы с солдатом: спали на земле, проходили вёрсты и вёрсты то наступая, то оставляя земли Восточной Пруссии. Они с благодарностью вспоминали «дядину школу» и прислали телеграмму, в которой писали, что помнят о его советах и уроках: в Павловске два года подряд они каждый день под надзором Дмитрия Константиновича выезжали в любую погоду и именно ему обязаны тем, что ещё не ранены и не убиты. Великий князь по праву мог гордиться своими племянниками: за проявленное мужество князь Гавриил был удостоен ордена Св. Владимира IV степени, Император вручил ему также георгиевский темляк и маленький Георгиевский крестик на эфес шашки, юный князь Константин награждён орденом Св. Георгия IV степени.

Война принесла немало потрясений: спустя два месяца после её объявления от тяжёлого ранения умер двадцатилетний князь Олег, юный, только начавший свой жизненный путь, талантливый литератор и поэт; вскоре пришло горькое известие о гибели мужа племянницы Татьяны, а 2 июня

1915 года перестало биться сердце брата и друга Константина Константиновича. После столь тяжких потерь осиротевшие Дмитрий Константинович и его племянница Татьяна желали поддержать друг друга, вдвоём было легче одолевая неизбывную тоску. Татьяна поселилась в доме дяденьки, вместе с детьми Теймуразом и Натальей они провели в Кичкинэ декабрь 1916 и январь 1917 года, вернувшись в Петроград перед самой Февральской революцией. Возможно, останься они под тихим кровом крымского имения, их судьба сложилась бы не столь трагически.

Известие об отречении от престола Николая II, а за ним и Великого князя Михаила Александровича Дмитрий Константинович переживал тяжело, но сразу же признал Временное правительство, ибо главным делом своим считал служение Отчизне. Однако одним из первых решений нового правительства было отстранение всех Романовых без исключения от военной службы и государственной деятельности. В начале мая Дмитрий Константинович получил телеграмму, извещающую, что приказом по армии и флоту он уволен от службы. Князь Гавриил вспоминал, что сначала Великий князь «продолжал носить форму с отставными погонами. Когда же погоны нельзя было носить и за их ношение жестоко преследовали, дяденька надел штатское платье. Обыкновенного платья, он, однако, носить не хотел, потому что терпеть не мог, и придумал себе костюм вроде того, как носят шофёры, т. е. однобортную тужурку со стояче-отложным воротником, штаны вроде бриджей и обмотки. Он велел отрезать голенища от своих высоких сапог и сделать из них штиблеты. Тужурка, штаны и фуражка с козырьком были коричневого цвета. Получилось оригинально и прилично. Он мог так ходить, не привлекая к себе ничего внимания».

В это тревожное время Дмитрий Константинович меньше всего переживает о своей судьбе, его беспокоит будущее Дубровского конного завода, его любимого детища. Он обращается к Временному правительству в лице его председателя князя Е.Г. Львова, затем к А.Ф. Керенскому с письмами, в которых отчаянно борется за сохранение завода. Лишённый всех своих доходов, Великий князь предлагает государству взять на себя заботу о процветающем конном заводе, в создание которого вложено так много сил и денежных средств, «...на каких угодно условиях и тем спасти его и разводимые в нём породы русских лошадей, в других местах исчезнувшие, от неминуемого уничтожения». 30 апреля 1917 года Дмитрий Константинович пишет: «В 1913 году я завещал Главному Управлению Коннозаводства принадлежащий мне Дубровский конный завод с землёй, лошадьми, строениями, инвентарём и всеми угодьями. Завод этот, мной основанный и приобретённый на мои личные средства, находится в Миргородском уезде Полтавской губернии. ...число голов лошадей доведено до 600, содержание их обеспечено продуктами своего производства, призовая конюшня... занимает по выигрышу одно из лучших мест среди своих соперников, лошади-тяжеловозы раскупаются как производители для улучшения простых пород по весьма высоким ценам...» Да, Дубровский завод создал славу не только его основателю

и провинциальному городку в Полтавской губернии, но и принёс мировую известность всей России! Единственная просьба Великого князя – оставить специалистов, непревзойдённых знатоков своего дела: селекционеров, ветеринарных врачей, наездников*.

Судьба самого Великого князя Дмитрия Константиновича закончилась трагически. Сначала большевики взяли со всех Романовых подписку о невыезде из России, а в марте 1918 года декретом Совета народных комиссаров Дмитрий Константинович был отправлен в ссылку в Вологду вместе с двоюродными братьями Великими князьями Николаем и Георгием Михайловичами. Но уже в начале августа они были арестованы, перевезены в Петроград в дом предварительного заключения на Шпалерной, где уже находились Великий князь Павел Александрович, младший сын Императора Александра III, и Князь Императорской крови Гавриил Константинович.

Несмотря на ужасное самочувствие, Дмитрий Константинович находил в себе силы подбадривать племянника, вспоминая позднее: «Тюремная стража относилась к нам очень хорошо. Я и мой дядя Дмитрий Константинович часто беседовали с ними, и они выпускали меня в коридор, позволяли разговаривать, а иногда даже разрешали бывать в камере дяди. Особенно приятны были эти беседы по вечерам, когда больше всего чувствовалось одиночество». Великий князь не верил в избавление, поэтому не хлопотал о своей участи, он лишь молился и просил, чтобы поставили свечи перед почитаемым Романовыми образом Спаса в часовне Спасителя в домике Петра Великого и у гробницы святого Иоанна Кронштадтского. Племяннику Гавриилу он передал 90-й псалом «Живый в помощи Вышняго», в утешение и укрепление его духа.

**Однако надежды Дмитрия Константиновича не оправдались, завод, переданный в собственность молодому государству, постигло разорение. В период гражданской войны здесь побывали отряды и красных, и Махно, и Петлюры, да и не только им были нужны хорошие лошади...*

Труды Великого князя Дмитрия Константиновича всё же не пропали даром. В 2008 году Дубровский конный завод отметил 120-летний юбилей. Новая советская власть, сэкономившись, начала разводить ценные породы лошадей. В.О.Витт писал: «Дубровский конный завод собрал по крупицам уцелевших от гражданской войны и интервенции племенных жеребцов и кобыл, сумел в короткое время в результате углубленной работы выставить к старту блестящую плеяду рекордистов, создать новые линии как орловской, так и русской рысистых пород». С 1923 года приоритетным стало разведение рысаков, переданных Дубровскому заводу из Деркуля, заводов братьев Вяземских, Назимова, Маркова, развивалось также орловское и русско-американское отделения. Лошадей-производителей отыскивали в самых неожиданных местах. Интересна судьба жеребца по кличке Гильдеец. Наездник С. Цветков выменял его у крестьянина на два воза сена. Конь-двухлетка больше был похож на живой скелет в коросте. Через год этот жеребёнок выиграл Дерби. А спустя десять лет Михаил Стасенко вновь выигрывает Дерби: теперь на Гильде, дочери Гильдейца. Историю этой лошади невозможно уместить в несколько строк. Слава рекордистки и редкая беспощадность по отношению ко всему живому со стороны фашистских наездников слилось воедино в её судьбе: угнанная в период оккупации из родных мест в Германию, лошадь сама нашла дорогу домой. Дабы предотвратить подобные возвращения, вновь ставшую трофейной Гильду ослепили... Предвоенный период деятельности Дубровского конного завода был периодом расцвета этого хозяйства: завод дал стране 138 рысаков. Значение Дубровского конного завода для современной орловской породы трудно переоценить, его по праву величают жемчужиной рысистого коневодства.

28 января 1918 года четверо Великих князей были расстреляны во дворе Петропавловской крепости. На смерть Дмитрий Константинович шёл с молитвой на устах, повторяя: «Прости им, Господи, ибо не ведают, что творят». Жизнь его была озарена любовью – к Богу, к дорогим людям, к лошадям. Памятником Великому князю на Украине останется Дубровский конный завод и маленький дворец на Южном берегу Крыма, судьба которого сложилась более счастливо, чем судьба его хозяина.

После отъезда хозяев присматривать за имением остался Леонид Иванович Колчев, настоятель Покровской церкви в Ореанде*. В смутное время, наступившее после Февральской революции, он всеми силами и способами старался сохранить Кичкинэ от разграбления. Это легче было обещать, чем выполнить. По распоряжению властей всё оружие в великокняжеских имениях отобрали, городовые, прежде их охранявшие, ушли служить в армию. Управляющим предложили нанять сторожей и позволили вооружить их дробовиками.

Но не только воров следовало бояться. В мае 1917 года Колчев делится в письме своими опасениями: «На днях здесь ожидается комиссар по делам царских и удельных имений. Что-то будет?!» Действительно, комиссары Временного правительства считали, что они имеют полное право изъять или, как тогда говорили, экспроприировать, из любого великокняжеского имения всё, что им понравилось. Особенно люди, облечённые властью, интересовались автомобилями. Вот и комиссия, приехавшая в Кичкинэ, первым делом заглянула в гараж Дмитрия Константиновича. Начальнику отряда, охранявшего Великих князей в имениях Чаир, Ай-Тодор и Дюльбер, прапорщику В.М. Жоржолиани пришёлся по душе открытый «Опель». Сначала он забирал машину «под честное слово», но однажды управляющий Колчев получил официальную бумагу, в которой говорилось: «В виду переживаемого момента Севастопольский комитет Совета военных и рабочих депутатов приказал мне взять до выяснения вопроса автомобиль гаража имения Кичкинэ системы «Опель», каковой прошу немедленно вручить подателям сего отношения – матросу охраны Дмитрию Заборскому и шоферу Донату Кроману».

Что мог в тех обстоятельствах, когда не действовали законы, сделать честнейший Колчев? В душе он переживал за сохранность вверенного ему имущества, но не отчаивался. Он разными способами старался получить хоть какой-нибудь доход: продавал молоко от единственной оставшейся в имении коровы, разводил цыплят, предполагал сдать внаём бывший дом Сазонова. Удивительно, как отцу Леониду удавалось добывать продукты в Ялте, где цены повышались едва ли не каждый день, а угля и дров почти не было. Но он всё же умудрялся делать запасы: картофель, рис, горох, фасоль, муку, сахар, чай и даже шоколад и какао. Припасы хранил частью в Ореанде, частью

** Колчев Леонид Иванович стал священником церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Ореанде в 1894 году. В октябре 1915 года получил от Управления делами Великого князя Дмитрия Константиновича предложение совмещать свою духовную деятельность с надзором за Кичкинэ. Глубоко уважая семью Константиновичей, он согласился. С 1 января 1918 года Ореандская церковь была приписана к Ливадии, Колчев стал настоятелем*

в Ялте, боясь, что во время обысков их могут отнять. Колчев надеялся, что Дмитрию Константиновичу удастся приехать в Крым, живут же в своих имениях Великие князья Александр Михайлович, Николай Николаевич, вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна с дочерьми, Юсуповы. Правда, – под домашним арестом, в постоянном страхе за свою жизнь, но всё же...

Из переписки с Короченцевым Леонид Иванович узнает о бедственном положении Великого князя и искренне ему сочувствует, переживая происходящее как личную трагедию. Остается лишь молиться, чтобы уберечь Господь и Великого князя, и страну. Отец Леонид, наблюдательный и умный человек, находясь вдалеке от Петроградских событий, удивительно точно анализирует то, что происходит с Россией: *«Беда наша в том, что кругом мало людей, а всё больше людишки, которые не только не входят в положение другого, но, злорадствуя, готовы на несчастии его построить свое благополучие. Нам, говорят, что за дело, пусть теперь буржуи поживут в нашей шкуре, а мы требуем своё и нам должны дать. Ни доводы разума, ни убеждения, ничто не действует на этих новоявленных граждан свободы, которую они поняли очень просто: делаю что хочу и моему ндраву не препятствуй. Ты обязан, а потому должен мне дать, всё наше – народное. Трудно бороться с такой философией»**.

Тучи все плотнее сгущались над головой Дмитрия Константиновича и над его маленьким именем. В Крыму комиссия по делам царских и удельных имений многие усадьбы реквизировала. Колчев пытается успокоить А.В. Короченцева, да и себя самого, тем, что Кичкинэ слишком удалено от жизненно важных центров, добраться к нему сложно, поэтому оно не представляет интереса для комиссии. Но всё больше убеждается: сохранить беззащитное имение – от разбойников или грабителей, от представителей новой власти, желавших во дворце поселиться, – не удастся. Остается сдать его в аренду или продать.

Последним хозяином маленького дворца из восточной сказки стал Великий князь Николай Николаевич-младший. Здесь он жил до эмиграции в апреле 1919 года. В начале 1921 года дворец и парк Кичкинэ были национализированы, здесь открылась турбаза для красных командиров. В период оккупации Крыма фашистами в имении разместился командный пункт армии фельдмаршала Эриха фон Манштейна. Гитлер подарил прекрасный дворец талантливому военачальнику, «покорителю Крыма». В 1944 году советские войска освободили полуостров, после войны в Кичкинэ снова открылась турбаза.

Сегодня Кичкинэ – это частная гостиница с комфортабельными номерами, двумя плавательными бассейнами, прекрасным тенистым парком. В великокняжеском дворце недавно открыт музей, рассказывающий о сложной судьбе имения и его хозяев.

*Письма протоиерея Л.И. Колчева найдены ялтинскими историками Н. Калининим, М. Земляниченко.

КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ КНЯЖНЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КРОВИ ТАТЬЯНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ

Старые фотографии запечатлели юную высокую девушку, с нежным округлым лицом, тёмными волосами, уложенными в мягкую волнистую причёску. Во взгляде её серых глаз, как и во всем облике, нет ничего кокетливого, прельстительного – во всём сквозит простое, милое, «романовское» обаяние и какое-то чистое сияние. Глядя на это доброе, прекрасное лицо, трудно поверить, что судьба уготовила Княжне Императорской крови Татьяне Константиновне тернистый путь, щедро усеянный многими потерями и страданиями.

Ночь потихоньку умирала, за окном Кореизского дворца светлело. Утренний лёгкий ветерок качнул тонкую занавеску, принёс в комнату аромат весеннего цветущего сада. Для княжны Татьяны Константиновны, хоть она и не сомкнула глаз, ночь пролетела как единый миг в воспоминаниях, счастливых, приятных, грустных.

Память унесла в зимнее Осташево 1910 года. В морозные яркие дни молодая компания: Татьяна, её братья Гавриил, Костя, Олег, Игорь и гости: кавалергард князь Константин Багратион и кавалер-паж Анька Гернгрос –

**Великая Княгиня Елизавета Маврикиевна
и Великий Князь Константин Константинович, родители Татьяны**

катались на звонком льду реки. А вечером устроили фейерверк, играли в прятки, лепили забавного снеговика и кормили овсом огромного петуха. Великий князь Константин Константинович позвал дочь прокатиться в санях в соседнее село Кольшикино. Отец заметил: поездка Татьяну не радует, она оглядывалась на оставшихся в саду гостей и братьев, а красивый кавалергард Багратион кричал вслед: «Татьяна Константиновна, возвращайтесь скорее!»

Князь Константин Багратион-Мухранский, высокий, статный, с чёрными глазами, нравился Татьяне. Нравилось, как легко и грациозно он двигался под звуки вальса, как весело и остроумно шутил, но стоило Татьяне замолчать, он тоже становился серьёзным и молчаливым. Казалось, Костя угадывал все перемены её настроения, все, даже ещё не высказанные, желания. Вот так незаметно в сердце Татьяны вошла любовь. Потом вся семья Константиновичей провожала гостей, радушно приглашая провести лето в Осташеве.

Рождение 11 января 1890 года княжны Татьяны Константиновны, несмотря на то, что роды у хрупкой Елизаветы Маврикиевны прошли тяжело, стало радостным событием – после двух сыновей в семье появилась дочь. Светлые воспоминания детства сохранили образ Владимирской Божией Матери, висящий в большой комнате и украшенный полотенцем с цветами и кружевами, нежные слова и поцелуи матушки, запах кофе, который по утрам пил Папа. Где бы они ни жили – зимой в петербургском Мраморном дворце, летом в Павловске или Стрельне, – неизменно в восемь часов утра дети приходили к отцу поздороваться. Высокий, со светлой бородкой, красивыми руками, он внимательно выслушивал детей, в его серых по-романовски

Татьяна. 1903 г.

выразительных глазах читались участие и доброта. Затем сам провожал их на детскую половину. К детям Константин Константинович относился строго и требовательно, но никогда не сердился, не торопился, не выходил из себя. Он был очень занят, поэтому совместные прогулки, катанье на велосипедах, семейные ужины, игра на фортепиано становились маленькими праздниками. Все дети любили, бесконечно уважали отца и дорожили его именем, известным всей России.

Маленькой, романтично настроенной княжне нравился Мраморный дворец с красивой Белой залой, Шпалерным кабинетом Папа с огромной библиотекой, мягкой диванной, хранившей легкий аромат яванского табака, оставшийся от деда, Великого князя Константина Николаевича.

Татьяна знала, что в Мраморном дворце есть много тайных уголков. Она любила прятаться за широкими тяжёлыми занавесями в Музыкальном салоне, где её никто не мог найти. Никто, кроме Габриэля – старшего брата Гавриила.

Этот неугомонный шалун даже во время болезни весело бегал по комнате, размахивая маленькой игрушечной шашкою и изображая «турку». И когда братья «собирались» в далёкое путешествие на Северный полюс, то управлять экипажем – горою стульев и кресел в детской – выбирали рослого Габриэля, называя его Якукой, по имени любимого кучера Якова, возившего всю шумную ватагу по субботам играть в Таврический сад.

Огромным счастьем для маленькой Татьяны были поездки в крымское имение деда Ореанду, и встреча с морем, бескрайним, глубоким, тёплым, так сильно сияющим солнечными бликами, что приходилось зажмуривать глаза. Наверно, любовь к морю передалась от деда, который даже музыку сравнивал с бархатным шёпотом прилива и протяжным контральто отлива. Она любила стоять на берегу и с наслаждением вслушиваться в биение волн. Брала в руки гладкую, согретую солнцем гальку и, подержав немного, бросала как можно дальше, в сверкающую чашу Чёрного моря. Княжна любила крымское имение за странное, немного загадочное название, за тенистый парк, за смолистый запах стройных кипарисов. Жизнь здесь текла неспешно и просто, к обеду и на чай собирались многочисленные родные, и было очень весело.

Повзрослевшая, семнадцатилетняя Татьяна мечтала о монашестве. Она, всегда очень религиозная, держит в душе поучительную молитву Оптинских старцев – опору всей её жизни: «Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не огорчая и не смущая!» Только однажды княжна Татьяна огорчила своего отца.

В августе 1910 года сыновья просили Константина Константиновича привезти из Петербурга их друзей, он обещал. В Осташеве в эту пору очень хорошо: словно узорчатый мавританский ковер пестрели цветники перед домом, плыли по небу облака, голубовато-белые днем и розоватые в лучах закатного солнца, расстилались поля с небольшими рощами. И настроение у князя, под стать природе, умиротворенное и вдохновенное; так ладно идёт работа над элегией «Осташево». Но в столице всё изменилось: дошли слухи, что его дочь Татьяна увлечена молодым князем Константином Багратионом, который никуда не уезжает после лагерей, ожидая приглашения в Осташево. Может, и не поверил бы Константин Константинович людской молве, но управляющему двором матушки Александры Иосифовны не верить не мог. Раздосадованный – как же не увидел, не заметил, – князь вернулся в имение, размышляя дорогой, как ему поступить. Решил жене пока ничего не говорить, не огорчать.

Но Елизавета Маврикиевна, очень взволнованная, сама ждала мужа, чтобы передать ужасную новость: Татьяна призналась ей в своей любви к князю Константину Багратиону и – о, ужас! – дело дошло до поцелуев! Не-

приятно поразило князя то обстоятельство, что любимый сын Олег, узнав о чувствах сестры, взялся помогать, передавая влюблённым письма. Возмущённый отец тотчас отправился к Олегу. Он долго объяснял, какую неприглядную, скверную роль тот сыграл в этой истории, говорил о чести девушки, об обмане родителей, напомнил, что Татьяна – представительница Царской фамилии и не может выйти замуж по велению сердца, неравнородный брак скомпрометирует всю семью. Но Олег смотрел открытым взглядом и словно не чувствовал никакой вины.

О самом трудном моменте – разговоре с Татьяной Константин Константинович записал в дневнике: «...Мы больше молчали. Она знала, что мне всё известно. Кажется, она не подумала о том, что, если выйдет за Багратиона и будет носить его имя, то им не на что будет жить. Позвал жену и при ней сказал Татиане, что раньше года никакого решения не приму. Если же ей идти на такие жертвы, то, по крайней мере, нам надо быть уверенными, что чувство глубоко». Татьяна не сомневалась, что её любовь глубока и сильна, безбрежна, словно море, но спорить не могла.

– Можно мне написать письмо? Он должен знать, почему я прекращаю с ним отношения, – тихо спросила дочь.

– Напиши. Я разрешаю и Багратиону написать тебе в последний раз.

Ответное письмо Багратион адресовал Олегу. Тот отнёс матери. Записку для Татьяны никто не читал, но за обеденным столом повисла напряжённая тишина, на серебряном подносе таяли симпатичные белые медведи – вкусное мороженое. Татьяна сказала, что Багратион через год будет просить её руки.

В сентябре большая семья Константиновичей вернулась в Павловск. Великий князь отправился в Петербург, вызвал молодого кавалергарда в Мраморный дворец для серьёзного разговора. Он потребовал вернуть все письма Татьяны и уехать на год из Петербурга. Багратион сознался в легкомыслии, но заверил князя, что чувство его, искреннее и глубокое, не изменится. Он уехал в Тифлис, оттуда последовал в Тегеран, в казачью часть бывшую в конвое у шаха Персидского.

В Павловске Константина Константиновича ожидал сербский король Пётр, желая переговорить с глазу на глаз. Он сообщил князю о своем желании женить сына-наследника Александра на княжне Татьяне. Час от часу не легче: не объяснять же королю, что его дочь влюблена в человека не равного с ней происхождения! Вздохнув, князь ответил: «Всё будет зависеть от Татьянь». Сам же подумал горестно, что придётся обо всех своих печалях поговорить с Государем.

В один из осенних дней Николай II посетил Мраморный дворец. Константин Константинович попросил Царя уединиться с ним для серьёзного разговора. Государь слушал внимательно, глядя на князя сочувственным и немного печальным взором. Затем сказал, что пора бы уж разрешить Великим князьям и Князьям Императорской крови вступать в морганатические браки, но окончательного разрешения на брак Татьяны с Багратионом не дал, решив посоветоваться с вдовствующей Императрицей.

Глотнулись серые, унылые дни. От тоски по любимому Татьяна заболела; она, словно тень, бродила по залам дворца, ко всему совершенно безразличная. Только воспоминания согревали душу. Вот они с Костей гуляют по аллеям Павловска, катаются на лодке и разговаривают, разговаривают... Багратион рассказывал ей о далекой Грузии, о своём древнем роде. Он юный потомок легендарных грузинских братьев-царей Георгия III и Давида IV, а также князя Теймураза, владетеля Мухранского, происходившего от одной из ветвей царского рода Багратидов. Его предки отважно боролись за независимость своего народа и с арабским халифатом, и с Персией, и с Византией. Многие хотели владеть этой богатой, щедрой землёй, её садами и виноградниками. Устав от постоянных набегов турок и иранцев, Мухрань уже в XIII веке задумывалась о покровительстве могучих соседей русичей. Но лишь в 1801 году присоединилась к России в составе обширного Картали-Кახетинского княжества.

Князь Константин много и восторженно рассказывал Татьяне о знаменитой грузинской царице Тамаре, дочери царя Георгия III и его супруги Бурхундан. И даже говорил, что она, его любимая Татьяна, похожа на легендарную правительницу: «Правильно сложенное тело, тёмные глаза и розовая окраска ланит, манера царственно метать взоры вокруг себя, весёлая и чуждая развязности и всяких разговоров». Татьяна сомневалась: развязных разговоров она и вправду не любила, а вот «метать огненные взоры» и гневаться не умела.

Наступила зима, лёгким пушистым снегом замело и деревья, и дорожки Павловского парка. Однажды в усадьбу приехали гости – знакомые гусары Гренадерского полка – и пригласили Татьяну прокатиться на санях. Весёлый, румяный брат Олег тоже упрашивал сестру, говоря, что Иоанчик и Костя уже запрягают, да и Мама позволила. Нехорошо обижать гостей отказом, Татьяна согласилась.

Первые санки привязали к розвальням, и санный поезд, весело скрипя полозьями, покатился среди высоких сугробов. Как же было хорошо и красиво! Неподвижно стояли деревья, украсившись тонким снежным кружевом. Иногда они стряхивали белую пыль, и она мелкой пудрой ложилась на лицо и ресницы. Закутанная в меха, порозовевшая Татьяна впервые за многие дни улыбалась, слушая задорный смех и шутки молодых офицеров. Вдруг княжна почувствовала удар и вылетела из перевернувшихся саней, больно ударившись спиной о ствол дерева – это её сани столкнулись на узкой дорожке с санями барона Буксгевдена, приятеля братьев. От сильной боли перехватило дыхание, на глазах выступили слёзы. Испуганные братья, завернув Татьяну в медвежью полость, привезли домой. Две недели княжна лежала, приходя в себя после сильного ушиба позвоночника, от боли она не могла ходить, и братья дважды в день выносили её на руках на балкон подышать свежим воздухом. Внизу лежал заснеженный Павловский парк, сверкая бриллиантовыми бликами под солнечными лучами. Но Татьяну эта холодная красота не радовала, и она скоро просилась обратно.

В зале на стене висел образ Фёдоровской Божией Матери, особо почитаемой в семье Романовых. Список сделала своею рукою Императрица Мария Фёдоровна, супруга Павла I. И было замечено – все высказанные в молитвах перед этой иконой желания исполнялись. Молясь, каждый день княжна просила лишь об одном: быть рядом с любимым Багратионом.

Промысел Божий нам неведом. Большое горе, болезнь, стало для Татьяны временем духовного углубления. Грустное, подавленное состояние дочери очень тревожило Елизавету Маврикиевну. Чтобы доставить ей удовольствие, Великая княгиня послала свою камер-фрау в книжный магазин купить книгу о Грузии. Но кроме тоненькой брошюры профессора Н.Я. Марра «Царица Тамара, или Время расцвета Грузии. XII век», ничего не нашлось. Однако Татьяне было дорого всё, что связано с родиной Багратиона. Она не выпускала книгу из рук, перечитывала снова и снова, ложась спать, клала её под подушку, брала с собой на балкон. Вглядывалась в тонкое лицо грузинской царицы, которую современники называли Тamar-мене, «женщиной-царём», – сосудом мудрости, солнцем улыбающимся, тростником стройным, восхваляя её ум, трудолюбие, кротость и красоту. Девизом своего правления она провозгласила милость и правду: «Я отец сирых и судья вдов». В её царствование Грузия достигла таких успехов, каких не знала ни до, ни после: распространилось христианство, был создан Церковный собор, устранивший неурядицы в государстве,

Портрет Царицы Тамары

сместены злоупотреблявшие своей властью правители, облегчена участь крестьян, упразднена смертная казнь и телесные наказания.

Тамара прославилась как военачальник. Грузинские войска одержали победы при Шамхоре над азербайджанским атабеком Абубекром и его союзниками, при Басиани над румским султаном Рукнаддином, взяли Карс и подчинили власти Тамары почти всё Закавказье. Вассалами и данниками Грузии стали эрзинкский султан, арзрумский эмир, хлатский султан, а также северокавказские горские владетели и Трапезундская империя. Военные трофеи и огромная дань с захваченных территорий сделали Грузию богатейшей страной средневекового мира, но

мудрая правительница обратила полученные сокровища в новые крепости, монастыри, дороги, мосты, корабли, школы. Правление царицы Тамары стало «золотым веком» для грузинской литературы. Правительницу воспевали в поэмах и одах Шавтели, Чахруха, Шота Руставели.

Царские особы, как известно, не вольны выбирать себе супругов по велению сердца. Советники решили выдать Тамару замуж, их выбор остановился на русском князе Георгии Боголюбском, сыне Андрея Боголюбского, перенесшего столицу из Киева во Владимир. Однако брак этот не принёс супругам счастья. И Татьяна понимала, что не должна пренебрегать своим долгом, нарушать традиции Августейшей семьи, но сердцем желала быть рядом с любимым. Сбудется ли её желание, сможет ли она разделить свою жизнь с дорогим князем?

Княжна Татьяна всем сердцем поняла, приняла и полюбила царицу Тамару, прославленную православной церковью в лике святых, и молилась ей неустанно, чувствуя сильную, почти родственную связь с правительницей из рода Багратидов. И случилось долгожданное чудо. Однажды Великая княгиня Елизавета Маврикиевна и Татьяна были приглашены на чай в Царское Село. Там княжна узнала: Императрица Мария Фёдоровна, всегда сдержанная, приверженная традициям, считает, что брак между Княжной Императорской крови Татьяной и князем Багратионом вполне возможен, ведь будущий жених является, подобно французским Орлеанам, потомком царствовавшей когда-то династии. Говоря это, Государыня ласково взглянула на Татьяну, в её карих глазах вспыхнули золотистые искры. И княжна почувствовала, как потеплело в груди, как вздрогнула и затрепетала её измученная душа.

А Николай II впоследствии смущённо признался Елизавете Маврикиевне:

– Я три месяца мучился и не мог решиться спросить Мама, а без её санкции я не хотел предпринимать что-либо. Наконец я ей сказал про Татьяну и Багратиона, о предполагаемых семейных советах для изменения решения этого вопроса... Я боялся, что она ответит, а она... – тут Государь очень похоже передразнил Императрицу Марию Фёдоровну, сказав низким голосом: – «Давно пора переменить!» И зачем я три месяца мучился? – пожал плечами.

В семейном совете участвовали Император Николай II, вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна, Великий князь Владимир Александрович, дядя Государя, и родители Татьяны – Константин Константинович и Елизавета Маврикиевна. Решили дозволить протоколом Двора «полувысочайшую свадьбу» Княжны Императорской крови Татианы Константиновны Романовой с представителем древнейшего рода Светлейших князей грузинских Багратионов. Но княжна должна была подписать «отречение от принадлежащего Ей, как члену Императорского Дома, права на наследование Императорского всероссийского Престола». Другим Высочайшим указом дочери Константина Константиновича Романова определялся титул – Высочество – и содержание, но специально оговаривалось, что дети, рождённые от этого

брака, будут носить фамилию отца и «пользоваться принадлежащими ему сословными правами».

Надо думать, Татьяна Константиновна, лишённая властных амбиций, без колебания предпочла престолонаследию любимого человека. Государь разрешил Константину Багратиону вернуться с Кавказа, влюблённые встретились в Кореизском дворце Юсуповых. Татьяна была упоена своим выстраданным счастьем, их с Костей любовь не только не угасла в долгой разлуке, но стала ещё более сильной и глубокой. Так и не уснув в эту ночь, княжна радостно улыбалась своим воспоминаниям и этому прекрасному весеннему утру. Сегодня, 1 мая 1911 года, в Ореандской церкви Покрова Пресвятой Богородицы, построенной её дедом, будут служить молебен по случаю их помолвки. И только Татьяна знала, что в этот день православная Церковь чтит святую благоверную царицу Тамару. В этом совпадении не было для княжны ничего мистического, она верила: царица Тамара – её защитница и покровительница, всё совершается по её милости и при её помощи.

Свадьбу играли в один из уходящих летних дней – 24 августа, в пышно убранном Павловском дворце. И хотя её объявили «полувысочайшей» и дамы нарядились не в придворные платья, а в городские, на торжество прибыла вся Царская семья во главе с Императором Николаем. Из кабинета Императора Павла началось шествие по великолепным залам дворца в церковь. Все любовались обворожительной невестой в белом свадебном платье с серебряным шлейфом, с голубой Екатерининской лентой через плечо со сверкающей звездой, с чудесной бриллиантовой диадемой в волосах. Татьяна каза-

**Татьяна Константиновна с князем
Константином Багратион-Мухранским**

лась немного напряжённой и скованной, она следила за каждым жестом гостей, говоривших с её Костей, – все ли почтительны, доброжелательны? Очень волновалась, когда Государь подошёл к старой княгине Багратион-Мухранской, тётушке Кости, сидевшей на диване у окна. Княгиня была очень богата, строга и горда, но всеми уважаема. Она не поднялась, даже позы не изменила. Общество замерло: что же будет дальше? Николай, чуть нагнувшись, любезно побеседовал с княгиней.

Татьяна вздохнула с облегчением и, наконец

почувствовала себя свободно. Она вдруг поняла, что необыкновенно хорошо, почувствовала, как радуются её счастьем дорогие братья Гавриил, Костя, Олег, Игорь – её шаферы, увидела, как красиво сервирован в Греческом зале обеденный стол. И тогда она тихонько выскользнула в свои комнаты, открыла книжечку о царице Тамаре на третьей странице и поцеловала её образ.

Молодые поселились в девичьих покоях Татьяны в Павловском дворце. Спустя год, 21 августа 1912 года, супруги стали родителями, у них родился сын. Татьяна хотела назвать малыша Константином в честь своих самых любимых мужчин: отца и мужа. Но Великий князь Константин Константинович сказал зятю:

– Ты, Костя, не сердись, но никто никогда в этом не разберётся. Прадед, отец, сын – и все Константины. Да ещё у Татьяны братец с тем же именем. Выбери сам имя, родное тебе, грузинское.

Константину Александровичу нравились два имени – Вахтанг и Теймураз, и он никак не мог определиться, какое выбрать. Тогда любимый дяденька Дмитрий Константинович запросил Святейший Синод, есть ли такое имя в святцах. Все Константиновичи дружно радовались, когда пришёл ответ: в грузинских святцах есть преподобный Теймураз, празднуется его день на апостола Фому. Восприемниками от купели Светлейшего князя Теймураза Константиновича Багратион-Мухранского стали Государь Император Николай Александрович и его старшая дочь Великая княжна Ольга Александровна.

1913 год стал самым счастливым для Татьяны и Константина, они бесконечно отдавались своей нежной любви и приятным заботам о маленьком сынишке. Молодая семья поселилась в крымском дворце обожаемого дяденьки, почти второго отца, Дмитрия Константиновича. Величественная природа южного берега, небольшой, но уютный дом, построенный высоко над морем, чудесный парк – всё нравилось необычайно. В Кичкинэ приезжали родители, Великий князь Константин Константинович и Елизавета Маврикиевна, вся семья Романовых собиралась то в Ливадии, то в Ай-Тодоре. Татьяна Константиновна вспоминала: «Отец долго играл на рояле, а Теймураз клал голову на рояль и слушал, слушал...»

С дяденькой Дмитрием Константиновичем Татьяну связывали самые тёплые родственные отношения.

**Татьяна Константиновна
с сыном Теймуразом**

Дело в том, что князь Константин Багратион, став мужем княгини Татьяны, не мог сопровождать её на придворные торжества – это право предоставлялось только членам Царской семьи, и соблюдалась традиция незыблемы. Поэтому в Высочайших выходах рядом с племянницей был Великий князь Дмитрий Константинович. Татьяна же старалась помочь дяденьке во время его болезни, зная, как быстро он теряет зрение и тяжело переживает, как могла, поддерживала в нем бодрость духа.

В марте 1914 года все снова съехались в Крым, радостно ждали Пасху и рождение второго ребёнка Татьяны. В апреле на свет появилась дочь Наталья. Император Николай записал в дневнике 15 апреля: «...ближе к вечеру снова поехали всей семьёй в Кичкинэ на крестины Натальи Константиновны Багратион. Ольга и я были восприемниками. Маленький Теймураз был очень мил и забавен». Эти месяцы безоблачного счастья оказались последними в их жизни – в августе 1914 года началась Первая мировая война.

Все пятеро братьев и муж Татьяны ушли на фронт. Она сама с детьми переселилась в Павловск к родителям, но без дела не сидела. Всюду: и в Павловске, и в Петербурге, и в Крыму – княгиня Татьяна Константиновна занималась благотворительной и общественной деятельностью. В Тифлисе принимала живое участие в создании военного госпиталя, помогала свекрови княгине Нино Багратион оборудовать санитарный поезд, в котором

**Князь Олег в военном лагере.
Февраль 1914 г.**

служили семнадцать сестёр милосердия и сорок один санитар, а хирурги использовали новейшие инструменты. Весной и летом в Крыму вместе с Императрицей Александрой Фёдоровной неутомимо посещала санатории в Ялте и Гурзуфе, устраивала благотворительные базары и вернисажи. С помощью Великого князя Дмитрия Константиновича и в Павловске создала большой лазарет, в котором для кавалергардов 13-го лейб-гвардейского Эриванского полка, боевых товарищей мужа, устраивала вечера и концерты. Помогала тётушке, греческой королеве Ольге Константиновне в основании госпиталя, передвижных лазаретов, складов. Активная работа отвлекала от горестных дум: как там её родные – супруг и братья? Каждый день молилась, прося об одном: пусть её любимые

вернутся живыми и невредимыми. Да и здоровье Папа, страдающего припадками удушья и жаловавшегося на боль в сердце, вызывало серьёзное беспокойство.

В сентябре 1914 года пришло первое горестное известие: раненный в одной из атак, князь Олег умер в лазарете под Вильно. В это невозможно было поверить – маленький братишка, милый Олег, так близко к сердцу принявший её любовные страдания! Всю ночь, не сомкнув глаз, Татьяна перебирала семейные фотографии, молилась, читала стихи, написанные им. Почему так жестока судьба? Он мог бы стать поэтом, как Папа, или учёным, он был таким одарённым. Был... Какое страшное слово!

Для отца смерть любимого сына стала сильным ударом, он часто плакал, обеспокоенный судьбой остальных сыновей. Неуёмную тоску немного развеял приезд из армии Кости Багратиона. Татьяна тоже была счастлива хоть на короткое время повидаться с мужем. Они пригласили в Павловский дворец раненых офицеров Эриванского полка, устроили вечер. Несколько дней побывки пролетели быстро. Перед отъездом Костя сообщил Татьяне о своём решении перейти из кавалергардов в пехоту, где не хватало офицеров. Сердце княгини заныло, она знала: именно в пехоте потери самые страшные. Но вслух не сказала ни слова – для её супруга, блестящего офицера, доблесть которого отмечена Георгиевским оружием, долг был превыше всего. Оставалось ждать и молиться.

В один из майских дней в Павловский дворец пришло сообщение от генерала Брусилова: 19 мая 1915 года в одной из атак под Львовом пал смертью храбрых князь Константин Александрович Багратион-Мухранский. Татьяна словно окаменела, не заплакала – не было слёз. Молча ушла к себе, в страшном спокойствии отложила чёрную одежду и надела ослепительно белое платье, как делали женщины Востока. Белый – цвет траура, глубокой, невыразимой словами скорби. В тот же день в Павловске отслужили панихиду, на которой присутствовали Николай II и Императрица Александра Фёдоровна. Оцепенев в страшном горе, Татьяна почти не помнила, что происходило вокруг, запомнила лишь добрый, печальный взор Государя. Не мешкая, она собра-

Великая княгиня Елизавета Фёдоровна

лась в Мцхет хоронить мужа. Сестру сопровождал брат князь Игорь. Наверное, горе сделало Татьяну провидицей, она вспоминала, сколь тягостным было её расставание с родными: «Отец, прощаясь, перекрестил меня, смотря прямо в глаза. Мы оба сознавали, что больше не увидимся и что он мне даёт последнее благословение».

Князь Константин Александрович Багратион-Мухранский был погребён в старинном соборе Светицховели в Мцхете. Ему исполнилось 26 лет. На горьким утратам не было конца. «Через два дня после погребения в Мцхете Игорь получил телеграмму о кончине Отца и сейчас же уехал по Военно-Грузинской дороге, и я с ним. В Петербурге его шофер сказал, что накануне состоялось перевезение тела в собор Петропавловской крепости, и мы поехали прямо туда. Гроб стоял высоко, над несколькими ступенями, и почётный караул вокруг. Государь Император сделал замечание, почему духовенство было в одинаковых облачениях. Старший брат Иоанн пригласил столько епископов, столько священников... что не хватило придворного облачения. Тело почившего Отца вскрывали и бальзамировали. Нашли язву в сердце. Вспомнили, что в последнее время он говорил: "У меня так болит сердце, точно там рана". В день погребения в Бозе почившего Родителя моего, в маленькой гостинной Матушки, в Мраморном Дворце, был накрыт очень маленький стол, только на четыре персоны. Никогда прежде, никогда позже так не бывало. Обедали мы – четыре вдовы – Матушка моя, тётя Оля, тетя Элла и я. Мы были три в чёрном траурном, а настоятельница Марфо-Мариинской в Москве общины в своём одеянии. За столом Великая княгиня Елизавета Фёдоровна* говорила, что ожидает на том свете усопших: "Души усопших в бездействии не бывают. Им от Бога назначается духовная деятельность, и они поднимаются от силы в силу. Так написано у святых отцов". После тётя Элла села сбоку в кресло. Я стала перед ней на колени и руки положила ей на колени. Смотрела ей прямо в глаза, и она смотрела в глубину моих глаз. Молча. Полчаса. Не произнося ни одного слова. Не отрывая глаз. Бурно, скорбно изливала ей свою душу. ... Чувствовала, что она всё понимает... Меня утешила и подкрепила. Молча. Без единого движения.

* Великая княгиня Елизавета Фёдоровна (1864 – 1918) – супруга Великого князя Сергея Александровича, брата Александра III, урождённая принцесса Гессен-Дармштадская, старшая сестра Императрицы Александры Фёдоровны. После гибели мужа от рук террористов решила посвятить свою жизнь Господу, основав в Москве Марфо-Мариинскую обитель и став её настоятельницей. В монастыре действовала больница для бедных, приют и общежитие для бездомных, в которых трудились монахини и послушницы. В ночь на 5 июля 1918 года Великую княгиню Елизавету, Великого князя Сергея Михайловича, трёх сыновей Великого князя Константина и еще несколько человек, содержавшихся вместе с ними, на окраине города Алапаевска живыми сбросили в старую шахту, которую затем забросали гранатами. Когда впоследствии тела стали извлекать из шахты, оказалось, что Елизавета упала не на дно, а на выступ, находившийся на глубине 15 метров, спасший её от осколков гранат, но только продливший мучения. Рядом с ней находилось изуродованное тело князя Иоанна Константиновича, которого она перед смертью смогла перевязать. В 1921 году останки Елизаветы были перевезены на Святую Землю и упокоились в храме Святой равноапостольной Марии Магдалины. В 1992 году Собор Русской Православной Церкви причислил к лику святых Великую княгиню Елизавету Фёдоровну, определив день её почитания 18 июля. Тогда же началось возрождение Марфо-Мариинской обители.

Через полчаса я встала, поцеловала ей руку со словами: «Благодарю тебя». Слава Богу за всё».

После похорон сначала мужа, а затем отца княгиня Татьяна Константиновна с детьми уехала в Крым в Кичкинэ. Теперь в восточном дворце поселилась печаль. Дмитрий Константинович страдал от слепоты и бездействия, единственно, что он мог делать – готовить в тылу кавалерийские войска. В январе 1917 года они все вместе вернулись в Петроград, стоявший на пороге Февральской революции. Татьяна не могла толком разобраться в политической ситуации, для неё происходящее было страшно, словно враждебный вихрь налетел на страну и сокрушает с безумной силой всё, что ей дорого. Великого князя Дмитрия Константиновича арестовали и отправили в вологодскую ссылку, Татьяна с малолетними Теймуразом и Натальей последовала за ним. Когда дяденьку перевезли в Петроград и посадили в дом предварительного заключения, она не стала жить в Мраморном дворце, поселилась на частной квартире, носила в тюрьму передачи, хлопотала о судьбе родных, не боясь за свою собственную, – она ведь формально перестала быть Романовой.

Ситуация в стране продолжала ухудшаться: голод, террор, ужасная братоубийственная война, именуемая гражданской. Адьютант и верный друг дяденьки, полковник Александр Васильевич Короченцев осенью 1918 года перевез Татьяну с двумя детьми в Киев, а затем в Одессу. Когда к городу приблизились отряды Петлюры, Татьяна по приглашению румынского короля выехала в Бухарест на пароходе «Адмирал Кашерининов», последним покинувшим порт. Пробыв некоторое время под гостеприимным кровом кухни, румынской королевы Марии, отправились дальше – в Швейцарию.

В пути их догнали страшные вести: три брата Татьяны – князья Иоанн, Игорь, Константин – и Великая княгиня Елизавета Фёдоровна были сброшены живыми в шахту близ Алапаевска в июле 1918 года, а в январе 1919 года большевики расстреляли Дмитрия Константиновича, с ним погиб Великий князь Георгий Михайлович, хозяин именина Харакс, где любили встречаться Императорская и великокняжеские семьи, и его брат Николай Михайлович. Ужасное злодеяние!

Не в силах одна нести груз тяжёлых воспоминаний и проблем, более из

Князь Теймураз и княжна Наталья

признательности за своё спасение и заботу о её маленькой семье, Татьяна соглашается стать женой А.В. Короченцева, давно влюблённого в эту хрупкую, но такую сильную женщину. 9 ноября 1921 года Александр Васильевич и Татьяна Константиновна обвенчались, скромно, не устраивая никаких торжеств. Они оба мечтали о спокойной жизни. Александр Васильевич хотел быть опорой осиротевшей семье, заботиться о них, по-отечески любить и воспитывать маленьких Теймураза и Наталью. Татьяна надеялась поселиться в небольшом доме с садом, в котором царили бы уют, тепло, любовь и взаимное уважение, и со временем излечиться от боли утрат и тоски по потерянной родине. Но этому нехитрому желанию не суждено было сбыться. 6 февраля 1922 года Короченцев умер от паралича сердца, наступившего вследствие осложнения от перенесённого дифтерита.

О тяжёлом положении, в котором снова оказалась Татьяна, рассказано в письме к датскому принцу Вальдемару её тётушка Ольга Константиновна: «...я получила горестное известие о смерти мужа моей дорогой Татьяны Александра Васильевича Короченцова. ...Их свадьба была 27 октября, и ровно три месяца после этого он скончался. ...Моя бедная, бедная Татьяна, ей только 31 год, и она пережила почти что только одни испытания. Она знала Александра Васильевича больше 20 лет, он был лучшим другом моего брата Дмитрия, – он был как бы членом нашей семьи. Потеряв столько самых близких и дорогих людей – отца, дядю, заменявшего его, мужа, братьев, родину, она всей душой привязалась к Александру Васильевичу, который неустанно заботился о ней и о её детях. Они женились и только три месяца наслаждались редким счастьем. Теперь всё кончено, счастье пронеслось как сон, и осталась одна скорбь. Слава Богу, у Татьяны вера и покорность воле Божией несокрушимы, – я убеждена, что она будет жить в твёрдом уповании на всё то, что Господь обещал всем страждущим и обременённым».

Возможно, в эту скорбную годину Татьяна Константиновна, ища поддержки и опоры у святой царицы Тамары, задумывалась о схожести их жизненных путей. Правда, в первом браке с князем Георгием Боголюбским не познала грузинская правительница счастья: муж отличался буйным нравом и благоволил более мужчинам, нежели жене. Промучившись два года, Тамара решила развестись с ним. Но оскорблённый князь, собрав в Константинополе войско, вернулся в Грузию, чтобы вернуть – нет, не любовь супруги, а утраченный престол. Он был наголову разбит армией Тамары и бегством спасал свою жизнь. И только став женой осетинского князя Давида Сослани, друга её детства, поняла Тамара, что значит быть счастливой женщиной, матерью двух детей. Князь Давид тоже был из рода Багратидов. «Как странно переплелись наши судьбы, – размышляла княгиня Татьяна, – нам обеим были посланы потомки благородного рода Багратидов».

Отныне свою жизнь княгиня Татьяна Константиновна посвятила детям. В 1927 году она переехала в югославский город Белая Церковь. Там русские кадеты основали Кадетский корпус, в который поступил князь Теймураз

Багратион-Мухранский. Одноклассники запомнили, что в общении он был прост, никогда не похвалялся своим царским происхождением – всё же праправнук Императора Николая I. В этом заслуга княгини Татьяны, воспитавшей своих детей в традициях Августейшей семьи.

Княгиня Вера Константиновна, младшая сестра Татьяны, вспоминала: «Когда Теймураз и Натуся кончили школы и сделались самостоятельными, сестра моя в 1946 году постриглась в монахини, и постриг её Блаженнейший Митрополит Анастасий под именем Тамары. Она уехала в Иерусалим и сперва монашествовала в Гефсимании. С 1951 года она игумения Вознесенского Елеонского монастыря».

Так закончила мирскую жизнь Светлейшая княгиня Татьяна Константиновна и возродилась в жизни иноческой, именем общим воссоединяясь со своей святой покровительницей. В тропаре прославленной во святых Иверской царице Тамар есть строка: «...благоверная царице Тамаро, на горах высоких храмы воздвигшая, да в них моления воссылают ко Господу».

Спасо-Вознесенский женский монастырь стоит на самой вершине Елеонской – Масляной горы, а у её подножия расположен православный храм во имя Марии Магдалины*, где нашла упокоение Великая княгиня Елизавета Фёдоровна, дорогая тетя Элла, настоятельница основанной ею Марфо-Мариинской обители.

Инокinya Тамара управляла монастырем до 1975 года. В Спасо-Вознесенской обители, называемой «Русской лампадой» или «Русской свечой», в начале 50-х годов жили 120 монахинь, в основном преклонного возраста. Архиепископ Серафим, посетивший монастырь, тепло описал божиих стариц: «Старенькие они, немощные, нищие и убогие, а вместе с тем какая это духовная сила и какая помощь нашей Зарубежной Церкви от их горячей, неустанной, смиренной общей молитвы. Да, это, несомненно, мудрые девы, у которых светильники полны чистого, благовонного, молитвенного еля. Русская лампада, по милости Божией, не угасает на Святой земле!.. Обходил я кельи этих старушечек. Их предупредили, и они изготовились, как могли: прибрались, почистились...»

Княгиня Вера Константиновна

*Храм во имя Марии Магдалины воздвигнут усердием супруга Великой княгини Елизаветы Фёдоровны Великого князя Сергея Александровича, Председателя Палестинского общества, в память своей Матушки Императрицы Марии Александровны. Когда супруги вместе посетили храм, Елизавета Фёдоровна сказала, что хотела бы здесь быть похороненной. И Господь упокоил её в этом месте.

В 1958 году в присутствии представителя короля Иордании Хусейна в обители отпраздновали столетие Русской духовной миссии на палестинской земле. Неустанно молилась игуменья Тамара о спасении и духовном возрождении своей родины. 28 августа 1979 года, на праздник Успения Пресвятой Богородицы, она преставилась ко Господу, оставив светлую память о своей благородной, чистой, доброй душе.

Где находится могила легендарной грузинской царицы Тамары, точно неизвестно. Одна из версий сообщает, что царица завещала своему сыну вывезти её тело в Иерусалим, и царевич выполнил просьбу. Если верить документам канцелярии папского двора в Ватикане, святая Тамара Иверская похоронена в Иерусалимском монастыре Святого Креста. Как странно переплелись судьбы двух женщин, живших в разные века, но нашедших упокоение в одном месте – на Святой земле. Воистину, пути Господни неисповедимы.

ВЕТВЬ НИКОЛАЕВИЧЕЙ. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ-СТАРШИЙ

В апреле 1891 года в Алушке умер Великий князь Николай Николаевич, третий сын Императора Николая I. Мучительная болезнь отравляла его существование: он плохо ел, был раздражителен, временами впадал в бешенство и никого не узнавал. В этом исхудавшем, полубезумном старике трудно было узнать прежнего Великого князя, высокого, по-военному подтянутого, волевого генерал-фельдмаршала.

С юных лет Великий князь Николай Николаевич (в семье его называли Низи) готовил себя к военной службе, особенно интересуясь инженерным делом: учился в Первом кадетском корпусе, служил в лейб-гвардии Конном полку, в 1852 году, в чине генерал-майора, был назначен генерал-инспектором по инженерной части, а также командиром бригады в 1-й лёгкой гвардейской кавалерийской дивизии. Боевое крещение Николай Николаевич принял в Крыму, участвуя в Инкерманском сражении. Трагические события того дня оставили тяжёлое впечатление и натолкнули на глубокие размышления о роли военачальника в бою.

Как же сложился тот день, 24 октября 1854 года? По составленной князем Меншиковым диспозиции отряды генерала Соймонова должны были выступить задолго до рассвета от Севастополя, перейти Килен-балку и оказаться перед противником в 6 часов утра; войско генерала Павлова, выступив несколько позже от Инкермана, должно было «быстро следовать» на соединение с Соймоновым. Диспозиция сама по себе могла быть и хороша, но, как известно, выигрывает сражение не тот, кто её составил, а тот, кто взял на себя ответственность за выполнение и кто на самом деле реализовал задуманное. А вот как раз ответственность главнокомандующий Меншиков брал на себя и не хотел, ему нужен был человек, на которого возможно было бы свалить всю вину в случае неудачи. Таким человеком стал генерал от инфантерии Данненберг, прибывший в Крым накануне сражения и не знавший даже местности. А карты порядочной ни Сапун-горы с её отрогами, ни Килен-балки, ни Чоргуна, ни всей долины Чёрной речки, ни переходов от инкерманских развалин к тем склонам Сапун-горы, которые были обращены к Севастополю, в штабе у Меншикова не оказалось. Военный министр князь Долгоруков отказался прислать из Петербурга нужную карту, потому что она – «единственная». В конце концов карту прислали, но она пришла на другой день после сражения, когда была уже не нужна. Да и полководческими талантами Данненберг никогда не отличался, отдавать в руки такого человека управление боем – преступление; но не о жизни солдат, не о судьбе Севастополя, не о Родине думал Меншиков. Он, не веривший даже в благоприятный исход битвы, заботился о том, как оправдаться перед Государем.

В течение всего этого трагического дня сам Меншиков находился с Великими князьями Николаем и Михаилом у верховьев Георгиевской балки, очень далеко от поля сражения, и никаких распоряжений не отдавал. Вот что писал уже после побоища Николай Николаевич своему брату Александру, Наследнику престола: *«Дело началось в ½ 7-го утра, а князь вышел только тогда из дома, так что мы у Инкерманского моста его ждали, а первую позицию уже наши брали, а мы оттуда всё время смотрели... Мы всё время с князем оставались на правом фланге, и ни разу ни один из генералов не присылал донесения князю о ходе дела, так что князь, сделав распоряжение для укрепления нашей позиции ретраншементами для орудий и стрелков, поехал посмотреть, что делается на левом фланге, но на половине дороги он встретил Данненберга, который объявил князю, что он приказал войскам отступить, ибо огонь неприятельский усилился и был ужасно артиллерийскую прислугу. После этого князь совсем потерялся».*

С рассвета над Севастополем висел густой туман. Взобравшись по сырým и крутым склонам балки, русские полки под командованием храброго боевого генерала Соймонова застигли англичан врасплох. Они выбили противника из его укреплений, но не смогли удержать и отступили. Однако преимущество русских было скоро восстановлено, когда с противоположной стороны, из Инкермана, подошёл, хотя и с часовым опозданием, 16-тысячный отряд генерала Павлова. Изнурённые англичане уже готовы были признать себя побеждёнными, но им на выручку поспешил французский генерал Боске. Под натиском его армии русские стали отступать, отчаянно оглядываясь – не идёт ли помощь? Но помощи не было. А в это время неподалёку, у Чоргуна, стояли полки князя Горчакова, их вмешательство могло бы изменить ход событий, но приказ не поступил, а проявить инициативу князь не посмел... Отстреливаясь, русские войска медленно отходили под губительным артиллерийским огнём, теряя именно тут гораздо больше людей, чем в самые трудные минуты своего утреннего победоносного натиска. Французская картечь расстреливала их в упор. Инкерманское сражение было проиграно. Хотя при умелом руководстве его исход мог оказаться совсем иным. Об этом русским военачальникам сказал позже французский генерал Мортанпре, начальник штаба французской армии: *«...главное дело на Инкермане было бы вами (русскими) выиграно, – английская армия была уже на волоске, едва держалась, несмотря на то, что ваши войска медленно шли вперёд и пропустили первый момент. День этот всё-таки кончился бы совершенным поражением англичан, следствием которого было бы снятие осады».*

К вечеру прекратился дождь, так досаждавший сражавшимся днём. туман рассеялся, наступила лунная, светлая ночь. При ярком свете луны бродили по оставшимся за неприятелем местам побоища фельдшеры и солдаты с носилками, подбирая раненых. Им казалось, что неумолкаемым хором стонет вся земля, сколько её охватывал глаз и сколько мог уловить слух. Склоны и возвышенности Сапун-горы были покрыты телами людей и лошадей: из-

раненные, искалеченные люди, с перебитыми руками и ногами, с выбитыми глазами, с вывалившимися внутренностями, лежали долгими часами – их было так много, что невозможно было сразу всем оказать помощь.

Великие князья Николай и Михаил сочли своим долгом находиться в эту трудную минуту среди солдат. Из трагических событий дня они вынесли немалые уроки и верно поняли причины поражения. В письме Цесаревичу Александру Великий князь Николай так описывает события: *«Но несмотря на то, что полки смешались, они всё лезли вперёд и гнали всё, что было перед ними, взяли два ряда завалов и только тогда остановились и тихо начали отступать, когда на них пошли 4 большие неприятельские колонны. Тут были войска всех трёх наций, англичане, французы и турки, и перед колоннами густая штуцерная цепь из 4000 человек, которая открыла ужасный и губительный огонь; несмотря на то, что наши медленно отступали и ни один человек не бежал, все успели отступить через дефилеи. Причина беспорядков ещё та, что превосходство оружия союзников ужасно велико, особенно штуцерные англичан, ибо у них пехота, вместо обыкновенных ружей, имеет ружья Минье и, кроме их, ещё штуцера, которые дьявольски далеко берут: далеко дальше, чем орудия, и потом орудия неприятеля стреляют дальше, гораздо дальше, чем наши батарейные орудия. Все войска до одного дрались героями, – это мне несколько раз говорил сам Данненберг, лезли вперёд, несмотря на губительный огонь. Твой полк и Тарутинский были на батареях, заклепали орудия, но не было возможности удержаться ради штуцерного огня. После дела, когда вернулись из Севастополя, мы зашли к князю, и он был опять ужасно упавши духом и опять повторил, что войско не дралось; тогда я осмелился сказать князю: “Ваша светлость, вы с войском сегодня не говорили, а мы ходили по батальонам и с ними разговаривали, так весело было их слышать, в каком были духе. Точно, они не были, а сделались зверями после штыковой работы, и я видел в знаменных взводах Екатеринбургского полка, 1-го батальона, множество штыков в крови, и все навесились английскою амунициею, а офицеры взяли их штуцера и патроны и ими сами действовали”. Беспорядок, в котором находились все дела у Меншикова, паразителен, штаба у него нет, а есть три человека, которые “работают эту должность”... так что, если что узнать хочешь, – не знаешь, у кого спросить. ...Я говорил с людьми, и они нисколько не потеряли духа, и все громко говорили, что готовы лечь до последнего... Этот полк брали с правого на левый фланг, там он дрался и потом опять на правый, так что люди выбились из сил... Все это доказывает, что был беспорядок в распоряжениях и не было единства».*

Увиденное на войне запомнилось юным князьям на всю жизнь: «Как очевидец этого дела, – писал Николай Николаевич, – я сохраню во всю жизнь мою впечатление, вынесенное мною в те страшные минуты... Между нами не мало нашлось лиц, у которых шинели стали истинным подобием решета... Кто не вспомнит... потрясающий подвиг стрелка рядового Поле-

нова, который, истощив в борьбе с неприятелем последние силы, чтобы не отдаться в плен, бросился с крутой скалы и разбился».

31 октября 1854 года в Гатчину курьер доставил первое донесение Меншикова об Инкерманском сражении. Николай I держал себя в руках и не хотел обнаруживать слабость, хотя люди, окружавшие Царя, видели, до какой степени он угнетён. Однако он старался ободрить главнокомандующего, вот что написал он Меншикову в самый день получения роковой вести: *«Не унывать, любезный Меншиков, начальствуя Севастопольскими героями, и имея в своём распоряжении 80 000 отличного войска, вновь доказавшего, что нет ему невозможного, лишь бы вели его как следует и куда должно: с такими молодцами было бы стыдно и думать об конечной неудаче. Скажи вновь всем, что я ими доволен и благодарю за прямой русский дух, который, надеюсь, никогда в них не изменится. Ежели удачи досель не было, как мы могли ожидать, то, Бог милостив, она быть ещё может. Милосердие Божье велико для тех, которые неизменно на него уповают! Бросить же Севастополь, покуда ещё есть 80 000, в нём и под ним стоящих, ещё живых, было бы постыдно и помышлять, значило бы забыть долг, забыть стыд и не быть русскими, потому этого и быть не может, и я не допускаю сего даже и в мыслях. Пасть с честью, но не сдавать и не бросать. Больше не пишу, ибо не знаю, что и писать; твой Биллебрант на словах прочее передаст. Я счастлив, что Бог сохранил моих двух рекрут и что они себя показали, как и долг и звание требовали. Кончаю, чем начал, не унывать ради Бога! Никому, а тебе, вождю, менее всякого другого, ибо на тебя все глядят и твой пример других должен увлекать к исполнению долга до последней крайности»*. Под «рекрутами» он понимал двух своих сыновей, Николая и Михаила. Великие князья вели себя достойно – пулям не кланялись, в штабах не отсиживались и заслуженно получили награду – ордена Святого Георгия IV степени.

С января 1855 года Николай Николаевич руководил всеми инженерными работами, укреплениями и батареями на северной стороне Севастополя на участке от Константиновской батареи до Мекензиевых гор. В том же году он стал членом Государственного совета.

Карьера Великого князя складывалась удачно, матушку Императрицу

**Орден Св. Георгия
IV степени. 1850 г.**

Александр Фёдоровну беспокоило лишь легкомысленное поведение сына: высокий, привлекательный, он легко покорял женские сердца. Возможно, женитьба остепенит Николая. В невесты присмотрели семнадцатилетнюю принцессу Александру-Фредерику-Вильгельмину, старшую дочь герцога Ольденбургского, не блиставшую красотой, но умную, хорошо образованную, милую и очаровательную в своей чистоте и невинности. На одном из приёмов в Красной гостиной Аничкова дворца Николай Николаевич сделал Александре предложение: «Хотите сделать моё счастье?» И она ответила согласием.

Чтобы стать женой царского сына, Александра, лютеранка по вероисповеданию, должна была принять православие. А.Ф. Тютчева такой увидела принцессу во время церемонии в церкви Зимнего дворца: «Сегодня (26 декабря 1855 года) молодая принцесса Ольденбургская перешла в православие, она, по-видимому, принимала значение этого акта, который совершала, и казалась глубоко сосредоточенной. Она была одета в белое атласное платье и очень просто причёсана. Выглядела она некрасивой: волнение дурно отражается на цвете её лица, а это единственное, что в ней хорошо. Черты лица у ней грубоваты и очень неправильны, но выражение чистоты, искренности и мягкости привлекает к ней симпатии». Пышную свадьбу отпраздновали в июне 1856 года. Фрейлина Тютчева записала в дневнике: «Государь и государыня в восторге от этой свадьбы, ...так как принцесса Александра, кроткое симпатичное существо, должна оказать хорошее влияние на князя. Надо надеяться, что в своём почётном положении мужа великий князь образумится. Это ему совершенно необходимо, так как он провёл свою жизнь в далеко не блестящем умственными интересами обществе фрейлин своей матери».

Александра Петровна.
Гравюра середины XIX в.

Вначале супружеская жизнь Николая Николаевича и Александры Петровны складывалась вполне удачно. У Великокняжеской четы родился первенец, названный в честь отца и деда Николаем. Семья поселилась в великолепном Николаевском дворце, лето проводили в имении Знаменка под Петергофом, осенью приезжали в Крым. О нескольких днях, проведённых Великим князем Николаем Николаевичем в октябре 1857 года в Ореанде, сохранилось донесение смотрителя Козьмина: «Н.Н. старший по случаю проезда своего через Южный берег посетил Ореандское имение. Великий князь обозрел город Севастополь и его окрестности, прямо из Байдар следовал верхом безостановочно по Южному берегу и изволил со свитой прибыть в Ореандский дворец 12 октября в 6 часов вечера и остановился в комнатах в Бозе почившего Своего Родителя, а свиту приказал разместить по комнатам верхнего же этажа дворца. После обеденного стола Его Высочество, обозрев Дворец и сад, возвратившись, приказал вместо чая подать земляники со сливками, и в 10 часов лёг спать.

13-го числа утром Его Высочество со свитой прогуливался по саду пешком и на лошадях, а после чая изволил охотиться в Ореандском зверинце. После большого завтрака Его Высочество со свитой выехал в 2 час. 30 мин. в Алупку, где имел обеденный стол, а вечером при иллюминации кушал чай, ночлег же имел в Ореанде.

14 октября Великий князь после чая делал в Ореандском зверинце большую охоту с загонщиками, потом обходил сад, где и назначал работы, после обеденного стола сего числа в 4 часа по полудни благополучно выехал из Ореанды на Симферополь в Санкт-Петербург».

Парк стоял в золотом осеннем наряде, пожалуй, он несколько не уступал по красоте парку в Алушке. Но он станет ещё лучше, если устроить по всему саду скамейки, клумбы украсить пнями и живописными камнями, которые покрывал бы вьющийся плющ или клематис, хорошо было бы провести вдоль дорожек парка ручейки, выстлав дно морскими камешками. У западного фасада дворца, на овальном газоне Николай Николаевич предложил посадить ливанский кедр, а по сторонам четыре павлонии – их крупные, розово-фиолетовые, дивно пахнущие цветы будут радовать обильным цветением в мае, когда в Ореанду приезжают на отдых Романовы. А на длинной клумбе хорошо будут смотреться хвойные деревья и душистые акации. Николай Николаевич оставил много советов и пожеланий, часть из них воплотили.

Великий князь с успехом продвигался по службе: в 1859 году он назначен командиром Гвардейского резервного кавалерийского корпуса, в 1867 году – Главнокомандующим войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов Царь доверил

**Великая княгиня Александра Петровна
с сыном Николаем**

младшему брату ответственную должность главнокомандующего действующей Дунайской армии. За взятие Плевны Великий князь Николай Николаевич был награждён орденом Святого Георгия I степени и пожалован званием генерал-фельдмаршала. В армии его уважали и любили за благородство, умение обращаться с людьми, отеческую заботу о подчинённых, деловую требовательность. Генерал от инфантерии Н.А. Епанчин свидетельствовал: «Величественная осанка, чисто уставная, большой рост, звонкий голос, воинственный вид... но главное – умение привлечь сердца, умение кстати сказать нужное слово, ласково пошутить, подбодрить – всё это производило чарующее впечатление... добрый, благожелательный, сердечный, в высшей степе-

ни обходительный, за всю жизнь никого не обидел, никому не сделал зла, это был джентельмен, рыцарь, по-русски “витязь”».

О полководческих талантах Главнокомандующего истории спорят до сих пор, да и современники расходились во мнениях. Историк А.А. Керновский считал, что «человек обаятельный, любивший войска и любимый ими, великий князь не был полководцем... Ответственной должностью главнокомандующего явно превышала силы и способности великого князя Николая Николаевича. У него отсутствовало первое и основное качество полководца – сила духа. Он терял голову при неудачах...» А князь Д.А. Оболенский накануне вступления России в войну с Турцией писал: «Великий князь Николай Николаевич назначен главнокомандующим: на этого великого князя, не знаю почему, я возлагаю великие надежды. Он, говорят, хороший кавалерийский генерал, и его солдаты любят. Ума он большого не имеет, но прост, без претензий, и хотя слаб по женской части и этим много себе повредил, но смотрится молодцом. О стратегических его способностях, разумеется, судить нельзя, но ежели Богу угодно будет благословить наше дело, то он даст способности и не имеющему оных, и ежели сам великий князь не заслужил милостей от Бога, то зато жена его – великая княгиня Александра Петровна – уже, несомненно, на хорошем счету у Него... Эта женщина – необыкновенное явление. Здесь над нею в высшем обществе смеются, и она подаёт к этому повод, ибо относится ко всем светским и придворным приличиям с открытым презрением. Она является среди двора какою-то юродивою или блаженною. И она действительно такова, и это в ней неподдельно. При этом она не просто юродивая, а русская юродивая, со всеми инстинктами, вкусами и симпатиями самой простой русской женщины. Но сколько она делает добра и как она это делает – про это знают только ею облагодетельствованные. Всё это представляется мне столь необыкновенным, что я готов думать, что в этом чудачестве есть что-то предзнаменательное».

Серьёзная, сосредоточенная на внутренней духовной жизни, Великая княгиня Александра Петровна сторонилась великосветского шумного общества, на приёмах и балах присутствова-

Великий князь
Николай Николаевич-старший

ла, если это было необходимо, не любила пышных нарядов, предпочитая скромные платья. Благотворительные дела – вот чем Александра Петровна занималась с увлечением и энергией. Еще в 1854 году она стала действительным и почётным членом Императорского Женского патриотического общества, в деревне Знаменке открыла медицинский пункт, в котором бесплатно лечили окрестных крестьян, нередко сама вела приём, делала перевязки и посещала больных на дому. В 1858 году при поддержке супруга основала в Галерной гавани Васильевского острова Покровскую общину сестёр милосердия, при которой открыли детский приют для сирот и больницу. Окончив обучение, сёстры приносили присягу, клялись служить с искренним смирением, милосердием и любовью к ближнему. Во время Русско-турецкой войны Александра Петровна на свои средства организовала санитарный поезд. Современники свидетельствовали, что «во дворце... Главнокомандующего южною армией открыты залы всем желающим бесплатно работать для оказания помощи раненым; в залы эти ежедневно собирается большое число представителей высшего общества. По праздникам в залах этих работает много девушек из магазинов и швейных мастерских».

Однако со временем отношения между Николаем Николаевичем и Александрой Петровной изменились. Великому князю нравились женщины светские, с лёгким и весёлым нравом, прелестницы и чаровницы, как его невестка Александра Иосифовна, жена брата Константина, блиставшая красотой и изысканными нарядами. Его собственная супруга, располневшая, не умеющая украсить себя модными туалетами, редко и неохотно появляющаяся в обществе, вызывала раздражение. Николай Николаевич свободное время предпочитал проводить не в семейном кругу, а в театре среди воздушных, нежных и доступных созданий – балерин.

После рождения второго сына Петра в 1864 году супружеская жизнь Николая Николаевича и Александры Петровны окончательно разладилась. Спустя год Великий князь узрел на сцене молоденькую танцовщицу, смешливую, милую, нежную, Катеньку Числову. Их лёгкий роман перерос в серьёзные отношения, по сути, у Николая Николаевича образовалась вторая семья, в которой родилось четверо детей. Для возлюбленной князь снял дом в Петербурге на Почтамтской улице, где и проводил всё время, совершенно забросив опостылевшую жену. Александра Петровна пыталась повлиять на неверного супруга, но безуспешно; казалось, после каждого скандала Николай Николаевич ещё больше её ненавидел.

Александр II, узнав о том, что у брата Николая незаконнорождённые дети, разгневался и повелел Екатерине Гавриловне Числовой немедленно уехать из столицы в городок Венден под Ригой. Такой поворот событий обескуражил Николая Николаевича: жизни без любимой Катеньки он не представлял, а потому действовал быстро и решительно. Он обвинил свою жену в супружеской измене с духовником Великой княгини протоиереем Василием Лебедевым и выгнал из Николаевского дворца, отняв все драгоценности, туалеты, даже свои подарки. Несчастную Александру Петровну приютили родственники.

Униженная, оскорблённая, она пробовала найти защиту у Государя, но тому не хотелось копаться «в грязном белье». Не выслушав невестку, он велел ей отправляться за границу для лечения и в Россию без «особого уведомления» не возвращаться. Правда, все расходы по содержанию Великой княгини Царь взял на свой счёт.

Лечение Александре Петровне действительно было необходимо. Однажды лошади понесли и опрокинули экипаж, в котором ехала Великая княгиня; травма оказалась серьёзной: повреждение позвоночника. Разлад в семье, сильные душевные переживания отразились на здоровье – отказали ноги. В 1879 году Александра Петровна покинула Петербург и несколько лет лечилась на курортах Неаполя и острова Корфу. Однако все усилия врачей оказались безрезультатными, передвигаться самостоятельно она так и не смогла. Вдали от родины Великая княгиня чувствовала себя бездомной и неприкаянной, поэтому обратилась уже к новому Императору Александру III с письмом-просьбой: *«Прости великодушно, что я дерзаю беспокоить Тебя настоящим письмом. Милости ко мне Незабвеннейшего моего благодетеля велики, и Ты по своему благосердию повелеваешь продолжить таковые милости. К сожалению, здоровье не поправляется, ожидаемых благоприятных результатов нет. Мне хуже, чем было при отъезде. Пережито много весьма тяжёлого. Ужасающая катастрофа 1-го марта. Это останется вечной раной сердца. Перед этим в январе, в Неаполе, во время посещения дяди Низи пережито то, что не желаю злейшему врагу, и всё это, и упадок сил всё возрастающий, получаемый после нашего перехода, и притом сильнейшая тоска по родине, убивает последние силы.*

Тянет и влечёт на благодатную родину. Выказав всё это, умоляю Тебя позволить мне возвратиться на Русь Святую и потихоньку, с помощью Божией, через Николаев и Одессу достигнуть Киева. Ты хорошо знаешь, что я сама по себе нищая, живу Царскими благодеяниями, стало быть, поселиться на осень и зиму в Киеве всецело зависит от Твоей воли и Твоих щедрот.

Жить в Петербурге при моём тяжёлом недуге и при настроении в нашем Доме, при моей слабости – губительно, и доктор всё ещё не унывает, надеясь на восстановление параличного состояния обеих ног и правой руки. Да и левая очень слабеет.

Единственная надежда на исцеление – это покойная жизнь. Пожить в Святом Киеве для меня было бы душевною отрадою. Я слышала, что там есть незанятый дворец. Может быть, Ты благосердно примешь мою просьбу. Надеюсь, что хватит жизненных сил добраться до Киева, поклониться святыне. Всё зависит от Тебя! Силы уходят и мне более чем, кому-либо надо помнить о смерти, и потому прошу Тебя любвеобильно выслушать вопль моего сердца...

Я взываю к Твоему благосердию. Пишу Тебе моё предсмертное письмо. Великое Тебе и Минни спасибо за Вашу ко мне дружбу. Да хранит Вас и деточек Небесная Владычица от всякого зла. Нежно обнимаю Вас, пишу насилу. Всем сердцем преданная Тебе Тётя Саша».

Великая княгиня Александра Петровна.
1870-е гг.

В 1881 году Александра Петровна поселяется в Киеве. Одинокая, прикованная болезнью к инвалидной коляске, она находит утешение в молитвах и чтении Псалтири – «источнике вечного радования». Так продолжалось девять лет. Слабый человек смирился бы со своей несчастной долей, но не такова была Великая княгиня: энергичная, сильная духом, она желала оказывать помощь страждущим и неимущим людям. Но как это сделать? Александра Петровна решила основать женский монастырь. Не традиционный, насельницы которого проводили бы время в молитве вдаль от мирской суеты, – в её обители все нуждающиеся

должны получать действенную помощь. «Монастырь без просвещения – это рабство. Монашество должно быть живое, любвеобильное, а любовь должна быть деятельной, – считала Великая княгиня. – Жизнь в келии, занятия рукоделием, чтобы лишь прокормить себя, – такая жизнь непривлекательна. Кроме общей пищи и одеяния, нужно полное общение духом, нужно большое дело».

На Лукьяновке, на склоне Вознесенской горы Александра Петровна купила земельный участок и начала обустраивать Спасо-Покровский монастырь. 11 января 1889 года состоялось освящение будущей обители. А спустя год здесь уже красовались Покровская церковь и двухэтажное здание больницы*, позже построили бесплатную лечебницу и аптеку, приюты для слепых женщин и девочек-сирот и множество хозяйственных построек. Александра Петровна жила здесь же, в монастыре. Её день начинался в

**В 1898 году в Киеве проходил съезд естествоиспытателей и врачей. Его участники посетили больницу Покровского монастыря и пришли в немалое восхищение. Варшавский профессор М. Зенц писал: «Каждый кабинет снабжён всеми необходимыми принадлежностями по своей специальности. Чистота, свет, воздух и, если угодно, роскошь не оставляют желать ничего лучшего. Всех кабинетов я насчитал 12, в которых, судя по списку, принимают 20 врачей. Один из кабинетов предназначен для отдохновения врачей и обставлен так, как обставляют кабинеты у богатых людей. Все обязанности сестёр милосердия при этой амбулатории исполняют монахини... Между прочим, при больнице имеется единственный в Киеве кабинет для снятия фотографий лучами Рентгена, служащий целям не только этой, но и других киевских больниц».*

четыре часа утра и заканчивался глубоко за полночь. Хлопот было много: сама разрабатывала планы построек, вела счета, выхаживала больных, ассистировала при операциях, выписывала и внимательно читала все медицинские журналы, внедряя новшества, следила за порядком в больнице, за питанием больных. Без благословения Великой матушки, так любовно называли Александру Петровну в монастыре, не посажено ни одного деревца, не вбито ни одного гвоздя.

За любовь, за то, что дарила людям счастье обретения здоровья, Александра Петровна получила вознаграждение. Неустанно молясь перед образом Почаевской иконы Божией Матери, она чудесным образом исцелилась. В монастырь прибыла на коляске, а там, словно возродившись к новой жизни, начала ходить.

Тем временем Великий князь Николай Николаевич в 1880 году из-за болезни оставил должность командующего Петербургским военным округом и всеми гвардейскими частями. После восшествия на престол Император Александр III, не питавший к дядюшке Низи добрых чувств, уволил Великого князя со всех постов. Но, опытный военный, Николай Николаевич принимал участие в работе различных комиссий, инспектировал войска, посещал Офицерскую кавалерийскую школу, которую называл «дорогим своим детищем». Екатерина Гавриловна вернулась в Петербург и стала полноправной хозяйкой Николаевского дворца. Великий князь просил Александра III придать его второй семье законный статус. В 1883 году Государь пожаловал Екатерине Числовой и её детям дворянское достоинство и новую фамилию Николаевы.

Со временем страсти улеглись, и Николай Николаевич снова зачастил в театр, к молоденьким танцовщицам. Но Екатерина Гавриловна измены терпеть не собиралась, она устраивала князю скандалы, в ярости бросала фарфоровые предметы и хлестала фельдмаршала по щекам. В свете только и разговоров было о необузданном нраве Екатерины Числовой; князя, как ни странно, жалели. Генеральша А.В. Богданович, любительница модных сплетен, записала в дневнике в октябре 1888 года: «Этой осенью – Николай Николаевич тогда выехал из Знаменки, распростился со всеми и переехал на ночь в Петербург – вдруг в ту же ночь прислугу Знаменки будят и го-

Екатерина Гавриловна Числова

ворят, что Великий князь вновь приехал с Числовой. Она направилась в его комнаты и в присутствии его камердинера Зернушкина стала вытаскивать всё из столов, из комодов, бросать всё на пол и кричать, что она найдёт всё, что ей нужно; что она должна удостовериться, есть ли у него любовные интриги. Зернушкин затем говорил, что жаль было смотреть на Великого князя, — он был сильно расстроен, всё просил собирать его вещи, чтобы другие не видели этого беспорядка.

Теперь он запретил подавать себе письма, всю его корреспонденцию несут к ней, она за ним устроила целый строгий надзор. Великий князь рано встаёт, Числова — в 3 часа, и она ему не позволяет идти спать ранее 2 часов и более, а если он уснёт в кресле, она так сердится, что заставляет его ложиться ещё часом позже. Вот деспот! Как он всё это терпит!»

Сколько бы ещё смог сносить выходки возлюбленной Николай Николаевич, неизвестно, но Числова заболела и умерла 3 декабря 1889 года от рака пищевода. Князь искренне горевал, плакал и заказывал заупокойные службы. В том же году у него обнаружили злокачественную опухоль десны (костоед). Лечение не помогало, после военных маневров под Ровно по настоянию Александра III Николай Николаевич уехал в Крым. После его смерти Император писал Цесаревичу Николаю: *«Еле успели мы похоронить бедную тётю Ольгу, как опять новая кончина бедного дяди Низи в Алушке, но эта смерть скорее была желательна; в таком страшно печальном положении находился он всё последнее время, почти в полном идиотизме. И для всех окружающих его это была чистая каторга и тяжёлое испытание. Я всё ещё не могу забыть, в каком грустном состоянии мы его оставили при прощании в августе в Ровно, а потом оно шло всё хуже и хуже, и в Алушке он уже не жил, а прозябал».*

Александра Петровна знала о болезни супруга, следила за его состоянием, понимая, что выздоровления не будет, заботилась о его душе. В письме от 16 октября 1890 года она писала сыну Петру Николаевичу: *«Милый дорогой Пётр!.. Здоровье твоего бедного отца безвозвратно погибло, таково мнение врачей — и при этой болезни жить можно долго, медленно впадая в идиотизм. Меня тяготит мысль, что при настоящем положении ещё не уловили минуты для приобщения Св. Таинств. Молю Господа да дарует он Всеблагий мирную, христианскую кончину бедному страдальцу, страдальцу не физическому, ибо таковых страданий, вероятно, нет. Сегодня выехал из Алушки мой брат Алек, он сообщит все подробности».*

На похороны мужа Александра Петровна не приехала, но поминала его в молитвах. В письме она просит и сыновей не забывать о душе их отца: *«В 40 дней после кончины твоего родителя предполагаю иметь Архиерейское заупокойное служение. Псалтырь поставила особый, где день и ночь непрерывно читается псалтырь о упокоении души новопреставленного. На каждой литургии ежедневно кроме этого литию и панихиду. Твори те милостыню о упокоении души Вашего Родителя. Лучше в ресторане подешевле обедать, а кормить нищих за упокой его души. Я писала Нико-*

лаше, Вам что-нибудь пожертвовать в обитель на поминовение. Цифры указать не могу – милостыня это свобода. Господь принимает усердие и чистоту помысла, а не количество денег».

Сыновья Николай и Пётр часто навещали Александру Петровну в Киевском Свято-Покровском монастыре и поддерживали матушку в её подвижнической деятельности. В 1896 году в обители начали возводить храм во имя святителя Николая, эскизный проект фасадов которого подготовил Пётр Николаевич. На торжественной церемонии закладки присутствовала Царская чета Николай II и Александра Фёдоровна. Государь пожертвовал крупную сумму на расширение больницы и распорядился отпускать из казны ежегодно 80 тысяч рублей на содержание монастыря.

Однако жизнь человека не бесконечна. Тяжёлое онкологическое заболевание забирало физические силы Александры Петровны, но не могло сломить дух. «Нужно уметь жить, носить в себе счастье, чтобы других сделать счастливыми. Нужно держаться за идею. Другой на моём месте считал бы себя самым несчастным человеком, а между тем сколько счастья и блага в нашем деле служения церкви, народу и страждущей братии!» Несколько операций в монастырской больнице, лечение за границей не принесли облегчения. Александра Петровна тихо отошла в мир иной 13 апреля 1900 года, в тот же день и час, что и её супруг девять лет назад. Ещё в марте 1889 года княгиня составила завещание: «Смиренно прошу Вседержавнейшего Отца и Благодетеля моего дозволить погребсти моё тело на восточной стороне храма Пресвятой Богородицы в моей обители в г. Киеве под открытым небом, не делая в земле никакого приспособления, в простом сосновом гробу... Прошу отпевать меня без всякой мирской славы, суетности и без всяких венков

Великая княгиня Александра Петровна, в иночестве Анастасия

и цветов. При погребении и вообще после моей кончины прошу именовать меня рабою Божиею Александрою или иным именем, если я когда-либо сподоблюсь монашеского пострижения. Над могилою прошу поставить весьма небольшой и самый дешёвый каменный крест, вделав в него икону Царицы Небесной, полученную мною на Св. горе Афонской, работы иеродиакона Лукиана, – на кресте надпись: тут покоится прах рабы Божией Александры...» Из завещания узнали и о том, о чём давно догадывались в Петербурге и Киеве: после смерти супруга Александра Петровна тайно приняла иноческий постриг с именем Анастасия.

Император Николай II позволил похоронить Великую княгиню Александру Петровну на монастырском кладбище. Её простая, скромная могила сохранилась; на каменном кресте надпись: «Основательница Киево-Покровского монастыря инокиня Анастасия», живые цветы украшают это место даже зимой.

Решением Священного Синода Украинской Православной Церкви от 24 ноября 2009 года инокиня Анастасия, в миру – Великая княгиня Александра Петровна, причислена к лику местночтимых святых.

Покровский монастырь – одно из самых замечательных царских мест Киева – счастливо сохранился до наших дней. В 1923 году обитель была упразднена, разграблена, но не уничтожена, осенью 1941 года она возродилась вновь и больше не закрывалась. Правда, монастырская усадьба за годы советской власти значительно сократилась, из 30 построек осталось 7, остальные либо разрушены, либо переданы другим организациям. Однако, несмотря на трудности, монастырь возрождается к новой жизни, дух матушки Анастасии помогает его насельникам.

ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ НИКОЛАЙ И ПЕТР НИКОЛАЕВИЧИ, ХОЗЯЕВА ИМЕНИЙ ЧАИР И ДЮЛЬБЕР

В судьбах сыновей Николая Николаевича и Александры Петровны Николая и Петра Крым играл особую роль: эта благословенная земля стала для них вторым домом, здесь они построили великолепные дворцы и наслаждались счастливой, спокойной семейной жизнью, пока революционный вихрь не заставил их покинуть Россию, как оказалось, навсегда.

Родные братья Николай и Пётр, оба умные, незаурядные, талантливые, обладали совершенно разными характерами. Николай Николаевич-младший, энергичный, честолюбивый, вспыльчивый, часто несдержанный и резкий в общении, с юных лет был увлечён военным делом и стал выдающимся военачальником. Окончив в 1873 году Николаевское инженерное училище, он начал службу в чине прапорщика в учебном пехотном батальоне, а вскоре командирован в учебный кавалерийский эскадрон. В 1876 году Николай Николаевич окончил с серебряной медалью Николаевскую академию Генерального штаба, ведущее военно-учебное заведение России, его имя было занесено на мраморную доску. За отличие в учёбе Великий князь также был повышен в чине – досрочно произведён в капитаны, причислен к Генеральному штабу. Во время Русско-турецкой войны 1877-1878 годов состоял при штабе своего отца Николая Николаевича-старшего, Главнокомандующего действующей армией. Молодому офицеру поручили ответственное задание: произвести рекогносцировку берегов Дуная в районе Зимницы с целью выбора места переправы войск. Он справился отлично, а когда в составе дивизии генерала М.И. Драгомирова форсировал Дунай, под перекрёстным огнём противника повёл за собой солдат, крича: «Ребята! Что кланяться, что не кланяться пулям, кому жить – не тронет, кому нет – не простит!» За отвагу Николай Николаевич был награждён орденом Св. Георгия IV степени, а за участие в штурме Шипкинского перевала получил золотое оружие с надписью «За храбрость» и был досрочно произведён в полковники. После окончания войны Николай Николаевич служил в лейб-гвардии Гусарском Его Величества полку, получив в 1885 году чин генерал-майора.

Николай Николаевич-младший

**Великий князь
Николай Николаевич.
Конец 1870-х гг..**

управления высшими военными и морскими ведомствами, согласования их деятельности с деятельностью других правительственных учреждений. С октября 1905 года Великий князь – командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Политическая деятельность Великого князя Николая Николаевича многими современниками оценивалась негативно. Великий князь Александр Михайлович писал: «Из всех членов Императорской Семьи Великий Князь Николай Николаевич, старший сын моего дяди Великого Князя Николая Николаевича старшего, имел самое большое влияние на наши государственные дела. Два важнейшие акта в истории России – манифест 17 октября 1905 года и отречение Императора Николая II 2 марта 1917 года – следует приписать полнейшей аберрации политического предвидения Великого Князя Николая Николаевича. ...Я далёк от мысли умалять его редкую честность и добрые намерения. Людьми типа Великого Князя Николая Николаевича можно было бы пользоваться с большим успехом в любом, хорошо организованном государстве, при условии, чтобы Монарх признавал бы ограниченность ума этого рода людей. Мой двоюродный брат Великий Князь Николай Николаевич был превосходным строевым офицером. Не было равного ему в искусстве поддерживать строевую дисциплину, обучать солдат и готовить военные смотры. Тот, кому случалось присутствовать на парадах Петербургского гарнизона, имел возможность видеть безукоризненное исполнение воинских уставов в совершенстве вымуштрованной массой войск: каждая рота одета строго по форме, каждая пуговица на своём месте, каждое движение радовало сердце убеждённых фронтовиков. Если бы Великий Князь Николай Николаевич оставался бы на посту Командующего войсками гвардии и Петроградского Военного Округа до февраля 1917 года, он всецело оправдал бы все

В 1890 году Великий князь Николай Николаевич вступил в командование 2-й гвардейской кавалерийской дивизией, считавшейся одной из лучших в русской кавалерии. А спустя пять лет он – уже в чине генерал-лейтенанта – был назначен генерал-инспектором кавалерии. Именно при деятельном участии великого князя в России был принят отличный кавалеристский устав. «Следует отдать должное великому князю: он сделал много для воспитания и приведения в порядок нашей кавалерии. При нём она могла считаться одной из лучших в мире». – писал генерал А.А. Мосолов. В июне 1905 года Николай Николаевич возглавил созданный по его инициативе Совет государственной обороны, предназначенный для координации

ожидания и сумел бы предупредить февральский солдатский бунт. Стгладываясь на двадцатитрёхлетнее правление Императора Николая II, я не вижу логического объяснения тому, почему Государь считался с мнением Николая Николаевича в делах государственного управления. Как все военные, привыкшие иметь дело со строго определёнными заданиями, Николай Николаевич терялся во всех сложных политических положениях, где его манера повышать голос и угрожать наказанием не производила желаемого эффекта. Всеобщая забастовка в октябре 1905 года поставила его в тупик, так как кодекс излюбленной им военной мудрости не знал никаких средств против коллективного неповиновения. Нельзя же было арестовать несколько миллионов забастовщиков! По его мнению, единственное, что можно было сделать – это выяснить требования “командиров восстания”. Попытка объяснить Николаю Николаевичу, что восстание 1905 года носило анархический характер, и что не было “командиров”, с которыми можно было вести переговоры, оказалась бы безрезультатной».

В отличие от старшего брата, Пётр Николаевич был тихим, спокойным, застенчивым, даже робким. На формирование его характера серьёзно повлияла семейная драма: отец, выгнав законную супругу из дома, открыто жил с любовницей. Родителя своего, шумного, грозного, Пётр не то что побаивался, но сторонился, не осуждал из сыновней почтительности, но на душе было тяжело и за матушку обидно. Великую княгиню Александру Петровну он любил нежно и благоговейно и очень скучал в разлуке. Что такое одиночество, князь узнал ещё детстве. Единственный брат был старше на восемь лет, Пётр общался в основном с няньками и преподавателями. Когда отец и брат ушли на войну, Александр II взял мальчика в Зимний дворец, где он сдружился с кузенами Дмитрием Константиновичем, Георгием и Александром Михайловичами. В свободное время они забавлялись играми в войну, ездили по просторным комнатам на велосипедах с колёсами разного диаметра. Особенно любили приезды Государя с фронта, по утрам пили с ним чай в кабинете и слушали о сражениях русской армии. Особенно близко Пётр сошёлся с Георгием Михайловичем, впослед-

Великий князь Петр Николаевич.
1868 г.

Петр Николаевич

ствии их объединили общие увлечения живописью, искусством и архитектурой, дружеские отношения они сохранили на всю жизнь.

Пётр, как и старший брат Николай, стал военным, но не по призванию, а соблюдая традицию семьи Романовых. Получив образование, он начал службу в 1884 году в лейб-гвардии Драгунском полку, и вначале карьера складывалась вполне удачно. Однако через несколько лет у князя обнаружили туберкулёз, и военную службу пришлось оставить. Пётр Николаевич много путешествовал по странам Средиземноморья, Магриба и Ближнего Востока; в тёплом климате князь чувствовал себя намного лучше. Военный инженер, он серьёзно увлекался архитектурой и живописью. Восточное зодчество покоряло тонкостью, изяществом, из путешествий князь при-

возил альбомы, в которых зарисовывал архитектурные памятники, и мечтал когда-либо построить дом, похожий на восточный дворец.

В июле 1889 года в нарядной Петергофской церкви состоялось венчание Великого князя Петра Николаевича с черногорской принцессой Милицей Николаевной.

Черногория – небольшое княжество на южном побережье Балканского полуострова – нуждалось в покровительстве России: ведь суверенным оно стало совсем недавно, в 1878 году. Князь Никола I Негош, шутя, называл своих дочерей «истинными сокровищами маленькой Черногории» и, едва принцессы подросли, задумался о том, как с выгодой для страны распорядиться этим «сокровищем», устроив удачные династические браки. По настоянию отца юные принцессы отправились в Петербург обучаться в Смольном институте. Огромный город поразил воображение, их новый королевский дворец в Цетине не мог сравниться с роскошью, величием, блеском позолоты, холодным мерцанием мрамора петербургских дворцов. Императорская семья благожелательно относилась к черногорским принцессам, девушек приглашали во дворец, но в высшем свете, чопорном и насмешливом, их считали бедными родственницами. Может, завидовали: обе статные, смуглые, слегка горбоносые, сёстры привлекали внимание диковатой, южной красотой и долго бы в невестах не засиделись.

Едва Милица Николаевна блестяще окончила курс Смольного института, удостоившись за успехи золотой именной медали Императрицы Марии Фёдоровны, как Великий князь Пётр Николаевич сделал ей предложение.

И в обществе снова зашептались: без колдовства не обошлось, черногорка причаровала князя. Милицу действительно с юных лет волновало всё мистическое, загадочное и сверхъестественное, то, что и объяснить невозможно. В Черногории, православной стране, живы были легенды о могущественных колдунах, и в их силу верили не меньше, чем в Бога. И в отношениях Милицы и Петра Николаевича магия, конечно, существовала, и этой магией была любовь. Очаровательная, изящная молодая женщина окружила князя теплом и заботой. Впечатлительный Пётр Николаевич с удовольствием слушал рассказы Милицы о её родине, о живописных горах, покрытых лесами, о скалистых ущельях, о тёплом море и прохладных озёрах. И о чудесном говорила: о волшебниках и русалках, выплывающих из волн Скадарского озера. И Пётр Николаевич верил в их существование: ведь у его Милицы такой же загадочный, русалочий взгляд.

Вскоре у супругов родилась дочь Марина, а затем Милица осчастливила любимого супруга появлением на свет сына Романа. Пётр Николаевич решил осуществить свою мечту: построить для семьи по своим чертежам сказочный дворец на берегу Чёрного моря, в крымском имении Мисхор. Князь доверил создание дворцово-паркового ансамбля не столичному зодчему, а ялтинскому городскому архитектору Николаю Петровичу Краснову. Опытный и талантливый строитель, он хорошо знал сложный рельеф Южного берега и, как и Великий князь, увлекался восточным зодчеством.

Дворец «Дюльбер» – в переводе с тюркского «прекрасный, великолепный» – возводился в 1895-1897 годах. Всё это время Пётр Николаевич с семьёй жил в своём южнобережном имении. Он был очень болен, даже от службы в лейб-гвардии сапёрном полку, шэфом которого состоял от рождения, пришлось отказаться. К тому же супруги ожидали рождения третьего ребёнка. 3 марта 1898 года у Милицы Николаевны родились девочки-близнецы Надежда и София. Но радость пришла в их дом за руку с горем, малышка София в тот же день умерла.

Архитектор Краснов впервые получил заказ от члена Императорского дома, это было очень ответственно и почётно. Однако он столкнулся с неожиданной про-

Великая княгиня Милица Николаевна

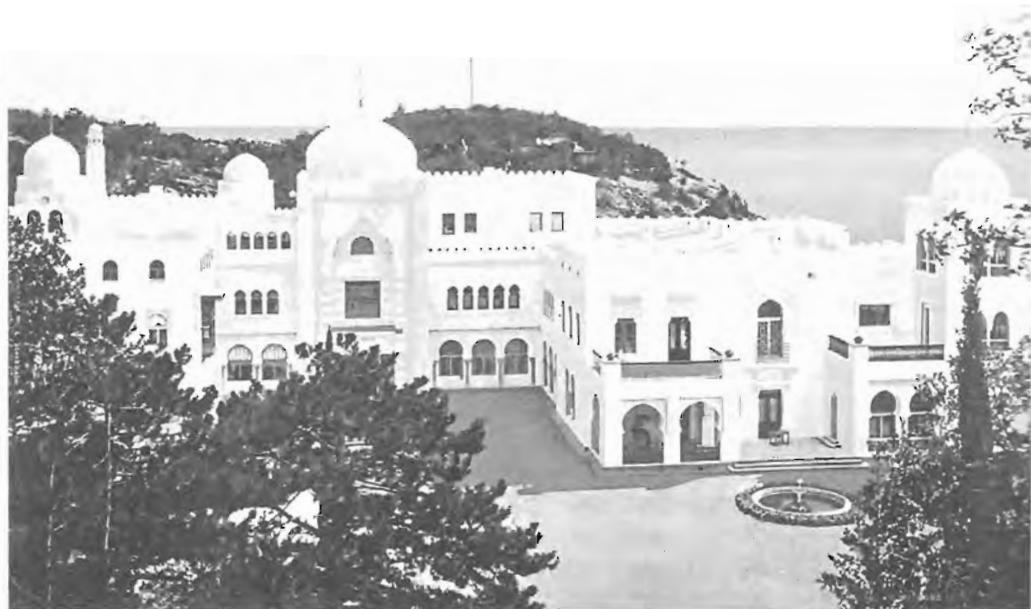

блемой: финансовые дела Великого князя оказались в самом плачевном состоянии, оплатить работу архитектора, рабочих и заказанные материалы он не мог. Главноуправляющий Двором Его Императорского Высочества, барон А.И. фон Сталь в декабре 1897 года предложил Петру Николаевичу продать Дюльбер за 600 тысяч рублей и рассчитаться с долгами. Но князь не мог расстаться с мечтой жить в сказочном дворце. Тогда нашли другой выход: продали часть имения Знаменка, доставшуюся князю в наследство от деда, Николая I. Краснов также старался использовать новые, более дешёвые материалы. Так замечательные лепные украшения делали из смеси гипса, вазелина и красителей, отливки покрывали спиртовым лаком – и они сияли, как драгоценный восточный фаянс.

Дворец получился великолепно. Академик Н.П. Кондаков по достоинству оценил труды архитектора Краснова: «...здание столь же удачное, сколь и необычное, в высшей степени истинно-изящное и целесообразное». Белоснежные стены, серебристые купола, зубчатые завершения стен, балкончики, башни, резные наличники окон и дверей, цветная мозаика создавали восточный колорит, напоминая сарацинские дворцы Египта и Сирии. Над главным входом арабской вязью высечено: «Да благословит Аллах вошедшего сюда».

И Бог действительно благословил Петра Николаевича и Милицу Николаевну счастьем: в любви и заботе подрастали дети, в комфортном гостеприимном доме в сто комнат собирались многочисленные родственники. Великий князь был застенчив и молчалив, разговоры за семейным столом поддерживала его энергичная супруга, которая успевала и детей пестовать

Дворец Дюльбер

и оставаться в курсе всех сплетен и новостей. Однако на долю любящих родителей выпало и немалое испытание: маленький князь Роман страдал падучей болезнью – эпилепсией. Чтобы помочь единственному сыну, Пётр Николаевич с семьёй отправились путешествовать по Италии и Египту, тёплый климат этих стран и на слабые лёгкие Великого князя действовал благотворно. Не в силах смотреть, как бьётся в конвульсиях маленькое тельце, как после приступа Роман, совершенно обессиленный, долго спит, а затем, вырвавшись из пелен тяжёлой дрёмы, силится вспомнить, что с ним происходило, Милица Николаевна пыталась найти средство избавить сына от «чёрной немочи». Великая княгиня ездила по святым местам, выстаивала церковные службы, горячо молилась перед образом Пресвятой Богородицы, который благословил святой Иоанн Кронштадтский, не расставалась с ним, считая чудотворным. Но желанное исцеление не наступало, и Милица Николаевна обратилась к оккультным наукам, надеясь, что магия поможет одолеть страшную болезнь. Она изучала труды восточных мистиков, выучила персидский язык, чтобы читать трактаты в подлиннике, сама написала «Избранные места из святых отцов», за что получила в Париже диплом на звание почётного доктора теологии.

Возможно, в Париже Милица и познакомилась с лионским врачом и гипнотизёром месье Филиппом Низье-Воше, невысоким, невзрачным человеком лет пятидесяти, с дурным южно-французским выговором. Окончив всего три курса медицинского факультета Лионского университета, он оставил учёбу и занялся практикой. В парижской клинике он, используя методы традиционного и нетрадиционного врачевания, избавлял от нервных тиков, бессонницы, ночных кошмаров, экземы, заикания, лечил не только тело, но и душу. Несколько гипнотических сеансов помогли князю Роману: не мучили больше головные боли и ночные страхи. Заключение созданного консилиума врачей, лучших специалистов Военно-медицинской академии и клиники при Психоневрологическом институте профессора В.М. Бехтерева, было неожиданным: болезнь отступила.

Милица Николаевна, страстная почитательница месье Воше, пригласила своего кумира в Россию и познакомила с Государыней Александрой Фёдоровной. Это был период, когда черногорские сёстры окружили молодую Царицу, чувствующую себя одинокой в высшем свете, искренней заботой. Императорскую чету приглашали

Князь Роман, сын Петра Николаевича. 1899 г.

к вечерним чаепитиям в уютную комнату, украшенную в зависимости от времени года жасмином, сиренью, фиалками, розами, подавали маленькие ломтики белого хлеба с маслом, сухое английское печенье – всё, что доставляло удовольствие Александре Фёдоровне. В один из таких вечеров Царь и Царица познакомились с Филиппом Воше. Мистическое настроение быстро сблизило всех троих, во время встреч говорили о Боге, о путях к Нему человека, о русской духовности и религиозности, которой уже нет на Западе. Филипп, пытаясь заглянуть в будущее, предсказывал: у Императрицы родится сын. Аликс, страстно желавшая выполнить свой долг и дать стране Наследника, верила. После таких разговоров-размышлений, наполненных верой и утешением, Александра Фёдоровна чувствовала себя хорошо и спокойно. её покидало тяжёлое гнетущее состояние, в котором Императрица постоянно пребывала. В дневнике Николая II за 1901 год появляются записи: «В 2.30 поехали в Знаменку и сидели до 5 в саду... Наш Друг был с нами...» «Отправились в Знаменку... Весь вечер слушали Нашего Друга. Вернулись домой чудной лунной ночью...» В августе Аликс писала супругу: «Как богата стала наша жизнь с тех пор, как мы его узнали... кажется, всё стало легче переносить».

А тем временем в высшем свете уже сплетничали о странной дружбе Государя и Государыни с французским «колдуном» и «шарлатаном». Обеспокоенные родственники попытались выяснить у Александры Фёдоровны, кто он такой, этот таинственный месье Филипп, но узнали лишь то, что «он очень скромный человек и говорит то, что приносит добро». Царица и слушать не захотела предупреждения: эти душевные отношения подрывают престиж Императорской семьи! Тревожные ноты звучат в дневниковых записях Великого князя Константина Константиновича: «24 августа 1902 г. Сергей утверждает, что Их Величества впали в мистическое настроение, что они в Знаменке молятся с Филиппом, ...проводят там долгие вечера... и возвращаются оттуда в каком-то восторженном состоянии, как бы в экстазе, с блестящими глазами и просветлёнными лицами... Моё мнение, что это больше смешно, чем опасно, ...но нехорошо то, что они покрывают свои посещения Знаменки тайной...

25 августа 1902 г. Елена, дочь короля Сербии, сказала, что её брат Юрий попал под влияние Милицы и Филиппа, ...говорил о том, что миссия Филиппа на земле подошла к концу, ...что он скоро умрёт, но явится в кругу друзей под видом другого человека. Что за чепуха!»

Месье Филипп всё же вынужден был покинуть Россию, в Лионе возобновил свою практику, но прожил, действительно, недолго, умер в 1905 году. Александра Фёдоровна хранила о нём добрую память и помнила, что Друг обещал вернуться в другом обличье.

Ченогорских принцесс в высшем аристократическом обществе не любил. Феликс Юсупов писал: «Дочери короля Черногории, великие княгини Милица и Анастасия Николаевны были в ту пору при дворе крайне влиятельны. ...В Петербурге черногорок звали «чёрным горем». Занимались они

чёрной магией и водили дружбу с колдунами и гадалками». Кроме увлечения спиритизмом, в вину сёстрам ставили и то, что при их содействии огромные суммы из российской казны перетекали князю Николе Негошу, их отцу. Граф С.Ю. Витте писал: «Нужно отдать справедливость черногоркам: они были преданные дочери и постоянно хлопотали о всяких денежных субсидиях своему княжескому родителю. Вся игра велась на том, что в интересах России в случае столкновения её с Германией поставить Черногорию в такое положение, чтобы она могла оказать России содействие. Черногорцы молодцы; нужно только сформировать постоянные части, а для этого нужны деньги. Вот по особым высочайшим повелениям и начали отпускать черногорскому князю на содержание сказанных частей войск особые суммы... Вообще эти особы крепко присосались к русским деньгам...»

Обвиняли черногорских принцесс и в том, что настойчиво рекомендовали Александре Фёдоровне познакомиться с Григорием Распутиным, человеком «Божьим», наделённым необычными способностями и творящим чудеса исцеления. «Ох уж эти черногорки, натворили они бед России, – писал С.Ю. Витте. – Чтобы рассказать, какие пакости они натворили, нужно написать целую историю; не добром помянут русские люди их память...»

Умные, образованные, энергичные черногорские принцессы желали играть активную роль при дворе, они всегда имели свой взгляд на вещи, а окружающим казалось это высокомерием. Говорили, что дружбу с Императрицей сёстры используют в корыстных целях. Вот мнение Великого князя Александра Михайловича: «Милица и её сестра Стана (супруга Николаши) имели дурное влияние на императрицу. Суеверные, простолушные, легко возбудимые, эти две черногорские княжны представляли собой лёгкую добычу для всякого рода заезжих авантюристов». Однако Александра Фёдоровна, обладая сильным, независимым характером, редко поддавалась влиянию, не умела притворяться и идти на компромиссы. Пока её отношения с Милицей и Анастасией были искренними и одухотворёнными, они оставались подругами. Возможно, причиной их разрыва в 1909 году стал именно Григорий Распутин, поведавший Императрице, что сёстры хотели использовать его, чтобы извлечь для себя выгоду. Александра Фёдоровна

Принцессы Черногории
Милица и Анастасия

Великая княгиня
Анастасия Николаевна (Стана)

Максимилиановичем Романовским, герцогом Лейхтенбергским* не принёс счастья ни одному из супругов. Жених, тридцатисемилетний вдовец, обзаводиться семьёй вновь не собирался, но перечить желанию Александра III, который считал, что Императорскому Дому нужны брачные союзы с православными принцессами, не посмел. Пышную свадьбу сыграли 28 августа 1889 года. В семье родились двое детей – сын Сергей и дочь Елена, однако отношения между супругами оставались прохладно-отчуждёнными, и герцог большую часть года предпочитал жить в Париже.

Молодая герцогиня Анастасия Николаевна чувствовала себя одинокой и несчастной, даже заграничные поездки не могли развеять её тоски, лишь в доме Милицы и Петра ей было хорошо и спокойно. Однажды на музыкальном вечере у сестры Стана исполняла романсы, аккомпанируя себе на гитаре. Она ещё не знала, что её глубокий, грудной голос и южная внешность очаровали Великого князя Николая Николаевича.

Личная жизнь молодого генерала не складывалась. Матушку Великую княгиню Александру Петровну огорчало, что её старший сын Николаша

поверила, она уже давно испытывала неудовольствие от заносчивости Станы и Милицы. Императрица утвердилась во мнении, что Великие княгини – опасные авантюристки, несущие угрозу благополучию династии. Она ни разу не заговорила с сёстрами, на официальных приёмах ограничиваясь лишь кивком головы, и иначе как «чёрным семейством» и «галками» бывших приятельниц не называла. Княгиня Юсупова вспоминала, что на приёме в Ливадийском дворце 6 ноября 1913 года «чёрные сёстры» ходили как зачумлённые, так как никто из царедворцев к ним не подходит, видя, что Хозяева их вполне игнорируют».

Однако до этого ещё далеко, и молодая Государыня принимает сердечное участие в судьбе Анастасии Николаевны. Казалось бы, блестящий брак черногорской принцессы с красавцем князем Георгием

*Князь Георгий (Юрий) Максимилианович, герцог Лейхтенбергский (1852–1912), сын Максимилиана Лейхтенбергского де Богарне и Великой княгини Марии Николаевны, внук Императора Николая I. От первой супруги – принцессы Терезии Ольденбургской (1852–1882) имел сына Александра.

«вздорен характером, неровен, вспыльчив и даже груб, что всё это – его не красит». Возможно, женитьба остепенила бы его, да сын, подобно отцу, заводил романы с актрисами и балеринами, а потом вознамерился жениться на дочери купца-меховщика Софье Бурениной. Эта история вызвала скандал в Императорской семье, Александр III в гневе воскликнул: «Я в родстве со всеми Дворами Европы, а вот с Гостиным Двором в родстве ещё не был!»

Любовь, так неожиданно вспыхнувшая в сердцах Николая Николаевича и Станы, была сильной и яркой, их роман вскоре перестал быть тайной для света. Все свободные вечера влюблённые проводили вместе, Николай с наслаждением слушал пение Станы и её игру на гитаре, чтение вслух любимого Флобера. Расставаясь, он скучал и писал милой письма: *«Я так давно Тебе не писал, мой Ангел, и я так давно привык с Тобю говорить по-французски, что мне как-то неудобно писать по-русски... Вспоминаю о Тебе каждую минуту»*. Влюблённая Стана расцвела и похорошела, она полностью покорилась власти нахлынувших чувств и щедро отдавала всю нерастраченную нежность и пылкость своего сердца. Николаю нравилось делать любимой подарки, сюрпризы и наблюдать, как счастьем загораются её чёрные глаза.

На Южном берегу Анастасии Николаевне принадлежали 1,5 десятины земли. В 1902 году Николай Николаевич приобрёл ещё 2,5 десятины и поручил архитектору Н.П. Краснову построить дворец и разбить парк. Небольшая вилла, в сорок комнат, была построена в модном тогда стиле «неогрек», её украшали колонны классических ордеров, решётчатые балюстрады, на плоской крыше устроили солярий. В парке и в саду высадили огромное количество розовых кустов, привезённых из Греции и Италии. С весны до поздней осени распускали нежные лепестки красавицы-розы, и воздух, напоённый их ароматом, благоухал. Дворец и парк Николай Николаевич назвал «Чаир»* и подарил любимой женщине Анастасии Николаевне.

Ещё в начале отношений с Николаем Николаевичем Стана попросила мужа о разводе, однако церковный брак нельзя было расторгать, не спросив разрешения Царя. Николай II долго колебался, а Александра Фёдоровна и вовсе считала, что личным счастьем нужно жертвовать ради престижа Фамилии. В конце концов, мольбы Николая и Станы смягчили сердце Государя, тем более что герцог Лейхтенбергский был не против расстаться с нелюбимой супругой. В письме от 30 октября 1906 года он писал: *«Ваше*

*Чаир (в переводе с крымскотатарского языка «сенокос») – сад в лесу, удивительное и, к сожалению, уже редкое явление садоводческой культуры Крыма. Чаиры – дело рук человека. На лесных полянах сначала создавали плодородный слой земли и сложную систему орошения. Затем пересаживали дикорастущие плодовые деревья, на которые прививали неприхотливые культурные сорта. Лесной сад формировался несколько лет, зато потом на одной поляне собирали урожай абрикосов, слив, яблок, груш, кизила, орехов. Причём плоды почти не уступали размерами садовым, но отличались особым ароматом. Посетивший в 1799 году Крым Пётр Сумароков так описал чаиры: «Все делается в этих садах само собою: текущий с гор ручей приносит столько воды, сколько нужно, сухих сучьев хватает на растопку, а травы на корм скоту... Сады, оставленные на произвол случая, содержат в себе деревья, насаженные с давнего времени, ибо татары любят лишь происходящую от них тенью, веселятся множеством плодов и ожидаемую от того прибылью».

Императорское Величество! Её Высочество просит меня дать ей согласие на развод, для того, чтобы по признании нашего брака законно расторгнутым, вступить в новый брак с ЕИВ в. кн. Николаем Николаевичем. Дело о разводе было возбуждено Ея И. В., а я со своей стороны, сохраняя полное к ней расположение и любовь, и, полагая сделать её счастье, соглашаюсь на развод, подавляя в себе все чувства, присущие человеку, мужу и отцу. Соглашаясь на развод, я считаю необходимым оставить за собою по отношению детей от нашего брака все права отца. ...Я оставляю сына и дочь на попечении их матери, но, в свою очередь, я вправе желать, чтобы дети сохраняли бы расположение ко мне. ...Моё благословение всегда будет над ними, вместе с горячими молитвами о счастье их матери и их самих. Позвольте надеяться, что Ваше Величество не откажете мне в моей тяжёлой просьбе».

Однако прежде чем дать согласие на брак Анастасии Николаевны с Николаем Николаевичем, Император обратился к церковным иерархам, ситуация всё же была сложная: родные братья становились мужьями родных сестёр, причём невеста – разведённая женщина. Наконец, 22 марта 1907 года Николай написал матери: «Недавно у меня был митрополит Аноний по некоторым делам. Между прочим, я его просил что он думает по вопросу о возмож-

Николай Николаевич

ной женитьбе Николаши на Стане? Он мне сказал, что переговорит с другими членами Синода и затем сообщит мне их общее мнение. Через неделю он приехал с ответом, что так как такие браки постоянно разрешаются Синодом в разных епархиях, то они ничего не имеют против этой свадьбы, лишь бы она состоялась в скромной обстановке и вдали от Петербурга. Признаюсь, такой ответ меня очень обрадовал, и я сообщил его Николаше вместе с моим согласием. Этим разрешается трудное и неопределённое положение Николаши, и особенно – Станы. Он стал неузнаваем с тех пор, и служба сделалась для него такой лёгкой...»

Счастливые влюблённые венчаться решили в Крыму. Приглашая кузена Великого князя Николая Михайловича на свадьбу, генерал писал: «Я сегодня уезжаю в Крым, где ввиду нездоровья Ми-

лицы, которая не может приехать в Петербург, 29 апреля состоится моя свадьба в Ливадийской дворцовой церкви. Будь так мил, если найдёшь возможным, сообщи об этом дяде. Не откажи мне тоже передать это Анастасии и братьям. Сердечно твой Николаша...» Медовый месяц молодожёны провели в сказочном имении Чаир.

Современники отмечали, что тихая, спокойная Стана благотворно влияла на несдержанный характер Николая Николаевича, брак «сделал его более вдумчивым в свою роль — роль старшего из всех родственников царя». Однако и мистическому настроению жены Великий князь не мог не поддаваться: сопровождал Стану в поездках по монастырям, встречался со святыми старцами, принимая благословения, ощутил на себе магическое обаяние Григория Распутина, невольно прислушиваясь к его предсказаниям. В 1908 году он писал жене: «Сию минуту вернулся из дома Петра. Видел Григория Ефимовича. Он ужасно огорчён, что не застал Вас. Приехал он с Параскевой. Для твоей матери привёз флакон старца Макария. Я получил образок на цепочке от Макария. Пётр получил такой же. Затем сказал Григорий, что подобного ужаса, как мы переживали так недавно, в 1905-1906 годах, больше не только нам не будет, но и дети и внуки чрез подобный ужас не пройдут». Позже отношение к Распутину изменилось до ненависти, пережив ужасы революции, находясь в эмиграции, Николай Николаевич, возможно, с горькой улыбкой вспоминал те оптимистические слова старца.

Дворец Чаир

В преддверии Первой мировой войны, Высочайшим указом от 20 июля 1914 года Великий князь Николай Николаевич назначен Верховным главнокомандующим. Создаются Ставка и штаб, разместившиеся в Барановичах. Выдающийся русский полководец генерал от кавалерии А.А. Брусилов вспоминает: «Верховным главнокомандующим был назначен Великий князь Николай Николаевич. По моему мнению, в это время лучшего Верховного главнокомандующего найти было нельзя... Это человек, несомненно, всецело преданный военному делу и теоретически и практически знавший и любивший военное ремесло... Назначение его Верховным главнокомандующим вызвало глубокое удовлетворение в армии. Войска верили в него... Николай Николаевич требовал строгой и справедливой дисциплины в войсках, заботился о нуждах солдата, усиленно следя за тем, чтобы не было засилия штабов над строевым элементом, не жалел наград для строевых работников, был скуп относительно награждений штабных и тыловых деятелей, строго запрещая награждать их боевыми отличиями. Я считал его отличным главнокомандующим».

В ходе боевых действий совершенствовалось и оттачивалось военное

Великий князь Николай Николаевич

искусство Великого князя, для того чтобы руководить большими группировками войск, готовить и успешно проводить операции на сильно растянутом фронте (в конце кампании 1914 года протяжённость фронта составляла 1200 км), нужны были обширные знания, опыт и недюжинные способности. Впечатляющая победа русских войск Юго-Западного фронта в грандиозной Галицкой битве (6 августа – 13 сентября 1914 года) стала радостным событием для Николая Николаевича, особенно после тяжело им пережитого поражения русских в Восточной Пруссии. Чтобы поддержать Великого князя, Император Николай I прибыл в Ставку 21 октября 1914 года и наградил Николая Николаевича орденом Св. Георгия III степени «в воздаяние мужества, решительности и непреклонной настойчивости в проведении планов военных действий, покрывших неувядаемой славой русское оружие».

Николай II и Великий князь Николай Николаевич поздравляют офицеров. 1915 г.

Генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов отмечал: «Популярность его росла с каждым днём. Его имя стало достоянием не только армии, но и всего русского народа. Стоустая молва распространяла о нём самые легендарные рассказы. Его видели всюду лично поспевавшим на помощь войскам, везде он пресекал зло, везде водворял порядок. При этом во всех рассказах Великий князь непременно рисовался защитником солдата и восстановителем в армии правды и законности». В 1915 году на фоне ряда поражений радостным событием стала капитуляция 9 марта мощной австро-венгерской крепости Перемышль, в которой сосредоточился 120-тысячный гарнизон. После торжественного молебна, отслуженного по этому поводу, Государь торжественно вручил Николаю Николаевичу орден Св. Георгия II степени*. А 12 апреля Главнокомандующий был награждён Георгиевской саблей, украшенной бриллиантами, с надписью: «За освобождение Червонной Руси».

19 апреля 1915 года германские войска начали мощное наступление, длившееся до 9 июня и получившее название Горлицкий прорыв. В результате этой крупнейшей оборонительной операции русские войска оставили Галицию. Командующий войсками Германии на Восточном фронте генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург сделал вывод: «Операция на Востоке... не привела к уничтожению противника. Русские, как нужно было ожидать, вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении». Безусловно, в этом была заслуга и Николая Николаевича. Однако отступление войск стало формальным поводом к

**Этой высокой награды в годы Первой мировой войны было удостоено всего несколько полководцев, а орден Св. Георгия I не получил никто.*

снятию 23 августа 1915 года Великого князя с поста Верховного главнокомандующего. Неформальный же также был хорошо известен: Императрица Александра Фёдоровна считала, что Государь должен взять руководство русскими войсками в свои руки, к тому же Николай Николаевич ненавидел Распутина, а следовательно, был её личным врагом. Она не могла забыть случай, когда, в период неудач, Распутин спросил разрешения Главнокомандующего прибыть в Ставку и освятить икону. Николай Николаевич, относившийся к «святому старцу» с презрением, не желал видеть человека со столь неоднозначной репутацией в войсках и ответил: «Приезжай, Гришка повещу!» Александра Фёдоровна стала настойчиво убеждать супруга в необходимости отстранить Великого князя с поста: *«У меня нет абсолютно никакого доверия к Н(иколаше) – я знаю, что он далеко не умён и, так как пошёл против человека, посланного Богом, его дела не могут быть удобны Богу, и его мнение не может быть правильным... Над Россией не будет благословения, если её повелитель допустит, чтобы человек, посланный Богом на помощь нам, подвергался преследованиям. Ты знаешь, как велика ненависть Н(иколаши) к Григорию».*

Решение Николая II вызвало отрицательную реакцию в разных слоях общества. Лидер кадетской партии П.Н. Милюков писал: «Армия возглавлялась главнокомандующим

Великий князь Николай Николаевич

Великим князем Николаем Николаевичем, которого первый земский съезд чествовал названием «русского богатыря». Но именно это положение вызвало оппозицию к нему со стороны царской четы. Императрица боялась за своего супруга; стали ходить слухи, что Николай Николаевич подготавливает свою кандидатуру на царский престол». Уход Николая Николаевича тяжело переживали и в армии, генерал А.А. Брусилов с горечью вспоминал: «В армии знали, что Великий князь неповинен в тяжком положении армии, и верили в него как в полководца. В искусство же и знание военного дела Николаем II никто (и армия, конечно) не верил... Впечатление в войсках от этой замены было самое тяжёлое, можно сказать, удручающее».

Многие члены Императорской семьи, уверенные, что отстранение Главнокомандующего принесёт лишь беды и раскол в армии, пытались повлиять на Николая. Императрица Мария Фёдоровна записала 12 августа 1915 года в дневнике: «Ники пришёл со своими четырьмя девочками. Он начал говорить, что возьмёт на себя командование вместо Николаши, я так ужаснулась, что у меня чуть не случился удар, и сказала ему всё: что это было бы большой ошибкой, умоляла его не делать этого, особенно сейчас, когда всё плохо для нас, и добавила, что, если он сделает это, все увидят, что это приказ Распутина. Я думаю, это произвело на него впечатление, так он сильно покраснел. Он совсем не понимает, какую опасность и несчастье это может принести нам и всей стране». Однако Николай II остался непреклонен.

Государь назначил Великого князя Николая Николаевича наместником Кавказа, главнокомандующим Кавказским фронтом и войсковым наказным атаманом Кавказских казачьих войск. Тем временем приближался 1917 год. Страну, измученную войной и экономическими проблемами, лихорадило, неминуемо надвигались революционные события. Многие политики уже давно склонялись к мысли: чтобы спасти страну и уберечь армию, Николай должен отречься от престола. Когда начальник штаба Верховного главнокомандующего от инфантерии М.В. Алексеев запросил мнение главнокомандующих фронтами о создавшемся положении, Великий князь Николай Николаевич ответил следующей телеграммой: *«Генерал-адъютант Алексеев сообщает мне создавшуюся небывалую роковую обстановку и просит меня поддержать его мнение, что победоносный конец войны, столь необходимый для блага и будущности России и спасения династии, вызывает принятие сверхмеры. Я как верноподданный считаю, по долгу присяги и по духу присяги, необходимым коленопреклонно молить Ваше Императорское Величество спасти Россию и Вашего Наследника, зная чувство святой любви Вашей к России и к нему. Осенив себя крестным знаменьем, передайте Ему – Ваше наследие. Другого выхода нет. Как никогда в жизни, с особо горячей молитвой молю Бога подкрепить и направить Вас»*. 2 марта, после отречения Николая II он направил в адрес Временного правительства телеграмму: *«Сего числа я принял присягу на верность Отечеству и новому государственному строю. Свой долг до конца выполняю, как мне повелевает совесть и принятые обязательства»*.

Одним из последних своих указов Николай II вновь назначил Великого князя Николая Николаевича Верховным главнокомандующим. Однако Временным правительством пребывание Великого князя на посту Верховного главнокомандующего было признано нежелательным в связи «с негативным отношением народа к династии Романовых». 11 марта Великий князь вышел в отставку и уехал с семьёй из Петрограда в крымское имение Чаир*. Пётр Николаевич, всю войну сопровождавший брата, с Милицей

* Великие княгини Милица и Анастасия Николаевны в 1914 – 1915 годах жили в Киеве, в Покровском женском монастыре, основанном их свекровью. Они оказывали помощь раненым, работали в госпиталях, под их покровительством издавались и распространялись брошюры и портреты Великого князя Николая Николаевича, Главнокомандующего русской армией.

Николаевной и детьми жил в Дюльбере. Той весной в Крыму собрались и другие Романовы.

Родственники Царя состояли под домашним арестом, их охранял отряд матросов Черноморского флота и солдат Ялтинской дружины, возглавляемый комиссаром Временного правительства прапорщиком В.М. Жоржолтани. Великий князь Николай Николаевич, бывший Главнокомандующий, вызывал у комиссара наибольшее беспокойство, именно в имении Чаир он расположил свою канцелярию, чтобы князь находился под его постоянным надзором. Романовым пришлось пережить унижительные, грубые обыски и ограничение свободы: осенью 1917 года им запретили покидать пределы своих имений.

В одном из писем князь Ф. Юсупов отметил: *«Чаир и Дюльбер совсем примирились с судьбой, а Ай-Тодор всё ещё хорохорится. Только один А.М. наконец понял насколько всё серьёзно, и совершенно подавлен»*. Романовы, оторванные от внешнего мира, не знали, что происходит в стране и в Крыму. Но по тем слухам, которые проникали сквозь препоны, Николай Николаевич делал вывод: Временное правительство, слабое и неуверенное, не может противостоять Советам, к власти рвутся большевики, а от нового переворота князь ничего хорошего ни для себя, ни для своих близких не ждал, отчётливо понимая, что их жизни висят на волоске.

В октябре 1917 года в Петрограде произошёл большевистский переворот, в ноябре и в Крыму началась борьба за установление советской власти. Эти события описал генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты»: *«Под влиянием агитаторов, присланных из центра, матросы Черноморского флота свергли умеренный Совдеп в Севастополе, поставили новый большевистский и организовали в городе советскую власть. Номинально она находилась в руках сложной комбинации из Совдепа, комиссариата и революционного комитета, фактически – всецело в руках буйной матросской черни. С начала декабря в Севастополе начались повальные грабежи и убийства. А в январе Черноморский флот приступил к захвату власти и на всём Крымском полуострове»*.

Описание падения крымских городов носит характер совершенно однообразный: *«К городу подходили военные суда... пушки наводились на центральную часть города. Матросы сходили отрядами на берег; в большинстве случаев легко преодолевали сопротивление небольших частей войск, ещё верных порядку и краевому правительству, а затем, пополнив свои кадры тёмными, преступными элементами из местных жителей, организовали большевистскую власть»*. Так пали Евпатория, Ялта, Феодосия, Керчь и др. А 13 января пала и резиденция правительства – Симферополь. ...Страницы крымской жизни того времени полны ужаса и крови».

Смена власти отразилась и на судьбе Романовых. Новый начальник охраны комиссар Севастопольского Совета Ф.Л. Задорожный объявил, что они должны переехать в имение Дюльбер, поскольку Ялтинский совет настаивает на немедленном расстреле всех Романовых, а Севастопольский

решил дожидаться особого приказа из Петрограда. За мощными стенами Дюльбера легче спастись в том случае, если ялтинцы вздумают захватить узников силой.

В большом дворце Петра Николаевича все разместились удобно, гости жили в верхнем этаже, хозяева – в нижнем. Опасения Задорожного оказались не напрасны: почти каждую неделю представители Ялтинского совета являлись с требованием выдать им Романовых. Николай Николаевич, как и прочие узники, хорошо понимал, что Дюльбер – западня: если придёт приказ, их вчерашние защитники станут палачами. Удивительно, как в такой напряжённой обстановке узникам удавалось не терять бодрость духа. Великий князь Александр Михайлович вспоминал: «Главным лишением нашего заключения было полное отсутствие известий откуда бы то ни было. С недостатком жизненных припасов мы примирились. Мы подсмеивались над рецептами изготовления шницеля по-венски из морковного пюре и капусты, но для преодоления мрачного настроения, которое получалось от чтения советских газет, были бы бессильны юмористы всего мира. Длинные газетные столбцы, воспроизводившие исступлённые речи Ленина или Троцкого, ни одним словом не упоминали о том, прекратились ли военные действия после подписания Брест-Литовского мира».

Поэтому известие о том, что Ялта занята немцами, стало для Романовых совершенно неожиданным. Николаю Николаевичу горько было сознавать, что своим спасением он и его родственники обязаны германским войскам, с которыми он воевал долгие три года. Генерал Ю.Н. Данилов писал: «Рассказывают, что старший немецкий генерал К., вошедший в Ялту, явился в Дюльбер осведомиться о желаниях членов императорской фамилии. Бывший Верховный главнокомандующий русскими войсками не признал, однако, возможным его принять. Очевидцы свидетельствуют, что за всё время пребывания германцев в Крыму великий князь Николай Николаевич ни разу не выезжал за ограду усадьбы Дюльбер. Что касается германцев, то они, надо сказать, также проявляли уважение к возложенной на себя великим князем изолированности и ограничили свои встречи с чинами свиты пределами крайней необходимости».

Немецкие войска быстро установили порядок в Крыму. Романовы, уже совершенно свободные, ещё некоторое время продолжали жить в Дюльбере. Опасности, пережитые вместе, сблизили их. Императрица Мария Фёдоровна и Великая княгиня Ксения Александровна всегда относились к «черногоркам» холодно, с осуждением, но во время заточения никто из женщин не выказывал неприязненных чувств, понимая, что каждый их день может оказаться последним – стоит ли вспоминать прошлые обиды? Всё это время они делили не только горести, но и радости. Младшая дочь Петра и Милицы Надежда вышла замуж за князя Николая Владимировича Орлова. Их венчание состоялось 12 апреля 1917 года в церкви Святой Нины в Хараксе. А в марте 1918 года у супругов родилась дочь Ирина.

Молодые Романовы так сдружились, что даже после того, как все вновь разъехались по своим имениям, встречались у Феликса и Ирины Юсуповых

в небольшом, уютном домике в сосновой роще на побережье*, складчину приносили продукты, зато вино лилось рекой – в каждом крымском имении выращивали виноград – и устраивали весёлые пикники, просто радуясь жизни. Затеяли выпускать газету. По воскресеньям собирались в Кореизе, редактор Оля Расильева читала статьи, написанные каждым из шестнадцати «сотрудников». Юсупов вспоминал: «Мы, молодые люди с неопределённым будущим, описывали воображаемые путешествия и невероятные приключения в дальних странах». Они ещё не знали, что пройдёт совсем немного времени, и все они станут изгнанниками, разъедутся по тем самым дальним странам.

В 1919 году вместе с Императрицей Марией Фёдоровной Великие князья Николай и Пётр Николаевичи с семьями покинули Россию на британском дредноуте «Мальборо». В Константинополе они, простившись с остальными Романовыми, на английском корабле «Лорд Нельсон» направились в Италию, к сестре Станы и Милицы Елене, королеве Савойской. В эмиграции Николай и Пётр старались держаться вместе, в 1921 году осели в Антибе на Лазурном берегу Франции. Этот курортный городок под синим небом, щедро согреваемый солнцем и обласканный тёплым морем, чем-то напоминал далёкий Крым. Виллы братьев стояли поблизости друг от друга, семьи встречались за вечерними чаепитиями, устраивали скромные приёмы, совсем не такие, как в России. Авторитет Великого князя Николая Николаевича, руководившего военной организацией – Русским Общевоинским Союзом, в эмигрантских кругах был непререкаем, многим он казался законным претендентом на опустевший престол. Однако сам князь монархических притязаний не выказывал, считая, что этот вопрос может решаться «только русским народом и на родной земле».

Он умер 5 января 1929 года на закате дня. В гроб его положили в простой, порыжевшей от времени, кавалерийской шинели, с белым эмалевым крестиком на груди, в руке князь сжимал кипарисовый крестик с Афона. В почётном карауле стояли офицеры Охраны Его Императорского Высочества, офицеры и казаки лейб-гвардии Атаманского полка, генералы русской армии. Великого князя похоронили в Каннах в усыпальнице православного храма во имя Святого Архангела Михаила. На его надгробии из зелёного

*В 1914 году к свадьбе дочери Ирины с князем Феликсом Юсуповым Великий князь Александр Михайлович подарил имение «Сосновая роща» в Мисхоре. Архитектор Н.П. Красное успел выстроить небольшой дом. Юсупов так описал его: «Великий князь Александр подарил нам небольшой сосновый лес на крутом морском берегу. Это было необыкновенное место. Там мы построили в 1915 году дом сельского типа, весь побеленный внутри и снаружи и с крышей из зелёной черепицы. Поскольку он был построен на склоне, часть дома стояла ниже, и его главной особенностью было полное отсутствие симметрии. От входа, перед которым расстился ковёр цветов, спустившись на несколько ступеней, можно было попасть на внутренний балкон, нависавший над откосом холма. Балкон соединялся с террасой, середину которой занимал бассейн. С другой стороны был спуск к бассейну, окруженному колоннадой, увитой розами и глициниями, как и сам дом. Внутри разница уровней приводила к неожиданному и забавному расположению лесенок, площадок, балкончиков и т.д. Мебель из натурального дуба напоминала старинную английскую сельскую мебель. Кресельные подушки лежали на сиденьях, а циновки заменяли ковры».

мрамора между двумя се-ребрянными ветвями – лавровой и дубовой – отликает серебром надпись: «Верховному главнокомандующему русской армией, Его Императорскому высочеству Великому князю Николаю Николаевичу от российского зарубежного воинства». Спустя два года рядом с братом похоронили Великого князя Петра Николаевича. В 1935 году в той же церкви обрела вечный покой Великая княгиня Анастасия Николаевна, черногорская принцесса Стана. При прощании её могилу осыпали чудом сохранившимися засушенными лепестками роз из парка крымского имения Чаир.

Потеряв любимого мужа и сестру, с которой никогда не разлучалась, Милица Николаевна в 1936 году переехала с семьёй сына Романа в Италию, а спустя десять лет она разделила судьбу младшей сестры королевы Елены,

изгнанной со всей семьёй из Италии вновь созданным республиканским правительством. Всегда стремившаяся заглянуть в будущее, предсказательница Милица предчувствовала ли свою горькую судьбу? Знала ли, что её долгая жизнь закончится в Египте, в знойном городе Александрия среди волнистых песков? Если и знала, то все свои несчастья снесла достойно и гордо. Великая княгиня Милица Николаевна похоронена в Антибе, в церкви Святого Архангела Михаила, рядом с теми, кто был ей бесконечно дорог при жизни.

Великие князья Николай и Пётр, построившие прекрасные дворцы Дюльбер и Чаир, не знали, что их уютные дома станут санаториями, а чудный парк с буйно цветущими розами до войны будет доступен для публики. И отдыхающий здесь поэт Павел Арский, вдохновлённый его красотой, напишет замечательные стихи, Константин Листов положит их на музыку, и родится трогательный, немного грустный романс.

Николай Николаевич на борту «Мальборо»

В парке Чаир распускаются розы,
 В парке Чаир расцветает миндаль.
 Снятся твои золотистые косы,
 Снится весёлая звонкая даль.
 «Милый, с тобой мы увидимся снова», –
 Я замечтался над любимым письмом.
 Пляшут метели в полярных просторах,
 Северный ветер поёт за окном.
 В парке Чаир голубеют фиалки,
 Снега белее черешен цветы,
 Снится мне пламень, весенний и жаркий,
 Снятся мне солнце и море, и ты.
 Помню разлуку так неясно и зыбко,
 В ночь голубую вдаль ушли корабли,
 Вряд ли забуду твою я улыбку,
 Разве забуду я песни твои!
 В парке Чаир распускаются розы,
 В парке Чаир сотни тысяч кустов,
 Снятся твои золотистые косы,
 Снятся мне свет твой, весна и любовь.

Великие князя Николай и Петр Николаевичи с женами, старшими детьми и др. членами семьи на борту английского корабля «Нельсон»

Пролетарский писатель Павел Александрович Арский (1886-1967), участник штурма Зимнего дворца в 1917 году, много и пламенно писал о революции. Но время не сохранило его стихи. И только незамысловатый, но такой удивительно светлый роман «В парке Чаир» помнят до сих пор. Композитор Константин Яковлевич Листов (1900-1983) написал музыку к песням «Гренада», «В землянке», «Севастопольский вальс».

ВЕТВЬ МИХАЙЛОВИЧЕЙ. ИМЕНИЕ АЙ-ТОДОР ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА

В 1869 году Великий князь Михаил Николаевич купил у княгини Мещерской имение в Гаспре. По соседству уже располагались виллы братьев – Императора Александра II в Ливадии и Великого князя Константина Николаевича в Ореанде. Теперь вся большая семья весной или ранней осенью собиралась на отдыхе в Крыму.

Михаил Николаевич был младшим сыном Императора Николая I и Государыни Александры Фёдоровны. 13 октября 1832 года в праздник чудотворной иконы Божией Матери «Иверская» – небесной покровительницы юга России – триста один пушечный выстрел возвестил жителей столицы и всей Империи о рождении в Царской семье ещё одного мальчика. В будущем большая часть его жизни будет связана именно с югом, ему предстоит стать одним из самых лучших и самых деятельных наместников на Кавказе.

А пока крепкий, здоровый малыш мирно спал в своей колыбели и совершенно не интересовался тем, что уже на второй день своего рождения его зачислили шефом лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. Так определилась его будущая судьба – быть военным. При крещении новорождённого нарекли Михаилом, в честь Святого Архистратига Божия. Великий князь Михаил Николаевич рос вместе с братом Николаем, который всего на год был старше. Дети обожали летние месяцы, когда Царская семья уезжала на отдых в Петергоф, на романтическую дачу Александрия, которую Николай I подарил своей обожаемой супруге Александре Фёдоровне. Жили в летнем уютном дворце Коттедж, окружённом чудным парком с тихими аллеями, извилистыми тропинками, холмами, полянами. Прячась среди густо растущих деревьев, Великие князья играли в Робинзонов, лазили по деревьям, как обычные мальчишки.

Однако очень скоро пришла пора учения. Августейшие родители, строго следившие за воспитанием своих чад, старались дать им блестящее образование, в котором особое место уделялось военным дисциплинам. Для этого при-

Михаил Николаевич. 1858 г.

гласили лучших преподавателей петербургских учебных заведений. Военные науки Великим князьям преподавали военный инженер и историк Ф. Ф. Ласковский, профессор артиллерийского училища А. С. Платов, генерал-адъютант А. П. Карцов, военный министр Д. А. Милютин. Теоретические знания закреплялись на практике. Великие князья Михаил и Николай участвовали в лагерных сборах вместе с кадетами Первого Кадетского корпуса, в который они были зачислены Августейшим отцом в 1839 году. Для братьев был создан «потешный взвод» преображенцев, в котором инструктором по ружейной экзерциции, фрунту, шагистике и барабанному бою, а также и фельдфебелем был сам Император.

Артиллерийская наука более других заинтересовала Великого князя; готовясь к военной карьере, он много времени уделял её изучению. В 14 лет Михаил получил свой первый офицерский чин подпоручика, а спустя два года вступил на действительную военную службу в лейб-гвардии 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1852 году Великий князь был произведён в генерал-майоры с зачислением в свиту Императора, назначен бригадным командиром Гвардейской конной артиллерии. А спустя год началась Крымская (Восточная) война, у молодых Великих князей появилась возможность получить опыт в действующей армии.

23 октября 1854 года в Севастополь прибыли два молодых, стройных по-военному подтянутых офицера. Желая воодушевить солдат, Император Николай I отправил в Крым младших сыновей Николая и Михаила, напутствуя словами: «Если есть опасность, то не моим детям избегать её!». Собираясь в действующую армию, Великие князья знали, что события в Крыму развивались наихудшим для России образом. Еще летом 1854 года газета «Таймс» определила цели предстоящих военных действий: «...Главная цель политики и войны не может быть достигнута до тех пор, пока будет существовать Севастополь и русский флот... взятие Севастополя и занятие Крыма вознаградят все военные издержки и решат вопрос в пользу союзников». 1 сентября 1854 года 62-тысячный англо-французский десант высадился у Евпатории и беспрепятственно двинулся к базе Черноморского флота. Главнокомандующий русскими сухопутными и морскими силами в Крыму князь А. С. Меншиков попытался остановить неприятеля у реки Альмы, но потерпел поражение. Севастополь оказался лицом к лицу с врагом.

Адмирал В. А. Корнилов возглавил оборону Северной стороны, оказавшейся совершенно незащищённой. Под руководством талантливого инженера Э. И. Тотлебена солдаты, матросы, мастеровые, женщины и дети в короткий срок создали оборонительные сооружения. Благодаря всеобщим усилиям Севастополь стал настоящей крепостью и сумел выстоять 5 октября, когда враг начал его бомбардировку. Несколько дней и ночей дожделись бомбы и ядра. 5 октября погиб адмирал Корнилов. Однако город не только выстоял, но и дал отпор. После бомбардировки французские офицеры писали, что «русские далеко превзошли то понятие, которое о них было составлено. Их огонь был убийствен и меток, их пушки бьют на большое рас-

стояние, и если русские принуждены были на минуту прекратить огонь под градом метательных снарядов, осыпавших их амбразуры, то они тотчас же возвращались опять на свои места и возобновляли бой с удвоенным жаром. Неумолимость и упорное сопротивление русских доказали, что восторжествовать над ними не так легко, как предсказывали нам некоторые газетчики». Мнение врага, надо думать, было очень приятно Великому князю Михаилу, посвятившему себя артиллерии.

Вид осаждённого города поразил Великих князей: разрушенные дома, новые батареи, устроенные внутри города, баррикады на улицах, бойницы для ружейной обороны в окнах домов. Но не столько внешний вид Севастополя изумил их, сколько его дух, настроение, не заметное для севастопольцев, но сразу ощущаемое приезжими, новыми людьми. Уже с первых дней осады воины и простые жители находились в постоянном ожидании смерти во время штурма или бомбардировки. Оно так скоро стало привычкой, что люди спокойно, с достоинством делали свое дело, готовые ежесекундно отдать жизнь. Офицерам не надо было требовать от подчинённых героизма, героизм стал будничным явлением, подвиги совершались каждый день и считались обычным делом. Впрочем, у Великих князей не было возможности долго размышлять о мужестве русских людей, на 24 октября был назначен штурм неприятельских укреплений. За отличие в бою у Инкерманских высот Михаил Николаевич награждён орденом Св. Георгия IV степени.

Вскоре братья получили грустные вести из дома: матушка тяжело заболела, Император велел приехать в Петербург. 11 декабря Николай и Михаил прибыли в Гатчину, где находилась Царская семья. Императрица Александра Фёдоровна была рада встрече с любимыми сыновьями, которые за два месяца разлуки повзрослели, стали серьёзными. Они чистосердечно, без утайки рассказывали отцу и матери о своих впечатлениях. Братья видели, как изменился их отец. Всегда бодрый и энергичный, теперь он часто бывал мрачен, его взгляд потух, а на лице постоянно лежала тень озабоченности. Его тревога была понятна Великим князьям: жестокие потери в Крыму и бесконечно затянувшаяся осада Севастополя – вот что беспокоило Государя. Несмотря на радость встречи, Александра Фёдоровна была недовольна, что они уехали из армии, и почти сразу же сказала: «Очень радостно увидеться, это даст нам силы для новой разлуки».

Великие князья, не дождавшись Нового года, выехали обратно в Севастополь. С ними вместе был отправлен и флигель-адъютант полковник Волков с личным письмом Николаю, в котором Император требовал взять Евпаторию, куда, как он опасался, может высадиться сильный вражеский десант и армия Меншикова окажется отрезанной от континентальной части империи. А вскоре братья получили скорбную весть: 18 февраля их отец Император Николай I неожиданно скончался. Они не сомневались, что причиной его смерти стало глубокое разочарование после полученного известия о неудачной попытке овладеть Евпаторией. Император знал: война проиграна, необходимо сесть за стол переговоров, но признать себя побеждённым этот могучий властелин не мог.

Великие князья Николай и Михаил понимали, в какое нелёгкое время для России их брат Александр принимает бремя власти, и старались помочь. 28 августа 1855 года после генерального штурма союзников русские оставили южную сторону Севастополя. Но война продолжалась. 13 сентября Царь с младшим братом Михаилом прибыл в Николаев, Александр из Очакова сам наблюдал за маневрами флота, а Великие князья организовывали в это время оборону Николаева. Михаил возглавлял артиллерию, а Николай – инженерные работы. Однако все понимали: война проиграна. Нельзя было не согласиться с Императрицей Марией Александровной, сказавшей в узком кругу: «Наше несчастье состоит в том, что мы не можем сказать стране, что эта война была начата нелепым образом, что велась дурно, что страна не была к ней подготовлена». России требовались немедленные реформы, и прежде всего в армии.

25 января 1856 года Великий князь Михаил Николаевич приступил к исполнению обязанностей генерал-фельдцейхмейстера – командующего всей русской артиллерией. В эти же годы он принял на себя множество государственных и общественных обязанностей: стал вице-председателем комиссии, учреждённой для улучшения службы и быта военнослужащих; членом комитета об учреждении кавалерийской академии; начальником 2-й лёгкой гвардейской дивизии.

Михаил Николаевич проявил себя вдумчивым, практичным, мудрым руководителем. Опыт Крымской войны научил: нельзя воевать устаревшим оружием с противником, вооружённым по последнему слову техники. Первым делом князь взялся за обновление и совершенствование вооружения, всячески способствуя внедрению передовых достижений науки и техники. Уже в 1858 году в русской армии на вооружение были приняты первые нарезные орудия, у которых, в отличие от гладкоствольных, масса снаряда и дальность выстрела увеличивалась в два раза. А спустя двенадцать лет вся русская артиллерия перешла на нарезные стволы. В 1867 году появилась новая трёхфунтовая горная пушка, заряжавшаяся с казённой части, а не со ствола. Постепенно отказались от бронзовых стволов, их стали готовить из более прочного материала – стали. Князь умело привлекал талантливых людей, поддерживал и направлял их работу. Математики Лобачевский, Чебышев, Остроградский занимались теоретической разработкой принципов прицела и вопросами баллистики, химики Менделеев и Панпушко разрабатывали новые виды пороха, Забудский – взрывчатые вещества. Металлурги Аносов, Обухов, Калакуцкий вели исследования в области сплавов, Гадолин придумал многослойные стволы. В 1870-х годах русский инженер Владимир Степанович Барановский спроектировал несколько образцов 2,5-дюймовых (63,5-миллиметровых) скорострельных орудий для конной и горной артиллерии и для вооружения десантных ударных бригад, в которых впервые применил поршневый затвор с самовзводным ударником, предохранитель, унитарный патрон, ударный способ воспламенения заряда, безоткатный лафет, оптический прицел.

Перевооружение артиллерийских частей требовало реформирования этого рода войск, в 1884 году начинают создавать новые артиллерийские части. В 1891 году создан горно-артиллерийский полк, одной из его задач было проведение испытаний экспериментальных артиллерийских систем.

Карьера Великого князя складывалась удачно, пора было подумать и о личной жизни. 30 июня 1856 года все в Зимнем дворце: и Царская семья, и приближённые – обсуждали новость – помолвку Великого князя Михаила Николаевича с Цецилией-Августой, принцессой и маркграфиней Баденской. В семье Романовых спокойного и уравновешенного Михаила Николаевича любили и уважали. Какова его невеста? Будет ли хорошей женой Великому князю? Принцесса Цецилия выросла в спартанских условиях, её отец – великий герцог Леопольд Баденский – относился к своим детям строго и требовательно, ласка и нежность считались лишними в его системе воспитания. Правда, Цецилия ни о чём не сожалела, она получила хорошее образование, любила читать. История первой встречи принцессы с Великим князем Михаилом Николаевичем нам неизвестна. Почти год протоиерей Штутгартской церкви и коллежский регистратор Майхровский учили великокняжескую невесту русскому языку и основам православия. 3 августа 1857 года в церкви Большого Петергофского дворца состоялся торжественный обряд крещения и миропомазания Высоконареченной невесты Михаила Николаевича. Под звон колоколов из храма вышла Великая княгиня Ольга Фёдоровна. Позже Великий князь признался, что выбрал имя Ольга потому, что ему не нравилось имя Цецилия. На следующий день, 4 августа, в той же церкви состоялось обручение Михаила Николаевича с Ольгой Фёдоровной. Шестнадцатилетняя невеста была необыкновенно хороша – юная, нежная, прекрасная.

Свадьбу назначили на 16 августа 1857 года. Солнечным утром в Петербург по недавно открытой железной дороге прибыл поезд с невестой. Роскошные вагоны украшали гирлянды цветов. Въезд в столицу Российской империи получился торжественным. От Николаевского вокзала

Великая княгиня Ольга Фёдоровна

до Зимнего дворца с двух сторон выстроились войска, собралось множество народа приветствовать новую Великую княгиню. Невесту нарядили в великолепное белое платье, плечи покрыли малиновой, подложенной горностаем мантией, концы которой несли четыре камергера. Вдовствующая Императрица Александра Фёдоровна возложила на её голову корону. Венчание на котором присутствовала вся Царская семья и придворные, происходило в церкви Зимнего дворца. Когда молодожёны входили в концертный зал где их ожидали у свадебного стола гости, прогремел 21 пушечный выстрел знаменуя образование новой Великокняжеской семьи. В тот день Михаил Николаевич записал в дневнике: «Я истово молился и благодарил Бога всей душой за то, что он позволил мне прожить этот день».

Первые годы Великокняжеская чета провела в Петербурге, после пышных свадебных торжеств жизнь постепенно вошла в своё русло. Михаил Николаевич продолжал добросовестно выполнять возложенные на него государственные и общественные обязанности, к которым добавились и новые. В августе 1857 года Михаил Николаевич назначен на должность начальника артиллерии Отдельного Гвардейского корпуса, в апреле 1859 года стал членом Комитета, созданного для рассмотрения состояния укреплений Балтийского и Чёрного морей. Успешные преобразования, проводимые Великим князем, появление нового в русской армии вооружения требовали от офицеров большей профессиональной подготовки. Об этом также неустанно печётся Михаил Николаевич. 9 февраля 1860 года Высочайшей волею Великий князь назначен главным начальником военно-учебных заведений Российской империи, а 25 августа произведён в генералы от артиллерии. Офицерский состав увеличивался, одного Михайловского училища оказалось недостаточно. Благодаря хлопотам Михаила Николаевича в 1894 году Константиновское военное училище было преобразовано в артиллерийское. Особое внимание Великий князь обращал на стрельбу, он учреждал различные состязания, победителям вручался кубок генерал-фельдцейхмейстера.

Эти многочисленные обязанности требовали времени и сил. К тому же молодую Великокняжескую чету захватил вихрь светской жизни. Супруги любили блеск и роскошь двора, но чувство долга обязывало их присутствовать на официальных приёмах, званых обедах, придворных балах. В Царской семье эту дружелюбную, приятную в общении пару любили, ласково называя «Мишелями». В Петербурге у Михаила Николаевича и Ольги Фёдоровны родились трое детей: Николай, Анастасия, Михаил.

6 декабря 1862 года в судьбе Великого князя Михаила Николаевича открылась новая славная страница. Высочайшим повелением он назначен наместником на Кавказе и главнокомандующим Кавказской армией. Для Михаила Николаевича это не только большая честь, знак особого доверия Государя, но и огромная ответственность.

Вместе с Михаилом Николаевичем на Кавказ отправилась его семья. Здесь им довелось прожить почти двадцать лет и немало сделать, чтобы этот чудесный край обрёл мир и покой. Несомненная заслуга Великого князя

Михаила Николаевича в том, что изнурительная, длившаяся более полувека война была, наконец, закончена после «усмирения» Чечни и Дагестана. 15 июня 1864 года Государь Александр II жалует Великого князя Михаила Николаевича орденом Св. Георгия II степени «за окончание Кавказской войны».

Весть о покорении Кавказа стала главной темой разговоров не только в царском дворце и петербургских салонах, Великий князь Михаил Николаевич в глазах всего русского общества слыл героем, в каждом городе Его Высочество ожидал восторженный приём. Летом 1865 года Ялта готовилась к торжественной встрече Великого князя Михаила Николаевича. Для великокняжеской свиты приготовили комнаты в лучшей ялтинской гостинице Галахова, пристань украсили цветами, дома — плошками. Очевидец этого события Н. Жуков оставил свои воспоминания: «2 августа, вечером, начались на военном пароходе сигналы, и вечером же, при большом морском волнении, прибыл пароход с Великим Князем и его свитой. Скоро после того лодки подъехали к берегу, Великий Князь уехал в одну из императорских дач, и гулянье продолжалось в иллюминированном городе, который, как мне казалось, по средствам своим едва ли мог сделать более. Мне понравилось здесь то, что Великому Князю, которому на долю выпала честь украсить страницы отечественной истории окончательным покорением Кавказа, первый приём, выражавший признательность и преданность, сделал городок столь маленький и бедный, но сочувствующий великому событию не менее других больших городов...»

Однако Великий князь Михаил Николаевич не собирался поживать на лаврах. Теперь перед наместником стояла более сложная задача — наладить мирную жизнь. Полностью поддерживая политику своего венценосного брата, он и на Кавказе последовательно проводил реформы, чутко учитывая при этом местные особенности.

Начавшаяся вскоре Русско-турецкая война 1877-1878 годов стала экзаменом для реформированной Кавказской армии. 12 апреля 1877 года, русские войска перешли границу и нанесли нео-

Великий князь Михаил Николаевич
наместник Кавказа

жиданный удар по турецким позициям. Янычары не ожидали нападения и, имея подавляющее преимущество в силах, отступили. Русские соединения устремились в глубь вражеской территории. Однако османы быстро оправались и взяли инициативу в свои руки. Неблагоприятный оборот дел встревожил Великого князя, он лично отбыл на фронт со своим начальником штаба генералом Николаем Обручевым. Великий князь Александр Михайлович запомнил тот день. Отец «сидел в широкой коляске, запряжённой четвёркой лошадей, с шестью казаками, скакавшими сзади, и тремя спереди. Один из них держал в руках значок Наместника Кавказского, с большим православным крестом на фоне белых, оранжевых и чёрных цветов и надписью: «С нами Бог!» Древко также было украшено массивным золотым крестом. Бесчисленное количество экипажей с генералами и чинами штаба следовало за коляской отца под охраной сотни конвоя... Величавые звуки национального гимна и громовые приветствия толпы усиливали торжественность минуты». Юные князья, сыновья Михаила Николаевича, завидовали отцу и не понимали, отчего так горько плачет матушка.

Русская армия стала готовиться для нанесения сокрушительного удара. В сражении 2 и 3 октября армия Мухтара-паши была разгромлена, потеряв 15 тысяч убитыми и всю артиллерию. 9 октября Великий князь Михаил Николаевич был награждён орденом Св. Георгия I степени «...за разбитие наголову кавказскими войсками под личным предводительством Его Высочества армии Мухтара-паши в кровопролитном бою 3 октября 1877 года на Аладжинских высотах и принуждение большей части оной сложить оружие». После победы Великий князь отбыл в Тифлис, предоставив воевать более опытным генералам – И.Д. Лазареву, М.Т. Лорис-Меликову и другим сподвижникам. И в этом вновь сказался опыт Крымской войны: Великий князь знал, что не обладает достоинствами блестящего военачальника и предпочитал доверить дело более талантливым полководцам, не опасаясь, что они своей славой затмят его в глазах Государя. Главное – победа России. Блистательное взятие Карса 6 ноября 1877 года фактически завершило войну на Кавказе. Победа была полной! За успешное руководство боевыми действиями на Кавказском театре военных действий Великий князь Михаил Николаевич 16 апреля 1878 года произведён в генерал-фельдмаршалы.

По мнению графа С.Ю. Витте, «Великий Князь был хорошим кавказским наместником; он был человеком довольно ограниченным, государственно ограниченным, мало государственно образованным, но человеком с традициями и традициями великокняжескими. По убеждениям – он был сын своего отца Николая Павловича, причём он обожал его память. Будучи наместником, он окружил себя старослужащими на Кавказе и вследствие этого управлял Кавказом весьма недурно. Он держался тех же традиций, каких держались и его предшественники; традиции же его предшественников были таковы: так как большая часть населения Кавказа приняла подданство России по их собственному желанию и так как православное население Кавказа, вообще всё христианское население его, в продолжение

всей кавказской истории было верно России, то наместники держались того принципа, что Кавказ должен быть частью Империи и что к христианскому населению Кавказа, в особенности, надо относиться так же, как к русским. При Великом Князе Михаиле Николаевиче Кавказ жил той же жизнью, как и при его предместниках, пользуясь, пожалуй, ещё большим к себе вниманием по той простой причине, что Великий Князь был сначала братом Государя, а после смерти Александра II он был дядей Государя Александра III. Оба Государя относились к Великому Князю весьма родственно и ласково, что, впрочем, Великий князь сам по себе вполне заслуживал, потому что это был прекраснейший, благороднейший человек... Михаил Николаевич оставил о себе на Кавказе самые лучшие воспоминания».

Великая княгиня Ольга Фёдоровна стала не только любящей женой, но и верным другом, мудрым советчиком. Великая княгиня, воспользовавшись положением наместницы, дававшим ей определенную свободу, много времени посвящала благотворительности. Она основала первые на Кавказе школы для девочек и институты для женщин, в 1870 году её попечением в Тифлисе открылась музыкальная школа. О таком в России ещё только мечтали. Под Августейшим покровительством Ольги Фёдоровны находился Закавказский Ольгинский Повивальный институт. Ученицы, хорошо успевающие и отличавшиеся образцовым поведением, освобождались от платы и даже получали стипендию. Великая княгиня основала Тифлисское родовспомогательное учреждение, в котором фельдшерицы помогали детям появиться на свет.

Михаил Николаевич и Ольга Фёдоровна оказывали высочайшее покровительство многим благотворительным фондам и обществам. Они являлись членами Общества поощрения художников, посещали выставки, приобретали картины, участвовали в лотереях. Великая княгиня полностью поняла и приняла обычаи России и считала себя русской, поэтому стала Августейшей покровительницей Общества распространения христианства, на её пожертвования строились и украшались церкви в городах

Великая княгиня Ольга Фёдоровна

и аулах Кавказа. К наместнице постоянно обращались с прошениями. И многие бедные, больные, сироты получали помощь. «Некоторые, судя по внешней невозмутимости Великой княгини Ольги Фёдоровны, считали её холодной и недоступной. Но она была сдержанна и осторожна только в своих отношениях к людям. Сердце же её было открыто участием и милосердием. Никому она не отказывала в помощи. Здравый и пронизательный ум помогал ей распознавать людей, их достоинства и цели. Более всего она любила правду, прямое и честное исполнение долга».

В 1873 году торжественно отмечалась десятилетняя годовщина прибытия Великой княгини Ольги Фёдоровны на Кавказ. 16 апреля в Тифлисе отслужили молебны во всех учреждениях, состоявших под покровительством Её Высочества: 8 школ и благотворительных заведений. Великой княгине поднесли поздравительный адрес, в котором говорилось: «Число училищ, рассеянных по всему Кавказскому краю и носящих Ваше высокочтимое имя, говорит, что заботы Ваши о просвещении простирались на весь обширный Кавказ, где великое дело восстановления христианства также привлекало Ваше внимание и возбуждало Вашу христианскую ревность».

С начала русско-турецкой войны через Тифлис ежедневно проходила войска, отправлявшаяся на фронт. Каждого воина княгиня сделала своим гостем. В дворцовом саду расставили столы с самоварами и угощением. Ольга Фёдоровна и её дети доброжелательно приветствовали каждого солдата.

Михаил Николаевич и Ольга Фёдоровна с сыном Николаем и дочерью Анастасией

наливали чай и подавали сахар, булки, варенье. Княгиня возглавила Общество Красного Креста на Кавказе. Заботясь о раненых, попросила подготовить список вещей, необходимых для госпиталей, и пожертвовала вещи для 60 офицеров: кровати, матрацы, одеяла, халаты, постельное бельё. На свои средства она оборудовала полевой фургон с медикаментами и хирургическими инструментами на 200 человек.

В отношениях Михаила Николаевича и Ольги Фёдоровны всегда сохранялась любовь. Великий князь, единственный из братьев, сумел окружить супругу бесконечным обожанием, вниманием и преданностью. Бог благословил эту семейную пару немалым потомством – шестью сыновей и дочь. На Кавказе ро-

дились четверо детей: Георгий, Александр, Сергей и Алексей. У детей были няни, гувернёры и учителя, но Ольга Фёдоровна сама следила за их воспитанием и образованием. Часто посещая уроки, она говорила учителям: «Забудьте, Бога ради, их титулы и кто они такие. Они пока только ученики, равноправные со всеми. Забудьте, что они мои дети, и я, и Великий князь будем вам очень признательны». От детей княгиня требовала беспрекословного подчинения, слово матери было законом, который они не смели нарушать; возражать, впрочем, они тоже не осмеливались, хотя в душе страдали от недостатка материнской любви и нежности. Великая княгиня Анастасия Михайловна вспоминала, что в загородном имении в Боржоми в саду рос её абрикос. Но ей не позволялось отведать сочного, пронизанного солнцем фрукта без разрешения.

Ольга Фёдоровна обладала острым умом и сильным темпераментным характером, к тому же она не умела лукавить и говорила то, что считала нужным, хотя её суждения нравились далеко не всем. Одна из фрейлин Великой княгини вспоминала её как «необычайно умную женщину с необычайно острыми критическими взглядами. В некоторых кругах её даже боялись за жёсткие, но удивительно меткие замечания. Ко мне она всегда относилась с доброжелательным вниманием и уважением». Но в Царской семье не все родственники удостоивались уважения Ольги Фёдоровны. Она резко осуждала Великих князей, которые заводили любовниц и даже целые семьи на стороне. Тяжким ударом стала для неё новость о многолетнем романе Императора Александра II с княжной Долгорукой.

Зимой 1880 года в Тифлис пришло известие об очередном покушении на жизнь Императора. Ужаснее всего, что взрыв случился прямо в Зимнем дворце. Слава Богу, ни Александр, ни кто другой из Царской семьи не пострадали, но погибло много людей. Михаил Николаевич не мог оставаться вдали от брата в такое трудное время, и вся семья засобиралась в Петербург. Вскоре тихо скончалась Императрица Мария Александровна, и Александр, не выдержав положенного траура, обвенчался с Екатериной Долгорукой. Великий князь Михаил Николаевич оказался в сложном положении: в душе он осуждал брата, но критиковать поступки Императора не смел. Великий князь Александр Михайлович, тогда подросток, хорошо запомнил, как отец пытался подготовить жену и сыновей к встрече с новой супругой Царя.

Литерный поезд приближался к Петербургу, когда Михаил Николаевич пригласил всех сыновей в салон-вагон для важного разговора. Войдя, дети сразу поняли, что между родителями состоялась ссора: лицо матушки покрывали красные пятна, отец курил, размахивая длинной чёрной сигарой.

– Слушайте, дети, – начал отец, поправляя на шее ленту ордена Св. Георгия Победоносца, полученного им за покорение Западного Кавказа. – Я хочу вам что-то сказать пока мы ещё не приехали в Санкт-Петербург. Будьте готовы встретить новую Императрицу на первом же обеде во дворце.

– Она ещё не Императрица! – горячо перебила Ольга Фёдоровна. – Не забывайте, что настоящая Императрица Всероссийская умерла всего только десять месяцев тому назад!

– Дай мне кончить... – резко перебил отец, повышая голос. – Мы все – верноподданные нашего Государя. Мы не имеем права критиковать его решения. Каждый Великий князь должен так же исполнять его приказы, как последний рядовой солдат. Как я уже начал вам объяснять, дети, ваш дядя Государь удостоил браком княжну Долгорукую. Он пожаловал ей титул княгини Юрьевской по окончании траура по вашей покойной тетушке Императрице Марии Александровне. Княгиня Юрьевская будет коронована Императрицей. Теперь же вам следует целовать ей руку и оказывать то уважение, которое этикет предписывает в отношении супруги царствующего Императора. От второго брака Государя есть дети; трое: мальчик и две девочки. Будьте добры к ним.

– Вы, однако, слишком далеко заходите, – сказала матушка по-французски, с трудом сдерживая свой гнев.

Дети молча переглядывались. Затем Великий князь Сергей, который даже в возрасте одиннадцати лет любил точность во всём, спросил:

– Сколько лет нашим кузенам?

**Великая княгиня Ольга Фёдоровна
с сыном Сергеем**

Было видно, что отцу вопрос не понравился.

– Мальчику семь, девочкам шесть и четыре года, – сухо сказал он.

– Как же это возможно? – начал было Сергей, но отец поднял руку:

– Довольно, мальчики! Можете идти в ваш вагон.

«Остаток дня, – вспоминал Александр Михайлович, – мы провели в спорах о таинственных событиях Зимнего дворца. Мы решили, что, вероятно, отец ошибся и что, по-видимому, Государь Император женат на княгине Юрьевской значительно дольше, чем 10 месяцев. Но тогда неизбежно выходило, что у него были две жены одновременно. Причину отчаяния моей матери я понял значительно позже. Она боялась, что вся эта история дурно повлияет на нашу нравственность: ведь ужасное слово «любовница» было до тех пор совершенно исключено из нашего обихода».

После парадного обеда в Зимнем дворце Михаил Николаевич и Ольга Фёдоровна снова поссорились. Великая княгиня буквально клокотала от гнева и ненависти и, не устая, обвиняла Долгорукую во всех смертных грехах, пока не рассердила Михаила Николаевича:

– Я запрещаю, – он делал при этом ударение на каждом слове, – повторять все эти позорные сплетни! Будущей Императрице Всероссийской вы и все члены императорской семьи, включая Наследника и его супругу, должны и будете оказывать полное уважение! Это вопрос конченный!

Однако Ольга Фёдоровна не упускала случая обсуждать с многочисленной роднёй «презренную авантюристку» и выражать сочувствие Цесаревичу и его жене, которые, желая пресечь всяческие сплетни, старались как можно реже вести доверительные беседы с тётей Ольгой, прозванной ими за глаза «ирихонской трубой».

Между тем обстановка в Петербурге из-за частых покушений на Царя становилась все более напряжённой. Даже у юных Михайловичей было ощущение, что живут они как в осаждённой крепости, в постоянном страхе: каждый камер-лакей, подававший утренний кофе или истопник могли быть террористами. Как полиция ни старалась, обеспечить безопасность всем членам Царской семьи в огромном Петербурге не могла. Александр II, несмотря на уговоры родных, не желал покидать столицу и менять свой привычный образ жизни. Великий князь Михаил Николаевич каждое воскресенье сопровождал венценосного брата на военные парады. Это обстоятельство приводило Ольгу Фёдоровну в неопишуемый ужас, уверенность супруга в непоколебимую верность армии её нисколько не успокаивала.

– Я не боюсь ни офицеров, ни солдат, – говорила она, – но я не верю полиции, в особенности в воскресные дни. Путь к Марсову полю достаточно длинен, чтобы все местные нигилисты могли видеть ваш проезд по улицам. Я ни в коем случае не могу рисковать жизнью детей, они должны оставаться дома и не ездить на парады.

В воскресенье 1 марта 1881 года Государь и Великий князь Михаил Николаевич присутствовали на военном смотре в Манеже. Затем заехали к Великой княгине Екатерине Михайловне, приятная беседа за чашкой ароматного чая была недолгой. Михаил Николаевич задержался, Александр спешил: во дворце его ждала любимая супруга.

Всё воскресное утро юные князья Михайловичи пребывали в радостном настроении: сегодня они отправятся на каток с друзьями Ники и Жоржи и их матерью Цесаревной Марией Фёдоровной. Озорная, спортивная, она была хорошей компанией, и мальчишки ожидали весёлого развлечения с большим нетерпением. За несколько минут до выхода из дома они услышали звук сильнейшего взрыва.

– Это бомба! – закричал Георгий.

Тут же раздался второй взрыв, от которого задрожали стёкла в окнах. Братья бросились к выходу, но путь им преградил взволнованный воспитатель. Во дворец вбежал запыхавшийся лакей и закричал:

Николай II и Великий князь Николай Николаевич поздравляют офицеров. 1915 г.

Генерал-квартирмейстер Ставки Ю.Н. Данилов отмечал: «Популярность его росла с каждым днём. Его имя стало достоянием не только армии, но и всего русского народа. Стоустая молва распространяла о нём самые легендарные рассказы. Его видели всюду лично поспевавшим на помощь войскам, везде он пресекал зло, везде водворял порядок. При этом во всех рассказах Великий князь непременно рисовался защитником солдата и восстановителем в армии правды и законности». В 1915 году на фоне ряда поражений радостным событием стала капитуляция 9 марта мощной австро-венгерской крепости Теремышль, в которой сосредоточился 120-тысячный гарнизон. После торжественного молебна, отслуженного по этому поводу, Государь торжественно вручил Николаю Николаевичу орден Св. Георгия II степени*. А 12 апреля Главнокомандующий был награждён Георгиевской саблей, украшенной бриллиантами, с надписью: «За освобождение Червонной Руси».

19 апреля 1915 года германские войска начали мощное наступление, длившееся до 9 июня и получившее название Горлицкий прорыв. В результате этой крупнейшей оборонительной операции русские войска оставили Галицию. Командующий войсками Германии на Восточном фронте генерал-фельдмаршал Пауль фон Гинденбург сделал вывод: «Операция на Востоке... не привела к уничтожению противника. Русские, как нужно было ожидать, вырвались из клещей и добились фронтального отхода в желательном для них направлении». Безусловно, в этом была заслуга и Николая Николаевича. Однако отступление войск стало формальным поводом к

**Этой высокой награды в годы Первой мировой войны было удостоено всего несколько полководцев, а орден Св. Георгия I не получил никто.*

– Государь убит! И Великий князь Михаил Николаевич тоже! Их тела доставлены в Зимний дворец.

Обезумевшая от страха Ольга Фёдоровна с сыновьями помчалась в Зимний. Повсюду царила суета, у дворца собрались толпы народа, женщины истерически кричали и плакали. Семья Великого князя вошла через боковой вход. Пятна крови на мраморной лестнице и по коридору, ведущему в кабинет Государя, не оставляли никаких надежд – случилось непоправимое. Однако в дверях кабинета стоял Михаил Николаевич, живой и невредимый, и раздавал приказания служащим. Потрясённая Ольга Фёдоровна, обняв мужа, упала в обморок.

Михаил Николаевич уже покидал Михайловский дворец, когда раздался взрыв. Он бросился к Екатерининскому каналу, где увидел ужасающую картину: повсюду, у тротуара и на мостовой, лежали раненые, некоторым из них удалось подняться, другие ползли, иные делали крайние усилия, чтобы высвободиться из-под налёгших на них при падении других людей. Среди снега, мусора и крови виднелись остатки изорванной одежды, эполет, сабель и кровавые куски человеческого мяса. Карета, в которую не успел сесть Император, была искорёжена взрывом, а сам он, мертвенно-бледный, залитый кровью, без фуражки, в растерзанной шинели полулежал, опираясь руками на землю и откинувшись корпусом назад. Кровь текла ручьями из размозжённых ног, одна ступня была оторвана совсем. Полубесчувственного Александра уложили в сани и повезли в Зимний дворец. Уходящее сознание Императора ещё цеплялось за жизнь. Он воспринимал слова своего брата, Великого князя Михаила Николаевича, и просил отвезти его «скорее домой».

Кабинет заполнялся родственниками, все потрясённо молчали. Многие из собравшихся в тот скорбный момент в Зимнем дворце буквально несколько часов назад видели Императора во всём блеске, на великолепном вороном коне въезжавшим в Манеж под громовые «ура» выстроившихся по команде Наследника Цесаревича войск. На глазах у полусотни генералов и генерал-адъютантов Александр II, раскланявшись на все стороны, поздравился с войсками, а в ответ ему зазвучало привычное: «Здравия желаем Вашему Императорскому Величеству!» И никто не знал, что это воинское приветствие раздалось для него в последний раз. В 3 часа 35 минут Император Александр II оставил этот мир.

Новый Император Александр III, племянник Михаила Николаевича, отозвал Великого князя с должности наместника Кавказа и назначил председателем Государственного совета. Высший государственный пост Российской Империи Михаил Николаевич занимал 24 года. Граф С.Ю. Витте свидетельствовал: «Государь Император очень любил... Михаила Николаевича, своего дядю; это был единственный из его дядей, к которому он относился вполне благосклонно и любовно, главным образом именно потому, что Великий князь Михаил Николаевич был образцового поведения, как в семейной жизни, так и вообще как Великий князь».

Ольга Фёдоровна и в Петербурге продолжала заниматься благотворительностью, хотя и не с таким размахом, как на Кавказе. Она стала покровительницей Александровской мужской больницы, открытой в 1884 году, к ней за помощью обращались солдатские и офицерские вдовы и сироты.

Столичная жизнь была не по душе Великокняжеской чете; свободное время, которое, к сожалению, выдавалось нечасто, они любили проводить в загородной усадьбе Михайловке и в Крыму. Великий князь очень гордился своим южнобережным имением. При всяком удобном случае он скупал близлежащие земли у крымских татар, и вскоре стал владельцем самого крупного, после Ливадийского и Ореандовского, имения, занявшего участок около 70 десятин (100 га) и раскинувшегося от почтового Севастопольского тракта до берега моря. Усадьбу назвали Ай-Тодор, как и прибрежный мыс. Очень скоро в окружении живописного, тенистого парка появились небольшой дворец, свитский корпус, ялтинский архитектор Михаил Устинович Котенков построил Малый дом, кавалерийский, кухонный, конюшенный, рабочий корпуса, дом управляющего. Вокруг на холмах, щедро освещённых солнцем, разбили виноградники, построили винподвал. Скоро имение начало приносить доход: ай-тодорские вина, фрукты, цветы продавались в Петербурге, Выборге, Варшаве.

Любимое крымское имение Михаил Николаевич подарил обожаемой супруге. Ольга Фёдоровна полюбила этот живописный уголок, с огромным удовольствием она занималась парком и розарием, где каждое деревцо, каждый цветок посажены под её наблюдением. Особой гордостью княгини стали ароматные, сочные, необыкновенно вкусные фрукты. В течение долгих лет жалуясь на слабое здоровье, Ольга Фёдоровна любила посещать Крым, целебный климат помогал окрепнуть так же, как и на европейских курортах, но не надо было уезжать далеко от своей многочисленной семьи.

Правда, служба на Кавказе, а затем в Государственном совете не позволяла Великим князьям часто бывать в крымском имении, но золотой юбилей – 50-летие Великого князя Михаила Николаевича – отметили именно в Ай-Тодоре. Тёплым, солнечным утром 13 октября 1882 года юбиляра поздравляли старший брат, Великий князь Константин Николаевич, и бывший военный министр Д.А. Милютин. Баронесса М.П. Фредерикс подарила Михаилу Николаевичу бюст его матушки, Императрицы Александры Фёдоровны, долгие годы украшавший кабинет ай-тодорского имения.

Время шло, дети вырастали и выбирали свой путь, который не всегда радовал родителей. Вот Александр вдруг вместо артиллерийской выбрал морскую карьеру, видано ли! Но отговорить сына не сумели – смирились. Каждый раз, когда Сандро уходил в плавание, Ольга Фёдоровна не находила себе места в ожидании письма. Но вот долгожданная весточка получена, материнское сердце успокоилось, однако ненадолго. Ольге Фёдоровне не хватало доверительных отношений со своими взрослыми детьми, а они, не получившие в детстве тепла и ласки, не привыкли делиться мыслями и чувствами, открывать свою душу, рассчитывая на взаимопонимание.

Великая княгиня Анастасия Михайловна

лась, а Николай Михайлович всю жизнь был одинок.

Немало тревожных дней доставил сын Георгий: тихий, спокойный юноша, он вдруг влюбился в княжну Чавчавадзе. И только активное вмешательство родителей положило конец этой юношеской привязанности. Но самым влюбчивым оказался второй сын Михаил, Миш-Миш, как ласково его называли в семье. Великий князь мечтал создать семью, он делал предложение принцессе Гессенской Ирэн и принцессе Уэльской Луиз, каждый раз считая, что влюблён без памяти, но получил отказ. Затем избранницей князя стала девушка неравного с ним происхождения – дочь графа Игнатьева, министра правительства. В 1891 году он отправился в Европу развеяться, утешиться от любовных переживаний. В марте Михаил Михайлович прислал письмо, в котором сообщал, что он женился, тайно, без согласия родителей и Государя. Его супругой стала графиня София Николаевна Меренберг, внучка знаменитого поэта А.С. Пушкина*.

Узнав об очередном династическом скандале, Александр III был разгневан и запретил Великому князю появляться в России, лишив всех прав

*София Меренберг рождена в морганатическом браке. Её отцом был принц Николай-Вильгельм Нассау, матерью – Наталья Александровна, дочь Пушкина. Династия Нассау пользовалась в Европе уважением, герцоги Нассауские правили в Нидерландах, а в 1890 году Адольф Нассау стал великим герцогом Люксембургским. Наталья Александровна Пушкина, как морганатическая супруга, не могла носить родовое имя герцогов, поэтому ей пожаловали титул графини Меренберг.

Особенно беспокоила Ольгу Федоровну неустроенная личная жизнь её сыновей. Единственную дочь Анастасию родители выдали замуж за Фридриха Франца, герцога Мекленбург-Шверинского. А вот на сыновей повлиять не смогли. В 1886 году старший любимый сын Николай прислал письмо из Парижа, в котором сообщал, что граф Парижский желал бы выдать за него свою дочь принцессу Амалию. Узнав об этом, Михаил Николаевич воскликнул: «Мой отец Николай I перевернётся в могиле, если его внук женится на внучке Людовика-Филиппа, католичке». Ольга Федоровна, потрясённая не меньше супруга, всё же заметила не без сарказма: «Николай I, вероятно, так часто переворачивается в гробу, что лишний раз не имеет значения». И всё же эта свадьба не состоя-

и званий. «Отот брак, заключённый наперекор законам нашей страны, требующим моего предварительного согласия, будет рассматриваться в России как недействительный и не имеющий места», – заявил Государь герцогу Люксембургскому.

Опала не сильно расстроила Великого князя Михаила Михайловича – он любил, был любим и, наконец, счастлив. А вот для его родителей это событие стало настоящим ударом. Ольга Фёдоровна, строго соблюдавшая законы династии, всегда осуждала родственников, нарушивших их. А теперь преступником стал её собственный сын! Как мог он поступить столь легкомысленно, пренебречь долгом! Она рыдала несколько дней, да и Великий князь Михаил Николаевич не стыдился слёз. Здоровье Ольги Фёдоровны резко ухудшилось, врачи посоветовали ей поехать в Крым. Надеясь найти сердечное утешение в любимом Ай-Тодоре, Великая княгиня 28 марта отправилась в путь. В тот же вечер в поезде почувствовала себя плохо, в Харькове её перенесли в Царские комнаты, пригласили врача, искусство которого уже не могло помочь. Ольга Фёдоровна умерла.

На следующий день в Харьков прибыл Великий князь Михаил Николаевич с сыновьями. Новое горе подкосило этого сильного человека, он и во время панихиды, и когда гроб несли в траурный вагон, не в силах был поверить, что его любимой жены, 34 года делившей с ним и радость и печали, нет больше. В Петербурге поезд с телом Ольги Фёдоровны встречали Император и Императрица, они лично участвовали во всех траурных церемониях. Отдавая последние почести, за гробом Великой княгини шла депутация Петербургских заведений, состоявших под её покровительством, и несли награды Ольги Фёдоровны: медаль в память войны 1877-1878 годов, медаль и знак Общества Красного Креста, персидский орден Солнца, орден Св. Екатерины I степени. 5 апреля 1891 года Великую княгиню Ольгу Фёдоровну погребли в Петропавловском соборе.

Михайловский дворец наполнился глубокой скорбью. Михаил Николаевич погрузился в меланхолию, жизнь вдруг утратила смысл и яркость красок. Вокруг

Внучка А.С. Пушкина С.Н. Меренберг со своим мужем – Вел. к. Михаилом Михайловичем (в центре) и его братьями Александром и Сергеем. 1892 г.

были дети, не оставляла своими заботами дядю Мишу Императрица Мария Фёдоровна, но легче Великому князю не становилось. Он был благодарен близким, когда они молчали: все слова соболезнования и утешения причиняли боль. Упрекал Михаила за женитьбу, а себя за то, что отпустил Ольгу Фёдоровну одну в Крым. Михаил Николаевич бесцельно бродил по комнатам дворца, часами сидел безмолвный, курил одну за другой толстые сигары и пристально вглядывался в длинный полуосвещённый коридор: не услышит ли знакомые шаги жены и ласковый голос, который напомнил бы ему, что нельзя курить в гостиной. И всё же время – лучший лекарь. Михаил Николаевич, постаревший и осунувшийся, постепенно возвращался к жизни, к своим обязанностям, к службе.

Вскоре не стало Александра III. Новый монарх оставил Великого князя Михаила Николаевича в должности председателя Государственного совета, ценя его за мудрость и опыт – ведь он служил трём Государям. Граф С.Ю. Витте считал: «Великий князь... по возрасту и положению занимал исключительное положение среди семьи. Никто из родственников не стал бы ему перечить. Благодаря своему такту и влиянию он являлся настоящим миротворцем». А Великий князь Александр Михайлович сожалел, что отец не использовал своего влияния на Императора Николая II. Он писал: «...наиболее опытным был мой отец, так как двадцатидвухлетняя служба во главе администрации на Кавказе научила его искусству управления. Он был бы идеальным советником молодого Императора, если бы не был столь

Михаил Николаевич. 1892 г.

непреклонным сторонником строгой дисциплины. Ведь его внучатый племянник был его Государем, и как таковому, ему надлежало оказывать беспрекословное повиновение. Когда Николай II говорил ему: «Я полагаю, дядя Миша, что необходимо последовать совету министра иностранных дел», мой отец кланялся и «следовал совету» министра иностранных дел. Привыкнув видеть во главе России людей зрелого ума и непреклонной воли, Великий князь Михаил Николаевич никогда не сомневался в конечной мудрости решений своего внучатого племянника, что аннулировало потенциальную ценность его всестороннего понимания вопросов управления Империей».

Возможно, Великий князь Михаил Николаевич и не играл заметной политической роли, предпо-

читая честно выполнять свои обязанности. Но он оставался единственным живым свидетелем прошлой эпохи, ушедшей безвозвратно. Вот как вспоминал о князе генерал-губернатор Москвы В.Ф. Джунковский: «...его высокая фигура производила обаятельное впечатление на всех, кто с ним имел соприкосновение. Он умел соединять величие с удивительной простотой. Он был очень добрый человек... Он был единственный из Великих Князей, сохранявший ещё с некоторыми обращение на «ты», и это «ты» звучало в устах Великого Князя каким-то родными дорогим...»

В феврале 1903 года в Зимнем дворце состоялся необычный бал-маскарад. Все приглашенные должны были появиться в роскошных костюмах семнадцатого века, изображая двор одного из первых Царей династии Романовых Алексея Михайловича. Великий князь необыкновенно гармонично смотрелся в костюме атамана запорожских казаков, с седой бородой, высокий, с величавой осанкой. Этот праздник стал последним как в истории Российской Империи (с началом русско-японской войны придворные балы не устраивались), так и в жизни Михаила Николаевича. Летом этого же года Великого князя постиг удар, он был найден в спальне лежащим на полу в бессознательном состоянии. Александр Михайлович вспоминал: «В течение трёх недель он находился между жизнью и смертью, и мы ухаживали за ним днём и ночью. Было бесконечно тяжело смотреть на этого гиганта, который вдруг оказался беспомощным, как ребёнок, и потерял дар речи. В возрасте семидесяти одного года, пережив трёх Императоров, он невыразимо страдал от мысли, что ему приходится умирать в столь тяжёлый для России час. Однако его нечеловеческая воля к жизни спасла его: в середине августа он стал говорить, и в его правой половине появились признаки улучшения. В сопровождении двух докторов и трёх адъютантов он поехал в специальном поез-

Вел. кн. с дочерью Анастасией, внучкой Александрой, датской принцессой и правнуком Фредериком. 1899 г.

Михаил Николаевич, 1903 г.

де в Канны. Судьбе было угодно, чтобы он прожил ещё шесть лет и увидел разгром русской армии».

В 1905 году Михаил Николаевич по состоянию здоровья оставил пост председателя Государственного совета. Он проводил остаток дней на юге Франции. Двигался с трудом, но голова его по временам была совсем свежа. Великий князь всегда бывал рад, когда его навещали родные и друзья. Его не стало 18 декабря 1909 года. Со всеми прибавочными почестями Великого князя Михаила Николаевича погребли в Петропавловском соборе Петербурга 5 января 1910 года. Память о нём и после кончины сохранялась в русской армии.

Начальник канцелярии министерства Императорского двора А.А. Мосолов в книге воспоминаний дал Михаилу Николаевичу такую характеристику: «Великий князь Михаил Николаевич не был особо одарённым человеком. Он

был благородным и уравновешенным по характеру и обладал учтивостью, чертой весьма редкой в наши дни. ...Михаил Николаевич не играл особой роли в политической жизни; он был слишком стар для этого (родился в 1832 году) и предпочитал свою виллу Венден в Каннах дворцам, которыми владел в Санкт-Петербурге; он умер на Лазурном берегу, унеся с собой в могилу традиции минувшей эпохи. Как патриарха семьи, его чтили все родственники, и никто из них никогда не подвергал сомнению его авторитет. Его тактичное вмешательство подавляло в самом зародыше мелкие дрязги между Романовыми.

Смерть Михаила Николаевича стала невосполнимой утратой, поскольку ничего, кроме имени, уже не объединяло династию, и с 1910 года эта пропасть становилась всё шире и шире».

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – МОРЯК И ЛЕТЧИК

«– Её Императорское Высочество Великая княгиня Ольга Фёдоровна благополучно разрешилась от бремени младенцем мужского пола, – объявил 1 апреля 1866 года адъютант Великого князя Михаила Николаевича тогдашнего Наместника на Кавказе, вбегая в помещение коменданта тифлисской крепости. – Прощу произвести пушечный салют в 101 выстрел!

– Это даже перестаёт быть забавным, – сказал старый генерал, сумрачно глядя на висящий перед ним календарь. – Мне уже этим успели надоест за всё утро. Забавляйтесь вашими первоапрельскими шутками с кем-нибудь другим, или же я доложу об этом Его Императорскому Высочеству.

– Вы ошибаетесь, Ваше Превосходительство, – нетерпеливо перебил адъютант, – это не шутка. Я иду прямо из дворца и советовал бы вам исполнить приказ Его Высочества немедленно!

Комендант пожал плечами, ещё раз кинул взор на календарь и отправился во дворец проверить новость.

Полчаса спустя забухали орудия, и специальное сообщение наместника оповестило взволнованных грузин, армян, татар и других народностей Тифлиса о том, что новорождённый Великий князь будет наречён при крещении Александром в честь его царственного дяди – Императора Александра II».

Так, с юмором, описал своё появление на свет Великий князь Александр Михайлович в «Книге воспоминаний», пятый ребёнок и четвёртый сын в семье наместника Кавказа Михаила Николаевича и его супруги Ольги Фёдоровны. По воле отца уже на следующий день, 2 апреля 1866 года, новорождённый был произведён в полковники 73-го Крымского пехотного полка и стал офицером 4-го стрелкового батальона Императорской фамилии, офицером гвардейской бригады и офицером кавказской гренадерской дивизии.

В семье маленького князя называли на кавказский лад – Сандро. Детские годы и у Великих князей, и у простых смертных – самые радостные и светлые. Но как же быстро они пролетают! Радости беззаботного детства внезапно оборвались 1 апреля 1873 года, когда Сандро исполнилось семь лет. Среди многочисленных подарков оказалась форма полковника 73-го Крымского пехотного полка и сабля. Сандро пришёл в восторг: в новой военной форме он будет выглядеть совсем как взрослый. Но он взглянул на отца, и ликование вмиг исчезло. Великий князь Михаил Николаевич, улыбаясь, покачал головой:

– Ты должен заслужить честь носить форму прилежанием и многолетним трудом. Конечно, тебе, если будешь послушным, иногда позволят надевать эту блестящую форму.

Это был последний день, проведённый в удивительном мире детства. Юный князь прощался с добрыми нянюшками, с их волшебными сказками,

с уютной детской и любимыми игрушками. Всю ночь Сандро плакал, уткнувшись в подушку и не слушая ободряющих слов доброго дядьки казака Шевченки, обещавшего навещать своего воспитанника каждое воскресенье. Видя, что Александр не может успокоиться, он испуганно зашептал:

– Вот будет срам, если его Императорское Величество узнают и отдадут в приказе по армии, что его племянник, Великий князь Александр, отменяется от командования 73-м Крымским полком, потому что плачет как девчонка!

Великий князь пришёл в ужас, что едва не обесчестил свою семью в глазах Императора и всей страны, вскочил с постели и бросился умываться.

Со следующего дня началось и продолжалось до пятнадцатилетнего возраста воспитание Великого князя, подобное прохождению строевой службы в полку. Александр и его старшие братья Николай, Михаил, Сергей и Георгий жили, как в казармах, спали на узких железных кроватях с тончайшими матрацами, положенными на деревянные доски. Великих князей будили в шесть часов утра. «Мы должны были сейчас же вскакивать, – вспоминал позже Александр Михайлович, – так как тот, кто рискнул бы “поспать ещё пять минут”, наказывался самым строжайшим образом». После утренней молитвы и холодной ванны Великие князья завтракали чаем, хлебом и маслом. Всё остальное было строго запрещено, чтобы не приучать их к роскоши.

Каждый день по семь часов братья занимались. Обширная программа, составленная строгими педагогами и одобренная родителями, включала европейские языки, географию, математику, ботанику, химию, историю искусства, музыку. Великих князей учили обращению с огнестрельным оружием, верховой езде, фехтованию, штыковой атаке. Особое внимание уделяли практическим занятиям по артиллерии, на которых часто присутствовал отец. Стреляли из орудия, поставленного прямо в саду. Александр Михайлович утверждал, что в возрасте десяти лет он мог бы принять участие в бомбардировке большого города.

Учение не было трудным ни для Сандро, ни для его старших братьев, только излишняя строгость наставников оставила осадок горечи, и полвека спустя в воспоминаниях Великого князя Александра Михайловича сквозит обида: «Из-за малейшей ошибки в немецком слове нас лишали сладкого. Ошибка в вычислении скоростей двух встречных поездов – задача, которая имеет для учителей математики особую притягательную силу, – влекла за собою стояние на коленях носом к стене в течение целого часа. Однажды, когда мы были доведены до слёз какой-то несправедливостью педагогов и попробовали протестовать, последовал рапорт отцу с именами зачинщиков, и мы были сурово наказаны».

Родители Великих князей не были сторонниками нежного воспитания, и от наставников требовали взыскательного, подчас сурового отношения к своим детям, желая воспитать их в военном духе, строгой дисциплине и сознании долга. А дети остро ощущали недостаток отцовской и, особенно, материнской любви, внимания к их проблемам, ласки и, конечно, общения.

Даже встречаясь за завтраками и обедами, они не могли свободно поговорить с обожаемыми родителями. За стол наместника Кавказа садилось не менее 30-40 человек, и мальчики должны были показать свои прекрасные светские манеры и не начинать разговор, пока к ним не обращались. А братья сгорали от нетерпения рассказать отцу о том, какую замечательную крепость они построили на вершине горы или какие чудные японские цветы посадил садовник.

Но жизнь тем и замечательна, что время от времени преподносит неожиданные подарки, приятные встречи. Весной 1875 года семья наместника Кавказа покинула Тифлис, чтобы провести шесть недель в Ливадии, крымском имении Императора Александра II. На пристани в Ялте гостей встречал сам Государь. Смеясь, он сказал, что хочет видеть самого дико-го из своих кавказских племянников. Однако, надо думать, юные Великие князья Михайловичи вели себя почтительно и скромно, стараясь продемонстрировать хорошие манеры и тем порадовать свою матушку. Сандро, как и братья, был очарован роскошной природой Крыма, чем-то напоминавшей родной Кавказ. Долгий путь несколько не утомил юного князя, и он, как только выдалась возможность, отправился обследовать великолепный парк, окружавший дворец. Полный радостных впечатлений, прыгая по мраморным ступенькам длинной лестницы, ведущей прямо к морю, он неожиданно налетел на маленького мальчика, который гулял с няней, державшей на руках ребёнка. Несколько минут они внимательно осматривали друг друга. Затем мальчик протянул Сандро руку и сказал:

– Ты, должно быть, мой кузен Сандро? Я не видел тебя в прошлом году в Петербурге. Твои братья говорили мне, что у тебя скарлатина. Ты не знаешь меня? Я твой кузен Ники, а это моя маленькая сестра Ксения.

Много лет прошло, но память Александра Михайловича сохранила образ жизнерадостного мальчика в розовой рубашке, который сидел на мраморных ступеньках длинной Ливадийской лестницы и следил, хмурясь от солнца, своими удивительной формы глазами, за далеко плывшими по морю кораблями. Так в жизнь Сандро вошли два наиболее близких и дорогих человека: лучший друг – Цесаревич Николай и любимая женщина, будущая жена – Великая княжна Ксения Александровна.

Время шло, внося перемены в жизнь семьи наместника Кавказа. 1 марта 1881 года произошло ужасное злодеяние: от рук революционеров-террористов погиб Александр II. Новый правитель Александр III внёс изменения во властные структуры. Великий князь Михаил Николаевич был назначен на пост председателя Государственного совета. В июле 1881 года семья Михайловичей поселилась в Санкт-Петербурге в Михайловском дворце. С тяжёлым сердцем Сандро покидал родной Кавказ: он не любил сырую, холодную столицу, да и напряжённая политическая обстановка чувствовалась здесь гораздо острее.

Старшие братья Александра уже начали служить, настал черёд Сандро определиться в выборе военной карьеры. И выбор молодого князя оказался

весьма оригинальным. Ещё будучи двенадцатилетним мальчиком, он начал мечтать о море. В числе наставников Великого князя оказался морской офицер лейтенант Николай Александрович Зелёный, весёлый, покладистый человек. Он много и восторженно рассказывал ученикам о службе на военном корабле и «...получалось впечатление, что флот Его Императорского Величества переходил от одного блестящего приключения к другому, и жизнь, полная неожиданностей, выпадала на долю каждого, кто был на борту русского военного корабля». Дальние страны, яркая синева южных морей, экзотическая природа, нравы и обычаи иных народов, морские путешествия – вот что повлияло на решение юного князя Сандро стать моряком. Он выбрал романтический путь, не подозревая, каким трудным он окажется.

Узнав о желании сына, родители встревожились. Великая княгиня Ольга Фёдоровна пришла в ужас:

– Моряком! Мой сын будет моряком! Ты ведь ещё дитя и не понимаешь того, что говоришь. Твой отец тебе этого никогда не позволит.

Великий князь Михаил Николаевич был также озабочен: о флоте он не знал ничего, только два члена Императорской фамилии служили во флоте, но оба не заслуживали уважения. Брат Константин Николаевич слыл опасным либералом, а племянник Алексей Александрович вовсе не сделал никакой карьеры, предпочитая службе общество красивых женщин. Однако сын проявил упорство и настойчивость. Тогда родители сообщили, что окончательное решение они примут после осенней поездки в Петербург. Они надеялись, что жизнь в атмосфере дворца и великолепных воскресных парадов зажжёт в сердце сына желание носить блестящую форму, да и холодный Финский залив заставит подумать о трудностях морской службы. Однако Великий князь Александр оставался твёрд в своём решении. К тому же он получил неожиданную поддержку со стороны Императора Александра III, который придавал большое значение военному флоту и считал, что поступление двоюродного брата на морскую службу явится хорошим примером для русской молодежи.

Великий князь не мог обучаться в Морском корпусе, – по заведённому обычаю, молодые князья получали домашнее образование, – поэтому была разработана четырёхлетняя программа, готовящая к сдаче экзаменов. Теоретические занятия дома сопровождались посещением военных судов и портовых сооружений. Каждое лето Великий князь, как все кадеты и гардемарины Морского корпуса, проводил три месяца в плавании на крейсере. Первое учебное плавание на «Варяге» шестнадцатилетний Сандро запомнил на всю жизнь, а день отплытия стал одним из самых счастливых. Утром родные, свита и дворцовые служащие собрались в маленькой церкви Михайловского дворца, священник отслужил молебен и благословил юного князя в путешествие, Александр приложился к кресту. Великая княгиня Ольга Фёдоровна заплакала – слова молитвы «о плавающих и путешествующих» нарисовали в её воображении те опасности, которые ожидали её любимого сына. Слезы супруги взволновали Михаила Николаевича, казалось бы, внешне совер-

шенно спокойного. Он нервно сказал: «Ну, пойдёмте», и все отправились в Петергофский порт, откуда яхта герцога Евгения Лейхтенбергского должна была доставить юного гардемарина на борт «Варяга». Сандро обнял и поцеловал мать, быстро попрощался с отцом и братьями: мыслями он был уже далеко, там, где вскоре скроется за горизонтом крейсер.

Лишь одно обстоятельство огорчало Великого князя: оставаясь Высочайшей особой, он был отделён от остальных кадет, спал в собственной каюте, обедал в обществе адмирала и офицеров. Сандро боялся, что такое привилегированное положение помешает дружбе с моряками. Однако этого не случилось. Благодаря общительности, искренности и трудолюбию ему удалось завоевать дружбу кадет и уважение офицеров.

В сентябре 1885 года газеты сообщили о производстве Великого князя Александра Михайловича в чин мичмана флота. Он блестяще выдержал экзамены, получив высшие отметки по всем предметам, за исключением судостроительства. 1 апреля 1886 года настал самый значительный день в жизни Великого князя – день совершеннолетия. В восемь часов утра фельдъегерь доставил Александру Михайловичу форму флигель-адъютанта Сви-

Александр Михайлович. 1882 г.

ты Его Величества. В Петергофском дворце состоялся приём, на котором присутствовали Их Величества, члены Императорской фамилии, министры, депутаты от гвардейских полков, придворные чины и духовенство. После молебствия Великий князь Александр Михайлович, держась левой рукой за полотнище флага Гвардейского Экипажа, а правую подняв вверх, чётко произнёс слова присяги на верность царствующему Государю и Отечеству и в соблюдении права наследства и фамильного распорядка. Скрепив присягу целованием креста и Библии, лежавших на аналое, подписался на присяжных листках – и вот уже Царь и Царица поздравляют Александра Михайловича с вступлением во взрослую жизнь. Торжество закончилось завтраком в честь Великого князя, в парадной столовой Петергофского дворца собрались ближайшие члены Императорской семьи.

Итак, годы ученичества остались позади, и молодой офицер готовился совершить кругосветное путешествие на корвете «Рында». Наконец-то он увидит заморские страны, о которых грезил долгие годы. Корабль преодолевал бескрайние просторы океана, волны ласково обнимали борта, созвездия необыкновенно ярко горели в тёмном небе, сливающимся в единое целое с водой, и мир окутывала звенящая тишина, полная глубокого значения, проникнутая величием вселенной. Вдруг лёгкий предутренний ветерок принёс откуда-то с берега ароматы тропических лесов. В такие минуты нельзя думать о чём-то сиюминутном. Сандро достал из бокового кармана маленький конверт, в котором он хранил карточку: «Лучшие пожелания и скорое возвращение. Твой моряк Ксения». Князь улыбнулся. Однажды в Ливадийском парке они с Ники затеяли игру. Стараясь с разбегу одолеть лестницу, Сандро буквально налетел на няню с маленькой прелестной девочкой в белом кружевном платье – и остолбенел. Ксения при виде раскрасневшегося и растрёпанного мальчишки вдруг весело рассмеялась. Потом они часто встречались в Петербурге, разговаривали и беззаботно смеялись. Очаровательная Царевна провожала Сандро в кругосветное путешествие. Когда-нибудь, может быть... Конечно, если Император не будет настаивать, чтобы его дочь вышла замуж за иностранного принца, он попросит её руки.

Великая княжна Ксения. 1878 г.

Как в молодости легко и приятно предаваться мечтам и уноситься по волнам воображения далеко в будущее, непременно счастливое. Вот только придётся подождать – Ксении нет ещё двенадцати лет.

За три года плавания Александр Михайлович посетил Бразилию, Южную Африку, Сингапур, Японию, Филиппинские острова, Индию, Австралию, Египет, Грецию, Великобританию и Швецию – почти весь мир! Во время своего путешествия Великий князь Александр Михайлович по поручению Государя Императора Александра III посещал с официальными визитами бразильского и японского императоров, английскую королеву Викторию.

Летом 1889 года «Рында» возвратилась в Петербург. Родные встречали Александра Ми-

хайловича сердечными объятиями и слезами радости. Он и сам был счастлив впервые за три года переступить порог родного Михайловского дворца. Но прошли несколько дней, и князь почувствовал, как им постепенно овладевают тоска и скука. В Петербурге всё осталось по-старому. Официальные приёмы во дворце утомляли, разговоры – сплетни скучающих придворных дам – раздражали. Матушка Ольга Фёдоровна смотрела на повзрослевшего, возмужавшего сына глазами, полными любви, рассказывала, как волновалась каждый раз, пока не получала известия о том, что «Рында» благополучно прибыла в тот или иной порт Дальнего Востока. Сандро жалел Мама, от пережитых волнений Великая княгиня страдала сердечным заболеванием и часто во время прогулок останавливалась, держась за грудь. Сын очень хотел ответить ей лаской, но оставался сдержанным, хотя и внимательным. Переживал и искал себе оправдания: в детстве, когда ему более всего была нужна любовь матери, он её не имел...

Единственная отрада для души – встречи с Ники и Ксенией. Это уже не «Твой моряк Ксения». Четырнадцатилетняя Царевна входила в нежную пору юности, расцветала, обещая вскоре стать стройной, изящной, красивой девушкой. С каким вниманием она слушала рассказы Сандро о дальних странах, каким тёплым светом лучились её большие выразительные глаза! Сандро, высокий, темноволосый красавец, очаровал Ксению. Но своё первое, робкое чувство она хранила глубоко в сердце, скрывая от всех и прежде всего от Мама, Императрицы Марии Фёдоровны, относившейся настороженно ко всем Михайловичам.

Весной 1890 года в Россию прибыла яхта «Тамара», которую Александр Михайлович приобрёл у американского миллионера.

– Сандро, – обратился к сыну Михаил Николаевич, осмотрев яхту, – ты с ума сошёл! Ты собираешься отправиться в кругосветное путешествие на этой скорлупке!

Великий князь замечал, что сын в Петербурге скучает и томится, но не мог понять причину его тоски, ибо никогда не ощущал притягательную силу морской стихии. В сентябре Александр и его младший брат Сергей покинули Петербург, яхта «Тамара» направилась к берегам Индии. Однако из дома начали приходить вести одна тревожнее другой: брат Михаил без благословения женился на прелестной, но не принадлежавшей ни к одной царствующей фамилии, девушке, чем вызвал гнев Государя, тяжело заболел туберкулёзом друг детства Цесаревич Георгий Александрович и, наконец, самое страшное известие – дорогая Мама умерла от разрыва сердца, направляясь в Крым. Братья, оставив яхту в порту Бомбея, незамедлительно пересели на быстроходный пассажирский пароход и поспешили в Россию.

Отец, бодрый и энергичный в свои 59 лет, вдруг состарился и утратил всякий интерес к жизни. Все семеро детей находились рядом, разделяя его горе и желая поддержать; они не знали, как выразить словами свою любовь к нему. Дети выросли в преклонении перед отцом, человеком сильной воли и чувства долга, и даже между собой называли его не иначе как Михаил

Николаевич, а в беседах всегда взвешивали каждое слово и сдерживали чувства. И вот теперь они сидели молча подле отца. В ушах Сандро звучали слова Библии: «И так сидели они семь дней и семь ночей, и никто не говорил ему ни слова, так как они видели, что горе его безмерно».

Оставаться в Петербурге Александру Михайловичу было тяжело. Он обратился к Государю, выразив желание служить в Черноморском флоте, и был назначен вахтенным начальником на броненосец «Синоп». Флот стал главным делом Александра Михайловича. Весной 1892 года его перевели на Балтику. После двухмесячного командования миноносцем «Ревель» князя назначили командиром минного отряда, состоявшего из двенадцати миноносцев.

В январе 1893 года Великий князь Александр Михайлович испросил аудиенции у Государя, чтобы просить откомандировать его на крейсер «Дмитрий Донской», отправлявшийся в Соединённые Штаты. Однако это была не единственная цель, Сандро решился просить руки Ксении. И хотя Император принял родственника с обычной сердечностью, Александр Михайлович страшно волновался, заикался и бормотал. Заготовленные заранее фразы, которые так красноречиво звучали дома, не производили в маленьком уютном кабинете Императора, наполненном картинами и портретами, ожидаемого эффекта. Да и пристальный, слегка насмешливый взгляд Александра III лишал молодого князя всякого мужества. Государь помолчал, размышляя, — эта минута показалась Великому князю невероятно долгой — и сказал:

— Дело относительно перевода на крейсер «Дмитрий Донской» обстоит весьма просто. Мне кажется, что это будет очень хорошо, если представитель нашей семьи передаст мою личную благодарность президенту Соединённых Штатов. Что же касается твоей просьбы руки Ксении, то мне кажется, что до меня ты бы должен был поговорить с нею.

— Я уже говорил с нею, и мы решили, что я должен просить у Вашего Величества аудиенции.

— Понимаю. Ну что же, принципиально я не против этого. Я тебя люблю. Если ты любишь Ксению и она любит тебя, то я не вижу никаких препятствий, чтобы вам пожениться. Но придётся немного подождать. Императрица не хочет, чтобы Ксения выходила слишком рано замуж. Мы окончим этот разговор не ранее чем через год.

Обрадованный Александр Михайлович бросился к Ксении, влюблённые были счастливы и надеялись получить согласие Императрицы раньше, чем истечёт срок, назначенный Государем. Великий князь с лёгким сердцем отправился в Америку. Он возвратился в Петербург в конце лета, прошла, наконец, и осень с холодными дождями, густыми туманами и скучными серыми днями. Сандро не решался напоминать Царю о своем желании жениться на его дочери. Александр III тоже не заводил об этом разговор, все словно бы забыли о предложении Великого князя. Неизвестно, сколь долго Сандро и Ксения мучились от неопределённости своего положения, если бы за дело не взялся Великий князь Михаил Николаевич.

– Когда же твоя свадьба? – спросил он сына.

– Я должен ждать окончательного ответа Их Величеств.

– Находится в ожидании и путешествовать, кажется, две вещи, которые ты в состоянии делать, – нетерпеливо возразил Михаил Николаевич. – Это становится уже смешным. Ты должен наконец создать свой домашний очаг. Прошёл год с тех пор, как ты говорил с Государем. Пойди к Его величеству и испроси окончательный ответ.

– Я не хочу утруждать Государя, чтобы не навлечь его неудовольствия.

– Хорошо, Сандро. Тогда мне придётся самому заняться этим делом.

Великий князь Михаил Николаевич не стал медлить и отправился в Аничков дворец, чтобы переговорить с Государыней. Сандро отчаянно волновался. Он знал, что отец обожает Ксению и сделает всё, что в его силах, чтобы получить согласие её царственных родителей на брак. Но и Марию Фёдоровну он тоже хорошо знал, она не любила, чтобы её торопили, и Великий князь боялся, что стгоряча она даст отрицательный ответ. Время тянулось медленно, Сандро казалось, что прошла целая вечность с той минуты, как за отцом закрылась дверь. Томясь ожиданием, он сидел за письменным столом в кабинете и ломал карандаши – оказалось, по меньшей мере дюжину он превратил в щепки.

Наконец, Сандро услышал знакомые шаги, отец быстро поднимался по лестнице, почти бежал. Лицо его сияло, он крепко обнял сына.

– Все устроено, – сказал он оживлённо. – Ты должен отправиться сегодня к Ксении в половине пятого.

– Что сказала Императрица? Она рассердилась? – тревожно спросил Сандро.

– Рассердилась? Нет слов, чтобы описать её гнев. Она ужасно меня бранила. Говорила, что я хочу разбить её счастье. Что не имею права похитить у неё её дочь. Что она никогда не будет больше со мной разговаривать. Что никогда не ожидала, что человек моих лет будет вести себя столь ужасным образом. Грозил пожаловаться Государю и просить его покарать все наше семейство.

– Что же ты ответил?

– Ах – целую уйму разных вещей! Но к чему теперь всё это. Мы ведь выиграли, и Ксения – наша.

Если бы кто-нибудь наблюдал эту сцену со стороны, то принял бы за жениха Великого князя Михаила Николаевича, радостного и возбуждённого. Сандро, ошеломлённый, сидел неподвижно: он столько

Портрет Императрицы
Марии Фёдоровны

лет ждал, робко надеясь, что однажды Ксения станет его невестой, – и вот в одно мгновение его мечты превращались в действительность.

Великий князь Александр Михайлович, едва придя в себя, отправился в Аничков дворец к Ксении. Он очень волновался – это был его первый визит в качестве жениха, а не просто родственника или друга. Ксения, в простой белой шёлковой блузе и синей юбке, вошла в комнату с опущенными в смущении глазами и молча встала у окна. Сандро взял невесту за руку, усадил в кресло, они говорили отчего-то шёпотом и почти одновременно. И вот первый поцелуй, поцелуй не родственника, а будущего супруга. Не выразимое словами счастье и блаженство переполняло души влюблённых. Но теперь следовало пойти к родителям Ксении и получить благословение.

– Будь осторожнее с Мама, – предупредила Ксения. – Она ещё сердится. Она прямо хотела уничтожить твоего отца за его настойчивость добиться её согласия.

Сандро рассмеялся, он был счастлив и готов бороться против всех императриц мира. Мария Фёдоровна, стараясь выглядеть нерассерженной, поцеловала жениха:

– Я не должна была бы тебя целовать. Ты ведь отнимаешь у меня дочь. Но что я могу поделать? Пожалуйста, передай своему отцу, чтобы он, по крайней мере, в течение года не показывался мне на глаза.

Великий князь растерянно посмотрел на Императора, но тот приветливо кивнул. Он не собирался потакать своей супруге и уже позвонил Михаилу Николаевичу, прося прибыть немедленно в Аничков дворец. Через пять минут виновник происшествия вошёл в салон Императрицы, невозмутимо улыбаясь, конфликт был исчерпан. В этот же день на торжественном обеде объявили о помолвке Великого князя Александра Михайловича и Великой княгини Ксении Александровны. Однако свадьбу назначили лишь на конец июля. Сандро пробовал протестовать, но его попросили помолчать и молить Провидение, чтобы портнихи успели к назначенному сроку сшить приданое Ксении.

Александр Михайлович решил оставшееся время употребить с пользой. По завещанию матушки он в 1891 году стал владельцем крымского имения Ай-Тодор, но, посвящая все дни службе, не заботился о нём. Теперь же князь намеревался провести в любимом Ай-Тодоре медовый месяц. Старый друг Сандро поручик Шателэн взялся привести дом в надлежащий вид, чтобы в нём удобно разместились молодожёны и их небольшая свита.

Шесть месяцев, отведённых на подготовку к свадьбе, хотя и были заняты всевозможными приготовлениями, показались влюблённым невероятно долгими. Наконец, настал долгожданный день. Венчание состоялось в церкви Петергофского Большого дворца. Невесту в серебряном платье и драгоценной короне на голове вёл к алтарю Александр III. Александр Михайлович следовал под руку с Императрицей, а за ними родственники и приглашённые. Это была первая и единственная свадьба между представителями династии Романовых.

Хор пел божественно, но Александр Михайлович плохо помнил церковную службу и пение придворных певчих, мысли уносили его в Крым, где пройдёт их с Ксенией медовый месяц. Сандро охватило лёгкое беспокойство: «Я и Ай-Тодор выросли как бы вместе. С годами Ай-Тодор превратился в цветущий уголок, покрытый садами, виноградниками, полянами и прорезанный по берегу бухтами. На берегу был выстроен маяк, который позволял нам ориентироваться на море в туманные ночи. Для нас, детей, — этот ярко сиявший сноп света Ай-Тодорского маяка стал символом счастья. Я думал о том, будет ли Ксения это чувствовать так же, как и мои братья в течение этих двадцати лет».

Утомительно долгий свадебный обед подошёл к концу, и молодожёны отправились в Ропшинский дворец, где должны были провести первую брачную ночь. Не обошлось без приключений. Ропша была так сильно иллюминирована, что кучер, ослеплённый ярким светом, не заметил маленького мостика через ручей, и три лошади, карета и новобрачные оказались в воде. К счастью, никто не ушибся.

Молодые супруги были очень счастливы: впервые со дня обручения их оставили одних, и теперь они всецело принадлежали друг другу. Сандро преподнёс жене ларец с драгоценностями своей матушки, и она залюбовалась красивой бриллиантовой диадемой и сапфирами. На следующее утро Сандро и Ксения отправились в Петербург для окончания свадебного церемониала. Молодые супруги получили поздравления дипломатического корпуса в Зимнем дворце, посетили усыпальницы царственных предков в Петропавловском соборе, поклонились чудотворной иконе Спасителя в домике Петра Великого. На вокзале их уже ожидал экстренный поезд, который быстро, за 72 часа, доставил в Крым.

На Южном берегу всё было готово к приёму высоких гостей. В Севастополе и Ялте выставлены почётные караулы, под звуки торжественного марша, исполняемого полковыми оркестрами, молодожёны взошли на борт ожидавшей их яхты «Тамарь» и вдоль скалистых берегов и уютных бухт отправились в Ялту. Новую хозяйку имения встречали букетами ароматных крымских цветов. Сандро волновался напрасно,

Александр и Ксения

Ксения сразу же полюбила Ай-Тодор. Молодые супруги гуляли по тенистым аллеям парка, любовались прекрасными видами, тёплыми бледно-синими июльскими вечерами строили планы на будущее и мечтали прожить жизнь, полную безоблачного счастья. Они не могли знать, что судьба уже приготовила им испытание.

В последние годы здоровье Александра III ухудшилось. Но Государь был так крепок и силён, что близкие не верили в серьёзность болезни. Он просто переутомился и нуждался в отдыхе. Однако к лету 1894 года всем стало ясно: Императору необходимо срочно и серьёзно лечиться. Сандро и Ксения видели, каким утомлённым выглядел Государь на их свадьбе, хотя и старался, чтобы гости не заметили его нездоровья. Диагноз врачей ошеломил: хроническая болезнь почек в очень запущенной форме. И все же никто в Царской семье не верил, что дни Александра сочтены. Ксения и Сандро, пребывавшие в атмосфере любви и счастья, также не чувствовали приближающейся беды. Они узнали, что Царская семья уехала в Беловеж, а затем в польское имение – Спалу. Ксения, стараясь поддержать и ободрить любимого отца, писала письма – ответа не было. Наконец, 8 сентября 1894 года Александр III написал дочери: *«Прости, что только теперь отвечаю на твои милейшие письма, которые доставили мне огромное удовольствие. С тех пор, что переехали сюда, чувствую себя намного лучше и бодрее, но сна*

Александр Михайлович с женой на балу.
1903 г.

никакого, и это меня мучит и утомляет ужасно, до отчаяния... Сегодня катались с Мама и Бэби. Мама и Бэби набрали много грибов, а я больше сидел в экипаже, так как очень слаб сегодня, и ходить мне трудно. К сожалению, я не обедаю и не завтракаю со всеми, а один у себя, так как сижу на строгой диете и ничего мясного, даже рыбы не дают, а вдобавок у меня такой ужасный вкус, что мне всё противно, что я ем или пью. Больше писать сегодня не могу; так меня утомляет это». Письмо оказалось последним, Императору оставалось жить всего 42 дня.

21 сентября Император с семьей переехал в Ливадию, надеясь, что тёплый климат и морской воздух принесут ему

облегчение. Ксения и Сандро навещали Александра III каждый день. Увидев отца впервые, Ксения едва сдержала слёзы: он очень изменился, исхудал и не мог встать на опухшие ноги. Нервы мама были на пределе, и Ксения старалась сделать всё, чтобы помочь ей ухаживать за больным. Сандро поддерживал друга, Цесаревича Николая. 20 октября они, стоя рядом с кислородными подушками в руках, присутствовали при последних минутах жизни Александра III. Великий князь Александр Михайлович сознавал, что «страна потеряла в лице Государя ту опору, которая препятствовала России свалиться в пропасть». Никто не понимал это лучше самого Николая. Вспоминая тот печальный день, Великий князь записал: «В ту минуту в первый и последний раз в моей жизни я увидел слёзы на его голубых глазах. Он взял меня под руку и повел вниз в свою комнату. Мы обнялись и плакали вместе. Он не мог собраться с мыслями. Он сознавал, что он сделался Императором, и это страшное бремя власти давило его.

– Сандро, что я буду делать! – патетически воскликнул он. – Что теперь будет с Россией? Я ещё не подготовлен быть Царём! Я не могу управлять Империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами. Помогите мне, Сандро!

Помочь ему? Мне, который в вопросах государственного управления знал ещё меньше, чем он! Я мог дать ему совет в области дел военного флота, но в остальном...

Александр и Ксения с дочерью Ириной

Я старался успокоить его и перечислял имена людей, на которых Николай II мог положиться, хотя и сознавал в глубине души, что его отчаяние имело полное основание и что все мы стояли перед неизбежной катастрофой».

Во время траурных процессий, поминальных панихид и похорон Ксения и Сандро находились рядом с Императрицей Марией Фёдоровной и Ники. Осиротевшей семье легче было переживать горе вместе. Спустя неделю после похорон состоялась печальная свадьба Николая II и Александры Фёдоровны. Две пары молодожёнов быстро сдружились и много времени проводили вместе. Великая княгиня Ксения Александровна, одна из немногих в высшем обществе, относилась к Александре Фёдоровне тепло и

доброжелательно, и очень скоро между двумя молодыми женщинами сложились дружеские, доверительные отношения. Некоторое время, сразу после похорон Императора Александра III, обе семьи жили в Аничковом дворце, в смежных апартаментах, так как хотели быть ближе к вдовствующей Императрице Марии Фёдоровне. Затем переехали в Зимний дворец, который подавлял своими размерами, с громадными, неудобными спальными. Весной ездили в Гатчину, летом в Петергоф, а осень проводили в Крыму, где имение Ай-Тодор соседствовало с Ливадийским дворцом. Таким образом, Ники и Аликс, Ксения и Сандро всегда были вместе, не утомляясь друг другом и своей дружбой.

Так уж устроена жизнь – горе и радость идут рука об руку. 3 июля 1895 года в Царской семье произошло счастливое событие: у Ксении и Сандро родилась дочь Ирина, первая внучка Императрицы Марии Фёдоровны и первая племянница Николая II. Александра Фёдоровна тоже готовилась стать в скором времени матерью, поэтому часами просиживала у постели Ксении, любуясь красотой малышки. В августе того же года Ксении, как обычно, пришлось сопровождать Марию Фёдоровну на Кавказ в гости к брату Георгию. А малышку Ирину, которой исполнился всего лишь месяц, она вынуждена была оставить на попечение кормилицы, няnek и Аликс. Молодая Императрица

Император Николай II.
Художник Э.К. Липгарт

была уже на седьмом месяце беременности, но каждый день утром и вечером навещала девочку, смотрела, всё ли в порядке, и подробно сообщала все новости Ксении. 22 августа 1895 года она писала: *«Позволь мне прямо тебе сказать, что твоя Крошка вполне здорова. Каждое утро мы заканчиваем прогулку визитом к ней, а затем я езжу к ней в семь посмотреть, как её купают. Она, в самом деле, такая милая, могу представить, как ты по ней скучаешь. Она так хорошо растёт, такая дружелюбная и улыбается так славно! Малышка спит почти весь день и редко просыпается ночью...»*

Великий князь Александр Михайлович желал помочь своему другу и кузену в начале царствования не словом, а делом. Он десять лет провёл на службе во флоте и хорошо знал о многих недостатках морской обороны. Великий князь

составил записку, в которой указывал, что необходимо срочно предпринять, чтобы русский флот стал по-настоящему сильным. Но предложенная молодым офицером реформа вызвала в семействе настоящий скандал. Главкомандующий русским флотом Великий князь Алексей Александрович и морской министр адмирал Чихачёв сочли себя оскорблёнными и угрожали Николаю II подать прошение об отставке, если Александр Михайлович не принесёт официальных извинений. Между Сандро и Государем состоялся неприятный разговор, и в результате Великому князю предложили либо принять командование броненосцем «Император Николай I», плавающим в китайских водах, либо временно уйти из флота. Сандро предпочёл второй вариант. Государь сразу весь прояснился и обнял Великого князя:

– Я знал, Сандро, что ты будешь благоразумен. Оставь на некоторое время в покое дядю Алёшу, а потом через год или два мы посмотрим, что можно будет предпринять для твоего полного удовлетворения. Подумай только, как счастлива будет Ксения, когда узнает, что теперь ты будешь нераздельно с нею.

И действительно, Ксения и Сандро провели самые счастливые годы своей супружеской жизни в Крыму. Один за другим рождались дети – шестеро сыновей. Во время родов Сандро всегда был рядом с любимой женой. Доктор, чтобы облегчить боль, давал Великой княгине небольшую дозу хлороформа, отчего Ксения смеялась и говорила разные забавные вещи. Дети рождались в атмосфере радости. Каждый раз при первом крике ребенка Сандро, по старинному русскому обычаю, зажигал две венчальные свечи, а потом заворачивал новорождённого в ту рубашку, которую надевал предыдущей ночью.

Увеличение великокняжеского семейства требовало расширения Ай-Тодорского имения. Александр Михайлович покупал у крымских татар соседние земли, и каждая новая десятина доставляла ему такую же радость, как рождение сына. В 1902 году площадь имения составляла более 200 десятин. Великий князь вспоминал о том счастливом периоде своей жизни: «Я испытывал громадное наслаждение, сажая новые деревья, рабо-

Дети Александра Михайловича, Андрей и Ирина, во время верховой езды по Крымским горам, 1898 г.

тая на виноградниках и наблюдая за продажей моих фруктов, вин и цветов. Было что-то необыкновенно ободряющее в возможности встать с восходом солнца и говорить самому себе, скача верхом по узкой тропинке, окаймлённой непроходимыми насаждениями роз: “Вот это реально! Это всё – моё! Это никогда мне не изменит! Здесь моё место, и здесь я хотел бы остаться на всю жизнь”. Удобная, почти ровная дорога, построенная Александром Михайловичем, соединила Ай-Тодор с Ливадией. Её впоследствии назвали «Императорской», а позднее «Царской» – Николай II и Александра Фёдоровна, отдыхая в Крыму, шли по ней в гости к Сандро и Ксении. Великий князь в беседах с Императором не говорил о своём отчислении из флота, не хотел неприятными воспоминаниями портить спокойного отдыха, хотя и огорчался в глубине души неустойчивости и нетвёрдости характера Ники. Подчиняясь зову моря, Сандро с семьёй путешествовал на яхте «Тамара» вдоль крымских берегов, случалось, возвращались затемно, а свет ай-тодорского маяка указывал путь домой.

Бывая в Петербурге, Александр Михайлович не мог оставаться праздным и занялся выпуском в свет Морского Ежегодника, сотрудничал и в других изданиях, имевших отношение к военно-морским вопросам. В этой работе Великому князю помогала собранная им библиотека. Ещё в 1882 году он начал коллекционировать книги об истории флота. Узнав о страстном увлечении юного князя, крупнейшие книжные магазины Санкт-Петербурга, Парижа, Лондона, Нью-Йорка и Бостона присылали редкие экземпляры. Великий князь Михаил Николаевич, входя в комнату сына, поражался огромному количеству книг – тяжёлые кожаные фолианты занимали полки от пола до потолка, но неудовольствия не выказывал. Лишь однажды спросил недоверчиво:

– Разве ты прочтёшь все эти книги, Сандро?

– Не все, – ответил сын. – Я просто хочу собрать библиотеку, посвящённую военному флоту. Такой библиотеки в России ещё не имеется, и даже морской министр, когда ему нужна какая-нибудь справка по морским вопросам, должен выписывать соответствующую литературу из Англии.

Отец остался доволен ответом Сандро и обещал помогать в пополнении коллекции. Накануне революции библиотека насчитывала 20 000 томов и считалась самой полной библиотекой по морским вопросам в мире! Однако судьба её оказалась печальной. Дворец Великого князя Александра Михайловича советское правительство превратило в клуб коммунистической молодежи. Однажды из-за неисправности дымоходов возник пожар, в огне погибла вся уникальная библиотека. Узнав об этом, Александр Михайлович, живший уже за границей, ужасно огорчился: он один знал, сколько сил и времени понадобилось, чтобы собрать эти книги. Иногда требовались годы, чтобы найти редчайший экземпляр, возможно, единственный в мире, и восстановить библиотеку, конечно же, было невозможно.

И всё же молодому, умному, полному сил Александру Михайловичу не хватало общественной деятельности. Он пробовал заниматься политикой и

приложить свои способности на ином поприще, не связанном с флотом – напрасно. Его призвание – быть военным моряком. Как часто воображение Великого князя рисовало карту с намеченным на ней маршрутом плавания крейсера, или он увлечённо играл в морскую игру, изобретённую им же в 1897 году и принятую в Морском училище. Наконец, когда не стало сил выносить вынужденное бездействие, Александр Михайлович обратился к Николаю II, прося выяснить, изменилось ли настроение генерал-адмирала Алексея Александровича и есть ли возможность ему вернуться к службе во флоте.

«В ответ на вопрос Государя дядя Алексей любезно улыбнулся.

– Наконец-то наш «кавказский мятежник» и сеятель раздора Сандро понял свои ошибки!

– Да, дядя Алексей, – подтвердил Ники, – я не сомневаюсь, что Сандро раскаялся.

– Хорошо! Хорошо! Спасибо за добрые вести! Скажи ему, что я согласен забыть его невозможное поведение три года тому назад. Я назначу его помощником командира судна береговой охраны».

В 1900 году осуществилась мечта Александра Михайловича. Он был произведён в чин капитана первого ранга и назначен командиром броненосца Черноморского флота «Ростислав», первого в мире боевого корабля с нефтяным отоплением котлов. В том, что его назначение совпало с началом нового столетия, Великий князь видел счастливое предзнаменование для своей предстоящей карьеры.

Вскоре Николай II попросил Александра Михайловича совмещать обязанности командира броненосца с должностью начальника главного управления торгового мореплавания на правах министра, присвоив ему чин контр-адмирала, ввёл его в Совет министров, где Великий князь оказался самым молодым членом. В 1904 году началась война с Японией, о возможности которой Сандро давно предупреждал Императора. Великий князь просил разрешения уехать в Порт-Артур. Николай решил использовать опыт зятя по-иному. Задача, возложенная на Александра Михайловича Государем, со-

Александр Михайлович

стояла в следующем: создать эскадру из легковооружённых пассажирских судов для наблюдения за путями сообщения в Японию. Великий князь справился блестяще. Он приобрёл в Гамбурге четыре парохода, соединил с несколькими судами Добровольческого флота и начал крейсерскую войну. Уже первая операция, проведённая в Красном море, завершилась захватом 12 судов с боеприпасами и сырьём, направлявшихся в Японию. И Великий князь, и офицеры, и моряки гордились таким успехом и надеялись на Высочайшую благодарность, а получили... выговор. Оказалось, что германский император Вильгельм II, союзник России, назвал действия русской эскадры в Красном море небывалым актом «пиратства, способным вызвать международные осложнения», а британское министерство иностранных дел немедленно выразило «решительный протест». Николай II потребовал освободить иностранные суда. Александр Михайлович чувствовал себя униженным и оскорблённым потому, что всю ответственность возлагали на него, хотя план крейсерской войны был утверждён Советом министров и одобрен Царём и генерал-адмиралом Великим князем Алексеем Александровичем. Он вспоминал: «В обычное время я подал бы в отставку и отказался бы от всех моих должностей, включая начальника Главного управления портов и торгового мореплавания. Но Великий князь не имел права покидать своего Государя в тяжёлое время. Подавив горечь, я подчинился».

Особенно тяжело переживал Александр Михайлович известие о Цусимском сражении. Он настойчиво уговаривал Николая не посылать Балтий-

Александр Михайлович с женой Ксенией Александровной и детьми. 1900-е гг.

ский флот на Дальний Восток, сознавая его неготовность к встрече с японцами. Император признал справедливость доводов Великого князя, но спустя время изменил своё решение. В результате – тысячи моряков погибли, Россия проиграла войну, почти лишившись флота.

Полностью отдаваясь службе, Александр Михайлович не забывал о благотворительности. В 1904 году по его распоряжению в Ай-Тодоре архитектор Н.П. Краснов в короткие сроки возвёл здания «бараков для раненых воинов», прочные каменные строения. Великий князь наладил работу госпиталя, лечебный крымский климат и прекрасный уход помогали выздоравливающим офицерам скорее вернуться на палубы своих кораблей.

После окончания войны нужно было создавать флот заново. При активном содействии и непосредственном участии Александра Михайловича учреждается Особый комитет по усилению военного флота на добровольные пожертвования. На деньги, собранные по всенародной подписке, начали строить линейные крейсера.

Лето 1905 года выдалось тревожным, по стране катилась волна забастовок, революционное движение захватило даже благословенный Крым. Александр Михайлович поспешил в Ай-Тодор к семье. Черноморский флот поднял восстание, телефонное сообщение с Севастополем оказалось прерванным. Великокняжескую семью, отрезанную от всего мира, охраняла рота солдат. Настроение у всех было подавленное. Вечерами Александр Михайлович сидел на скамейке у ай-тодорского маяка и, глядя в бесконечную даль моря, обдумывал сложившуюся в России ситуацию, мучительно ища ответ на вопрос: что делать – удовлетворить все требования революционеров или объявить им беспощадную войну? Для Великого князя был приемлем второй вариант: Самодержец Всероссийский Николай II не должен отступать перед болтунами революции ни на шаг, твёрдой рукой навести порядок в стране, вернуть престиж власти. Но известие о том, что 17 октября 1905 года Государь подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», вызвал у Александра Михайловича бурю негодования: «Сын императора Александра III соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и провокаторов Департамента полиции». Как только восстановилось телеграфное сообщение с Петербургом, Александр Михайлович телеграфировал Николаю, прося об отставке с должности начальника Управления портов и торгового мореплавания.

Открытие нового законодательного органа – Государственной Думы – состоялось 27 апреля 1906 года в Зимнем дворце. Великий князь Александр Михайлович, сопровождавший Государя и Государыню вместе с другими родственниками, этот день запомнил таким: «Все мы были в полной парадной форме, а придворные дамы – во всех своих драгоценностях. Более уместным, по моему мнению, был бы глубокий траур. После богослужения Ники прочёл короткую речь, в которой подчёркивал задачи, стоявшие перед членами Государственной Думы и преобразованного Государственного Совета. Мы слушали стоя. Мои близкие сказали мне, что они заметили слёзы

на глазах вдовствующей Императрицы и Великого Князя Владимира Александровича. Я сам бы не удержался от слёз, если бы меня не охватило странное чувство при виде жгучей ненависти, которую можно было заметить на лицах некоторых наших парламентариев. Мне они показались очень подозрительными, и я внимательно следил за ними, чтобы они не слишком близко подошли к Ники».

Подавленная атмосфера, царившая во дворце, тяготила Александра Михайловича, поэтому, когда новый морской министр, адмирал Бирилёв, предложил ему принять командование флотилией минных крейсеров Балтийского моря, он немедленно согласился. Однако вскоре из Гатчины, где проводила лето Ксения с детьми, пришло тревожное известие – один из сыновей заболел скарлатиной. Александр Михайлович уехал, как он полагал, на неделю, но всё вышло иначе. Через три дня верный денщик прислал Великому князю записку, в которой сообщал, что экипаж крейсера «Алмаз» накануне восстания и ждёт своего командира, чтобы взять его в заложники. Великий князь был потрясён и подавлен: «Я пожертвовал всем – моей молодостью, моим самолюбием, моей энергией – во славу нашего флота. Когда я разговаривал с матросами, я ни разу в жизни не возвышал голоса. Я радел о их пользе пред адмиралами, министрами, Государем! Я дорожил моей популярностью среди флотских команд и гордился тем, что матросы на меня смотрели, как на своего отца и друга. И вдруг – заложник!!!» Не в силах справиться с глубоким разочарованием, Великий князь под предлогом болезни сына решил уехать за границу.

Казалось бы, в столь непростой период жизни, когда, словно морские волны о прибрежные скалы, разбивались иллюзии, когда мучило бессилие – Россия идёт к гибели, а он не в силах ей помочь, – незыблемым оставалась любовь – к детям, к жене Ксении. Однако семейное благополучие Великокняжеской четы вскоре оказалось под угрозой.

На курорте Биарриц, где отдыхала и наслаждалась покоем семья Александра Михайловича, он встретился с дамой. Ее имя Великий князь не назвал даже спустя годы, когда их отношения остались далеко в прошлом, он не желал бросить тень подозрения на свою возлюбленную. «Эта женщина» или «моя подруга» – так называет любимую Александр Михайлович в «Книге воспоминаний». Новые сильные чувства захватили и понесли Великого князя, словно быстрая горная река. Он ошеломлён: «Я сравнивал свои чувства к Ксении с тем, как я относился к этой новой женщине, и сравнение сбивало меня с толку. Я не мог понять, кто мне нужен больше. Одна олицетворяла всё лучшее в моём характере, другая давала возможность избавиться от прошлого напряжения и ужаса. Надо было выбирать. Но сама мысль о необходимости выбора была мне отвратительна. Я был отцом шестерых детей и ожидал в ближайшие недели рождения седьмого».

Однако никакие укоры и муки совести не могли заставить Великого князя отказаться от своего увлечения, он признаётся: «Предвкушение встречи с любимой женщиной полностью изменило мой характер». Александр Михай-

лович приглашает возлюбленную в путешествие по Италии. «Моя подруга держит слово и приезжает в Рим точно в тот день, как мы договорились несколько месяцев назад. В нашей программе – поездка в Венецию, классический город всех любовников. Кто не влюблён, пусть едет во Флоренцию, где его одиночество будет гармонично соответствовать вечно морсящему дождю. Но я-то был влюблён!... Мы бродили по дворцам любвеобильных средневековых герцогов, как будто мы потеряли и нашли друг друга ещё несколько веков назад».

К своей жене Ксении Александровне Великий князь сохранял глубокое уважение, поэтому обман становился ещё более невыносимым. Александр Михайлович решается на откровенный разговор. «Я всё больше схожу с ума и не могу таиться от Ксении. Рассказываю ей всё. Она тихо сидит, слушает, потом начинает плакать. У меня тоже слёзы. Она вела себя как ангел. Сердце её было разбито, но даже такую ужасную правду она предпочла лжи. Мы со всех сторон обсудили ситуацию и решили оставить всё по-прежнему ради детей... Вся добродетель – на её стороне, вся вина – на мне. Она проявила себя как великая женщина и замечательная мать».

Развод был недопустим в Великокняжеской семье, поэтому Александр Михайлович и Ксения Александровна старались сохранить дружеские отношения, но после рождения в 1907 году сына Василия они становились всё более прохладными и отчуждёнными, любовь покинула эту пару.

Энергичная, деятельная натура Александра Михайловича не позволяет ему долго оставаться без серьёзного дела. Однажды, просматривая газеты за утренним кофе, он прочитал об удачном полёте Блерио над Ла-Маншем. Авиация – вот что ново и интересно! «Будучи поклонником аппаратов тяжелее воздуха ещё с того времени, когда Сантос-Дюмон летал вокруг Эйфелевой башни, я понял, что достижение Блерио давало нам не только новый способ передвижения, но и новое оружие на случай войны. Я решил немедленно приняться за это дело и попытаться применить аэропланы в русской военной авиации». От денег, собранных на постройку минных крейсеров, оставалось два миллиона рублей. Александр Михайлович обратился в редакции крупнейших газет с просьбой опубликовать открытый запрос жертвователям: не будут ли они возражать, если их деньги израсходуют не на корабли, а на самолёты? Получив полное одобрение, Великий князь отправился в Париж и заключил соглашение с Блерио и Вуазеном. Они обязались предоставить аэропланы и инструкторов, а Александр Михайлович брал на себя финансовые и организационные вопросы. Теперь необходимо было подготовить аэродромы и подыскать добровольцев. Великий князь возвращается в Россию, полный планов и надежд.

Однако идею Александра Михайловича не поддержали ни военный, ни морской министры, даже двоюродный брат, видный военачальник Николай Николаевич, не видел в этой затее никакого смысла. Но остановить Великого князя оказалось невозможно: «Я работал с прежним увлечением, преодолевая препятствия, которые мне ставили военные власти, не боясь

насмешек и идя к намеченной цели». Тем более, что зятя поддержала Императрица Мария Фёдоровна, посчитав создание отечественной авиации делом перспективным и интересным. Государь дал разрешение, и первые русские авиаторы уехали в Париж для обучения лётному делу. К осени 1908 года первый аэродром в Гатчине и ангары были готовы. Весной 1909 года офицеры окончили школу Блерио в Париже, и летом была устроена первая авиационная неделя. Полеты аэропланов вызвали восхищение многочисленной публики, военный министр Сухомлинов нашёл зрелище очень занимательным, но для армии не видел никакой пользы.

Аэродром в Гатчине был невелик, да и начать обучение мешали осенние балтийские ветра. Осенью 1909 года Александр Михайлович отправился подыскивать новый район полётов в Крым, где мягкая зима, тёплая долгая осень и большое количество ясных солнечных дней позволяли проводить тренировочные полёты почти круглый год. Великий князь любил Севастополь, южный город с морской душой и славными традициями. Любил его просторные улицы, белокаменные здания, зелёные бульвары. И аэропланы уже не были для севастопольцев диковинкой. Здесь, в составе Черноморского флота, уже десятилетие дислоцировался воздухоплавательный парк, возглавляемый молодым лейтенантом С.Ф. Дорожинским, освоившим во Франции аэроплан «Антуанетт». А в 1909 году поклонники воздухоплавания и авиации города организовали на общественные средства аэроклуб и совершали прогулки на воздушном шаре, мечтая о приобретении собственного аэроплана. Но собранных для покупки «Блерио» денег не хватило. Тогда недостающие две с половиной тысячи рублей пожертвовал севастопольцам из своих средств Великий князь Александр Михайлович. Он был избран почётным членом клуба.

Первое место для аэродрома выбрали неудачно, Куликово поле в трёх километрах севернее Севастополя – грунтовая площадка в узкой лощине, пересекаемой Балаклавским шоссе, закрытой домами и телеграфными столбами с одной стороны и грядой прибрежных холмов с другой. Тем не менее, здесь начали строить временные здания: ангары из досок на 6 самолётов, вдоль шоссе установили разборные парусиновые палатки-ангары, две мачты для определения направления ветра и сигнализации с лётчиками, здание собрания школы и офицерскую столовую.

Александр Михайлович привлёк на преподавательскую работу лучших специалистов в области авиации: М.Н. Ефимова – одного из первых авиаторов страны, лейтенанта Г.В. Пиотровского, совершившего первый в России полёт над водной гладью, поручика Е.В. Руднева. Торжественное открытие школы состоялось 11 ноября 1910 года. Инструкторы и ученики заметно волновались, хотя всё было в полном порядке: аэропланы собраны и опробованы, к полётам готовы. В половине десятого утра прибыл Великий князь Александр Михайлович со свитой, приехавший курьерским поездом из Петербурга. После молебна аэропланы поднялись в крымское небо.

Обо всём, что происходит в лётной школе, читатели узнавали из Севастопольского авиационного иллюстрированного журнала: «В нашем городе

открылась школа тех неустрасливых смельчаков, что садятся в диковинные машины и как орлы взлетают в поднебесье. Здесь собрались отвага и решимость, соединённые с закалённой волей, сильной рукой и творческим гением. Они – герои современности – наша надежда, наши лучшие люди».

16 апреля 1911 года авиация впервые принимала участие в маневрах морского флота. Утром Севастопольская эскадра вышла в поход к кавказским берегам. В это время над городом показался «Фарман» с лётчиком Макеевым. Пролетев над рейдом и сделав круг над кораблями, он повернул назад, навстречу летящим аэропланам Ефимова с наблюдателем и Дыбовского. Затем воздушная флотилия соединилась с эскадрой. Увидев в своём строю аэропланы, моряки пришли в восторг. Каждый самолет выполнял определённую задачу: Дыбовский, маневрируя между судами, был связным, Ефимов и Макеев охраняли эскадру с воздуха. Репортеры писали: «В такую ветреную погоду полетят немногие заграничные пилоты. Молодая школа авиации может гордиться отвагой своих лётчиков».

В том же году лётчики-инструкторы Севастопольской лётной и Гатчинской воздухоплавательной школ в составе сводного авиаотряда приняли участие в военных маневрах Петроградского, Варшавского и Киевского военных округов. Действия офицеров и лётчиков командование оценило как блестящие. Александр Михайлович заслужил великодушное одобрение Государя.

– Ты был прав, – сказал Великому князю Николай во время посещения авиационной школы. – Прости меня за то, что я относился к твоей идее недоверчиво. Я радуюсь, что ты победил, Сандро.

Поплавковый гидросамолет «Морис-Фарман», Черноморский флот, 1913-1914 г.

Николай II поздравляет выпускников. 1911 г.

перебазироваться в более подходящее место. Специальная комиссия во главе с Великим князем Александром Михайловичем выбрала новый ровный участок в 20 верстах от Севастополя, у татарской деревушки Мамашай, неподалёку от небольшой речки Качи. В то же время Севастопольскую школу посетил председатель Третьей Государственной Думы А.П. Гучков. Осмотрев её и совершив полёт на аэроплане, он убедил думских коллег выделить необходимую сумму на обустройство первой лётной школы. На эти и свои личные средства Александр Михайлович купил выбранный им участок. Начальник школы подполковник Мурузи не стал дожидаться, пока возведут капитальные строения, он приказал разбить лагерь, поставить палатки для людей, каркасно-разборные парусиновые ангары для самолётов и с 1 марта 1912 года начать теоретическую и лётную подготовку 27 учеников, будущих лётчиков морской авиации.

В день второй годовщины школы торжественно освящаются фундаменты капитальных зданий, и уже к 1913 году на Качинском аэродроме возводят 10 ангаров для самолётов, склады для бензина, мастерскую, биологическую станцию, сигнальные мачты. В жилой зоне построили казармы для солдат, две кухни-столовые, гараж, баню-прачечную, пожарный обоз, ледник, канцелярию, электростанцию, насосную станцию и водонапорную башню, помещение для отдыха офицеров. К морю вела лестница, на обрывистом берегу соорудили красивую беседку, разбили фруктово-декоративный сад с клумбами и аллеями. В городке проложили дороги и тротуары с бетонно-асфальтовым и плиточным покрытием, электрическое освещение. Строительная фирма камергера Гординского выполнила работы качественно и добротнo; многие здания, не повреждённые войной, служат авиаторам и в наши дни.

Не забывает Александр Михайлович и о своем любимом Ай-Тодоре.

*«Флигель для детей», как называли Малый дворец, сохранился до наших дней, сегодня в нём располагается один из корпусов детского санатория им. Розы Люксембург. На его фасаде осталась, не повреждённая временем, древняя вставка-барельеф, изображающая пахаря.

11 ноября 1911 года Севастопольская авиационная школа праздновала первую годовщину и готовилась к выпуску лётчиков специального класса, блестяще выдержавших экзамены своими действиями на военных маневрах. Император Николай II, отдыхавший в Ливадии, пожелал лично поздравить выпускников.

Тогда же стало ясно: для дальнейшего успешного развития школы необходимо

Дети подросли, им нужен отдельный дом*. В 1912 году архитектор Краснов завершает постройку Малого дворца, небольшого эlegantного здания в стиле модерн. Наружные стены фасада и вестибюль зодчий украсил несколькими белокаменными барельефами с изображением сцен из жизни античного мира, найденными Великим князем при раскопках.

Увлечение археологией началось также в Крыму. Ещё в детстве Сандро с братом Гоги бегали к развалинам древней крепости на мысе Ай-Тодор, сохранившей следы прежних строений. Прошли годы, а желание разгадать тайну этого места осталось. В 1896 году Великий князь Александр Михайлович организует регулярные раскопки, в которых сам с удовольствием участвует. И вскоре остатки оборонительных стен и фундаменты зданий, римские бронзовые фибулы, обломки мраморной скульптуры, геммы, монеты, керамика рассказывают о жизни укрепленного городка, ушедшего в небытие много веков назад*. Археологические ценности ежегодно пополняли коллекцию Великого князя, значительную часть которой он передал в Херсонесский музей древностей. Будоражил воображение и древнегреческий

Херсонес

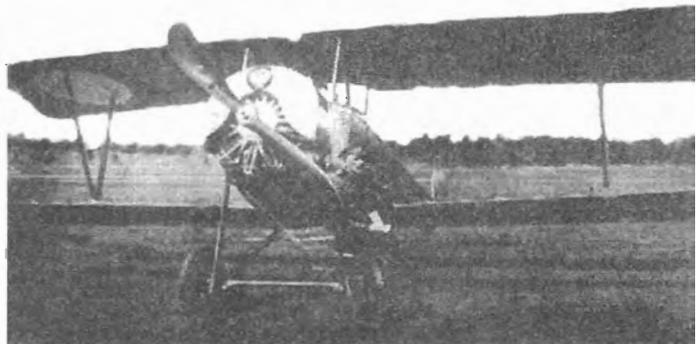
*К раскопкам крепости Харакс Великий князь привлёк известных специалистов: археолога Никодима Павловича Кондакова, историка и филолога Василия Васильевича Латышева. Материалы, полученные в ходе раскопок, привлекли внимание профессора М.И. Ростовцева, который опубликовал их в 1900 году в работе «Римские гарнизоны на Таврическом полуострове и Ай-Тодорская крепость». В 1901 году он лично участвовал в раскопках и создал первый план Харакса. В 1911 году Ростовцев вернулся к памятникам Харакса и отметил: «...с 1907 года прежде случайные изыскания превратились в ежегодно возобновляемые систематические раскопки, давшие теперь уже богатые результаты и обещающие ещё более богатую добычу в будущем. Систематические раскопки сопровождаются съёмкой довольно точных планов разрытого, систематизацией и классификацией научного материала и фотографической съёмкой некоторых наиболее важных руин и памятников». За 15 лет исследований были открыты все основные архитектурные сооружения Харакса: две крепостные стены с башнями и воротами, бассейн для пресной воды - нимфей, термы, святылище, пост бенефициариев - дорожных стражников - и другие.

город Херсонес, располагавшийся на побережье неподалёку от Севастополя. Александр Михайлович навсегда запомнил август 1903 года и ту неописуемую радость, когда нашёл монету Александра Великого. «Лето было ужасно жаркое, и копали мы больше по ночам. Спали от восхода до заката, завтракали в семь вечера и принимались за работу. Впервые за десять лет с того дня, как взошёл на трон мой кузен, я мог забыть о существовании Санкт-Петербурга с его придворными, политиками и революционерами. Когда через шесть недель мы докопались до дна захоронения, я чуть не заплакал».

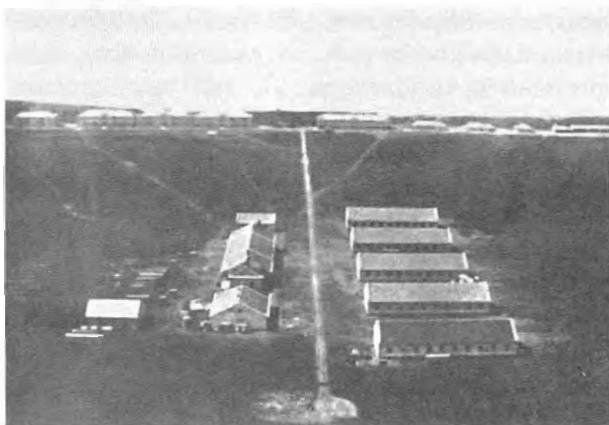
Известие о начале Первой мировой войны не стало неожиданностью для Великого князя Александра Михайловича. Будучи военным, он предсказывал надвигающуюся катастрофу ещё в 1913 году. Лето 1914 года Великий князь проводил в Лондоне с супругой Ксенией и вдовствующей Императрицей Марией Фёдоровной. Слухи о войне встревожили его, и хотя все уверяли, что «никакой войны не будет», подшучивая над страхами князя, он поспешил вернуться в Петербург. В Севастополе Александр Михайлович узнал об официальном объявлении мобилизации армии и флота. На следующий день в ялтинском Александро-Невском соборе отслужили молебен и огласили манифест об объявлении войны. Толпа кричала «ура», все были охвачены небывалым патриотическим подъёмом. Когда семья Александра Михайловича благополучно прибыла в Россию, он уехал на фронт, приняв назначение в штаб четвёртой армии в качестве помощника командующего барона Зальца. Уже на шестой день пребывания в штабе командующий отправил Великого князя в Ставку с докладом о серьёзности положения сражавшейся против главных сил австрийцев 4-ой армии, о необходимости подкрепления и боеприпасов. Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич выслушал доклад и предложил Александру Михайловичу новый пост – командующего авиацией Южного фронта.

Благодаря стараниям Александра Михайловича, к началу мировой войны Россия имела собственный воздушный флот и квалифицированных лётчиков из числа выпускников Севастопольской летной школы. Но надо было ещё немало потрудиться: организовать новые авиационные школы,

М. Н. Ефимов – «король русских лётунов» и самолет «Ньюпор»

построить аэродромы, обеспечить армию самолётами – кроме тех машин, что покупали у Франции и Англии, три завода в России создавали отечественные аэропланы. Великим князем впервые в мире разработана инструкция по применению авиации в боевых условиях. В 1915 году Качинская школа расширяется: на основном аэродроме базируются истребители и бомбардировщики;

Севастопольская авиационная школа. 1911 г.

в восьми километрах южнее создали аэродром Бельбек, с которого поднимались лёгкие аэропланы «Моран»; и ещё одно удобное для взлётов и посадок поле подготовили в окрестностях Симферополя. Со дня своего основания до октября 1917 года школа подготовила 609 летчиков: 376 – из офицеров и 233 – из солдат. Многие из них отличились в боях Первой мировой войны. В воздушных боях они использовали пулемёты, установленные на самолётах, бомбометание по вражеским объектам и новый вид вооружения – стальные стрелы против конницы и пехоты. Корабли Черноморского флота переоборудовали в авиационные суда, к 1915 году уже имелись четыре таких корабля: «Александр I», «Николай I», «Румыния» – на 6 самолётов и крейсер «Алмаз» на 2 самолёта*.

С начала войны и по февраль 1917 года Великий князь находился в действующей армии и семью видел нечасто. Старшие дети Андрей, Никита, Ростислав и Фёдор учились в Морском корпусе в Петербурге, а младшие жили под присмотром воспитателей в Ай-Тодоре. Но и в разлуке любящий и заботливый отец интересовался жизнью детей и подробно рассказывал о себе – в письмах. Сын Андрей решил, как и отец, служить во флоте и спрашивал его мнение. 23 ноября 1915 года Александр Михайлович писал: *«Я очень обрадован твоим решением после корпуса поступить во флот. Но ты знаешь, что это будет не легко, поэтому я тебе советую, если твоё*

*В лихие годы революции и гражданской войны Севастопольская военная авиационная школа выстояла, хотя её материально-техническая база значительно пострадала. С 1921 года начинается её восстановление, курсантов обучают на новых иностранных и отечественных самолётах. В 1922 году Севастопольская авиашкола объединилась с Гатчинской лётной школой.

В период с 1921 по 1940 год подготовили 6303 лётчика. Весной 1941 года на Качинском аэродроме прошли успешные испытания новейшего советского истребителя МИГ-1.

28 июня 1941 года Качинская школа начинает эвакуацию за Волгу, в Красный Кут Саратовской области, а из лётчиков-инструкторов авиашколы был сформирован истребительный авиационный полк. После войны школа базируется в Волгограде.

В Качинской авиационной школе учились трижды Герой Советского Союза А. Покрышкин, известный полярный лётчик Герой Советского Союза Г. Байдуков, Герой Советского Союза П. Осипенко, совершивший в 1938 году беспосадочный перелёт Севастополь-Очаков и Севастополь-Архангельск, лётчики-космонавты: В. Ф. Быковский, В. А. Шаталов, А. Н. Березовой, В. М. Афанасьев и В. Г. Корзун.

решение твёрдое и ты думаешь, что больше его не переменишь, начать заниматься кое-какими науками зимою, если только у тебя хватит на это времени и характера. Ты можешь просить преподавателей из морского корпуса.

Завтра я уезжаю в Киев, где и надеюсь провести зиму, здесь слишком холодно, да и наступило полное затишье, на юге могут разыгаться интересные события... Я думаю, ты за эти месяцы очень полюбил Ай-Тодор. Меня очень интересует твой балкон у маяка, наверно вышло хорошо, когда я его увижу, одному Богу известно. У меня работы не уменьшается, а увеличивается с каждым днём, прямо с трудом справляюсь, но зато время проходит так скоро, что не успеваешь считать дней. Ну, вот до свидания, мой душка, дуся, хочу тебя видеть. Храни тебя Господь. Твой любящий Папа».

В письмах Александра Михайловича – и тоска по детям, и по любимому Ай-Тодору. В свое крымское имение Великий князь по-прежнему приглашает знакомых и друзей для отдыха, понимая, сколь много сил отнимает война. Младшему сыну Дмитрию, жившему в Крыму, он пишет 2 февраля 1916 года из Киева: «Мой милый Дмитрий! Спасибо за милое письмо, мне ужасно хотелось бы тебя повидать, но что же делать, эта поганая война всё спутала, я отлично помнил, что не видел тебя уже год, прямо стыдно об этом подумать. Радуюсь за тебя, что погода хороша и что ты наслаждаешься, я так ясно видел места, которые ты описал, в которых нашёл разные цветы.

Это письмо тебе привезёт сестра Ольга Васильева, она мой большой друг и ты увидишь, что она тебе понравится. Прошу тебя, будь с ней мил и помни всё время, что она наш гость, и ты должен ей во всем помогать и сделать так, чтобы она не скучала, её не надо сначала сильно утомлять, у неё только что был тиф и я ей предложил поехать в Ай-Тодор, чтобы отдохнуть и набраться сил.

Пожалуйста, покажи ей все дорожки, священную рошу, раскопки и вообще все, все мои любимые места. Смотри, чтобы у неё всегда в комнате всегда были цветы. Ты можешь возить её в своей коляске и вообще сделай так, чтобы когда она уедет, у неё осталось самое лучшее воспоминание о миллом Ай-Тодоре. Надо, чтобы доктор Изергин её осмотрел, когда будет у тебя...

Я вижу, что ты тоже пишешь на машинке, правда, удобнее? Когда сестра придет, напиши мне письмо, как ей всё понравилось, и как ты её устроил. Я очень тебе завидую, если бы мог, сейчас бы поехал к тебе, и мы бы так наслаждались. Позже пойдут мои любимые маленькие красные цветочки, которые я называю фонариками, может быть, ты их найдёшь... Твой любящий Папа».

В 1916 году успехи наблюдались не только в русской авиации, армия, снабжённая необходимым вооружением и войсками, готовилась к решительному наступлению следующим летом. Об этом с радостным чувством Александр Михайлович сообщает сыну Дмитрию из Киева: «У меня гостит дядя

Гоги, он вернулся из объезда всего юго-западного фронта и много рассказывал интересного про наши доблестные войска, про их чудный дух и про полную уверенность их в конечной победе. Лётчики мои меня радуют, работают на славу, теперь мы начали получать хорошие самолёты и наши лётчики показывают насколько они выше немцев и часто у них сбивают аппараты». В то же время беспокоила сложная обстановка в тылу, грозящая вылиться в революцию. В Киеве, куда был переведён штаб военной авиации, Александр Михайлович часто навещал Императрицу Марию Фёдоровну. «Нас было трое – мать, сестра и шурин императора. Мы вспоминали его не только как родственники, но и как верноподданные. Хотели служить ему всем, чем могли. Сознавали все его недостатки и положительные стороны, чувствуя, что гроза надвигается, и всё же не решались открыть ему глаза. Вдовствующая императрица продолжала оставаться в курсе всего, что происходило в Петербурге». А вести приходили тревожные: политики в борьбе за власть вели страну к краху, Император не в силах был навести порядок, о Царской семье ходили грязные сплетни, связанные с именем Распутина.

17 декабря Александр Михайлович узнал, что в Петербурге князем Юсуповым и Великим князем Дмитрием Павловичем убит Распутин. Странно противоречивые чувства охватили его при этом известии: радость, что ужасного старца больше нет, и страх за судьбу Феликса, его зятя. Вместе с супругой Ксенией Александровной он поспешил во дворец вдовствующей Императрицы. Мария Фёдоровна, как вспоминал Великий князь, тоже пребывала в смятении: «Мысль о том, что муж её внучки и её племянник обогрибли руки кровью, причиняла ей большие страдания. Как Императрица она сочувствовала. но как христианка она не могла не быть против пролития крови, как бы ни были доблестны побуждения виновников». Александр Михайлович уехал в Петербург говорить с Государем. Он убеждённо произнёс речь в защиту Юсупова и Дмитрия Павловича, призывая увидеть в них не обыкновенных убийц, а «патриотов, пошедших по ложному пути и вдохновленных желанием спасти родину».

– Ты очень хорошо говоришь, – сказал Государь, помолчав, – но ведь ты согласишься с тем, что никто – будь он Великий князь или же простой мужик не имеет права убивать.

Впрочем, наказание последовало мягкое: Феликс Юсупов был сослан в собственное имение в Курской губернии, а Дмитрий Павлович переведён в военный экспедиционный корпус, сражавшийся на границе с Персией. Возможно, свою роль сыграла телеграмма, посланная вдовствующей Императрицей сыну, в которой она настоятельно советовала «закрыть это дело».

В канун Рождества Александр Михайлович в письме Николаю II постарался изложить, какие меры следует предпринять, чтобы избежать революции: *«Мы переживаем самый опасный момент в истории России: вопрос стоит, быть ли России великим государством, свободным и способным самостоятельно развиваться и расти, или подчиниться германскому безбожному кулаку? Все это чувствуют – кто разумом, кто сердцем, кто*

душою, – и вот причина, почему все, за исключением трусов и врагов своей родины, отдают свои жизни и всё достояние для достижения этой цели.

И вот, в это святое время, когда мы все, так сказать, держим испытание на звание человека в высшем понимании – как христианина. какие-то силы внутри России ведут тебя и, следовательно, Россию к неминуемой гибели. Я говорю – тебя и Россию – вполне сознательно, так как Россия без царя существовать не может; но нужно помнить, что царь один править таким государством, как Россия не может; это надо раз навсегда себе усвоить...

Чего хочет народ и общество? – очень немногого; власть (я не говорю избитые, ничего не значащие слова), твёрдую и крепкую власть (потому что слабая власть – это не власть), разумную, идущую навстречу нуждам народным, – и возможность жить свободно и давать жить свободно другим).

Беспокойство не покинуло Великого князя с наступлением нового 1917 года: общество пребывало в унынии, войной больше не интересовались, в победу не верили, ожидая ужасных событий. 1 января Александр Михайлович снова обратился к Николаю более откровенно и резко: «Состоявшиеся... назначения показывают, что ты окончательно решил вести внутреннюю политику, идущую в полный разрез с желаниями всех твоих верноподданных. Эта политика только на руку левым элементам, для которых положение “чем хуже, тем лучше” составляет главную задачу; так как недовольство растёт, начинает пошатываться даже монархический принцип, и отстаивающие идею, что Россия без царя существовать не может, не имеют почвы под ногами, так как факты развала и произвола налицо. Продолжаться долго такое положение не может; опять повторяю – нельзя править страной, не прислушиваясь к голосу народному, не идя навстречу его нуждам, не считая его способным иметь собственное мнение, не желая признавать, что народ свои нужды сам понимает.

Сколько ни думал, не могу понять, с чем ты и твои советники борются, чего добиваются? Я имел два продолжительных разговора с Протопоповым, – он всё время говорил о крепкой власти, о недопустимости уступок общественному мнению, о том, что Земский и Городской союзы, а также военно-промышленные комитеты – суть организации революционные; если бы его слова отвечали истине, то спасения нет, но, к счастью, это не так; конечно, нельзя отрицать, что в этих организациях существуют левые, но ведь масса не революционна, и вот мерами запрещений, разных стеснений и подозрений искусственно толкают нетвёрдых в своих убеждениях людей в лагерь левых. Можно подумать, что какая-то невидимая рука направляет всю политику так, что победа стала немыслима. ...Когда подумаешь, что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы всё успокоить, дать стране то, что она жаждет, то есть правительство доверия и широкую свободу общественным силам, при строгом контроле, конечно, что Дума, как один человек, пошла бы за таким правительством, что произошёл бы громадный подъём всех сил народных, а следовательно,

и несомненная победа, то становится невыносимо больно, что нет людей, которым ты бы доверял, но людям, понимающим положение, а не таким, которые поддерживают что-то непонятное».

Александр Михайлович всеми силами старался изменить ход событий в стране. Он уговаривал Марию Фёдоровну ехать в Петербург и повлиять на сына и невестку, но пожилая женщина, в душе страдающая и переживая, не верила, что она сможет что-то сделать. В начале февраля 1917 года Великий князь тоже побывал в Царском Селе. Он встретился с Императрицей и, обрисовав политическое положение, прямо сказал, что её вмешательство в государственные дела приносит вред престижу Николая и народному представлению о самодержце. Александра Фёдоровна отвечала сухо и сдержанно. Это была их последняя встреча.

После возвращения в Киев, Александр Михайлович в отчаянии снова пишет Николаю: *«Как видишь, прошёл месяц, а письмо моё я ещё не послал – всё надеялся, что ты пойдёшь по пути, который тебе указывают люди, верные тебе и любящие Россию не за страх, а за совесть. Но события показывают, что твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели; при таких условиях молчать является преступным перед Богом, тобой и Россией».*

Недовольство растёт с большой быстротой, и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобой и твоим народом (когда я говорю – народом, я понимаю в смысле тех, которые понимают нужды народные, а не тех, которые представляют из себя стадо, которое пойдёт за человеком, умеющим увлечь толпу). Между тем народ тебя любит и глубоко верит в достижимость полной победы и внутреннего устройства без всяких потрясений, но при условии существования правительства, состоящего из лиц чистых и пользующихся доверием страны; без этого нет надежды на спасение престола и, следовательно, родины.

Приходишь в полное отчаяние, что ты не хочешь внять голосам тех, которые знают, в каком положении находится Россия, и советуют принять меры, которые должны вывести нас из хаоса, в котором мы все сегодня находимся. Ты, вероятно, думаешь, что те меры, которые принимает правительство, выведут Россию на светлый путь, на путь победы и полного возрождения, и считаешь, что мы все, которые держимся обратного мнения, заблуждаемся; но ведь, для проверки, оглянись назад и сравни положение России в начале войны и сегодня, – неужели это сравнение не может убедить тебя, на чьей стороне правда?

В заключение скажу, что как это ни странно, но правительство есть сегодня тот орган, который подготавливает революцию, – народ её не хочет, но правительство употребляет все возможные меры, чтобы сделать как можно больше недовольных, и вполне в этом succeeds. Мы присутствуем при небывалом зрелище революции сверху, а не снизу.

Твой верный Сандро».

Как ни предчувствовал Александр Михайлович беду, роковое известие об отречении Императора от престола стало для него сильным ударом. Он

сопровождал Императрицу Марию Фёдоровну, отправившуюся в Могилёв повидаться с сыном. Вот как вспоминает это горестное свидание Александр Михайлович: «Государь оставался наедине с матерью в течение двух часов. Вдовствующая Императрица никогда мне потом не рассказывала, о чём они говорили. Когда меня вызвали к ним, Мария Фёдоровна сидела и плакала навзрыд, он же неподвижно стоял, глядя себе под ноги, и, конечно, курил. Его спокойствие свидетельствовало о том, что он твёрдо верил в правильность принятого им решения... После неловкой паузы он стал объяснять причины своего решения. Главные из них были: 1) Желание избежать в России гражданского междоусобия. 2) Желание удержать армию в стороне от политики для того, чтобы она могла продолжать делать общее с союзниками дело, и 3) Вера в то, что Временное Правительство будет править Россией более успешно, чем он».

Ни один из доводов Ники не казался Александру Михайловичу убедительным, он не сомневался в том, что России не избежать гражданской войны и развала армии. Отречение от власти он считал невероятным безрассудством, но упрекать не стал, понимая, как нелегко теперь Николаю. Наконец, временное Правительство разрешило Николаю вернуться к семье в Царское Село. Мария Фёдоровна и Александр Михайлович провожают его: «Поезд Ники свистит и медленно трогается. Он стоит в широком зеркальном окне своего вагона. Он улыбается и машет рукой. Его лицо бесконечно грустно. Он одет в простую блузу защитного цвета с орденом Св. Георгия на груди». В ту минуту невозможно было подумать, что больше они не увидятся.

Тем временем тучи сгущались над всеми, кто носил фамилию Романовы, и которые в один миг превратились во «врагов революции и русского народа». Как ни горько это было слышать Александру Михайловичу, он понимал: следовало как можно скорее уехать из Киева, уехать в Крым, находящийся в стороне от главных революционных событий. Собственный поезд Императрицы был давно конфискован, энергичный Сандро раздобыл на запасных путях несколько старых вагонов, которые прицепили к попутному паровозу. До Севастополя добирались четверо суток, там прибывших встречали несколько автомобилей, присланных из военно-авиационной школы. 25 марта 1917 года вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна, Великий князь Александр Михайлович, Великая княгиня Ольга Александровна и её муж Николай Куликовский прибыли в Ай-Тодор. Вскоре к ним присоединилась Великая княгиня Ксения с детьми, в Кореизе поселились Ирина и Феликс Юсуповы. Трудное время решили переждать в Крыму и другие Романовы.

Несмотря на то, что от некоего господина, носившего громкий титул Особого комиссара Временного Правительства Романовы получили длинный список того, что им запрещалось делать, первое время в Крыму жилось тихо и спокойно. Однако уже в апреле новые власти решили ужесточить контроль за членами Царской семьи, для чего был создан отряд из солдат ялтинской дружины и матросов под командованием прапорщика В.М. Жоржелиани. В каждом великокняжеском имении установили караульные посты.

поддерживавшие между собой телефонную связь. Романовы оказались под домашним арестом, они не могли отлучаться из имения и принимать посетителей без разрешения надзирающих. Александр Михайлович вспоминал: «Охраняющие нас революционные моряки, отобранные за свои радикальные взгляды, имели право входить в наши комнаты в любое время дня и ночи. Без разрешения комиссара мы не могли ни получать, ни отправлять письма и телеграммы. Комиссар присутствовал при всех наших трапезах; рядом с ним находился его переводчик – на тот случай, если мы перейдём в разговор на иностранные языки. Всех, кто захотел бы нас видеть, обыскивали при входе, и при выходе».

Однажды в конце апреля, едва забрезжил робкий утренний свет, обитателей Ай-Тодора разбудила толпа матросов, они устроили во всех комнатах обыск, продолжавшийся до 6 часов вечера. Всё перевернув вверх дном, так и не нашли ничего, что бы свидетельствовало о заговоре. Лето 1917 года прошло относительно спокойно – пламя революционных событий ещё не охватило Крым. В один из осенних дней у ворот имения остановился запылённый автомобиль, из которого вылез вооружённый до зубов гигант. Нового комиссара звали матрос Задорожный. Великий князь Александр Михайлович вспоминал их первую беседу: «Он был вежлив. Сели, заговорили. Я спросил, где служил он. Отвечал – при аэропланах. Сказал, что видел меня несколько раз в Севастополе. Обсудили с ним общую ситуацию. Понял я, что он нам сочувствует, хоть поначалу, по его словам увлёкся революцией... Расстались мы друзьями. Великим благом было для нас очутиться под такой стражей. При товарищах своих он обращался с нами жёстко, не выдавая истинных чувств своих...» Создатель Севастопольской школы авиации

Семья Александра Михайловича

Александр Михайлович пользовался у военных лётчиков огромным авторитетом, возможно, именно это обстоятельство спасло жизни всех крымских Романовых.

Ситуация ухудшалась. Узники пребывали в тревоге и смятении, беспокоились не только о родных, о которых не имели почти никаких известий, но и о судьбе Родины. Ксения Александровна писала 31 января 1918 года брату в Тобольск: *«Да, ты, безусловно, прав, говоря, что лучшее время – это ночь, когда сон заставляет всё забыть и душа немного отдыхает. Видеть и сознавать, что Россия гибнет и так бесцельно, прямо невыносимо и только удивляешься, как можешь продолжать жить! Хочется верить, что ещё не всё погибло, что найдутся люди, которые выведут Россию из этого ужасного хаоса и тупика. Что сделалось с нашим несчастным народом? Очнётся ли он когда-нибудь?..*

Никого к нам не пускают и нас из Ай-Тодора не выпускают вот уже три с половиной месяца. Ирину не видели с 6 января

Не знаю, как будем дальше существовать, так всё безумно дорого, и денег нет. На днях грозит остаться без освещения, так как нет керосина. Ну, да не в этом дело, как-нибудь протянем, но жалко до боли во всем этом бедную Мама! За что она должна страдать и в её годы претерпевать столько лишений, обид и невзгод».

В крымской жизни Романовых наступал опасный период. Ялтинские большевики требовали немедленной расправы над Царской семьёй, а Севастопольский совет велел Задорожному защищать их до получения особого приказа. Опасаясь нападения и захвата Романовых, в феврале всех их перевели в Дюльбер. Задорожный ознакомил Александра Михайловича со схемой охраны дворца, напоминая крепость. «Он достал план Дюльбера, на котором красными чернилами были отмечены крестиками места для расстановки пулемётов. Я никогда не думал о том, что прекрасная вилла Петра Николаевича имеет так много преимуществ с чисто военной точки зрения», – вспоминал князь.

Каждую неделю из Ялты прибывал отряд, требуя выдать им членов Царской семьи. Задорожный, распорядившись, чтобы Романовы не выходили из дома, вступал в переговоры. Наиболее эмоциональная часть беседы долетала в открытые окна дворца:

– Задорожный, довольно разговаривать! Надоело! Ялтинский совет представляет свои права на Романовых, которых Севастопольский совет держит за собой незаконно. Мы даём пять минут на размышление.

– Пошлите Ялтинский совет к чёрту! Вы мне надоели. Убирайтесь, а не то я дам отведать севастопольского свинцу!

– Они вам дорого заплатили, товарищ Задорожный?

– Достаточно, чтобы хватило на ваши похороны.

– Председатель Ялтинского совета донесёт о вашей контрреволюционной деятельности товарищу Ленину. Мы вам не советуем шутить с правительством рабочего класса.

– Покажите мне ордер товарища Ленина, и я выдам вам заключённых. И не говорите мне ничего о рабочем классе. Я сам старый большевик. Я принадлежал к партии ещё в то время, когда вы сидели в тюрьме за кражу.

– Товарищ Задорожный, вы об этом пожалеете!

– Убирайтесь к чёрту!

Задорожный говорил твёрдо и решительно, он верил, что большевистское правительство осуществляло свою власть в Крыму посредством Севастопольского совета, а ялтинцы – банда налётчиков, объявивших себя коммунистами. Но он не скрывал, что, получив приказ, любой из его подчинённых с удовольствием расстреляет Великих князей. Каждый вечер, отправляясь ко сну, Александр Михайлович спрашивал полушутя: «Ну что, пристрелите вы нас сегодня ночью?» На что Задорожный уверял, что до получения телеграммы не будет принимать решительных мер.

Несмотря на грубость Задорожного, Александр Михайлович находил в нём что-то привлекательное, располагающее. Между этими очень разными людьми установилось некоторое доверие. Однажды Задорожный обратился к Великому князю со странной просьбой – помочь установить прожекторы, чтобы подводная лодка, посланная контрреволюционными генералами для спасения Романовых, не смогла подойти к берегу. Александр Михайлович изумился: разве может подводная лодка пристать к скалистому берегу? Задорожный тоже понимал всю неразумность приказа, но убедить бдительных товарищей не мог и попросил князя помочь укрепить и подключить прожекторы, в которых сам не разбирался. Великодушный Александр Михайлович помог. Когда прожекторы были установлены, пригласили всех членов Царской семьи полюбоваться их действием. Ксения Александровна язвительно заметила супругу: «Когда они будут нас расстреливать, ты сможешь им зарядить ружья!»

Узники Дюльбера терпеливо переносили тесноту (вместе со слугами во дворце жили 45 человек), нехватку продуктов, посмеиваясь, ели шницели по-венски из морковного пюре и капусты, пили желудёвый кофе. Настроение омрачало одно: новости приходили с большим опозданием, а слухи, которые докатывались до Крыма, были страшными. Оказавшись в Дюльбере, Романовы не могли общаться ни с Ольгой Александровной, ни с Ириной и Феликсом Юсуповыми. Правда, маленькой дочери Юсуповых разрешалось навещать родных. Няня приводила девочку к воротам имения, охране не приходило в голову обыскивать двухлетнего ребенка, к пальто которой прикалывали булавкой письма.

3 марта 1918 года был заключён Брестский мир, и огромная западная территория России отошла к Германии. Согласно условиям договора, немцы должны были оккупировать Крым. Романовы об этом событии ничего не знали, но частые телефонные разговоры Задорожного с Севастополем нараживали. Однажды ночью комиссар разбудил Александра Михайловича и рассказал, что Ялтинский комитет намерен штурмом взять Дюльбер. Из Севастополя вышли пять грузовиков с подкреплением, но Ялта находится гораздо ближе.

– Пулемётов я не боюсь, но что мы будем делать, если ялтинцы пришлют артиллерию. Лучше не ложитесь и будьте ко всему готовы. Если нам придётся туго, вы сможете, по крайней мере, хоть заряжать винтовки.

И уходя добавил:

– Я понимаю, что всё это выглядит довольно странно, но я хотел бы, чтобы вы уцелели до утра. Если это удастся, вы будете спасены.

Великий князь остался в тревожном недоумении: «Неужели правительство решило нас освободить?» Он сознавал всю серьёзность сложившейся ситуации: севастопольцы в лучшем случае смогли бы добраться в имение в четыре часа утра, тогда как самый тихходный грузовик преодолел бы расстояние от Ялты до Дюльбера за час, а стены дворца хоть и выглядят мощными, артиллерийского обстрела не выдержат. Ксения Александровна, узнав о грозящей опасности, осталась спокойна. Она была уверена: в эту чудесную тёплую апрельскую ночь с ними не случится ничего плохого.

– Жаль, – сказала она, – что они захватили Библию мамы. Я бы наугад открыла её, как это мы делали в детстве, и прочла, что готовит нам судьба.

Александр Михайлович принёс из библиотеки карманное издание Священного Писания. Великая княгиня открыла книгу и под свет горящей спички прочла строку из «Откровения святого Иоанна Богослова»: «И дам ему звезду утреннюю...»

– Вот видишь, – умиротворённо сказала она мужу, – всё будет благополучно!

Вера жены передалась и Александру Михайловичу, восхищаясь её мужеством и отвагой, он сел в кресло и незаметно для себя заснул. Утром Задорожный, широко улыбаясь, сообщил, что грузовики из Севастополя прибыли в имение с пулемётами и вооружённой охраной, а Ялту заняли немецкие войска.

Прибывший в Дюльбер немецкий генерал был изумлён, когда Великий князь попросил его оставить весь отряд «революционных» матросов во главе с Задорожным для их охраны. Дав своё согласие, генерал долго бормотал что-то об «этих русских фантастах» и, видимо, решил, что от перенесённых страданий, они сошли с ума. Получив таким неожиданным образом свободу, Александр Михайлович с семьёй вернулись в Ай-Тодор, Императрица Мария Фёдоровна перебралась в Харакс.

Жизнь между тем продолжалась, и Романовы, объединённые бедрами, пережитой угрозой смерти, сблизились и часто собирались вместе. Скромно отмечались дни рождения, встречали Рождество и Новый год, с молитвами и надеждами на лучшее будущее. Случались горести и радости. Счастливым событием стало рождение первенца Ольги Александровны. Малыша Тихона крестили 21 августа 1917 года в Вознесенской церкви в Кореизе. Александр Михайлович стал крёстным отцом. В ноябре 1918 года Крым захлестнула эпидемия испанки, несколько бессонных ночей Ксения Александровна провела у постели заболевших детей. Немало переживаний отцу и матери доставило решение сына Андрея жениться на Елизавете Фабрици-

евне Фридеричи. Они не верили в искренность чувств со стороны невесты, предполагая один лишь расчёт. Елизавета Фабрициевна была старше Андрея годами, к тому же это был её второй брак. Однако влюблённым удалось преодолеть все препятствия, 12 ноября 1918 года в Ай-Тодоре прошло венчание и скромный семейный обед.

Вскоре в Севастопольскую бухту вошли британские военные корабли. Командующий британского флота адмирал Кэльторп передал предложение короля Георга V предоставить Царской семье убежище в Англии. Однако Мария Фёдоровна отказалась покидать Крым. А вот Великий князь Александр Михайлович решил воспользоваться возможностью уехать, чтобы выступить в Париже перед главами союзных правительств с докладом о положении в России. Мария Фёдоровна была «огорошена» этим известием, но отговорить зятя не смогла. Великая княгиня Ксения Александровна, грустная, но спокойная, проводила мужа и сына Андрея с невесткой в Ялту, откуда они на английском крейсере отправились в Севастополь. Императрица Мария Фёдоровна записала в дневнике: «Я видела, как он прошёл мимо меня в эту ясную тихую погоду».

11 декабря 1918 года на борту английского корабля «Форсайт» Александр Михайлович покидал Россию. С ним на палубе стоял сын Андрей с женой Елизаветой Фабрициевной. Великий князь лелеял надежду вернуться, но всё же в минуты прощания тоска сжала сердце: «"Форсайт" увеличивал скорость, и береговые огни мало-помалу скрывались из вида. Когда я обернулся к открытому морю, то я увидел Ай-Тодорский маяк. Он был построен на земле, которую мои родители и я возделывали в течение последних сорока пяти лет. Мы выращивали на ней сады и трудились в её виноградниках. Моя мать гордилась нашими цветами и фруктами. Мои мальчики должны были закрываться салфетками, чтобы не запачкать рубашки, кушая наши великолепные, сочные груши. Было странно, что, утратив так много лиц и событий, память моя сохранила воспоминание об аромате и вкусе груш из нашего имения в Ай-Тодоре. Но ещё более странно было сознавать, что, мечтая 50 лет своей жизни об освобождении от стеснительных пут, которые на меня налагало звание Великого Князя, я получил, наконец, желанную свободу на английском корабле».

Надежды Александра Михайловича не оправдались, его призыв оказать помощь антибольшевистскому сопротивлению в России не был услышан. Великий князь ясно понимал, что белые армии без поддержки западных союзников не выстоят в трудной борьбе. Тяготило сознание собственного бессилия, невозможности изменить ситуацию. Александр Михайлович стал эмигрантом, отныне его жизнь не освещали лучи Ай-Тодорского маяка. Он радостно воспринял известие о том, что Великая княгиня Ксения Александровна с детьми и вдовствующая Императрица уехали из Крыма. Однако воссоединиться с семьёй не стал. Ксения Александровна жила в Дании с Императрицей Марией Фёдоровной. Затем с младшими детьми поселилась в Англии, где Георг V предоставил ей уютный особняк Фрогмор возле Винд-

зора. Официально с мужем она так и не развелась – отговорил духовник Великой княгини.

Александр Михайлович остался в Париже. Великий князь был прежде всего военным, он умел служить, умел воевать, но в эмиграции эти умения негодились. Оставшись без денег, он вынужден был продать коллекцию древних монет, собранную на раскопках в Крыму. Сидя в отеле «Ритц», Александр Михайлович размышлял, как странно всё же устроена жизнь: «По той единственной причине, что несколько дорийских купцов, недовольных положением в Геракле в 650 году до Р.Х., отплыли к неведомым берегам и высадились на южном побережье будущей Российской империи» он занялся археологией. «Останься дорийцы дома, не было бы ни древнегреческих монет, ни ваз, ни статуй, погребённых в крымской земле», и он не смог бы рассчитаться с кредиторами. Александр Михайлович вспоминал слова отца, считавшего его увлечение глупой забавой: «Только подумай, Сандро, какие возможности ты упускаешь. Да если бы ты вложил хоть крупницу того, что тратишь, роясь в земле Крыма, в надёжные акции и государственные облигации, ты удвоил бы свой годовой доход и никогда бы ни в чём не нуждался. Не нравятся акции и облигации – купи нефтяные земли, медь, марганец, недвижимость, но, ради Бога, прекрати расшвыривать деньги на этих дурацких древних греков». Он был прав, но акции, недвижимость и месторождения вряд ли помогли бы Великому князю в его новой жизни. «Кроме того, у меня оставались воспоминания. Никакие Советы в мире не отняли бы у меня радостного волнения от моих археологических предприятий», – рассуждал Александр Михайлович.

Великий князь много путешествовал, побывал в Абиссинии, Америке, многих европейских странах. Он увлёкся спиритизмом, писал книги и читал лекции в Соединённых Штатах и Швейцарии. Александр Михайлович

Великая княгиня Ксения Александровна со взрослыми детьми в Лондоне, 1923 г.

работал над романом о Екатерине Великой, писал книгу о судьбе двух сестёр, датских принцесс, ставших затем английской королевой Александрой и русской Императрицей Марией Фёдоровной. Но с особенной теплотой работал над «Книгой воспоминаний», увидевшей свет в 1932 году.

Однако в последние годы Александр Михайлович был одинок, хотя всегда поддерживал отношения со своими повзрослевшими детьми и подрастающими внуками. И в эмиграции Михайловичи были по-настоящему дружны, оказывали друг другу поддержку и помощь. В 1932 году Александр Михайлович отправился в Ментон, в Приморские Альпы к своим крымским друзьям Николаю и Ольге Чириковым. Последнее время его мучили сильные боли в позвоночнике, и он надеялся, что мягкий климат поможет выздоровлению. Однако болезнь усилилась. Дочь Ирина и жена Ксения Александровна ухаживали за Великим князем, но состояние его ухудшалось, надежды на спасение не было. Александр Михайлович и сам понимал, что его жизненный путь скоро подойдёт к концу, он писал: «Я намерен остаться там, где и нахожусь, на Французской Ривьере. Любопытно, что, в конце концов, я пускаю корни там, где умерли мой отец и сестра, но я вспоминаю их без скорби. Я совершенно счастлив. Я достиг своей цели. Я обрёл себя. Может, это произошло и не так, как я ожидал, но мне приятно осознавать, что, прожив жизнь, подобную которой мало кому довелось прожить, я по-прежнему считаю, что вся она, каждый её миг были прекрасны. Если бы меня расстреляли в восемнадцатом году, я бы умер, сожалея об очень многом. Теперь я ни о чём не жалею...

Я один. Я не досадую на себя за размышления о том, что принадлежит далёкому прошлому... Очень скоро и мне придётся уйти».

Великий князь Александр Михайлович умер 26 февраля 1933 года и похоронен на Рокбрюнском кладбище на юге Франции. Великая княгиня Ксения Александровна пережила мужа на много лет. В 1936 году скончался король Георг, обещавший ей пожизненный приют в Виндзоре. Новый монарх предоставил родственнице более скромный дом в Хэмптон-Корте в Балморале. Перед отъездом Ксения Александровна собрала всех детей и внуков, это был последний большой сбор семьи. К Великой княгине переехал её сын Фёдор, страдавший тяжким недугом, – туберкулёзом. Но годы брали своё, Ксения Александровна не могла ухаживать за сыном – не хватало сил. На помощь пришла русская монахиня матушка Марфа, остававшаяся рядом с Великой княгиней до конца её дней. Ирина и Феликс Юсуповы пригласили Фёдора к себе во Францию, где климат более благоприятствовал лёгочным больным. Сын Фёдора, князь Михаил, вспоминал: «Я никогда не забуду, как мы с дядей Феликсом встречали в Париже из Англии моего отца на вокзале Сан Лазар. Его вынесли на носилках, потому что он был так страшно слаб, что не мог ходить. И дядя Феликс, видя мое замешательство, шепнул мне на ухо: «Не волнуйся, мы его поднимем». И он выполнил своё обещание». В 1948 году, когда Фёдору стало очень плохо, Феликс устроил шурина в хорошую клинику и сам выхаживал его после трёх операций. Через год Фёдор сообщил матери о своём выздоровлении, чем очень её обрадовал.

Умерла Ксения Александровна в 1960 году, в возрасте восьмидесяти пяти лет. Согласно её последней воле, прах Великой княгини перевезли во Францию и похоронили рядом с Александром Михайловичем, которого она всегда любила.

Сегодня внуки Александра Михайловича и Ксении Александровны входят в число главных деятелей Семейного союза Романовых. Они руководствуются заветом деда: «Раз и навсегда мы должны ясно понять, что новой России мы ничего не можем дать, кроме любви. И вот, готовясь к часу нашего возвращения на родину, мы должны в себе и в детях наших вытравить все чувства, идущие в разрез с законом любви. Только при этом условии народ русский нас примет и поймёт».

ХАРАКС ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА

В 1901 году выдающийся русский художник В.А. Серов написал парадный портрет Великого князя Георгия Михайловича, двоюродного дяди Императора Николая II. Главная особенность Серова – соединение тонкого психологизма с красотой рисунка. Портрет получился торжественным благодаря контрасту коричневых тонов фона и серого мундира с яркими обшлагами рукавов, тусклым золотом эполет и аксельбантов. Великий князь сидит в кресле, одна рука опирается на стол, другая свободно лежит на коленях. Вокруг фигуры Георгия Михайловича много свободного пространства, что создаёт впечатление свободы и естественности. Однако прямая спина, постановка головы и шеи говорят о внутреннем напряжении, подтянутости, обнаруживают привычку к военной выправке. Главное в портрете – лицо, в котором художник стремился передать самую суть характера. Безвольная складка губ, мягкий подбородок, несколько растерянный, как бы уходящий в сторону взгляд подчёркивают неуверенность, слабость, безволие, которые Великий князь старается скрыть за холодной аристократической отстранённостью и уверенной элегантностью внешнего облика. Каким же человеком был Великий князь Георгий Михайлович, и как его судьба связана с Крымом?

В 1863 году у Великого князя Михаила Николаевича, наместника Кавказа и Главнокомандующего кавказских войск, и его жены Великой княгини Ольги Фёдоровны в местечке Белый Ключ, близ Тифлиса, родился четвёртый ребенок и третий сын Георгий.

По сложившейся традиции, все Великие князья Романовы должны были стать военными. Ратную науку начинали постигать с семи лет вместе с изучением Закона Божьего, истории православной церкви, сравнительной истории других исповеданий, русской грамматики и литературы, истории иностранной литературы, истории России, Европы, Америки и Азии, географии, математики,

Великий Князь Георгий Михайлович.
Портрет В.А. Серова

английского, немецкого и французского языков и музыки. Кроме этого, юноши обучались верховой езде, фехтованию, обращению с огнестрельным оружием. Условия, в которых воспитывались все юные Великие князья, были примерно одинаковыми: мальчиков приучали к строгой дисциплине, к осознанию будущей ответственности перед страной, к безукоризненному выполнению своих обязанностей. Однако семейная атмосфера, отношения детей и родителей в разных кланах большой семьи Романовых разительно отличались. В семье Михайловичей не принято было открыто проявлять любовь, нежность, душевное тепло; ни Михаил Николаевич, ни Ольга Фёдоровна не стремились проникнуть во внутренний мир детей, узнать об их чувствах и желаниях, мечтах и сомнениях. Так было не потому, что родители не любили своих чад. Напротив, причиной такой сдержанности стала уверенность в том, что их детям в будущей жизни предстоит преодолеть множество испытаний, и они старались, чтобы мальчики выросли сильными духом людьми, добрыми христианами и верными подданными Императора. Наверно, они искренне удивились, если бы смогли прочесть следующие строки из «Книги воспоминаний» Великого князя Александра Михайловича, своего четвёртого сына: «В глазах наших родителей и воспитателей мы были здоровыми, нормальными детьми, но современный педагог нашёл бы в нас неудовлетворённую жажду к большей ласке и к проявлению привязанности. Мы страдали душой от одиночества. Наше особое положение отдаляло нас от детей нашего возраста. Нам не с кем было поговорить, и каждый из нас был слишком горд, чтобы делиться своими мыслями с другими братьями».

Гоги, так ласково называли мальчика в семье, учился легко. У него рано проявились способности к рисованию, в свободное от уроков время он брал чистый лист бумаги и – творил чудо. На белом листе постепенно появлялся особый мир, он, конечно, напоминал мир окружающий, но всё же оставался немного таинственным – ведь в него нельзя было попасть. Фантазия

Тифлис. Худ. Н.Г. Чернецов. 1839 г.

юного художника, кисть и карандаш создавали горы, похожие на хребты Кавказа, быстрые реки, дома, всадников на резвых конях. Особенно нравилось Георгию изображать лица людей, он радовался, когда удавалось передать не только внешнее сходство, но и какую-либо черту характера. Как было бы хорошо стать художником, работать в мастерской, где пахнет краской и

смолистым деревом, а на холсте, мазок за мазком, рождается портрет или пейзаж!

Мальчик прекрасно знал, что мужчины в Царской семье становятся только военными. Но он был ещё юн, а его прекрасно-несбыточная мечта – такой притягательной. Однажды во время торжественного обеда в Тифлисском дворце кто-то из гостей, желая угодить наместнику Кавказа, спросил у Георгия, кем бы он хотел быть. «Брат Георгий как-то робко высказал желание сделаться художником-портретистом, – вспоминал Великий князь Александр Михайлович. – Его слова были встречены зловещим молчанием всех присутствующих, и Георгий понял свою ошибку только тогда, когда камерлакей, обносивший гостей десертом, прошёл с малиновым мороженым мимо его прибора». Остальные дети также усвоили урок, прошло почти полвека, а этот случай не стёрся из памяти Александра Михайловича. Родители же не воспринимали всерьёз увлечение сына: многие Романовы были наделены художественными способностями, великолепно рисовали, но это считалось лишь частью прекрасного образования, и не более. И хотя художником Великому князю Георгию Михайловичу стать не довелось, любовь к рисованию и живописи сыграет значительную роль в его судьбе.

Все братья «Михайловичи» любили Кавказ за величавую красоту гор, пышную растительность, яркие краски, радующие глаз, особую атмосферу. Петербург подавлял роскошью дворцов, утомлял неизбежными официальными приёмами, требовавшими безукоризненного исполнения придворного этикета и блестящих манер, навевал грусть частыми туманами и дождями, поэтому возвращение домой, на Кавказ, всегда было радостным. Летние каникулы, продолжавшиеся шесть недель, дети проводили либо в Боржоме, либо в Крыму, в Ливадийском имении Государя Императора Александра II, доводившегося им дядей. В Ливадию они приезжали с большим удовольствием. Крымская природа напоминала родной Кавказ, здесь всё вызывало восторг: и зелень лесов и парков, и горы, пусть даже не такие высокие, как Кавказские, и ласковое, тёплое море.

В 1869 году Великий князь Михаил Николаевич приобрёл в Крыму, у мыса Ай-Тодор, имение. Теперь, когда у семьи Михайловичей появился собственный дом, они приезжали в Крым как хозяева, а не только как гости Царя. Великокняжеская чета принялась заботливо обустраивать новое владение, названное так же, как и мыс, «Ай-Тодор». Их шестеро сыновей и дочь с удовольствием проводили лето в крымском имении, Ай-Тодор стал частью их жизни, оставив самые приятные и дорогие воспоминания. Время здесь пролетало незаметно в весёлых играх, приятных прогулках по аллеям парка, поездках по живописным окрестностям. Беззаботное, радостное время...

Хорошо отдохнув в Крыму, семья возвращалась на Кавказ. Тифлис подарил юному Георгию Михайловичу встречу с первой любовью. Ею стала Нина Чавчавадзе, полная тёзка и родственница другой Нины – любимой, любящей и верной жены поэта и дипломата Александра Грибоедова. Молоденькая княжна с тонким станом, чёрными, как ночь, косами и бездонными

глазами покорила сердце Великого князя. Их чувство было взаимным, и влюблённые с нетерпением ждали встреч, чтобы говорить обо всём, не замечая никого вокруг, полностью погрузившись в свой, созданный ими мир, где царят нежность и любовь. Они желали соединиться и быть вместе всегда. Но по закону Великий князь мог вступить в брак лишь с особой, равной ему по рождению, представительницей правящей династии. Георгий Михайлович понимал, что не получит благословения ни своих родителей, ни Императора, и ужасно страдал. Вероятно, в душе князя происходила страшная борьба: подчиниться долгу или стать счастливым, тайно женившись на Нине? Но за ослушание он будет непременно наказан – немедленно выслан за пределы Российской империи. Смогут ли они найти счастье на чужбине?

Неизвестно на что бы решились ради любви Георгий Михайлович и Нина, однако их пылкое чувство не укрылось от глаз окружающих. Великая княгиня Ольга Фёдоровна пользовалась в семье Романовых заслуженным уважением, так как сама никогда не нарушала и от других требовала строгого исполнения династических правил и традиций. Она решительно положила конец роману своего сына. К тому же Ольга Фёдоровна нашла неожиданную союзницу в лице княгини Чавчавадзе, желавшей для своей дочери, в жилах которой течёт кровь грузинских царей, лучшей доли, чем быть непризнанной родственницей Императора.

Родителям казалось, что юношеское увлечение их детей скоро пройдёт, время – лучшее лекарство. Но первая любовь Георгия и Нины оказалась настоящей, крепкой, они подчинились обстоятельствам, однако долгие годы ощущали неутраченную боль в разбитых сердцах. Георгий Михайлович женился лишь в 37 лет, в том же возрасте вышла замуж Нина Чавчавадзе...

Великий князь Георгий Михайлович намеревался служить в Грузинском гренадерском полку в Тифлисе. Но в 1881 году от бомбы, брошенной террористом-народовольцем, погиб Император Александр II, на престол взошёл новый Государь Александр III, приходившийся Великим князьям Михайловичам двоюродным братом. В том же году Император назначил Великого князя Михаила Николаевича Председателем Государственного совета, и вся семья переехала в Петербург. Тяжёлым и печальным было расставание с Кавказом, где они прожили почти 20 лет.

Георгий Михайлович нёс службу в лейб-гвардии Егерском полку, затем в лейб-гвардии Конно-артиллерийской бригаде, лейб-гвардии Уланском полку, эскадроне Его Императорского Величества. Правда, успешной карьере мешала травма: Великий князь упал с лошади и повредил колено так сильно, что некоторое время с трудом мог ходить, а лёгкая хромота осталась до конца жизни. Великий князь Александр Михайлович так писал о старшем брате, с которым был особенно дружен в детстве: «Он вышел в офицеры Лейб-гвардии Конную Артиллерийскую бригаду и близко сошёлся с Великим Князем Петром Николаевичем, что дурно повлияло на развитие его индивидуальных качеств. Подражая своему двоюродному брату Петру Николаевичу, Георгий Михайлович утратил индивидуальные черты харак-

тера и находил удовлетворение от жизни в атмосфере манежа, лошадей и кавалерийских офицеров. Вернувшись из поездки на Дальний Восток, я нашёл совершенно другого человека вместо моего старого тифлисского друга. Этот ставший чужим для меня человек перестал меня интересовать, и наши отношения потеряли прежний характер взаимного обожания».

Справедливости ради надо отметить, что Георгия Михайловича с двоюродным братом Петром Николаевичем сближало увлечение искусством, интерес к живописи и рисованию, да и характерами они были схожи: оба мягкие, деликатные люди. Георгий Михайлович, как и многие Романовы, был страстным охотником. Он прекрасно разбирался в породах собак и состоял почетным членом Русского общества любителей породистых собак и почетным членом Московского Общества охоты имени Императора Александра II.

Однако круг интересов Великого князя оказался более широким. Однажды, в юности, к нему попала небольшая коллекция древних монет, принадлежавшая его отцу. О чём думал князь, держа в руке старинную монету? Может, о том, когда и в какой стране она была отчеканена, что означают надписи и изображения, как сохранилась до наших дней? Маленький истершийся, исцарапанный кружочек бронзы или серебра... А сколько тайн он хранит, и, если сумеет их раскрыть, сколько нового можно узнать, какое интересное путешествие в прошлое совершить! Так началось увлечение

юного князя коллекционированием монет, а также их изучением. В 14 лет он часами бродил по «армянскому базару» Тифлиса, разыскивая редкие русские монеты. Позже в Петербурге юный Георгий познакомился с известным нумизматом Х.Х. Гилем, под руководством которого скромная коллекция наполнилась медными, золотыми, платиновыми и серебряными монетами. К 1882 году в его собрании насчитывалось 3600 экземпляров. А несколько лет спустя 23-летний Георгий Михайлович опубликовал каталог «Описание и изображение некоторых редких монет моего собрания», в котором изложил соображения и подходы к изучению славянской нумизматики, составлявшую основную часть его коллекции. Работа получила положительные отклики автори-

Георгий Михайлович

тетных специалистов, что придавало сил и уверенности. Князь задумал описать самые интересные монеты, появившиеся со времён царствования Петра Великого. Его труды «Русские монеты 1881-1890 годов», «Монеты царствования императора Александра II, императора Николая I, императоров Павла I и Александра I», «Русские монеты, чеканенные для Пруссии, Грузии, Польши и Финляндии» содержат обширные материалы по русскому монетному делу и изображения монет. По инициативе Великого князя Георгия Михайловича и на его средства в конце XIX века издаётся 15-томный свод документального нумизматического труда по истории денежного обращения России – «Корпуса русских монет XVIII-XIX вв.». На протяжении четверти века лучшие учёные, эксперты и коллекционеры – Х.Х. Гиль, А.А. Ильин, И.И. Толстой – готовили полное описание российских монет, начиная с правления Петра I и вплоть до времени издания. Материал распределён по двум разделам: в первом помещены рассекреченные документы по истории монетного дела, во втором – таблицы с изображением и подробными сведениями по всем выпускам русских монет, включая год, место чеканки, объём выпуска, отличительные особенности. И в наши дни этот труд является наиболее авторитетным источником по русской нумизматике. Даже в советское время, когда имя Романовых находилось под строжайшим запретом, труды Георгия Михайловича оставались общедоступными в главных библиотечных хранилищах страны. Их просто невозможно было изъять, не образовав информационную пустоту. Нумизматические публикации, конечно, были, но все они ссылались на «Корпус» Великого князя, и ни одно из них не смогло превзойти его по полноте и глубине охвата материала.

В 1888 году с благословения Великого князя Георгия Михайловича образовалось Московское нумизматическое общество, в которое вошли все известные коллекционеры и нумизматы. Но наиболее крупной и яркой коллекцией обладал сам Георгий Михайлович. Среди его монет немало редчайших, например, серебряная «крестильная полтина» Петра I, которыми Император одаривал своих крестников. Сегодня в мире сохранилось лишь две полтины. Или Константиновский рубль* – самая известна и самая дорогая монета, и поныне занимающая первенство среди раритетов, за которыми охотятся все владельцы крупных коллекций.

В 1909 году Великий князь Георгий Михайлович подарил своё богатейшее собрание русских монет Русскому музею. Дар поистине царский, ведь

*Константиновский рубль, долгое время сам остававшийся тайной, связан с одной из неизведанных страниц истории государства российского: вступлением на престол Николая I. Пока решалось, к кому же из братьев – Константину или Николаю – перейдёт власть, на Петербургском монетном дворе срочно изготовили пробный образец монеты с портретом и именем нового Императора – Константина, а 12 декабря начали чеканку. Затем работы прекратили и засекретили: Константин не царствовал ни одного дня, а монета с его портретом и императорским титулом появилась. Но несколько образцов сохранилось.

В 1879 году Император Александр II распределил сохранившиеся монеты между членами Царской семьи. Одну из них по просьбе директора Эрмитажа передал в отдел нумизматики музея. Один экземпляр оставил себе, один передал принцу Александру Гессенскому, брату Императрицы Марии Александровны, одну – Великому князю Сергею Александровичу, одну – Великому князю Георгию Михайловичу.

в коллекции были также собраны редкие наградные ордена и медали, начиная с петровской эпохи. Именно Пётр Великий первым в Европе положил начало традиции награждать не только генералитет, но и рядовых офицеров, солдат и матросов за подвиги на поле боя медалями, которые учреждались в ознаменование конкретного сражения*.

А что же детское увлечение живописью? Прошло, забылось? Подчинившись воле родителей, Георгий Михайлович художником, конечно, не стал, но серьёзно изучал историю искусства и творчество лучших живописцев. Старался понять, постичь секрет их мастерства, удивительно тонкого владения кистью, умение одухотворять пейзаж и проникать в тайны человеческой души, но не раскрывать их на полотне, оставляя зрителю загадку. Великий князь знал, что настоящий художник не подойдёт к мольберту равнодушно, не будет создавать картину ради заработка. Он пишет, чтобы передать выстраданное или рождённое большой радостью, поделиться размышлениями, сомнениями, он словно исповедуется, потому что невозможно ему молчать. Только тогда рождаются шедевры. Художественный вкус и любовь к живописи неожиданно изменили жизнь Великого князя.

Уже в конце 1880-х годов российское общество мечтало о создании музея русского национального искусства, в котором были бы собраны лучшие произведения. Интерес к русскому изобразительному искусству в то время был поразительным. Лучшие художники объединились в «Товарищество передвижных художественных выставок», свои картины они выставляли как в столицах, так и в провинциальных городах. Известный коллекционер Павел Михайлович Третьяков организовал общедоступный музей, уже в 1881 году он открыл свою галерею для всех желающих, а в 1892 году передал её в дар Москве. Однако в небольших музеях и галереях нельзя было увидеть

* Судьба Великокняжеской коллекции печальна. К сожалению, Русский музей не обладал помещением, приспособленным для размещения столь обширной экспозиции. Накануне Первой мировой войны Великий князь решил переместить её в более надёжное место – в Петроградскую судную казну на Фонтанке, куда она была сдана управляющим делами князя Яковом Майхровским. Спустя несколько лет Россию закружило в вихре революций, в октябре коллекцию переправили в более безопасное место – на Кавказ, а оттуда она попала в Югославию. Более десяти лет велись судебные споры между советским правительством и Великой княгиней Марией Георгиевной за право обладания коллекцией. Наконец, в 1934 году она была передана вдове Великого князя Георгия Михайловича. После её смерти коллекцию унаследовали дочери и постепенно распродали на аукционах. Русские коллекционеры-эмигранты В.Г. фон Рихтер, А.А. Стахович, П.В. Пашков, О.А. Перников пытались выкупить наиболее редкие экземпляры, мечтавая сохранить их. Однако большая часть коллекции попала в частные руки. В 1950 году остатки коллекции – более 14 000 монет и медалей в серебре и меди – приобрёл американский нумизмат Э. Ганс и выгодно перепродал миллионеру Л. Дюпону. Его сын В.Х. Дюпон в 1952 году передал часть экземпляров в Национальную нумизматическую коллекцию США, хранящуюся в Смитсоновском институте в Вашингтоне. В 1958 году он передаёт ещё несколько сот предметов, среди которых редчайшие монеты и медали XIX века, в том числе и Константиновский рубль. В 1966 году он предложил Министерству культуры СССР купить остатки коллекции за 1,7 млн долларов, но его предложение было отклонено. В следующем году грабители похитили из экспозиции Дюпона 25 золотых и платиновых монет и медалей. Сегодня некоторые из этих предметов всплывают на аукционах, их покупают и русские меценаты, те, кто любит и ценит русское искусство. Однако большая часть коллекции Великого князя Георгия Михайловича хранится в отдельных государственных и частных собраниях, и для нас потеряна навсегда.

многих шедевров русского искусства, так как они находились в коллекциях Царской семьи. Художественный критик В.В. Стасов писал: «...Как ни прекрасна и ни превосходна инициатива этих Прянишниковых, Третьяковых, Солдатенковых, не следует, чтобы всё дело осталось на одних только плечах этих благородных, великодушных добровольцев... Надо, чтобы государство создало сначала один, а потом несколько центров, куда бы собирались произведения национального искусства... и где их мог бы всегда находить весь народ, как своё драгоценное достояние». Желание прогрессивной части общества удивительно совпало с намерениями правящего монарха. Государь Александр III долгие годы коллекционировал картины и собирался создать музей, для которого даже нашёл подходящее здание – Михайловский дворец, однако тяжёлая болезнь нарушила его планы. Молодой Император Николай II решил осуществить задуманное его отцом. Через некоторое время после кончины Александра III последовал Императорский Указ от 20 января 1895 года о выкупе в казну Михайловского дворца со всеми принадлежащими к нему флигелями, службами и садом — за 4 миллиона рублей серебром. А 13 апреля 1895 года Царь подписал Именной Высочайший указ № 62 «Об учреждении особого установления под названием “Русского Музея Императора Александра III”», который начинался словами: «Незабвенный Родитель Наш, в мудрой заботливости и процветании отечественного искусства, преуказал необходимость образования в С.-Петербурге обширного Музея, в коем были бы сосредоточены выдающиеся произведения русской живописи и ваяния».

В Указе Правительствующему Сенату особо отмечалось, что главное заведование музеем возлагается на одного из членов Императорского Дома по выбору Государя. Выбор пал на Великого князя Георгия Михайловича. В тот же день Николай II направил ему официальное письмо: *«Ваше Императорское Высочество, Указом Правительствующему Сенату, сего числа данным, Повелеваю учредить, по мысли в Бозе почившего Родителя моего, особое установление под названием “Русского Музея Императора Александра III” на преподанных мною основаниях, с сосредоточением ныне же в музее выдающихся произведений отечественной живописи и ваятельного искусства, Я назначил Вас Управляющим названным Музеем»*. Далее, подчеркнув всю важность и ответственность его новой должности, Государь выразил уверенность: *«...что проникнутые благоговейною преданностью к памяти Незабвенного Монарха, Вы не преминете достойно оправдать Мои ожидания. Пребываю к Вам навсегда неизменно благосклонный и искренне Вас любящий Николай. В С.Петербурге. Апреля 13 дня 1895 года»*. Слова «искренне Вас любящий Николай» написаны Императором собственноручно, что сделало текст официального послания по-родственному тёплым.

На плечи Великого князя Георгия Михайловича легли заботы по организации музея. В мае 1895 года была создана «Комиссия по надзору за ремонтом и приспособлением Михайловского дворца для помещения Русского музея Императора Александра III», началась перестройка дворцовых

залов для будущих музейных экспозиций. Задача, надо сказать, не из лёгких. Великолепные дворцовые комнаты, созданные талантливым зодчим К. Росси для частной жизни, надо было приспособить для удобного показа картин и скульптур. Подготовил проект и руководил работами архитектор В.Ф. Свиньин, но все изменения – от самых незначительных до капитальных – утверждались Комиссией и лично Высочайшим Управляющим. Работы были выполнены быстро, прочно и экономно. Достаточно сказать, что на выполнение огромного объёма капитальных работ (вместе с технической реконструкцией здания), а также на реставрационные и отделочные работы было истрачено всего пятьсот сорок тысяч рублей.

Великий князь очень ответственно и серьёзно подошёл к выбору штата музея, утверждённого в августе 1897 года. Он привлёк крупнейших учёных, искусствоведов, историков, этнографов, археологов, архитекторов. У истоков музея стояли: Д.И. Толстой (назначенный в 1901 году на должность Товарища Управляющего Русским музеем), А.Н. Бенуа, П.А. Брюллов, П.И. Нерадовский, Н.П. Сычев, П.И. Столпянский, М.П. Боткин, А.А. Миллер, Н.Н. Пунин, – прекрасно образованные, талантливые, страстно увлечённые искусством люди.

Три года продолжались подготовительные работы. Наконец, 7 марта 1898 года состоялось торжественное открытие «Русского музея Императора Александра III». В 37 залах разместились живописные работы, скульптуры, изделия декоративно-прикладного искусства древней Руси, «Музей христианских древностей». Основу собрания составили произведения искусства, ранее хранившиеся в Академии художеств, Эрмитаже, а также Зимнем, Гатчинском и Царскосельском Александровском дворцах. Замечательные коллекции передали в дар музею князь А.Б. Лобанов-Ростовский и княгиня М.К.Тенишева. Уже первые посетители смогли увидеть настоящие шедевры: «Последний день Помпеи» К. Брюллова, «Девятый вал» И. Айвазовского, «Сватовство майора» П. Федотова, «Запорожцы пишут письмо турецкому султану» И. Репина, а также полотна Боровиковского, Кипренского, Тропинина, Шишкина, скульптуры Шубина, Антокольского. И пусть не обошлось без недостатков – критики отметили некоторую бессистемность экспозиции и большую плотность размещения картин на стенах, затруднившую восприятие, – открытие первого государственного музея России стало важным событием.

По случаю открытия музея Николай II отправил Великому князю Георгию Михайловичу письмо: *«Три года тому назад, вменяя Себе в священную обязанность осуществить заветное желание в Бозе почившего Моего Родителя видеть собранные воедино наиболее выдающиеся произведения русской живописи и ваяния, я повелел учредить Музей Его Имени и вместе с тем возложил на Вас непосредственное управление сим установлением. Посвятив Себя с неутомимым рвением этому сложному и многотрудному делу, вы озаботились надлежащим приспособлением предназначенного мною для этой цели здания Михайловского дворца и в непродолжительное время*

собрали и привели в стройный порядок те художественные произведения, которые подлежали помещению в музей одобренного Мною Положения.

...Мне приятно засвидетельствовать Вам об испытанном Мною, при Личном обозрении, радостном чувстве полного удовлетворения. Это драгоценное хранилище образцов отечественного творчества невольно поражает своим богатством и разнообразием, выдержанностью системы в размещении находящихся в нём предметов и изяществом их установки...

...По справедливости, отнеся знаменательный успех в благом начинании этом к просвещённому руководительству Вашего Императорского Высочества, Я считаю отрадным для себя долгом выразить Вам душевную Мою благодарность, а равно изъявляю Монаршию признательность даровитым сотрудникам Вашим в исполнении такого истинно патриотического дела. Пребываю к Вам навсегда неизменно благосклонный и сердечно Вас любящий Николай».

С первых же дней работы Русского музея желающих побывать в нём и увидеть собранные бесценные сокровища не уменьшалось. Продолжали пополняться и музейные коллекции. В 1902 году для экспонатов этнографического отдела построили специальный корпус по проекту архитектора В.Ф. Свиньина (сегодня в нем размещается Российский этнографический музей). Для устройства различных выставок с западной стороны Михайловского дворца в 1914-1916 годах архитекторы Л. Бенуа и С. Овсянников возвели отдельное здание, которое ныне известно как «корпус Бенуа». Так при активном участии Великого князя Георгия Михайловича родился Русский музей – первый в нашей стране государственный музей русского изобразительного искусства. За свою научную деятельность 5 декабря 1898 года Великий князь был избран почётным членом Императорской Академии наук.

Было у Великого князя ещё одно увлечение, роднившее его с младшим братом Александром Михайловичем. В крымском имении Ай-Тодор на одном из отрогов мыса сохранились древние руины сооружений, стен и башен. Они будоражили воображение двух мальчишек, братьев Гоги и Сандро. Какой народ построил эту крепость на обрывистом неприступном мысе, от кого оборонялся, как жил? На интересующие вопросы братья получили ответы по прошествии многих лет, увлекшись археологией. Александр Михайлович в 1896 году организовал регулярные раскопки, Георгий Михайлович, бывая в Крыму, с удовольствием принимал в них участие. Постепенно выяснилось, что крепость построили в 60-х годах I века римляне и назвали греческим словом «Харакс», что в переводе означает «укрепление».

В далёкие времена, когда древнегреческий город-государство Херсонес, утратил свою независимость, и подчинился Риму, в небольшую уютную бухту вошли корабли Равеннской эскадры римского флота. На высоком, обрывистом мысе Ай-Тодор римские военные начали возводить укрепление и маяк, указывающий путь мореходам. Впрочем, вскоре им пришлось покинуть Таврику и вернуться в Рим, где запыхал пожар кровопролитной гражданской

войны. В первой половине II века в цитадели на мысе Ай-Тодор уже стоял римский гарнизон из солдат I Италийского легиона, возглавляемый центурионом. В конце II века их сменили военные XI Клавдиева легиона. Гарнизон Харакса подчинялся римскому военному трибуну, резиденция которого находилась в Херсонесе. Чтобы быстрее и удобнее было добираться в город, римляне проложили дорогу, часть которой сохранилась до наших дней.

Крепость постепенно обустраивалась. С суши её надёжно защищали две оборонительные стены, с моря – неприступный обрыв. В цитадели построили казармы, штаб гарнизона, склады и хозяйственные помещения и, конечно же, терму. Известно, что Крым небогат водой, но римляне нашли у подножия горы Ай-Петри родник и проложили керамические трубы, по которым вода самотёком подавалась в крепость. Запасы воды сохранялись в особом бассейне – нимфее, устроенном между крепостными стенами. Сюда приходили набрать воды и поклониться обитавшей здесь нимфе, принося в дар керамическую посуду и маленькие статуэтки божества.

С течением времени под стенами крепости стал селиться простой люд и вырос целый годок – посад. Под защитой римских легионеров жизнь текла мирно, спокойно, а что ещё нужно для благоденствия и экономического процветания? Развивались ремесла, в тихую бухту под Аврориной скалой заходили суда рыбаков и торговцев.

Конечно же, Харакс открывал свои тайны не сразу и не одному поколению археологов, а положили начало изучению дозорной крепости, вернули её из небытия два брата из династии Романовых. Георгий Михайлович принимал живое участие в раскопках, пытливым умом стараясь понять по сохранившимся руинам, осколкам керамики и многочисленным монетам, как жили люди много веков назад. В частности, монеты помогли установить многие хронологические факты. Самые ранние из найденных динариев отчеканены в годы правления императора Гальбы (68-69 гг.) – это время зарождения цитадели. Недолго римский трон занимали императоры Отон и Вителлий (69 г.), а затем Рим получил рассудительного и хозяйственного владыку – императора Веспасиана (69-79 гг.), сумевшего наполнить опустевшую казну империи. Монеты с его изображением обнаружены и на мысе Ай-Тодор. Последними появились динарии императора Гордиана III (238-244 гг.), около 244 года гарнизон покидает крепость, XI Клавдиев легион отзывается из Таврики для защиты границ Римской империи от варваров. Воины надеялись вскоре вернуться, но оказалось, что они ушли навсегда. Слава великой Римской империи клонилась к закату. И вместе с ней уходила в прошлое небольшая цитадель Харакс, охранявшая её покой на берегу далекой Таврики.

По духовному завещанию Великой княгини Ольги Фёдоровны, имение Ай-Тодор перешло её сыну, Александру Михайловичу. Впоследствии небольшой участок на побережье стал собственностью Георгия Михайловича. Своё владение Великий князь назвал Харакс в честь древней римской крепости. Он мечтал построить здесь уютный дом, разбить тенистый парк с эк-

зотическими растениями. Только кто будет жить во дворце? Великий князь одинок – ни жены, ни детей. Да и на каменистой безводной почве не растёт ничего, кроме редких деревьев можжевельника.

Родственники не раз заговаривали с Георгием Михайловичем о женитьбе. Великому князю уже за тридцать, жизнь складывается удачно: он нашёл применение своим талантам, достиг немалых успехов и полон планов на будущее. Теперь необходимо обзавестись семьёй, уютным домом, в котором росли бы дети. Но Георгию Михайловичу ничего не хотелось менять в привычном течении жизни. К тому же, первая любовь не забылась, и хотя воспоминания о ней уже не разрывали сердце на части, а стали грустно-приятными, так искренне, глубоко и страстно полюбить другую женщину он не мог. А родственники не сдавались, желая видеть Георгия Михайловича семейным человеком. Что ж, если женитьба неизбежна, нужно выбрать августейшую невесту, которая стала бы и женой, и другом, и хорошей матерью. Георгий Михайлович надеялся, что всеми этими качествами обладает принцесса Мария Греческая, младшая дочь его двоюродной сестры Ольги Константиновны и короля Георга I.

Однако сватовство Великого князя, доводившегося ей двоюродным дядей, не обрадовало молодую женщину. Мария уже любила, любила страстно и несчастливо афинского юношу, и это чувство, она точно знала, будет жить в её сердце всегда. Поэтому последовал отказ. Однако принцессы не вольны распоряжаться собственной судьбой, их долг – династическим браком укрепить политические связи своего государства, всегда оставаться преданной женой и любящей матерью. К тому же, уговаривали родные, Россия – могущественная и богатая страна и не совсем ей чужая, отношения с Императорской семьёй были прочными с самого детства. Там родилась мать Марии – королева эллинов Ольга Константиновна. Там жили многочисленные родственники: родная тётка – вдовствующая Императрица Мария Фёдоровна, племянники Мария и Дмитрий, дети старшей сестры Александры, вышедшей замуж за Великого князя Павла Александровича, двоюродные сёстры и братья. И Мария с неохотой согласилась, ясно дав понять Георгию Михайловичу, что не любит его.

По-королевски пышную свадьбу сыграли 30 марта 1900 года на острове Корфу. В семье Романовых после грустного венчания Николая II и Александры Фёдоровны это было первое радостное торжество. После свадебных празднеств молодожёны переехали в Петербург и поселились в просторном Михайловском дворце. Началась обычная семейная жизнь с неизбежными хлопотами, горестями и радостями. Соглашаясь на брак, Мария Георгиевна была уверена, что никогда не будет счастлива. Мужа она уважала, ценила его заботливое отношение, но не любила. По письменным воспоминаниям друга семьи, «...она была тронута его преданностью. А то огромное состояние, которое он швырнул к её ногам, ослепило её, но не испортило её характера». Георгий Михайлович надеялся, что в будущем супруга изменит своё отношение, и они станут понастоящему родными людьми. Но сближению мешала и разница в 13 лет, и

то, что всё свободное время Георгий Михайлович занимался коллекционированием монет и изучением научных трудов. И всё же великокняжеская семья познала счастье быть родителями. 7 июня 1901 года родилась дочь, названная Ниной (не в память ли о первой любви Георгия Михайловича?). А 9 августа 1903 года на свет появилась младшая дочь – Ксения.

Великая княгиня Мария Георгиевна, выросшая в солнечной Греции, с трудом переносила сырой и холодный климат Петербурга. Всё чаще хандрила, чувствуя себя одинокой. В большой семье Романовых Мария Георгиевна не нашла близких друзей. Причиной тому стал нелёгкий характер Великой княгини, она была довольно властной, с трудом шла на компромиссы и предпочитала говорить людям правду в лицо. Поэтому всё своё время и силы Мария Георгиевна посвящала воспитанию дочерей.

Грустное настроение жены беспокоило Великого князя Георгия Михайловича, жизнь в северной столице не шла ей на пользу. А ведь Крым с ранней весной, жарким летом и тёплой сухой осенью так напоминал средиземноморский климат Греции! В 1904 году Георгий Михайлович решил обустроить для своей семьи крымское имение Харакс. Он не долго думал, кому поручить сделать проект дворца и возглавить строительство. Ялтинский архитектор Николай Петрович Краснов уже проявил свой талант в создании великокняжеских южнобережных дворцово-парковых ансамблей Дюльбер и Чаир. Восточный дворец Дюльбер двоюродного брата Великого князя Петра Николаевича привёл Георгия Михайловича в полный восторг, и он понял: ни один столичный зодчий не справится лучше. В 1904 году Н.П. Краснов получил приглашение от Великого князя Георгия Михайловича спроектировать и возвести в его имении дворец на 46 комнат, церковь, часовню, свитский корпус, кухню, конюшню, оранжерею, дом садовника, разбить парк и сад, устроить водопровод и канализацию, а несколько позже гараж, дом для шофёра и склад горючего. Мария Георгиевна пожелала иметь виллу в «английском стиле».

Архитектор с большим энтузиазмом принялся за работу, обширный прибрежный участок давал возможность проявить талант и фантазию. Чтобы удовлетворить вкус заказчиков, он решил на площадках скалистого мыса возвести жилые и хозяйствен-

Великая княгиня Мария Георгиевна

ные здания в виде шотландской деревушки, живописной и уютной. Великокняжеская чета одобрила художественное решение архитектора, им по душе пришлась романтическая, внешне действительно деревенская простота.

Однако из-за отсутствия воды начало строительных работ пришлось отложить. В 1905 году на территории имения обнаружили несколько родников, а гаспринские татары сдали в аренду источник Хачамалар, теперь можно было начинать стройку. Между архитектором и Великим князем Георгием Михайловичем велась переписка, в которой Краснов подробно рассказывал о ходе работ и возникавших затруднениях, а также присылал сделанные Кодаком снимки, по которым заказчики могли судить о том, как продвигается строительство. Первые фотографии глубоко разочаровали Великую княгиню Марию Георгиевну. Она мечтала, что её крымское имение будет напоминать родную Грецию, а тут! «Такая каменистая пустыня никогда-никогда не может стать приличной виллой!» Но шло время – и всё менялось. Как только возводилось дворцовое здание, начинались ландшафтные работы: перед фасадами разбивали лужайки и газоны, высаживали средиземноморские растения, прокладывали дорожки. В письмах к Георгию Михайловичу Краснов объяснял, почему он выбрал тот или иной вид растения, как созданная им композиция из цветников, кустарников и деревьев будет смотреться через год или 75 лет спустя.

Однако летом 1905 года великокняжеская чета перестала на некоторое время интересоваться Хараксом. Их старшая дочь, четырёхлетняя Нина, опас-

Дворец в имении «Харакс»

но заболела. Сегодня слово «дифтерия» потеряло для нас тот грозный смысл, которым оно было наполнено для многих предшествующих поколений. Это заболевание стало редким благодаря профилактическим прививкам, а в начале XX века диагноз дифтерия звучал как приговор, в те времена ни прививок, ни антибиотиков не было. Спасти девочку от гибели могло срочное хирургическое вмешательство. Нине сделали операцию 6 августа в немецком городке Гомбурге, и малышка начала поправляться. Для родителей исцеление дочери стало настоящим чудом, дарованным свыше. Ведь 6 августа по старому стилю православная церковь отмечает один из главных праздников – Преображение Господне, называемый в народе Яблочным спасом. Как преобразился Иисус Христос на горе Фавор перед своими учениками, явив божественную сущность, так преобразилась жизнь маленькой Княжны Императорской крови и её родителей – исчезли обречённость, бессилие и страх потерять любимого ребёнка и загорелся свет надежды. В память чудесного исцеления дочери Великие князья Георгий Михайлович и Мария Георгиевна решили возвести церковь в своем крымском имении Харакс и освятить в честь Св. Нины и Преображения Господня.

1905-1906 годы стали нелёгким испытанием для России. Страну охватили стачки, забастовки, митинги, крестьянские бунты, столкновения с войсками, вылившиеся в декабрьское вооружённое восстание в Москве; баррикадами покрылся весь город, погибли сотни людей. Волна революционных событий докатилась и до Крыма. Летом 1905 года вспыхнул мятеж на кораблях Черноморского флота: на броненосце «Князь Потёмкин-Таврический» и других судах, а в ноябре – новое восстание в Севастополе, центром которого стал крейсер «Очаков». Даже в тихой Ялте известия о революции, всеобщей забастовке, Царском манифесте, обещавшем свободу слова, печати, собраний вызвали беспорядки, на улицах собирались толпы людей, настроение какого-то жуткого восторга нередко выливалось в бесчинства. Весной 1905 года Краснов описывал Великому князю обстановку в городе: *«В Ялте 14 марта в ночь начались беспорядки. Толпа громил и босяков ходила по городу – разбила все магазины, разграбила товары, подожгла 4 дома и целые сутки держала город на особом положении. Вызывали эскадрон татарского дивизиона. К толпе присоединились политические элементы, и до прибытия войск толпа разнесла полицейский участок, камеры, судейский участок, выпустила заключённых. После чего началась забастовка, которая охватила даже работающих в Хараксе строителей-турок. Войска разогнали всех, но ещё 3 дня не пускают работать... Мы, все жители, вынуждены ходить вооружёнными. Ужасно тяжёлое время!»*

Несмотря на опасную обстановку, в январе 1906 года Георгий Михайлович приехал в Крым, чтобы лично присутствовать при торжественной закладке храма. *«Третьего дня, 14 января, в день именин Нины, мы заложили церковь, – писал Великий князь отцу. – Закладка была в 11 ½ часов... Погода была прекрасная и довольно тёплая».*

Забастовки и волнения на железных дорогах делали путешествие опасным, поэтому Великий князь Георгий Михайлович решил некоторое время

пожить в имении брата Ай-Тодор. Теперь, когда беспокойство за жизнь дочери осталось позади, он не мог не тревожиться за судьбу России. На страну надвигалась грозная опасность, далёкий от политики, Великий князь всё же понимал, что государственный механизм разлаживается, авторитет власти падает, а политическая обстановка накаляется. Снова набирает силу террор, покушения совершаются на видных государственных деятелей, губернаторов, полицмейстеров. Тяжёлую утрату понесла и Императорская семья: 4 февраля 1905 года в Москве от бомбы, брошенной террористом, погиб Великий князь Сергей Александрович, доводившийся двоюродным братом Георгию Михайловичу. Страшное, немыслимое злодеяние!

Георгий Михайлович был с детства дружен с Императором Николаем II и искренне сочувствовал ему, понимая, как трудно сейчас Ники: необходимо восстановить порядок в стране, но нет рядом сильных, волевых людей, способных остановить революционное брожение. Сбнародовав 17 октября 1905 года Высочайший Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», Николай ограничил собственную самодержавную власть, учредил парламент – Думу, перестроив всю систему государственного правления. Легко ли ему было на это решиться? И поможет ли этот шаг предотвратить в России страшную катастрофу? Именно в 1905 году у Георгия Михайловича возникло мрачное предчувствие: стране не избежать ужасных потрясений.

Напряжённая обстановка в Ялте влияла на настроения рабочих-строителей Харакса и чрезвычайно осложняла работу Н.П. Краснова, о чём он письменно сообщал Великому князю: *«Идёт ужасное брожение – народ прямо голову потерял, приходится целые дни проводить на чеку в сплошном напряжении, чтобы как-нибудь ладить с рабочими, предупреждать всякие случайности. ...Приходится помимо массы ответственных и важных работ уделять ещё*

Георгий Михайлович
с супругой **Марией Георгиевной**

невольню внимание на то, чтобы всё шло возможно гладко... Обращаться к полиции и вообще к силе я лично считаю не слишком удобным – могут испортить отношения между собой рабочие (греки, турки, армяне и т. п.), поэтому приходится всё время... действовать уговорами и тактикой, что слава Богу до сего времени удаётся. Словом, такое жестокое время, что просто ужасно. Дай Бог, чтоб скорей прошло бы это Божье наказание».

В марте 1906 года начали возводить церковь и звонницу. К тому времени уже построили свитский дом, лестницу от дворца к морю, подпорные стены, проложили новую шоссеиную дорогу. Для храма архитектор предложил византийский стиль в сочетании с декоративными элементами

грузинских и армянских церквей. Георгий Михайлович, родившийся на Кавказе и ценивший искусство народов Закавказья, одобрил проект.

Стены храма, сложенные из местного известняка, украсили высеченные кресты и геометрический резной орнамент, отличавшийся тонкостью и тщательностью обработки. Особую красоту церкви придавал не сохранившийся до наших дней купол с восьмигранным шатровым покрытием на высоком барабане с изящным аркатурным поясом. Крыша была исполнена из каменных плит, уложенных по железобетонным плитам, венчал её каменный крест. По желанию Великого князя вход в храм украшал мозаичный образ Спаса Нерукотворного (копия с иконы из домика Петра I в Петербурге) и образ святой Нины. Орнамент интерьера и образы выполнили в известной фирме А. Сальвиати по рисункам живописца А. Славцова. Иконостас был высечен из красного полированного известняка, царские, северные врата и киоты икон выполнены из бронзы. В 1908 году церковь в имени Великого князя Георгия Михайловича была построена, а отделка продолжалась до 1912 года. Стройную, изящную церковь возвели в отдалении от дворцовых зданий, на холме, и она превосходно просматривалась из имения.

К 1907 году был закончен и дворец, выполненный в стиле шотландского шале, покрытый красной английской черепицей, прекрасно сочетающейся с серым камнем стен. Все дворцовые здания получились удобными и эле-

Мария Георгиевна с дочерьми Ниной и Ксенией

гантными. В английском стиле, сообразно вкусам хозяев, выдержаны и интерьеры комнат: мебель от английской фирмы Хэмптон, английское серебро и посуда, обои и обивочные ткани. Кажущаяся простота великокняжеской виллы приводила некоторых посетителей в замешательство: вместо пышного дворца их взорам представал добротный дом, просторный и уютный. Но именно о таком доме мечтала Великая княгиня Мария Георгиевна. В конце августа 1907 года великокняжеская семья впервые приехала в Харакс. Крымское имение всех привело в восторг, от каменистой пустыни не осталось и следа, среди зелени молодого парка красовались дворец и свитский корпус, в отдалении – хозяйственные постройки, а над всей этой уютной деревушкой, словно парила, церковь. Мария Георгиевна была счастлива: Крым так похож на её родную Элладу – такие же величавые горы, стройные кипарисы, высокое синее небо, тёплое море! Сначала семья приезжала в Харакс в апреле-мае, когда в Крыму уже всю царила весна, или осень, когда спадала летняя жара. Но постепенно они всё дольше задерживались в имении, ставшем, по сути, их единственным семейным домом.

Харакс полюбили все. Подросшие княжны весело играли в укромных уголках зелёного парка, спускались по дорожке к морю, где среди нагромождений скал был устроен небольшой пляж с купальней. А затем поднимались по широкой лестнице к дворцу, обязательно останавливаясь перед прекрасной статуей «Слава в Вышних Богу» в нише подпорной стены, изображавшей коленапреклоненную женщину, возносящую мольбы к Творцу. С удовольствием совершали прогулки по узенькой дорожке, проложенной среди камней вдоль моря, к мысу Ай-Тодор или в Алупку. Хозяева с любовью и заботой обустроивали своё имение.

Храм Св. Нины

Георгий Михайлович украшал аллеи и площадки парка амфорами и пифосами, найденными при раскопках древней римской крепости, что придавало этому уголку крымской земли ещё большее сходство с Элладой. Гордостью Марии Георгиевны стали цветники, почти круглый год радующие глаз буйным цветением и наполнявшие воздух дивными ароматами. Великолепны были царственные розы, их коллекция числом и красотой нисколько не уступала знаменитому парку Чаир. Особое место занимали штамбовые розы, дерева, сплошь покрытые цветами, украшали аллеи и газоны парка. Дневник Великой княгини Марии Георгиевны сохранил чувство восхищения и непреходящей радости от владения домом и

дивным парком, в котором «каждое дерево и цветок стали их настоящими друзьями». Возвращаясь из заграничных поездок, Великокняжеская чета обязательно привозила что-нибудь для своего крымского имения: садовую вазу или редкое растение, которое Георгий Михайлович сам высаживал в парке.

По желанию Великой княгини парк Харакса украсила оригинальная «античная» беседка, выполненная Н.П. Красновым. Мария Георгиевна приходилась внучкой Великому князю Константину Николаевичу, владельцу Ореанды и великолепного дворца в греческом стиле. От погибшего в огне пожара дворца уцелели некоторые архитектурные детали, в том числе колонны и антаблемент из атриума – окружённого портиками дворика. Вот их и подарил, выполняя просьбу кузины, Николай II хозяевам Харакса. Так в одном из уголков парка появилось архитектурное украшение, напоминающее внутренний дворик римской виллы. Правда, Мария Георгиевна, скучающая по родной Греции, видела в нём античный греческий храм, обрамлённый печальными кипарисами. Между колонн поставили восемь старинных пифосов с растениями (до наших дней чудом уцелел один), у входа цвели розы.

Харакс, как и другие имения Романовых, должно было со временем стать доходным хозяйством. Строительство ещё только началось, а Великий князь уже задумался о хорошем управляющем, опытном и честном, которому можно было бы всецело доверять. Вот тут и вспомнил Георгий Михайлович о своем ординарце Я.П. Великом, человеке серьёзном и бережливом. Благодаря его трудам и заботам, сложилось отличное молочное хозяйство. На ялтинском рынке открыли киоск, в котором продавали молочные продукты высшего качества и превосходного вкуса, о чём свидетельствовали очереди, ежедневно выстраивавшиеся в ожидании свежего молока, сливок и творога из имения Харакс.

Еще в 1906 году Георгий Михайлович выкупил источник Хачамалар, переименованный в Михайловский. Его воды питали не только водопроводную систему имения, но и впоследствии ещё 40 объектов: Мисхорскую земскую больницу, Алупкинское татарское общество. Мисхорскую санаторию и другие. Плата была небольшой – 2 рубля за 1000 ведер. Позже Великий князь купил 6 десятин земли вокруг источника, на которых

Въезд в имение «Харакс»

разбили превосходный фруктовый сад. Ароматные, сочные яблоки и груши были столь хороши, что их с удовольствием покупали знаменитые на всю Россию Елисейские магазины.

В Хараксе часто принимали гостей: членов большой семьи Романовых, князей Юсуповых, князей Васильчиковых, а также чету художников-разночинцев Андрея и Веру Квитка. В 1909 году, когда все строительные работы были окончены, имение посетил Николай II, оставив в дневнике свои впечатления: «Всё красиво, просто, устроено со вкусом». С тех пор, отдыхая в Ливадии, Император любил бывать у Георгия Михайловича, часто приходил в сопровождении старших дочерей Ольги и Татьяны. После обеда устраивали развлечения: играли, гуляли по парку или просто беседовали. Великая княгиня Мария Георгиевна записала: «Император всегда говорил, что он любит приходить сюда, где он мог быть самим собой, и это было таким разнообразием в его привычном каждодневье. Эти встречи, где Государь молодел душой, всегда заканчивались за полночь».

Семь лет великокняжеская семья приезжала в южнобережное имение, отдыхая от столичного шума и суеты. В любимом Хараксе жизнь текла размеренно и спокойно, время проводили в любимых занятиях: гуляли, купались в море, рисовали. Пышная природа Крыма никого не оставляла равнодушным: Мария Георгиевна и юные княжны в акварелях запечатлели цветы, которыми был так богат Харакс, горные, морские пейзажи, уголки парка, Георгий Михайлович предпочитал создавать портретные рисунки в технике «пера и чернил». Однако семейная жизнь Георгия Михайловича и Марии

Николай II и Нина в саду

Георгиевны только казалась идиллической, отношения супругов оставались прохладно-уважительными, ни любви, ни сильного взаимного притяжения так и не возникло.

Наступил 1914 год, принесший много перемен как в судьбу страны, так и в судьбу семьи Великого князя. В тот год весна в Крыму выдалась на редкость ранней, уже в марте установилась тёплая погода, бело-розовой пеной покрылись деревья, а на газонах расцветали великолепные цветы. Од-

нако в начале лета все изнемогали от зноя, только ранним утром и вечером ветер с моря приносил долгожданную прохладу. Жару переносили с трудом все, но младшая княжна Ксения вдруг потеряла аппетит, похудела и ослабла. Встревоженные родители пригласили из Петербурга семейного доктора, который предложил срочно уехать в места с более прохладным климатом. Решили ехать в Англию, в курортный городок Херрогейт, где Мария Георгиевна уже не раз отдыхала с дочерьми. К тому же английская королева Александра всегда с большой радостью и тёплым гостеприимством принимала Великую княгиню, свою любимую племянницу.

Однако такая причина всему высшему свету показалась сомнительной, стали говорить, что Великая княгиня Мария Георгиевна воспользовалась нездоровьем дочери, чтобы проводить долгое время вдаль от собственного супруга. Сама же Великая княгиня в дневнике напишет, что не собиралась в то роковое лето покидать страну, поездка была вынужденной, ради того, чтобы поправилось здоровье Ксении, и вернуться они предполагали через три недели. Как бы там ни было, но 12 июля 1914 года вся семья отправилась пароходом в Одессу. Удалялся крымский берег, таяли в дымке его очертания, и ни Мария Георгиевна, ни юные княжны не могли предположить тогда, что расстанутся с Хараксом навсегда.

Поезд из Одессы доставил великокняжескую семью в Польшу, в Варшаве Георгий Михайлович попрощался с женой и дочерьми, надеясь увидеть их в скором времени окрепшими и отдохнувшими. Раздался последний гудок, повернулись колёса в клубах пара, и поезд медленно, как бы нехотя, тронулся. Георгий Михайлович помахал рукой, а сердце Нины вдруг пронзила острая боль, и страшная мысль родилась тотчас – они никогда больше не увидятся, она в последний раз видит отца, одиноко стоящего на перроне. Поезд набирал ход, и девушка отогнала нехорошие предчувствия. Да, политическая обстановка в мире напряжённая и так часто говорят о возможной войне между Германией и Россией, но в это трудно поверить: ведь Император Николай II и кай-

Георгий Михайлович
с дочерьми Ксенией и Ниной

зер Вильгельм – родственники. Всё будет хорошо, их ждёт Париж, а затем славный Херрогейт, и спустя три недели они вернутся в Харакс.

Спокойная жизнь курортного городка была прервана страшным известием: 1 августа Германия объявила России войну. Георгий Михайлович настаивал на немедленном возвращении семьи домой. Но сделать это оказалось непросто, в течение нескольких дней в военный конфликт были втянуты почти все европейские страны, приехать в Россию по железной дороге не представлялось возможным. Великую княгиню с дочерьми мог бы взять на борт британский военный транспорт, идущий в Россию, но для этого требовалось разрешение короля. Пока Мария Георгиевна получала согласие английского монарха, корабль ушёл, и был потоплен германской подводной лодкой. Ошеломлённая Великая княгиня увидела в этом милость Всевышнего, и Его же знак – оставаться в Англии. Георгий Михайлович согласился с супругой, что в разгар войны возвращаться в Россию – значило подвергаться большой опасности.

Вынужденная жить вдали от России, Мария Георгиевна не испытывала сильного одиночества, с Англией Романовых связывали тесные семейные узы. Королева Александра приходилась Великой княгине родной тётёй, её дети – кузенами. Да и в других европейских государствах родственников хватало. По отцу и оставленной родине скучали Княжны Императорской крови Нина и Ксения. Тоненькой ниточкой, связывавшей так внезапно разлучённую семью, стали письма.

Великая княгиня Мария Георгиевна, как и другие Романовы, не стала ждать окончания войны сложа руки. Собрав необходимые средства у родственников, друзей и местных жителей, она открыла в Херрогейте военный госпиталь для британских и канадских солдат и офицеров. Великая княгиня прошла начальные курсы медсестёр Красного Креста и успешно сдала экзамен. Всю войну Мария Георгиевна руководила госпиталями, за первым открылись ещё три небольших лазарета, и сама работала в них, вовлекая в благотворительную деятельность жителей Херрогейта. Не только удачно проведённые операции, лекарства и хорошее питание, но также искренняя забота, сочувствие и любовь помогали раненым быстро поправиться. И результат деятельности Великой княгини впечатляет: за пять лет только восемь человек умерли, а 1200 оправились от ран и ещё долго присылали благодарственные письма и даже слагали восторженные стихи. Великий князь Георгий Михайлович одобрял патриотическую деятельность супруги и помогал материально. А в 1919 году местная газета Херрогейта признала, что все жители города в долгу перед Марией Георгиевной: «Оценивая всё то, что было сделано ради облегчения страданий больных и раненых, все мы должны выразить огромную благодарность Великой княгине за её великие и благородные труды».

В декабре 1914 года Великий князь Георгий Михайлович прибыл в Ставку Верховного главнокомандующего, где занимал должность особо уполномоченного Императора. Он выезжал на различные участки театра

военных действий, составлял Императору донесения об общем положении на фронтах. Начальник дворцовой канцелярии генерал-лейтенант А.А. Мосолов считал: «...Георгий Михайлович не имел в семье никакого авторитета. Царь доверил ему обязанности посещать войска и вручать награды отличившимся». Суждение не совсем справедливое. Верно, что Великий князь не командовал полками, но, много времени проводя на передовой, мог судить о действительном положении дел и настроении войск и докладывал об этом Императору. Николай II знал: честному, порядочному Георгию Михайловичу он мог доверять. По словам протопресвитера отца Г.И. Шавельского, «из находившихся в Ставке Великих князей большей любовью и уважением пользовался Великий князь Георгий Михайлович, старший по возрасту, наиболее русский по душе, прямой и добрый человек».

В январе 1915 года Великий князь Георгий Михайлович стал членом Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. В марте 1915 года он был назначен шефом 4-го Кубанского пластунского батальона. За усердную службу удостоен ордена Св. Владимира I степени. В 1915-1916 годах по поручению Государя Георгий Михайлович отправился с особой миссией в Японию, выступившую в войне на стороне России против Германии.

Георгий Михайлович видел: политическая ситуация в России продолжает стремительно ухудшаться, правительственные круги старались всячески дискредитировать Думу в глазах общественности, депутаты также не упускали случая ответить правительству злобными выпадами и клеветой. И это в такое сложное время, когда стране так необходимо единство! Было совершенно ясно: государственные устои расшатаны, монархия доживала последние дни, а это грозило бедой всем Романовым. Общество сохраняло единство лишь в одном – в ненависти к Распутину и Царице, находившейся под его огромным влиянием. В ноябре Романовы, собравшиеся в Киеве на венчание Великой княгини Ольги Александровны с полковником Куликовским, провели большой семейный совет по поводу положения в стране. Все согласились с тем, что, если не предпринять самые решительные меры, Россию не удастся спасти от стремительно надвигавшейся катастрофы. Государь находится в ограниченном круге лиц, которые скрывают истинное положение дел, дезинформируют не только его, но и Императрицу Александру Фёдоровну. Для откровенного разговора с Царем в Ставку отправился самый старший из Михайловичей – Великий князь Николай, человек довольно прогрессивных взглядов, прямой и искренний. Он заранее подготовил письмо, на случай, если беседа не состоится: *«Неоднократно ты мне сказывал, что тебе некому верить, что тебя обманывают. Если это так, то же явление должно повторяться и с твоей супругой, горячо тебя любящей, но заблуждающейся благодаря злостному сплошному обману окружающих её людей. Ты веришь Александре Фёдоровне, оно и понятно, но что исходит из её уст – есть результат ловкой подтасовки, а не действительной правды. Если ты не властен отстранить от неё лживое, дурное*

влияние, то, по крайней мере, огради себя от постоянных вмешательств и нащёптываний через любимую тобой супругу.. Я долго колебался открыть всю истину, но после того, как твоя матушка и твои сёстры убедили меня это сделать, я решился. Ты находишься накануне эры новых волнений – скажу больше, эры покушений. Поверь мне: если я так напираю на твоё собственное освобождение от создавшихся оков... то только ради надежды и упования спасти тебя, твой престол и нашу дорогую Родину от самых тяжких и непоправимых последствий».

Разговор всё же состоялся, и, скорее всего, он был более эмоциональным, чем письмо, в котором автор высказывался резко, но всё же взвешивал и обдумывал каждое слово. Реакция оказалась вовсе не такой, какую ожидали Романовы: Государыня в гневе потребовала незамедлительной высылки Великого князя Николая Михайловича из Петербурга, а Государь не принял ничего.

Великий князь Георгий Михайлович разделял взгляды брата, Николая Михайловича: России насущно необходимы политические реформы, «которые нужно было вести поступательно, не спеша, при определённом мягком ограничении власти самодержца!». Об этом он написал Императору 11 ноября 1916 года: *«Милый Ники, если в течение ближайших двух недель не будет создано новое правительство, ответственное в своих действиях перед Государственной Думой, мы все погибнем...»*

Слова Великого князя Георгия Михайловича оказались пророческими. После отречения Императора Николая II от престола Георгий Михайлович вышел в отставку и уехал в Финляндию, надеясь добраться до Англии, где находилась его семья. Великая княгиня Мария Георгиевна испросила у английского правительства официальное разрешение на въезд Великого князя в страну – но получила твёрдый отказ. Узнав об этом, Георгий Михайлович с горечью написал жене: *«...многие годы Англия была убежищем для всех наших нигилистов и революционеров, никогда не соглашаясь выдворить их. Теперь же эта страна отказывает в гостеприимстве членам свергнутой династии Романовых. И это называется свободой!»*

В Финляндии Георгий Михайлович обратился к местному совету с просьбой выдать ему паспорт и разрешить выезд из страны. Разумеется, никакого паспорта ему не дали, а его самого в апреле 1918 года арестовали и привезли в Вологду, где уже находились брат Николай Михайлович, кузены Павел Александрович и Дмитрий Константинович. Сначала жилось вполне сносно, только постоянная тревога сжимала сердце. Георгий Михайлович тосковал о жене и дочерях: как они живут, удастся ли им встретиться когда-нибудь? С болью размышлял: как бессмысленно жесток этот новый мир, каждый день приходят вести о грабежах имений и дворцов, о расстрелах. Беспокоила и судьба бесценной коллекции Русского музея, вывезенной в Москву, – для сохранности или, ходят упорные слухи, для распродажи? Волнует вопрос: что ждёт их в будущем? И есть ли для них будущее?

20 июня 1918 года был убит Володарский, а спустя несколько дней прошёл слух: Николай II расстрелян. 1 июля Великих князей Романовых аре-

ставали и отправили в вологодскую тюрьму, а затем перевели в Петроград, на Гороховую, 2 – в местную ЧК, после – на ул. Шпалерную, 25, в Дом предварительного заключения. Одиночная камера – тесная комната длиной в шесть и шириной в два с половиной метра, с одним маленьким окном за решёткой. Железная кровать, стол, табуретка – всё привинчено к стене. В соседних камерах – Николай Михайлович, Павел Александрович, Дмитрий Константинович и двоюродный племянник Князь Императорской крови Гавриил Константинович. Разговоры запрещены, но по вечерам тюремные стражи оставляли двери открытыми, можно было выйти в коридор и немного побеседовать.

Невероятным чудом было то, что Георгию Михайловичу удавалось переписываться с семьёй. Письма передавались с верной оказией, помогали служащие японской миссии в Вологде, знавшие Георгия Михайловича со времён его официального визита в Японию, датский посланник Харальд Скавениус, просто знакомые и сочувствующие. В середине июля Великий князь писал жене из Вологодской тюрьмы: *«Мы находимся в тюрьме уже в течение четырнадцати дней, и самое страшное то, что нам до сих пор не предъявили никакого обвинения. Многие из охранников помнят меня с фронта, и мы разговариваем друг с другом очень вежливо. Их идеи довольно путаны и являются следствием социалистической пропаганды – той пропаганды, которая превратила их в стадо обманутых детей.*

Сегодня, в воскресный день, мы были в церкви, и нас поместили позади решётки, как зверей. По приказу Урицкого нас должны перевести в Петербург. Мы думаем, что нас отправляют отсюда для того, чтобы мы не попали в руки союзников. С другой стороны учитывая те ужасные новости об убийстве Верховного Царя, я не могу быть уверен в том, что они посадили нас в тюрьму как раз для этого, и мы по всей вероятности будем осуждены. Я, однако, не боюсь этого, потому что совесть моя чиста и с помощью Всевышнего я умру спокойно».

Мария Георгиевна, крайне озабоченная судьбой мужа, прилагает настойчивые усилия для освобождения невиновных Великих князей. Она обращается с просьбой о помощи к американскому президенту Вудро Вильсону, автору знаменитых «14 пунктов о мире», находившемуся в то время в Лондоне, – в ответ тишина. Великая княгиня пишет Папе Римскому, умоляет помочь несчастным узникам английское правительство. Всё бесполезно... Тем временем обстановка ухудшается, возможно, прервётся их переписка – тоненькая ниточка общения. В августе 1918 года Георгий Михайлович пишет: *«...Вчера был мой 55-й день рождения и, как ни странно, мой 55-й день тюремного заключения. Представьте мою радость, когда тюремная фельдшерница принесла мне целый пакет ваших писем – твоих и детей. Это согрело сердце и придало мне душевных сил... Но, увы, их у меня отберут, т. к. есть опасность, что об этом узнают...»*

И в России об освобождении Великих князей хлопотали многие. Члены Академии наук отправили обращение на имя Совнаркома с просьбой освободить из тюрьмы шестидесятилетнего Великого князя Николая Михайловича.

ча, являвшегося на протяжении многих лет председателем Императорского исторического общества. Их просьбу поддержал Горький. Ответом стала краткая резолюция: «Революции не нужны историки». Датский посланник Х. Скавениус принимает горячее участие в судьбе Великих князей по просьбе Императрицы Марии Фёдоровны и датской королевы Александрины, племянницы Георгия и Николая Михайловичей. В августе 1918 года он обратился к советскому правительству с требованием предоставления гарантий осуждённому Романовым. В течение осени посланник постоянно посещал арестованных князей, тайно обменивался письмами, при его участии в тюрьму еженедельно доставлялись для них продукты. Однако в Дании, как и в Англии, правительственные круги, да и члены Королевского Дома, были напуганы развитием событий в России. Когда в июле 1918 года в Дании стало известно об убийстве Царской семьи в Екатеринбурге, ни правительство, ни Датский Королевский Дом не сделали никаких официальных заявлений, а министр иностранных дел полагал, что события в России являются внутренним делом русских. Не было поддержки и со стороны Шведского и Норвежского Королевских Домов.

А тем временем в России разворачивается «красный террор», тучи над узниками Петропавловской крепости сгущаются. Харальд Скавениус понимает, что надо спешить, он вынашивает план побега Великих князей. Тюремную стражу, благожелательно относящуюся к Великим князьям, можно подкупить. Для этой цели Скавениус просит у Копенгагена 500 тысяч рублей, и 11 декабря 1918 года датский посол в Лондоне сообщил, что датская королев-

Великий князь
Николай Михайлович

ская чета готова предоставить необходимую сумму. У Великих князей появилась надежда, освобождение казалось близким. Но разрыв дипломатических отношений между Данией и Советской Россией после объявления правительствами Англии, Франции и США экономической блокады России нарушил все планы. В декабре 1918 года сердобольный Харальд Скавениус вынужден был срочно покинуть пределы России, так и не получив нужной для побега суммы. Для Великих князей это стало настоящей трагедией.

В январе 1919 года к хлопотам об освобождении узников подключаются Максим Горький и известный в Петрограде врач-терапевт И. Манухин, который даёт медицинское заключение о состоянии здоровья Великих князей (у Павла Александровича к тому времени обострился туберкулёз), отметив, что «все заключённые держались весьма достойно и спокойно, без нервозности

и излишней озабоченности своей судьбой». С этим медицинским освидетельствованием Горький отправляется к Ленину и добывается письменного разрешения об освобождении всех четырёх Великих князей. Однако уже в вагоне поезда, отправляющегося в Петроград, он развернет газету и обомлеть: на первой полосе, крупным шрифтом сообщалось о расстреле Великих князей Романовых. В их судьбу вмещался неумолимый рок в лице некоего Петерса, пославшего шифрованную телефонограмму: «Приказ об освобождении Великих князей подписан. Примите надлежащие меры».

Ночью 24 января 1919 года Великих князей подняли с постелей, приказав захватить с собой вещи. Николай Михайлович подумал, что их собираются освободить, и взял на руки котёнка, пушистого друга, помогавшего пережить тяготы заключения. Но Георгий Михайлович не разделял его надежд – если отпускают, то почему ночью, и зачем такое количество охраны. Нет, не свобода их ожидает... Но в этот последний час не было страха, душа наполнилась спокойствием и смирением. К такому повороту судьбы Георгий Михайлович уже давно был готов, об этом писал жене: *«Я более чем спокоен и ничто меня больше не тревожит. Бог помогает мне не терять мужества и после того шока, который я пережил в Хельсигфорсе, когда, включив свет, я увидел дуло револьвера у моей головы и штык, направленный прямо на меня, сердце моё спокойно.»*

Я твёрдо решил, что если мне суждено умереть, то смерть я хочу принять, глядя прямо ей в глаза, без всякой повязки на глазах, так как я хочу видеть оружие, которое будет направлено на меня. Я уверяю тебя, что если это должно случиться, и если на это есть воля Божья, то ничего в этом страшного нет».

Большая повозка с Великими князьями тихо покатила по Шпалерной улице, свернула на Троицкий мост, ведущий в Петропавловскую крепость. Их привели к Трубецкому бастиону, около которого уже была вырыта могила, несмотря на двадцатиградусный мороз, раздели, зачитали приговор...

С гибели Георгия Михайловича и еще трёх Великих князей семья узнает 4 февраля 1919 года*. Мария Георгиевна не захочет верить, оставляя надежду. Но вскоре пришло подтверждение от генерала Маннергейма из Финляндии, надежды на чудо не оправдались.

Великий князь Георгий Михайлович разделил горькую судьбу представителей Царствующего Дома Романовых, оставшихся в России. Но память о нём хранит созданный им Русский музей, труды по нумизматике и крымское имение Харакс. Оно станет последним прибежищем на крымской земле для вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны. В 1922 году в национализированном имении откроется элитный государственный санаторий, переименованный 1 января 1955 года в «Днепр».

Также Великий князь Георгий Михайлович останется в памяти своей семьи. Мария Георгиевна 12 декабря 1922 года вновь вышла замуж, утратив титул Великой княгини, но оставшись Греческой принцессой. Её вторым мужем стал вице-адмирал Греции Периклес Иоаннидис. Она оставила

подробные воспоминания, написанные в форме дневника, в которых о своём первом супруге отзывалась с теплотой и глубоким уважением. Умерла Мария Георгиевна 14 декабря 1940 года в Афинах.

Создадут свои семьи и Княжны Императорской крови. Первой выйдет замуж в 1921 году за Уильяма Б. Лидса, наследника американского миллионера, младшая дочь Ксения, не столько по любви, сколько сильно желая вырваться из-под довольно деспотичной материнской опеки. Её брак окажется недолгим, несмотря на рождение дочери Нэнси.

Семейная жизнь старшей дочери Нины окажется более удачной. Судьба порой преподносит такие неожиданные сюрпризы... Спасаясь из вихря революции, молодой грузинский князь, проплывая мимо ялтинских берегов, увидит красные крыши имения и узнает из случайно услышанного на палубе разговора о том, что здесь в прежние времена жила семья Великого князя Георгия Михайловича. А спустя несколько лет он встретит Нину Георгиевну, полюбит её и попросит стать его женой. В 1922 году состоится свадьба Нины и Павла Чавчавадзе, представителя древнего грузинского рода. И Нина Романова, названная, возможно, в память о первой любви отца, станет Ниной Чавчавадзе. Вот так судьба расставляет всё по своим местам.

Это будет прочный и счастливый брак. В 1924 году в семье родится единственный сын Давид, который в будущем станет автором подробных семейных мемуаров.

**Князю Гавриилу Константиновичу, единственному из всех узников Петропавловской крепости, удалось спастись благодаря активным хлопотам супруги Антонины Рафаиловны Романовой. Предпринимая отчаянные попытки спасти из тюрьмы больного мужа, она обратилась к председателю Петроградской чрезвычайной комиссии М. Урицкому.*

«Урицкий встретил меня на пороге, – вспоминала она. – Это был очень прилично одетый мужчина в крахмальном белье, небольшого роста с противным лицом и гнусавым, сдавленным голосом.

– Чем могу служить Вам, сударыня? – задал он мне вопрос.

Я вспомнила совет Н.И.Л-вой и, собрав всё своё спокойствие, сказала:

– Мой муж Гавриил Константинович в данное время лежит больной инфлуэнцией. Он страдает туберкулёзом, и я пришла заявить, что мой муж ни в коем случае никуда не может ехать, так как всякое передвижение грозит для него открытием туберкулёзного процесса, что подтверждают документы и принесённые мною свидетельства.

Он слушал молча, стоя передо мной и пытливо смотря мне в глаза.

– Сколько лет вашему мужу?

– Тридцать — ответила я.

– В таком случае его туберкулёз не опасен, – услышала я скрипящий голос Урицкого, – во всяком случае, я пришлю своих врачей и буду базироваться на их диагнозе. Больного я не вышлю; в этом он может быть спокойным, – сказал он, взяв докторские свидетельства и записав наш адрес.

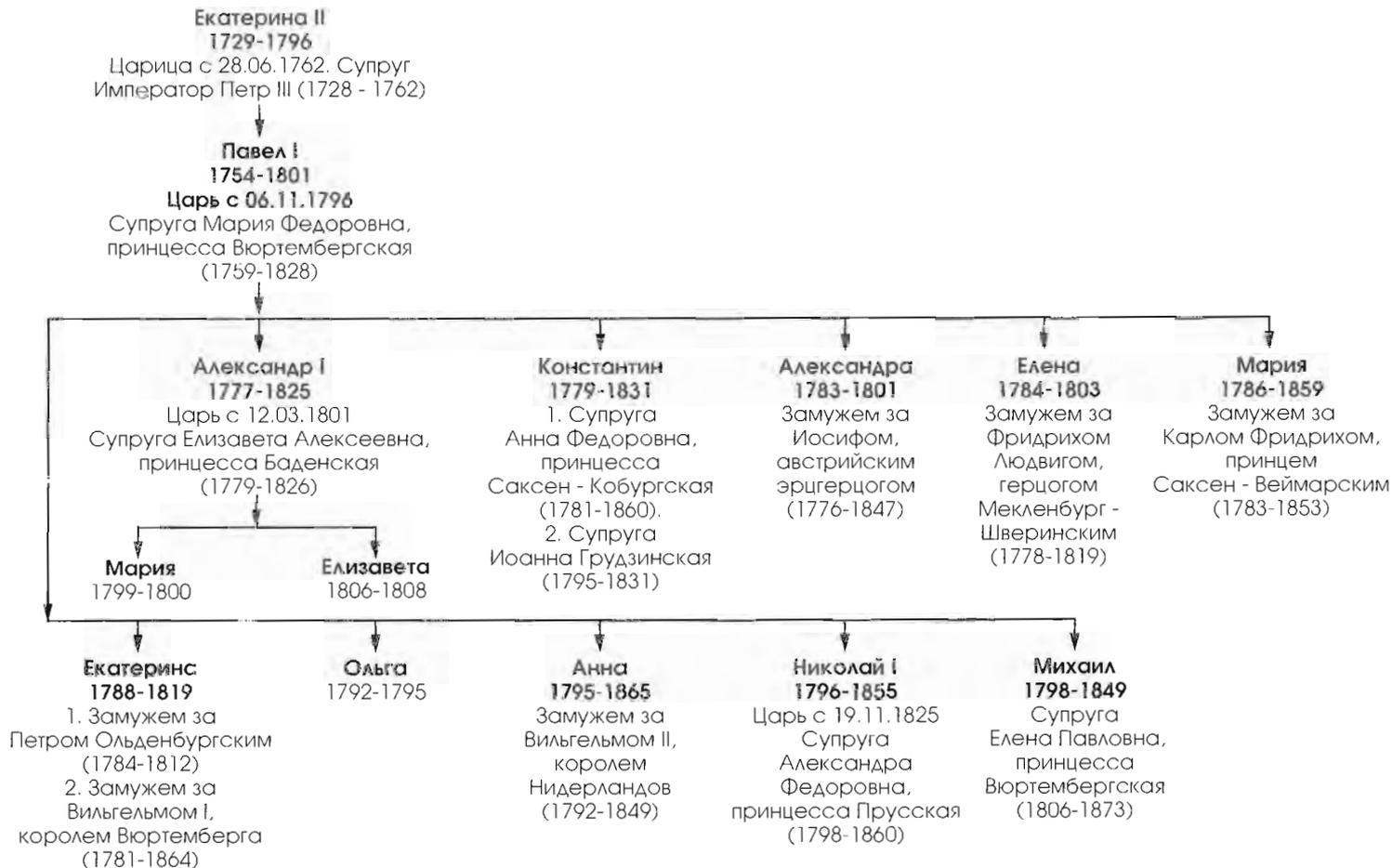
Я вышла от него окрылённая надеждой. В той же столовой меня ждали братья мужа. Рассказав им, как всё произошло, я увидела на их лицах радость за брата. Оказывается, Урицкий приказал им через неделю выехать...»

Тяжелобольного Гавриила перевели в больницу, откуда при помощи врача, лечившего Максима Горького, Нестеровская забрала мужа и переехала с ним в единственное безопасное во всем Петрограде место – на Кронверкский, в квартиру Горького и Андреевой. Впоследствии им удалось эмигрировать в Финляндию, затем супруги переехали во Францию и обосновались в Париже. Наделенный, как и его отец поэт К.Р., литературным талантом, князь Гавриил написал воспоминания «В Мраморном дворце».

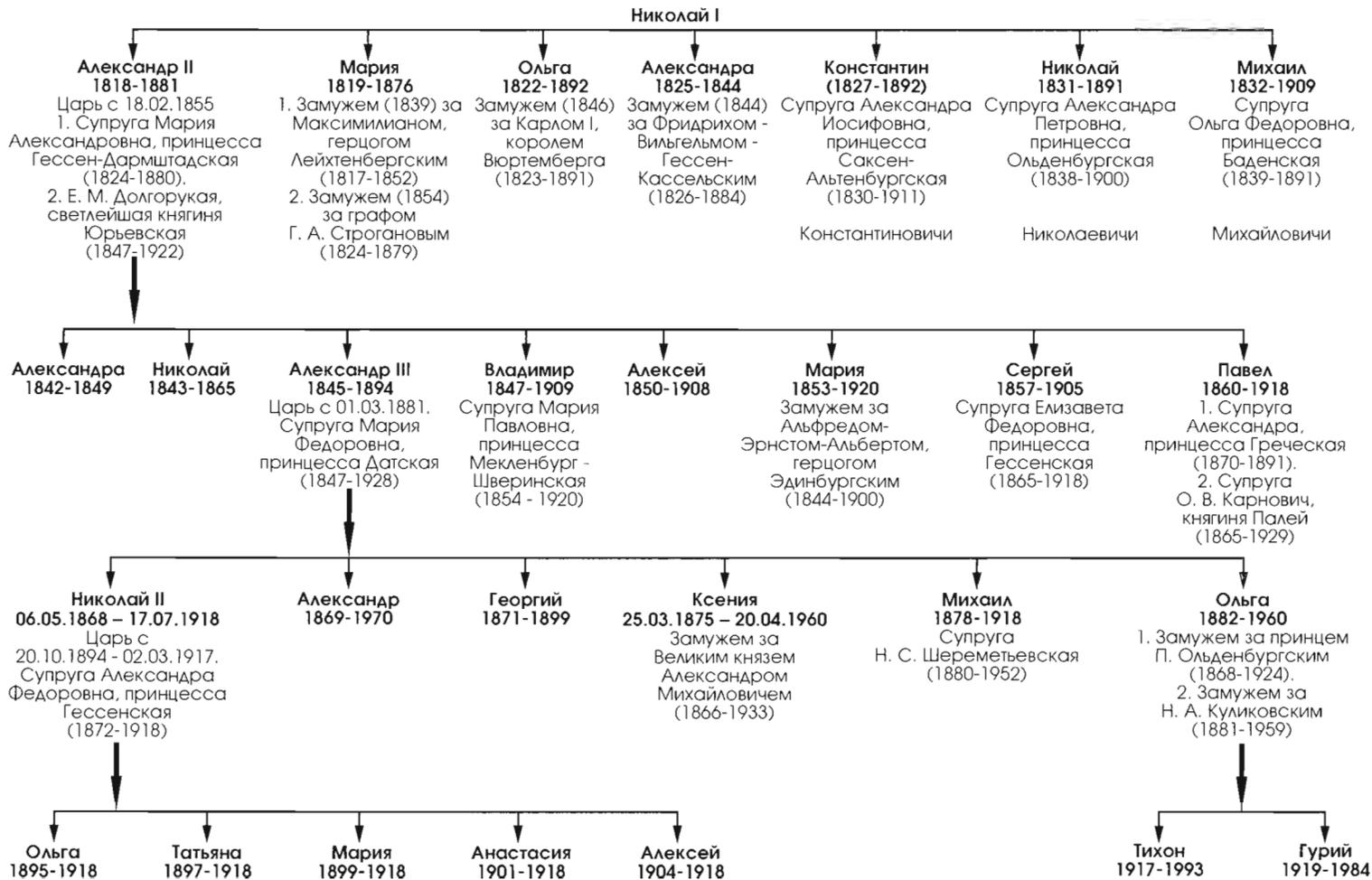
Умер князь Гавриил Константинович 28 февраля 1955 года в Париже и похоронен на знаменитом кладбище Сент-Женевьев-де-Буа.

ДОМ РОМАНОВЫХ

Генеалогическое древо от императрицы Екатерины

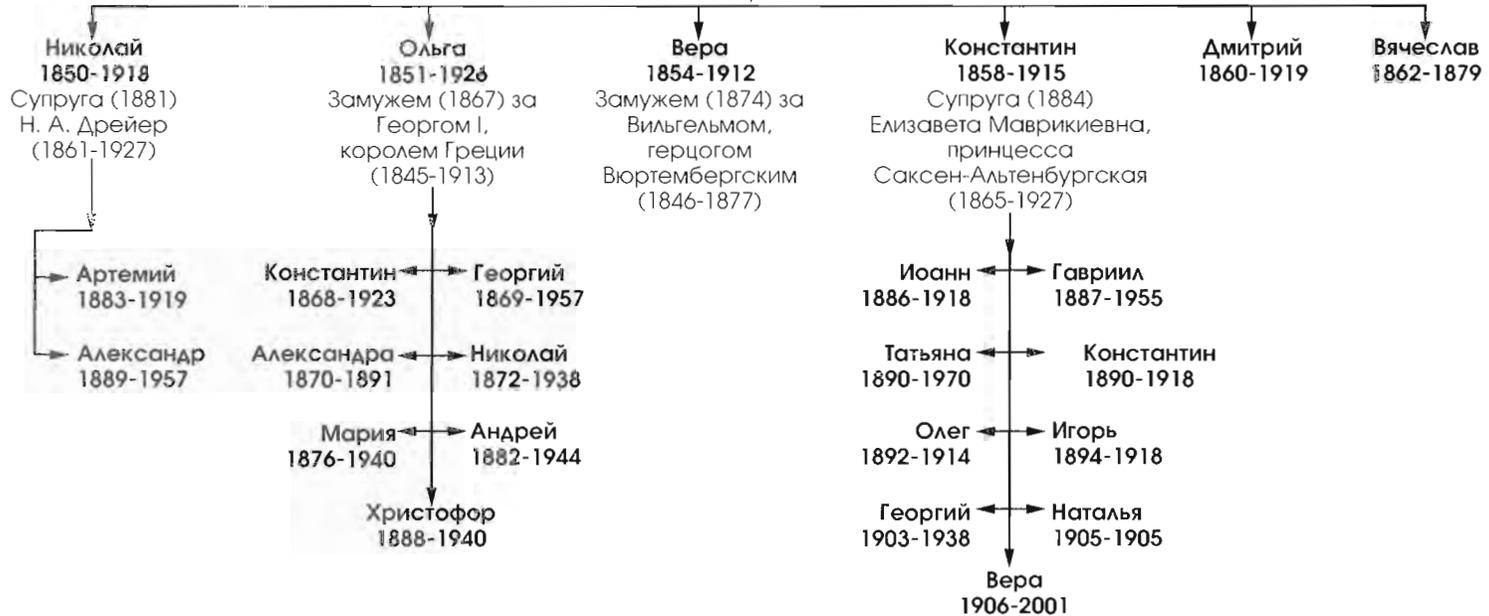
Генеалогическое древо от императора Николая I

КОНСТАНТИНОВИЧИ

Великий князь Константин Николаевич
09.09.1827 – 13.01.1892

Супруга (1848) Александра Иосифовна,
принцесса Саксен - Альтенбургская
(1830-1911)

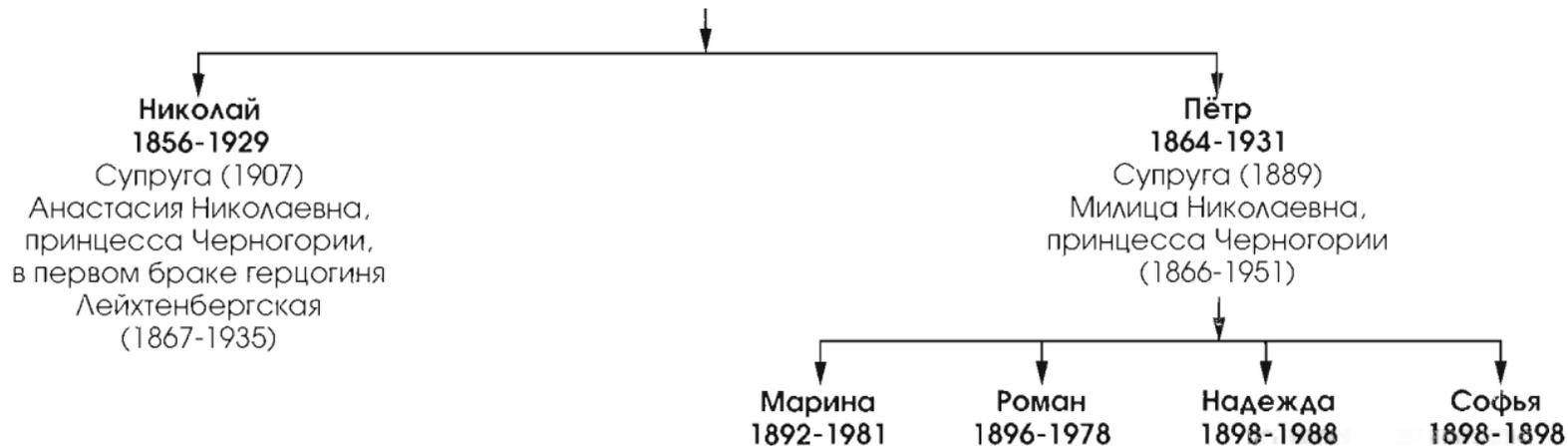

Николаевичи

Великий князь Николай Николаевич

27.07.1831 – 13.04.1891

Супруга (1856) Александра Петровна,
принцесса Ольденбургская
(1838-1900)

Михайловичи

Великий князь Михаил Николаевич

13.10.1832 – 05.12.1909

Супруга (1857) Ольга Федоровна,
принцесса Баденская
(1839-1891)

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Михайлович, Великий Князь. Книга воспоминаний. – М.: Вече, 2008.
2. Антонова Н.В. Хозяйка особняка на Английском проспекте, 18./ Интернет-журнал City walls.ru
3. Базанов С. Отличный главнокомандующий.//№ 48 газеты «История» Издательского дома «Первое сентября».
4. Балязин В.Н. Тайны дома Романовых. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.
5. Боханов А.Н. Император Александр III. – М.: Вече, 1998.
6. Боханов А.Н. Святая Царица. – М.: Вече, 2008.
7. Боханов А.Н. Сердечные тайны Дома Романовых. – М.: Вече, 2007.
8. Брагина Т., Васильева Н. Путешествие по дворянским имениям ЮБК. – Симферополь: Таврия, 2001.
9. Брагина Т., Васильева Н. Путешествие по дворянским имениям Крыма. – Симферополь: «Доля», 2008.
10. Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. – М.: АСТ, 2004.
11. Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым. Исторический вестник, 1885. Т. 21.
12. Гавриил Константинович, Великий князь. В Мраморном дворце. – М.: «Захаров», 2001.
13. Гурко В.И. Царь и царица. – М.: Вече, 2008.
14. Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. – М.: Вече, 2007.
15. Ден Ю.А. Подлинная царица. – М.: Вече, 2009.
16. Дневник Императрицы Марии Фёдоровны. – М.: Вагриус, 2006.
17. Земляниченко М., Калинин Н. В Ливадию, с докладами Николаю II// Крымский альбом 2003. – Феодосия; М.: Издательский дом «Коктебель», 2004.
18. Егорова О., Сотников М. Русская свеча княжны Татьяны./Общественная газета «Россия», № 10 от 22 марта 2007.
19. Йена Д. Потёмкин. Фаворит и фельдмаршал Екатерины II. – М.: АСТ: Астрель, 2007.
20. Калинин Н., Земляниченко М. Романовы и Крым. «У всех нас осталась тоска по Крыму...». – Симферополь: Бизнес-Информ, 2002.
21. Киселёва А. Крым в судьбе Великого князя Александра и Ксении Романовых.// Крымская ривьера, №4, 2003.
22. Кудрина Ю.В. Не было неизменнее и злее.../сайт: www.znanie-sila.ru
23. Лозбень Н., Пальчикова А. Ливадия. Очерк-путеводитель. – Симферополь: Сонат, 2007.
24. Ляшенко Л.М. Александр II, или История трёх одиночеств. – М.: Молодая гвардия, 2003.
25. Марков Е.Л. Очерки Крыма. – К.: Издательский дом «Стилос», 2006.
26. Макаренко С. Царственный отверженный, сиятельный вор: краткая история жизни страстей и забвения/ сайт:www. People`s Histori
27. Матонина Э. Е., Говорушко Э.Л. К. Р. – М.: Молодая гвардия, 2008.

28. Мосолов А.А. При дворе последнего царя. Воспоминания начальника дворцовой канцелярии. 1900-1916. М., 2006.
29. Нахапетов Б.А. Врачебные тайны дома Романовых. – М.: Вече, 2007.
30. Николай II в воспоминаниях и свидетельствах. – М.: Вече, 2008.
31. Пазин М.С. Запретные страсти великих князей. – СПб.: Питер, 2009.
32. Палеолог М. Александр Второй и княгиня Юрьевская. – М.: Алгоритм, 2007.
33. Пальчикова А.П. Массандра. Дворец. Парк. Усадьба. Очерк-путеводитель. – Симферополь, Сонат, 2003.
34. Писаренко К.А. Ошибка императрицы. – М.: Вече, 2008.
35. Пчёллов Е.В. История династии. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004.
36. Радзинский Э.С. Александр II: жизнь и смерть. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2007.
37. Радзинский Э.С. Николай II: жизнь и смерть. – М.: АСТ: АСТ Москва, 2007.
38. Рахматуллин М. Император Николай I и его царствование.//Наука и жизнь, №1, 2002.
39. Рожинцев А. Багрянородный Великий Князь Михаил Николаевич Романов/ сайт: otechestvo.ru
40. Сахаров А.Н. Александр I./ сайт: Histori.ru: История России.
41. Скотт С. Романовы. Биография династии. – М.: «Захаров», 2006.
42. Соболева И.А. Принцессы немецкие – судьбы русские. – СПб.: Питер, 2008.
43. Соловьёв Б.И. Генерал-фельдмаршалы России. – Ростов-на-Дону, «Феникс», 2000.
44. Стельмах И. По царскому велению... // Крымская ривьера, № 5(13), 2004.
45. Сукина Л.Б. «Золотое» столетие династии Романовых: Между империей и семьёй. – СПб.: Питер, 2008.
46. Тарле Е.В. Крымская война: в 2-х т. – М.-Л.: 1941-1944.
47. Тисдолл Э.П. Вдовствующая императрица. Триумфы и поражения. – СПб.: Издательский Дом «Нева», 2004.
48. Труайя А. Александр III. – М.: издательство Эксмо, 2006.
49. Тютчева А.Ф. При дворе трёх императоров. – М.: «Захаров», 2008.
50. Филимонов С. Цареубийство глазами современников./Крымское время, 07 августа, 2010.
51. Хорватова Е.В. Мария Фёдоровна. Судьба императрицы. – М.: АСТ-ПРЕСС СКД, 2006.
52. Цалик С.Н. Евпатория. Прогулки по Малому Иерусалиму. – Симферополь: Оригинал-М, 2007.
53. Цесаревич Алексей в воспоминаниях его учителей. – М.: «Захаров», 2006.
54. Чулков Г.И. Императоры: Психологические портреты. – М.: Худож. Лит., 1993.
55. Юсупов Ф. Князь Феликс Юсупов. – М.: «Захаров», 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

ЦАРИ ДИНАСТИИ РОМАНОВЫХ В КРЫМУ.....	3
ПУТЕШЕСТВИЕ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ В КРЫМ.....	4
ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I: «Я СКОРО ПЕРЕСЕЛЮСЬ В КРЫМ».....	39
ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ I: ВЛАДЕЛЕЦ ОРЕАНДЫ.....	63
ЛИВАДИЯ – ПОДАРОК ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II СУПРУГЕ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ.....	87
КРЫМ В СУДЬБЕ АЛЕКСАНДРА III И МАРИИ ФЕДОРОВНЫ.....	115
ИМПЕРАТОР НИКОЛАЙ II: «КАКАЯ БЛАГОДАТЬ БЫТЬ В КРЫМУ».....	147
ПРОСТОЕ СЧАСТЬЕ ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ.....	207
ВЕЛИКОКНЯЖЕСКИЕ СЕМЬИ В КРЫМУ.....	229
ВЕТЬ КОНСТАНТИНОВИЧЕЙ. СЛАВА И ЗАБВЕНИЕ ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА.....	230
ЦАРСТВЕННЫЙ ИЗГНАННИК ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ.....	267
РОЖДЕНИЕ ПОЭТА. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ.....	282
ДВОРЕЦ «КИЧКИНЭ» ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА.....	319
КОРОТКОЕ СЧАСТЬЕ КНЯЖНЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КРОВИ ТАТЬЯНЫ КОНСТАНТИНОВНЫ.....	331
ВЕТЬ НИКОЛАЕВИЧЕЙ. ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ-СТАРШИЙ.....	347
ВЕЛИКИЕ КНЯЗЬЯ НИКОЛАЙ И ПЕТР НИКОЛАЕВИЧИ, ХОЗЯЕВА ИМЕНИЙ ЧАИР И ДЮЛЬБЕР.....	361
ВЕТЬ МИХАЙЛОВИЧЕЙ. ИМЕНИЕ АЙ-ТОДОР ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА.....	383
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ – МОРЯК И ЛЕТЧИК.....	403

СОДЕРЖАНИЕ

479

ХАРАКС ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ГЕОРГИЯ МИХАЙЛОВИЧА.....443**ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДРЕВО СЕМЬИ РОМАНОВЫХ.....471**

Генеалогическое древо от императрицы Екатерины.....471

Генеалогическое древо от императора Николая II.....472

Константиновичи.....473

Николаевичи.....474

Михайловичи.....475

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....476**СОДЕРЖАНИЕ.....478**

Литературно-художественное издание

Е.М. Литвинова

ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ В КРЫМУ

Ответственный за выпуск – А.А. Руденко

Редактор – Е.М. Литвинова

Корректор – М.А. Филиппова

Дизайн и верстка – В.В. Руденко

Обработка фотографий – О.Г. Олейникова

Подписано в печать 11.05.2011.

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная

Тираж 3000 экз.

Заказ 185.

Издательская группа «Рубин»

тел. 050 324-14-15, 050 360-03-26

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ГП «Издательство и типография «Таврида».
95000, г. Симферополь, ул. Генерала Васильева, 44.
E-mail: marketing@tavridabook.com.ua

В 1783 году Екатерина II подписала «Манифест о присоединении полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под державу Российскую». С тех пор государи династии Романовых неустанно заботились об экономическом развитии и благоустройстве «полуденного края». Под их началом строились города, прокладывались дороги, создавался Черноморский флот, развивалось виноделие. С приобретения Царской семьёй в 1861 году Ливадии Южный берег Крыма стал развиваться как первоклассный всероссийский курорт. Великолепные дворцы и особняки, возведённые для членов Императорской фамилии, окружённые роскошными садами, являются уникальными памятниками дворцово-парковой архитектуры. Императоры и Великие князья любили отдыхать в Крыму, в окружении чарующей природы от столичной суеты и государственных дел. Для многих Романовых Крым оказался берегом прощания с Родиной и остался в их памяти «ярко сияющим символом счастья».

О Царях и Великих князьях, оставивших неизгладимый след не только в истории России, но и в жизни Крыма, рассказывает эта книга.

ISBN 966-96744-6-8

9 799669 674462 >